МЕЖДУНАРОДНЫЙ НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

ИСТОРИЧЕСКИЙ ФОРМАТ

№ 3-4 / 2018

THE INTERNATIONAL SCIENCE MAGAZINE

HISTORICAL FORMAT

№ 3-4 / 2018

МЕЖДУНАРОДНЫЙ НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

ИСТОРИЧЕСКИЙ ФОРМАТ

Основан в 2015 году

НАУЧНОЕ ИЗДАНИЕ

* * *

* * *

Email редакции: mail@histformat.com
Официальный сайт: http://histformat.com/

ISSN 2411-9415

THE INTERNATIONAL SCIENCE MAGAZINE

HISTORICAL FORMAT

Established in 2015

SCIENTIFIC PUBLICATION

* * *

* * *

Email: mail@histformat.com
Website: http://histformat.com/

ISSN 2411-9415

* * *

Международный научный журнал «Исторический формат» посвящён публикации результатов актуальных научных исследований по истории России и других стран мира. Журнал публикует оригинальные статьи с результатами научных исследований на русском, английском, французском и немецком языках, относящиеся к исторической тематике, а также сообщения о проводимых под эгидой или при участии журнала научных мероприятиях.

The international science magazine «Historical Format» is dedicated to the publication of the results of relevant scientific research on the history of Russia and other nations. The magazine publishes original articles in Russian, English, French and German, presenting the results of scientific research on historical themes, as well as notifications of research conducted under the umbrella of the magazine or with its direct participation.

Die internationale wissenschaftliche Zeitschrift «Historisches Format» veröffentlicht die aktuelle Ergebnisse der wissenschaftlichen Forschung der russischen Geschichte und der Geschichte der anderen Länder. Die Zeitschrift veröffentlicht Publikationen zu historischen Themen in russischer, englischer, französischer und deutscher Sprache, sowie die Berichte über die unter der Leitung oder mit Teilnahme der Zeitschrift verlaufenden wissenscahftlichen Veranstaltungen.

La Revue internationale scientifique «Format historique» est consacrée à la publication des résultats des recherches scientifiques actuelles sur l'histoire de la Russie et d'autres pays du monde. La Revue publie des articles originaux sur les résultats des recherches scientifiques en russe, anglais, français et allemand et aussi l’information sur des activités scientifiques organisées sous la tutelle de la Revue ou avec sa participation.

СОДЕРЖАНИЕ / CONTENTS

ОТ РЕДАКЦИИ

Уважаемые дамы и господа!

Встречайте новый номер международного научного журнала «Исторический формат» и извините за затянувшуюся паузу... Мы срочно наверстываем упущенное и возвращаемся в наш традиционный издательский план — один выпуск в квартал. Поэтому отложим долгие вступления, и сразу к делу…

Этот номер выдался объемным, даже притом, что это не обычное, а сдвоенное издание. В редакционом портфеле стало больше статей по «молекулярной истории» и новейшим ДНК-исследованиям, что, наверное, уже бросилось вам в глаза в содержании. Это хороший знак, потому что традиционная историческая наука остро нуждается в междисциплинарных исследованиях. Да и в целом будущее за работами на стыке наук, потому что только таким образом возможны перекрестные проверки и воспроизводимые научные результаты.

Другая тенденция, которая отчетливо формируется в последнее время, — это стремительное развитие (особенно, в западных странах) «частной науки». Именно частные компании сейчас направляют и ведут самые современные исследования: и по изучению генома и ДНК, и в космической отрасли, сфере робототехники и инноваций, и во внедрении последних научных изобретений. Сейчас часто на слуху американская компания SpaceX и Илон Маск — это и есть «частная наука». В области ДНК-исследований это американская компания Family Tree DNA и российская Академия ДНК-генеалогии. Да и наш журнал «Исторический формат» — это тоже «частная наука».

Можно снять кавычки с этого термина, ничего не изменится. В XXI веке на передний край выходит именно частная наука, которая нередко показывает себя более эффективной, нежели наука «академическая», которую загоняют в строгие бюрократические рамки управленцы, догматики и неповоротливые оргструктуры.

Возможно, это могло бы стать предметом отдельной статьи об актуальных трендах в научной жизни, но это излишне для краткого редакторского вступления. Поэтому всему свое время и место… А пока же приглашаю вас к увлекательному и полезному чтению…

Всеволод Меркулов,
кандидат исторических наук,
главный редактор

УДК 94(47).021

РЮРИКОВИЧИ: ДАННЫЕ Y-ДНК И ВОЗМОЖНЫЕ КОРНИ ПРАВЯЩЕГО РОДА ДРЕВНЕЙ РУСИ

И.Л. Рожанский
Академия ДНК-генеалогии (Цукуба, Япония)
e-mail: igorrozhanskii@gmail.com
Scopus Author ID: 6602811767
Researcher ID: M-8875-2018
http://orcid.org/0000-0002-7571-7626
SPIN-код: 9823-3659

Авторское резюме

По результатам анализа Y-ДНК документально подтвержденных представителей княжеского рода Рюриковичей было установлено, что они являются потомками 9 разных людей, не находившихся в родстве. Наиболее значительная по численности группа из 14 участников общедоступных ДНК-проектов принадлежит к ветви N1a-Y10931 и восходит к предку, жившему в VI–IX веках нашей эры. Исходя из филогении и современной географии гаплогруппы N, наиболее вероятным местом возникновения данной линии следует считать Северо-Запад России или Эстонию. Вопрос об историчности фигуры Рюрика и его принадлежности к линии N1a-Y10931 остается открытым. В статье также обсуждаются версии происхождения других линий, идентифицированных у Рюриковичей.

Ключевые слова: Рюриковичи, ДНК-генеалогия.

RURIKIDS: Y-DNA DATA AND PLAUSIBLE ROOTS OF THE RULING CLAN OF ANCIENT RUSSIA

Igor Rozhanskii
Academy of DNA-Genealogy (Tsukuba, Japan)
e-mail: igorrozhanskii@gmail.com

Abstract

Analysis of Y-DNA data for documented princes of the Rurik dynasty reveals that they descend from 9 unrelated men. The most numerous group of 14 participants of public DNA-projects belongs to subclade N1a-Y10931. The most recent common ancestor of this group lived in 6th–9th century of the Common Era. Considering phylogeny and modern geographical distribution of haplogroup N, the most probable origin of this lineage is believed to be Northwestern Russia or Estonia. A problem of real existence of Rurik and his relation to subclade N1a-Y10931 still remains an unresolved issue. Origins of other lines within Rurik dynasty are also discussed.

Keywords: Rurikids, DNA Genealogy.

* * *

ВВЕДЕНИЕ

Летописный рассказ о призвании варягов на княжение в Новгород традиционно считается первым надежным упоминанием о существовании государственности у восточных славян, а его дата, 862 год, отмечается как год основания Руси. Трактовки событий, отображенных в коротком сообщении из «Повести временных лет», по сей день остаются предметом горячих дебатов, в которых точки зрения историков колеблются от признания их легендой до ссылок на реальные имена и национальность предводителей варяжской дружины — Рюрика, Синеуса и Трувора.

Как первая, так и вторая точки зрения, в свою очередь, делятся на конфликтующие версии относительно роли в этих событиях выходцев из Скандинавии, известных в западной историографии как викинги или норманны. Значительный вклад в изучение проблемы внесла генеалогия. Согласно летописям, правящие династии Киевского и большинства удельных княжеств Киевской Руси возводили свой род к полулегендарному Рюрику. Основное внимание исследователи уделили анализу княжеских имен и их сопоставлению с именами и событиями, известными из скандинавских, западноевропейских, византийских и прочих источников той же эпохи.

Наиболее известны две гипотезы. Первая, более ранняя, исходила из того, что Рюрик и его дружина были полабскими славянами, сформовавшими в IX веке мощную в военном отношении конфедерацию княжеств между Эльбой и Одером (Герберштейн 1557, Chemnitz 1740). Вторая, впервые сформулированная в 1730-е годы востоковедом Г.З. Байером, представляла их как выходцев из Швеции или Дании (Байер 1767, Мельникова 2000). Ни одна из гипотез, однако, не может считаться убедительной, поскольку в генеалогических данных отсутствует главное звено — доказанная преемственность рода Рюриковичей и какой-либо из линий за пределами России, равно как и внутри ее.

Современный подход к решению подобных генеалогических проблем был впервые предложен в 1999 году историком-любителем — профессором химического факультета Университета штата Иллинойс Дугласом Макдональдом[1]. В круг его интересов, помимо профессиональных, входила история шотландского клана Дональд. Он первым осознал потенциал, который предоставляют для классической генеалогии данные Y-ДНК. Организованный профессором Макдональдом ДНК-проект своего клана быстро пополнился участниками, и за короткое время удалось идентифицировать основную генеалогическую линию рода, а также выяснить, что его основатель, правитель Гебридских островов Сомерлед (англ. Somerled, гэльск. Somairle), по-видимому, имел норвежские корни, как 8–10% современных

[1] https://chemistry.illinois.edu/jdmcdona

шотландцев. Успех проекта клана Дональд вдохновил энтузиастов к созданию фамильных ДНК-проектов, преимущественно среди потомков иммигрантов, утративших сведения о своих предках в Старом Свете. Представители древних аристократических родов поначалу с недоверием отнеслись к новому методу, но постепенно также организовали свои проекты. Первый из Рюриковичей сдал тест на Y-ДНК в 2005 году, через некоторое время за ним последовали другие.

Прежде, чем приступить к анализу ДНК Рюриковичей, следует кратко остановиться на особенностях их документальной генеалогии. К началу XV века род сильно разросся и, как следствие, оказался раздроблен на большое число линий, происхождение которых, как правило, основывалось на устной традиции. Удельные княжества, которыми управляли представители династии, сократились, за редкими исключениями, до крохотных размеров, а социальный и имущественный статус князей стал целиком зависеть от их продвижения по службе в государственном аппарате Великого Московского и Великого Литовского княжеств. К концу XVII века составители т.н. «Бархатной книги» включили в нее не менее 230 княжеских фамилий рода Рюриковичей, не считая многочисленных линий, утративших титул (Бархатная книга, гл. 1,2, 5–12, 21–23, 31, 34–37).

Перед генеалогами, назначенными царем Федором Алексеевичем, стояла нелегкая задача увязать воедино все рода, большинство из которых располагало документальными родословными не ранее, чем с XV века, когда сформировалась система местничества и начали составляться Разрядные книги, где, среди прочего, записывали имена, фамилии, должности и места службы бояр и дворян. Согласно первой главе «Бархатной книги», род Рюриковичей было бы правильнее называть Владимировичами, потому что все его линии составители возвели к сыновьям великого киевского князя Владимира Святославича (ок. 960–1015): Изяславу (полоцкая ветвь) и Ярославу (все остальные). Данные о более ранних ветвях, восходящих к Рюрику, Игорю Рюриковичу и Святославу Игоревичу, в генеалогических источниках XVII века отсутствуют, а косвенные свидетельства об их существовании в более ранних документах весьма спекулятивны. Насколько удачной у генеалогов Нового Времени получилась реконструкция недостающих звеньев, можно заключить из предлагаемого ниже исследования.

РЕЗУЛЬТАТЫ

В течение 2005–2012 гг. в компании Family Tree DNA были выполнены тесты Y-ДНК для 23 представителей русского и польского дворянства, имевших документально подтвержденные свидетельства о принадлежности к разным ветвям Рюриковичей. Большая часть тестируемых (12 из 23) возводила свои родословные к Владимиру Всеволодовичу Мономаху (1053–1125), вторая по численности группа (7 участников) — к его двоюродному брату Олегу Святославичу Черниговскому (ок. 1053–1115). Трое участников считаются потомками других ветвей Рюриковичей, восходящих к Ярославу Владимировичу Мудрому (ок. 978–1054) а для одного

(Пузына) генеалогические источники дают противоречивую информацию. Их данные были опубликованы на общедоступных проектах Russian Nobility[1] и Rurikid Dynasty[2]. Администраторы проектов добавили к их списку т.н. «генетических» Рюриковичей, не имевших документальных данных о принадлежности к этому роду, но с подтвержденным снипом Y10931, характеризующим его основную линию (см. ниже). Данные по подтвержденным и «генетическим» Рюриковичам приведены ниже в хронологическом порядке прохождения тестов (табл. 1).

Таблица 1. Генеалогические и ДНК-генеалогические данные представителей рода Рюриковичей

Дата теста	Линия	Фамилия	SNP	Категория
2005	Мономашичи, Стародубская	Гагарин	M178	N1a-Y10931
2007	Мономашичи, Суздальская	Шуйский	P278	R1a-YP340
2007	Не установлена	Пузына	VL15	N1a-Y10931
2007	Ольговичи, Черниговская	Оболенский		R1a-L260
2007	Ольговичи, Черниговская	Волконский	L260	R1a-L260
2008	Мономашичи, Смоленская	Ржевский	Y10931	N1a-Y10931
2008	Турово-Пинская	Святополк-Четвертинский	Y13498	I2a-Y3120
2009	"Генетический" Рюрикович	Р. (Румыния)	VL15	N1a-Y10931
2009	Друцкая	Путятин	VL11	N1a-Y10931
2009	Мономашичи, Белозерская	Вадбольский		N1a-Y10931
2009	Мономашичи, Белозерская	Шелешпанский	BY21926	N1a-Z16981
2009	Мономашичи, Смоленская	Кропоткин		N1a-Y10931
2009	Мономашичи, Стародубская	Хилков		N1a-Y10931
2009	Ольговичи, Черниговская	Мышецкий		N1a–VL29(?)
2009	Ольговичи, Черниговская	Волконский		R1a-L260
2009	Ольговичи, Черниговская	Волконский		N1a-Y4338
2010	Друцкая	Друцкой-Соколинский	CTS3402	R1a-Y2609
2010	Мономашичи, Белозерская	Белосельский-Белозерский		R1a-YP569
2010	Мономашичи, Смоленская	Карпов		R1a-YP569
2010	Ольговичи, Черниговская	Массальский	VL15	N1a-Y10931
2011	"Генетический" Рюрикович	Корибут-Воронецкий	Y10931	N1a-Y10931
2011	Мономашичи, Ярославская	Шаховской	VL12	N1a-Y10931

[1] https://www.familytreedna.com/groups/russian-nobility-dna/about/background
[2] https://www.familytreedna.com/groups/rurikid/about/background

2011	Ольговичи, Черниговская	Барятинский		R1a-L260
2012	Мономашичи, Ростовская	Лобанов-Ростовский	VL11	N1a-Y10931
2012	Мономашичи, Смоленская	Татищев	Y29761	N1a-Y10931
2015	«Генетический» Рюрикович	К. (Забайкалье)	Y10931	N1a-Y10931

В колонке SNP отмечены снипы, определявшиеся в лаборатории FTDNA, в колонке «категория» — отнесение по результатам анализа гаплотипов.

Для наглядности, данные из табл. 1 представлены в виде дерева гаплотипов (Рис. 1).

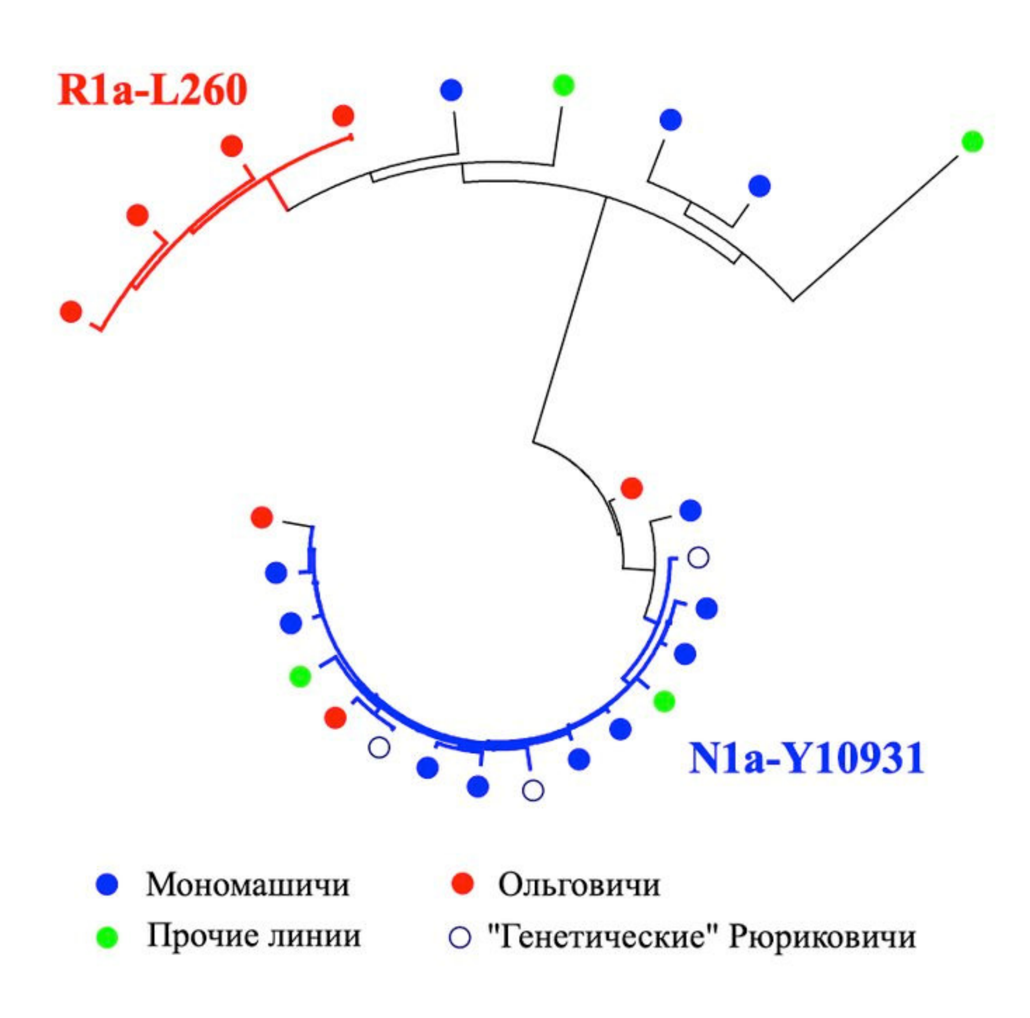

Рис. 1. Дерево, рассчитанное для 26 участников проектов Russian Nobility и Rurikid Dynasty. Основные линии выделены цветом и подписаны номерами снипов.

Расчет показал, что родословные 23 участников из рода Рюриковичей расходятся на 9 не связанных между собой линий из гаплогрупп N1a, R1a и I2a, из которых 7 насчитывает по одному представителю. Наиболее значительная по численности группа состоит из 11 документированных и 3 «генетических»

Рюриковичей, что дает основание считать ее главной генеалогической линией рода.

По данным тестов BigY для нее установлена последовательность снипов M178 > F1419 > L708 > M2005 > L1026 > CTS10760 > VL29 > S23232 > L550 > Y4341 > Y4338 > Y4339 > Y10933 > Y10931. Были также идентифицированы снипы, нисходящие от Y10931 и характеризующие отдельные ветви внутри группы, а именно VL11, VL12, VL14, VL15, VL16, VL17, VL18 и Y29761. Схема ветви, размещенная на портале YFull, приведена ниже (рис. 2).

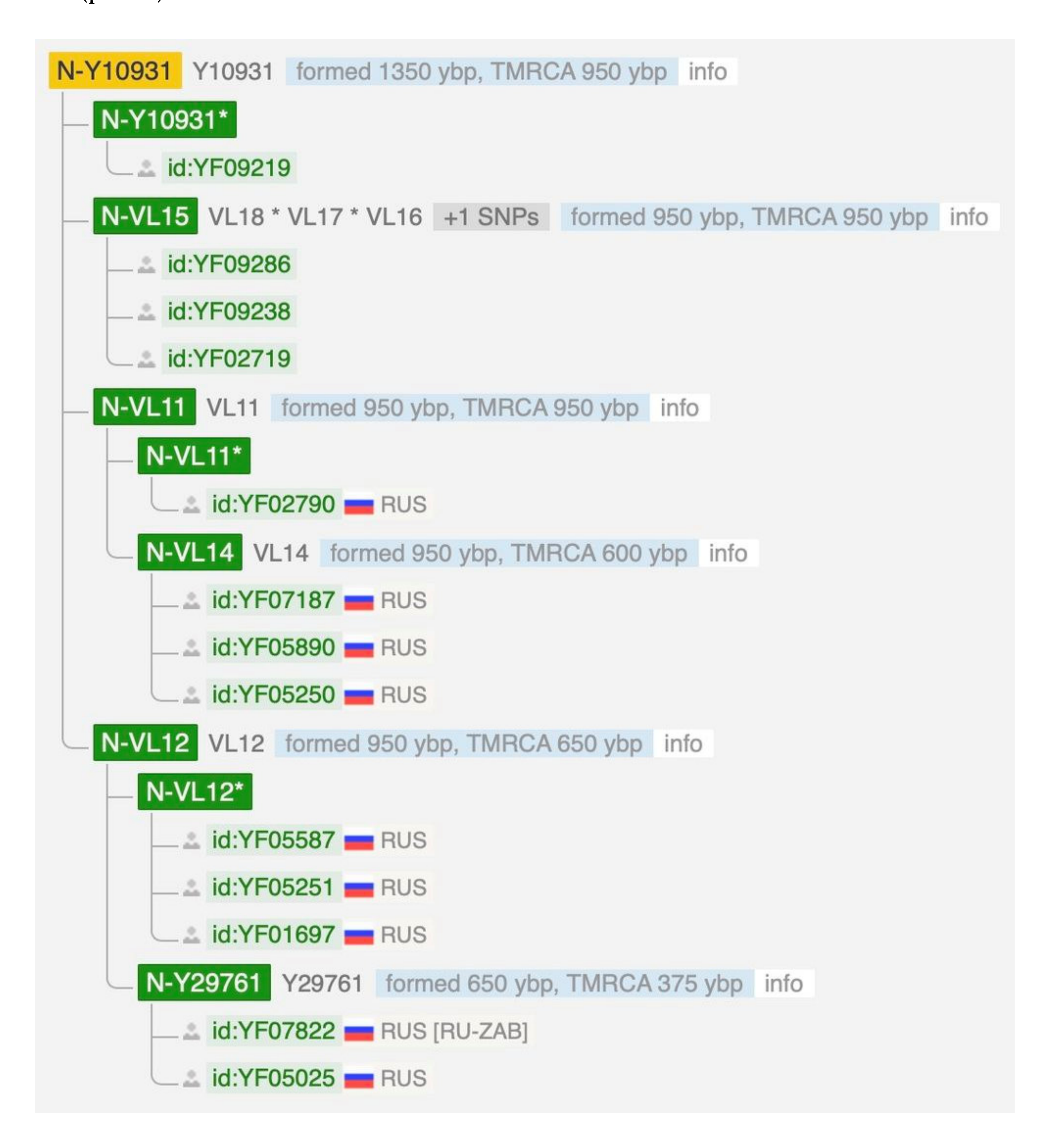

Рис. 2. Дерево субклада N1a-Y10931, рассчитанное по снипам для 13 участников, версия YTree v7.00.05 (https://www.yfull.com/tree/N-Y10931/).

Для каждого представителя этой группы были определены персональные снипы, отделяющие его от узла, маркируемого Y10931. Их число варьировало от 2 до 9, что сказалось на значительной (±25%) погрешности для рассчитанной по ним датировке общего предка — между 800 и 1300 годами н.э. Поскольку 8 из 14 обладателей снипа Y10931 представляют различные линии Мономашичей, а среднее значение датировки (1050 год) сближается с годом рождения Владимира Мономаха, эту ветвь на Интернет-ресурсах стали называть родом «Мономашичей». Однако имеющиеся данные не позволяют установить, был ли в действительности Владимир Мономах самым недавним предком всех 14 участников, поскольку оценки времени жизни «ДНК-Мономаха» охватывают период в 5 столетий, а данные документальной генеалогии дают противоречивую информацию. Например, род Корибут-Воронецких традиционно считается одной из ветвей Гедиминовичей — литовской по происхождению династии, сыгравшей значительную роль в истории Литвы, Белоруссии, Польши и России. Для того чтобы привлечь ДНК-генеалогию Рюриковичей в качестве научного аргумента, необходимо уточнить датировку до приемлемого уровня.

Такую возможность предоставляет расчет по STR маркерам в гаплотипах. Имеющийся в наличии список из 14 гаплотипов в 111–маркерном формате позволяет сузить коридор погрешностей с ±25 до ±13 % при условии, что гаплотипы формируют однородную группу без молодых подветвей из близких родственников и далеко отстоящих одиночных участников. Надежность метода можно проиллюстрировать не примере фамильных проектов, где при расчете датировок по 111–маркерным гаплотипам использовалась ранее установленная константа скорости 0,00198 мутаций на маркер на условное поколение (25 лет) (Rozhanskii 2011).

Таблица 2. Данные фамильных проектов FTDNA для участников с гаплотипами в 111–маркерном формате

Гаплогруппа	Число гаплотипов	Предок	Место рождения	Даты жизни	Расчетное время
R1a-YP360	26	Robert Tucker	США	р. ~ 1652	1750±40
J1–CTS1460	24	Humphrey Davenport	Англия	р. ~ 1600	1525±70
N-Y18429	5	Jakob Kaas	Финляндия	у. 1520/30	1550±120
R1b-FGC23083	13	Freskin de Moravia	Бельгия (?) Шотландия	после 1100 — до 1171	1100±130
R1a-YP326	18	Somerled	Шотландия	у. 1164	1200±100
J1–L859	53	Шейба ибн Хашим	Саудовская Аравия	~497 — 578	500±160

Расчеты дали для участников всех 6 проектов датировки предков, совпавшие с документированными в пределах 100 лет, что свидетельствует как о надежности калибровки, так и об однородности групп, взятых в качестве эталона. Результаты воспроизводятся вне зависимости от гаплогрупп, национальности и исторического контекста. Последние 3 проекта (клан Дуглас, клан Дональд и род Бану Хашим) представляют особый интерес, как ввиду близости датировок к «Мономашичам», так и тем, что в их состав, наряду с документированными потомками родоначальников, входят участники, отнесенные по результатам анализа гаплотипов. Несмотря на отсутствие документальных подтверждений для «генетических» Дугласов, Дональдов и Хашимитов, данные SNP-филогении и однородная структура этих групп дают основание считать, что они действительно восходят к заявленным предкам. Как следует из рассчитанного для «Мономашичей» дерева (рис. 3), ветвь Y10931 имеет такую же однородную структуру, а потому расчет должен дать для нее датировку с той же точностью, как в случае эталонных линий.

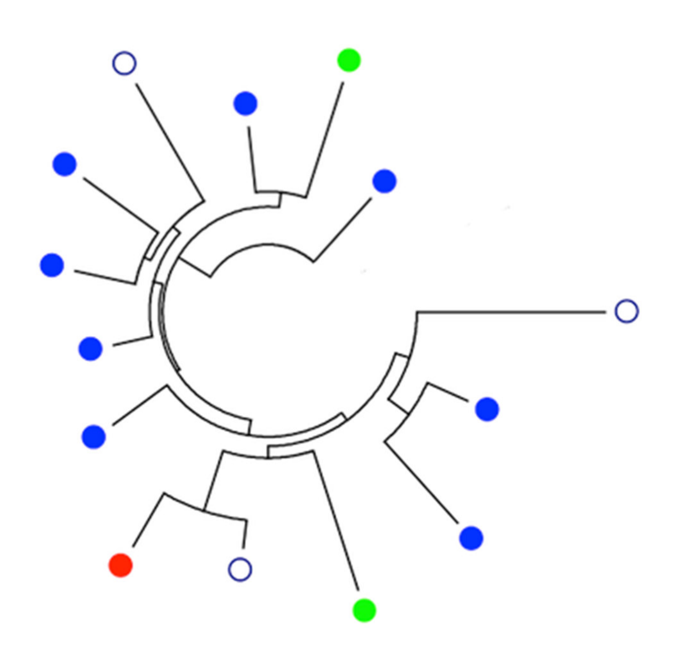

Рис. 3. Дерево субклада N1a-Y10931, рассчитанное по 111–маркерным гаплотипам для 14 участников с проектов Russian Nobility и Rurikid Dynasty

Для ветви Y10931 был рассчитан следующий базовый гаплотип:

14 23 14 11 11–13 11 12 10 14 14 30 18 9–9 11 12 25 14 19 28 14–14–15–15 11 11 18–20 14 15 16 19 34–34 15 10 11 8 15–18 8 8 10 8 11 10 12 20–22 14 10 12 12 18 7 13 21 21 16 12 11 10 11 11 12 11 38 16 8 15 12 24 27 19 12 13 11 12 14 9 11 12 10 10 12 32 12 12 21 18 11 9 22 15 21 12 22 13 12 14 26 12 21 18 11 13 16 8 11 11

Суммарное число мутаций для 14 участников составило 127, что при расчете по формуле Адамова-Клесова (Адамов 2008) дало время жизни «ДНК-Мономаха»,

равное **725±175** году н.э. В интервале погрешностей (550–900 гг.) эта датировка перекрывается с рассчитанной на портале YFull (800–1300 гг.), но ее среднее значение оказывается на 300 лет более ранним. Принимая во внимание высокую точность расчета по 111–маркерным гаплотипам (см. табл. 2), промежуток времени **между 550 и 900 годами** следует считать наиболее вероятным для времени жизни самого недавнего общего предка 14 представителей ветви Y10931.

Помимо основной линии, у участников проекта была идентифицирована группа из четырех представителей линии Ольговичей, принадлежащая к субкладу R1a-L260 (западнославянская ветвь). Опубликованы три 67–маркерных и один 37–маркерных гаплотип, которые сходятся к следующему базовому:

13 25 17 10 10–14 12 12 11 13 11 30 16 9–10 11 11 23 14 21 33 12–15–15–16 11 11 19–23 17 16 18 19 34–41 14 11 11 8 17–17 8 12 10 8 12 10 12–22 22 15 10 12 12 13 8 13 25 21 12 12 11 13 12 11 12 11

В силу намного меньшего размера выборки (суммарно 238 маркеров против 1554 для ветви Y10931), расчет дал время жизни предка с большим разбросом — от 650 до 1250 года. Уменьшить погрешность с ±30% до ±20% возможно, если использовать 111–маркерные гаплотипы тех же участников, но, поскольку эта линия не привлекла внимания администраторов проектов, соответствующие тесты так и не были выполнены.

ОБСУЖДЕНИЕ РЕЗУЛЬТАТОВ

Сдвиг времени жизни предка «Мономашичей» от постулируемого для нее XI века к VI–IX векам, с одной стороны, подтверждает древность этого рода, восходящего к самому раннему периоду русской государственности, а с другой — находится в противоречии с летописными сведениями, согласно которым род Рюрика начал расходится на ветви только в конце X века. Из данных анализа Y-ДНК следует, что ко времени составления первого дошедшего до нас русско-византийского договора 911 года род Рюриковичей, очевидно, был уже довольно многочисленным, а не состоял из одного князя Игоря Рюриковича, имя которого впервые упоминается в византийских источниках не ранее 941 года.

Исследователи «Повести Временных Лет» неоднократно поднимали вопрос о надежности ее хронологии в отношении периода до крещения Руси. Сейчас считается доказанным, что даты для этого этапа были внесены в летопись «задним числом», причем авторы руководствовались хронологией известных им (в первую очередь, византийских) источников для привязки к ним событий древнерусской истории (Данилевский 2004, гл. 4). Очевидно, то же самое можно сказать о генеалогии первых (как минимум) поколений древнерусских князей. О ее явных натяжках и пропусках можно судить, например, по фактам из жизни князя Игоря Рюриковича, в возрасте 60 с лишним лет лично возглавившего поход на

Константинополь, затем на древлян, а в промежутке между ними ставшего отцом своего первенца Святослава. Столь высокая активность в преклонном, по меркам Средневековья, возрасте заставляет задуматься о реальной дате его рождения, а также о степени родства с Рюриком. Ситуация осложняется тем, что на сегодняшний день отсутствуют данные, принадлежал ли князь Игорь и его ближайшие потомки к ветви N1a-Y10931.

Попытка украинских генетиков провести анализ ДНК Ярослава Мудрого закончилась неудачей из-за пропажи его останков[1], а Рюриковичей, похороненных в России (в частности, в Успенском соборе Кремля), до сих пор не исследовали на этот предмет. Популярная версия о норвежском короле Олафе Святом как биологическом отце Всеволода Ярославича (отца Владимира Мономаха) и предке линии «Мономашичей» (Барабанов 2015), не поддается проверке в первой своей части (о внебрачной связи княгини Ингигерды) и не подтверждается во второй (о роде «Мономашичей»). Герои саг о любви норвежца Олафа и шведки Ингигерды жили на несколько столетий позже того, как родился их гипотетический сын. Таким образом, вопрос о тождестве предка ветви N1a-Y10931 и летописного Рюрика остается открытым.

Вне зависимости от реального имени предка «Мономашичей», наиболее острым остается вопрос о его происхождении. Начиная с первого же анализа 2005 года, возникла версия о его скандинавских корнях, что нашло отражение на проекте Rurikid Dynasty, где ветвь N1a-Y10931 именуется варяжской. Основанием к этому послужило сходство гаплотипов «Мономашичей» и современных шведов из исторической области Руслаген (швед. Roslagen) (рис. 4), а затем данные филогении гаплогруппы N. На портале YFull ближайшая к «Мономашичам» ветвь Y85136 представлена двумя шведами из лена Упсала, граничащего с Руслагеном. Время жизни общего предка шведов из ветви Y85136 и «Мономашичей» оценивается в широком интервале от 150 до 1050 гг. н.э. Вышестоящая по иерархии ветвь Y4339[2], представленная на схеме в основном шведами и финнами, сходится к предку, жившему между 100 г. до н.э. и 500 г. н.э. Снип Y4339 был идентифицирован в захоронении X–XII веков (образец ERS2540883) из города Сигтуна в 37 км к северо-востоку от Стокгольма (Krzewińska 2018). Согласно результатам анализа на изотопы стронция, этот человек, обозначенный в оригинальной статье как 84001, не был местным уроженцем. Предполагается, что он прибыл в Сигтуну из какой-то другой части Скандинавии.

Если исходить из современной статистики ветви N1a-Y4339 и находки ископаемой ДНК в средневековой Швеции, версия о шведском происхождении «Мономашичей» выглядит самоочевидной. Однако самоочевидность пропадает, если сопоставить датировки. Время расхождения ветви N1a-Y10931 с другими линиями N1a-Y4339 (первая половина первого тысячелетия н.э.) приходится на

---

[1] https://fakty.ua/130926–v-sarkofage-yaroslava-mudrogo-pokoilis-ostankI–dvuh-zhencshin
[2] https://www.yfull.com/tree/N-Y4339/

эпоху, когда начался быстрый рост населения, жившего у берегов Финского и Ботнического заливов, сопровождавшийся появлением новых генеалогических линий азиатской по происхождению гаплогруппы N1a. Демографические события начала нашей эры дают основания считать, что носители ветви Y4339, наряду с представителями других субкладов (N1a-Z1936, N1a-L1022, N1a-L1025) появились на территории Швеции в ту же самую эпоху, то есть не ранее III века н.э. Исходя из географии региона, их путь, видимо, пролегал по территории, вошедшей впоследствии в состав Новгородской республики или ее ближайших соседей. Если принять шведское происхождение родоначальника «Мономашичей», то это означает, что он вернулся в места, которые его предки покинули за 300–500 лет до того. Вариант с уходом и возвращением исключать нельзя, но для его подтверждения необходимы дополнительные независимые данные.

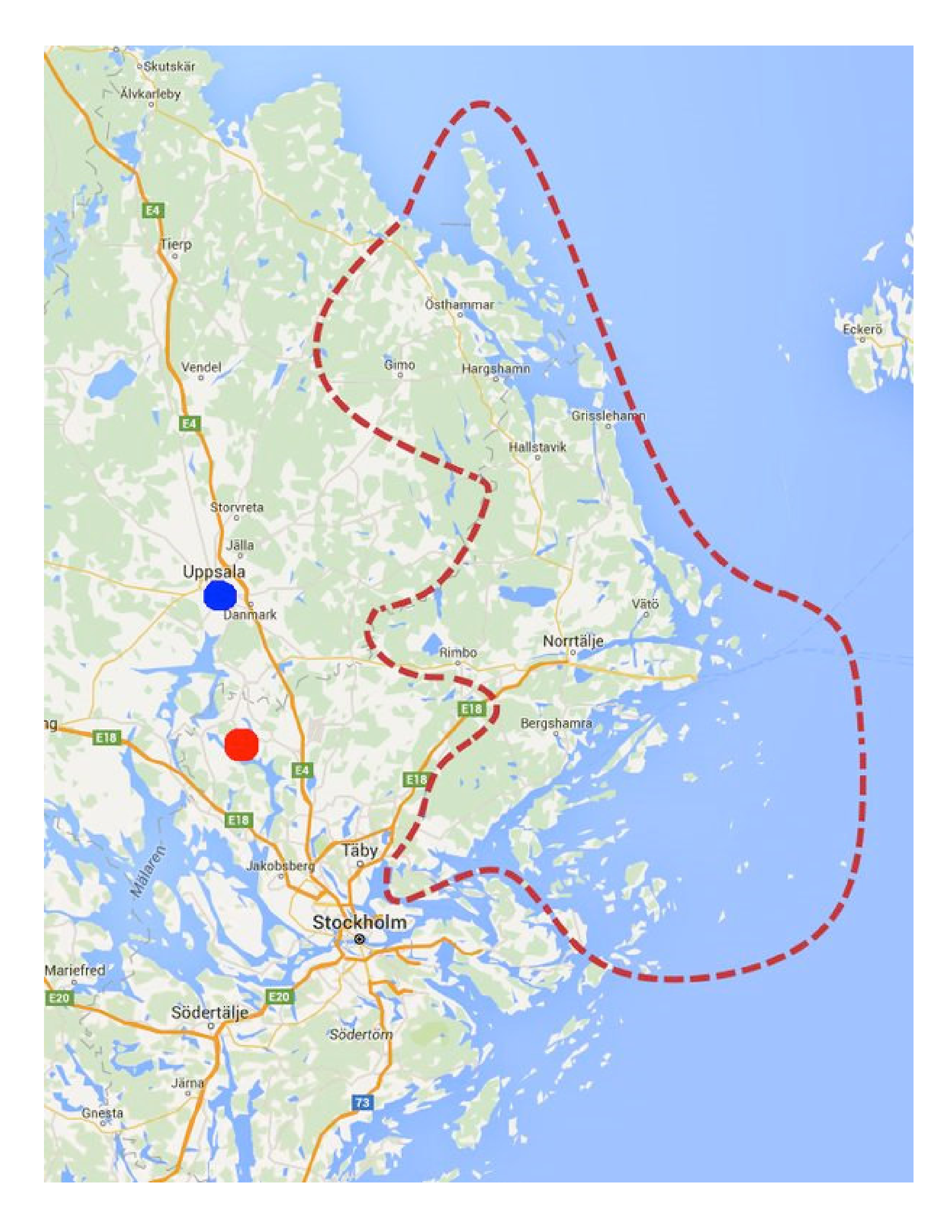

Рис. 4. Карта исторической области Руслаген и сопредельных регионов Швеции. Кружками отмечены города Упсала (синий) и Сигтуна (красный).

По тем же самым соображениям еще менее вероятным выглядит происхождение предка «Мономашичей» с территории, населенной полабскими славянами. Суммарная доля всех ветвей гаплогруппы N в выборке из земли Мекленбург-Форпоммерн составляет 1,5–2,5% (14 из 705), в сравнении с 10–15% для Средней Швеции (Purps 2014). Версия о роде, оставшемся на прежнем месте, не требует ввода новых допущений, но нуждается в данных палеогенетики и Y-ДНК современных уроженцев Эстонии и северо-запада России. Имеющаяся для них статистика многократно уступает по репрезентативности финнам и шведам, а потому такие редкие ветви, как N-Y4339, могли остаться незамеченными.

О современной численности рода «Мономашичей» можно косвенно судить по «генетическим» Рюриковичам, выявленным при случайном отборе. Это один русский из 1290 и один поляк из 1413 участников ДНК-проектов с корнями на Русской равнине. По трем «генетическим» Рюриковичам (с учетом Р. из Румынии) невозможно оценить численность ныне живущих потомков этой древней династии, на сам факт их находки означает, что речь может идти о десятках тысяч человек, большинство из которых едва ли имеет представление о родословных глубже 3–4 поколений. Если в будущем последуют новые находки, то появится возможность уточнить датировки и, возможно, пути этого рода на территории Восточной Европы. В обсуждении вынесен за скобки вопрос об этнической принадлежности родоначальника, поскольку снип Y10931 сам по себе не несет об этом информации. В регионе, который, по летописным сведениям, населяли словене, кривичи, меря и чудь, возможен любой вариант.

Согласно данным с проектов Russian Nobility и Rurikid Dynasty, 12 из 23 документированных Рюриковичей происходят не от предка ветви N1a-Y10931, а от других людей, не находившихся с ним в родстве по прямой мужской линии. Наличие «побочных» линий характерно для большинства фамильных ДНК-проектов, в том числе перечисленных в табл. 2 проектов Дугласов, Дональдов и Хашимитов. Причины их появления могут быть самыми разнообразными, от «ложного отцовства» до фальсификации родословных, как сознательной, так и непреднамеренной. Под непреднамеренной фальсификацией имеется в виду неверная или чрезмерно схематизированная реконструкция на основании обрывочных записей или устной традиции. По-видимому, ее следует считать главной причиной расхождений между родословными Рюриковичей из «Бархатной книги» и Рюриковичей с ДНК-проектов.

Обращает на себя внимание, что практически все «побочные» линии принадлежат к ветвям, типичным для славян. В первую очередь, это славянские супер-ветви R1a-L260 (линия Ольговичей), R1a-YP569 (Карпов и Белосельский-Белозерский) и I2a-Y3120 (Святополк-Четвертинский). Меньшие по численности ветви R1a-Y2609 (Друцкой-Соколинский) и R1a-YP340 (Шуйский) также встречаются почти исключительно у славян, а ветвь N1a-Z16981 (Шелешпанский) широко распространена в Латвии, Литве и Белоруссии. Крайне маловероятно, что все эти линии происходят от самозванцев, поскольку для их появления на рубеже XIV–XV

веков еще не было социальных причин. По всей видимости, составители Бархатной книги включили в состав Рюриковичей потомков местных княжеских и боярских династий, деливших власть в уделах наравне с потомками «ДНК-Мономаха». Примечательно, что в списке не оказалось ни одного участника из субкладов R1b-U106, R1b-P312, I1–M253 и R1a-Z284, охватывающих в сумме 75–80% населения Скандинавского полуострова. Вопрос о происхождении основной линии Рюриковичей (N1a-Y10931) все еще остается дискуссионным, но «побочные» ветви рода не имеют никакого отношения к Скандинавии. Род разрастался исключительно за счет славян.

ВЫВОДЫ

В настоящей работе было рассчитано время жизни самого недавнего общего предка основной линии рода Рюриковичей, известной как N1a-Y10931. Использованный при расчете список из 14 111–маркерных гаплотипов участников проектов Russian Nobility и Rurikid Dynasty позволил сузить коридор погрешностей с ранее вычисленных 500 до 350 лет. Наиболее вероятные даты жизни родоначальника находятся в интервале от 550 до 900 года нашей эры. Предлагавшиеся ранее гипотезы о великих киевских князьях Владимире Мономахе или Ярославе Мудром как предках данной линии не подтверждаются расчетом. Имя, место рождения, этничность и социальный статус реального предка линии N1a-Y10931 неизвестны, и для их выяснения необходимо привлекать дополнительные данные, в том числе из ископаемой ДНК. Согласно анализу филогении, датировок и географии родственных ветвей гаплогруппы N, наиболее вероятным местом происхождения предка следует считать северо-запад России или Эстонию. Уточненные данные по ветви N1a-Y10931 вновь делают актуальным вопрос о том, в какой степени летописный рассказ о призвании варягов соответствует реальным событиям на северо-западе Руси VIII–IX веков, какова их хронология, и какую роль в них сыграл рассматриваемый в статье род. Если Рюрик — это реальный человек, то его происхождение, даты жизни и судьба возможных потомков требуют отдельного исследования. Анализ боковых линий Рюриковичей, в значительной степени восходящих к локальным княжеским династиям, показал, что их предки имели славянские корни.

ЛИТЕРАТУРА

Адамов 2008 – *Адамов Д.С., Клёсов А.А.* Теоретическая и практическая оценка возвратных мутаций̆ в гаплотипах Y-хромосомы // Вестник Академии ДНК-генеалогии. 2008. № 4. С. 631-645.

Байер 1767 – *Байер Г.З.* О варягах (перевод К. Кондратовича). СПб.: Издательство Академии Наук, 1767.

Барабанов 2015 – *Барабанов О.Н.* Рюриковичи или Олафовичи: гипотеза об Y-гаплогруппе I2 у Рюрика по данным ДНК его возможных потомков // Пространство и Время. 2015. № 3 (21). С. 198-207.

Бархатная книга 1787 – Родословная книга князей и дворян российских и въезжих. М.: Университетская типография, 1787. 278 с.

Герберштейн 1557 – *von Herberstein S.* Rerum Moscoviticarum commentarii (1557) – Сигизмунд Герберштейн. Записки о Московии (перевод А.И. Малеина и А.В. Назаренко). М.: Издательство МГУ, 1988.

Данилевский 2004 – *Данилевский И.Н.* Повесть временных лет: герменевтические основы изучения летописных текстов. М.: Аспект-Пресс, 2004. 370 с.

Мельникова 2000 – *Мельникова Е.А.* Рюрик, Синеус и Трувор в древнерусской историографической традиции // Древнейшие государства Восточной Европы. 1998. М.: Восточная литература, 2000. С. 143-159.

Chemnitz 1740 – *Chemnitz J.F.* Genealogia Regum, Dominorum & Ducum Megapolens // Monumenta inedita rerum Germanicarum praecipue Cimbriacarum et Megapolensium / Ed. E.J. Westphalen. B. 2. Leipzig, 1740. S. 1627-1628.

Krzewińska 2018 – *Krzewińska M. et al.* Genomic and Strontium Isotope Variation Reveal Immigration Patterns in a Viking Age Town // Current Biology. 2018. V. 28. S. 2730-2738.

Purps 2014 – *Purps J. et al.* A global analysis of Y-chromosomal haplotype diversity for 23 STR loci // Forensic Sci. Int.: Genetics. 2014. V. 12. S. 12-23.

Rozhanskii 2011 – *Rozhanskii I., Klyosov A.* Mutation Rate Constants in DNA Genealogy (Y Chromosome) // Advances in Anthropology. 2011. V. 1. S. 26-34.

REFERENCES

Adamov 2008 – *Adamov D.S., Klyosov A.A.* Teoreticheskaya i prakticheskaya ocenka vozvratnyh mutaciĭ v gaplotipah Y-hromosomy [Theoretical and Practical Assessment of Back Mutations in Haplotypes of the Y Chromosome], in: Vestnik Akademii DNK-genealogii [Proceedings of the Russian Academy of DNA Genealogy], 2008, № 4, pp. 631-645 [in Russian].

Bajer 1767 – *Bajer G.Z.* O varyagah (perevod K. Kondratovicha) [De Varagis (russ. transl. K. Kondratovich)], St. Petersburg, Izdatel'stvo Akademii Nauk Publ., 1767 [in Russian].

Barabanov 2015 – *Barabanov O.N.* Ryurikovichi ili Olafovichi: gipoteza ob Y-gaplogruppe I2 u Ryurika po dannym DNK ego vozmozhnyh potomkov [Rurikids or Olafids: a Hypothesis of Y haplogroup I2 of Rurik roposed from DNA data of his probable descendants], in: Prostranstvo i Vremya [Prostranstvo i Vremya], 2015, № 3 (21), pp. 198-207 [in Russian].

Barhatnaya kniga 1787 – Rodoslovnaya kniga knyazej i dvoryan rossijskih i v"ezzhih [Pedigree Book of Princes and Nobility of Russian and Foreign Stock], Moscow, Universitetskaya tipografiya Publ., 1787, 278 p. [in Russian].

Chemnitz 1740 – *Chemnitz J.F.* Genealogia Regum, Dominorum & Ducum Megapolens, in: Monumenta inedita rerum Germanicarum praecipue Cimbriacarum et Megapolensium / Ed. E.J. Westphalen, B. 2, Leipzig, 1740, pp. 1627-1628 [in Latin].

Danilevskij 2004 – *Danilevskij I.N.* Povest' vremennyh let: germenevticheskie osnovy izucheniya letopisnyh tekstov [Russian Primary Chronicle: Hermeneutical Background for the Study of Chronicle Texts], Moscow, Aspekt-Press Publ., 2004, 370 p. [in Russian].

Gerbershtejn 1557 – *von Herberstein S.* Rerum Moscoviticarum commentarii (1557) – Sigizmund

Gerbershtejn. Zapiski o Moskovii (perevod A.I. Maleina i A.V. Nazarenko) [Notes of Moscovia (russ. transl A.I. Malein and A.V. Nazarenko)], Moscow, Izdatel'stvo MGU Publ., 1988 [in Russian].

Krzewińska 2018 – *Krzewińska M. et al.* Genomic and Strontium Isotope Variation Reveal Immigration Patterns in a Viking Age Town, in: Current Biology, 2018, V. 28, pp. 2730-2738 [in English].

Mel'nikova 2000 – *Mel'nikova E.A.* Ryurik, Sineus i Truvor v drevnerusskoj istoriograficheskoj tradicii [Rurik, Sineus and Truvor in Old Russian Historiographical Tradition], in: Drevnejshie gosudarstva Vostochnoj Evropy. 1998 [The oldest states in Eastern Europe. 1998], Moscow, Vostochnaya literatura Publ., 2000, pp. 143-159 [in Russian].

Purps 2014 – *Purps J. et al.* A global analysis of Y-chromosomal haplotype diversity for 23 STR loci, in: Forensic Sci. Int.: Genetics, 2014, V. 12, pp. 12-23 [in English].

Rozhanskii 2011 – *Rozhanskii I., Klyosov A.* Mutation Rate Constants in DNA Genealogy (Y Chromosome), in: Advances in Anthropology, 2011, V. 1, pp. 26-34 [in English].

Рожанский Игорь Львович — кандидат химических наук,
член Научного совета Академии ДНК-генеалогии (Цукуба, Япония).
Igor Rozhanskii — Candidate of chemical sciences,
Member of Scientific Council of the Academy of DNA-Genealogy (Tsukuba, Japan).
E-mail: igorrozhanskii@gmail.com

УДК 94(481).081

ДНЕВНИК РАТНИКА ОПОЛЧЕНИЯ ЯКОВА ИВАНОВИЧА ПОЛЕЖАЕВА

О.Ю. Соловьева[1], П.С. Соловьева[2]

[1] Независимый исследователь (Москва, Россия)
e-mail: soloveyka68@mail.ru
[2] Студентка филологического факультета МГУ
им. М.В. Ломоносова (Москва, Россия).
e-mail: soloveyka68@mail.ru

Авторское резюме

Публикуется «Дневник ратника ополчения» — подлинный документ, написанный в 1915 году участником военных событий Первой мировой войны Яковом Ивановичем Полежаевым. «Дневник ратника ополчения» — ценный источник для изучения Первой мировой войны с точки зрения ее рядового участника, для понимания его мыслей, чувств, надежд, переживаний. Этот исторический документ приоткрывает окно в человеческое измерение войны.

Ключевые слова: Первая мировая война, ополчение, Яков Иванович Полежаев, дневник, источники.

DIARY OF MILITIAMAN YAKOV IVANOVICH POLEZHAEV

O.Yu. Solovieva[1], P.S. Soloviev[2]

[1] Independent researcher (Moscow, Russia)
e-mail: soloveyka68@mail.ru
[2] Student of the Faculty of Philology of
Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia).
e-mail: soloveyka68@mail.ru

Abstract

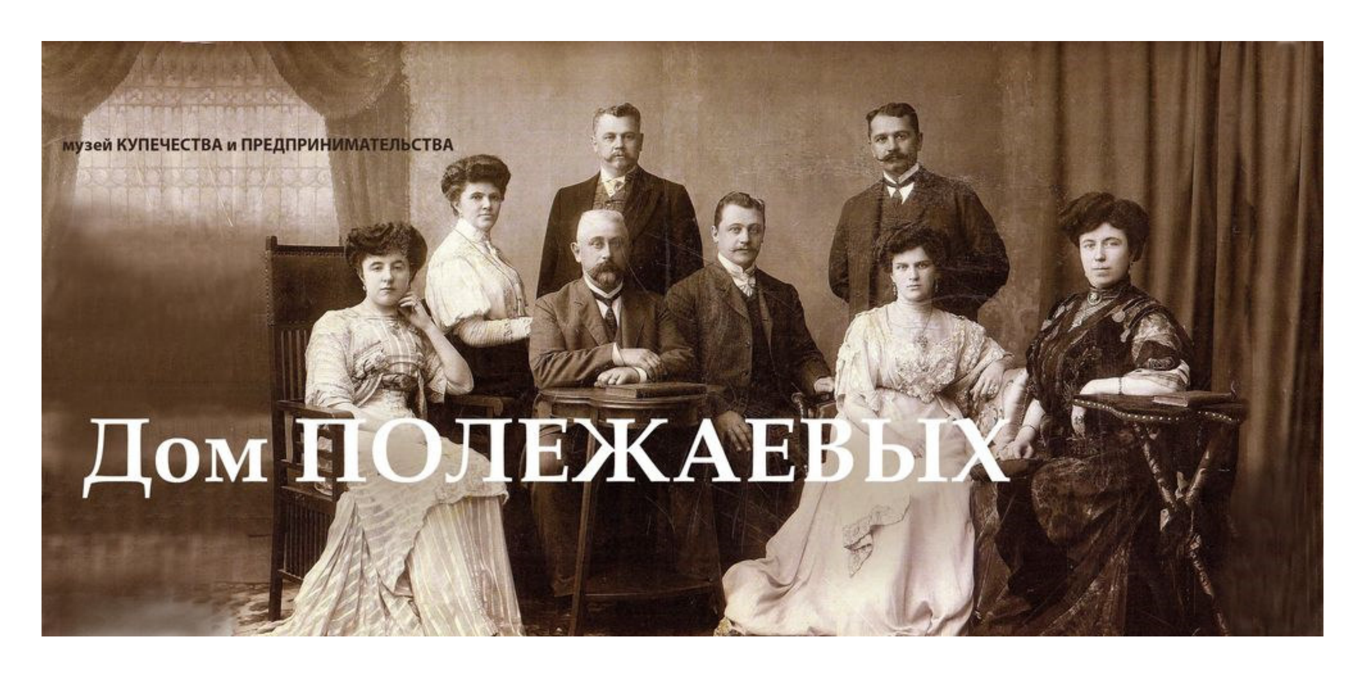
The Diary of a Militiaman published here is an original document created in 1915 by Yakov Ivanovich Polezhaev, a participant in battles of the First World War. The Diary of a Militiaman is a valuable source for studying the First World War from the point of view of its ordinary participant, for understanding his thoughts, feelings, hopes, experiences. This historical document opens a window into the human dimension of the war.

Keywords: World War I, militia, Yakov Ivanovich Polezhaev, diary, documents.

* * *

«Дневник ратника ополчения» — это подлинный документ, написанный в 1915 году участником военных событий Первой мировой войны Яковом Полежаевым.

Яков — старший сын Ивана Петровича Полежаева, одного из братьев Полежаевых, представителей известнейшей купеческой старообрядческой династии города Боровска. Полежаевы в 1887 г. создали в Боровске ткацкую фабрику, которая в течение последующих 100 лет являлась самым крупным предприятием города. В советское время она именовалась «Красный Октябрь», а с середины 1990-х гг. известна как ОАО «Руно». В Боровске есть улица Братьев Полежаевых.

До наших дней сохранился дом, принадлежавший этой семье в Боровске, где Евгения Алексеевна Полежаева, правнучка основателя династии, создала музей, посвященный истории не только своей семьи, но и других купеческих родов города. Среди них Меренковы, Протоваровы, Рябушинские. Она хранит наряду с многочисленными документами, семейными архивами, фотографиями и «Дневник ратника ополчения».

Автор дневника, Яков Иванович Полежаев (Евгении Алексеевне он приходился бы дядей), родился в Боровске в 1892 г. в собственном доме Полежаевых на Успенской улице (ныне ул. Ленина, д. 18). В семье царила замечательная атмосфера. Детей любили и лелеяли. Купцы Полежаевы вовсе не были ретроградами. Они первыми в городе внедряли все передовые идеи как на производстве, так и в быту. В их доме уже в начале XX века существовало паровое отопление, электричество, водопровод и даже телефон. Великий князь Михаил Александрович, прибыв в Боровск в 1910 году, останавливался у Полежаевых на улице Успенской. Традиционные старообрядческие молебны сочетались в этой семье с чтением стихов Лермонтова. Веселые Рождественские торжества и праздники на даче соединялись с нравственным воспитанием детей и приобщением их к труду. Над входной дверью в доме был начертан девиз созидателей: «Хоть что-нибудь — да делай!» Актуальный призыв, не правда ли? Взгляните на фото семьи Полежаевых выше. Как далеки мы, нынешние, от этих строгих, одетых в бархат и шелк дам и их респектабельных

мужей... Но как близки нам традиции, заложенные в далекую эпоху. С юношеских лет Яша, как и другие дети, увлекался чтением. Перечитывал всю литературу, выписываемую семьей: газеты «Русское слово» и «Раннее утро» с приложением «Политический альманах»; журналы «Нива» и «Природа и люди» с литературными приложениями и журнал для детей «Дело и потеха». Он много размышлял, и свои мысли излагал в записках под названием «Думы».

Одной из затей Якова были написанные им в 15–летнем возрасте воспоминания «О рождении сестры Марии Ивановны Полежаевой» на 10 рукописных страницах. Они охватывают период с 19 декабря 1908 г по 31 марта 1909 г. по старому стилю. Яша тайно замуровал рукопись в жестяной банке в стену дома на 3–ем этаже. Предполагалось подарить ее Марии в день совершеннолетия в 1926 г. Но в бурных событиях первой четверти XX века о банке забыли. Ее обнаружила при ремонте в 1972 г. проживавшая в квартире № 7 семья Лемеховых. Через Николая Васильевича Заикина рукопись передали в Боровский краеведческий музей, где она сейчас хранится. Она содержит интересные факты о быте семьи Полежаевых, о работе фабрики и участии в ней Якова, о событиях в Боровске далеких лет. Читая эти строки, перед нами словно возникает портрет этого мальчика, образованного,

вдумчивого, деликатного и воспитанного. Ему, как старшему сыну, должен был передать отец свое дело, свое производство, свой «малый бизнес», если бы не переломы истории России…

А пока этот умненький купеческий юноша трудится над своей рукописью, не догадываясь о том, что она станет историческим документом, иллюстрирующим живую жизнь дореволюционного городка Боровска.

Приведем несколько отрывков из нее:

«**19 декабря 1908 г.**

Наш родной город Боровск. Наш родной дом на Успенской улице. В 8 ч. 30 мин. утра, постучавшись в мамину спальню, я нашел дверь запертою изнутри. Необыкновенная вещь — и причины должны быть выходящими из ряда обыкновенных событий. Я себе составил объяснение и совершенно верное.

На фабрику по обыкновению я пошел прежде Папы и дяди Коли. Мороз сбавил на 10 градусов. Тихий зимний день. Все покрылось инеем. В 12 ч. 15 мин. в конторе были дядя Коля, Папа и я. Конторщики ушли обедать. Телефон зазвонил. Папа сам вошел в хозяйскую. Он спрашивал: «Все, слава Богу? Ну, хорошо!» «Поздравляю вас с племянницей и с сестрой», — сказал Папа дяде Коле и мне. «Благодарю Вас», — ответил я. Я хотел записать события и время рождения этой сестры, но боялся предрассудков бабушки. В этот день я не входил к Маме в спальню. В прихожей пахло лекарствами, и слышен был плач новорожденной.

20-е декабря.

Иней висел. В обед заходил к Маме — у ней на голове компресс. Сестру назвали Маней. Она лежала на подушке, и я за разными платками не видел ее лица. Папа и дядя Коля сами рассчитали фабричных.

22 декабря.

Встав в 6 ч., до 8 был в саду. Полон низ дыму; из печки в прихожей дым, как из трубы.

Покричала бабушка, произнесла оправдания горничная Варя. Я открыл вентиляцию, дым пошел законным путем. Днем я сидел внизу, прямо против больших часов, читал Шекспира. Затем ушел на фабрику. До обеда приняли в последний раз мастерков. До 8 вечера считали контору Я кончил переписку «Инвентаря», данную мне Папой 4 дня назад. Поехали домой, за санями стучал привязанный чайный ящик, который я выпросил для архива. Идет снег.

24 декабря.

Папа и дядя Коля ходили на 4 часа на фабрику Бабушка, Лена и тетя Маня заняты приготовлением выпивок и закусок. Дядя Коля, сидя перед обедом в столовой, говорил как о величайшем удовольствии, что завтра будет есть утку в капусте или теленка с картошками, и смеялся.

25 декабря.

В 8 ч. 30 мин. утреня, отмолились. Съездили на 2 лошадях [на кладбище] к предкам. Разговелись. Повидались с приходившими к нам родственниками: Шутовыми, Саниными, Меренковыми, Капыриными.

Яков Полежаев с отцом Иваном Петровичем и матерью Зиновией Яковлевной. Вильнюс, 1915 г.

29 декабря.

Контора «выхаживается» после праздников. В 8 ч.вечера в Лениной комнате окрестили Маню и 3–х младенцев городских.

30 декабря.

В 7 ч. утра батюшка служил в конторе в хозяйской комнате молебен с водосвятием. Контору и корпуса покропили. Мама ходит наверху. Маню в лицо до сих пор не видел. Сегодня елка Пожарного Общества в управе.

28 марта 1909 г.

Разочли Василия Алексеевича Венедиктова за пьянство, он прожил у нас лет 15. У отца Карла в моленной на Успенской ул. повесили на колокольню 320 пудов звона. Маня смеется, плачет, работает руками и ногами — все, что угодно, только не говорит. Красильный мастер Е.У. Глейзер говорит: «Замучился, так работать не могу». Его разочли и дали 100 рублей. В торговле застой.

31 марта, 3–ий день Пасхи.

Папа пробыл 2–ой день с визитами. [Моя 3–летняя сестра] Оля удивляет всех своей смышленостью, [а брат] Петя в настоящее время — маменькин сынок и капризен. Костюшка всем помогает, со всеми все готов делать, много знает по домашним делам, но в 3–ей четверти получил одну тройку и за обедом поплакал. Лена щеголяет по гостям в новом костюме и шляпе. Читает, когда есть охота. Мама не противоречит Папе, а тот — голосу трудолюбия, целям развития фабрики и самому себе. Бабушка говорит одобрительно о том, что делает сама, но больше ворчит о том, что делают другие. Ездит в моленную на каждую службу».

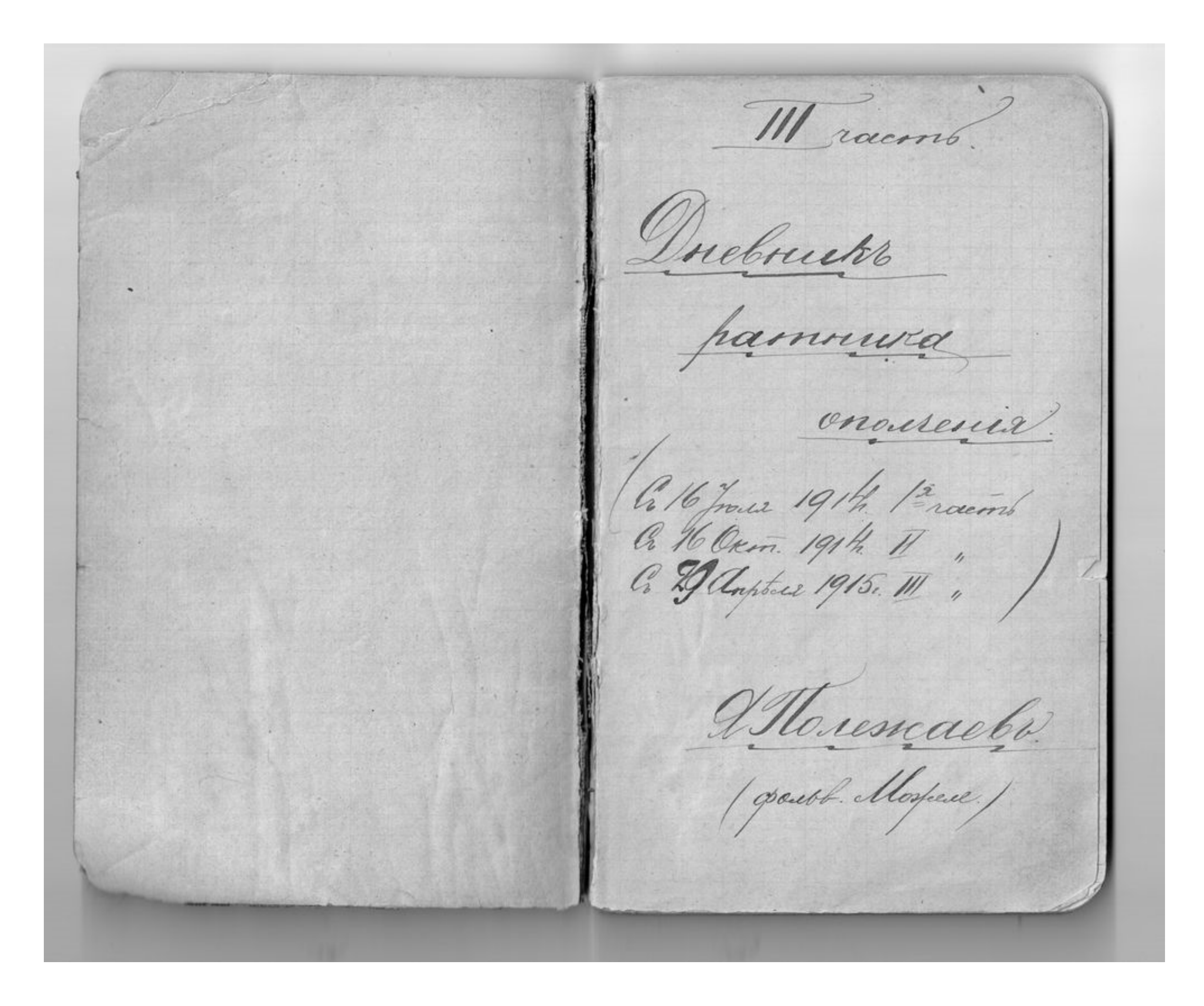
Рукопись заканчивается подтверждением двоюродной сестры Елизаветы Хомутинниковой и брата Константина, что в «написанном выше все согласно с бывшим» и их подписями.

Началась война... Небывалый подъем патриотизма охватил многие города Российской Империи. Боровск не стал исключением. Митинги, молебны «о даровании победы нашему христолюбивому воинству над врагами», Комитеты по оказанию благотворительной помощи стали приметами времени. Многие записывались добровольцами на фронт, кого-то призывали по мобилизации. Высочайшими указами Сенату от 18 и 21 июля 1914 г. было объявлено о призыве на действительную службу ратников ополчения I разряда. В 1914–1915 гг. ополченские части формировались в соответствии с мобилизационным расписанием 1910 г. Части государственного ополчения соединялись в бригады, дивизии и корпуса, при которых формировались лазареты, перевязочные отряды. Части государственного ополчения принимали участие в боевых действиях на фронтах, осуществляли охрану железных дорог, этапов и транспортов, ремонтно-строительные работы в тыловых районах фронтов.

С началом Первой мировой войны Яков Полежаев без колебаний отправился на фронт в рядах ополченцев вместе с фабричными рабочими. Яков вел дневник. Я держу в руках блокнот размером 16 х 10 см с пожелтевшими от времени страницами. Начат дневник 29 апреля 1915 г. Части 1 (с 16 июля 1914 г.) и 2 (с 16 октября 1914 г.) утрачены. В сохранившемся дневнике (часть 3), написанном мелким красивым почерком, на 45 страницах подробно рассказывается о буднях солдатской жизни, о специфике подготовки ополченцев, о психологии военной жизни, авторитете офицеров, автор называет подлинные места сражений и реальные события. Эти строки, полные вдумчивых рассуждений о войне, о чести и долге перед Родиной, наблюдений, юношеского пыла и порой максимализма, являются не только историческим документом, но и образцом интересного и яркого художественного текста, это голос эпохи, звучащий издалека. Словно в капле воды в дневнике Яши отражаются события, ставшие роковыми в истории нашей Родины: революционные брожения среди солдат, излишняя демократизация русской армии, панические настроения среди офицерства.

Вот как об этом рассказывает в своей книге «Последняя война Российской империи» писатель-историк Сергей Цветков, приводя слова генерала Нокса:

«Нельзя не удивляться тому, что многие из выдающихся начальников настолько подавлены убеждением в техническом превосходстве немцев, что считают, что немец «все может»… Среди солдатской массы было много случаев сдачи в плен и дезертирства в тыл. Предпринимаемые строгие меры наказания, по-видимому, мало действительны…» (Цветков 2016). Эти слова как будто перекликаются с наблюдениями Яши.

Последняя запись дневника сделана Яковом утром 18 октября 1915 г. В тот день его отправили в действующую армию. 26 октября 2015 года он был тяжело ранен. После ранения записи в дневнике вела Зиновия Яковлевна, мать Яши, которая приехала к нему в госпиталь. Через несколько дней после ранения Яков Иванович Полежаев умер в госпитале в Риге.

По-видимому, ухудшение состояния Якова началось с 3 ноября, т.к. с этого дня прерываются записи Зиновии Яковлевны в его дневнике. Тело Якова перевезли в родной город Боровск и похоронили на фамильном участке Записного старообрядческого кладбища на ул. Московской. Рабочие фабрики в день похорон возложили на гроб венок с надписью: «Другу рабочих, защитнику Родины Якову Ивановичу Полежаеву». На обороте фотографии Яши рукой его отца было написано: «Вечная память тебе, дорогой страдалец за Родину».

III ЧАСТЬ. ДНЕВНИК РАТНИКА ОПОЛЧЕНИЯ[1]

С 16 июля 1914 г. I часть
С 16 октября 1914 г. II часть
С 29 апреля 1915 г. III часть
Я. Полежаев.
(фольв. Можеле)

В первой сторожевке[2]

29 апреля мы грузимся на ст. Митава[3] и выезжаем утром в Альт-Ауц[4]. Ненадолго. Снова в поход. В сторону на юг от Муравьева[5] мы заняли сторожевку. Войска полка, нами смененные — все новобранцы — хуже нас, грешных, ушли вперед. Хорошо мне живется. Как адъютант у ротного. Идем вечером поверять посты. Составляем сообща донесения, я ему черчу кроки[6]. Люди по сараям, по окопам, а я с ротным в комнате. Но ночью хочу сменить унтерофицера поспать. Но вот внезапный приказ, и мы идем на Лайжев[7] (?) — 11 верст и оттуда прямо еще верст 20 до Муравьева, где и останавливаемся. Через немного дней наши 1, 3 и 4 взводы (2–й при штабе) с 2–мя взводами 3–ей роты отданы в распоряжение драгунского полковника. Бравые люди. Кони в порядке, сами красавцы. Немцами щипаны мало были. А наши ротные струсили. Нас отправили к драгунам, а сами без рот остались в Муравьеве. Вот ночь на 12 мая, мы отошли за Муравьев к немцам на 11 верст. По пути, в Тыркшле[8], часочка 2 поспали, и к 6 час. утра с крыши сарая видим за полторы версты немецкие окопы. В бинокль сереют нагло их спины на насыпи окопа. Вот мерзавцы, резвятся, играют в чехарду. Дело-то вот в чем… За делом мы

[1] Высочайшими указами Сенату от 18 и 21 июля 1914 г. было объявлено о призыве на действительную службу ратников ополчения I разряда. В 1914–1915 гг. ополченские части формировались в соответствии с мобилизационным расписанием 1910 г. Части государственного ополчения соединялись в бригады, дивизии и корпуса, при которых формировались лазареты, перевязочные отряды. Части государственного ополчения принимали участие в боевых действиях на фронтах, осуществляли охрану железных дорог, этапов и транспортов, ремонтно-строительные работы в тыловых районах фронтов.

[2] Боевое дежурство (производная от «сторожить, настораживаться») или военный лагерь, или операция.

[3] Е́лгава (латыш. Jelgava; историческое название Мита́ва, нем. Mitau) — город (с 1573 года) в Латвии, в 1578–1795 гг. столица Курляндского герцогства.

[4] Альт-Ауц (нем. Alt-Autz). Город с. 1924. А́уце (латыш. Auce) — город в Латвии, административный центр Ауцского края.

[5] Сегодня — город Мажейкяй в Тельшяйском уезде Литовской Республики.

[6] Кроки́ (фр. croquis: croquer — чертить, быстро рисовать; несклоняемое сущ., ср. род): чертеж участка местности, выполненный глазомерной съемкой, с обозначенными важнейшими объектами.

[7] Может быть, Лайжево — местечко, Шавельский уезд, Ковенская губерния.

[8] Тыркшли (Tirkšliai) — местечко, Тельшевский уезд, Ковенская губерния. Территория современной Литвы.

пришли… Чудный драгунский поручик объясняет нам план наступления: мы должны выбить немцев. Я командую 3–м взводом, он в резерве. Версту ползли мы под огнем. Но вот наши зашли им в фланг. Над нами рвется шрапнель. Вот прямо над головой прогудел стакан. Ой, уж даже больно… Отдаются немецкие прямые выстрелы. Ребята думают, что это разрывные пули… А они поют сверху, но никого не задели из 100 наступавших. Немцы бежали. Подожженный мост потушен. В их окопах находим телефон, белье, хлеб. Ночь сторожим. Рассвело. Продвигаемся на 2 версты. Сторожили здесь 5 дней и, рады-радешеньки, возвращаемся в Муравьев. А он в пепле. Половина сгорела в наше отсутствие. Помещаемся в школе против [неразб.], на новом месте 2 дня, идем за 3 версты: в сторожевку на реку Венту, а 2 дня следующие копаем окопы с саперами. Слышна изредка канонада. Но что за трусость? Позор! Могила, пули. Что за настроение у моих солдат[1]. Я взводный. Все обленились страшно. Нет готовности жертвовать собой. Они ругают русские порядки, начальство. Малодушно разглашают нелепые слухи немецких побед и наших отступлений. Винят во всем начальство, а сами не хотят потрудиться нисколько без ропота и пререканий. Ужасная создается атмосфера: нервы обнажаются, жизнь становиться не мила.

А тут и правда немцы поперли нас с Карпат. Перемышль отдан… Да они все возьмут!.. Лучше под пулями ползти да без ропота, чем жить с такими солдатами.

28 мая иду на Митаву и, повидавшись здесь в команде из Штаба с 12–м Георгиевским, пойдем к 30-му во Псков.

Что здесь нового? Ничего нет. Есть офицера деляги, а есть и шваль.

Но, Слава Тебе Господи за жизнь!.. Живем чиновниками. Спокойно.

День в Школе

Сон к утру чуткий. Другие уже встали. Вдруг резко прокатывается по казармам в 6 ч. утра сигнал «вставать». В 6 ½ идем пить чай сладкий с булкой. В 7½ до 11½ на занятиях. «Дай ногу!», «Чище делать!», — слышится до 10½; затем «Звено, за мной, вперед бегом!» «Сколько осталось?», — смотрим на часы. Опротивела эта муштровка: все знаешь, а тут с неучами снова тянешь. Но вот без подсчетов, отбивая [неразб.] 100 чел. такт, идем вздвоенными рядами в казармы. Живо смахнуть пыль с сапог. Строимся идти на обед. Становимся на молитву за столами. Гулко гремит общий хор. Вдруг: «Встать! Смирно!» — тучная фигура с седой головой начальника Школы. Он пробует пищу и зорко смотрит и все видит. Пообедав, до 2х отдых. Все[неразб.] спят. С 2х–4½ до чаю занимаемся словесно. С 4½ — 5½ — чай дуем с 5–копеечной булкой и с 5½ –7½ обычно что-нибудь с винтовкой. С 8 до 9 — ужин, поверка, а в 12 все должны спать. Офицер наш подпоручик Андреев, человек умный,

---

[1] Британский военный агент, генерал Нокс, сообщал своему правительству в 1915 году, что в русской армии «среди солдат распространяется убеждение, что не стоит драться, раз везде бьют» (Цветков 2016).

энергичный, но порывистый. В преподавании его нет шаблонности, скуки. Дает все образно; видимо, ему самому эти избитыя[1] тексты уставов не нравятся. Зато, что практически важно или иногда красочно, красиво — того он не упускает. Сам идеал воинской выправки и смекалки. Силен, ловок, умен, озорен прилично, суров и, видимо, много о себе понимает хорошего. Да честь и слава ему; ведь и на солнце есть пятна; он именно озорен, но озорен законно, тактично и в духе именно нашего века. Его и мой характеры разнятся: он человек напора. Блещет внешностью; но что под этой золотой мишурой? Тоже золотая середина или пропасть? Он великолепный актер; я же безличность. Он бьет своим Я, а через меня действует лишь воля совершеннейшего. Т.е., покуда я не обличен силою власти, властью капитала, оружием духовнаго[2] обличения, я не действую. И не смирит ли его гордыню Господь при всем его великолепии?

Что нового для меня?

Нова жизнь. Сама обстановка. Товарищи уже не мужички, а часто семейные люди, занимавшие среднее положение в жизни. Чиновники, бухгалтеры, землевладельцы, торговцы, землемеры, архитекторы. Странно сначала казалось. Люди, одинаково служащие Отечеству, как и солдаты. И вдруг сразу пользуются полными удобствами. За что? За то лишь, что они привыкли так жить. Я смотрю на это отрицательно. Я любуюсь всегда солдатом, который сутки в наряде, ест, что сварит, чай пьет, который сам вскипятит, спит на голой доске, и кроме забот у него нет. Единственное, что я прибавил бы к этому типу солдата для получения образцового офицера, это чтобы при всей подобной тягости жизни, офицер сохранял бы живой дух дисциплины, бодрость и отвагу духа. Чтобы он еще нес и умственный труд о своих подчиненных. Тогда действительно солдаты (бы) видели образец. Интересна для меня система дисциплины или [неразб.] выправки Андреева. Он не скупится на наряды. Люди из шкуры лезут. А потом тем, что выдвинулись из наказанных, снимает наказание. А то и со всех, если весь взвод подтянется. Затем его манера преподавания: образность, показ и при приподнятом внимании требует точности исполнения, все усиливая наказания за ошибки. Сразу добивается образцового исполнения приема, а не вымучивает людей, делая его

---

[1] Особенности дореволюционного правописания. Окончание -ие/-ые во множественном числе имен прилагательных вместо -ыя/-ія было узаконено «Декретом о введении новой орфографии» от 10.10.1918 г.

[2] Пункт 6 «Новых правил правописания, разработанных Народным комиссариатом Просвещения от 10.10.1918 г.» гласит: «Писать в родительном падеже прилагательных, причастий и местоимений -ОГО-ЕГО вместо -АГО-ЯГО».

безконечное[1] число раз. Но зато пять потов сгонит, пока не добьется быстрого рассыпания напр. в уст. [неразб.] «отставить, [неразб.] бегом».

Внезапная проверка или степени знания, или усердия людей. Внезапно встречает взвод в казарме и, найдя безпорядок[2]: открытые прежде времени затворы, отсталые от строя люди, — дает наказания высшей меры. Из кустов подсмотрит, что люди не в ногу идут, на словесность, — ставит на 5–10 мин. «Смирно». Внезапно осматривает винтовки, содержание кроватей. Легко дает пример ружейных приемов и отдания чести, высмеивая движениями тех, что плохо исполняют. Легко ориентируется во всякой обстановке для показа, например, говорит: «Это не дом, а

---

[1] До 1918 года приставка *-бес* не употреблялась в русском языке. Кроме того, Яков вырос в патриархальной старообрядческой семье. Православные люди и сегодня стараются избегать употребления этой морфемы.

[2] То же.

гора, не труба, а куст», «Это не гусь, а будка, это не люди, а колышки для разбивки окопов. Эта земля не сад, а лес, и не рядом, а в ½ версте». Объясняет все ясно, понятно, а например, что его не интересует — «Уголовные законы», — то он и не касается их. Вообще он любит добиваться эффектного исполнения, на что и уходит много времени, а не гонится за тем, чтобы побольше показать приемов.

В команде его замечателен оттенок непосредственного чувства. Команда раздельная, музыкальная с оттенком насмешливости иногда. Спокойная и некрикливая. С выражением и самыми своеобразными интонациями всякий раз в отдельности. Не допускает никакого двоемыслия в строю. Ясно указывает с первым счетом, вот со вторым и т.д., и раз навсегда.

Есть своеобразныя[1] слова, например: «некчемый пскопской» — т.е. незнающий –зевака-лентяй; «корявые» — люди, портящие стройность фронта неловкостью; «выше нюхала», «вперед до приклада, назад — до неба»; «нос на солнце»; «чтобы земля от ноги провалилась».

Здесь я только понял тайну чистоты приемов «на кра-ул» и «на пле-чо». Нужно руку сгибать лишь в локте. Также правило отдачи чести или подход с рапортом к начальнику. Некоторая отчетливость получается теперь и в взводном учении, а также в ротном. Новы приемы стрельбы по кавалерии из колонны по отделениям.

Полны новизны приемы, действия пехоты в бою. Обходы. Строгая выдержка намеченной цели. Связь условными знаками. Выбор подступов к противнику с составлением [неразб.].

Общий же характер Школьной жизни для меня таков, что я лишь еще слегка отшлифовался. Умнее того, кто ничего не знал. А мне иногда приходилось разучиваться. И Андреев некоторые вещи не по Уставу показывал, но, раз показавши, на этом и оставался. А незнающих 90%. Все писаря. Винтовки в руках не державшие. Иногда обидно было вместе с ними маршировать. Но с уставами здесь придется ознакомиться еще полнее. Да было и новое. А [неразб.] я не смогу сказать, в каких. Замечания получаю наряду со всеми. Похвалы ни одной не заслужил.

Авторитет офицера

Едва, едва стали немножко обламывать нас, как вдруг как раз после занятия Андреев спрашивает: «Кто что хочет спросить?» Я вышел и тихо у него спросил, что мы в учебной команде при захождении шеренги плечом имели человека с головой, повернутой вдоль фронта на заходящем фланге. Почему же он учит обратное? Он насмешливо сказал, чтобы я почитал Устав и смутил меня, спросив, какой был у нас взводный офицер в учебной команде. Я не мог припомнить фамилию Ивашкевича и молчал. После я показал ему это в Уставе, но он свою команду не отменил, и эту несуразицу все делают по сей час. Но в других взводах это исполняется, согласно

[1] Особенности дореволюционного правописания.

моего замечания. Вначале после позиции было очень легко, и я распустился. И сразу попал на 4 наряда не в очередь. Неделю без отпуска с записью в журнале взысканий. Идем вечером в казармы, а на верхней площадке держит [неразб.] служитель 4 бутылки ситро. Я остановился на 1/2 минуты. Выхожу во двор, а Андреев тут как тут. Нарядов хотя не несу, но позорная записка из-за ситра[1] осталась: «За своевольное оставление строя».

19

Это наказание я получил 19 июня.

Война началась 19 июля. Ряд мой в отделении 19. Жребий при ставке 19. Дума откроется 19 июля. Состоял в 19 корпусе. Дума открывается в 1 час 9 минут. Попал в журнал взысканий 19 июня. Переехал в [неразб.] Анненгоф 19 августа.

Что будет?

Что Господь даст! А именно: покуда люди не раскаются в своем эгоизме, покуда они будут жить лишь для себя, Господь не даст полного торжества над угнетателями немцами. А кто теперь уже раскаялся? Кто готов идти в жертву за брата? Солдат — да! Но офицер — уже нет! Они уже берегут свою особу для будущаго боя[2]. А отсюда и солдат-то не рвется в бой. А только по долгу службы скрепя сердце умирает. А наш тыл? Да никто! Никто не чувствует войны!

Если бы у нас приблизительным образом собрали силы страны. Ну правительство, скажем, обобрало бы у всех по известной сумме денег. Или лучше хлеба. Вообще заставило бы страдать население за счет удобства армии, тогда и сами жители встряхнулись бы. Поняли бы, что жертва нужна. Немецкий обыватель давно это понял с тех пор, как конфисковали картошку и хлеб. Каждое существо дает наибольшую продуктивность труда, когда увидит или почувствует боль, гибель. Покуда не застонет русский тыл голосом боли, наносимой пока не врагом, а своими руководителями, до тех пор он не окажет поддержки героической армии. Да будет Господня воля! А пока немцы нас гонят по всему фронту. От Галиции до Риги.[3] Не удивительно, если они заставят отдать им и Варшаву, и Ригу. Митава очищена,

[1] Так в рукописи.

[2] Особенности дореволюционного правописания.

[3] «На исходе августа 1915 г. русская армия напоминала измордованного, зажатого в угол боксера, у которого хватает сил только на то, чтобы кое-как прикрывать голову и ребра от сокрушительных ударов противника. Приезд Николая II в Могилев положил конец Великому отступлению (Цветков 2016).

слышим от жителей. Их кулак тяжелей нашего. Но наступит зима. На войну нужны средства. А мы не должны отдавать им цветущих городов. Должна быть решительность. Пусть возьмут не Варшаву, а груды камня и кладбища их защитников. Пусть возьмут не привольный край, а обуглившуюся пустыню. Эта решимость у нас должна быть. Вспомним Полтаву, вспомним 1812 год. Но те войны были игрушки сравнительно с этой. Так пусть остается врагу лишь горький дым. Ведь мы же не пользуемся ничем, когда немцы отходят. Контрибуций не берем. Всюду лишь развалины.

О вышесказанном авторитете офицера

21/VII 1915

Нет-таки, он прав, и я тоже, конечно. Андреев перед самым экзаменом исправил свою ошибку, но так, что кроме меня никто, пожалуй, на это не обратил внимания. И то ведь ему страшновато: а ну как на смотру да скажут ему: «А почему при захождении плечом шеренги заходящий не поворачивает головы по фронту, а стоящий поворачивает? Да, это не верно». Вот он и переучил вдруг вчера, но так как многие уже смешали в голове все команды с новыми ротными, то никто на это не обратил внимания.

Горький результат

Не знаю, почему, не знаком ли Андреев с психологией? Или ему просто не повезло, или он сам чем-либо себе навредил — своей заносчивостью, но полковник положительно зарезал наш взвод по строевому экзамену.

Нигде не было такого строя, такого трепета в строю, таких гонок бегом и столько «отставить», как в 1–м нашем взводе. Наши взыскания не ограничивались лишением отпуска и постановки. Но у нас был длиннейший список попавших в штрафной журнал.

В других взводах этого не было. За ошибку, за непонятную команду приходилось здорово расплачиваться. Наряды летели как из рога изобилия. За шевеление, за неточный ответ. Иногда вечером наряды снимались, но не всегда, так, например, я попал за лимонную воду 19/VI, когда один раз за всю школу на 1/2 минуты отстал от строя. Это меня страшно оскорбило. А теперь я вижу, что и у самого Андреева как бы в отместку за наши сухие слезы не задались экзамены.

До экзаменов 1 взвод считался передовым во всех отношениях: по дисциплине, строю, по словесности, ругаться было нельзя.

И вот 3й взвод на экзамене получает «спасибо» за «спасибо» полковника, а 1 и 2ой «скверно» и «учиться надо»!

И 2 взвода проваливаются. После 1й держит переэкзаменовку по [неразб.].

В заключение 1й взвод был отпущен из школы в последнюю очередь.

Вот результаты! Вот к чему привело: устрашение, [неразб.] и нетерпимость самосознания и справедливости. При всех его выдающихся качествах. Образного объяснения и способности быстро добиваться надлежащего исполнения при помощи системы: «отставить, возьмите себе 8 нарядов за невнимание»!

Говорят, что Андреев давно живет с одной и теперь у него официальная свадьба. Киренскому мы поднесли золотые часы за 150 р. Андрееву портсигар за 210 руб.

Подарок был, конечно, не официально.

Силогина стена

Во Пскове. Из грунтового песчаника. Огромной длины, опоясавшая весь город. По этой стене ходил и насматривался ее Костя[1] с 26 Июля по 3 Августа 1915. И как теперь безсмысленна эта стена, [также] безсмысленно, кажется, [Папино] и [его] в Пскове пребывание в 9 дней.

1го нас произвели и 2 дня еще держали, т.к. [неразб.] массу назначений. Канцелярия и задержала. 2 субботы, 2 воскресенья и понедельник я гулял со своими, папой и Костей. В остальные дни едва виделись урывками, а 3го вечером все отбыли на Петроград — Москву. И 4–го в 8и1/2 был в «стоглавой». Затем в ночь на 5ое я уже в Боровске. 5–го, 6–го, 7–го, 8-го и 9-го гуляю. 5–го, Среда и 6–го — в гостях, 7–го — на [Бобровке], 8-го — у [Кресенке] и [Аннушке][2], и 9-го — дома.

10-го и 11–го в Москве. К 12 ч ночи [11/12 с/м] с почтовым вагоном впятером на Ригу.

Во второй линии

19 Августа 1915 года из [Заленгофа], предместья Риги я с [Осип. Осип.] и Прилуцким, а с нами и 4 рота [… друж.] сделали переход в [Спаде] 16 верст от Риги. Отсюда роты должны будут ходить на работы. Ос. Ос. Останется с ними, а Прилуцкий [поехал] опять к штабу. Меня же вызвал командующий дружиной и назначил временно в 3ю роту за полуротного. Вас. Ив. меня встретил верхом. Я тоже трясся на лошади ординарца. Явились и удалились. С места в карьер: приняли 2 пулемета на роту и пулеметчиков. И пока Нос в командировке я живу здесь. Спим вволю. Едим хорошо. Страху не видать пока. Погода хорошая. Виделся с [Кост.] Георгиевск. Он еще рядовой. Вернулся из Учебной Роты и подал рапорт о производстве. Выправился, посвежел. Вчера сняли фотографию: Взоров, Авилов, Тюриков и я. В общем, есть свободное времечко: можно облениться!

---

[1] Константин Иванович Полежаев, младший брат Якова, видимо, приезжавший в Псков с отцом навестить ратника.

[2] Крестная Якова, Клавдия Петровна Шутова (урожденная Полежаева), сестра его отца и ее дочь Анна.

Наше местоположение: на 21й версте. Корчма. Возле Кирхи. Окопы от озера Бабит[1] до непроходимых болот на Росток. 2 роты 2я, 3я [дружины]; в 10 вер первая линия укреплений: стоит 7я оп(олчения) бригада.

Попал на свою полочку…

Пришло умное распоряжение осмотреть дороги в тылу и представить по осмотре карточку и описание. Ком. [Друян] спросил у меня, знаю ли я съемку и назначил меня и Боревича этот осмотр произвести. На работу дали 1½ суток, но каких! Дождь!... Ветер!... Все планы замочишь, да и сам повымокнешь. Я, однако, проездил весь день по дождю, выяснил дороги указанного участка и вернулся сухим. План тоже сухой и маршрутную съемку сделал. Боревич здесь же со съемки уехал в отпуск, а мне пришлось на утро кроки чертить и описание дорог составлять. И теперь меня знают: случилась 2–я работа по черчению — дали уже мне. Попал на свою линию…

А вот и еще раз по душе дело: ротный назначил к пулеметам команду для ознакомления. Я заинтересовался, пошел посмотреть занятия. Стали заниматься. Ознакомился сам. Команду увеличили до 40 чел. с 2–х рот. Разрешили выпустить 1000 патрон. И теперь пока сам учусь и руковожу занятиями. Это вносит интерес в мою жизнь здесь. 29/VIII. 1915. Анненгоф.

Стрельба из пулеметов

1го Сентября мы произвели учебную стрельбу из 2х пулеметов. Поставили мишени. Я разставил[2] оцепление, не смотря на которое в самый разгар стрельбы над мишенями по бугру пробежал безнаказанно человек. Стреляли с 20 и 100 шагов. Открыл стрельбу Адъютант Приходька. Стреляли с 9 утра до 5 вечера с перерывом на 1 и1/2 часа. И теперь из команды выберем лучших 20 чел., а остальные составят резерв.

М. М. Крассовский удачно сфотографировал момент стрельбы.

Вчера стекла дрожали: все работают наши канонерки[3]. То с моря, а то и по АА. Наши отпугивают немцев и слегка продвигаются по взморью. Скоро и за нами будет очередь. Справа, за озером части бригады далеко уже впереди. Впереди наших окопов, что у кирхи на буграх на 400 м впереди в поле строят еще новые. Но войска мало. Положим, придет поддержка, если понадобится.

---

[1] Ба́битес или Бабите (устар. Бабитъ или Бабитское, латыш. Babītes ezers) — реликтовое озеро в центральной части Латвии.

[2] Особенности дореволюционного правописания.

[3] Канонерки (мор. воен.) — артиллерийский корабль, предназначенный для ведения боевых действий в прибрежных районах морей, на реках и озерах.

Хутора на 1/2 версты впереди разрушены и сожжены. Одни груды кирпичей да обгорелые головешки. [Со мной] идет в отпуск в Москву адьют. Приходько, а вернулся прап. Боревич. 5/IX 1915 г. Анненгоф.

Ценéнгоф

3–ю роту перебросили из Анненгофа влево на 1 вер. (версту) в Цененгоф. Здесь счастливое и спокойное было житье. Люди рыли или делали себе быстро теплушки. Поставили баню. Мы уже поместились в дом лесничего, где жили наши соседи: командир др. Брантон (?), офицеры: Головин, Никитин, адъютант Степанов и Мы занимали комнату. Я, Нос и Филиппов, чертили кроки, писали письма, занимались с пулеметчиками и благословляли это время отдыха на 10 верст в тылу.

Ночной переход

С 21 на 22 сентября мы, выйдя вечером, шли походом всю непроглядную ночь и пришли в Шлок[1]. Шли вокруг оз. Бабит и через ж.д. мост по[неразб.]. Темь была непроглядная. Я иногда садился на ротную лошадь, иногда слезал. Нос часть же ехал с командиром дружины капитаном Даниловым на его пролетке. Этот первый поход офицером в ставке утомил меня, да ведь я привык уже к 40-верстовым переходам в солдатском снаряжении. День провели, отдыхая, а к вечеру ушли на квартиру за город и выставили тыловое охранение.

Подрядчиком

Сначала я ходил с 3–ею ротою в сторожевку, а затем получил себе дело по постройке землянки. И дернуло меня жить чужим умом. Но [неразб.] постройки я спросил совета Носа. Тот дал совет строить на страх начальству получше. На материалы подводы и рабочих требования не ограничивали, но на исполнение давали всего 8 дней. Требовалось построить помещение на 240 человек. И начали наказывать начальство. Тесу я набрал на складе пазованного, рабочих и подвод не жалел и выстроили 2 барака на 90 человек. Что полковник Жикулин оскандалился. Аванса не хватило. За один лесной материал нужно было заплатить 1029 р. подводы и рабочие не были сполна рассчитаны. Наши землянки, осмотрев, назвал он дворцами и сделал выговор Командиру. И взялись теперь за ум начальники, назначили рабочих солдат, ограничили число подвод и приказали строить из подручного материала. Одну пока такую землянку выстроили на 30 чел., а у корчмы 45 окончить не дали пули немецкие, засвиставшие утром 18 окт. Это дело я передать пытался [неразб.], но командир не позволил. Мытарил в общем дело. Приходилось с 6 утра до 5 вечера самому на работе присутствовать, иначе распоряжения не было. А

[1] Сло́ка (латыш. Sloka; до 1917 Шлок, нем. Schlock) — часть города Юрмалы в 33 км от Риги.

теперь оказалось верно то, что это дело тыловое. 4 офицера ушли сегодня в сторожевку, а там бой идет, а я собрал своих плотников и инструмент и сижу пока в [неразб.] и чай пью. Но разве долго попасть в дело! Я один лишь в резерве. Случись разведка — вот и отправят. Но пусть бы не тревожили: простудился я, видимо, на работах.

Далее следует текст, написанный матерью Якова, Зиновией Яковлевной Полежаевой

1915 года октября 26.

Яшу ранили, мы получили телеграмму 27–го вечером от Курносова и от доктора Фомина. Ваш сын ранен и перевезен в Ригу в лазарет. Я и Ваня поехали навещать. Из Москвы выехали 30-го на Петроград, приехали в Ригу 1 ноября, в 9 часов вечера в гостиницу, позвонили по телефону в лазарет, нам сказали, вашему сыну лучше, ехать было поздно.

2 ноября, утром, в 11 часов поехали к Яше, 1–й офицерский лазарет, [неразб.][1] улица, дом во дворе здания, 4 этаж, чистота и порядок. Пришли, Яша лежит один в чистенькой и светлой комнате, кровать налево, умывальник, шкаф с зеркалом для одежды и белья. Вошли, он веселый, поцеловались. Он говорит: «Папочка, садитесь, мамочка, садитесь. Вот я и ранен». Стал нам рассказывать. Слова Яши:

«Я отвоевал с 18 по 26 октября. Мы измытарились. То в разведку, то в сторожевку, измучились. 26–го не дообедали, приказ идти в наступление, взять Кемерну[2], а мы были близ Шлока. Мы выступили. Прапорщик Филиппов, ротный командир Нос, не обменявшись мнениями, идти было неловко. Я вел левый фланг. Рота попала мне, татары, — не моя. Взошли[3] в лес. Тут немцы осыпали нас снарядами. Мы в поле, укрыться негде, бой ужасный, какой-то ад. Я скомандую «лечь» — лягут, скомандую «встать» — не подымаются. Не знал, что делать. Солдатики валятся, как снопы. Я побежал к ротному за распоряжением. Пуля попала мне в ногу. Я бегу, слышу, загорелись грудь и живот; значит, рана другая. Подбежал к ротному, сказал: «Я ранен», и пошел за куст и лег. Просил солдатиков вынести мое тело с поля битвы, не оставить меня здесь. Они сложили ружья, положили меня и понесли. Я перекрестился, сложил руки крестом, простился со всем миром и думаю, что вот сейчас умру. Нет, жив. С ружьев положили на телегу и повезли очень шибко, я думал, что умру. 7 верст ехали, привезли к перевязочному пункту, подошел доктор Фомин и спросил: «Он без памяти?» Нет, я все помню. Кишки положили в живот и забинтовали. Меня положили в землянку, которую я строил. Лежал, пока подали паровоз в Шлок, отправили в Ригу. С вокзала на автомобиле в лазарет. Сняли все с меня, обмыли и положили на стол, и надели

[1] Может быть, Дудинская.

[2] Ке́мери (латыш. Ķemeri; до 1917 официальное название Кеммерн, нем. Kemmern) — бывший город в Латвии (с 1928), с 1959 — часть города Юрмалы.

[3] Так в рукописи.

маску, и стал уходить в какое-то блаженное состояние. Когда проснулся, перекрестился, я жив и на хорошей кроватке, в хорошей комнате, мне здесь хорошо. Только сегодня уснул, без пулеметов, а то — не мог. Закрою глаза и вижу всю картину войны, и не сплю. Сестрички за мной ухаживают хорошо, и [неразб.], и доктор бывает 2 раза в день, иногда говорит: «Мы боялись за него».

Яше подали кушать манную кашу и овсяный кисель, он покушал и велел окно открыть, потом мы ушли, опять пришли в 4 часа, ему сделали перевязку, вынули кусочек осколка из ноги.

3–го числа.

* * *

На этом записи в дневнике обрываются. На обороте фотографии Якова рукой его отца сделана следующая запись: «Скончался 8 ноября 1915 года в 8 часов утра в Риге в лазарете. Ранен был тяжело в живот 26 октября. Вечная тебе память, дорогой страдалец за Родину».

ЛИТЕРАТУРА

Цветков 2016 — *Цветков С.В.* Последняя война Российской империи. М.: Классика, 2016. 496 с.

REFERENCES

Cvetkov 2016 — *Cvetkov S.V.* Poslednyaya vojna Rossijskoj imperii = Last war of the Russian Empire. Moscow: Klassika Publ., 2016. 496 p. [in Russian].

Соловьева Оксана Юрьевна — независимый исследователь (Москва, Россия).
Solovyova Oksana — Independent researcher (Moscow, Russia).
E-mail: soloveyka68@mail.ru

Соловьева Полина Сергеевна — студентка филологического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова (Москва, Россия).
Solovyova Polina is the Student of Philological Faculty of Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia).
E-mail: soloveyka68@mail.ru

УДК 902/904

ХОЗЯЙСТВЕННАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ЭСТИЕВ И ЯНТАРНАЯ ТОРГОВЛЯ

В.И. Кулаков

Институт археологии Российской академии наук
Россия, 117036, г. Москва, ул. Дм. Ульянова, 19
e-mail: drkulakov@mail.ru
Scopus Author ID: 26038228300
SPIN-код: 3764–2260

Авторское резюме

Проблема хозяйства эстиев, древнего населения юго-восточной Балтии, ранее в археологической литературе не рассматривалась. Современный уровень наших знаний о жизни на Янтарном берегу в римское время позволяет реконструировать те нормы, на которых зиждилось хозяйство предков пруссов. Можно с уверенностью полагать, что янтарная торговля, которую жители Самбии вели с римскими провинциями, стала первичным импульсом для развития торговли эстиев с их северо-восточными соседями — племенами балтов и прибалтийских финно-угров. Начавшаяся в I в. н.э. с поставки от Янтарного берегу на северо-восток гривен с воронковидными концами, эта торговля, базировавшаяся не только на янтаре, но и на изделиях самбийских мастеров, фиксируется в археологическом материале Балтии вплоть до VIII в. Эта торговая трасса стала предтечей позднейшего Avstrvegr — «Восточного пути» эпохи викингов.

Ключевые слова: эстии, янтарная торговля, археология, экономика, янтарь.

ECONOMIC ACTIVITY OF AESTII AND AMBER TRADE

Vladimir Kulakov

Institute of archeology of the Russian Academy of Sciences
Russia, 117036, Moscow, Dm St. Ulyanova, 19,
e-mail: drkulakov@mail.ru

Abstract

Economic activity of the Aestii, an ancient people of the southeastern Baltic, had not been discussed in archaeological literature before. Our current state of knowledge about life on the Amber Coast in Roman Times allows us to reconstruct the basics in which the economy of the Prussians' ancestors was grounded. The author is convinced that the amber trade between Sambians and Roman provinces prompted development of trade networks of the Aestii with their northeastern neighbors — Baltic and Baltic Finno-Ugric tribes. In the 1st century AD the Amber Coast started purveying the Northeast with torques with funnel-shaped ends; the trade was based not only on amber but also on other products of Sambian craftsmen and left evidence in the archaeological material of the Baltic up until the 8th century. This trade route was the precursor of the Austrvegr (the Way East) of the Viking Age.

Keywords: Aestii, amber trade, archeology, economics, amber.

* * *

На современном этапе развития европейской археологической науки пока не предпринимались серьезные попытки реконструкции быта и хозяйственной деятельности обитателей Янтарного берега и его окрестностей в римское время. Лишь основоположник западнобалтского направления исследований в польской археологии Ежи Окулич в 1973 г. опубликовал краткий очерк «Характеристика хозяйства» западных балтов начала нашей эры. В самом начале этого текста автор сетовал на трудности в воссоздании норм хозяйства из-за неизученности поселений эстиев (Okulicz 1973: 452).

Если во всей Европе начала нашей эры отмечалось развитие специализированных ремесел вне рамок домашнего производства, что предполагалось и для населения Самбии и земель совр. Литовского Взморья. Продолжение начатого в раннем железном веке развития цветной металлургии Е. Окулич справедливо связал с функционированием Янтарного пути, по которому поставлялось металлургическое сырье (Okulicz 1973: 454). К сожалению, данные о подсечно-огневом земледелии и охоте у эстиев автор базировал или на материалах Мазурского Поозерья, или на общих теоретических размышлениях (Okulicz 1973: 455–457).

Те же принципы описания хозяйства западных балтов начала нашей эры избрала Люция Окулич-Козарын в свое научно-популярной книге, причем торговля янтарем справедливо признавалась единственной возможностью для получения местными мастерами сырья цветных металлов (Okulicz-Kozaryn 1997: 100, 101). Уровнем общих теоретизирований отличается научно-популярное описание норм подсечного земледелия у эстиев (?) и пруссов, опубликованное М.Г. Гусаковым в малотиражном краеведческом издании в 2003 г. (Гусаков 2003: 6–11).

К сожалению, наши знания о быте и хозяйственной деятельности эстиев за почти полстолетия, прошедшие со времени выхода в свет фундаментальной монографии Ежи Окулича, увеличились не на много. Данные раскопок грунтовых могильников I–V вв. н.э., расположенных на территории совр. Калининградской области позволяют предполагать возможность наличия у эстиев подсечно-огневого земледелия, на что указывает наличие в могилах втульчатых топоров, пригодных для вырубки деревьев под новые пахотные участки. Обилие изделий из цветных металлов (преимущественно — детали женского убора) предполагают поступательное развитие металлообработки у эстиев. Однако здесь следует иметь в виду значительную долю импорта не только сырья в виде римских монет, но и готовых изделий (также предоставлявших возможность переплавки), поступавших на Самбию и в ее окрестности в результате янтарной торговли. Это, очевидно, основополагающая черта хозяйства эстиев изучена к настоящему времени довольно подробно и позволяет воссоздать те пути, по которым поступали в Янтарный край различные формы импортов и аспекты этнокультурной истории этого региона, связанные с указанной выше торговлей.

Торговые трассы I и II вв. (Кулаков 2017: 36–45). Во второй пол. II тыс. н.э. известный польский археолог Ежи Веловейски на основе кропотливого анализа археологических находок, в разной степени связанных с янтарной торговлей, определил янтарную трассу римского времени, проходившую по рекам Висле и Дунаю и назвал ее Главный/Великий янтарный путь (Wielowiejski 1970).

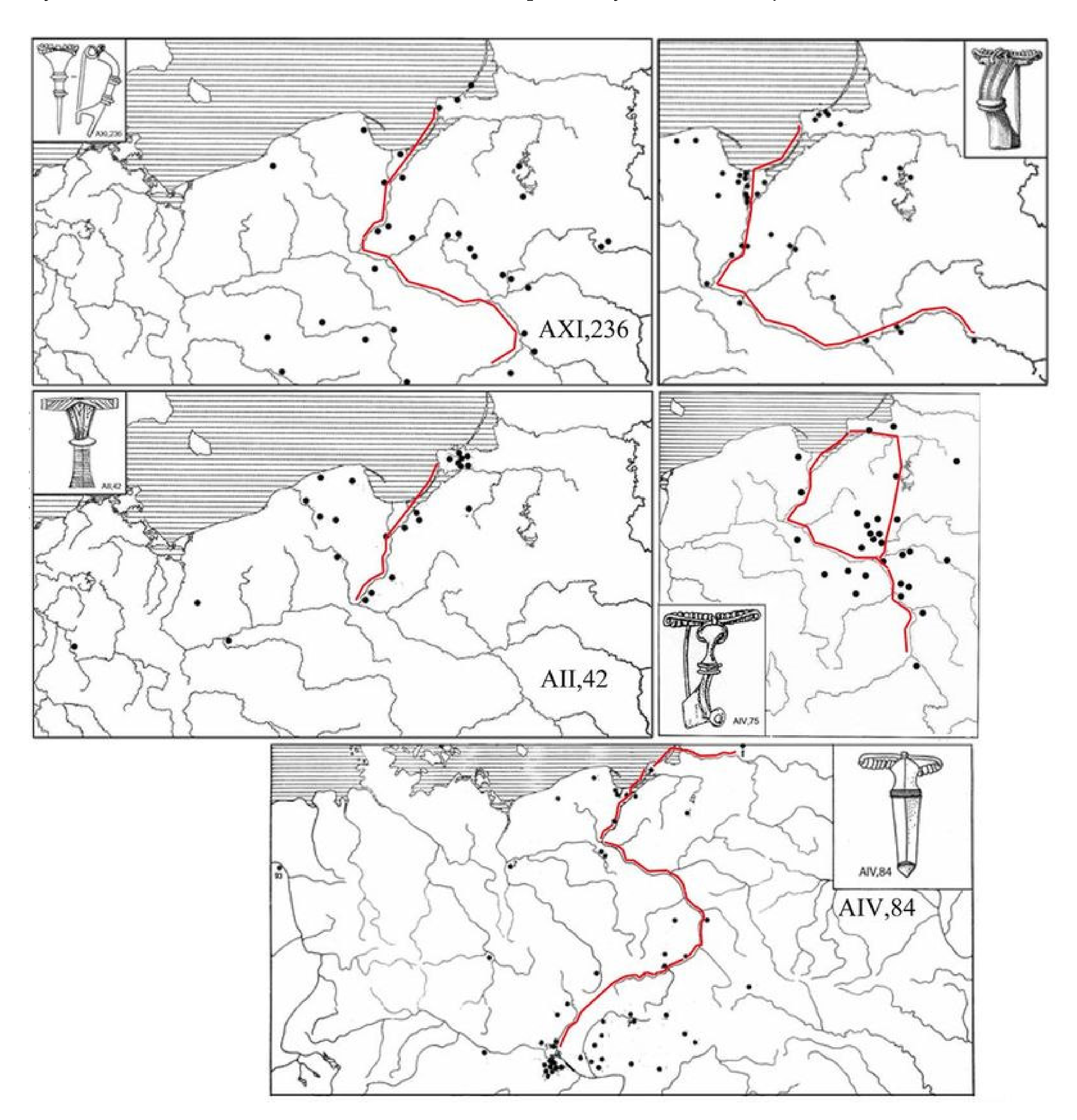

Рис. 1. Варианты трасс янтарной торговли в Юго-Восточной Балтии в I в. н.э. (Кулаков 2016, рис. 1–5).

Перспектива участия в янтарной торговле привлекала на Самбию взоры представителей различных племен Древней Европы и вызывала миграцию их групп (прежде всего — романизированных кельтов) уже с фаз B_{1a} и B_{1b} (Wielowiejski 1980: 169). В первом десятилетии на Янтарный берег проникают группы германцев, известные под именем Vidivarii (Кулаков 2011: 33). Таким образом, янтарная торговля способствовала не только проникновению в среду эстиев новаций европейской материальной культуры (в т.ч. технологий), но и иноэтничным включениям в западнобалтскую среду. В связи с этим представляется актуальным выявление локальных направлений торговли в северной, начальной фазе Великого/Главного янтарного пути.

Несколько лет тому назад автор этих строк продолжил предложенную Е. Веловейски методику выявления путей янтарной торговли по находкам продуктов, получавшихся эстиями в обмен на янтарь — провинциально-римских фибул. Мною были показаны на карте пункты находок фибул I в. н.э. (Кулаков 2017: рис. 1–4). Учитывая возможность размещения находок фибул не только непосредственно у трассы Янтарного пути, но и распространение их в близлежащих микрорегионах, где они выпали в землю на могильниках, можно составить варианты Янтарного пути для фибул I в. н.э., найденных в вельбарском, пшеворском и в западнобалтском ареалах (**рис. 1**). Информация комплекса этих карт свидетельствует о распространении фибул I в. н.э. в основном в северной части Янтарного пути. Исключение составляют фибулы типа AIV,84, основное скопление которых представлено в бассейне р. Тисса и на близлежащих берегах р. Дунай. Второй базовый вывод, полученный при картировании находок фибул групп AII–AIV заключается в том, что они отсутствуют на территории woj. wielkopolskie и lódżskie Polski. Однако на карте Янтарного пути, опубликованного Е. Веловейски, после поворота течения р. Висла на север у совр. Bromberg/Bydgoszcz направление трассы Янтарного пути устремляется на юг (Wielowiejski 1980: mapa 2). Именно на этой трассе расположено местонахождение знаменитого янтарного клада у Kalisz. Однако скопление находок фибул типа AIV,75 к западу от впадения рр. Нарев и Буг в р. Вислу указывает на существование версии трассы Янтарного пути через северную часть пшеворского ареала и через западную окраину Мазурского Поозерья (ареал «богачевской» культуры). Примечательно, что на карте Е. Веловейски данный вариант трассы допускается (Wielowiejski 1980: mapa 2).

Применение указанной выше методики для выяснения направлений северного отрезка Великого/Главного Янтарного пути дало довольно неожиданные результаты. Фибулы типа AIV,88, являющиеся на фазе B_2 переходной фазой между застежками-прототипами перекладчатых фибул и фибулами формы Hauptmann 1 (Hauptmann 1998: 159, 160), встречены исключительно на Самбии (**рис. 2**). Таким образом, на Янтарном берегу находятся прототипы для фибул форм 1–9, являющихся хроноиндикатором для археологических комплексов любовидзской фазы вельбарской культуры. Так как находок фибул типов AIV,88 и AV,96 в верхнем течении р. Висла не обнаружено, а в бассейне р. Одры указанный последним тип

застежек представлен обильно, связывать появление таких фибул с Великим Янтарным путем не представляется возможным. Распространение фибул типа AV,96 и форм Hauptmann 1–9 шло, очевидно, с северо-востока, от Самбии (там найдены их прототипы) по рекам Нотечь и Варта, правым притокам р. Одра. Судя по находкам этих фибул в бассейне указанной реки они могли являться здесь результатами торговых операций, возможно, даже с янтарем, но не самбийским, а ютландским. С другой стороны, обнаружение сугубо вельбарских фибул типа AV,96 и форм Hauptmann 1–9 как в вельбарском ареале, так и вне его может предполагать эти фибулы как основной продукт торговли в раннеримское время, а также свидетельствовать о широких матримониальных межплеменных связях на восточной границе германского мира.

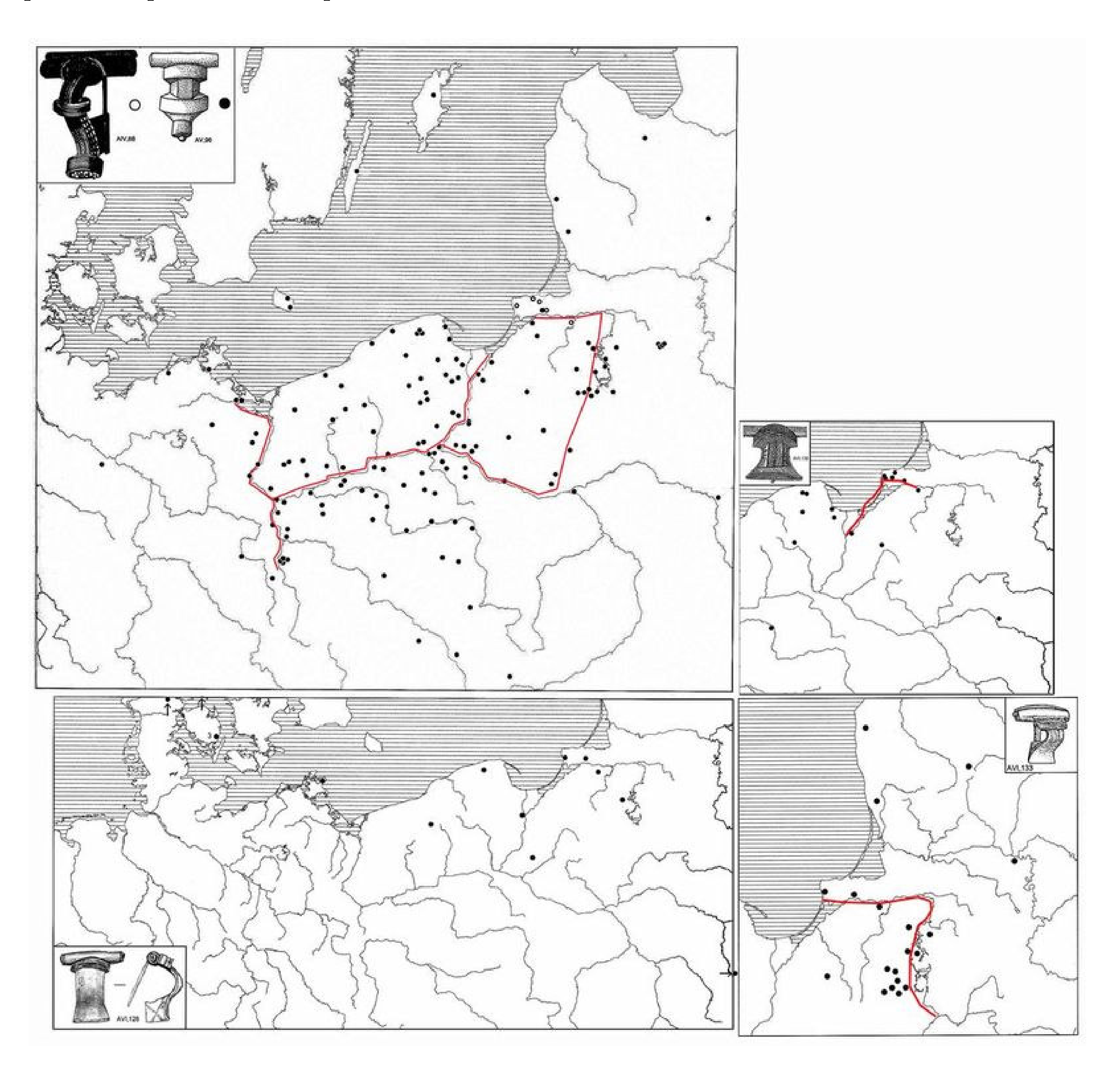

Рис. 2. Варианты трасс янтарной торговли в Юго-Восточной Балтии во II в. н.э. (Кулаков 2016, рис. 28, 34, 35, 37).

Вельбарские перекладчатые фибулы, встреченные попарно в погребальных комплексах грунтового могильника Lauth/Б. Исаково (г. Калининград), прямо свидетельствуют о том, что представительницы восточногерманского этноса на фазах B_1 – B_2/C_1 стали невестами для обитателей Янтарного края. Например, в погр. L–233 (**рис. 3**) представлены бронзовые фибулы типов AII,39, AII,40, AII,41, браслет типа Kameńczyk и накладки для самбийского пояса. По фибулам данный комплекс датируется фазой B_1, при этом вещевые признаки западнобалтских древностей в данном погребении отсутствуют (Кулаков 2016: 63). Т.е. весь инвентарь женщины из погр. L–233 представляет ее приданое, с которым она поступила на Самбию из вельбарского племенного ареала. Единственные свидетельства присутствия балтов в коллективе, осуществлявшем погребальные церемонии с этой женщиной, являются нож и поясные накладки, нехарактерные для восточногерманских традиций.

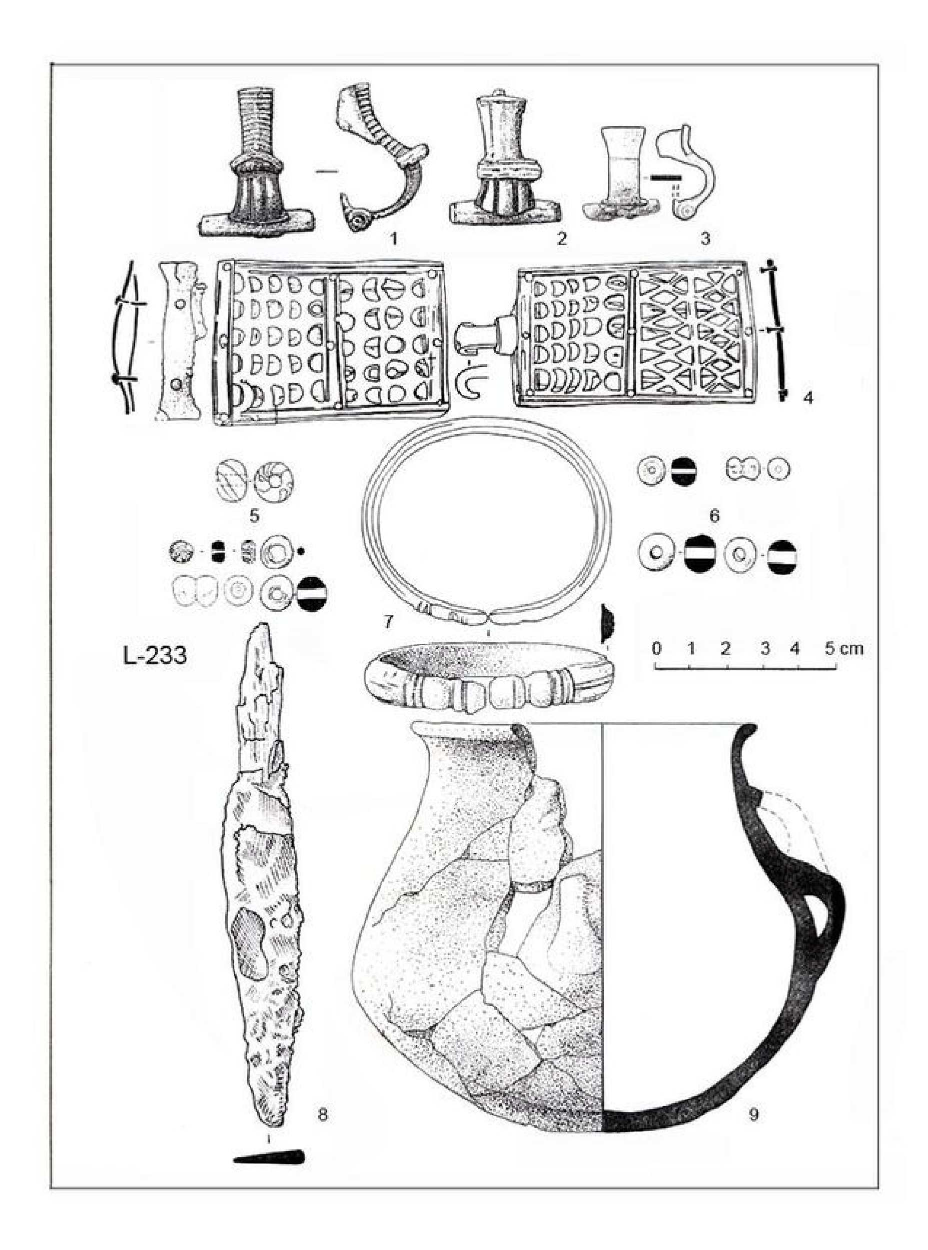

Рис. 3. Инвентарь погр. L–233 могильника Lauth/Б. Исаково (Кулаков 2016, рис. 65).

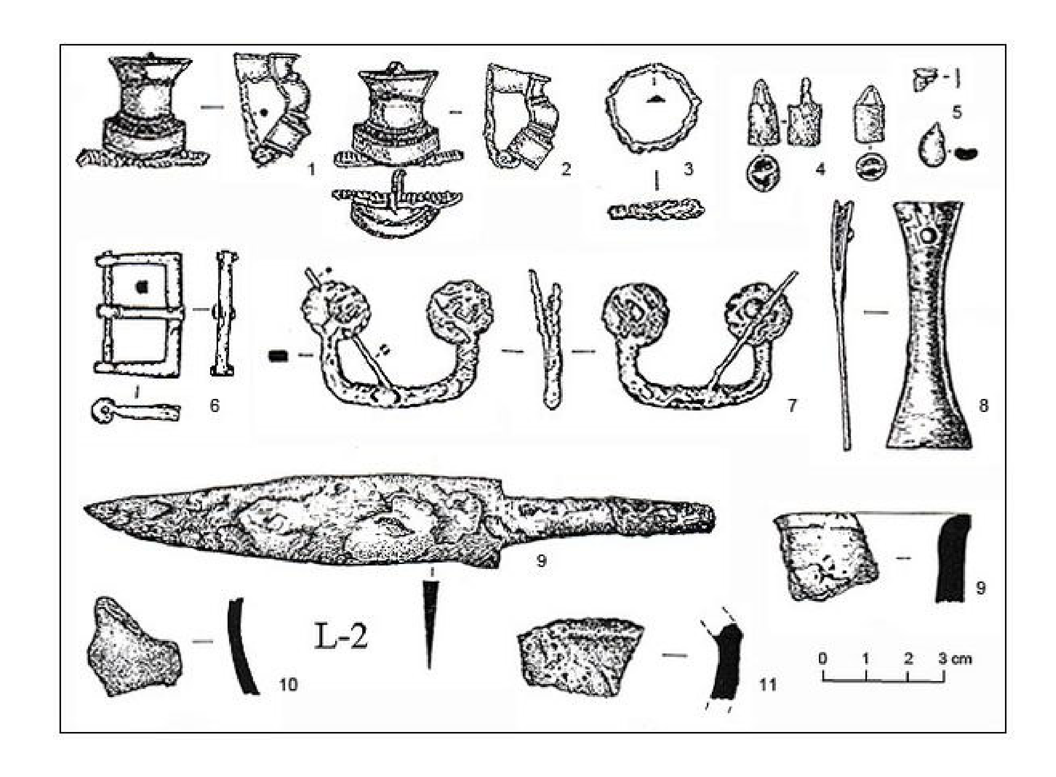

Рис. 4. Инвентарь погр. L–2 могильника Lauth/Б. Исаково (Skvorzov 2007, Taf. 2).

Сходным образом можно интерпретировать вещевые комплексы еще нескольких женских погребений из могильника Lauth/Б. Исаково. Так, например, в погр. L–2 встречена пара «шапкообразных» фибул типа AVI,128 (**рис. 4**) (форма 9а), датирующих комплекс фазой B_2/C_1 (Machajewski 1998: 192), соответствуя самой северо-восточной точке распространения восточногерманского женского убора (Кулаков 2016: 63). Правда, наличие в этом комплексе ножа и остатков поясного набора подвигло малоопытного К. Скворцова определить данный комплекс как мужской (Skvorzov 2007: 117). До проведения антропологического анализа остатков из погр. L–2 окончательный вердикт относительно гендерной принадлежности погребенных здесь индивидуумов преждевременен, однако нахождение здесь вместе с фибулами железных ведерковидных подвесок, перстня и оплавленных бусин прямо указывает на присутствие в погр. L–2 женских останков. Наконец, в погр. L–244 вместе с парой браслетов типа Trömpau, оплавленными бусинами и ножом выявлены остатки обожженных двух пар перекладчатых фибул (**рис. 5**), одна из которых уверенно относится к типу AV,95 и относится к фазе B_2/C_1 (Кулаков 2016: 36). Балтские по своему историко-этнографическому характеру находки в данном комплексе также отсутствуют.

Фибулы типа AVI,128 представлены и в вельбарском ареале, и на Янтарном берегу столь небольшим числом находок (**рис. 2**), что можно лишь предполагать эти артефакты продуктом межплеменных контактов между восточными германцами и эстиями. Местонахождение конкретной трассы этой торговли установить пока нельзя. Сходный вывод можно сделать о распространении роскошных по своему оформлению фибул AVI,130 (фаза B_2/C_1 — 6, с. 39). Их локальные скопления на

восточной окраине Поморья и в западной части Самбии свидетельствуют об обретении племенной аристократией своих невест среди восточногерманской знати на рубеже ранне- и позднеримской эпох (Кулаков 2016: 40). Наконец, анализ скоплений находок фибул типа AVI,133 (**рис. 2**) указывает на «Мазурский вариант» истоков Великого Янтарного пути, уже ранее выявленный на примере распространения фибул AIV,75 (**рис. 1**).

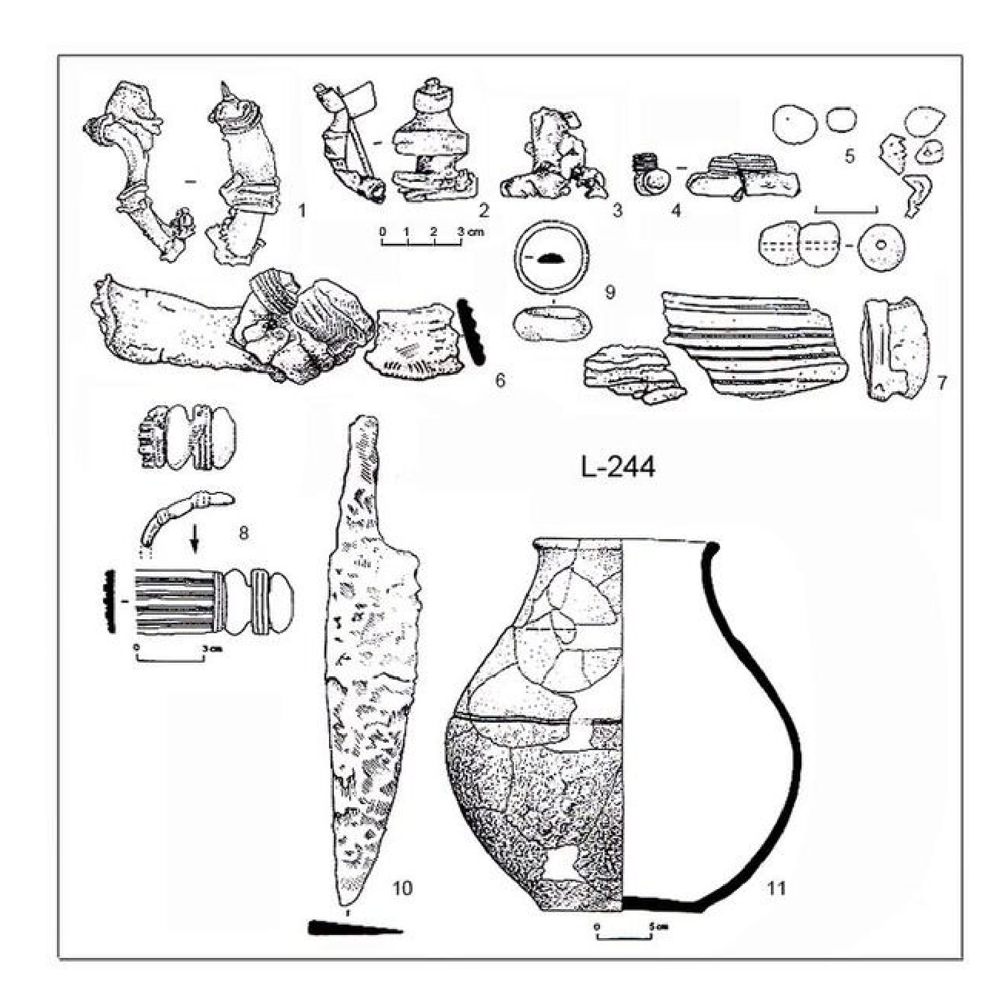

Рис. 5. Инвентарь погр. L–244 могильника Lauth/Б. Исаково (Архив ИА РАН, Р–1; Скворцов 2005).

Приведенный выше анализ версий северного отрезка Великого/Главного Янтарного пути в раннеримское время позволяет сделать следующие выводы:

1. Распространение в I в. н.э. в Юго-Восточной Балтии провинциально-римских фибул типа AIV,75 позволяет полагать прохождение части Янтарного пути через ареал пшеворской культуры, носители которой охотно пользовались фибулами как продуктом янтарной торговли.

2. Начиная с фазы B_1 вельбарские фибулы форм Hauptmann 1–9 поступают (очевидно, как в рамках торговых отношений, так и как результат матримониальных контактов) на юго-западную окраину балтского мира. Анализ погребальных

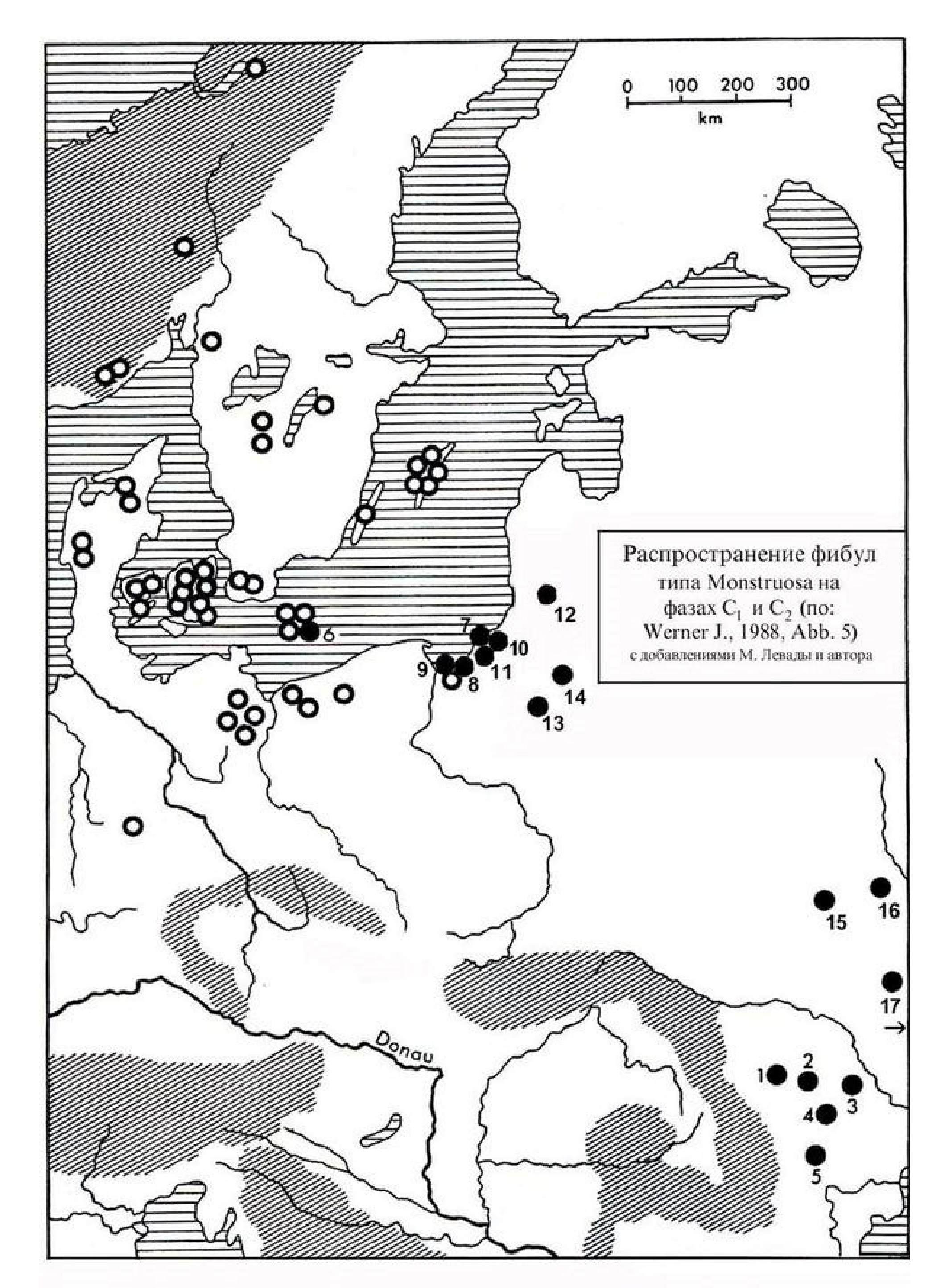
комплексов, содержащий на могильнике Lauth/Б. Исаково такие фибулы, свидетельствует о том, что восточногерманские женщины, оказавшиеся в качестве невест/жен в балтской среде, как правило, до конца жизни сохраняли элементы своего приданого, выполненные в вельбарских традициях. Однако наличие отдельных балтских по своему происхождению компонентов погребального инвентаря в их захоронениях свидетельствует скорее в пользу проведения заупокойных церемоний с останками германских женщин эстиями, носителями западнобалтских традиций.

Торговые трассы III и IV вв. Позднеримское время, соответствующее фазам C_1–D_1, для западной окраины балтского мира своими хрономаркерами имеет, в частности, арбалетовидные фибулы с подвязной ножкой и с литым иглоприемником. К последним относятся отдел двучленных застежек, часть из которых, обладающих крупными размерами и накладными деталями с покрытием серебряной фольгой, именуются фибулами Monströse (лат. "Fibulae monstruosae") (группа VII «Двучленные фибулы с высоким иглоприемником» — Almgren 1923: Taf. IX). По южнорусским находкам установлена дата таких находок — II в. н.э. и позже (Амброз 1966: 72–74). На западной границе балтского мира известны 9 находок фибул Monströse (типа AVII,217), преимущественно относящихся к группе Przybyla 6 фаз C_{1b}-C_2 (Lund Hansen, Przybyła, 2010: 265, 271). Данные фибулы характеризуются лучеобразными ответвлениями, направленными в стороны от нижней округлой пластины застежки. Фибулы парны и обнаруживаются исключительно в погребениях знатных женщин. Прототипы застежек Monströse на разной стадии их развития попали на Янтарный берег на фазе B_{1b} (фибулы типа AIV,71–AIV,75) из Среднего Подунавья и после завершения Маркоманнских войн вместе с германскими переселенцами с Ютланда (застежки типа Prussia-Museum) (Кулаков 2016: 48). Так как фибулы Monströse, обнаруженные на вельбарских памятниках археологии в Причерноморье, конструктивно более развиты/деградированы относительно балтийских находок, то очевидно поступление их прототипов на юг Восточной Европы из Балтийского региона.

«…Самбия и дельта р. Вислы, основные зоны распространения фибул М в Балтии, были важнейшими участками сакрального пути, связывавшего восточногерманские ареалы в Поднестровье и Поднепровье с островными культовыми центрами на западе балтийской акватории. Как железные гребни и предметы с руническими знаками старшего футарка, фибулы Monströse являлись материальными показателями участия древних германцев (прежде всего — женщин) в культовых ритуалах» (Кулаков 2016: 49).

Очевидно, фибулы Monströse изготавливались в позднеримском периоде германскими мастерами-мигрантами из Ютланда для знатных женщин, осуществлявших, что засвидетельствовано декором указанных фибул, культовые акции. Картирование находок этих фибул в Центральной и в Восточной Европе свидетельствует о распространении их по пути, которым на фазе B_2/C_1 восточногерманские племена отправились из Балтии в Причерноморье (**рис. 6**).

Понеся серьезное поражение в ходе Маркоманнских войн, германские отряды, стремящиеся к участию в торговле с Римом и в надежде освоить восточноевропейские черноземные территории, отправились по варварской рокаде, не пересекая паннонского лимеса (Kulakov 2001: 51, 52).

1 - Todireni; 2 - Vasilica; 3 - Budešti; 4 - Dančeny; 5 - Chanska; 6 - Slusegaard; 7 - Grebieten; 8 - Weklice; 9 - Lubieszewo; 10 - Lauth; 11 - Brandenburg; 12 - Lietuva; 13 - Polowity; 14 -Grunajki; 15 - Petrikivtsy; 16 - Novopolovetskoje; 17 - Medvedovka.

Рис. 6. Распространение фибул типа Monströse фаз C1 и C2 (Кулаков 2016, рис. 45).

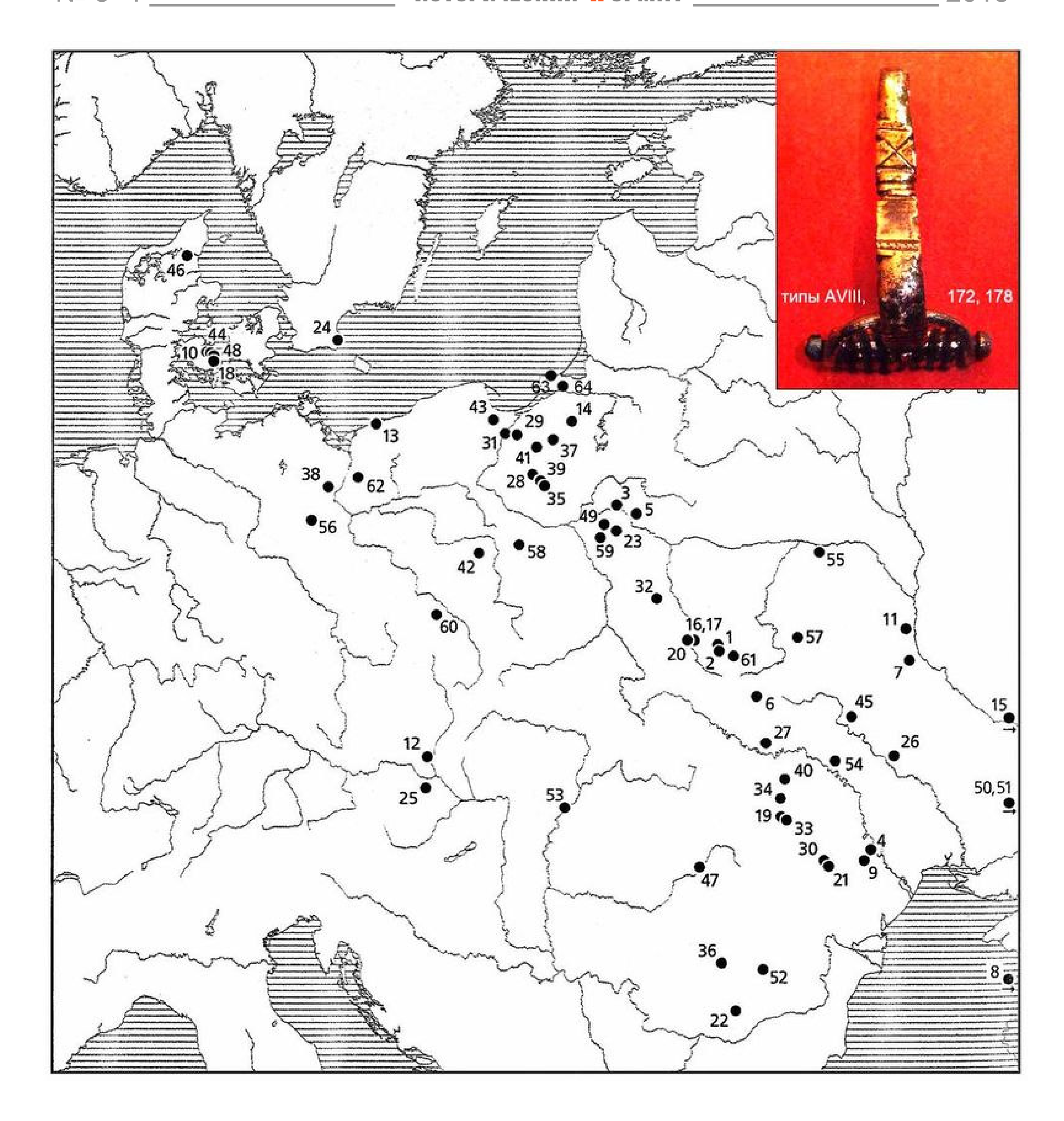

Рис. 7. Распространение подвязных фибул: 1 — Байів, Волынская обл., Украина, погр. 20; 2 — Боромель, Ровненская обл., Украина, 2 экз.; 3 — Brulino Koski, woj. mazowieckie, Polska, погр. 27; 4 — Budešti, Moldova, погр. 128; 5 — Cecele, woj. podlaskie, Polska, погр. 26, 283, 370, 374; 6 — Чернелів Руський, Тернопольская обл., Украина, погр. 146; 7 — Черняхов, Киевская обл., Украина, погр. 256. 2 экз.; 8 — Харакс, Крым, погр. 33; 9 — Dančeny, Moldova, погр. 118; 10 — Davinge, Fyn, Danmark, погр. 4; 11 — Деревянное, Киевская обл., Украина, погр. 4; 12 — Drosing, Niederöstereich, случ. Находка; 13 — Dzierżęcino, woj. zachodniopomorskie, Polska, погр. 21; 14 — Grunden/Grądy Kruklaneckie, woj. warmińsko-mazurskie Polska, погр. 65; 15 — Градижк, Полтавская обл., Украина, поселение; 16 — Gródek nad Bugiem, woj. lubelskie,

Polska, погр. 28; 17 — Gródek nad Bugiem, woj. lubelskie, Polska, поселение; 18 — Gudme III, Sjælland, Danemark; 19 — Hanegti, jud. Botojani, Romania, погр. 13; 20 — Hrubieszów-Antonówka, woj. lubelskie, Polska, погр.; 21 — IaşI–Nicolina, Romania, поселение; 22 — Izvorul, jud. Giurgiu, Romania, погр. 21 (?); 23 — Jartypory, woj. mazowieckie, Polska, погр.; 24 — Jarrestad, Sverige, погр., 2 экз.; 25 — Jois, Niederösterreich, случ. находка; 26 — Косаново. Винницкая обл., Украина, погр. 2, 15; 27 — Костинцы, Черкасская обл., Украина, поселение; 28 — Kozlówko, woj. warmińsko-mazurskie, Polska, погр. 7 (?); 29 — Krosno, woj. warmińsko-mazurskie, Polska, погр. 192; 30 — Letcani, jud. Iaşi. Romania, погр. (?); 31 — Leczna, woj. lubelskie, Polska, погр. 32; 32 — Malbork-Wielbark, woj. warmińsko-mazurskie, Polska, погр. 4C; 33 — Mihălăşeni, jud. Botoşani, Romania, погр.; 34 — Miorcani, jud. Botoşani, Romania, погр. 20 (?), 55; 35 — Modła, woj. mazowieckie, Polska, погр. 28, 38, 65; 36 — Mogoşani, jud. Dimbovita, Romania, погр. 12, 17; 37 — Nerwik, woj. warmińsko-mazurskie, Polska, погр. 1; 38 — Neuhaus, Lkr. Uckermark, Deutschland, погр.; 39 — Niedanowo, woj. mazowieckie, Polska, погр. 109, 543; 40 — Оселівка, Черновицкая обл., Украина, погр. 41; 41 — Ostróda, woj. warmińsko-mazurskie, Polska, погр.; 42 — Piwonice, woj. Wielkopolskie, Polska, поселение; 43 — Pruszcz Gdański, woj. pomorskie, Polska, погр.; 44 — Roskilde, Fyn, Denemark, погр., 2 экз.; 45 — Самчинцы, Винницкая обл., Украина, поселение; 46 — Sejflod, Jylland, Denemark, погр. OO (2 экз.), XF; 47 — Sîntana de Mureş, Romania, погр. 48 (?); 48 — Smedehoj, Fyn, Denemark, погр.; 49 — Stara Wieś, woj. mazowieckie, Polska, погр. 9 (?); 50 — Танаис (Недвиговка), Ростовская обл., кург. 1, погр. 1; 51 — Танаис (Недвиговка), Ростовская обл., город; 52 — Tirgşor, jud. Poieşti, Romania, погр. 1 (?), 139; 53 — Tiszavalk, Magyar, погр. 1, 12; 54 — Вилы Яругские, Винницкая обл., Украина, погр. 4 (?); 55 — Велемичи, Гомельская обл., Беларусь, погр.; 56 — Waltersdorf, Lkr. Dahme-Spreewald, Deutschland, поселение; 57 — Вербицка, Хмельницкая обл., Украина, случ. находка; 58 — Wola Branicka, woj. lódzkie, Polen. Siedlungsfund (Moszczyński 2000,209, Abb. 7,19); 59 — Wola Korytnicka, woj. mazowieckie, Polska, случ. находка; 60 — Zerniki Wielkie, woj. dolnosławskie, Polska, погр. 8; 61 — Зиновиччина, Тернопольская обл., Украина, погр.; 62 — Żukowo, woj. zachodniopomorskie, Polska, погр. 2, 2 экз.; 63 — Dollkeim/Коврово, Зеленоградский р-н, Калининградская обл., погр. Do–370; 64 — Lauth/Б. Исаково, Гурьевский р-н, Калининградская обл. (Кулаков 2016, рис. 59).

Самой распространенной в Балтии позднеримского времени формой застежки была фибула с подвязной ножкой типов AVII,158, AVII,161, 162, 164, 167. Их прототипы появились в Тюрингии на фазе C_{1a}, несколько позже — на Ютланде. В пределах Балтийского региона изготовленные из железа подвязные фибулы распространяются сначала в пшеворском ареале (Кулаков 2005а: 39). Если фибулы Monströse в незначительном количестве поступали из Балтии в Днестровско-Днепровскую зону переселения групп восточных германцев вместе со своими знатными хозяйками (возможно — жрицами-haliurunnas), то подвязные фибулы, будучи фактически так наз. «ширпотребом» для обитателей Barbaricum, поступали по рокаде варваров значительными массами (**рис. 7**). Фибулы с фасетированным корпусом, являющиеся маркером черняховских и вельбарских древностей,

подвергались на Самбии копированию (Кулаков 2016: 58), будучи, видимо, для эстиев или местных германцев престижной деталью убора. На территории Польского Поморья такие застежки датируются временем после фазы C_2 (Schuster 2004: 90, Abb. 5,1,2).

Самый крупный массив фибул, известный в древностях Юго-Восточной Балтии в позднеримское время — фибулы с кольцевой гарнитурой. Первым из археологов обратил внимание на эти артефакты шведский коллега Нильс Оберг (Кулаков 2013: 466). Считая прародиной этих фибул Самбию, Н. Оберг разделил эти находки на три типа — Å2, фазы C_1-C_2 (тип AVII,167 с тремя кнопками на пружине, имеющие подвязной иглоприемник, чем отличаются от своего прототипа — фибул типа AIX,211 — Кулаков 2003: 277), встречены в погребениях в о одному экземпляру, что соответствует мужскому убору, Å3 (лишенные третьей кнопки große Ambrustfibeln = große ABF дл. до 5 см с тремя кольцами рифленой проволоки нередко покрытом серебряной фольгой корпусе фибулы), встречены в погребениях попарно, что соответствует женскому убору и Å4 (Åberg 1919: 14, 15). Застежки последнего типа характеризуются несколькими кольцами на массивном корпусе, обтянутом серебряной и, реже, золотой фольгой. В. Новаковски в своих работах обратил внимание лишь на фибулы große Ambrustfibeln, датируя их 350–400 гг. и относя их кольцевой декор к Lubowidz-Stil (Nowakowski 1996: 19, 57). Если варшавский коллега, не обращая внимание на слабую аргументацию своего вывода, считает причину появления этих фибул на Самбии восточногерманским импульсом из Восточного Поморья, то материалы могильника Dollkeim./Коврово неоспоримо свидетельствуют в пользу местного происхождения фибул с кольцевой гарнитурой, восходящих к застежкам типов AIV,74 и AIV,81 (Кулаков 2003: 277) и датируемым фазой C_{1b}.

Недавно к проблеме изучения фибул с кольцевой гарнитурой обратилась О.А. Хомякова. В своей статье, являющейся частью диссертации, она согласилась (правда — без сноски) с моим вариантом типологии этих фибул по Н. Обергу (Хомякова 2010: 128). Приписывая мне точку зрения о происхождении кольцевой гарнитуры из традиций «сарматской культуры», автор статьи не замечает того, что автор этих строк писал о продолжении в фибулах с кольцевой гарнитурой «развития линии фибул типов AIV,74 и AIV,81», относящихся не к «сарматской» (по М. Мончиньской), а к провинциально-римской культуре (Кулаков 2004а: 35). Вслед за В. Новаковски О.А. Хомякова излагает тезис о появлении фибул с кольцевой гарнитурой на Самбии благодаря восточногерманскому импульсу (Хомякова 2010: 131), с чем я никогда и не спорил. Более того, О.А. Хомяковой, никогда не отличавшейся вниманием к русской историографии археологии Балтии, осталась неизвестной моя статья 2004 г. (Кулаков 2004а: 123, 124), где была высказана основная часть тезисов о предыстории фибул с кольцевой гарнитурой, «выдвинутых» О.А. Хомяковой в своей статье. Единственным несомненным плюсом этой работы является подробный разбор технологии изготовления декора фибул с кольцевой гарнитурой, что позволило уточнить датировку отдельных экземпляров фибул (Хомякова 2010: 135).

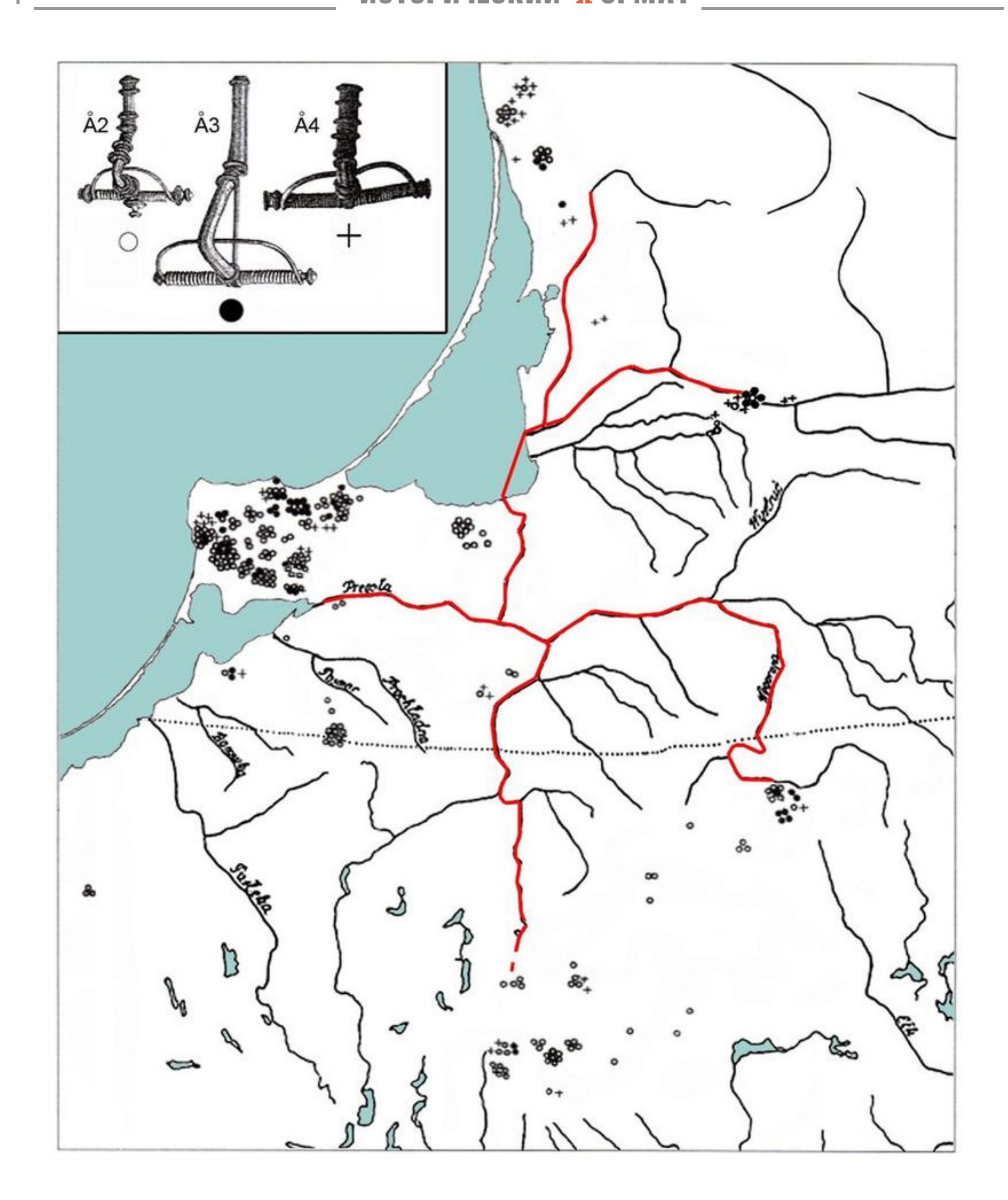

Рис. 8. Распространение фибул с кольцевой гарнитурой (Åberg 1919, Karte).

Картирование находок различных типов фибул с кольцевой гарнитурой указывает на Самбию как бесспорный центр появления и производства этих аксессуаров убора (**рис. 8**). Более того, размещение на западной окраине балтского мира групп находок упомянутых фибул указывает на развитие их традиций «на материалах правобережья р. Нярис, в племенном ареале аукштайтов VI в. н.э.» (Кулаков 2004б: 124). Пути, по которым могли распространяться с Самбии образцы продукции местных мастеров в виде арбалетовидных фибул с кольцевой гарнитурой, как показывает картографирование их находок, пролегали по водным трассам (**рис. 8**), которыми пронизан ареал западных балтов. В VII в. фибулы типа Å4, изготовлявшиеся мастерами западной части Мазурского Поозерья, начинают в обмен на янтарь (?) поставляться в ареалы ламатов (дельта р. Неман) и куршей (территория совр. Литовского Взморья).

Завершение использования таких фибул фиксируется на основе данных мазурских могильников на рубеже VII–VIII вв. (Кулаков 2004б: 125). Так завершается пятисотлетняя история внешней и внутренней торговли, которую вели эстии и одним из продуктов которой были фибулы, причем сначала — провинциально-римские, затем — самбийские. Можно с уверенностью полагать, что янтарная торговля, которую жители Самбии вели с римскими провинциями, стала первичным импульсом для развития торговли эстиев с их северо-восточными соседями — племенами балтов и прибалтийских финно-угров. Начавшаяся в I в. н.э. с поставки от Янтарного берегу на северо-восток гривен с воронковидными концами, эта торговля, базировавшаяся не только на янтаре, но и на изделиях самбийских мастеров, фиксируется в археологическом материале Балтии вплоть до VIII в. (Кулаков 2003: 137, рис. 38). Эта торговая трасса стала предтечей позднейшего Avstrvegr — «Восточного пути» эпохи викингов. Некоторые современные польские и литовские археологи, не зная с самбийского материала начала нашей эры, полагают, что в начале нашей эры существовал торговый путь между Мазурским и Сувалкийским регионами и территорией совр. Литовского Взморья, шедший по р. Шешупе восточнее Самбии (Banytė-Rovell, Bitner-Wróblewska, Reich 2016: 140–144). Приведенный выше тезис о связях отдельных групп западных балтов в обход Самбии справедлив, пожалуй, для завершающей фазы эпохи Великого переселения народов. Эти связи отмечены распространением арбалетовидных фибул типа Å4 к северу от дельты р. Неман, причем в регионе распространения их прототипов арбалетовидные фибулы VI–VII вв. уже малочисленны (Кулаков 2005б: 124).

ЛИТЕРАТУРА

Амброз 1966 — *Амброз А.К.* Фибулы юга европейской части СССР / Свод археологических источников. Вып. Д1–30. М.: Наука, 1966. 111 с.

Гусаков 2003 — *Гусаков М.Г.* Реконструкция хозяйства древних пруссов // Надровия. 2003. № 2. 47 с.

ИА РАН — Институт археологии Российской академии наук.

Кулаков 2003 — *Кулаков В.И.* История Пруссии до 1283 г. М.: Индрик, 2003. 348 с.

Кулаков 2004а — *Кулаков В.И.* Доллькайм-Коврово. Исследования 1879 г. Минск: Институт истории НАН Беларуси, 2004. 135 с.

Кулаков 2004б — *Кулаков В.И.* Фибулы Балтии с кольцевой гарнитурой из архива копий Центрального Римско-Германского музея (Майнц) // Российская археология. 2004. № 3. С. 123–127.

Кулаков 2005а — *Кулаков В.И.* Подвязные фибулы в Юго-Восточной Балтии // Российская археология. 2005. № 1. С. 37–49.

Кулаков 2005б — *Кулаков В.И.* Фибулы Балтии с кольцевой гарнитурой из архива копий Центрального Римско-Германского Музея (Майнц) // Российская археология. 2005. № 3. С. 123–127.

Кулаков 2011 — *Кулаков В.И.* Пути янтарной торговли и миграция племен в I–V вв. н.э. // Торговые пути янтаря. Материалы международной научно-практической конференции и 30 июня 2011 г., Калининград. Калининград: Издательство БФУ, 2011. С. 25–34.

Кулаков 2013 — *Кулаков В.И.* Оберг // Большая Российская энциклопедия. Т. 23. М.: Издательство Большой Российской энциклопедии, 2013. С. 466.

Кулаков 2016а — *Кулаков В.И.* Сокровища Янтарного края. Показатели инокультурных влияний на древности Самбии и Натангии в I–IV вв. н.э. Калининград: Калининградская книга, 2016. 362 с.

Кулаков 2017 — *Кулаков В.И.* Трассы межэтничных контактов у истоков Янтарного пути в I в. н.э. (по данным распространения фибул) // Научные чтения, посвященные Виктору Владимировичу Мартынову: сборник научных трудов. Вып. IV. Часть 2. Минск: РИВШ, 2017. С. 36–45.

САЭ — Самбийская археологическая экспедиция ИА РАН.

Хомякова 2010 — *Хомякова О.А.* Стиль кольцевого декора в материалах самбийско-натангийской культуры позднеримского периода // Славяно-русское ювелирное дело и его истоки. СПб.: Нестор-история, 2010. С. 128–141.

Åberg 1919 — *Åberg N.* Ostpreußen in der Völkerwanderungszeit. Uppsala; Leipzig: Almqvist, Wiksells BoktryckerI–A.-D, 1919. 175 s.

Almgren 1923 — *Almgren O.* Studien zur Nordeuropäische Fibelformen der ersten nachchristlichen Jahrhunderte und Berücksichtigung der provinzialrömischen und südrussischen Formen. Leipzig: Verlag von Curt Kabitzsch, 1923.

Banytė-Rovell, Bitner-Wróblewska, Reich 2016 — *Banytė-Rovell R., Bitner-Wróblewska A., Reich Chr.* West Lithuania as a golden Bridge between the Sea and the Baltic Hinterland in Northeast Poland during the Roman and Migration Periods // Archaeologia Baltica. Vol. 23. Klaipėda: Klaipėdos universitetas Press, 2016. S. 140–151.

Hauptmann 1998 — *Hauptmann T.* Studien zu den Dreisprossenfibeln // 100 Jahre Fibelformen nach Oscar Almgren, Forschungen zur Archäologie im Land Brandenburg. Bd. 5. Wünsdorf: Verlag Brandenburgisches Landesmuseum für Ur- und Frühgeschichte, 1998. S. 159–173.

Kulakov 2001 — *Kulakov W.* Jütland-Dobrudscha: die Rochade der "Barbaren" vom 2. bis 4. Jh.n.Chr. // Archaeologia Bulgarica. Bd. V. Sofia: Institut of Archaeology, 2001. S. 45–58.

Lund Hansen 1987 — *Lund Hansen U.* Römischer Import im Norden. København: Gyldendal, 1987. 346 s.

Lund Hansen, Przybyła, 2010 — *Lund Hansen U., Przybyła M.J.* Rosettenfibeln — ein Klassifikationsversuch // Worlds apart? Contacts across the Baltic Sea in the Iron Age. Network Denmark-Polen 2005–2008. Kobenhavn; Warszawa: Wydawnictwo Uniwersytetu Marii Curie-Skłodowskiej, 2010. S. 241–286.

Machajewski 1998 — *Machajewski H.* Die Fibeln der Gruppe V, Serie 8, im östlichen Teil Mitteleuropas // 100 Jahre Fibelformen nach Oscar Almgren, Forschungen zur Archäologie im Land Brandenburg. Bd. 5. Wünsdorf: Verlag Brandenburgisches Landesmuseum für Ur- und Frühgeschichte, 1998. S. 187–196.

Nowakowski 1996 — *Nowakowski W.* Das Samland in der Römischen Kaiserzeit und seine Verbindungen mit den Römischen Reich und der barbarischen Welt. Veröffentlichungen des Vorgeschichtlichen Seminars Marburg. Sonderband 10. Marburg; Warszawa: Vorgeschichtliches Seminar, 1996. 169 s.

Okulicz 1973 — *Okulicz J.* Pradzieje ziem pruskich od póznego paleolitu do VII w. n.e. Wrocław; Warszawa; Kraków; Gdańsk, 1973. 588 s.

Okulicz-Kozaryn 1997 — *Okulicz-Kozaryn Ł.* Dzieje Prusów. Wrocław: Wydawnictwo Leopoldinum, 1997. 531 s.

Schuster 2004 — *Schuster J.* Untersuchungen zu den spätkaiserzeitlichen Fibelformen Almgren 185 und 172 und deren gegenseitigem Verhältnis // Veröffentlichungen zur brandenburgischen Landesarchäologie. Bd. 35. Wünsdorf: Verlag Brandenburgisches Landesmuseum, 2004. S. 1–272.

Skvorzov 2007 — *Skvorzov K.* Das Gräberfeld der römischen Kaiserzeit von Bol'soe Isakovo (ehemals Lauth, Kreis Königsberg). Katalog der Funde aus den Grabungen 1998 und 1999 // Offa. Bd. 61/62. Neumünster: Wachholtz Verlag, 2007. S. 11–219.

Wielowiejski 1970 — *Wielowiejski J.* Kontakty Noricum i Pannonii z ludami północnymi. Wrocław; Warszawa; Kraków: Ossolineum, 1970. 335 s.

Wielowiejski 1980 — *Wielowiejski J.* Główny szlak bursztyniowy w czasach cesarstwa rzymskiego. Wrocław; Warszawa; Kraków; Gdańsk: Ossolineum, 1980.

REFERENCES

Åberg 1919 — *Åberg N.* Ostpreußen in der Völkerwanderungszeit [East Prussia during great resettlement], Uppsala; Leipzig, Almqvist, Wiksells BoktryckerI–A.-D Publ., 1919, 175 p. [in German].

Almgren 1923 — *Almgren O.* Studien zur Nordeuropäische Fibelformen der ersten nachchristlichen Jahrhunderte und Berücksichtigung der provinzialrömischen und südrussischen Formen [Researches North European fibulas first centuries of our era and consideration of provincial Roman and South Russian forms], Leipzig, Verlag von Curt Kabitzsch Publ., 1923 [in German].

Ambroz 1966 — *Ambroz A.K.* Fibuly yuga evropejskoj chasti SSSR / Svod arheologicheskih istochnikov. Vyp. D1–30 [Fibulas of the South of the European part USSR / Arch of archaeological sources. Release D1–30], Moscow, Nauka Publ., 1966, 111 p. [in Russian].

Banytė-Rovell, Bitner-Wróblewska, Reich 2016 — *Banytė-Rovell R., Bitner-Wróblewska A., Reich Chr.* West Lithuania as a golden Bridge between the Sea and the Baltic Hinterland in Northeast Poland during the Roman and Migration Periods, in: Archaeologia Baltica, Vol. 23, Klaipėda, Klaipėdos universitetas Press Publ., 2016, pp. 140–151 [in English].

Gusakov 2003 — *Gusakov M.G.* Rekonstrukciya hozyajstva drevnih prussov [Reconstruction of economy of ancient Old Prussians], in: Nadroviya, 2003, № 2, 47 p. [in Russian].

Hauptmann 1998 — *Hauptmann T.* Studien zu den Dreisprossenfibeln [Researches tripartites fibulas], in: 100 Jahre Fibelformen nach Oscar Almgren, Forschungen zur Archäologie im Land Brandenburg. Bd. 5 [100 years of a research fibulas Oscar Almgren, a research on archeology in Brandenburg. Volume 5], Wünsdorf, Verlag Brandenburgisches Landesmuseum für Ur- und Frühgeschichte Publ., 1998, pp. 159–173 [in German].

Homyakova 2010 — *Homyakova O.A.* Stil' kol'cevogo dekora v materialah sambijsko-natangijskoj kul'tury pozdnerimskogo perioda [Style of a ring decor in materials of sambiysko-natangiysky culture of the late Roman period], in: Slavyano-russkoe yuvelirnoe delo i ego istoki [Slavic-and-Russian jewelry and its sources], St. Petersburg, Nestor-istoriya Publ., 2010, pp. 128–141 [in Russian].

IA RAN — Institut arheologii Rossijskoj akademii nauk [Institute of archeology of the Russian Academy of Sciences] [in Russian].

Kulakov 2001 — *Kulakov W.* Jütland-Dobrudscha: die Rochade der "Barbaren" vom 2. bis 4. Jh.n.Chr. [Jutland-Dobrudja: movements of "barbarians" from 2 to the 4th century AD], in: Archaeologia Bulgarica. Bd. V [Bulgarian archeology. Volume V], Sofia, Institut of Archaeology Publ., 2001, pp. 45–58 [in German].

Kulakov 2003 — *Kulakov V.I.* Istoriya Prussii do 1283 g. [History of Prussia till 1283], Moscow, Indrik Publ., 2003, 348 p. [in Russian].

Kulakov 2004a — *Kulakov V.I.* Doll'kajm-Kovrovo. Issledovaniya 1879 g. [Dollkaym-Kovrovo. Researches of 1879], Minsk, Institut istorii NAN Belarusi Publ., 2004, 135 p. [in Russian].

Kulakov 2004b — *Kulakov V.I.* Fibuly Baltii s kol'cevoj garnituroj iz arhiva kopij Central'nogo Rimsko-Germanskogo muzeya (Majnc) [Fibulas Baltiya with a ring font from archive of copies of the Central Roman-German museum (Mainz)], in: Rossijskaya arheologiya [Russian archeology], 2004, № 3, pp. 123–127 [in Russian].

Kulakov 2005a — *Kulakov V.I.* Podvyaznye fibuly v yugo-vostochnoj Baltii [Podvyazny fibulas in the southeast Baltic], in: Rossijskaya arheologiya [Russian archeology], 2005, № 1, pp. 37–49 [in Russian].

Kulakov 2005b — *Kulakov V.I.* Fibuly Baltii s kol'cevoj garnituroj iz arhiva kopij Central'nogo Rimsko-Germanskogo Muzeya (Majnc) [Fibulas Baltiya with a ring font from archive of copies of the Central Roman-German Museum (Mainz)], in: Rossijskaya arheologiya [Russian archeology], 2005, № 3, pp. 123–127 [in Russian].

Kulakov 2011 — *Kulakov V.I.* Puti yantarnoj torgovli i migraciya plemyon v I–V vv. n.e. [Ways of amber trade and migration of tribes in the 1–5th centuries AD], in: Torgovye puti yantarya. Materialy

mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii i 30 iyunya 2011 g., Kaliningrad [Trade ways of amber. Materials of the international scientific and practical conference and on June 30, 2011, Kaliningrad], Kaliningrad, Izdatel'stvo BFU Publ., 2011, pp. 25–34 [in Russian].

Kulakov 2013 — *Kulakov V.I.* Oberg [Oberg], in: Bol'shaya Rossijskaya enciklopediya. T. 23 [Big Russian encyclopedia. Volume 23], Moscow, Izdatel'stvo Bol'shoj Rossijskoj enciklopedii Publ., 2013, p. 466 [in Russian].

Kulakov 2016a — *Kulakov V.I.* Sokrovishcha Yantarnogo kraya. Pokazateli inokul'turnyh vliyanij na drevnosti Sambii i Natangii v I–IV vv. n.e. [Treasures of the Amber land. Indicators of foreign culture influences on Sambiya and Natangiya antiquities in the 1–4th centuries AD], Kaliningrad, Kaliningradskaya kniga Publ., 2016, 362 p. [in Russian].

Kulakov 2017 — *Kulakov V.I.* Trassy mezhetnichnyh kontaktov u istokov Yantarnogo puti v I v. n.e. (po dannym rasprostraneniya fibul) [Routes of mezhetnichny contacts at sources of the Amber way in the 1st century AD (according to distribution fibulas)], in: Nauchnye chteniya, posvyashchyonnye Viktoru Vladimirovichu Martynovu. Sbornik nauchnyh trudov. Vyp. IV. Chast' 2 [The scientific readings devoted to Victor Vladimirovich Martynov. Collection of scientific works. Release of IV. Part 2], Minsk, RIVSh Publ., 2017, pp. 36–45 [in Russian].

Lund Hansen 1987 — *Lund Hansen U.* Römischer Import im Norden [Roman import in the north], København, Gyldendal Publ., 1987, 346 p. [in German].

Lund Hansen, Przybyła, 2010 — *Lund Hansen U., Przybyła M.J.* Rosettenfibeln — ein Klassifikationsversuch, in: Worlds apart? Contacts across the Baltic Sea in the Iron Age. Network Denmark-Polen 2005–2008, Kobenhavn; Warszawa, Wydawnictwo Uniwersytetu Marii Curie-Skłodowskiej Publ., 2010, pp. 241–286 [in English].

Machajewski 1998 — *Machajewski H.* Die Fibeln der Gruppe V, Serie 8, im östlichen Teil Mitteleuropas [Fibulas V group, a series 8, in east part of Central Europe], in: 100 Jahre Fibelformen nach Oscar Almgren, Forschungen zur Archäologie im Land Brandenburg. Bd. 5 [100 years of a research fibulas Oscar Almgren, a research on archeology in Brandenburg. Volume 5], Wünsdorf, Verlag Brandenburgisches Landesmuseum für Ur- und Frühgeschichte Publ., 1998, pp. 187–196 [in German].

Nowakowski 1996 — *Nowakowski W.* Das Samland in der Römischen Kaiserzeit und seine Verbindungen mit den Römischen Reich und der barbarischen Welt. Veröffentlichungen des Vorgeschichtlichen Seminars Marburg. Sonderband 10 [Samland in the period of the Roman Empire and his communication with the Roman Empire and the barbarous world. Publications of a prehistoric seminar in Marburg. Release 10], Marburg; Warszawa, Vorgeschichtliches Seminar Publ., 1996, 169 p. [in German].

Okulicz 1973 — *Okulicz J.* Pradzieje ziem pruskich od póznego paleolitu do VII w. n.e. [Background of Prussian lands from a late paleolith till the seventh century of our era], Wrocław; Warszawa; Kraków; Gdańsk, 1973, 588 p. [in Polish].

Okulicz-Kozaryn 1997 — *Okulicz-Kozaryn Ł.* Dzieje Prusów [History of Prussia], Wrocław, Wydawnictwo Leopoldinum Publ., 1997, 531 p. [in Polish].

SAE — Sambijskaya arheologicheskaya ekspediciya IA RAN [Sambiysky archaeological expedition of RAS news Agency] [in Russian].

Schuster 2004 — *Schuster J.* Untersuchungen zu den spätkaiserzeitlichen Fibelformen Almgren 185 und 172 und deren gegenseitigem Verhältnis [Researches фибул imperial period of Almgren 185 and 172 and their relationship], in: Veröffentlichungen zur brandenburgischen Landesarchäologie. Bd. 35 [Publications on the Brandenburg archeology. Volume 35], Wünsdorf, Verlag Brandenburgisches Landesmuseum Publ., 2004, pp. 1–272 [in German].

Skvorzov 2007 — *Skvorzov K.* Das Gräberfeld der römischen Kaiserzeit von Bol'soe Isakovo (ehemals Lauth, Kreis Königsberg). Katalog der Funde aus den Grabungen 1998 und 1999 [Burial ground of times of the Roman Empire Big Isakovo (being Louth, the Konigsberg district). The catalog of finds from excavation of 1998 and 1999.], in: Offa, Volume 61/62, Neumünster, Wachholtz Verlag Publ., 2007, pp. 11–219 [in German].

Wielowiejski 1970 — *Wielowiejski J.* Kontakty Noricum i Pannonii z ludami północnymi [Norik and Pannonia contacts with the northern people], Wrocław; Warszawa; Kraków, Ossolineum Publ., 1970, 335 p. [in Polish].

Wielowiejski 1980 — *Wielowiejski J.* Główny szlak bursztyniowy w czasach cesarstwa rzymskiego [Main amber way to times of the Roman Empire], Wrocław; Warszawa; Kraków; Gdańsk, Ossolineum Publ., 1980 [in Polish].

Кулаков Владимир Иванович — доктор исторических наук,
ведущий научный сотрудник Отдела археологии эпохи великого переселения
народов и раннего Средневековья Института археологии РАН (Москва, Россия).
Vladimir Kulakov — Doctor of Historical Sciences, Leading researcher of Department
of Archeology of an Migration Period and early Middle Ages
of Institute of Archeology of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia).
E-mail: drkulakov@mail.ru

УДК 930

К ИСТОРИИ МИТОХОНДРИАЛЬНЫХ ГАПЛОГРУПП: СИГНАЛ 150T ИЗ ПОГРЕБЕНИЯ ПРУССОВ XI ВЕКА ИЗ ЮГО-ВОСТОЧНОЙ БАЛТИИ

В.И. Кулаков[1], В.И. Меркулов[2], А.С. Семенов[3]

[1] Институт археологии Российской академии наук
Россия, 117036, г. Москва, ул. Дм. Ульянова, 19
e-mail: drkulakov@mail.ru
Scopus Author ID: 26038228300
SPIN-код: 3764–2260
[2] Российско-немецкий исторический семинар (Москва, Россия)
e-mail: mail@histformat.com
Scopus Author ID: 55848349600
ResearcherID: E–5671–2014
http://orcid.org/0000-0003–0555–0813
SPIN-код: 1519–7585
[3] Deep Dive Group (биотехнологии и генетика)
e-mail: semyonov1980@mail.ru

Авторское резюме

В этой работе авторы сообщают о результатах митохондриального гаплогруппного тестирования захоронения с территории Восточной Пруссии (сейчас — Калининградская область РФ), относящегося к XI веку. В сообщении дается подробный анализ захоронения, а также описан выявленный маркер митохондриального гаплотипа. Со значительной вероятностью гаплогруппа может быть определена как U5b.

Ключевые слова: ДНК-генеалогия, палео-ДНК, митохондриальные гаплогруппы, секвенирование.

MITOCHONDRIAL HAPLOGROUPS: 150T SIGNAL FROM THE 11th-CENTURY PRUSSIAN GRAVE IN THE SOUTHEAST BALTIC

Vladimir Kulakov[1], Vsevolod Merkulov[2], Alexander Semenov[3]

[1]Institute of archeology of the Russian Academy of Sciences
Russia, 117036, Moscow, Dm. Ulyanova Str., 19,
e-mail: drkulakov@mail.ru
[2] The Russian-German Historical Seminar (Moscow, Russia)
e-mail: mail@histformat.com
Scopus Author ID: 55848349600
ResearcherID: E–5671–2014

http://orcid.org/0000-0003–0555–0813
SPIN-код: 1519–7585
[3] Deep Dive Group (Biotech and Genetics)
e-mail: semyonov1980@mail.ru

Abstract

The authors present the results of mitochondrial haplogroup testing of human remains dating back to the 11th century in a burial found on the territory of East Prussia (now Kaliningrad Oblast of the Russian Federation). The paper provides a detailed analysis of the burial and also describes the identified marker of the mitochondrial haplotype. There is a significant probability that the haplogroup is U5b.

Keywords: DNA genealogy, paleo-DNA, mitochondrial haplogroups, sequencing.

* * *

Рис. 1. Расположение могильника Yrzekapinis/Клинцовка–1 (1) и комплекса археологических памятников вокруг лесного уроч. Кауп (2) на севере Самбии. Космосъемка Google

Наиболее полно изученным памятником археологии, оставленным носителями прусской культуры поздней фазы эпохи Великого переселения народов и эпохи викингов, является грунтовой могильник Yrzekapinis/Клинцовка–1. Он расположен на весьма пологом склоне невысокой моренной возвышенности, в 0,3 км

к северу от пос. Wikiau/Клинцовка (Зеленоградский р-н Калининградской обл.), на западной окраине Cranz/Зеленоградск, в 1,7 км к северо-западу от известнейшего в европейской археологии курганно-грунтового могильника в лесном уроч. Kaup (**рис. 1**,1,2). Данный могильник раскапывался Балтийской экспедицией ИА АН СССР в 1977–1986 гг., материалы этих раскопок были суммарно изданы начальником экспедиции д.и.н. В.И. Кулаковым (Кулаков 1999: 211–273). Новый уровень наших знаний о древностях прусской дружины, останки членов которой были захоронены на упомянутом могильнике в X — нач. XII вв. (Кулаков 1988: 131–136), позволяют вернуться к материалам этого интереснейшего памятника археологии.

В апреле 1977 г. Балтийский отряд Института археологии АН СССР под руководством В.И. Кулакова открыл грунтовой могильник Yrzekapinis/Клинцовка–1 и в том же году начал раскопки этого уничтожаемого колхозной распашкой памятника археологии. В 1978 г. на восточной окраине могильника (**рис. 2**) среди прочих археологических объектов было вскрыто погр. Y–68.

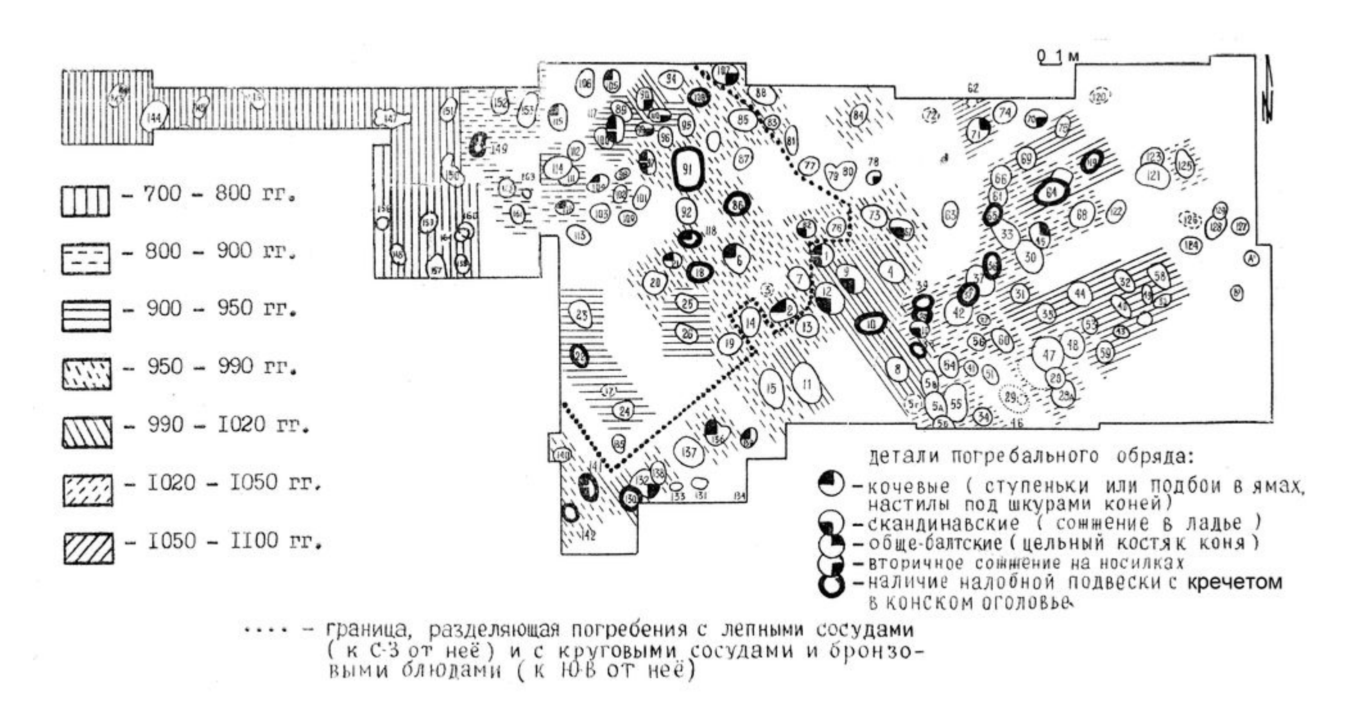

Рис. 2. Расположение погребений, вскрытых на могильнике Yrzekapinis/Клинцовка–1 по группам в соответствии с чертами погребального обряда и их хронологии (Кулаков 1988, рис. 4)

Описываемое погр. Y–68 — двухъярусное трупосожжение, располагавшееся в могиле овальной в плане формы разм. 1,50 × 1,30 м, глуб. 0,47 м, ориентированной по линии северо-восток — юго-запад. Нижний ярус могилы содержал на ее дне перекрытый слоем войлока череп коня, в стороне от которого располагались двучастные удила с псалиями и оголовье с остатками бронзовых с серебряным покрытием ременных накладок разм. 1 × 1 см («малые» накладки), пара плохо

сохранившихся стремян, ботало, две железные подпружные пряжки. Верхний ярус могилы был заполнен остатками погребального костра, в ее планиграфическом центре выявлено скопление обломков кальцинированных костей.

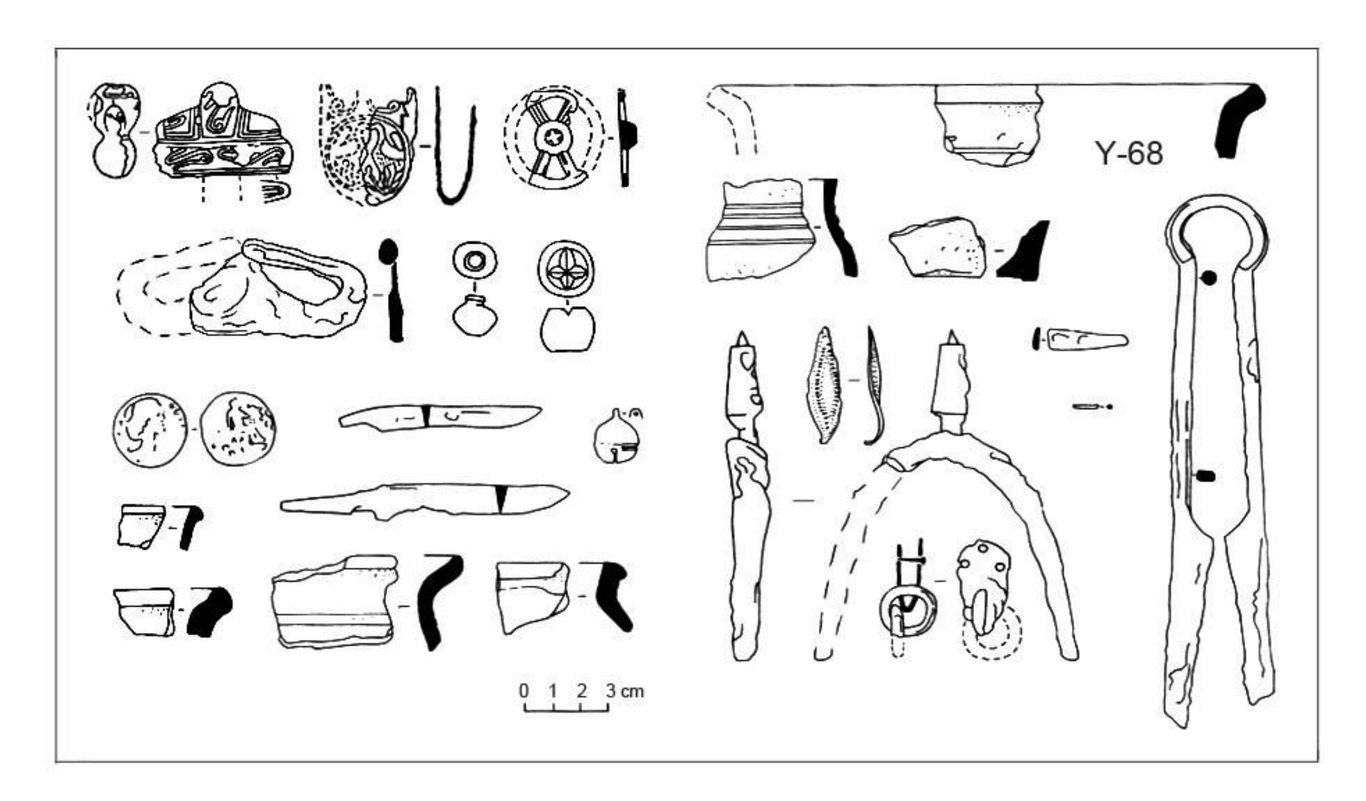

Рис. 3. Вещевой комплекс погр. Y–68 могильника Yrzekapinis-Клинцовка–1 (Кулаков 1999, рис. 36)

В состав инвентаря, подвергшегося сильному обжигу на погребальном костре, входят: обнаруженного к северу от скопления костей обломки свернутого рулоном меча типа J.P. T, фрагменты бронзового блюда, фрагменты круговых сосудов с прорезным линейным орнаментом, железное шило; обнаруженные к югу от обломков меча ножницы, бронзовое кольцо-разделитель от портупеи меча, бронзовый крючок с оттисками штампа «волчий зуб» на лицевой стороне, фрагмент бронзового наконечника ножен меча, фрагмент калачевидного кресала, бронзовая гирька весом 37,80 г (19 долей 0,5 «дирхема») с прорезанным на лицевой стороне крестом, бронзовая весьма затертая монета (сестерций) Фаустины Младшей (125–175 гг. н.э.) весом 15,0 г, подточенная по своему периметру для использования в качестве разновеса (реконструируемый вес 15,28 — 8 долей 0,5 «дирхема»), бронзовая гирька в виде навершия подковообразной фибулы, шпора с прямым острием, железная шпорная пряжка, два ножа, один из которых погнут (**рис. 3**). В публикации могильника этот комплекс был датирован второй пол. XI в. (Кулаков 1999: 241).

Двухъярусная структура погр. Y–68, характерная для восходящей к древностям эстиев прусской культуре эпохи раннего Средневековья (Кулаков 1990: 20), свидетельствует о том, что во всяком случае современники погребенного здесь воина,

участвовавшие в погребальной церемонии, были пруссами и придерживались своих культовых традиций. Перекрытый слоем войлока череп коня (свидетельство помещения в могилу шкуры коня), обнаруженный в погр. Y–68, подтверждает приведенную выше этнокультурную интерпретацию интересующего нас комплекса (Кулаков 1990: 20). Тем не менее при помощи анализа некоторых компонентов погребального инвентаря из этого погребения попытаемся уточнить сделанный ранее вывод.

Меч, подвергнутый интенсивному обжигу на погребальном костре, позднее был рулонообразно свернут и, вследствие этого, клинок его был сломан. Упомянутый принцип ритуального свертывания меча характерен для дружинников-скальвов, контролировавших в XI в. западный участок Неманского янтарного пути (Кулаков 2012: 86, 87). В могиле были найдены лишь два плохо сохранившихся обломка двулезвийного клинка меча (со следами сгибания) и железное навершие, украшенное таушировкой (**рис. 4**,1). Так как центральная часть трехчастного навершия не выделяется среди остальных его частей своей величиной, то, как определил А.Н. Кирпичников, данный меч можно отнести к типу J.P. T–2 (Кирпичников 1966: 28). Витаутас Казакявичюс, не поддерживая градацию типа J.P. T, предложенную А.Н. Кирпичниковым, связывал оформление рукоятей этого типа мечей с деятельностью куршских мастеров (Kazakevičius 1996: 53–57) и датировал эти мечи второй пол. X—XI вв. (Kazakevičius 1996: 47, 49). Почти полная аналогия навершию из погр. Y–8 известна в погр. 222 могильника Laiviai, Kretingos raj., Lietuva (**рис. 4**,2). Небольшие размеры деталей рукоятей упомянутых выше мечей типа J.P. T–2, позволяют предполагать не только/не сколько боевое их значение, а статусное.

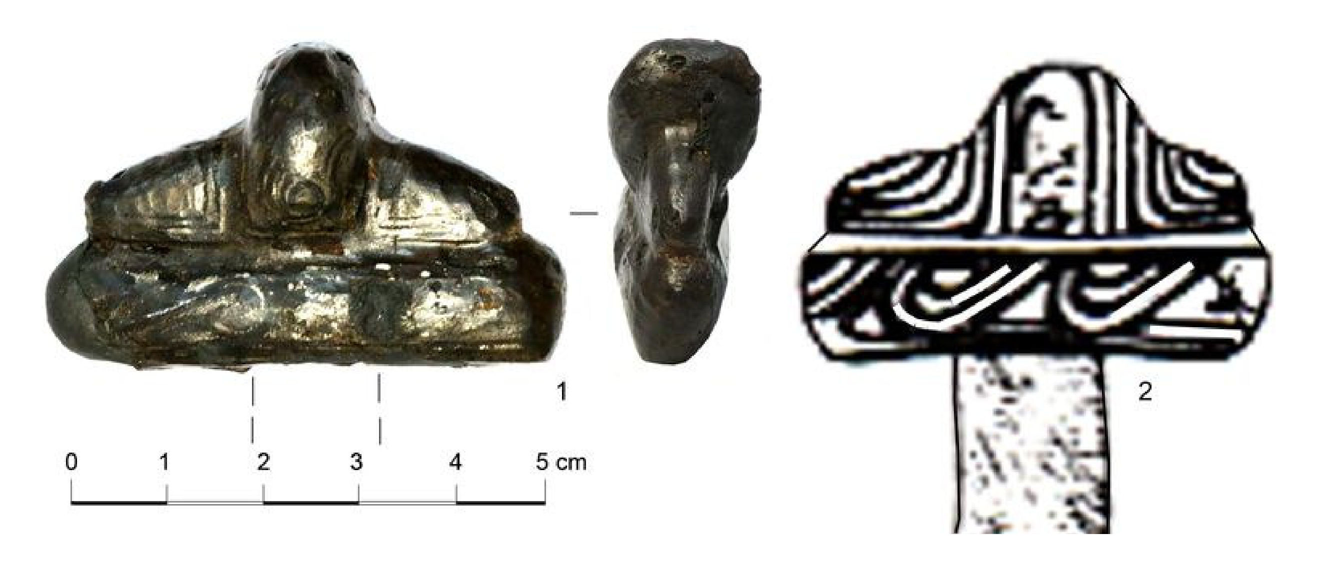

Рис. 4. Детали мечей типав J.P. T–2: 1 — навершие рукояти меча из погр. Y–68 (Фонды КОИХМ, Инв. № 17567.8); 2 — навершие рукояти меча из погр. 222 могильника Laiviai, Kretingos raj., Lietuva (Kazakevičius 1998, 49 pav.)

Навершие ножен меча, серьезно поврежденное на погребальном костре, тем не менее поддается определению и может быть отнесено к типу Kazakevičius IV (Kazakevičius 1998: 304–307). Вслед за П. Паульсеном литовский коллега связывал производство этих наконечников с племенным ареалом куршей и датировал эту деталь воинского снаряжения XI в. (Kazakevičius 1998: 305). Археолог из Щецина Анджей Яновски констатирует наличие мечей с наконечниками их ножен преимущественно в погребениях (западных) балтов (Janowski, Kurasiński 2009: 90, ryc. 4), хотя и не соотносит для прусских «племен» наличие наконечника при мече с высоким социальным статусом меченосца (Janowski 2006: 42). Современный уровень наших знаний о материальной культуре западных балтов эпохи викингов позволяет, собрав достаточно представительную выборку наконечников ножен типа Kazakevičius IV, выявить в их массиве два варианта:

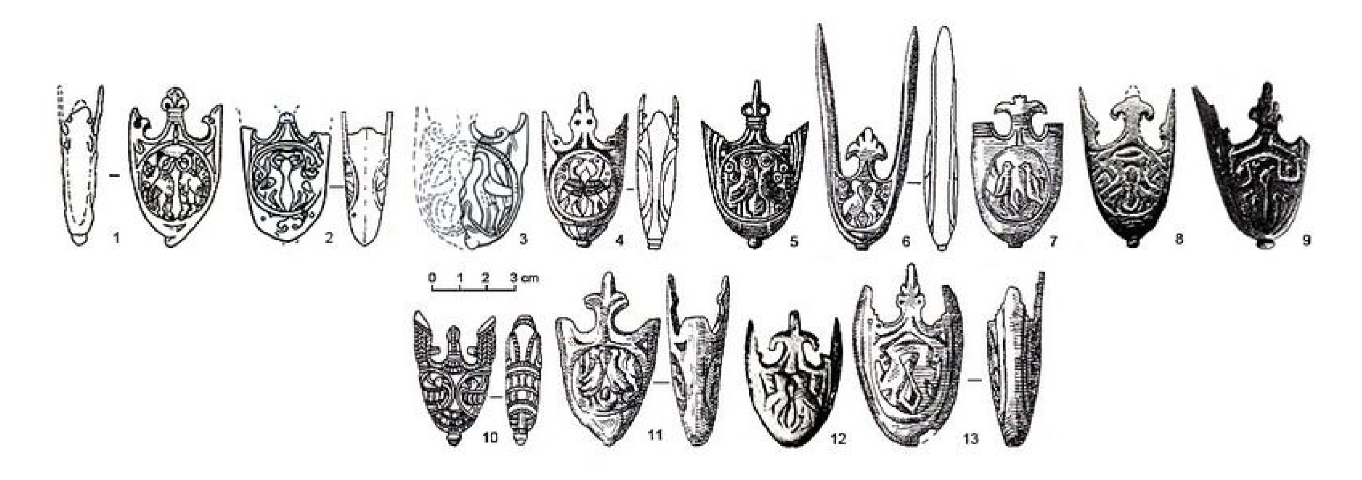

Рис. 5. Варианты наконечников ножен меча типа Kazakevičius IV: 1 — случ. нах. на могильнике Dollkeim/Коврово (Кулаков 2004, рис. 85,3); 2 — погр. Y–33 могильника Yrzekapinis/Клинцовка–1 (Kazakevičius 1998, 31 pav.,2); 3 — погр. Y–68 могильника Yrzekapinis/Клинцовка–1 (Кулаков 1999, рис. 36); 4 — случ. нах. Rucavus aleja, Liepojos raj., Latvija (Kazakevičius 1998, 31 pav.,1); 5 — Sverige (Kazakevičius 1998, 34 pav.); 6 — погр. 34 могильника Libagų Saraja, Talsiu raj., Lietuva (Kazakevičius 1998, 31 pav.,8); 7, 11 — случ. нах. на могильнике Gintališkis, Plungės raj., Lietuva (Kazakevičius 1998, 31 pav.,3,5); 8 — случ. нах. на могильнике Grabuppen/Grabupiai, Šilutės raj., Lietuva (Mühlen 1975, Taf. 14,9); 9 — случ. нах. на могильнике Slengiai, Klaipedos raj., Lietuva (Kazakevičius 1998, 32 pav.); 10 — случ. нах. на могильнике Gramzdų Dezniekai, Liepojos raj., Latvija (Kazakevičius 1998, 31 pav.,4); 12 — случ. нах. на могильнике Dollkeim/Коврово (Mühlen 1975, Taf. 14,8); 13 — случ. нах. на могильнике Vitogala, Šilalės raj., Lietuva (Kazakevičius 1998, 31 pav.,7)

Вар. 1 (**рис. 5**,1–9) обладает элементами растительного декора в своей верхней части, наиболее реалистично представленного на случайной находке на могильнике Dollkeim/Коврово (**рис. 5**,1). Остальные наконечники, показанные в верхнем ряду массива находок на рис. 5, представляют собой все более деградирующие детали

наконечника из Dollkeim/Коврово. Пара «целующихся» птиц (судя по рисункам на хвосте на №№ 4–6 — павлины) постепенно теряют реалистические черты своих фигур, медальон, в котором они первоначально расположены, теряет свои округлые очертания.

Вар. 2, крайне малочисленный по сравнению с вар. 1, практически не сохраняет реалистических черт растительного декора (**рис. 5**,10–13), птицы, уже не напоминающие павлинов, изображены весьма примитивно и более чем схематично, медальон преимущественно отсутствует. Не вызывает сомнений более поздняя датировка этих артефактов относительно наконечников вар. 1. В данном случае, скорее всего, перед нами финальный этап развития наконечников ножен мечей типа Kazakevičius IV, развивавшихся на протяжении XI в.

То, что наконечник из погр. Y–68 расположен в ранней части массива вар. 1, позволяет предварительно датировать данный комплекс, скорее всего, временем не позже нач. XI в.

Недавно опубликованная карта распространения наконечников ножен меча типа Kazakevičius IV (**рис. 6**) показывает ареал этих находок в основном к югу от устья р. Daugava/Зап. Двина и на противоположном этому устью берегу Скандинавии.

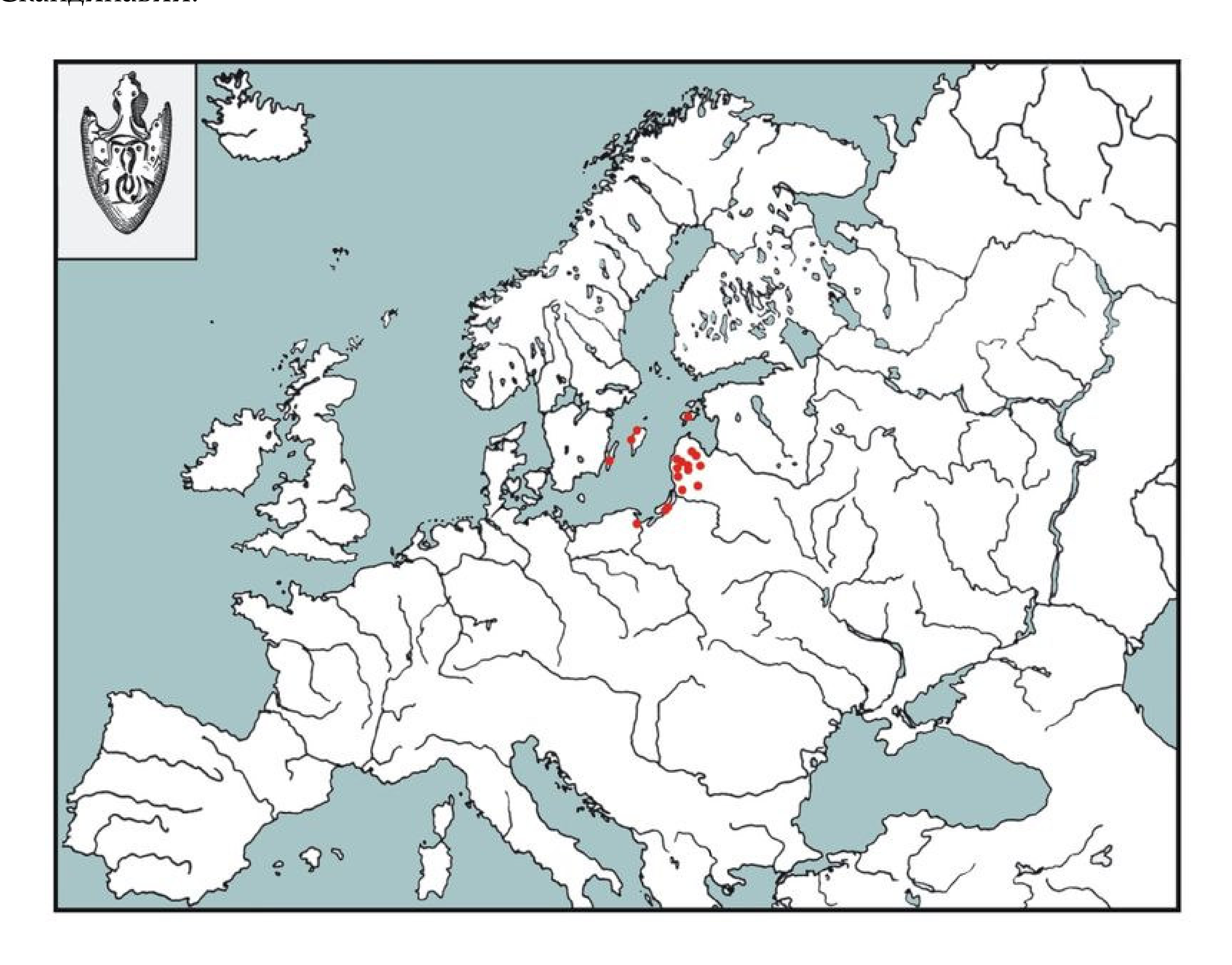

Рис. 6. Находки наконечников типа Kazakevičius IV в Европе (Janowski 2006, ryc. 12)

О происхождении изображений на наконечниках ножен мечей типа Kazakevičius IV четкой точки зрения среди исследователей археологии Юго-Восточной Балтии не сложилось. В позднеантичном и византийском декоративном искусстве пара симметрично расположенных павлинов перед распятием, чашей или пальмой является распространенным сюжетом начиная с IV–V вв. н.э. К XII в. этот сюжет в своих деталях и композиции практически канонизировался.

Если в X — нач. XI вв. знаком принадлежности воина к дружинному формированию было изображение исландского кречета (в т.ч. — на наконечнике ножен меча) (Kulakov, Markowets 2004: 182–184), то следующее поколение мастеров, зная, что на наконечнике должно быть изображение пернатого, по-своему решили эту проблему, что не соответствует точке зрения А. Яновски, считавшего, что балтские мастера в орнаментике наконечников ножен мечей лишь копировали более старшие скандинавские образцы (Janowski 2012: 20). В нашем случае образцом для творений мастеров юго-восточной Балтии стал традиционный византийский сюжет с двумя павлинами, представленный не только на мозаиках (их балты, разумеется, не видели), но и на тканях, очевидно поступавших по Двинскому и Неманскому отрезкам пути «из варяг в греки». Этот византийский импорт закономерно распространялся в междуречье нижних течений упомянутых рек, где и нашли распространение наконечники типа Kazakevičius IV, осевшие в составе погребального инвентаря куршских воинов, рассеявшихся (в конце своего жизненного пути?) по своему племенному ареалу. Несколько иную картину распространения дают наконечники ножен мечей подтипа Kazakevičius VIb, чьи владельцы нашли свой последний приют по берегам р. Daugava/Зап. Двина, где контролировали Двинский отрезок пути «из варяг в греки» (Janowski 2006, ryc. 14). Возможно, начало их изготовления стоит отнести несколько позднее заявленной выше даты, ко второй пол. XI в.

Гирька, снабженная прорезным крестом на своей верхней плоскости, найдена вместе с гирькой, имитирующей навершие подковообразной фибулы типа Mohmkopffibel (гирьки типа 3 — Кулаков 1990: 34). Точно такое же сочетание гирек было обнаружено Адальбертом Бецценбергером при раскопках могильника Possritten/Давыдовка (Полесский р-н) вместе с орденскими брактеатами (Bezzenberger 1900: 270, 271, Abb. 77). Последний аспект позволяет предположительно трактовать доживание указанных видов гирек до орденского времени. Начало использования гирек с крестом определяется по находке такой гирьки в погр. Y–45 (кон. XI в.) могильника Yrzekapinis/Клинцовка–1 вместе с гирьками типа Steuer B2 (Кулаков 1999: 233, рис. 26). Данный аспект датировки одного из компонентов инвентаря погр. Y–68 позволяет передвинуть дату его сооружения ближе к кон. XI в.

Таким образом, детальный анализ нескольких вещевых компонентов погребального инвентаря, обнаруженного в погр. Y–68 грунтового могильника Yrzekapinis/Клинцовка–1, позволяет предполагать связь погребенного здесь в конце (а не в начале, как ранее предполагалось) XI в. высокопоставленного (судя по богато

украшенному статусному мечу) члена самбийской дружины с куршскими этнокультурными традициями.

ДНК-тестирование было выполнено в рамках партнерства международного научного журнала «Исторический формат», консалтинговой группы Deep Dive и «Лаборатории ДНК-генеалогии». В части исследований древней ДНК «Лаборатория ДНК-генеалогии» является системным интегратором исследований, размещая заказы на тестирование на технических мощностях лучших российских и зарубежных лабораторий.

Для исследования был взят костный материал массой 1,5 г из сохранившихся непережженных останков погребения. Этапами исследования были:

1) Подготовка оборудования и инструментов. Стерилизация всего инструментария и рабочего пространства велась с помощью химических веществ и жесткого УФ-облучения в течение 24 часов.

2) Проведение первичной механической очистки древней кости от поверхностного слоя загрязнений на специализированном оборудовании стоматологическими фрезами и вторичной кавитационной очистки с помощью ультразвука.

3) Измельчение образца до порошкообразного состояния в шаровой мельнице до состояния костного порошка.

4) Промер массы костного образца ДНК (необходимая масса по протоколу составляет ≥ 1 грамма, что и было достигнуто).

5) Выделение ДНК из измельченного образца методом, основанном на колонках с SiO2.

6) Промер концентрации выделенной ДНК (необходимая концентрация составляет по протоколу ≥ 0,5 нг/мкл, выделилось 0,2 нг/мкл, что является недостаточным, однако, позволило надежно выявить одну мутацию в HVR2).

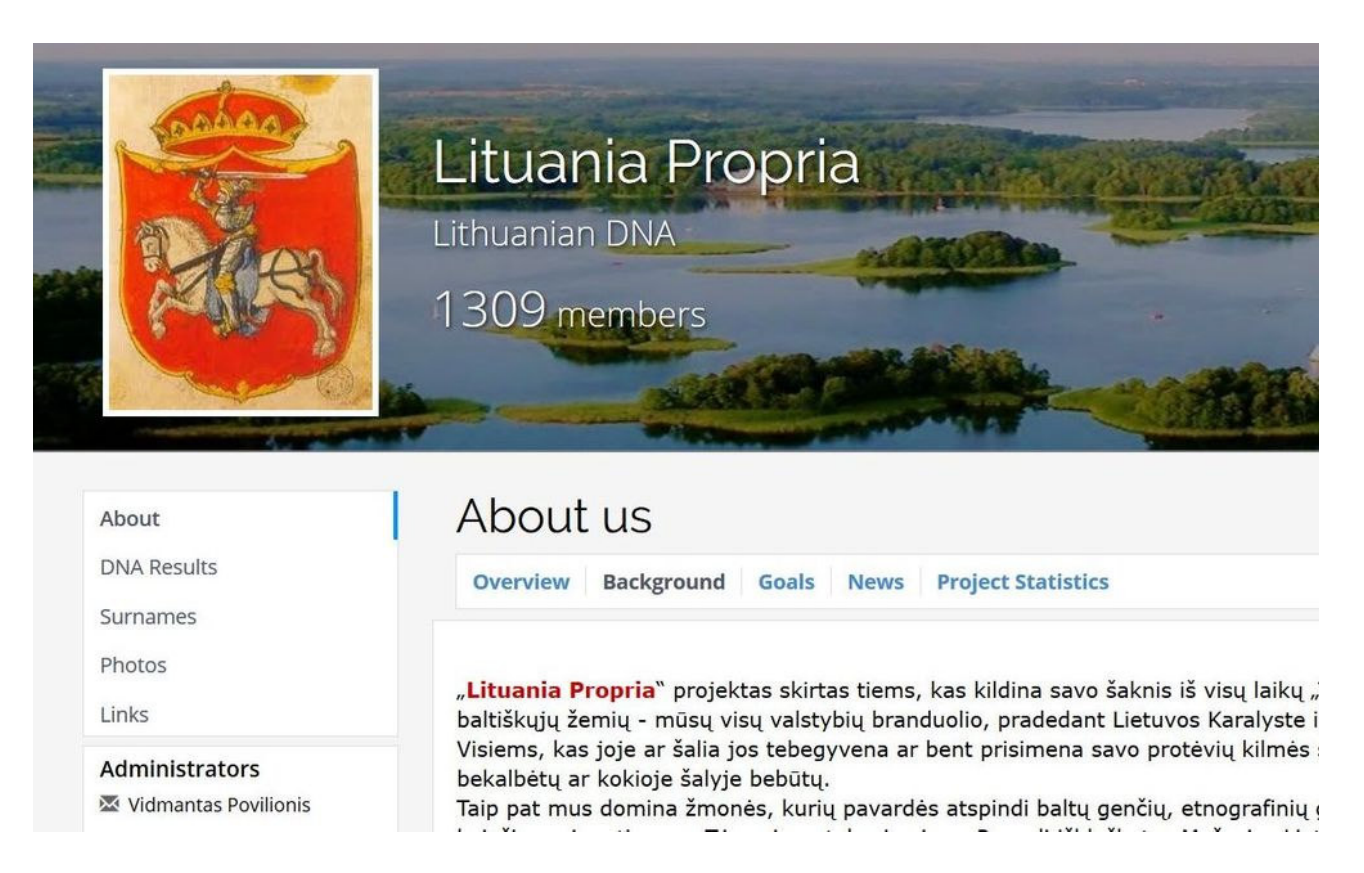
7) Проведение ПЦР-амплификации целевых регионов мтДНК и последующее секвенирование на капиллярном секвенаторе.

В результате проведения электорофореза ПЦР-продуктов на капиллярном секвенаторе AB3500xl и анализа данных в программе Sequencing Analysis был получен результат, приводимый в настоящей работе.

Плохая сохранность археологического костного материала и малая концентрация деградированной ДНК позволила выявить лишь локус 150T на участке HVR2 (область HVR1 не была прочитана). Поскольку данная мутация встречается в митотипах ряда гаплогрупп, то приходится использовать вероятностный подход для определения гаплогруппы.

В частности, был проанализирован FTDNA–проект **«Lituania Propria»** (Lituania Propria 2018), в котором собраны ДНК-данные по наиболее близкому к древней Пруссии региону (потомки пруссов входят в сферу интересов проекта). Всего в проекте имеется 37 носителей мутации 150T в HVR2, что весьма немного (из 415 записей по состоянию на 31.12.2018). Из них 8 относятся к H, причем к самым разным субкладам этой гаплогруппы (что говорит о спорадичности 150T для H), 3 —

к J, 2 к T, 8 — к U3, **12** — к **U5**. Остальные относятся к другим гаплогруппам митохондиальной ДНК, причем не более чем по 1–2 образца на каждую гаплогруппу. Статистический аргумент убеждает нас принять отнесение к гаплогруппе U5. Мутация для 150 является определяющей для U5b, поэтому примем гипотезу о принадлежности митотипа к U5b.

Гаплогруппа U5b — давний обитатель Балтии, где она встречается уже в мезолите, в нарвской культуре (VI–IV тыс. до н.э.), культурах гребенчатой керамики (IV тыс. до н.э.), шнуровой керамики (III тыс. до н.э.). Однако дальнейшая интрига заключается в том, что в позднем бронзовом и железном веке (II тыс. до н.э. — I тыс. н.э.), несмотря на обилие находок, U5b уже не обнаруживается. Тем не менее U5b активно продолжает встречаться в находках Западной и Центральной Европы. Конечно, учитывая предварительный характер отнесения и малочисленность данных, мы все же можем предположить, что появление U5b в Балтии в раннем Средневековье может указывать на след определенной миграции в I тыс. н.э. Определение Y-гаплогруппы того же захоронения проводилось ранее (Меркулов и др. 2018), и с вероятностью свыше 50% была определена гаплогруппа R1a.

Крупные обломки кальцинированных костей нехарактерны для погребений пруссов. Поэтому в данной ситуации представленный результат, полученный на базе случайно найденного, единичного достаточно крупного обломка в материале захоронения, имеет определенную степень уникальности и важен для понимания молекулярной истории древнего населения региона.

Авторы выражают искреннюю благодарность А. Семенову, С. Карнауховой, Е. Пайору, Е. Щербининой, А. Козлову, Д. Самусеву, Е. Лойцкеру, С. Сеничевой, И. Кузьмичеву за финансовую поддержку проекта.

BRIEF DESCRIPTION OF THE RESULT IN ENGLISH

In this paper, the authors describe the result of haplogroup testing of burial from the territory of East Prussia (now the Kaliningrad region of the Russian Federation), dating back to the 11th century. The most thoroughly studied monument of archeology left by the carriers of Prussian culture of the late phase of the era of the Great Migration of Nations and the Viking Age is the Yrzekapinis / Klintsovka–1 ground burial ground. It is located on a slope of a low moraine upland, 0.3 km to the north of the village Wikiau/Klintsovka (Cranz/Zelenograd district of the Kaliningrad region), 1.7 km to the northwest of the burial ground known in European archeology in the Forest Kaup (Figure 1,1,2). The studied burial (Y–68) ground was unearthed by the Baltic expedition of the Academy of Sciences of the USSR in 1977–1986, the materials of these excavations were published by the head of the expedition Dr. V.I. Kulakov (Kulakov 1999: 211–273).

DNA testing was organized within the research by Historical Format Journal, the Consulting Group «Deep Dive» and «Laboratory of DNA Genealogy». In the field of the research of ancient DNA «Laboratory of DNA Genealogy» is a system integrator of the holistic research placing the subcontracting orders to the best Russian and foreign laboratories.

Sample weight was 1.5 gr. of bone material taken from of the preserved unburned remains of the burial. The stages of the research were:

1) Preparation of equipment and tools. Sterilization of all tools and working space in the pits was carried out with the help of chemicals and hard UV-irradiation during 24 hours.

2) Conducting primary mechanical cleaning of ancient bone from the surface layer of contamination by specialized equipment with cutters (used in stomatology) and secondary cavitation cleaning using ultrasound.

3) Grinding the sample in a ball mill to the state of bone powder.

4) Measurement of the mass of the bone DNA sample (the required mass according to the protocol is ≥ 1 g., which was fulfilled).

5) DNA extracrion from the powder using the method based on SiO2 columns.

6) Measurement of the concentration of isolated DNA (the required concentration is ≥ 0.5 ng / μl according to the protocol, 0.2 ng / μl was released). Concentration insufficient, however, it was possible to reliably identify one mutation in HVR2).

7) Conduct PCR amplification of target regions of mtDNA and subsequent sequencing on a capillary sequencer.

As a result of electrophoresis of PCR products on AB3500xl capillary sequencer and data analysis in the Sequencing Analysis program, the result outlined below was obtained.

The poor preservation of the archaeological bone material and the low concentration of degraded DNA made it possible to identify only the 150T locus in the HVR2 region (the HVR1 region was not read). Since this mutation occurs in the mitotypes of a certain amount of the haplogroups, it was possible to use only a probabilistic approach to determine the haplogroup.

For determination of the haplogroup, the Lithuanian FTDNA project «**Lituania Propria**» was used, as the project for region closest to the ancient Prussia with open data (the descendants of the Prussians are in the sphere of interest of the project: Lituania Propria 2018). In total, the project contains 37 carriers of 150T mutation in HVR2, which is quite a low share (out of 415 entries of **Lituania Propria** project in December 31, 2018). In these sample set, 8 bearers of 150T belong to very different subclades of haplogroup H, (what shows of the sporadic presence character 150T for H), 3 to J, 2 to T, 8 to U3, **12 to U5**. The rest belong to other haplogroups, and no more than 1–2 samples for each haplogroup. The statistical argument convinces to accept the assignment of the sample to the haplogroup U5. The mutation for 150T is defining for **U5b**, so we accept the hypothesis that the haplogroup of Prussian burial Y–68 belongs to **U5b**. The result of the Y-DNA haplogroup testing was also performed and described in (Merkulov 2018) and it showed **R1a** Y-haplogroup with more than 50% probability.

ЛИТЕРАТУРА

Беззенбергер 1900 — *Беззенбергер А.* Публичное собрание в зале Дрей Кронен-Ложе 25 февраля 1897 года // Пруссия. Т. 21. Кенигсберг, 1900.

Казакявичюс 1996 — *Казакевичус В.* Балтийские мечи IX–XIII вв. Вильнюс: Алма Литтера, 1996. 173 с.

Казакявичюс 1998 — *Казакявичюс В.* Из истории позднего железного оружия белых песков (Носка вагинальных концов мечей) // Литовская археология. Т. 15. 1998. С. 287–323.

Кирпичников 1966 — *Кирпичников А.Н.* Древнерусское оружие. Вып. 1. М.; Л.: Наука, 1966. 107 с.

Кулаков 1988 — *Кулаков В.И.* Дружинные элементы в могильниках пруссов VII — нач. XI вв. // Археологические памятники европейской части РСФСР. М.: ИА АН СССР, 1988. С. 119–145.

Кулаков 1990 — *Кулаков В.И.* Древности пруссов VI–XIII вв. / Свод археологических источников. Вып. Г1–9. М.: Наука, 1990. 167 с.

Кулаков 1999 — *Кулаков В.И.* Ирзекапинис // Stratum plus: Archeology and cultural anthropology. 1999. № 5. С. 211–273.

Кулаков 2004 — *Кулаков В.И.* Доллькайм-Коврово. Исследования 1879 г. Минск: Институт истории НАН Беларуси, 2004. 135 с.

Кулаков 2012 — *Кулаков В.И.* Неманский янтарный путь в эпоху викингов. Калининград: ПЕН-Клуб, 2012. 222 с.

Кулаков, Марковец 2004 — *Кулаков В.И., Марковец М.Ю.* Птицы как спутники германских богов и героев // Acta Archaeologica. Т. 75. 2004. С. 179–188.

Меркулов и др. 2018 — *Меркулов В.И., Кулаков В.И., Семенов А.С.* Экспериментальное тестирование деградировавшей ДНК на древних образцах Балтийского региона // ITM Web of Conferences. 2018. Т. 18. 02002.

Мюлен 1975 — *Мюлен Б.* Культура викингов в Восточной Пруссии // Книги Бонера по предыстории. 1975. № 9. С. 287.

Яновский 2006 — *Яновский А.* Бронзовые и серебряные туфли из ножен мечей X–XIII века из Польши. Комментарии о происхождении и датировке // Acta militaria mediaevalia. Т. II. Краков; Санок, 2006. С. 23–50.

Яновский 2012 — *Яновский А.* Ботинки мечей балтийского происхождения, найденные на современных землях Польши // Прутения. Т. VII. 2012. С. 7–15.

Яновский, Курасинский 2009 — *Яновский А., Курасинский Т.* Мече и Чва: вместе и по отдельности. Введение в проблемы // Куцыпер П., Пудло П., Лабинский Г. (ред.). Arma et Medium Aevum. Исследования по средневековым вооружениям. Торунь: издательство Адама Маршалека, 2009. С. 74–115.

Lituania Propria. 2018[Электронный ресурс]. https://www.familytreedna.com/groups/lituania-propria/dna-results (Дата обращения — 19.10.2018).

REFERENCES

Bezzenberger 1900 — *Bezzenberger A.* Publichnoe sobranie v zale Drej Kronen-Lozhe 25 fevralya 1897 goda [Public meeting in the hall Drey Kronen-Lozhe on February 25, 1897], in: Prussiya. T. 21 [Prussia. Volume 21], Kenigsberg, 1900 [in German].

Kazakyavichyus 1996 — *Kazakevichus V.* Baltijskie mechi IX–XIII vv. [Baltic swords of the 9–13th centuries], Vilnius, Alma Littera Publ., 1996, 173 p. [in Lithuanian].

Kazakyavichyus 1998 — *Kazakyavichyus V.* Iz istorii pozdnego zheleznogo oruzhiya belyh peskov (Noska vaginal'nyh koncov mechej) [From history of late iron weapon of white sands (A sock of the vaginal ends of swords)], in: Litovskaya arheologiya. T. 15 [Lithuanian archeology. Volume 15], 1998, pp. 287–323 [in Lithuanian].

Kirpichnikov 1966 — *Kirpichnikov A.N.* Drevnerusskoe oruzhie. Vyp. 1 [Old Russian weapon. Release 1], Moscow; Leningrad, Nauka Publ., 1966, 107 p. [in Russian].

Kulakov 1988 — *Kulakov V.I.* Druzhinnye elementy v mogil'nikah prussov VII — nach. XI vv. [Druzhinny elements in burial grounds of Prussians of VII — the beginnings of the 11th centuries], in: Arheologicheskie pamyatniki evropejskoj chasti RSFSR [Archaeological monuments to the European part of RSFSR], Moscow, IA AN SSSR Publ., 1988, pp. 119–145 [in Russian].

Kulakov 1990 — *Kulakov V.I.* Drevnosti prussov VI–XIII vv. / Svod arheologicheskih istochnikov. Vyp. G1–9 [Antiquities of Prussians of the 6–13th centuries / Arch of archaeological sources. Release G1–9], Moscow, Nauka Publ., 1990, 167 p. [in Russian].

Kulakov 1999 — *Kulakov V.I.* Irzekapinis [Irzekapinis], in: Stratum plus: Archeology and cultural anthropology, 1999, № 5, pp. 211–273 [in Russian].

Kulakov 2004 — *Kulakov V.I.* Doll'kajm-Kovrovo. Issledovaniya 1879 g. [Dollkaym-Kovrovo. Researches of 1879], Minsk, Institut istorii NAN Belarusi Publ., 2004, 135 p. [in Russian].

Kulakov 2012 — *Kulakov V.I.* Nemanskij yantarnyj put' v epohu vikingov [Neman amber way to an era of Vikings], Kaliningrad, PEN-Klub Publ., 2012, 222 p. [in Russian].

Kulakov, Markovec 2004 — *Kulakov V.I., Markovec M.Yu.* Pticy kak sputniki germanskih bogov i geroev [Birds as companions of the German gods and heroes], in: Acta Archaeologica, Volume 75, 2004, pp. 179–188 [in Russian].

Lituania Propria, 2018, Electronic resource: https://www.familytreedna.com/groups/lituania-propria/dna-results (Date of access — 19.10.2018) [in English].

Merkulov et al. 2018 — *Merkulov V.I., Kulakov V.I., Semenov A.S.* Eksperimental'noe testirovanie degradirovavshej DNK na drevnih obrazcah Baltijskogo regiona [Experimental testing of the degrading DNA on ancient samples of the Baltic region], in: ITM Web of Conferences, 2018, Volume 18, 02002 [in Russian].

Myulen 1975 — *Myulen B.* Kul'tura vikingov v Vostochnoj Prussii [Culture of Vikings in East Prussia], in: Knigi Bonera po predystorii [Books Bonera on background], 1975, № 9, p. 287 [in German].

Yanovskij 2006 — *Yanovskij A.* Bronzovye i serebryanye tufli iz nozhen mechej X–XIII veka iz Pol'shi. Kommentarii o proiskhozhdenii i datirovke [Bronze and silver shoes from a sheath of swords of the 10–13th century from Poland. Comments on an origin and dating], in: Acta militaria mediaevalia, Volume II, Krakov; Sanok, 2006, pp. 23–50 [in Polish].

Yanovskij 2012 — *Yanovskij A.* Botinki mechej baltijskogo proiskhozhdeniya, najdennye na sovremennyh zemlyah Pol'shi [The boots of swords of the Baltic origin found on the modern lands of Poland], in: Pruteniya. T. VII [Prussia. Volume VII], 2012, pp. 7–15 [in Polish].

Yanovskij, Kurasinskij 2009 — *Yanovskij A., Kurasinskij T.* Meche i Chva: vmeste i po otdel'nosti. Vvedenie v problemy [Meche and Chva: together and separately. Introduction to problems], in: Kucyper P., Pudlo P., Labinskij G. (red.). Arma et Medium Aevum. Issledovaniya po srednevekovym vooruzheniyam [Kutsyper P., Pudlo P., Labinsk G. (editors). Researches on medieval arms], Torun, Izdatel'stvo Adama Marshaleka Publ., 2009, pp. 74–115 [in Polish].

Кулаков Владимир Иванович — доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Отдела археологии эпохи великого переселения народов и раннего Средневековья Института археологии РАН (Москва, Россия).
Vladimir Kulakov — Doctor of Historical Sciences, Leading researcher of Department of Archeology of an Migration Period and early Middle Ages of Institute of Archeology of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia).
E-mail: drkulakov@mail.ru

Меркулов Всеволод Игоревич — кандидат исторических наук,
Общественно-научный проект «Российско-немецкий исторический семинар» (Москва, Россия).
Vsevolod Merkulov — Candidate of historical sciences,
Public and scientific project “The Russian-German Historical Seminar” (Moscow, Russia).
E-mail: mail@histformat.com

Семенов Александр Сергеевич — компания Deep Dive Group (биотехнологии и генетика).
Alexander Semenov — Deep Dive Group (Biotech and Genetics), CEO.
E-mail: semyonov1980@mail.ru

УДК 929.652

ДЕНЕЖНАЯ ПОЛИТИКА НОРВЕГИИ ОТ ЗАВЕРШЕНИЯ ЭПОХИ ВИКИНГОВ ДО КАЛЬМАРСКОЙ УНИИ (1050–1397)

А.Н. Петров

Норвежская нумизматическая ассоциация (Берген, Норвегия)
e-mail: alexander@petrov.no
ResearcherID: O–6915–2015
http://orcid.org/0000-0002–1369–860X

Авторское резюме

Впервые в русскоязычной нумизматической литературе публикуется анализ чеканки серебряной монеты в королевстве Норвегия на протяжении трех столетий — от завершающего этапа эпохи викингов до утери страной государственного суверенитета. Представлен каталог номиналов, рассмотрены два этапа финансовой политики. Первый охватывает переходный период от эпохи викингов к Средневековью (1050–1080). Второй касается суверенных денежных эмиссий в средневековом государстве (1080–1397). Делается вывод о том, что важным стимулом развития денежного дела Норвегии являлся переход от военной экспансии к широкомасштабной международной торговле. Отмечено влияние эпидемии чумы на прекращение работы последнего монетного двора в Осло. Использованы правила письменного перевода имен, принятые в современной Норвегии.

Ключевые слова: пеннинг, полпеннинга, четверть пеннинга, брактеат, эпоха викингов, Кальмарская уния, «норвежская империя», «Закат Норвегии».

MONETARY POLICIES IN NORWAY FROM THE END OF THE VIKING AGE TO THE KALMAR UNION (1050–1397)

Alexander Petrov

Norwegian Numismatic Association (Bergen, Norway)
e-mail: alexander@petrov.no

Abstract

For the first time in the Russian-language numismatic literature, an in-depth analysis of the three centuries' silver coinage in the Kingdom of Norway has been published. It is limited by the political, military and monetary time framework from the final stage of the Viking Age to the loss of Norwegian state sovereignty in 1397 (the Kalmar Union). The catalog of denominations is presented, two stages of a financial policy are considered. The first is the transition period from the Viking Age to the Middle Ages (1050–1080). The second stage is about the sovereign money issues in the medieval state (1080–1397). The author has concluded that an important stimulus for the development of the monetary policies was the transition from the Viking military expansion to a large-scale international trade. The effect of the plague epidemic on the last Norwegian mint's collapse is underlined. The translations of Norwegian medieval names to Russian are

constructed according to modern Norwegian rules.

Keywords: penning, half penning, quarter of penning, bracteate, Viking Age, Kalmar Union, "Norwegian empire", "Norwegian decline".

* * *

В современном обществе и науке наблюдается устойчивый интерес к ранней скандинавской истории. Публикации появляются в Великобритании, Северной Европе, Прибалтике и России, в Гринландии и Северной Америке (Fuglesand 1997: 97). Интерес подчас приобретает неожиданный разворот. 12 августа 2017 г. в Бергене произошла крупнейшая кража за 200 лет музейного дела в Норвегии. Из Университетского музея были похищены уникальные сокровища эпохи викингов (Fossen, Nave 2017: 12–19). Полиции удалось найти две трети артефактов и вернуть их в музей лишь 6 ноября 2017 г. На момент сдачи статьи поиск части сокровищ продолжался, а в норвежском обществе шла дискуссия об ответственности музеев за сохранность национального достояния.

Предлагаемая вниманию читателей статья является второй в серии авторских работ о возникновении и развитии денежного дела в Норвегии. Первое исследование, изданное в 2017 г., посвящалось началу денежных эмиссий. Они связаны с возвращением норвежского викинга Улава Триггвасона[1] из Англии в Норвегию, избранием его королем в 995 г., чеканкой подражаний пенни англосаксов в Тронхейме около 997–998 г. (Petrov 2016: 56–58). В скандинавской науке и современном норвежском обществе прочно утвердилось представление о том, что Улав был хорошо знаком с англосаксонской серебряной монетой, которую стал копировать, став королем (Bergan 2009: 75). Он являлся одним из руководителей датско-норвежских викингских походов, участники которых добились крупных выкупов от англосаксов: 10.000 фунтов серебра в 991 г. и 16.000 фунтов в 994 г. (Titlestad 2011: 113–114).

Денежная политика переходного периода 1050–1080 гг.

После прекращения широкомасштабных походов норвежских викингов завершился процесс территориальной экспансии Норвегии X и XI вв. (Europa 1989: 23). Вслед за этим последовал продолжительный период интенсивного развития экспорта и импорта, который позволяет норвежским специалистам по международным отношениям говорить о складывании торговой «норвежской империи» (Riste 2003: 26). Данный фактор, как правило, достаточно слабо принимается в расчет норвежскими нумизматами. Между тем именно он мог сыграть ключевую роль в стимулировании денежно-финансовой политики в переходный период от эпохи викингов к Средневековью, так как эволюция от военно-политической экспансии к сугубо торговой подразумевает регулирование

[1] Здесь и далее авторский перевод норвежских имен в соответствии с правилами букмоля.

монетарного режима и укрепления центральной власти в королевстве.

В Норвегии отсчет переходного периода от эпохи викингов к Средневековью принято вести с 1050 г. Он охватывает промежуток до 1080 гг., страной в это время правили короли Харальд III Сигурдссон (Суровый Правитель, 1045–1066) и Улав III Харальдссон (Мирный, 1067–1093).[1] Считается, что при них произошла консолидация королевской власти, налоговой администрации, вооруженных сил, городской и церковной организаций, а также чеканки монеты (Gullbekk 2012: 76). В силу этого нумизматический материал рассматривается как источник о денежно-финансовой политике переходного периода — от эпохи викингов к Средневековью — а также как важное свидетельство о становлении государства и права.

Завершение масштабных походов норвежских викингов пришлось на правление Харальда III, руководителя последней попытки викингов завоевать Англию и павшего в битве при д. Стамфорд Бридж 25 сентября 1066 г. При нем вплоть до 1050 г. примерно 99% монет в Норвегии были иностранными, в основном германскими и англосаксонскими, с включением датских, шведских, ирландско-норвежских, богемских и русских (Gullbekk 2012: 80). Примерно в 1047 г. в Норвегии начинается переосмысление монетной стопы и ремедиума веса и пробы. Тогда как при предыдущих королях Улаве Триггвасоне и Улаве Харальдссоне вес собственной норвежской монеты подгонялся к англосаксонским пенни и куфическим дирхемам, то при Харальде ситуация меняется. Вес серебряного пеннинга стали определять на основе норвежской весовой системы: марка = 240 пеннингов, ере = 30 пеннингов, эртуг = 10 пеннингов. В итоге при Харальде марка серебра весом 214.32 г. равнялась восьми ере, а один ере весом 26.79 г. равнялся 30 новым пеннингам весом около 0.89 г. Таким образом норвежские номиналы оказались легче современных им английских пенни весом 1.44 г.

В ходе реформы на норвежских монетах впервые чеканятся указания о месте выпуска. Тем самым последний король викингов начинает полностью следовать англосаксонской практике, при которой на пенни упомянали монетный двор. В его правление пеннинги эмитировали в двух норвежских городах: Нидарусе (Тронхейме) и Хамаре. На них появляются имена скандинавских минцмейстеров: Герейта, Гейрфинн, Улав, Ульф. Они начинают эмитировать монету массово, а иностранные деньги планомерно выводятся из обращения. Нумизматы на основе анализа норвежских кладов приходят к выводу о том, что реформы Харальда III привели к тому, что к моменту своей гибели в 1066 г. ему удалось заменить более половины иностранных монет новыми пеннингами (Gullbekk 2009; Holst 1936: 93–138).

При этом королем планомерно и поэтапно велась порча монеты. До 1051 г. выпускались пеннинги, которые могли иметь 80–90% и более серебра. Содержание

---

[1] Harald III Hardrådet переводится как Харальд Суровый Правитель (Riste 2003: 24–25). Улав Чирре / Olav III Kyrre: Kyrre, Kyrri, форма от kyrr — норв. rolig, fredelig (Siversen 2007: 41). Русс. спокойный, мирный: Улав Мирный. Англ. Olaf the Peaceful (Gullbekk 2011: 96).

драгметалла находилось на уровне серебра в англосаксонских, германских и датских монетах. Однако в кладах, сокрытых после 1060 г., пеннинги содержат уже менее 75% драгметалла, с большой долей меди. Последние отчеканенные при Харальде III номиналы содержали примерно 25% серебра. Поэтому норвежские нумизматы называют Харальда Сурового Правителя самым агрессивным скандинавским королем в деле порчи монеты: большинство пеннингов имело от 25% до 45% серебра с медианой в 33%. Допустимо, что идея столь широкомасштабной порчи, в высшей степени необычной для Скандинавии XI в., появилась после того, как он усвоил денежную политику Византии, где провел восемь лет перед тем, как стать королем Норвегии (Gullbekk 2012: 86–87). По мнению автора статьи, влияние на политику норвежского короля могла оказать и норвежская королева Еллисив — Елизавета, дочь киевского князя Ярослава Мудрого. На Руси были хорошо осведомлены о византийских традициях монетной чеканки.

После гибели Харальда III новый король Улав III продолжил эмитировать монету в еще больших объемах, одновременно изымать старую и иностранную (Skaare 1995b: 11–14). В крупнейшем кладе XI в. из Гресли найдены всего 8 монет Харальда III вместе с 2.201 монетой времен Улава III. В пеннингах, эмитированных при нем, по-прежнему содержалось незначительное количество серебра, медианное значение составляет 36,8% (Skaare 1995a: 53). Несмотря на низкое содержание драгметалла, масовые эмиссии и изъятия иностранных номиналов привели к том, что к 1080 г. норвежские пеннинги составляли уже более, чем 90% всех монет в денежном обращении королевства. Подданные короля массово принимали новые платежные средства для внутренних расчетов, таких как выплата налогов.

Улавом III также была осуществлена первая в Норвегии реновацию монеты. Примерно в 1070 г. остатки иностранной монеты и подавляющее большинство монет Харальда III изъяли с денежного рынка в ходе одной продолжительной операции (Gullbekk 2012: 96). Взамен владельцы монеты получали новые пеннинги, однако практическая сторона реноваций XI в. остается непроясненной ни для Норвегии, ни для Скандинавии в целом.

Нумизматические данные выступают важным свидетельством того, что королевская власть Норвегии в 1050–1080 гг. оказалась в состоянии успешно провести широкомасштабную политику централизации и реформ. Королевство превратилось в скандинавского лидера в деле чеканки монеты, его монетарная система превзошла датскую и шведскую (Gullbekk 2011: 93, 95). От времен Харальда III насчитано 127 штемпелей для чеканки монеты, от Улава III 637. При том, что каждым штемпелем в Норвегии XI в. чеканили от 5.000 до 15.000 монет, количество пеннингов в обращении королевства во второй половине XI в. составило миллионы. При населении в 150.000 чел. на каждого норвежца приходилось в среднем по 50 монет, хотя большинство денег концентрировалось в руках людей, имеющих отношение к торговле (Gullbekk 2005: 4, 5).

Суверенная денежно-финансовая политика норвежского Средневековья (1080–1397 гг.)

В современной скандинавской историографии отсчет Средневековью начинается вслед за завершением эпохи викингов. При этом норвежское Средневековье имеет ряд особенностей. Оно с самого начала не имело ничего общего с итальянским или французским, где данный период оказывался в середине между Античностью и Ренессансом. В Норвегии античный период отсутствовал. К тому же норвежское Средневековье короче, чем французское и итальянское, так как исключает эпоху викингов: в центре континентальной Европы Средние века нередко начинают с 500-х гг., тогда как в Норвегии отсчет ведется с 1000 г.

По археологическим свидетельствам, примерно в это время в Норвегии завершается железный век. Норвежские археологи сразу после него начинают говорить о Средних веках, тем самым синхронизируют эпоху викингов с завершающей фазой позднего железного века (Orning 2009: 36, 38–39).

Средневековое городское население Норвегии составляло не более 4–5% (Molaug 1997: 128). Торговля и связанное с ней законодательство со временем приобрели исключительно важное значение. Цены в Норвегии могли устанавливаться централизовано: в 1282 г. женские сапоги высшего качества стоили 1 ере, рабочий топор 2 ере, корова 8 ере (Molaug 1997: 131). С 1299 г. законодательно предписывалось, чтобы торговля крестьян с купцами совершалась в городах, где цены фиксировались властями. Международная торговля сконцентрировалась в Бергене, который вырос в крупнейший средневековый город королевства. До 90% экспорта из него составляли рыбопродукты (Molaug 1997: 128–129). Большинство городов в Европе, с которыми велась торговля из Бергена, имели экономики с развитым денежным обращением с XI в. (Gullbekk 2008: 163).

Для норвежских нумизматов основной проблемой периода с около 1100 по около 1280 гг. остается размер денежных эмиссий. Количество монет указанного периода в музейных и частных коллекциях больше, чем количество найденных монет за предыдущие периоды (Gullbekk 2005: 5). Особенно много монет выпущено с 1170-х по 1280 гг. За небольшим исключением это брактеаты с изображением на одной стороне, поштемпельный анализ которых затруднителен, а значит непонятно количество эмитированных номиналов. Неясна также датировка анонимных брактеатов, выпущенных в интервалах с 1200 по 1260 гг. и с 1260 по 1320 гг. (Skaare 1995a: 72–73, 82–84).

В правление Магнуса VI (1263–1280) «норвежская империя» находится в зените своего могущества (Riste 2003: 31). Возобновление при нем чеканки двусторонних монет, продолжавшейся вплоть до Магнуса VII (1319–1355), теоретически дает нумизматам возможность анализа штемпельных пар. К тому же двусторонний пеннинг возвращается в обращение как основная монета достаточно рано, примерно в 1275 г. Однако исследования до настоящего времени не проведены, по крайней мере не опубликованы. В силу этого нумизматы по-разному оценивают денежную

массу последней трети XIII в., речь идет о десятках миллионов монет.

После 1280 г. в денежное обращение добавляются новые номиналы: полупеннинги и четверти пеннингов. Они не имеют обозначения номинала, а лишь ясные различия в весе и размере. Впервые в незначительном количестве четверти пеннинга начинают чеканиться еще при Магнусе VI, а с 1280–1285 гг. их имитируют в больших количествах. Тем самым покрывалась потребность населения в мелкой разменной монете. Три номинала — пеннинг, полупеннинг, четверть пеннинга — несут имя короля Эйрика Магнуссона **(1280–1299)**, а также герб Норвегии. Так практика использования герба впервые входит в королевское денежное дело. При этом сам герб — коронованный лев с секирой, развернутый в правую геральдическую сторону — размещается не только на монетах, но и на королевской печати Эйрика (Løberg 2017: 8–9).

Выявленная выше ограниченность нумизматических исследований частично компенсируется тем, что в распоряжении исследователей имеются документы, проливающие свет на денежную политику в XIII–XIV вв. Начиная с 1270-х гг. до нашего времени дошли письменные источники, которые освещают развитие денежного дела. Так, можно с уверенность говорить о чеканке монеты архиепископом Тронхейма с 1222 по 1281 гг. Письменные источники дополняют нумизматические, от периода с 1050 по 1319 гг. в Норвегии зарегистрировано более 25.000 монет, найденных в кладах, церквях и порознь: около 15.000 монет выявлены в кладах, 9.639 под полом в норвежских церквях. Важные данные дает археология, в частности археологами обнаружен монетный двор архиепископа Тронхейма.

Интересным письменным источником являются отчеты о сборе налогов с 1276 по 1364 гг. По ним прослеживается, что в 1276–1278 гг. норвежская монета была существенно испорчена и не подходила для ведения международных расчетов (Gullbekk 2005: 6). Качество монетного сплава продолжало падать и в промежутке с 1290 по 1295 гг. эмитировались самые худшие монеты за всю историю норвежского Средневековья. Они содержали около 8% серебра. Затем последовали периоды увеличения количества серебра в монетах, повторные периоды порчи и реноваций. Королевская денежная политика проводилась в условиях растущей социальной напряженности, областные законы XII–XIII вв. красноречиво свидетельствуют о нестабильности средневекового общества. Относительно слабая королевская власть действовала в условиях глубокой имущественной и социальной дифференции крестьянства, когда нестабильность социальной обстановки выражалась, среди прочего, в повсеместном распространении открытого насилия. Кровавые распри происходили в поле, на дороге, на тинге, на корабле. Первый параграф королевского введения к законам Фростатинга гласит: «Многим известно, какой значительный урон потерпели семьи большинства людей из-за убийств и потери лучших мужей. У нас это вошло в привычку более, чем во многих других странах» (Zaks 1988: 155–156).

Социальная напряженность внутри королевства дополнялась внешнеэкономическими осложнениями. Во второй половине XIII в. наметился рост конкуренции на европейских рынках, где Ганза активно боролась с Норвегией за

выгодную морскую торговлю с Англией. Конкурентная борьба требовала усовершенствования судов и складов, доступа к капиталу и банковскому кредиту: «Банкирские дома Лондона, городов Фландрии и Северной Германии обладали необходимыми капиталами, которых у норвежских купцов из Бергена или других городов просто не было» (Riste 2003: 36). Тем не менее ничто не предвещало краха денежного дела Норвегии, в том числе личные унии между северными королевствами.

Существенное сокращение денежных эмиссий последовало вслед за вспышкой эпидемии чумы, занесенной сначала в Осло в 1348 г., а затем в Западную Норвегию на борту английского судна, прибывшего в порт Бергена летом 1349 г. После смерти короля Улава IV (1380–1387) чеканка монеты, ведшаяся при нем в Осло, прервалась на сто лет. Волны чумных эпидемий повернули вспять поступательное развитие королевства, сложились условия для длительного периода, который может быть назван «Закатом Норвегии». Если население страны в 1350 г. составляло от 300.000 до 500.000 человек, то в 1520 г. всего 150.000 (Bagge, Mykland 1987: 23). Чума также рассматривается как одна из причин утраты Норвегией государственности по результатам Кальмарской унии 17 июня 1397. Депопуляция, экономический спад, утрата суверенитета и фактическое превращение Норвегии в датский домен привели к острой нехватке монеты с 1397 по 1814 гг. Жалобы на дефицит платежных средств в Норвегии продолжались с XV в. вплоть до 1842 г.

Особенности перевода (вместо заключения)

В 1995 г. автором статьи была защищена степень кандидата исторических наук на кафедре источниковедения исторического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова. В 1997 началась карьера в области сотрудничества между Норвегией и Россией, Управление делами дипломатического корпуса МИД РФ откомандировало автора на работу заместителем руководителя торгового отдела Посольства Норвегии в Москве. Впервые обучение норвежскому языку началось на внутренних курсах торгпредства, а после переезда из Москвы в Берген продолжилось на интенсивных курсах норвежского языка при Университете в Бергене. Автором подготовлены доклады на норвежском, опубликованы статьи в норвежской периодике (напр.: Petrov 2014; 2017). При работе над статьей использовались правила письменного перевода, принятые в современной Норвегии. В частности, норвежская буква «o» в именах исторических персонажей переводится как «у». Читателям указанный принцип перевода знаком по имени известного норвежского путешественника Тура Хейердала (Thor Heyerdahl). Норвежское имя Olav в статье соответственно переводится как Улав. Именно так перевел имя и М.Л. Коробочкин, см. Улав Ристе (Olav Riste) (Riste 2003). Именно так звучит оно в современной Норвегии, когда речь идет о средневековых норвежских королях и монетариях, персонажах эпохи викингов и саг, современных монархах и их подданных. Читателю статьи предоставляется возможность услышать оригинальный язык потомков викингов,

ознакомиться с тем, как они сегодня называют своих предков.

В ряде случаев фонетика современного норвежского языка приходит в противоречие с бытованием норвежских имен в русскоязычной литературе, в частности в кругах историков-медиевистов и археологов. С точки зрения автора статьи основная причина расхождений кроется в том, что норвежский язык — редкий, на нем говорит всего 5 миллионов человек. К тому же в северном королевстве имеются два официальных письменных языка и многочисленные диалекты устной речи. Ситуация усложняется тем, что одно и то же имя может по-разному записываться и звучать в норвежском, шведском и датском. Из-за этого профессиональное знание норвежского и других скандинавских языков в зарубежье, в частности России, как правило, концентрируется в кругах профессиональных филологов. Из их среды вышли многие советские и российские специалисты по Скандинавии эпохи викингов и Средневековья, такие как М.И. Стеблин-Каминский, Т.Н. Джаксон, Е.А. Мельникова. Автор надеется, что в силу своей относительной нумизматической и филологической новизны предлагаемая статья не только доведет до сведения читателя современный норвежский взгляд на денежно-финансовую политику, но и даст импульс использованию современного перевода в работах историков, археологов и нумизматов России.

Рис.1. Пеннинги Улава III

Рис.2. Пенниги Магнуса III

Рис.3. Полпеннинга Улава Магнуссона

Рис.4. Монеты Сверре Сигурдссона

Рис.5. Четверти пеннинга Хокуна IV

Рис.6. Монеты Магнуса VI и архиепископа Рауде

Рис.7. Монеты Эйрика II

Рис.8. Монеты герцога Хокуна

Рис.9. Монеты Хокуна V, Магнуса VII, Хокуна VI, Улава IV

КАТАЛОГ

Улав III Харальдссон (Чирре/Мирный)
король (1067–1093)
Именные пеннинги: OLAF REX, OLAVER REX, рунами OLAFR KUNUKR[1]
Монетарии: Леуфрикр, Ульфчель
Анонимные пеннинги ок. 1065–1080 и 1080–1095[2]
Монетарии: Аскель, Аслак, Гюннар, Лефрик, Левиг, Луфрик, Ульф Канви, Свейн, Турбьорн. Монетный двор: Нидарус

Магнус III Улавссон (Беррфетт/Босой)
король (1093–1103)
Именные пеннинги: MAGNIVO REX, MAGNUS R[3]
Монетарии: Аудгрим, Свейн. Монетный двор: Каупанг (Нидарус/Тронхейм)
Фрагмент пеннинга Улава III или Магнуса III[4]
Анонимные пеннинги ок. 1095–1110[5]
Монетарий: Свейн. Монетный двор: Каупанг (Нидарус/Тронхейм)

Улав Магнуссон, соправители братья Ейстейн и Сигурд
король (1103–1115)
Именной полпеннинга брактеат: OLAVI REX[6]
Анонимные полпеннинга брактеаты ок. 1105–1130, 1130–1150, 1150–1170[7]

Сверре Сигурдссон
король (1177–1202)
Именные пеннинги и пеннинги брактеаты: REX MAGNUS SVERRU, REX SVERUS MAGNUS[8]
Монетарий: Хагбарт. Монетный двор: Нидарус
Анонимные пенниг брактеат и четверти пеннинга брактеаты ок. 1170–1205[9]
Монетарий: Хагбарт ? Монетные дворы: Берген ? Эльвесиссель ? Гимсей ? Хамар ? Конгхелле ? Марстранд ? Нидарус ? Осло ? Ставангер ? Тунсберг ? Веей ?

---

[1] Рис. 1. Пеннинги №1–№4 ©2017 Kulturhistorisk museum CC BY-SA 4.0
[2] Рис. 1. Пеннинги №5–№8 ©2017 Kulturhistorisk museum CC BY-SA 4.0
[3] Рис. 2. Пеннинги №1, №2 ©2017 Kulturhistorisk museum CC BY-SA 4.0
[4] Рис. 2. Пенниг №3 ©2017 Kulturhistorisk museum CC BY-SA 4.0
[5] Рис. 2. Пеннинги №4–№6 ©2017 Kulturhistorisk museum CC BY-SA 4.0
[6] Рис. 3. Полпеннинга брактеат №1 ©2017 Kulturhistorisk museum CC BY-SA 4.0
[7] Рис. 3. Полпеннинга брактеат №2–№5 ©2017 Kulturhistorisk museum CC BY-SA 4.0
[8] Рис. 4. Пеннинги №1, №2, пеннинги брактеаты №3, №4 ©2017 Kulturhistorisk museum CC BY-SA 4.0
[9] Рис. 4. Четверть пеннинга брактеат №5, №7, пенниг брактеат №6 ©2017 Kulturhistorisk museum CC BY-SA 4.0

Хокун IV Хокунссон
король при регентстве ярла Скюле Бордссона (1217–1220), король (1220–1263)
Именные четверти пеннинга брактеаты: REX ET COMES, REX ET VOV, ? HA CO, ? HAC ?, REX ?, REX HACU[1]
Монетарий: Хагбарт
Анонимные четверти пеннинга брактеаты ок. 1205–1260[2]
Монетарий: Торкель ? Монетные дворы: Берген ? Гимсей ? Хамар ? Конгхелле ? Марстранд ? Нидарус ? Осло ? Тунсберг ?

Магнус VI Хокунссон (Лагабете/Исправитель законов)
король (1263–1280)
архиепископ Йон Рауде **(1268–1282)**
Именные пеннинги и четверти пеннинга: MAGN REX NORVEGIE, MAGNUS REX, REX MAGNUS[3]
Монетный двор: Берген ?
Анонимные четверти пеннинга брактеаты ок. 1260–1280[4]
Монетные дворы: Эльвесиссель ? Марстранд ? Нидарус ?

Эйрик II Магнуссон
король (1280–1299)
Именные пеннинги, полпеннинга, четверти пеннинга: ERIK MAGN REX NORVEG, ERICUS REX, ERICUS REX NORWEG, REX ERICUS[5]
Монетные дворы: Берген, Тунсберг

Хокун Магнуссон
герцог (1280–1299)
Именные пеннинги, полпеннинга, четверть пеннинга: hAQUIN DUX NORWEGIE, hAQUINUS DUX[6]
Монетный двор: Осло

[1] Рис. 5. Четверть пеннинга брактеат №1–№6 ©2017 Kulturhistorisk museum CC BY-SA 4.0
[2] Рис. 5. Четверть пеннинга брактеат №7–№18 ©2017 Kulturhistorisk museum CC BY-SA 4.0
[3] Рис. 6. Пеннинги №1–№3, четверть пеннинга №4 ©2017 Kulturhistorisk museum CC BY-SA 4.0
[4] Рис. 6. Четверть пеннинга брактеат №5–№8 ©2017 Kulturhistorisk museum CC BY-SA 4.0
[5] Рис. 7. Пеннинги №1–№4, полпеннинга №5, четверть пеннинга №6–№7 ©2017 Kulturhistorisk museum CC BY-SA 4.0
[6] Рис. 8. Пеннинги №1–№3, полпеннинга №4, четверть пеннинга №5, поздняя подделка пеннинга №6 ©2017 Kulturhistorisk museum CC BY-SA 4.0

Хокун V Магнуссон, **король (1299–1319)**
Магнус VII Эрикссон, **король (1319–1355)**
Хокун VI Магнуссон, **король (1343–1380)**
Улав IV Хокунссон, **король (1380–1387)**
Именные пенninги, пеннинги брактеаты, полпеннинга, четверть пеннинга[1]
Монетарий: Ханс
Легенды аверса монет Хокуна V: hAQUINI REG NORVEG, hAQUINUS, hAQUINUS REX, hAQUINUS REX NORVEGIE
Легенда аверса монет Магнуса VII: коронованная монограмма M
Легенда аверса монет Хокуна VI: коронованная монограмма h
Легенда аверса монет Улава IV: коронованная монограмма O, с крестом внутри или без него
Монетные дворы: Берген, Осло

ЛИТЕРАТУРА

Закс 1988 — *Закс В.А.* Отражение общественной структуры в судебной практике средневековой Норвегии // Классы и сословия средневекового общества / Редактор З.В. Удальцова. М., 1988.

Петров 2016 — *Петров А.Н.* Возникновение денежного дела Норвегии в эпоху викингов: пеннинги Олава I (995–1000) // Нумизматика старого света / Редакторы Е.П. Токарева, В.Г. Лушин. Зимовники, 2016. doi: 10.6084/m9.figshare.4818643.v3

Ристе 2003 — *Ристе О.* История внешней политики Норвегии. М., 2003.

Bagge, Mykland 1987 — *Bagge S., Mykland K.* Norge i dansketiden 1380–1814. Drammen, 1987.

Bergan 2009 — *Bergan H.* Olav Tryggvason. Fra vikinghøvding i Russland til kristningskonge i Norge 995–1000. Porsgrunn, 2009.

Europa 1989 — Europa vom Ende des 9. bis zum Beginn des 11. Jh. // Atlas zur Geschichte in zwei Bänden. 1989. Band 1.

Fossen, Nave 2017 — *Fossen E., Nave I.* Sagaen om Vikingskatte // BT Magasinet. Lørdag 7. Oktober 2017. Bergen, 2017.

Fuglesand 1997 — *Fuglesand S.H.* Vikingtid — hva nytt? // Nytt lys på middelalderen / Jørgen Haavardsholm (red.). Oslo, 1997.

Gullbekk 2005 — *Gullbekk S.H.* Natural and Money Economy in Medieval Norway // Scandinavian Journal of History. 2005. Vol. 30.

Gullbekk 2008 — *Gullbekk S.H.* Mynt og by i middelalderen — en studie av norske skriftlige kilder // Nordisk Numismatisk Årsskrift (NNÅ), 2003–2005. 2008.

Gullbekk 2009 — *Gullbekk S.H.* Pengevesenets fremvekst og fall i Norge i middelalderen. København, 2009.

Gullbekk 2011 — *Gullbekk S.H.* Norway: Commodity Money, Silver and Coins // Silver Economies, Monetisation and Society in Scandinavia AD 800–1100 / J. Graham-Campbell, S. Sindbæk, G. Williams (red.). Aarhus, 2011.

Gullbekk 2012 — *Gullbekk S.H.* Kapittel 4. Myntvesenet som kylde til statsutvikling i Norge ca. 1050–1080 // Statsutvikling i Skandinavia i middelalderen / S. Bagge, M.H. Gelting, F. Hervik, T. Lindkvist og B. Poulsen (red.). Oslo, 2012.

[1] Рис. 9. Пеннинги №1–№5, полпеннинга №6, №7, четверть пеннинга №8, полпеннинга №9, пенниг брактеат №10–№12 ©2017 Kulturhistorisk museum CC BY-SA 4.0

Holst 1936 — *Holst H.* Norges mynter til slutten av 16 Aarhundre // Nordisk Kultur XXIX: Mynt / S. Aakjær (red.). København; Oslo; Stockholm, 1936.

Løberg 2017 — *Løberg L.* Riksløven — maktens symbol // Mynt & historie. 2017. № 3.

Molaug 1997 — *Molaug P.B.* Middelalderbyen som handelssentrum // Nytt lys på middelalderen / J. Haavardsholm (red.). Oslo, 1997.

Orning 2009 — *Orning H.J.* Når starter middelalderen? // NIFO-nytt. Bergen, 2009. № 4.

Petrov 2014 — *Petrov A.N.* Kronikk. Handelsboikott sikte // Bergens Tidende. 2014. 25 mai.

Petrov 2017 — *Petrov A.N.* Kronikk. Oljebransjen og diplomatiets tornefulle vei til Russland // ABC Nyheter. 2017. 5 mai.

Siversen 2007 — *Siversen B.* Navneboka. Ljubljana, 2007.

Skaare 1995a — *Skaare K.* Norges mynthistorie. Mynter og utmynting i 1000 år. Pengesedler i 300 år. Numismatikk i Norge. Bind 1. Oslo, 1995.

Skaare 1995b — *Skaare K.* Norges mynthistorie. Mynter og utmynting i 1000 år. Pengesedler i 300 år. Numismatikk i Norge. Bind 2. Katalog registerbind. Oslo, 1995.

Titlestad 2011 — *Titlestad T.* Norge i vikingtid. Våre kulturelle og historiske røtter. Stavanger, 2011.

REFERENCES

Bagge, Mykland 1987 — *Bagge S., Mykland K.* Norge i dansketiden 1380–1814 [Norway in 1380–1814], Drammen, 1987 [in Norwegian].

Bergan 2009 — *Bergan H.* Olav Tryggvason. Fra vikinghøvding i Russland til kristningskonge i Norge 995–1000 [Olaf Tryuggvason. From the leader of Vikings in Russia to the king of Norway in 995–1000 years], Porsgrunn, 2009 [in Norwegian].

Europa 1989 — Europa vom Ende des 9. bis zum Beginn des 11. Jh. [Europe since the end of 9 before the beginning of the 11th century], in: Atlas zur Geschichte in zwei Bänden. 1989. Band 1 [The atlas of history in two volumes. 1989. Volume 1] [in German].

Fossen, Nave 2017 — *Fossen E., Nave I.* Sagaen om Vikingskatte [The saga about Vikingskatta], in: BT Magasinet. Lørdag 7. oktober 2017 [BT Magazine. Saturday 7. October, 2017], Bergen, 2017 [in Norwegian].

Fuglesand 1997 — *Fuglesand S.H.* Vikingtid — hva nytt? [Vikings — that new?], in: Nytt lys på middelalderen / Jørgen Haavardsholm (red.) [New light on Middle Ages / Jørgen Haavardsholm (editor)], Oslo, 1997 [in Norwegian].

Gullbekk 2005 — *Gullbekk S.H.* Natural and Money Economy in Medieval Norway, in: Scandinavian Journal of History, 2005, Volume 30 [in English].

Gullbekk 2008 — *Gullbekk S.H.* Mynt og by i middelalderen — en studie av norske skriftlige kilder [Coin and the city in the Middle Ages — a research of the Norwegian written sources], in: Nordisk Numismatisk Årsskrift (NNÅ), 2003–2005 [Norwegian numismatical magazine, 2003–2005], 2008 [in Norwegian].

Gullbekk 2009 — *Gullbekk S.H.* Pengevesenets fremvekst og fall i Norge i middelalderen [Rise and fall of Norway in the Middle Ages], København, 2009 [in Norwegian].

Gullbekk 2011 — *Gullbekk S.H.* Norway: Commodity Money, Silver and Coins, in: Silver Economies, Monetisation and Society in Scandinavia AD 800–1100 / J. Graham-Campbell, S. Sindbæk, G. Williams (red.), Aarhus, 2011 [in English].

Gullbekk 2012 — *Gullbekk S.H.* Kapittel 4. Myntvesenet som kylde til statsutvikling i Norge ca. 1050–1080 [Chapter 4. Monetary matter and the state development in Norway in 1050–1080], in: Statsutvikling i Skandinavia i middelalderen / S. Bagge, M.H. Gelting, F. Hervik, T. Lindkvist og B. Poulsen (red.) [The state development of Scandinavia in the Middle Ages / S. Bagge, M.H. Gelting, F. Hervik, T. Lindkvist og B. Poulsen (editors)], Oslo, 2012 [in Norwegian].

Holst 1936 — *Holst H.* Norges mynter til slutten av 16 Aarhundre [Coins of Norway until the end of the 16th century], in: Nordisk Kultur XXIX: Mynt / S. Aakjær (red.) [Northern culture XXIX: coins / S. Aakjær (editor)], København; Oslo; Stockholm, 1936 [in Norwegian].

Løberg 2017 — *Løberg L.* Riksløven — maktens symbol [Rikslyoven — a symbol of the power], in: Mynt & historie [Coins and history], 2017, № 3 [in Norwegian].

Molaug 1997 — *Molaug P.B.* Middelalderbyen som handelssentrum [Medieval city as shopping center], in: Nytt lys på middelalderen / J. Haavardsholm (red.) [New view on the Middle Ages / J. Haavardsholm (editor)], Oslo, 1997 [in Norwegian].

Orning 2009 — *Orning H.J.* Når starter middelalderen? [When the Middle Ages begin?], in: NIFO-nytt, Bergen, 2009, № 4 [in Norwegian].

Petrov 2014 — *Petrov A.N.* Kronikk. Handelsboikott sikte [Chronicle. Trade studying], in: Bergens Tidende [Bergen magazine], 2014, 25 mai [in Norwegian].

Petrov 2016 — *Petrov A.N.* Vozniknovenie denezhnogo dela Norvegii v epokhu vikingov: penningi Olava I (995–1000) [Coinage in Norway during the King Olav I Tryggvason's reign (995–1000)], in: Numizmatika starogo sveta / Redaktory E.P. Tokareva, V.G. Lushin [Numismatics of the Old World / Editors E.P. Tokareva, V.G. Lushin], Zimovniki, 2016. DOI: 10.6084/m9.figshare.4818643.v3 [in Russian].

Petrov 2017 — *Petrov A.N.* Kronikk. Oljebransjen og diplomatiets tornefulle vei til Russland [Chronicle. Oil industry and way of diplomacy to Russia], in: ABC Nyheter [ABC News], 2017, 5 mai [in Norwegian].

Riste 2003 — *Riste O.* Istoria vneshnei politiki Norwegii [Norway's Foreign Relations — A History], Moscow, 2003 [in Russian].

Siversen 2007 — *Siversen B.* Navneboka, Ljubljana, 2007 [in Slovenian].

Skaare 1995a — *Skaare K.* Norges mynthistorie. Mynter og utmynting i 1000 år. Pengesedler i 300 år. Numismatikk i Norge. Bind 1 [History of coins of Norway. Coins and coins on 1000. Banknotes for 300 years. Numismatics in Norway. Volume 1], Oslo, 1995 [in Norwegian].

Skaare 1995b — *Skaare K.* Norges mynthistorie. Mynter og utmynting i 1000 år. Pengesedler i 300 år. Numismatikk i Norge. Bind 2 [History of coins of Norway. Coins and coins on 1000. Banknotes for 300 years. Numismatics in Norway. Volume 2], Katalog registerbind. Oslo, 1995 [in Norwegian].

Titlestad 2011 — *Titlestad T.* Norge i vikingtid. Våre kulturelle og historiske røtter [Norway during an era of Vikings. Our cultural and historical roots], Stavanger, 2011 [in Norwegian].

Zaks 1988 — *Zaks V.A.* Otrazhenie obschestvennoi struktury v sudebnoi praktike srednevekovoi Norvegii [Reflection of the Social Structure in the Judicial Practices of Medieval Norway], in: Klassy i sosloviya srednevekovogo obshchestva / Redaktor Z.V. Udal'cova [Classes and estates of medieval society / Editor Z.V. Udaltsova], Moscow, 1988 [in Russian].

Петров Александр Николаевич — кандидат исторических наук, член Норвежской нумизматической ассоциации (Берген, Норвегия).
Alexander Petrov — Candidate of historical sciences, member of Norwegian Numismatic Association (Bergen, Norway).
E-mail: alexander@petrov.no

УДК 930.23

НОРМАНИСТСКАЯ СУЩНОСТЬ «СОВЕТСКОГО АНТИНОРМАНИЗМА». ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

В.В. Фомин

Липецкий государственный педагогический университет
им. П.П. Семенова-Тян-Шанского
Россия, 398020, г. Липецк, ул. Ленина, д. 2
e-mail: vfominv@mail.ru
SPIN-код: 1914–6761

Авторское резюме

В статье рассматривается советская историография «варяжского вопроса» и показывается, что вопреки распространенному мнению о существовании некоего «советского антинорманизма» реально в советской науке о Древней Руси господствовали «норманистские» взгляды, которые просто были прикрыты марксистской фразеологией о государстве как результате внутреннего развития общества. Со временем наука, все более и более убеждаясь в несостоятельности «советского антинорманизма» (а негативное отношение к нему автоматически распространялось на труды истинных антинорманистов XVIII–XIX вв.), переходит на откровенно «норманистские» позиции, давно ставшие неотъемлемой частью сознания нашей научной общественности, глубоко погрузив науку в топи — по точной оценке Ю.И. Венелина, данной в 1836 г., — скандинавомании. А одним из весьма специфических ее проявлений являлся «советский антинорманизм», приведший в наше время к торжеству «взвешенного и объективного норманизма», под личиной которого выступает все тот же «“ультранорманизм” шлецеровского типа».

Ключевые слова: историография, СССР, норманизм, антинорманизм, Древняя Русь.

NORMANIST ESSENCE OF SOVIET ANTI-NORMANISM. PART ONE

Vyacheslav Fomin

Lipetsk state pedagogical university
2 Lenin Street, Lipetsk, 398020, Russia
e-mail: vfominv@mail.ru

Abstract

The author examines Soviet historiography on the Varangian issue and shows that contrary to the widespread belief that there was a certain level of Soviet anti-Normanism, the Normanist views actually dominated in the Soviet history of Ancient Rus’ but were simply obscured by Marxist phraseology about the state as a result of internal development of a society. Over time, scientists, becoming more and more convinced of the failure of the Soviet anti-Normanism (and automatically extending a negative attitude to the works of true anti-Normanists of the 18th-19th centuries), moved openly to the Normanist positions,

which have long become an integral part of the consciousness of our scientific community deeply plunging our science into the swamps of Scandinavia-mania, according to an accurate assessment given by Yu.I. Venelin in 1836. And one of its very specific manifestations was Soviet anti-Normanism that resulted in the triumph of 'balanced and objective Normanism,' under the guise of which there is still the same ultra-Normanism of the Schlözer type.

Keywords: historiography, USSR, Normanism, anti-Normanism, Ancient Rus'.

* * *

В предвоенные годы, заключал в 1985 г. Л.В. Черепнин, «борьба с буржуазной и мелкобуржуазной историографией внутри страны была в основном завершена победой марксистско-ленинской идеологии» (Черепнин 1985: 5)[1]. Эта победа отразилась на норманизме, который во второй половине 1930-х гг. был облачен, с учетом политического момента, в марксистские одежды, что повлекло за собой некоторые в нем изменения, преимущественно внешнего свойства.

В 1932 г. в СССР было положено начало целенаправленному курсу на преодоление основных недостатков в деле преподавания истории в школе и ее изучения в научных учреждениях. В качестве их причины была названа в совместных постановлениях ЦК ВКП(б) и СНК СССР от 26 января 1936 г. и 14 ноября 1938 г. «школа Покровского», выражавшая «антимарксистские, антиленинские, по сути дела ликвидаторские, антинаучные взгляды на историческую науку» и искажавшая «действительную историю» (Против Покровского 1939: 3, 8. См. также: Мавродин 1967: 53–55; Дворниченко 2014: 193–208).

В ходе борьбы с проявлениями этой школы советская историческая наука перешла на новые методологические принципы. Рассматривая ранее Русь как прямой продукт деятельности норманнов (вот почему С.В. Юшков в 1949 г. подчеркивал, что у М.Н. Покровского «норманизм стал проявляться в наиболее грубой своей форме»: Юшков 1949: 34), она теперь приняла одно из главных положений марксизма, согласно которому определяющая роль в процессе складывания, в данном случае этого крупнейшего государства раннего Средневековья, отводилась внутреннему фактору — социально-экономическому развитию восточнославянского общества. Такой подход таил в себе много продуктивного, но он, к сожалению, был возведен в абсолют (марксизм, как известно, не отрицает не менее важной роли внешнего фактора в образовании государств), что придало варяжскому вопросу во всех отношениях абсолютно ложное звучание, заставлявшее ученых двигаться в ложном направлении.

Воцарилось представление, что они, разработав новую, подлинно научную марксистскую концепцию генезиса Русского государства, впервые поставили антинорманизм, как отмечал, например, Д.А. Авдусин, «на прочную, отличную от норманизма, методологическую основу: историко-материалистическую теорию происхождения классов и государства. В рамках этой теории норманистское

[1] Во всех случаях курсив, разрядка, жирный шрифт, подчеркивание в цитатах принадлежат авторам.

объяснение создания Русского государства скандинавами утратило смысл и историческое содержание» (Авдусин 1988: 26–27).

И утратило потому, что наши специалисты, подвергнув «всесторонней критике» «пресловутую» норманскую теорию происхождения Русского государства, доказали его возникновение в процессе внутреннего развития восточных славян, генезиса феодализма, «а не действий норманнов-варягов» (Черепнин 1953: 55; Мавродин 1967: 57; 1971: 127), убедительно разоблачили ее «идеализм» (Шушарин 1964: 236; Шаскольский 1965: 5), установили несоответствие «современным научным представлениям о сущности государства и о процессе его формирования», «неспособность дать серьезное научное объяснение сложных процессов создания государства в IX–XI вв. на огромной территории восточнославянских земель», окончательно продемонстрировав, таким образом, научную и методологическую несостоятельность норманизма (Шаскольский 1960: 223, 225, 236; 1961: 335, 339; 1965: 3, 13–14, 17–18). Те же слова лились со страниц популярных изданий, например, «Советской исторической энциклопедии», в которой Шаскольский в 1962 г. доносил до массового читателя, что антинаучная норманская теория отвергнута «учеными-марксистами ввиду ее несостоятельности» (СИЭ 1962: 390).

Сама же «несостоятельность» норманизма доказывалась по-марксистски предельно просто — полнейшим отрицанием участия в процессе классообразования у восточных славян воздействия, как уверяли в 1939–1965 гг. лидеры тогдашней науки Б.Д. Греков, Б.А. Рыбаков, И.П. Шаскольский, «внешних сил», насаждением тезиса, что «поиски внешних импульсов безрезультатны» (Греков 1939: 9; Рыбаков 1960: 26; 1993: 258; Шаскольский 1960: 225–226; 1961: 335, 339, 341; 1965: 14–18, 58). Из данной посылки, преподносимой в качестве победы над норманизмом и важнейшего достижения советской науки, но совершенно убаюкивавшей критическую мысль и уродовавшей мысль творческую, последовал непреложный вывод, что разговор об этносе варягов, утверждали в разные годы в один голос известные в науке историограф С.Л. Пештич, лингвист А.И. Попов, археолог Д.А. Авдусин, утратил прежний смысл, стал «беспредметным», в связи с чем полемика норманистов и антинорманистов «потеряла всякий интерес и значительность» (Пештич 1961: 73; Попов 1973: 61; Авдусин 1986: 120–121).

Ибо, излагал в 1960–1983 гг. кредо советской науки Шаскольский, в рамках марксистской концепции возникновения классового общества и государства, «самим своим материалом» опровергающей норманскую теорию, «не находилось места для варягов — создателей русской государственности»: были ли они «скандинавами или другим иноземным народом, все равно не ими было создано государство в восточнославянских землях». Потому как установлено, «что и государство, и классовое общество формировались в результате глубокого и длительного процесса внутреннего социально-экономического развития, происходившего на огромном пространстве восточнославянских земель от Ладоги до низовьев Днепра и от Карпат до бассейна Оки и Верхней Волги. При таком решении проблемы просто не оставалось места для сколько-нибудь значительной роли внешнего фактора —

появившихся в IX–X вв. в Восточной Европе варягов». А посему, заключал он, «антинорманизм утратил всякий практический смысл — незачем стало доказывать, что варяги не были скандинавами»: были ли они таковыми «или другим иноземным народом, все равно не ими было создано государство в восточнославянских землях» (Шаскольский 1960: 224–226; 1965: 3–5, 14–17, 88–89, 213, прим. 27 и 33 на с. 18 и 20; 1971: 44; 1978: 158, прим. 21; 1981: 204–205; 1983: 47–50).

Вопрос об этнической принадлежности Рюрика, вторил М.А. Алпатов в 1973 г., есть «сугубо второстепенный» (Алпатов 1973: 49). В связи с чем дискуссии «горячо закипели» в иной плоскости: варяги Повести временных лет (ПВЛ) были скандинавами, и «полемика, — объяснял в 1966 г. правофланговый советской археологии А.В. Арциховский, — идет об их значении», в рамках которой, по уточнению Шаскольского, «можно говорить лишь о какой-то — большей или меньшей — степени участия норманнов в этом грандиозном внутреннем социально-экономическом и политическом процессе». Весьма показательны вместе с тем его же слова: «Примечательно, что даже сами ученые, разрабатывавшие марксистскую концепцию Древнерусского государства, не сразу осознали, что их концепция подрывает основы норманской теории», т.е. изначально ее никто и не считал антинорманистской, потому как она создавалась норманистами, точнее «причесывавшими» свои взгляды под новые политические и идеологические реалии (Арциховский 1966: 36).

В том же «антинорманистском» ключе речь вели в 1978 г. на страницах датского издания «Scando-Slavica», точно также закрывая варяжский вопрос в его норманистской редакции, археологи А.Н. Кирпичников, Г.С. Лебедев, В.А. Булкин, И.В. Дубов, В.А. Назаренко: «Длительная дискуссия между норманистами и антинорманистами, в общем, завершена. Фундаментальные исследования, проведенные советскими учеными в 1940 — начале 1960-х гг. раскрыли объективные внутренние предпосылки образования Древнерусского государства, его обусловленность процессами социально-экономического развития восточно-славянских племен» (Кирпичников, Лебедев, Булкин, Дубов, Назаренко 1978: 63–64).

В отечественной науке вместе с тем возобладало убеждение, что ее представители, как утверждал в 1945 и 1949 гг. авторитетный историк В.В. Мавродин, не могут, поскольку базируются на научном познании законов человеческого общества, на историческом материализме, вести борьбу с норманизмом «теми методами и приемами, которыми пользовались "варягоборцы" XIX века, времен Венелина и Забелина, Иловайского и Гедеонова», зачастую подменявшие источники размышлениями и руководившиеся «велениями сердца, а не достижениями науки» (Мавродин 1945: 382–383; 1949: 6–7). Ярлыки «варягоборцы», «норманофобы», «антинесторовцы» навешивал на оппонентов, по причине полнейшего бессилия опровергнуть их критику, крупнейший норманист XIX в. А.А. Куник (Куник 1875: 396–400, 446–449, 450–451, 454, 457–459, 461–462, 687, прим. 18; 1903: 04–08, 031, 039, 047, 053–054, 057; 2015: 136–137, 143).

Рассуждая в подобном духе, наши исследователи, совершенно игнорируя ПВЛ, повествующую о созидательной деятельности варяжских князей и их значительного варяжского окружения на протяжении длительного времени, когда сложилась, окрепла и мощно заявила о себе на внешней арене Русь, сохранили в абсолютной неприкосновенности основополагающий постулат категорически неприемлемого ими «антинаучного» норманизма о скандинавской природе варягов и династии Рюриковичей, что и заставляло их жестко смотреть на ее начало лишь через призму догмата норманской теории, при котором, если вспомнить правомерный вывод С.А. Гедеонова, «научная разработка древнейшей истории Руси немыслима» (Гедеонов 2004: 56). Но только смягчая свои заключения словами, что, как говорил в 1938 г. С.В. Бахрушин, «варяжские конунги лишь возглавили тот процесс, который шел внутри славянских обществ Восточной Европы». А далее утверждая в полнейшем согласии с норманистами, что «отдельные конунги со своими дружинами захватывали наиболее важные пункты на речных путях, перерезывавших территорию восточных славян», что так «возникли небольшие варяжские “княжества”» на их землях, что «один из искателей приключений Рёрек утвердился сперва в Ладоге», а позже в Новгороде, что в Полоцке в X в. «находилось княжество Рёгнвальда», что «конунг Торвард (Трувор)» сел в Изборске, причем «скандинавские имена» князей автор «подтверждает» ссылкой на датчанина В. Томсена, с именем которого принято связывать классическое изложение основных положений и аргументов норманизма (Бахрушин 1938: 91–92).

Однако при этом советские ученые, массово тиражируя главный постулат норманской теории, ни в коей мере не считали себя норманистами. Как выразил тогда общий настрой Шаскольский (и во многом его определявший), марксистская наука ее отвергает, но в то же время, с одной стороны, признает, «как об этом свидетельствуют достоверные источники», что в IX–XI вв. в русских пределах «неоднократно появлялись наемные отряды норманских воинов, служившие русским князьям, а также норманские купцы, ездившие с торговыми целями по водным путям Восточной Европы. И, конечно, признание этих *фактов* совсем не тождественно согласию с *выводами* норманизма». С другой, не отрицает участие скандинавов «в событиях, приведших к формированию и дальнейшему развитию Древнерусского государства», а в исторической энциклопедии историк рассказывал самой широкой аудитории, что Владимир Святославич и Ярослав Мудрый неоднократно приглашали из Скандинавии отряды варягов, используя их в междоусобиях и войнах с соседями (СИЭ 1962: 390).

В 1971 г. В.В. Мавродин, полагая, что со времени спора Н.И. Костомарова и М.П. Погодина столько накопилось материала и так развилась научная критика, «что самое понятие норманизма требует уточнения», разъяснял сомневавшимся (а они, несмотря на тотальную обработку умов, были), что «признание скандинавского происхождения династии русских князей или наличия норманнов-варягов на Руси, их активной роли в жизни и деятельности древнерусских дружин отнюдь еще не является норманизмом» (Мавродин 1971: 132–134); в 1945 г. историк подчеркивал, что

скандинавское происхождение династии «Рюриковичей», ее окружение и связи «не могут быть взяты под сомнение» (Мавродин 1945: 384).

В 1973 г. лингвист А.И. Попов также резюмировал, что «наши выводы и соображения не имеют, разумеется, никакого отношения к спорам так называемых “норманистов” и “антинорманистов”», ибо «были окончательно установлены истинные внутренние, органические причины возникновения Древнерусского государства — в основном на восточнославянской почве со значительным участием чудских племен и скандинавских наемных дружин, явившихся сюда гораздо позже, после того как экономические предпосылки для образования государственного организма уже сложились вполне» (Попов 1973: 57, 59, 61).

В унисон тому звучало, что, как убеждал в 1949 г. Мавродин в публичной лекции, в которой нещадно громил норманизм и которая тут же вышла отдельным изданием, не совсем правильно «причислять к норманистам всех признающих скандинавское происхождение русских князей», что если таковыми являлись Н.М. Карамзин и М.П. Погодин, то С.М. Соловьева, В.Г. Васильевского и В.О. Ключевского нельзя безоговорочно считать норманистами в полном смысле этого слова: «у Соловьева мы находим такую мысль: “Норманны… только служили князьям туземных племен. При начале русского общества не может быть речи о господстве норманнов, о норманском периоде”», и Ключевский придавал варягам «не очень большое значение», уготовив им в своих произведениях «роль стражи торговых городов древней Руси» (Мавродин 1949: 12–13, 17–18).

В 1968 г. М.А. Алпатов уверял, что выдающиеся дореволюционные специалисты — А.А. Шахматов, В.О. Ключевский, А.Е. Пресняков — не были ни норманистами, ни антинорманистами и двигались по пути правильного решения варяжского вопроса (Алпатов 1968: 121).

В своей массе представители историко-филологической науки СССР, думая точно так же, начали именовать себя антинорманистами, а свое отношение к варяжскому вопросу выдавать за «советский антинорманизм», искренне полагая, что историк-марксист, как чеканно выразил этот тезис в 1982–1984 гг. археолог Д.А. Авдусин, «всегда антинорманист» (Авдусин 1984: 255).

В 1965 г. И.П. Шаскольский отметил, говоря о конференции в Познани в январе 1958 г. по проблеме происхождения Древнерусского государства, что ее польские участники в целом подтвердили правильность советской концепции его возникновения «в результате внутреннего процесса социально-экономического развития восточнославянских земель и признали невозможность научного решения этой проблемы с позиций норманизма», а в 1978 и 1983 гг. сообщал, что борьбу против норманизма с середины 50-х гг. начали «вести с марксистских позиций ученые социалистических стран»: Польши, ГДР, Чехословакии и что с того же времени марксистская концепция происхождения Русского государства «стала оказывать определенное влияние и на ученых капиталистического Запада» (Шаскольский 1960: 224; 1978: 161; 1983: 48).

Одновременно с тем они утверждали в качестве незыблемой истины, как это делал, к примеру, причем буквально мимоходом (такая манера была характерна для дореволюционного норманизма, демонстрировавшего свою позицию везде и во всем, по поводу и без), в 1962 г. директор Государственного Эрмитажа и крупнейший представитель археологической науки М.И. Артамонов: «Летопись сообщает, что русью было норманское племя, приведенное с собою варяжскими князьями, утвердившими свою власть над восточными славянами… а современной языкознание доказывает, что финны называли и называют “руотси”, “руси” шведов, что название “русь” представляет собою закономерное видоизменение этого финского термина в славянском языке и что, следовательно, его распространение следует связывать с продвижением норманнов в славянскую среду», или с той же безапелляционностью говорить через 10 лет, что русским у Константина Багрянородного «выступает норманский язык, что вполне объяснимо, так как соответствует данным о захваченной норманнами и их династией власти над Русью» (Артамонов 2001: 393, 395–396; 1990: 288).

По причине всеобщего «антинорманистского» настроя Д.А. Авдусин в 1987 г. охарактеризовал монографию польского историка Х. Ловмяньского «О роли норманнов в образовании славянских государств» (1957), изданную в 1985 г. на русском языке под названием «Русь и норманны», как «энциклопедию антинорманизма», первое в истории антинорманизма комплексное исследование письменных, археологических, лингвистических и других источников. При этом особо отмечая: в результате того, что автор видит в образовании раннесредневековых славянских государств итог социально-экономического развития общества, следствие зарождения и становления феодализма, то «при такой позиции в истории образования государств не остается места для определяющего влияния пришельцев. Таким образом, и в посылках и в выводах Ловмяньский был последовательным антинорманистом», но его антинорманизм проявился лишь в критике «ультранорманистских» измышлений, прежде всего прошлого, совсем уж явно выходивших за пределы разумного, а далее он признает, со всеми вытекающими отсюда последствиями, норманство варягов и норманство династии Рюриковичей, причем утверждает, что русские антинорманисты XIX в. отрицали присутствие «скандинавов в Восточной Европе вопреки очевидным свидетельствам источников» (Ловмяньский 1985: 57, 204–229).

Высоко отзываясь о труде зарубежного коллеги, рецензент выразил сожаление только об одном: он стремится «во что бы то ни стало обойтись без скандинаво-финских корней названия “русь”», что являлось заблуждением, свойственным «старым антинорманистам» (Авдусин 1987: 132–134).

В предисловии к той же книге видный историк В.Т. Пашуто указывал, повторяя им же сказанное в 1959 г., что Ловмяньский «подчеркивает новое качество советского антинорманизма, сформулированного Б.Д. Грековым и его школой, которая видит корень решения проблемы в социально-экономической истории Руси, тогда как старая наука искала средства для противопоставления норманским

“творцам” русского государства элементы финские, хазарские, литовские, аланские и т.п.», показывает, что посылка норманистов, «что внутренний процесс может привести к образованию государства лишь в силу “влияний и импульсов извне”… не имеет решающего значения», и что, «конечно, исследователь не решил окончательно всех вопросов, но путь, которым он шел, как подтверждают его собственные работы и исследования советских медиевистов, был верен» (Пашуто 1959: 115, 120; 1985: 15, 22).

В силу того же мнения И.П. Шаскольский в 1965 г. охарактеризовал эту работу как «наиболее крупное и фундаментальное выступление против норманизма» (Шаскольский 1960: 224).

Наши специалисты были твердо уверены в том, что они, продемонстрировав происхождение Руси как этап внутреннего развития восточнославянского общества задолго до появления варягов-норманнов, тем самым «решительно порвали с наследием норманизма» (Гурвич 1949: 118), «окончательно разгромили» и «добили норманскую теорию», видели в ней «труп» (Мавродин 1949: 11; Ломоносов 1952: 553, прим. 6; Фруменков 1970: 14) и «руины» (Новосельцев, Пашуто, Черепнин, Шушарин, Щапов 1965: 83; Пашуто 1970: 52), но в то же время продолжая наносить по ней в 40–60-х гг., и все также больше на словах, напоминавших сводки с фронта, «новый сильный удар», «жестокий удар», «решающий удар» или просто «еще один удар», от которых она, как заключал уже в 1949 г. С.В. Юшков, «не в состоянии оправиться» (Черепнин 1948: 248; Авдусин 1951: 80; Юшков 1949: 55; Шаскольский 1960: 225; 1965: 15, 17–18; 1978: 158; 1983: 48; Ковалевский 1964: 197–199).

В 1967 г., когда накал такой борьбы с норманизмом значительно снизился, В.В. Мавродин и И.Я. Фроянов констатировали: «Работы советских исследователей — историков и археологов, языковедов и антропологов — подорвали “норманскую теорию” происхождения Древнерусского государства» (Мавродин, Фроянов 1967: 47).

«Советские антинорманисты», пребывая в благодушно-радужном настроении победителей норманизма, решающую роль в его «подрыве» отводили, как конкретизировал в 1974 г. в «Большой советской энциклопедии» А.М. Сахаров, основанным на марксистско-ленинской методологии работами Б.Д. Грекова, Б.А. Рыбакова, М.Н. Тихомирова, С.В. Юшкова, В.В. Мавродина (БСЭ 1974: 131), по словам же Рыбакова, произнесенным в 1982 г., трудами Б.Д. Грекова, М.Н. Тихомирова, А.Н. Насонова (Рыбаков 1993: 85).

Вместе с тем внушая себе, что, «отступая под давлением передовой науки», современные норманисты «фактически ведут оборонительные бои, стремятся во чтобы то ни стало отстоять норманскую теорию от нанесенных ей ударов и, сдавая в ряде случаев некоторые, нередко довольно существенные позиции, стараются спасти главные основы норманизма» и «создать модернизированный, улучшенный» его вариант, но их «отчаянные усилия» «заведомо обречены на провал», что для нынешнего норманизма характерна в целом оборонительная позиция по отношению к трудам советских ученых (Яцунский 1955: 219; Шаскольский 1960: 230; 1965: 18, 214).

В 1950 г. академик Б.Д. Греков, объясняя финскому «норманисту» В. Кипарскому, что всерьез защищать норманскую теорию «в настоящее время, при нынешнем уровне исторической науки (имею в виду подлинно прогрессивную науку), просто невозможно», дал ей следующее объяснение: «Под норманизмом мы понимаем “теорию”, “доказывающую” неполноценность русского народа, его неспособность создать свою культуру и государственность, утверждающую за варягами-норманнами роль основателей русского государства и творцов русской культуры» (Греков 1953: 561).

В 1960 г. И.П. Шаскольский сказал то же самое, подчеркнув: «В основе норманской теории лежит стремление доказать “неполноценность” русского народа, его неспособность самостоятельно создать свою государственность. Норманисты уверяют, будто в возникновении древнерусского государства решающую роль сыграли норманны, представители западной, более высокой культуры и цивилизации» (Шаскольский 1960: 223–224).

В том же духе утверждал в 1960 и 1965 гг. Л.С. Клейн: норманисты «ставят себе целью доказать неспособность славян к самостоятельному историческому развитию вообще, природную тупость и пассивность народных масс России», «что славяне в древности не сумели цивилизоваться, создать государство и высокую культуру самостоятельно, без призвания норманнов» (Клейн 1999: 99; 2009: 42, 132). Вот почему он сейчас уверяет, что «норманизма нет!» (Клейн 1999: 100; 2009: 199; 2015: 346–347).

Конечно, перечисленных им благоглупостей в подобном стиле сейчас никто, наверное, прямо не скажет, но из работ современных норманистов близкие к тому выводы следуют непременно. Более того, в 2012 г. — год празднования 1150-летия зарождения российской государственности — археолог С.П. Щавелев заключил без обиняков, что «горсточка» викингов, во главе которых стоял Рюрик и которые «выступали носителями более сложной культуры», «основала целое государство», и основали они «Русь потому, что местный социум был готов принять их помощь» (Щавелев 2012: 18–20).

В свете чего советские исследователи видели в «настоящих норманистах» лишь тех, кто «ставит своей целью во что бы то ни стало отстоять норманизм от нанесенных ему ударов и любыми средствами опровергнуть или опорочить советскую концепцию о возникновении Русского государства без участия норманнов» (Шаскольский 1961: 341; 1965: 5), «кто утверждал неспособность славян самим создать свое государство» (Новосельцев 1991: 7), что, как уже существенно смещал акценты в 1965 г. Л.С. Клейн, камуфлируя совершенно явную норманистскую сущность своего «антинорманизма», «количество варягов, их вклад и влияние в русской культуре — вот главные вопросы современного спора, по которым определяют сейчас, кто норманист, кто — нет» (Клейн 2009: 124). И потому вели, ходя по кругу, из которого почти невозможно было вырваться, бесконечные разговоры об «антинаучном», «антирусском» и «антисоветском» политическом смысле взглядов норманистов (БСЭ 1938: 403; Пушкарев 1974: 36; Рыбаков 1993: 296). Одновременно с тем репродуцируя и создавая, часто того не осознавая,

норманистские мифы, которыми сегодня так полна российская историко-филологическая наука и на основе которых в искаженном свете продолжает массово тиражироваться наша история IX — начала XI века.

В такой обстановке предшествующий антинорманизм, антинорманизм истинный, был объявлен «антинаучным» и «тенденциозным» (а точно так его именовали «антинаучные», с точки зрения советских ученых, дореволюционные норманисты), противоречащим «научной марксистской концепции генезиса Древнерусского государства». Ибо его сторонники, равно как и сторонники норманизма, если привести слова корифеев тогдашней исторической науки Б.Д. Грекова, В.В. Мавродина, Б.А. Рыбакова, И.П. Шаскольского, «стояли на одинаково ошибочных методологических позициях» и причины возникновения государства на Руси «искали и находили вовне страны», переводя вопрос «в плоскость того, откуда пришли “создатели” русского государства и на каком языке они говорили», признавали достоверность Сказания о призвании варягов (Греков 1945: 134; Мавродин 1949: 17; Рыбаков 1960: 18).

К тому же, как заостряли внимание историков-марксистов в 1965, 1973 и 1983 гг. И.П. Шаскольский и М.А. Алпатов, «борьба норманистов и антинорманистов в XIX в. была борьбой двух русских монархических концепций», что норманисты и антинорманисты были решительными защитниками царизма, что «по своим политическим воззрениям главные деятели норманизма, и антинорманизма стояли на одной и той же монархической платформе. Так, убежденными сторонниками самодержавия были не только норманисты М.П. Погодин и А.А. Куник, но и антинорманисты Д.И. Иловайский и С.А. Гедеонов; последний при том был не только историком, но и одним из главных чиновников Министерства императорского двора» (Шаскольский 1961: 335–373; 1965: 10–11; 1983: 43; Алпатов 1968: 121; 1973: 12). Последнее утверждение представляет собой явное преувеличение: он с 1863 г. был первым директором Эрмитажа, очень много сделавшим для его становления, а с 1867 г. — еще и директором императорских театров (Фомин 2004: 568–575).

Поэтому, как высокомерно и с оттенком враждебности объяснялось, в том числе в популярных энциклопедиях, «доводы антинорманистов против признания варягов скандинавами, норманнами надо признать неубедительными», что С.А. Гедеонов, хотя и написал капитальный труд «Варяги и Русь», но не понимал социально-экономических причин и условий образования Русского государства и пытался доказать западнославянское происхождение варягов, что «История России» Д.И. Иловайского создана в дворянско-монархическом духе, что его учебники имели глубоко консервативный характер и написаны с позиций защиты монархизма, а И.Е. Забелин в последний период жизни «перешел с либеральных позиций на реакционные» (Юшков 1949: 45; СИЭ 1963: 171; 1964: 583, 796; БСЭ 1972: 134).

При этом особенной критике, точнее, грубейшему шельмованию подвергался Иловайский (в том числе в учебниках по историографии для студентов и в «Очерках истории исторической науки СССР»). Потому как явными политическими

симпатиями и антипатиями ученого, соответственно, к монархизму и к марксизму (и вместе с тем, любовью к Родине и переживанием за ее судьбу, которыми наполнены многие статьи в издаваемой им газете «Кремль», на дух не переносившей революционеров всех мастей) легко было перечеркнуть его научные достижения, в первую очередь, антинорманизм. А также по той еще причине, что нелестной оценки историка удостоил сам В.И. Ленин, который в 1902 г. в известной своей работе «Что делать? Наболевшие вопросы нашего движения» (в ней он с издевкой прошелся, несмотря на его крестьянское происхождение, и по М.В. Ломоносову), ведя речь об оппортунистах, резюмировал, что «иногда называют себя марксистами люди, которые смотрят на историю буквально "по Иловайскому"» (Ленин 1959: 11, 65–68).

Как заметил в 2012 г. В.А. Толстов, «в СССР труды Д.И. Иловайского не издавались, однако имя его не забыли… Его использовали как символ косности и консерватизма в науке, политике, педагогике» (Толстов 2012: 136–144).

Причем этот символ с годами наполнялся все большим негативом (в очернении ученого словно шло всесоюзное социалистическое соревнование, в котором хороши были любые средства). В 1941 г. Н.Л. Рубинштейн отмечал, что Иловайский «получил, может быть, несколько одностороннюю оценку в исторической литературе своей "Историей России" и своими учебниками русской истории с их ярко выраженной охранительной идеологией, в научном отношении представляющими простую компиляцию», хотя вместе с тем историограф, надлежит сказать, подчеркивал, а данный мотив почти или даже вовсе исчезнет со страниц трудов других экспертов творчества историка, что он в своих специальных монографиях, включая «Разыскания о начале Руси», «стоит на уровне современного исторического знания, следуя за его ростом», привлекая данные археологии, новых письменных источников, фольклорного материала, и что эти сочинения «сохраняют свое значение тщательностью обработки документального и фактического материала» (Рубинштейн 1941: 414).

В 1957–1971 гг. В.Е. Иллерицкий утверждал, что содержание «Истории России» «типичного представителя реакционной дворянской историографии» Иловайского обнаруживало устарелость его взглядов, «особенно сравнительно со взглядами такого выдающегося буржуазного историка, как С.М. Соловьев» (его как ученого значительно превосходил и другой, следует акцентировать внимание на этом существенном моменте, норманист К.Н. Бестужев-Рюмин), что в понимании задач и содержания исторической науки он «по существу возрождал официально-охранительные принципы Карамзина», что довольно примитивно понимал законы общественного развития, что в критике норманизма, имевшей положительные моменты, «был очень далек от научного понимания процесса возникновения государства в России. Рассматриваемая проблема сводилась им только к доказательству вывода о том, что иноземные элементы не принимали никакого участия в этом процессе. Критика норманизма с позиции представителей передовой общественной и исторической мысли в России решительно отвергалась

Иловайским», что в его «казенных учебниках» «реакционно-монархические убеждения… получили наиболее откровенное выражение», содержали откровенную «пропаганду черносотенной монархическо-крепостнической идеологии», были в глазах демократических и либеральных элементов «символом мракобесия в области истории» (Иллерицкий 1957: 52–57; 1960: 101–102; Историография 1961: 276–279; Историография 1971: 248–250).

В 1962 г. А.Л. Шапиро назвал Иловайского «твердолобым реакционером», одним «из самых реакционных русских историков», а его учебники — «варевом», которым он «с помощью Министерства просвещения пичкал учащихся», на протяжении десятков лет воспитывая их «в верноподданническом духе» (Шапиро 1962: 6).

В 1965 г. В.И. Астахов увидел в тех же учебниках «идеологические костыли, на которые пыталось опираться одряхлевшее самодержавие», в «изучении истории “по Иловайскому”» — «крайний монархизм, убожество мысли и верноподданническую лесть», в пятитомной «Истории России» — «примитивный прагматический рассказ», «методологическую беспомощность» и «научную несостоятельность», в выводах этого «апологета монархии» — «антинародную основу», а понимание им процесса образования Русского государства охарактеризовал как «примитивное» (Астахов 1965: 417–420, 425–426).

В 1978 г. А.М. Сахаров отнес ученого к числу наиболее ярких приверженцев «откровенно монархической в политическом отношении концепции» и указал, что его учебники насаждали «верноподданнические чувства среди молодежи», что его «выступление против норманской теории происхождения древней Руси было обусловлено стремлением отстоять тезис о самобытности русской истории». Поэтому такой историк, к тому же издававший «крайне реакционную газету “Кремль”» и выступавший «с яростными нападками на учение Маркса», «был очень нужен реакционным силам» (Сахаров 1978: 163–167).

В 1986 г. А.Н. Цамутали утверждал, что «элементы черносотенной идеологии были представлены и в сочинениях историков-охранителей», например, Иловайского, что его учебники «были своего рода эталоном выражения крайне монархических взглядов в исторической литературе» и проникнуты «крайне реакционным духом», что он «стоял на крайнем фланге официально-охранительного направления» и «выступал ревностным защитником интересов самой реакционной части дворянства», что еще в конце XIX в. историк «стал одиозной личностью не только в революционных, демократических и либеральных кругах, но и в среде, вполне верноподданнически настроенной», говорил о его «примитивных построениях», заметив при этом, что С.Ф. Платонов, критикуя Иловайского, представил Ф.И. Успенского и В.Г. Васильевского, которые исповедовали норманизм, в качестве ученых «строжайшего критического приема и точного знания» (Цамутали 1986: 25–32).

В 1982–1987 гг. А.Н. Фукс в многотиражных педагогических журналах — «Преподавание истории в школе», «Советская педагогика», «Народное образование»

— настойчиво убеждал учителей-историков в «реакционной сущности» учебников крупнейшего представителя охранительной историографии пореформенного периода Иловайского, которые насаждались царским правительством с целью увести «учащихся подальше от революционных событий современности», представлял их автора как апологета самодержавия, крайнего реакционера и компилятора, разжигавшего «у учеников под видом патриотизма шовинистические и националистические чувства» и ставшего к 1916 г. синонимом «отсталости и ретроградства», что его теория «государственного быта» является антинаучной, что норманской теории он противился «сознательно, в угоду своей дворянско-монархической концепции, одним из основных компонентов которой (как проявление крайнего национализма в историографии) было стремление к доказательству особого, самобытного пути развития России, а именно незыблемости монархического строя и преимущества русской нации перед другими народами мира» и что в своей газете «Кремль» «он обрушивался с яростными нападками на учение К. Маркса» (Фукс 1982: 75–78; 1982а: 97–98; 1985: 82; 1987: 104–105. См. также: Фукс 1983: 10, 12).

«Советский антинорманизм», рассматривая Иловайского исключительно, констатирует И.В. Бабич, как представителя «дворянско-монархического охранительного направления историографии, поддерживаемого и внедряемого правительством» (Бабич 2001: 258), и вместе с тем категорично отвергая его антинорманизм, не мог в оценке талантливого историка подняться даже до того уровня, который демонстрировал ряд известных дореволюционных норманистов (потому как нисколько не утруждал себя изучением трудов ученого вообще, довольствуясь узаконенными стереотипами, рожденными еще до 1917 г.).

Так, А.Н. Пыпин в 1876 г. говорил, весьма критически рассматривая только что вышедшие «Разысканиях о начале Руси» Иловайского, «что в его исследованиях высказано также немало веских возражений против существующих понятий о древнем периоде нашей истории, и некоторые его замечания не могут быть обойдены в дальнейших изысканиях и, вероятно, окажутся очень справедливыми». И подчеркивал далее, что он «справедливо указывает недостаточность и натянутость многих толкований норманской теории, которые притом, настаивая на отдельных подробностях летописного рассказа, не разъясняют общего состояния народной жизни до и после предполагаемого призвания», что не лишены вероятности его предположения «о давней связи киевской Руси с азовским краем и их сношениях не через устье Днепра, а прямо от восточного угла, образуемого течением этой реки, волоком и реками, впадающими в Азовское море» (Пыпин 1876: 707–708).

В 1877 г. И.И. Первольф охарактеризовал его сочинения как «прекрасные исторические работы» (Первольф 1877: 91, прим. 1). Тогда и позже В.О. Ключевский признал, что если принять выводы Иловайского, то «мы освобождаемся от массы противоречий, неясностей и неразрешимых вопросов, которыми наполнили первые страницы нашей истории Погодин и его предшественники», хотя тут же добавил,

причем совершенно правомерно, что «встречаем ряд новых противоречий и вопросов, созданных новой теорией» (Ключевский 1983: 116–117).

Резко дистанцируясь от норманизма и антинорманизма, деятели советской науки были убеждены в том, что от того и другого она избавилась совершенно. В середине 30-х гг., утверждал Шаскольский в 1960–1961, 1965 и 1978 гг., когда была доказана несостоятельность норманской теории и разработано марксистское учение о происхождении Русского государства, «норманизм целиком переместился на Запад и стал течением буржуазной науки Западной Европы и Америки». В 1965 г. он добавил к сказанному, что туда же «вместе с эпигонами русской буржуазной науки переместился» антинорманизм, где и «умер естественной смертью в 1930-х годах». В 1983 г. ученый уточнил, что «после Октября антинорманизм целиком переместился в страны Западной Европы, стал течением российской эмигрантской историографии» и «умер с нею» в 1950-е гг., потому как мог «существовать только как течение русской идеалистической дворянско-буржуазной историографии» (Шаскольский 1960: 226; 1961: 335; 1965: 13, 17–18, прим. 7 на с. 11; 1978: 158; 1983: 45–47).

Однако за границей могли оказаться только норманисты, поскольку на родине противников у них практически не было. Антинорманизм же в истинном смысле этого слова постепенно получает распространение среди той части эмиграции, которая начала, в том числе под влиянием раздумий над причинами страшной катастрофы 1917 г., пролившей реки русской крови и лишившей их Родины, иными глазами смотреть на аксиомы, с детства вбиваемые в головы нашего образованного общества. Как заключал в 1950 г. в письме В.А. Рязановскому выдающийся философ И.А. Ильин, «давно пора сбросить этот шлецеровоски-байеровский гипноз, который странно заворожил русских историков, кончая Ключевским и Струве» (Ильина 2010: 23, прим.). В 1955 г. в Париже вышло завершенное в конце 30-х гг. женой мыслителя Н.Н. Ильиной действительно антинорманистское «Изгнание норманнов. Очередная задача русской исторической науки», которое Шаскольский в 1965 г. посчитал написанным «дилетантски» и стоящим «вне науки» (Шаскольский 1965: 11, прим 7). В 1971 г. В.В. Мавродин высказался еще резче: «Произведения некоторых антинорманистов (С. Лесной, Н. Ильина) далеки от науки и враждебны марксизму-ленинизму» (Мавродин 1971: 133).

В умах советских ученых, выдававших «шлецеровоски-байеровский гипноз», освященный марксизмом, за новое слово в науке, за «антинорманизм» самой высочайшей пробы, сложилось соответствующее видение такого «антинорманизма», в рамках которого только и мог теперь решаться варяжский вопрос. И вся суть которого была сведена к тому, что, как ее четко и по пунктам изложил в 1960–1965 гг. Шаскольский своим коллегам (тем самым жестко рекомендуя, чем они — «советские антинорманисты» — должны заниматься), «главные события и явления в жизни нашей страны IX–XI вв. — формирование классового общества, образование Древнерусского государства, начало развития феодальных отношений, формирование русской народности и ее материальной и духовной культуры — были

результатом глубоких и длительных процессов внутреннего развития восточнославянского общества без сколько-нибудь значительного воздействия внешнего фактора — норманнов».

Вместе с тем заявляя, в том числе перед западными коллегами в 1979 г., что подлинная сущность позиции марксистской исторической науки состоит «не в огульном отрицании всяких следов норманнов на русской территории, а в установлении действительной, достаточно скромной роли норманнов в сложном процессе формирования классового общества и государства на огромном пространстве восточнославянских земель» (Шаскольский 1960: 228–229, 235–236; 1965: 4–5, 53–54, 84–86, прим. 33 на с 20; 1981: 204–205).

Точно так рассуждали в историографии других соцстран. В 1957 г. польский историк Х. Ловмяньский уверял, что «единственно научной основой антинорманизма стала славянская теория происхождения русского государства, и разногласия об этимологии названия *русь* утратили актуальность» (Ловмяньский 1985: 84–85), в 1970 г. болгарский ученый Б. Михайлов отнес Б.А. Рыбакова к «крайним» антинорманистам, а Б.Д. Грекова и В.В. Мавродина — «к “объективным” антинорманистам, признающим более или менее значительный вклад норманнов в создание политической надстройки Древней Руси» (Кузьмин 1971: 186).

В это же видение входило своеобразное понимание борьбы с норманизмом, духом и содержанием которого была пропитана вся советская наука (а с нею и вся система преподавания отечественной истории в школах и вузах, только и воспроизводившая «советских антинорманистов»). Отчего борьба с ним, поставленным, как тогда утверждалось, на службу «целям политической антисоветской пропаганды в области русской истории», чтобы «оклеветать славное прошлое великого русского народа», фальсификаторы русской истории сделали его «своим знаменем, превратили легенду о призвании варягов в символ всей русской истории» (Греков 1953а: 76; Рыбаков 1962: 37; 1966: 488; 1993: 55, 175, 296; Шушарин 1964: 235–238), свелась к дежурным обвинениям (переходящим порой в ругань) норманской теории времен царской России и современной буржуазной науки, в том числе эмигрантской: она, являясь «величайшим злом русской исторической науки» (Рыбаков 1958: 735), есть «лженаучная», «реакционная», «антинаучная», «клеветническая», «порочная», «политически спекулятивная» (Яковлев 1947: 27; Ломоносов 1952: 539, 550; Белявский 1953: 117; Греков 1953: 562; Тихомиров 1955: 191; БСЭ 1955: 1970: 530; СИЭ 1962: 47, 390; Астахов 1965: 106; Пештич 1961а: 34, 196; 1965: 179, 242; Алпатов 1973: 13; Сахаров 1978: 58; Очерки истории СССР 1956: 455; История Академии наук 1958: 126; Лысцов 1983: 253; 1993: 52, 61), даже «густопсовая», как счел нужным выразиться в 1949 г. В.В. Мавродин (Мавродин 1949а: 30), «самая антиисторическая» (Рыбаков 1993: 174), враждебная нашему народу (Астахов 1965: 110).

Эту посылку усиливали точно такими же посылками, что русь является исключительно славянским племенем, издавна проживавшим в Среднем Поднепровье, хотя еще в 1938 г. С.В. Бахрушин привычно видел в ней скандинавов

(Бахрушин 1938: 91), иногда она признавалась, как это полагал С.В. Юшков вслед за В.О. Ключевским и Л.В. Падалко, некой социальной группой, возникшей в среде славян во второй половине VIII в. и включавшей в себя профессиональных воинов, купцов, ремесленников, жителей городов, затем скандинавов, и которая взимала дань с менее развитых в культурном отношении славян (Юшков 1940: 52–57), что Русь — исконно местное наименование в Восточной Европе, что Сказание о призвании варягов, в котором видели главный аргумент норманистов, есть чисто легендарный рассказ, тенденциозное и полное несуразностей сочинительство летописцев, не имевшее (или практически не имевшее) под собой никакой исторической основы, потому и не способное быть источником (Пархоменко 1938: 106–107, 111; Мавродин 1949: 24–26; Греков 1945: 75; Шаскольский 1960: 235–236; 1965: 53–71, 84–86. Ср.: Попов 1973: 61, прим. 69).

Так, под видом «советского антинорманизма» начался новый, как неоднократно указывал пишущий эти строки (см. напр.: Фомин 2005: 147–161; 2006: 135–177; 2014: 44–50; 2017: 126–133; 2017а: 54–65), по хронологии, пятый этап в развитии норманской теории, обильно приправленной марксисткой фразеологией. Тем самым поставленной под прямую защиту государства, в котором марксизм являлся официальной идеологией, что неимоверно усилило, по сравнению с дореволюционным временем, ее позиции в научном и общественном сознании. Однако, несмотря на шумные разглагольствования о непримиримой борьбе «советского антинорманизма» с норманизмом (и, конечно, триумфе над ним), на его некоторые — отсюда неоднозначность в оценке этого явления в нашей историографии — действительно антинорманистские выводы (разоблачение мифа о больших поселениях скандинавов в русских землях, следовательно, о скандинавской колонизации Руси и др.), в советской науке находились люди, которые, в силу разных мотивов, называли вещи своими именами.

Например, 10 июня 1944 г. на совещании историков в ЦК ВКП(б) Е.Н. Городецкий констатировал, что норманизм дожил «благополучно до наших дней» и что «формальное отрицание норманской теории сопровождается фактическим ее признанием», например, в учебниках для высшей и средней школ под редакцией, соответственно, В.И. Лебедева, Б.Д. Грекова, С.В. Бахрушина и А.М. Панкратовой. Как тут же поспешил возразить Греков, «бороться с варяжским вопросом нужно, и, вероятно, больше других боролся именно я», показывая, что Русское государство образовалось и существовало и без варягов «и даже до них» (Стенограмма совещания 1944: 85–86).

В 1965 г. Л.С. Клейн заметил, что норманизм был «в рамках марксистской науки, и притом с самого ее начала (К. Маркс) — и до современности (вспомним выступление познанских историков против ак. Ловмянского в 1958 г.). И в рамках марксистской советской науки — и тоже с самого ее начала (Покровский!)». В 2009 г. он привел слова своего ученика Г.С. Лебедева, сказанные в том же 1965 г. в ходе, если использовать оценку Клейна, «Норманской баталии», что «первым норманистом в марксистской традиции был не М.Н. Покровский, а Карл Маркс». В 1999 г. Лебедев,

вспоминая те же события, вел речь о «махровом норманизме Маркса» (Лебедев 1999: 103; Клейн 2009: 98, 109, 139).

Имеется в виду его статья «Секретная дипломатия XVIII в.» (или «Разоблачения дипломатической истории XVIII века»), не включенная в советское время ни в одно из собраний сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса. И в ней Маркс в рассуждениях о русских варягах руководствовался, делится своими наблюдениями Л.П. Грот, исключительно А.Л. Шлецером. В связи с чем рассматривал начало Руси как «естественный результат примитивной организации норманского завоевания… Завоевательные походы первых Рюриковичей и их завоевательская организация ни в чем не отличались от норманнов в других частях Европы. Можно было бы возразить, что победители и побежденные слились воедино в России быстрее, нежели в других областях, завоеванных скандинавскими варварами, что предводители очень скоро смешались со славянами, каковое видно из их браков и их имен… В период правления Ярослава господство варягов было подорвано, одновременно с чем исчезают завоевательские устремления первого периода и начинается закат готской России. История этого заката показывает еще более отчетливо, что завоевание и образование государства в империи Рюриковичей носило исключительно готский характер».

Как подытоживает Грот, данная статья «была хорошо известна российским историкам марксистского направления уже в дореволюционный период», так, ее положения воспроизвел М.Н. Покровский (Грот 2010: 336–337; 2012: 523, прим. 34). Однако с ней были хорошо знакомы советские ученые (Джаксон, Плимак 1988: 35–57), сверяя, таким образом, свой марксистский «антинорманизм» с «ультранорманизмом» Шлецера в его передаче основоположником марксизма, чтимом в СССР наравне с В.И. Лениным.

Как отмечали В.В. Мавродин и И.Я. Фроянов, наши исследователи в 30-х гг., «овладевая теоретическим наследием классиков марксизма-ленинизма», изучали эту статью (Мавродин, Фроянов 1967: 42), а в 1949 г. Б.Д. Греков, акцентировал внимание Мавродин, критиковал С.В. Бахрушина, Н.Л. Рубинштейна, В.А. Пархоменко за их попытки архаизировать Русь до Владимира ссылками на нее (Мавродин 1967: 60). Десятью годами ранее Греков, стоит добавить, в первом томе учебника «История СССР», вышедшем в 1939 г. и переизданном через 9 лет, словами Маркса объяснял студентам-историкам, т.е. будущим учителям и научным деятелям, значение «империи Рюриковичей» в истории Восточной Европы (История СССР 1939: 106). В 1938 г. С.В. Бахрушин именно через призму его утверждений рассматривал сложение «державы Рюриковичей» (Бахрушин 1938: 88–98). В 1971 г. Мавродин, пересказав основные положения той же статьи, подчеркнул, что ее «давно и широко используют советские историки» (Мавродин 1971: 133–135).

Наши ученые, уверовав в абсолютную истину «научной марксистской концепции генезиса Древнерусского государства» и в примат внутреннего фактора, всю свою колоссальную энергию и свой огромный научный потенциал направили на отыскание элементов социального неравенства в восточнославянском мире, которое

должно вести к образованию классов и государства (в том числе и по этой причине разработку варяжского вопроса в 1960-х гг. перехватят и монополизируют археологи-«антинорманисты», навязавшие науке и обществу, в силу работы с конкретным вещественным материалом, который можно воспринимать всеми пятью основными внешними чувствами, и даже попробовать, если возникнет такое желание, на зуб, догмат непогрешимости своих норманистских выводов). Воцарившийся в науке столь ошибочный методологический подход к изучению истории Руси, по верному замечанию И.Я. Фроянова, сделанному в 1992 г., надолго сковал историческую науку (Фроянов 1992: 6).

При этом сам вопрос о составе социальной верхушки русского общества перестал быть существенным, хотя признание ее иноплеменной, заострял в 1970–1986 гг. внимание «советских антинорманистов» на концептуальной ущербность превозносимого ими «антинорманизма» истинный антинорманист тех лет А.Г. Кузьмин, «делает беспредметным рассуждение о возникновении государства как автохтонного процесса: представители крайнего норманизма как раз и настаивают на ведущем положении пришельцев-норманнов» (Кузьмин 1970: 28, 48; 1974: 55; 1980: 58; Русская земля 1986: 18).

Параллельно с тем в науку вводились аргументы, отброшенные, под влиянием доводов не-марксистских антинорманистов, ведущими норманистами прошлого, но реанимированные нашими эмигрантами, «достижениями» которых (несмотря на исключительное восприятие их тогда в качестве «классовых врагов», «контры» и «белогвардейцев») подпитывались марксистские ученые. Так, в 1936 и 1939 гг. новый лидер наших историков академик Б.Д. Греков своими работами, становившимися эталонами в изучении Руси, растиражировал мнение, что варяжская русь вышла из «Рослагена»: «Эта гипотеза кажется мне наиболее вероятной». А в упомянутом учебнике «История СССР» в разделе «Термин “Русь”» отмечал: «Северная Русь, по-видимому, связана со Скандинавией, а именно с частью Швеции на северном берегу Финского залива — Упландом, к северу от озера Мелара. Прибрежная полоса, лежащая против Финского залива, называлась Рослаген (см. у Томсена)» (также и за это утверждение критиковал его в 1944 г. Городецкий), и что «в нерусских источниках Рюрика мы нигде не встречаем, если не считать упоминания франкскими анналами о герцоге Фрисландском Рерике, исчезнувшем из Ютландии в конце 50-х годов IX в. и в то же время появившемся, если верить летописи, в нашей стране» (Греков 1936: 169; 1939: 226; История СССР 1939: 91–92).

В ранг аксиомы была возведена им же высказанная мысль, что «варяги — лишь эпизод в истории общества, создавшего Киевское государство», и что они играли в нашей истории «далеко не главную роль» (Греков 1936: 18). Д.А. Авдусин в 1988 г. преподнес ее в качестве «объективной, антинорманистской по сути характеристики места скандинавов в истории Руси» (Авдусин 1988: 28).

С годами эта мысль стала звучать жестче, ибо ей «советские антинорманисты» придавали важное значение в своей «бескомпромиссной» борьбе с норманизмом. В 1947 г. К.В. Базилевич убеждал, что «во всех главных явлениях исторической жизни

Киевской Руси роль норманнов — выходцев из Скандинавии была совершенно ничтожной» (Базилевич 1947: 55).

Б.А. Рыбаков, в 1960–1966 гг. подчеркивая, что их историческая роль была не просто «ничтожной», но даже «несравненно меньше, чем роль печенегов и половцев», заключил: «Не ускорить, ни существенно задержать исторический процесс на Руси они не могли» (Рыбаков 1960: 26; 1962: 38–39; 1966: 491).

В.В. Мавродин в 1971 г. также твердо полагал, что скандинавы во внутреннем процессе развития восточных славян «являлись лишь одной из случайностей конкретного исторического развития. И не больше» (Мавродин 1971: 128).

Чтобы не было и тени сомнения в этом «и не больше», насаждалась идея, что на Руси присутствовала либо «горсточка» (Державин 1945: 18), либо «незначительная кучка» норманнов (Гуревич 1966: 86), являвших собой «каплю в славянском море» (Пашуто 1970: 56), в цифровом выражении Рыбакова получившую даже свою конкретность: количество скандинавских воинов, живших постоянно на Руси, было, судя по археологическим данным, «очень невелико и исчислялось десятками или сотнями» (Рыбаков 1962: 37; 1966: 489).

Еще в дореволюционную пору норманисты (например: Платонов 1997: 66) признали, что в общественном и культурном отношении скандинавы не были выше славян. В 1939 г. Е.А. Рыдзевская высказала мысль, что те и другие стояли приблизительно на одной ступени такого развития (Рыдзевская 1978: 133–134). Но вскоре, дабы все также свести значимость варягов-норманнов в русской истории к нулю или вообще к знаку минус, получил силу закона взгляд, согласно которому скандинавы, как это утверждали в 1945, 1949 и 1953 гг. В.В. Мавродин и Б.Д. Греков, слова которых многократным громким эхом отзывались в нашей науке, «стояли на более низкой стадии общественного и культурного развития, чем восточные славяне, и уже по одному этому не могли принести с собой на Русскую землю ни новой и более высокой культуры, ни государственности», хотя еще в 1939 г. Греков был убежден, что «в культурном отношении варяги не стояли выше славян» (Мавродин 1945: 383–384; 1949: 26; Греков 1953а: 77).

В редакции Х. Ловмяньского 1957 г. тезис советских ученых звучал несколько иначе: норманны и славяне в IX–X вв. находились примерно на одном уровне развития, но «восточные славяне скорее опередили скандинавов как в политической организации, так и в культуре» (Ловмяньский 1985: 30).

В разговор о варягах, воспринимавшихся с нескрываемым раздражением («тень Рюрика… как и всякая нежить, только мешает живой работе»: Толстов 1946: 123), потому как приходилось постоянно и натужно развязывать «антинорманистский» гордиев узел, в котором неразрывно переплелись факт признания варягов норманнами с бодренькими уверениями «советского антинорманизма», что такая ситуация не является норманизмом, был привнесен резко негативный тон.

В 1938 г. С.В. Бахрушин утверждал, что славяне «могли в отдельных случаях и добровольно подчиниться той или иной шайке завоевателей, поскольку присутствие

ее гарантировало им безопасность от набегов и грабежей со стороны других подобных же разбойников», что варяжские «княжества» «сохраняли тот военно-разбойничий характер, какой носила вся торговля варягов», что мощное Древнерусское государство, добавлял он в 1943 г., «достигшее большой степени политического могущества и высокого культурного расцвета, не могло быть создано шайкой скандинавских искателей приключений, как это полагали историки XIX века» (Бахрушин 1938: 92; 1943: 103).

В 1939 г. Б.Д. Греков говорил, что норманны «появились в Восточной Европе в качестве разбойников и торговцев» (История СССР 1939: 90). В 1960 г. один из теоретиков современного зарубежного и российского норманизма А. Стендер-Петерсен заострил внимание на «разницу» в тональности разговора о варягах-норманнах в советской и эмигрантской литературе: если у Грекова они разбойники и торговцы, то у Ф.А. Брауна — воины и купцы (Stender-Petersen 1960: 5). Варяги-норманны, перечислял в 1960 г. Б.А. Рыбаков, «вероломные», «жадные», «трусливые», «разнузданные» и совершали на Руси «неблаговидные действия» (Рыбаков 1960: 20, 22).

Время сгладит острые углы подобных рассуждений и утвердит окончательный приговор советской науки, звучащий, например, в 1959 г. (и в 1970, 1985): «Норманский элемент играл лишь второстепенную роль в истории государственного развития славян, и в частности Руси», «варяги — это внешний и сравнительно поздний и второстепенный фактор в становлении Древнерусского государства» (Пашуто 1959: 115; 1970: 53, 56, 61; 1985: 16), в 1960 г.: «…Норманны, служившие русским князьям, сыграли лишь очень скромную, ограниченную роль участников глубокого внутреннего процесса, обусловившего возникновение древнерусского государства… Правда, многие наши историки признают, что княжеская династия (“Рюриковичей”) имела, по-видимому. скандинавское происхождение… Среди правящей верхушки древнерусского государства в Киеве и в других крупных городских центрах имелись норманны и в качестве дружинников, и в качестве представителей княжеской администрации» (Шаскольский 1960: 228–229), в 1966 г.: «Хотя выходцы из Скандинавии сыграли немалую роль в укреплении княжеской власти и связанных с нею учреждений, разумеется, не они создали основы Древнерусского государства» (Гуревич 1966: 86), в 1968 г. (и в 1973): приход скандинавов к восточным славянам, по всем данным, ускорил формирование Русского государства, они захватили власть в Новгороде и Киеве, посадив в последнем свою династию (Алпатов 1968: 117; 1973: 44–46; 1982: 36–37), в 1973 г.: роль норманнов в образовании государства на Руси «была достаточно скромной, несмотря на то, что одному из их предводителей удалось» основать династию (Попов 1973: 61–62), в 1982 г.: факты, прежде всего археологические, показывают «второстепенную и вторичную роль варягов в процессе создания государства Руси» (Рыбаков 1993: 296).

Тезис дореволюционных норманистов о быстрой ассимиляции скандинавов на Руси, который позволял им спокойно закрывать разговор об отсутствии каких-либо следов норманнов в многогранной жизни русского общества на протяжении более

чем полутора столетий, в которой отразилось участие многих народов, но только не скандинавов, также безоговорочно был принят «советскими антинорманистами», что дополнительно «гасило» интерес к проблеме этноса варягов.

В 1938 г. С.В. Бахрушин отмечал, что ко времени Святослава скандинавские элементы «княжеских дружин уже окончательно потонули в массе восточного славянства», что «ославянившиеся потомки Рюрика оседали постепенно в Приднепровье» (Бахрушин 1938: 95–96).

В 1939, 1945 и 1950 гг. Б.Д. Греков говорил, что потомство Рюрика и все его окружение «поразительно быстро ославянились» (внук Рюрика «носил уже чисто славянское имя — Святослав»). Потому как, объяснял он в 1947 г., «варяжская дружина очень хорошо поняла, что необходимо для удержания в своих руках захваченной власти, и варяги заговорили на русском языке, стали молиться русским богам, называть своих детей славянскими именами и выполнять задачи, давно поставленные перед русским государством всем ходом предшествующей истории» (История СССР 1939: 90; Греков 1953: 565; 1953а: 137; 1959: 556–557).

В 1945 г. В.В. Мавродин уверял, что на Руси, в привычной им социально-родственной дружинной «среде норманны охотно и быстро растворялись. Женясь на русских, эти скандинавские воины бесповоротно садились на русскую почву и русифицировались часто уже во втором поколении» (Мавродин 1945: 210).

В 1949 г. Д.А. Авдусин, исходя из преобладания славянских вещей в гнездовских захоронениях, заключил, что «варяги-дружинники быстро ославянились» (Авдусин 1949: 12).

В 1960 и 1965 гг. И.П. Шаскольский подчеркивал: «Из источников очевидно, что норманские “находники”, пришедшие в конце IX и в X в. на службу к русским князьям, очень быстро утратили свой норманский облик и ославянились», слившись с местным населением, и что «очень быстро ославянилась» и княжеская династия (ибо уже Святослав носил славянское имя) (Шаскольский 1960: 228–229; 1965: 88–89).

В 1964 и в 1967 гг. речь о «быстрой славянизации варяжских князей», в целом норманнов вели В.П. Шушарин и Д.А. Авдусин (Шушарин 1964: 253, 256; Авдусин: 1967: 237, 238). Норманны растворились в местном населении, писал в 1968 г. М.А. Алпатов, перешли на славянский язык (Алпатов 1968: 117). В 1979 г. В.Т. Пашуто и В.И. Салов утверждали, что «небольшой норманский верхний слой вскоре после 900 г. растворился в славянстве» (Пашуто, Салов 1979: 54).

В 1978 и 1980 гг. археологи А.Н. Кирпичников, Г.С. Лебедев, В.А. Булкин, И.В. Дубов, В.А. Назаренко полагали, что скандинавы во втором-третьем поколениях «полностью теряли свой этнографический облик и смешивались с местной средой» (Кирпичников, Лебедев, Булкин, Дубов, Назаренко 1978: 79; 1980: 32). Относительную быстроту этого процесса археолог В.Я. Петрухин в 1983 г. объяснял как малочисленностью скандинавов, так и тем, что государство «подавляло те племенные черты в экономике, политике и культуре Руси, которые мешали ее единству» (Петрухин 1983: 179). В 1985 и 1989 гг. он в соавторстве с филологом Е.А. Мельниковой отмечал, что в середине — второй половине X в. произошла быстрая

ассимиляция и норманнов и скандинавской династии русских князей (в третьем поколении, судя по имени князя Святослава) в славянской среде (Мельникова, Петрухин 1985: 242; Константин Багрянородный 1989: 311). В 1986 г. археологи А.Н. Кирпичников, И.В. Дубов, Г.С. Лебедев заключали, также не видя несомненных и ярко выраженных свидетельств пребывания норманнов на Руси (по поводу чего недоумевал еще А.Л. Шлецер), что «процесс аккультурации и ассимиляции скандинавов в X в. прослеживается вполне отчетливо» (Кирпичников, Дубов, Лебедев 1986: 217).

В науке вместе с тем возобладало мнение, что, согласно точке зрения историка М.А. Алпатова, высказанной в 1973 г., «нельзя смешивать два разных по своей значимости вопроса — вопрос о создании государства и вопрос о династии», который является несущественным (Алпатов 1973: 45; 1982: 36). Точно так тогда же считал лингвист А.И. Попов: «…Вопрос об этнической принадлежности и происхождении династии не имеет прямого отношения к началу государства», впрочем, как и вопрос об этническом происхождении термина “Русь”» (Попов 1973: 62–63).

Археолог Л.С. Клейн в том же 1973 г. на страницах норвежского издания говорил, что советские ученые руководствуются марксистским положением «о происхождении государства из социально-экономического процесса эволюции и классовой дифференциации; определяет именно эта точка зрения, а не этническая принадлежность (в том или ином виде) верхнего социального слоя» (цит. по: Авдусин 1975: 147–148).

Таким образом, в результате очередного принципиального самообмана варяжская проблема была искусственно расчленена на вопрос о создании государства у восточных славян и на вопрос об этнической атрибуции варягов (а также и на вопрос происхождения имени «Русь»), хотя их органическая неразрывность вполне понятна, тем более, что в своих умозаключениях норманисты всегда увязывают эти вопросы. Так, в 1979 г. Г.А. Хабургаев, отмечал А.Г. Кузьмин, разъяснял историкам М.Н. Тихомирову и Б.А. Рыбакову, что вопрос о происхождении имени «Русь» «не имеет отношения к происхождению государственности. Но сам норманистскую интерпретацию использует для доказательства гипотезы о норманских колонистах и их преобладании в составе древнерусской знати» (Хабургаев 1979: 216–217, прим. 124; Кузьмин 1980: 57).

В 1991 г. С.В. Думин и А.А. Турилов, отстаивая скандинавскую природу этого же слова и утверждая, что само по себе происхождение названия страны не является решающим для оценки генезиса ее государственности, заключили: в создании государства у восточных славян варяги-скандинавы сыграли очень важную роль, стояли у его истоков (Думин, Турилов 1991: 13, 19, 27).

Норвежский ученый Й.П. Нильсен, характеризуя Б.Д. Грекова в качестве основоположника «советского антинорманизма», говорил, что он сделал уступку старым норманистам в вопросе этнической принадлежности варягов, который, в чем Нильсен солидаризируется с ним, «не является решающим» (Нильсен 1992: 8, 50).

Как раз, напротив, он-то и есть главный, и если его игнорировать, то варяжская проблема, независимо от самых благих пожеланий, будет разрешаться только в норманистском духе.

Это настолько очевидно, что было подмечено датским норманистом А. Стендер-Петерсеном. Сопоставив в 1949 г. «антинорманизм» в советской исторической науке и норманизм в зарубежной, он констатировал, что «провести точную, однозначную грань между обоими лагерями теперь уже не так легко, как это было в старину. Нельзя даже говорить о двух определенно разграниченных и взаимно друг друга исключающих школах. От одного лагеря к другому теперь уже гораздо больше переходных ступеней и промежуточных установок». Вместе с тем этот датский лингвист утверждал абсолютно в духе «советского антинорманизма», что «в самом процессе создания русского государства скандинавы сыграли не роль основателей или завоевателей, а роль более скромную, роль одного из многих исторических факторов» (Stender-Retersen 1953: 241, сборник статей по варяжскому вопросу, написанных автором за предшествующую четверть века, впервые был издан в 1949 г.).

В унисон с ним говорил в 1987 г. в СССР Д.А. Авдусин: «Норманизм в его прежних формах стал по преимуществу уделом дилетантов, а среди западных ученых теперь немало антинорманистов», например, «П. Сойер (Англия), Ш. Блиндхейм, А. Стальсберг (Норвегия), К. Рабек Шмидт (Дания), М. Дрейер (Финляндия) и др.» (Авдусин 1987: 134, прим. 7), т.е. исповедовавших норманизм, но вместе с тем критиковавших совсем уж впавших в скандинавские фантазии единомышленников или, как он еще выразился в 1988 г., названные ученые, стремясь «к объективному исследованию истории Руси», встали «на позиции научного антинорманизма» (Авдусин 1988: 34).

Поэтому абсолютно прав был А.Г. Кузьмин, указывавший, начиная с 1970 г. и тем самым прямо бросая вызов могущественному «советскому антинорманизму» (на страже интересов которого стояли все структуры советского государства), что его приверженцы, «сосредоточив внимание на основных социально-исторических проблемах, не пересматривали заново многих постулатов норманской теории. Важнейшим из них как раз и является представление о германоязычии и скандинавском происхождении “варягов”, с “призвания” которых один летописец начинал русскую государственность» (при этом ученый подчеркнул, что «чем дальше вглубь веков, тем больше интерпретация зависит от общего понимания источника и принимаемой исторической концепции»).

Норманизм, акцентировал он внимание, критиковался главным образом за игнорирование или недооценку марксистского положения об общих и конкретных условиях возникновения государств как спонтанного закономерного процесса, а «представление о незначительной роли в древнерусской истории варяжского элемента делало, по существу, излишним уточнение вопроса о том, что он собой представлял. Фактически же была сделана уступка норманизму: признавалось, что варяги — скандинавы» («причем все, принимающие фактическую аргументацию

норманистов, неизбежно являются ее приверженцами, как бы далеко они не расходились в оценке роли и влияния норманнов в Восточной Европе»). Закономерным итогом чего стало появление работ, «уже прямо смыкающихся с построениями норманизма». Например, ленинградские археологи Л.С. Клейн, Г.С. Лебедев, В.А. Назаренко обнаруживают «значительное количество скандинавского населения и на пути "из варяг в греки" и по Верхней Волге», а в Киеве скандинавы составляют «социальную верхушку общества. Все эти представления вполне согласуются с легендой о призвании варягов в ее норманистской интерпретации». В свою очередь лингвист Г.А. Хабургаев «признает преобладание норманно-германской прослойки в социальной верхушке древнерусского общества, то это и есть норманизм в его крайнем проявлении».

Констатируя, что в условиях приоритета социально-экономических проблем над проблемами политическими вопрос о составе социальной верхушки русского общества перестал быть существенным, историк показал истинное лицо «советского антинорманизма», якобы повергшего «лженаучный» норманизм: наши исследователи, видя в варягах скандинавов и приписывая им, по сравнению с норманистами прошлого, куда большую роль в русской истории, признавая норманской (шведской) не только династию, но и дружину, в то же время «не считают себя норманистами». Кузьмин, прекрасно зная источники и историографию по всему кругу вопросов варяго-русской проблемы, забытые советскими специалистами или игнорируемые ими (необходимо, говорил он, учитывать «выводы немарксистских ученых прошлого и настоящего»), не только увидел, насколько не соответствует этим знаниям норманистская трактовка этноса варяжской руси, но и увидел те причины, в силу которых современная ему наука была не в состоянии выйти за рамки норманизма и была обречена на повторение тех доводов, от которых еще в XIX в. отреклись норманисты, что является наивысшей оценкой качества аргументации их оппонентов, предложивших ее без помощи Маркса и Ленина.

Ошибочно полагать, подчеркивал Кузьмин, «будто, отдав политическую историю Руси IX–XI вв. норманистам, можно остаться на позициях антинорманизма, опираясь на общий тезис о государстве как продукте внутреннего развития общества», что принцип историзма «конечно, не сводится к примату во всех случаях социального или экономического факторов. Историзм требуется и при изучении таких явлений, которые вообще не имеют отношения к социальным или экономическим вопросам».

Как он заключал в 1971 г., точку зрения В.В. Мавродина и А.Я. Гуревича «едва ли стоит относить к "антинорманистской". У этих ученых прослеживается тенденция решить многолетний спор норманистов и антинорманистов своего рода компромиссом: с одной стороны, признается, что социально-экономическое развитие у восточных славян подводило к образованию государства, с другой стороны, политическая сторона этого процесса, то есть конкретная история, представляется ими в согласии с обычной схемой норманистов», и что

«С.М. Соловьев, В.О. Ключевский, В.Г. Васильевский, А.А. Шахматов и многие другие русские и зарубежные ученые-норманисты также не отводили норманнам большей роли».

Указав, что археологи Клейн, Лебедев, Назаренко (имеется в виду их «антинорманистская» статья 1970 г. о массовом пребывании норманнов на Руси) «ни в коем случае не отходят от принципов марксизма, признавая преобладание норманнов в господствующей прослойке на Руси», Кузьмин резюмировал: «Их концепция вызывает сомнения и возражения в конкретно-историческом плане». Так, «если признать норманскими многочисленные могильники в Приладожье, на Верхней Волге, близ Смоленска, в Киеве и Чернигове, то станет совершенно непонятным, почему «из синтеза норманской и финской культур на Верхней Волге (где славяне якобы появляются значительно позднее норманнов) складывается славяно-русский язык с характерными признаками смешения славянских и финских языческих верований», «почему нет сколько-нибудь заметных проявлений германских верований в язычестве Древней Руси», «почему в языке древнейшей летописи нет германоязычных примесей, а династия Рюриковичей состоит из Святославов, Владимиров и других князей, носивших типично славянские имена» (тогда как в Болгарии «тюркские имена в правящей династии сохранялись два столетия»).

Отмечая, что «последовательный антинорманизм вытекает отнюдь не из патриотических настроений отдельных ученых», Кузьмин пояснил: если в Сказании о призвании варягов говорится, что новгородцы «от рода варяжска», а «мужи Рюрика считаются строителями славянских городов Изборска, Новгорода и Белоозера (последний даже в земле веси), то следует признать, что перед нами либо абсолютно недостоверная легенда, либо варяги — это тоже славяне». Видимо, завершал историк разговор о построениях Клейна, Лебедева, Назаренко, что-то в них не так: «либо факты, либо осмысление». А чтобы не впадать в подобные ошибки, «нужно отказаться от традиционного германоцентризма и той наивной "скандинавомании", которую Ю. Венелин остроумно развенчал еще полтора столетия назад», и «необходимо более тщательное выяснение природы тех этнических элементов, которые многие археологи и отчасти лингвисты признают северогерманскими», причем «новейший археологический материал все более убеждает в том, что история Прибалтики и Руси не может быть понята без учета роли в ней вендской группы славянства» (Кузьмин 1970: 28, 48; 1971: 186–188; 1974: 55; 1980: 59; 1985: 110–111; Русская земля 1986: 18–19; Славяне и Русь 1998: 258, 293, 370–371).

Приведенные слова ученого содержали в себе не только объективную оценку состояния и перспектив разработки варяжского вопроса в советской науке (вернее, их полнейшего отсутствия), но и явную критику марксистской концепции начала государственности на Руси, точнее того, что под ней тогда понималось (как им было замечено позже, «действительный марксизм не содержал тех глупостей, которые ему хотели привнести под флагом антинорманизма»). Шаг по тем временам, без

преувеличения, очень смелый. В 1986 г. Кузьмин пошел еще дальше, говоря, что в образовании Руси значительную роль сыграла власть внешняя, в том числе и варяги, выступив тем самым против практики абсолютизации каждого слова классиков марксизма, слепого доверия тому, что им приписывалось.

При этом он указал на факт упрощенной трактовки мысли Ф. Энгельса (ставшей для советских исследователей «ключом» к раскрытию варяжского вопроса), что «государство никоим образом не представляет собой силы, извне навязанной обществу», когда ее воспринимали в том смысле, «будто государства вообще не могут возникать в результате завоеваний», что в действительности являло собой попытку «“закрыть” спор норманистов и антинорманистов». Тезис этот, вновь он подчеркнул в 1998 г., «совершенно несостоятелен… Достаточно примеров Англии, Франции, да и многих других государств, для его опровержения» (как пояснял в 2003 г. историк, «у Энгельса речь в действительности шла о независимости от каких-то запредельных сил», и что «возникновение государства в результате завоеваний не только не исключительные, а преобладающие случаи»: так возникали практически все империи). Вместе с тем Кузьмин констатировал в 1986 г., что «экономических потребностей в объединении обширнейшей территории союзов племен не было ни в IX веке, ни много позднее. Соединение разноязычных территорий могла осуществить только именно внешняя власть», которая выступает в ПВЛ как «род русский» (Кузьмин 1980: 57–58; 2003: 84; 2003а: 23–29; 2003б: 219–220, 242; Русская земля 1986: 8, 20–21, 29; Славяне и Русь: 365).

В 1975 г. археолог Д.А. Авдусин (а он при всем своем «советском антинорманизме» видел и чувствовал многие его несуразности) выражал обеспокоенность по поводу того, «что ограничение норманского вопроса проблемой происхождения Древнерусского государства таит в себе ряд опасностей. Он дает возможность Л.С. Клейну заявить: “Ни я, ни мои соавторы не считаем нашу позицию норманистской”» и ему же в зарубежных публикациях говорить, «что антинорманизм в советской исторической науке не моден» (Авдусин 1975: 148).

В 1991 г. С.В.Бушуев и Г.Е.Миронов констатировали, что «советские антинорманисты» «сохранили в неприкосновенности исходную посылку норманской теории о тождестве варягов и норманнов» (Бушуев, Миронов 1991: 56–57).

Начиная с 1999 г. В.В. Фомин называет причины, приведшие к тому, что норманизм из СССР никуда не исчезал, как это декларировал И.П. Шаскольский, и выступал в советской науке, мимикрируя под марксизм, под флагом «антинорманизма». Причем исследователи, подчеркивает он, выдавая норманизм за его антипод, создали основательную путаницу в понимании варяжской проблемы, в своих концепциях ранней истории Руси и конкретно-исторических выводах, «что только еще больше усиливало норманистские настроения в академических кругах, в преподавании отечественной истории в вузах и школах» (Фомин 1999: 71–72; 2002: 230–232, 249; 2004а: 42–43; 2004б: 149).

По мнению Ю.Д. Акашева, высказанному в 2000 г., советские историки-антинорманисты остановились на полпути: «Признание Рюрика и всех варягов, а

многими историками и народа русь норманнами... неизбежно ведет к возрождению и усилению» норманской теории (Акашев 2000: 192).

Но норманисты не способны видеть явное и потому живут в мире самовоспроизводящихся, в силу их природы, фантасмагорий, навязанных, по причине господства в науке, практически всему нашему обществу. И свою монополию на истину они привычно защищают тем, что любое посягательство на нее выдают за происки патриотов (в советское время, особенно на его исходе, а затем в 1990-е гг. термин «патриотизм» подвергся, как это было в России в пред- и послереволюционную пору, самой серьезной девальвации). Так, в 1991–2001 гг. из лагеря норманистов, в том числе из уст бывших «советских антинорманистов», звучало, все также грубо искажая суть и варяго-русского вопроса, и антинорманизма, на ложном понимании которых выросло несколько поколений ученых, что в советское время господствовал антинорманизм «воинствующий» (Думин, Турилов 1991: 15, 17), «воинствующий», «примитивный», «ультрапатриотический» (Пчелов 1994: 27; 1999: 367; 2001: 19), «политический, патриотический», приглушавший при Сталине скандинавский фактор «как не отвечающий задачам патриотического воспитания» (Кан 1999: 50).

При этом они, разумеется, не объясняли, какой «антинорманизм» и какой «патриотизм» заключается хотя бы в словах В.В. Мавродина, произнесенных в 1945 и 1949 гг., что «слишком зримо ощутимы следы норманнов в древней Руси для того, чтобы отрицать их роль в образовании и развитии древнерусского государства», что весьма существенно значение «скандинавов в истории Руси», что «из имен членов семьи Игоря видно, что династия киевских князей, несомненно, норманского происхождения», что в X в. русские князья содержали многочисленные норманские дружины, что «в составе “русов” было большое число норманнов», что по русским городам сидели варяжские конунги, что Сказание о призвании варягов повествует о приглашении одной скандинавской дружины для борьбы с другими скандинавами или с соседними местными племенами, в 1967 г. ученый вел речь о «князьях-варягах (конунгах)» и «варяжских конунгах» (Мавродин 1945: 242, 245, 383–384, 388; 1949: 25; 1967: 55, 59).

Или в утверждениях фундаментальных изданий АН СССР — «Всемирной истории» и «Очерков истории СССР» 1957 и 1958 гг., что варяги — это норманны (Всемирная история 1957: 200, 248; Очерки истории СССР 1958: 654, 733, 739, 767–770, 781, 784 и др.), в заключении С.М. Дубровского 1962 г., что М.Н. Покровский указал на «ошибочность норманской теории», считая, что было не призвание варягов-норманнов, а завоевание восточных славян в его более мягкой форме, когда побежденные не истреблялись, а превращались в подданных (Дубровский 1962: 17). Или же в выводе О.Д. Соколова 1970 г., увидевшего «обстоятельную критику» тем же Покровским норманизма в том, что он говорил о зачатках государственности у славян до прихода норманнов (Соколов 1970: 145–146. Тогда как С.В. Юшков в 1949 г. назвал его «горячим сторонником норманизма» (Юшков 1949: 34), а В.В. Мавродин утверждал в 1967 г., что он «в вопросе образования Киевской Руси… счел нужным

присоединиться к мнению автора начальной летописи о норманском происхождении Руси»: Мавродин 1967: 53), в характеристиках М.А. Алпатова 1982 г., вызывающих в памяти стиль М.П. Погодина, что «по своему поведению Рюрик, Олег, Игорь, Святослав — типичные викинги» (Алпатов 1982: 39).

Или в том, что археолог Г.С. Лебедев в 1985 г. представил Русь как «монолитное политическое образование, подчиненное власти одного князя, конунга» (Лебедев 1985: 189, 198). В 1999 и 2009 гг. Л.С. Клейн вел речь о «советской войне против норманизма», а в 1960 г. уверял, что некоторые советские ученые выступали «с позиции крайнего антинорманизма». И прежде всего археолог Д.А. Авдусин, считавший скандинавскими лишь часть гнездовских погребений (Клейн 1999: 100; 2009: 107, 200). Такой характеристики Авдусин удостоился во много потому, что шведский археолог Х. Арбман, глазами которого по сию пору смотрит на русские древности Клейн, видел в кладбище в Гнездове, насчитывающем несколько тысяч могил, «шведское кладбище, последнее пристанище представителей шведской колонии», что встретило законное возражение даже со стороны его зарубежных коллег-норманистов, например, англичанина П. Сойера (Сойер 2002: 96).

Или в утверждениях разного рода словарей (отечественных, в том числе переизданиях дореволюционной поры, а также переведенных на русский язык), авторами которых являлись, в том числе, знаменитые лингвисты, что варяги — это скандинавы (Преображенский 1958: 66–67; Фасмер 1986: 276; Етимологічний словник 1982: 335).

Или в твердом убеждении академика Б.А. Рыбакова (по оценке Клейна, не любящего церемониться с теми, чьи взгляды хоть в чем-то расходятся с его собственными, «русского националиста» и «ультра-патриота», «долго в угоду антинорманистским убеждениям» отрицавшего «весомость скандинавских компонентов в русских древностях»: Клейн 2004: 70, 72), преподнесенном в работах 1962 и 1966 гг., о существовании в истории Руси «норманского периода», который охватывал 882–912 гг. и который олицетворял собой норманский конунг Олег Вещий, захвативший власть в Киеве и на время ставший киевским князем, что варяги-норманны жили в укрепленных лагерях: под Новгородом «в “Рюриковом городище”, под Смоленском — в Гнездове, под Киевом — в урочище Угорском». Наличие «антинорманизма» и «патриотизма» вряд ли также можно заподозрить в его рассуждениях, что этот период «в русской истории буржуазная наука всегда излишне преувеличивала, растягивая его на несколько столетий», что княжение варяга Олега в Киеве есть «незначительный и недолговременный эпизод, излишне раздутый некоторыми проваряжскими летописцами и позднейшими историками-норманистами». Или же в той его мысли, что одним из путей проникновения христиан в Киев был, как он полностью солидаризировался в 1987 г. с видным норманистом прошлого Е.Е. Голубинским, «приход на службу к киевскому князю варягов из состава константинопольской норманской общины, крещенных скандинавов» (Рыбаков 1962: 36–39; 1966: 488, 490–491; 1987: 383).

В данном случае уместно напомнить, что в 1846 и 1859 гг. М.П. Погодин «норманским периодом», вошедшим в название двух его книг, считал 862–1054 гг. (Погодин 1846: 545; 1859: 70, 76, 105, 107, 139, 144, 150). По мнению «Большой энциклопедии» 1903–1904 гг. (одним из редакторов которой был норманист П.Н.Милюков), его «норманский период» не был принят в общее употребление, т.к., «сказав по этому поводу, при всех крайностях и увлечениях, много дельного, он, однако, не мог доказать живучестью норманского элемента — необходимости вводить в схему русской истории особый норманский период» (БЭ 1903: 414; 1904: 174).

Но сей фантом, по оценке сторонника норманской теории В.А. Мошина, «наиболее выразительного представителя ультранорманизма» Погодина (Мошин 2010: 33) спокойно «воскресил» «советский антинорманист» Рыбаков, и его в 1965 г. подхватил точно такой же «антинорманист» И.П. Шаскольский (Шаскольский 1960: 81, 89). Через два года В.В. Мавродин и И.Я. Фроянов увидели в нем проявление критики «современных норманистских взглядов» (Мавродин, Фроянов 1967: 49), а в 1987 г. его появление в публикациях академика положительно восприняли археологи В.А. Булкин, И.В. Дубов, Г.С. Лебедев (Булкин, Дубов, Лебедев 1987: 12–13). После тихой кончины «советского антинорманизма» А.А. Хлевов в 1997 г. преподнес выделение «варяжского периода русской истории» в качестве важного фактора объективизации знаний о варягах-норманнах (Хлевов 1997: 69).

На самом же деле позиция Рыбакова — в чистом виде, если убрать марксистскую мишуру, — норманизм в советской редакции. Поэтому глубоко заблуждался в 1998 г. И.Н. Данилевский, полагая, что «глава советской “антинорманистики”» Рыбаков, борясь с норманизмом, «сам оказывался вынужденным сторонником норманской теории» (Данилевский 1998: 62, 64, 65). Точно также заблуждался в 2014 г. А.Ю. Дворниченко, утверждая, что он всю свою научную жизнь был активным противником норманизма (Дворниченко 2014: 246). «Антинорманизм» одного из самых авторитетных и выдающихся советских ученых (звучащая в современной историографии его критика, тон которой задал в 1993 г. А.П. Новосельцев, грешит весьма большой предвзятостью: Новосельцев 1993: 23–31; Дворниченко 2014: 244–248) кажущийся, ибо он был таким же норманистом, как и его современные критики, и отличался от них только тем, что хотел, согласно «советскому антинорманизму», максимально приглушить разговор о варягах-скандинавах, а потому и убеждавший, что их призвание — «это был вполне реальный мелкий провинциальный эпизод» (Рыбаков 1993: 7).

Лишь полным господством в умах советских исследователей норманской теории объясняется тот факт, что мало кто из них услышал В.В. Мавродина, в 1946 г. констатировавшего: забыто то, на что обращали внимание М.В. Ломоносов и С.А. Гедеонов, — на связь поморско-славянского мира с восточными славянами. Через три года историк добавил, что казавшиеся в свое время странными попытки И.Е. Забелина и С.А. Гедеонова связать варягов с западнославянским миром приобретают сейчас, в свете последних работ советских археологов и филологов, особый смысл и

что стремление «разыскать начало руси… в скифо-сарматском мире» является «не таким фантастичным» (Мавродин 1946: 112; 1949: 14, 19).

Мавродин заметил не только эту аномалию «советского антинорманизма», совершенно не принимавшего в расчет наследие антинорманистов прошлого и сводившего весь разговор о варягах исключительно к скандинавам. В 1945 г. он в монографии «Образование Древнерусского государства» позволил себе некоторые отступления от принятых норм в варяжском вопросе, сказав, что нет оснований отрицать большую роль варягов в деле создания государства у восточных славян, где они «выступают в роли катализаторов» (Мавродин 1945: 210, 225, 383–386, 388–389). Данное утверждение нисколько не ставило под сомнение всеобщую убежденность в норманстве варягов, но оно отступало от марксистской концепции начала государственности на Руси и не соответствовало политическому моменту.

Когда Л.С. Тивериадский в 1942 г. указал, ведя речь о варяжской легенде, что «мы имеем налицо несомненный исторический факт: наличие варягов в славянской среде и их участие в формировании русского государства» (Тивериадский 1942: 40), то его слова остались без внимания, т.к. они еще не резали слух, хотя и шла война с нацистской Германией, поставившей норманизм себе на службу (Пауль 2014: 55–61; 2015: 237–244).

Однако на «крамолу» Мавродина тут же последовала незамедлительная реакция (до революции господство норманизма, также носившего официальный характер и также выдаваемого за абсолютную истину, все же было не столь всеобъемлющим, как в советское время, и у сторонников норманской концепции всегда были оппоненты, не боявшиеся идти против мощного течения и своими трудами значительно умерявшие его силу. Но в норманизме советской трактовки, возведенном, благодаря марксизму, в ранг официальной исторической доктрины, усомниться было небезопасно). Как бил тревогу С.А. Покровский, Мавродин «возрождает по существу норманистскую теорию», «попал в плен к норманизму, объявив, по сути дела, организаторами Киевского государства варяжских князей» (Покровский 1946: 108–109). К.В. Базилевич призвал бороться с пережитками норманизма, к которым принадлежит утверждение Мавродина «о весьма существенном значении скандинавов в истории Руси» (Базилевич 1947: 54–55), Н.Л. Рубинштейн же увидел в его работе «путаную книгу по истории Киевской Руси» (Рубинштейн 1946: 109–114. См. также: Мавродин, Фроянов 1967: 48).

Такого рода критика не носила принципиального характера, ибо велась в рамках норманизма и всецело работала на него. Под ее напором Мавродин в 1949 г. лишь преуменьшил, как того от него и требовалось, значимость роли варягов-норманнов в русской истории, заверяя, что мы не собираемся отрицать норманнов-наемников (купцов и воинов), «имевших известное значение в жизни древней Руси» (Мавродин 1949: 28). В связи с чем нельзя согласиться с норвежским исследователем Й.П. Нильсеном, охарактеризовавшим кампанию против Мавродина «антинорманистским крестовым походом» и приписывавшим ей «возрождение» антинорманизма XVIII в. Вместе с тем ученый полагал, что она была необходимой

частью массивного наступления на космополитизм в советской науке (Нильсен 1992: 64, 67–68). И.Я. Фроянов также увидел в «критике» своего будущего учителя веяние времени: «в стране начался сезон охоты на “космополитов”» (Фроянов 1991: 4; 1992: 79–80).

Но посредством этой «критики» Мавродина советским ученым был преподан хорошо запомнившийся им урок на тему: «в чем заключается суть варяжского вопроса». Причем они еще заодно чуть ли не поклялись, в лице С.В. Юшкова в 1949 г., что возвращение к никем не принятой теории Гедеонова «мы не считаем нужной» (Юшков 1949: 56), тем самым поставив ее, нанесшую, по признанию дореволюционных норманистов, непоправимый урон их учению. Как констатировал в 1874 г. Н.П. Ламбин, Гедеонов «разгромил эту победоносную доселе теорию, созданную трудами целого ряда ученых; по крайней мере, расшатал ее так, что в прежнем виде она уже не может быть восстановлена» (Фомин 2004а: 6–54; 2005: 137–142).

Поэтому очень скоро в советской науке, по мере смягчения политического климата в стране, в первозданном виде воцарится норманизм, лишь сохранивший на себе слабый налет официального «антинорманизма». Как подчеркивал в 2009 г. Л.С. Клейн, невольно обнажая подоплеку «советского антинорманизма», против которого он, несмотря на все якобы грозящие ему страшные опасности, мужественно восстал, что «сталинская» наука отбросила, «ввиду полной фантастичности», «начальный антинорманизм» (в смысле дореволюционный) и что в советское время лишь В.Б. Вилинбахов, А.Г. Кузьмин и В.В. Похлебкин придерживались «*архаичного мнения, что варяги — не скандинавы, а балтийские славяне… остальные антинорманисты поголовно признавали варягов норманнами*» (Клейн 2009: 8, 56, 123).

Во-первых, к тому неумолимо вели как непоколебимая убежденность советских исследователей в норманстве варягов, так и жесткий диктат ортодоксального «антинорманизма», посягнувшего на самое святое — на их творческую свободу (потому как не позволял в полный голос говорить о норманнах, а тем более их славословить), что уже само по себе не могло не вызвать его принципиального неприятия (к тому же многие тогда лишь старались казаться «антинорманистами»).

Во-вторых, этот «антинорманизм» настолько явно противоречил и себе и показаниям ПВЛ, что просто не мог не породить даже у своих искренних первоначально сторонников самые серьезные сомнения в своей состоятельности, следовательно, все более крепнущую веру в истинность того, против чего он был направлен. Недоверие к нему многократно усилили хрущевская «оттепель», суетливая ревизия наследия И.В. Сталина (в целом ценностей социализма) и неизбежное отсюда разочарование научной общественности в марксистской идеологии, что заставило многих из них совершенно иначе взглянуть на «антинорманизм», который зиждился на ее постулатах.

В-третьих, следует в какой-то мере согласиться с Н.И. Платоновой, что издание в 1950–1970-х гг. скандинавских саг, работ А.Я. Гуревича, М.И. Стеблин-Каменского

«вскрыли перед читателем целый пласт *принципиально новой информации* о североевропейском Средневековье, о Скандинавии тех самых времен, когда по соседству с нею зарождалась и складывалась Русь. Так открылось широкое поле для всевозможных аналогий, для разработки проблем, мало освещенных в древнерусской письменности» (Платонова 2017: 205–206). Необходимо уточнить, что названные источники и вызываемые ими аналогии давно присутствовали в науке, но теперь они были обновлены и актуализированы быстро набирающим в СССР обороты мифом о викингах. Сюда же стоит добавить публикации «Скандинавских сборников» (с 1956 года) и проведение (с 1963 года) всесоюзных конференций по изучению истории, экономики, языка и литературы скандинавских стран и Финляндии, основательно подпитывавших соответствующий настрой наших ученых.

В-четвертых, этот настрой получил, что было очень важно для той эпохи, обоснование в рамках того же марксизма, в чем огромная роль принадлежит трудам «советского антинорманиста» И.П. Шаскольского, убежденного сторонника норманской теории, в котором Клейн, и сейчас легковерно принимая его «антинорманистские» слова за истинную позицию, видит «несомненного лидера в отстаивании антинорманистской концепции» (Клейн 2009: 162).

Характеризуя норманскую теорию, как и подобало для тех лет, «реакционной» и целиком направленной против советской науки и против СССР, Шаскольский указал на недостатки «советского антинорманизма». Это прежде всего отрицание деятельности варягов на Руси в IX–XII в., вытекавшее из игнорирования «какой-либо роли внешних влияний» на русскую историю. Хотя марксистская наука, отмечал он, «не отрицает определенной роли» таких влияний «на развитие той или иной страны, в частности России» (но тут же, как того требовал «антинорманистский» официоз, заявлял, что государство у восточных славян возникло «в результате внутренних процессов развития, а не вследствие воздействия внешних сил», ибо, по Ф. Энгельсу, «государство никоим образом не представляет из себя силы, извне навязанной обществу»).

Приведенные слова, произнесенные в 1960–1961 гг., были совершенно справедливы, но были сделаны в норманистском ключе. Причем ученый не без умысла оперировал в основном термином «норманны», а не «варяги», и полагал, что нет никаких оснований считать, как это делалось еще недавно, будто бы «норманны в IX–XI вв. стояли на более низкой ступени развития, чем восточные славяне», и потому «правильнее полагать, что уровни развития и Скандинавии и Руси в этот период в основных чертах совпадали». В 1963 г. последнее утверждение легло в основу его мысли, тут же с энтузиазмом подхваченной «советскими антинорманистами» (в первую очередь, археологами), о параллельности и синхронности процессов социального и политического развития на Руси и в скандинавских странах в период формирования классового общества и государства (IX–XI вв.), что опять же заставляло рассматривать их прошлое в неразрывной, но в совершенно надуманной связи.

В условиях тотального господства норманизма тонкая и выдержанная в духе Маркса–Ленина (и в стиле Эзопа) критика Шаскольским официального «антинорманизма» основательно подорвала доверие к нему и качнула маятник симпатии советской науки в сторону норманнов, что вызвало в ней настоящий «скандинавский бум» и резко возросшее число трудов по славяно-русским древностям, на которых тут же увидели «многочисленные» и «бесспорные» следы норманнов. Будучи весьма последовательным, Шаскольский в 1961 г. уверял, что именно летописец приписал основание Русского государства норманнам и что без его рассказа о призвании варягов «вряд ли вообще смогла возникнуть норманская теория как цельная ученая концепция, считающая, что древнерусское государство образовалось в результате деятельности завоевателей-норманнов» (однако ПВЛ, повествуя о варягах и руси на протяжении почти 180 лет: с 859 г. по 1030-е гг., нигде прямо не обозначает их этнос. По этой в том числе причине исследователи выдавали варягов и русь за представителей порядка 30 народов, видя в них норманнов, славян, финнов, литовцев, венгров, хазар, готов, грузин, иранцев, кельтов, евреев и пр.: Мошин 2010: 69–70).

В 1965 г. Шаскольский с позиций «достижений современной марксистской науки» раскритиковал «норманизм в буржуазной исторической науке», поставленный, в силу его «антирусской политической тенденции», на службу «империалистической антисоветской пропаганде» (он мешает «широким кругам зарубежных читателей правильно понять историю нашей Родины»). И тут же преподнес его «советским антинорманистам» (которые вроде бы не раз уже справляли тризну по нему), несмотря на ошибочные трактовки им важных проблем истории Руси, в качестве научной теории «в рамках буржуазной науки», опирающейся «на длительную, более чем двухвековую, научную традицию» и «большой арсенал аргументов». Потому-то с этим сильным противником «эффективную борьбу можно вести только во всеоружии, опираясь на все достижения современной марксистской науки». Говоря при этом, что шведские археологи Т.Ю. Арне и Х. Арбман заметно преувеличивают «роль норманнов в Гнездове, объявляя весь могильник в основном норманским», но вряд ли прав и их советский коллега Д.А. Авдусин, «доказывая почти полное отсутствие в Гнездове погребений скандинавов».

В связи с чем предложил более мягкое понимание норманизма, резко контрастирующего с традиционным, которое он недавно полностью разделял: «Норманизм — это преувеличение роли норманнов в различных сторонах жизни Древней Руси, преувеличение, вызванное неправильным истолкованием источников или использованием только некоторых, произвольно избираемых свидетельств, а не всей совокупности имеющихся данных». Одновременно им опять же было указано (в том же сопровождении мысли Энгельса), что советская наука «не отрицает определенной роли внешних влияний». Показательно, что никто из ее представителей не выступил с критикой коллеги, как это было сравнительно недавно в случае с намного меньшим «ревизионистом» Мавродиным, т.к. уже думали в

полном единении с ним. Или соглашались с его вполне правоверными словами, что, «правда, с марксистской точки зрения эта теория дает неверное, ошибочное освещение рассматриваемых проблем, т.е. не является научной», но с той же точки зрения «вообще все буржуазные научные теории и, более того, вся буржуазная историческая наука в целом не являются подлинной наукой, не дают научного освещения хода исторического процесса».

О научности норманизма ученый говорил затем в 1978 (вступив при этом в прямую полемику с В.П. Шушариным, в 1964 г. убеждавшим, что норманская теория со своими антинаучными построениями «“превратилась в средство фальсификации истории»: Шушарин 1964: 236–239) и 1983 гг., вместе с тем в первом случае отметив, ведя речь о монографии Мавродина «Образование Древнерусского государства», вышедшей в 1945 г. и вызвавшей «антинорманистский» переполох, однако которая полностью соответствовала устоявшимся чуть позже стандартам «советского антинорманизма», что автор признал, во-первых, «зафиксированное многими источниками участие норманнов в процессе формирования государства на Руси, но в то же время показал и достаточно ограниченный характер этого участия в грандиозном внутреннем процессе, определявшемся действием местных социальных сил», во-вторых, «норманское происхождение княжеской династии». Параллельно Шаскольский утверждал о наличии «большого числа норманских археологических памятников» на территории Руси.

Уже в новых условиях, в 1993 г., историк опять сказал, так не избавившись от инерционности «советского антинорманизма», что норманская теория, с которой он полемизирует 35 лет, «является безусловно научной теорией, содержит немало серьезных аргументов в свою пользу, которые пока еще нам трудно опровергнуть». Хотя разве можно побороть тень и опровергнуть то, что «советские антинорманисты» отстаивали и от имени которых Шаскольский заявлял в 1986 г., что особенный вклад в изучение норманского вопроса (а он только так именовал варяжский вопрос) за последние двадцать лет внесла советская археология, открывшая крупный комплекс находок скандинавского происхождения на Рюриковом городище и расширившая сведения о пребывании скандинавов в Старой Ладоге, Ярославском Поволжье, Гнездово и др. (Шаскольский 1960: 223, 225–226, 228, 236, 238, прим. 10 на с. 224; 1961: 335–337, 341, 351, 355, 372–373, прим. 98 на с. 364; 1965: 5–8, 14–15, 18, 117–120, 214, прим. 19 на с. 14, прим. 33 на с. 20; 1978: 159–163; 1983: 36, 46; 1986: 95; 1986а: 123; 1993: 100).

В 1988 г. Д.А. Авдусин констатировал, что в исследованиях Шаскольского 50-х — 60-х гг. «норманизм выглядит даже респектабельнее противоборствующего течения», а его монография «Норманская теория в современной буржуазной науке» (1965) содержала основные положения критики антинорманизма, в 1983 г. только сведенные воедино в статье «Антинорманизм и его судьбы», и «способствовала появлению серии работ ленинградских археологов, которые преувеличивали роль скандинавов на Руси и удревняли варяжские находки», но увидев в этом, а речь он

вел о статье 1970 г. Л.С. Клейна, Г.С. Лебедева, В.А. Назаренко, лишь «своего рода “перекос”» (Авдусин 1988: 31–32).

В 1998 и 2003 гг. А.Г. Кузьмин сказал в адрес той же книги Шаскольского, что она «реабилитировала норманизм как определенную теоретическую концепцию, вполне заслуживающую серьезного к ней отношения», причем автор свел аргументы антинорманистов к словам Ф. Энгельса, будто «“государство не может быть привнесено извне”, оставаясь в остальном норманистом» (Славяне и Русь 1998: 365; Кузьмин 2003: 84).

Но совершенно иначе воспринимали этот труд остальные наши ученые. В 1967 г. В.В. Мавродин и И.Я. Фроянов объясняли им, что в нем «дан обстоятельный обзор современного норманизма в целом, норманистской литературы о Начальной летописи, о норманской колонизации. Все это показывает, что ныне спор с норманистами ведется в спокойной и деловой атмосфере, от чего следует ожидать неплохих результатов» (Мавродин, Фроянов 1967: 50).

Справедливость оценок Авдусина и Кузьмина видна из слов Л.С. Клейна и его учеников — Г.С. Лебедева, В.А. Назаренко, Е.Н. Носова. Первый резюмировал в 1965 г.: «И.П. Шаскольский теперь признает, что так называемая норманская теория не является просто **фальсификацией истории** в политических целях, как это утверждалось прежде, а представляет собой **течение в буржуазной науке**. Это очень важный шаг» и «большой прогресс» (Клейн 1999: 93; 2009: 108–109). В 1970 г. он же с Лебедевым и Назаренко отметил, что «достаточно полной и четко систематизированной библиографической и историографической разработкой археологических источников по варяжскому вопросу мы обязаны» его монографии, ставшей для них «необходимым подспорьем» (Клейн, Лебедев, Назаренко 1970: 231–232). В 1999 г. Лебедев подчеркнул, что «современный этап изучения “варяжской проблемы” в России открывается выходом в свет книги И.П. Шаскольского “Норманская теория в современной буржуазной науке” (Л., 1965) и состоявшейся» 22 декабря 1965 г. дискуссией по ней на истфаке Ленинградского университета (Лебедев 1999: 102).

Тогда же Носов на страницах двух изданий сказал, что она, построенная «на критической оценке современного норманизма, норманской литературы о Начальной летописи, теории норманского завоевания, норманской колонизации в работах археологов и историков», «оказалась чрезвычайно ценной для советской археологической науки». Ибо, по его разъяснению, автор «детально излагал концепции западных исследователей по варяжской проблеме и истории Древней Руси, обильно цитировал их труды, привел огромное количество литературы, в том числе почти недоступной в СССР, особенно на периферии», тем самым «“просвещал” отечественную историческую аудиторию от студента до научных работников, не знакомую или знакомую весьма поверхностно со взглядами западных коллег» (т.е. советская археология, замешанная и взросшая на норманизме, хотя и критиковала, в духе «советского антинорманизма», теории «буржуазных» археологов, включая Т.Ю. Арне и продолжателя его идеи норманской колонизации

Руси Х. Арбмана, но в то же время активно оплодотворялась их идеями, идущими вразрез с изрядно уже всем поднадоевшими марксистскими догмами). И Носов был, конечно, абсолютно искренен, закончив в 2009 г. (в чуть измененной статье десятилетней давности) свой дифирамб Шаскольскому благодарностью: «Спасибо Игорю Павловичу» (Носов 1999: 157 (в тот же год статья вышла в журнале: Stratum plus. 1999. № 5. С. 112–118); 2009: 350–351).

В том числе, несомненно, и за его участие в декабрьской дискуссии 1965 г. в ЛГУ, которая свелась к тому, что, по характеристике Клейна, «лидер» «советских антинорманистов» Шаскольский вел речь о малочисленности норманнов на Руси и малой степени их участия в складывании Русского государства. Тогда как другие «советские антинорманисты» — Клейн с соучениками — отстаивали мнение дореволюционных норманистов по этим позициям и выиграли, считает их учитель, третью (после дискуссии по «диссертации» Г.Ф. Миллера 1749–1750 гг. и диспута М.П. Погодина и Н.И. Костомарова 1860 г.) схватку «антинорманизма с норманизмом за два века». В 1993 г. археолог, вспоминая дискуссии 1965 г. (именуя прения единомышленников, разыгранные перед студентами, «Норманской баталией» или «Варяжской баталией»), прямо сказал, что тогда его и бывших с ним «не без некоторого резона» обвинили в норманизме и что они камуфлировал норманизм марксизмом.

По-марксистски диалектично, т.е. также туманно разъяснил Клейн в 1965 г. позицию Шаскольского: «…Есть норманисты, есть антинорманисты, а есть позиция советских ученых: ни норманизм, ни антинорманизм, а нечто третье». Но это ни то, ни се и есть норманизм в советской редакции (Клейн 1993: 52, 81–89; 2009: 7, 11–12, 95–101, 109–110, 140, 142, 261–262).

В 1980 г. ученики Клейна — Лебедев, Булкин, Дубов, Назаренко, а также Кирпичников — разъясняли, что «и норманизму, оценивающему скандинавские древности Руси как свидетельство вовлечения славян в экономическую, политическую и культурную орбиту северных государств, и антинорманизму как полному отрицанию наличия этих древностей, была противопоставлена марксистская концепция “варяжского вопроса”», согласно которой «норманны в Восточной Европе оказывались в сфере действия закономерностей развития восточнославянского общества и не были создателями государства. Задача, следовавшая из этой посылки, — выяснить, насколько это позволяют данные археологии, процесс взаимодействия скандинавов и славян» (Кирпичников, Лебедев, Булкин, Дубов, Назаренко 1980: 25).

Причем Клейн подчеркивает в наши дни, пытаясь создать предельно негативный облик «советского антинорманизма», иначе в глаза бросается, если не принимать во внимание марксистское обрамление, его полнейшее тождество с норманизмом, и раздуть свою роль непримиримого «борца за идею», что по своему напряжению эта дискуссия была «самой острой», хотя эта «самая острота» абсолютно укладываются в слова норманиста К.Н. Бестужева-Рюмина, произнесенные в начале 1880-х гг.: «Весь вопрос сводится к тому, много ли или мало

скандинавского элемента в дружине, скандинавское происхождение вождения которой едва ли можно отрицать» (Бестужев-Рюмин 1882: 7), являла собой идейную борьбу, «которая для нас была трудна и опасна», что поражение в ней ему и его единомышленникам могло стоить «тюрем и лагерей» (и это во второй год правления Л.И. Брежнева!).

Однако, продолжает геройствовать Клейн, вспоминая «баталию» минувших дней, мы сумели отстоять «не только свое существование», но и «возможности заниматься объективным исследованием варяжского вопроса в условиях тотального строя и идеологического пресса, когда государственно-партийной нормой было четкое рассечение на норманизм и антинорманизм, а последний был единственно допустимой позицией для отечественных историков и марксистов». В 2015 г. он скажет с куда уже большим размахом, а таковы законы мифотворчества: «Мы отвоевали тогда не только для себя, но и для всех историков возможность еще некоторое время объективно, невзирая на результаты, заниматься изучением материалов древней Руси» (Клейн 1999: 91; 2009: 7, 10–12, 91–92, 95–99, 140, 142, 171, 261–262, 276–279; 2015: 348).

Эти «преданья старины глубокой» вместе с Клейном транслируют сейчас другие лица, все более преувеличивая, но что поделаешь, законы того же жанра неумолимы, им сказанное: он «и его соратники и ученики, — пишет О.Л. Губарев, — имели мужество выступить на дискуссии, организованной парткомом института (хотя это мероприятие состоялось в Ленинградском университете, и было, по Клейну, инициировано партбюро исторического факультета. — *В.Ф.*)» (Губарев 2015: 352), и что в итоге была одержана, по оценке Н.И. Платоновой, «феерическая победа» (Платонова 2017: 219).

В свете чего Клейн представляет свой «Славяно-варяжский» семинар на истфаке ЛГУ, который «возник в ходе борьбы шестидесятников за правду в исторической науке и сложился как очаг оппозиции официальной советской идеологии», в качестве своего рода научного питомника, взрастившего большое число влиятельных фигур в археологии и названных им в 1999 г. «видными славистами»: Г.С. Лебедева, В.А. Булкина, В.А. Назаренко, И.В. Дубова, Е.Н. Носова, В.П. Петренко, С.В. Белецкого и др. Точнее, ставших видными норманистами, утверждавшими своими работами, в которых весьма произвольно обходились с вещественным материалом, норманскую теорию. Как вспоминал в 2009 г. Ю.М. Лесман свое «мужание» в этом семинаре «с юных лет», в котором он вырос с желанием «работать честно, профессионально и тщательно», «присутствие и активная роль норманнов в восточноевропейской истории, — сомнений не вызывали (мы на этом были уже воспитаны), антинорманизм был проявлением научной ограниченности и политической конъюнктурности» (Клейн 2009: 282). И в норманизм (причем, согласно Петренко, в «оголтелый») они «уверовали», став носителями «норманизма седых скрижалей» (Лебедев 1999: 103; Клейн 2009: 302; Томсинский 2014: 363; 2017: 164, 166), в том числе и под огромным влиянием монографии Шаскольского.

Надлежит также отметить, что Шаскольский в 1964–1967 гг. вводил в науку норманистские аргументы. Обоснованно критикуя мнения зарубежных коллег по поводу происхождения имени Русь от финского Ruotsi, он в то же время подчеркнул, что «с лингвистической стороны переход» из Ruotsi в Русь «представляется возможным». Вслед за чем многозначительно указал, причем, в подстрочнике, что этот вывод «не может рассматриваться как какое-то ущемление нашего национального престижа». А чтобы в том ни у кого не было сомнений, привел довод, которым ошибочно руководствовался еще Г.Ф. Миллер: «Так, Франция и французы получили свое имя от германского племени франков, Англия и англичане — от германского племени англов, Болгария и болгары — от тюркского племени болгар и т.д. При этом французы, англичане, болгары не считают подобное происхождение названий недостаточно почетным». Или же горячо убеждал, что ничтожное количество рунических надписей, обнаруженных в Восточной Европе, и на чем правомерно заострялось внимание в науке, не может служить веским аргументом против норманской теории (Шаскольский 1964: 127; 1965: 136, прим. 160; 1967: 158, прим. 114).

Чрезвычайно важную роль сыграл Шаскольский в деле дискредитации дореволюционного антинорманизма «с его не очень скрытой национально-патриотической направленностью», в лице прежде всего С.А. Гедеонова, благодаря которому, согласно говорили крупнейшие норманисты XIX–XX вв., наука избавилась от многих принципиальных заблуждений в варяжском вопросе. Так, А.А. Куник, назвав его труд «Варяги и Русь» «в высшей степени замечательным» и увидев в авторе «замечательно-проницательного критика», признал опровержение им связи Roslagena с русской историей «совершенно справедливым» и резюмировал, что «сопоставление слов Roslag и Русь, Rôs является делом невозможным уже с лингвистической стороны» (Куник 2015: 223–224; 1875: 451; 1878: 1–7, 13).

М.П. Погодин также согласился, что финское название Швеции Руотси и шведский Рослаген не имеют отношения к имени «Русь» (Погодин 2015: 179). Датский лингвист В. Томсен указывал, что нет «никакой прямой генетической связи между Рослагеном как географическим именем и *Ruotsi* или Русью» (Томсен 1891: 84–86).

С.М. Соловьев отмечал, что «Варяги и Русь» «замечательны своею отрицательною стороною», где опровергаются «некоторые мнения ученых, держащихся скандинавского происхождения варягов-руси», и что Гедеонову «принадлежит честь за то, что он заставляет начального летописца указывать на славянское происхождение варягов-руси» (Соловьев 1993: Прим. 150 к т. 1).

И вот творчеству этого выдающегося ученого, как и антинорманизму в целом, «советский антинорманист» постепенно давал все более низкую оценку. В 1960 г. он, подчеркивая, что критическая часть его работы «представляет большую научную ценность», сказал, оставив эти слова без объяснений, что «утверждение автора о происхождении варягов из славянского поморья на современном этапе развития исторической науки не выдерживает критики». Через пять же лет утверждал с

марксистских высот, что Гедеонов и Иловайский, дав «серьезную и основательную критику главных положений» норманизма, «в силу своих идеалистических представлений о процессе возникновения государства не смогли противопоставить отвергаемой ими норманской теории сколько-нибудь убедительное положительное построение, не смогли дать убедительное научное освещение процесса формирования Древнерусского государства».

Наконец, в 1983 г. фундаментальный труд Гедеонова «Варяги и Русь», который, по справедливым словам В.О. Ключевского, составил «новую эпоху в развитии спора» (Ключевский 1983: 118), Шаскольский охарактеризовал совсем нелестно: в нем «чувствуется налет дилетантизма». Тогда же он сказал в адрес антинорманистов, что побудительным мотивом их борьбы была не наука, а «дворянско-буржуазный патриотизм», а у Д.И. Иловайского — еще и национализм (Лысенко, Шаскольский 1960: 53; Шаскольский 1965: 11, 18, прим. 27; 1983: 37, 44, 49, прим. 24 на с. 41). Тем самым он отказал антинорманизму действительному в научности и возродил главный «довод» норманистов прошлого, авторство которого принадлежит А.Л. Шлецеру: признавать норманизм — «дело науки, не признавать — ненаучно», которым они, пользуясь официальным статусом своей теории, не только вводили в заблуждение российское общество, но и беззастенчиво шельмовали и травили оппонентов.

Вместе с тем Шаскольский, будучи одним из авторитетнейших представителей «советского антинорманизма», навязывал науке негативную оценку о работах В.Б. Вилинбахова, единственного из советских ученых 50-х — 60-х гг., кто занимал подлинно антинорманистскую позицию, но при этом не вступая с ним в открытую полемику. Так, в 1964–1965 гг. он с нажимом говорил, что этот историк пытается возродить «старую теорию» Гедеонова и других антинорманистов XIX в., «согласно которой летописные варяги были не скандинавами, а балтийскими славянами. По нашему мнению, эта концепция уже не может оказаться жизнеспособной и вряд ли может быть полезной в деле развертывания критики современного норманизма», отстаивает «одно из совсем гипотетических построений» — «давнюю, но малоубедительную гипотезу» о переселении части южнобалтийских славян на Северо-Запад Руси. Суть подобных выпадов против себя и против концепции, подкрепленной большим количеством самых разнообразных источников, точно выразил в 1980 г. сам Вилинбахов: Шаскольский полагает, «что несколькими ироническими фразами можно покончить с проблемой, над которой трудилось несколько поколений ученых» (Шаскольский 1964: 127; 1965: 195–196; Вилинбахов 1980: 79).

Но этих «иронических фраз», прозвучавших в атмосфере повальной убежденности в норманстве варягов, было достаточно, чтобы в науке сформировался чуть ли не массовый скепсис к публикациям Вилинбахова и проводимым им идеям. В 1966 г. археолог П.Н. Третьяков отрицал причастность южнобалтийских славян к истории славян новгородских, указывая, что археологическая аргументация автора слабая (Третьяков 1966: 285). Историки В.В. Мавродин, Р.М. Мавродина и

И.Я. Фроянов утверждали в 1970 г., что его положения о переселении славян Южной Балтики в Восточную Европу и их активнейшем участии в образовании Руси «остаются на уровне более или менее остроумных догадок» (Мавродин, Мавродина, Фроянов 1970: 117).

В 1970-х гг. лингвисты Ф.П. Филин и Г.А. Хабургаев категорично заключили, что сама мысль о появлении славян на Северо-Западе Руси из прибалтийских земель представляет собой «фантастическую» и «исторически недопустимую гипотезу», при этом Филин, обращая свою резкую критику и против покойного выдающегося этнографа Д.К. Зеленина — он крупный диалектолог, но оказался неспособным для историко-лингвистических исследований и потому возрождает давно оставленную историками гипотезу о переселении балтийских славян морским и сухопутным путем к славянам восточноевропейским (Филин 1972: 82–83; 1980: 44; Хабургаев 1979: 108, 113, прим. 10).

В 1972 г. археолог М.И. Артамонов, хотя и заметил в своей последней статье, опубликованной в 1990 г., что, вполне возможно, под варягами подразумеваются южнобалтийские славяне — «руги» (о чем так настойчиво говорят антинорманисты, в том числе Вилинбахов), но тут же все перечеркнул (вопреки уже имеющимся данным, в том числе археологическим): «Ввиду этого следует указать, что в археологических памятниках времени формирования Русского государства никаких следов южнобалтийского славянского происхождения не отмечено. Все, что можно отнести за счет южнобалтийского влияния на северо-западе Руси, датируется более поздним временем — XII, и особенно XIII вв., да и то с большой долей сомнения в таком именно происхождении этого рода элементов… Что же касается связей с южнобалтийскими славянами, устанавливаемых лингвистами, то они, как обычно в языковых данных, оказываются весьма неопределенными по времени своего возникновения, что лишает их доказательности в решении вопроса об отношениях Северо-Западной Руси с Южной Прибалтикой в интересующее нас время» (Артамонов 1990: 284).

Подобного скепсиса в отношении археологических и лингвистических «аргументов» норманистов никто, понятно, не выражал. Хотя, как точно сказал в том же году Д.А. Авдусин, «излюбленный прием норманистов — утверждение без аргументации» (Авдусин 1972: 169).

Поэтому полагать сейчас, что в советские годы господствовал «воинствующий», «ультрапатриотический» и «патриотический» антинорманизм, значит либо глубоко заблуждаться и тем самым вводить в такое же заблуждение других, не давая им никакого шанса приблизиться к истине, либо стремиться по максимуму задействовать «советскую страшилку» и изображать себя гонимыми, что дает несомненные дивиденды. Вот почему эту карту любит разыгрывать Л.С. Клейн, рассказывая, что он по вине зловредных «антинорманистов» и КГБ, «смолоду» за ним надзиравшего, в 1981–1982 гг. оказался в тюрьме и лагере (Клейн 1999: 91; 2009: 10–12, 91–92, 97–98, 224; Фомин 2010: 366–367). Либо, наконец, стараться не замечать того, что «советский антинорманизм» и сегодняшний норманизм, как бы его не

называли («взвешенно-объективным» или «научно-умеренным») — близнецы-братья. Только первый из них не «кричал» так громко о роли скандинавов в русской истории, как делает сейчас второй. Но при этом ложно интерпретировал важнейший для нашей истории варяго-русский вопрос и предельно дискредитировал антинорманизм настоящий.

«Советский антинорманизм» основательно также подтачивала, следовательно, в той же степени укрепляла доверие к норманской теории критика трудов ее западных приверженцев, которая прозвучала во второй половине 40-х — начале 60-х годов. Представители нашей науки, являясь норманистами, всю свою критику свели лишь к тому, что пытались детально разъяснить оппонентам, т.е. тем же норманистам (или, по лексике тех лет, «неонорманистам»), суть их главной ошибки, которая заключалась, с точки зрения «советских антинорманистов» и «прогрессивной историографии», в непонимании буржуазными коллегами марксистской концепции происхождения Русского государства. Заостряя внимание преимущественно на этом пункте, в котором все больше разуверялась научная общественность СССР, они вместе с тем говорили о присутствии скандинавов в жизни восточных славян и недостоверности Сказания о призвании варягов, в котором варяги будто бы ошибочно отождествлены со шведской русью (см. напр.: Греков 1959: 554–558; Тихомиров 1948: 112–115; Литаврин 1956: 386–395; Шаскольский 1960: 223–236; 1961: 335–373; 1965: 12–13, 20, 23–54, 100–101, 109–113; 1967: 128–176; Рознер 1962: 185–186; Шушарин 1964: 229–288; и др.). Отчего эта критика, хотя и содержала ряд позитивных элементов, в целом представлялась выхолощенной и зачастую имела обратный (просветительский) результат. По причине чего, а также в связи с вышеназванными факторами, усиливавшимися по мере ослабления хватки марксистской идеологии, в советской науке начался процесс очищения норманизма от защитной окраски под названием «советский антинорманизм».

Тому в значительной мере способствовали еще и работы датского норманиста А. Стендер-Петерсена 1930–1950-х гг., оказавшие, как и когда-то книга его соотечественника В. Томсена, огромное влияние на воззрения, в первую очередь наших археологов и филологов. Этот известный лингвист в чем-то отвергал, что располагало в пользу его позиции, традиционный норманизм, утверждавший об однотипных завоевательных действиях викингов на Западе и на Востоке, критикуя, например, эмигранта Ф.А. Брауна за упрощенный взгляд на шведско-русские связи, которые моделируются по образцу походов викингов на Запад (да при этом почти по-«антинорманистски» говорить, что многие летописные имена не являются славянскими, однако это не повод объявлять их сплошь скандинавскими. Хотя тут же считать, а подобная игра в «нет» и «да» скандинавам, в которой всегда побеждают последние, — характерный стиль норманистов, что Святослав по-скандинавски «мог называться Свенельдом»). Взамен он в разноязычных публикациях проводил, вслед за шведским археологом Т.Ю. Арне, теорию норманской колонизации Руси. При этом уверяя в духе того же Томсена, что исходит (а подобные заклинания — также в стиле норманистов) из «чисто-объективной интерпретации» фактов, «строгой

филологии» и «известных этимологических фактов, которые пора бы считать незыблемыми». И тут же демонстрируя свою «объективность» словами, что как скандинав принадлежит «к племени варягов».

Согласно его рассуждениям, свеи-землепашцы из центральной Швеции, «с незапамятных времен» (приблизительно с VIII в.) беспрерывно, мирно и постепенно двигаясь на восток «ради приобретения бесхозяйственных пространств», вклинились «в пограничные области между неорганизованными финскими племенами (чудью, карелами, ведью, весью и мерею) и продвигающимися с юга славянами». Причем, это стихийное движение было, возможно, активировано созданием в Центральной Швеции (в VI–VII вв.) раньше, чем в других скандинавских странах крепкого государства свейских конунгов — Svеariki (но такого государства источники не знают, и оно есть плод «чисто-объективной интерпретации» фактов автором), которое своей объединительной политикой «вызвало стихийную эмиграцию на восток, через Аландские острова и вдоль южнофинского побережья через Неву и Ладожское озеро недовольных новым строем свейских бондов-землепашцев». В результате чего в треугольнике Белоозеро, Ладога, Изборск осело шведское племя (народ) русь: «das schvedische Ruotsi — oder Rus′-volk», которое «сначала, может быть, и признавало верховную власть князя свеев в Упсале», но такая зависимость продолжалась «сравнительно недолго».

Со временем шведский «Rus′-volk», вступив в мирный симбиоз с финскими и славянскими племенами и втянувшись в балто-волжско-каспийскую торговлю, создал, в связи с угрозой, исходившей от булгарского и хазарского каганатов (те требовали дани), и опираясь на «определенные традиции государственности», принесенные ими с родины и активированные этой угрозой, государство «Русь». Первоначально Стендер-Петерсен видел в нем Верхневолжский («русский») каганат, существовавший уже в 829 г. и образованный в районе названного треугольника и Верхнего Поволжья. Затем все основные события он перенес в Приладожье, говоря, что в первой половине IX в. «возникло вокруг Ладоги, а затем при Ильмене под руководством свеев *первое русское государство*, в создании которого приняли участие и славяне и финны», и которое взяло в свои руки балто-каспийскую торговлю. Именно этот «Ладожский каганат»/«шведско-русский каганат»/«торговый каганат» (ранее он в том же случае говорил о Верхневолжском каганате) заявил о себе в Константинополе и Ингельгейме в 839 году. Позже три брата — Рюрик, Синеус и Трувор — пришли из-за моря из Швеции, из Рослагена («kamen übers meer aus Schweden, und ganz besonders oft aus Roslagen»).

Затем русско-свейские дружины «под предводительством местных конунгов» двинулись на завоевание Днепровского пути, захватили Киев и освободили местных славян от хазарской зависимости. Тем самым завершив создание «норманно-русского государства» — Руси, в котором весь высший слой — князья, дружинники, управленческий аппарат, купцы — состоял исключительно из скандинавов (имена Рюрик, Синеус, Трувор, Аскольд, Дир, Олег, Игорь, Ольга, Асмуд, Свенельд, Рогволод, Рогнеда — «сплошь скандинавские», а Тор и Перун, представлявшие

собой, как известно, совершенно разные по социальному значению религии, абсолютно равнозначны). В короткое время скандинавы растворились в славянах, что привело к образованию национального единства и созданию в XI в. «особого смешанного варяго-русского языка», в который входили как скандинавские слова, перешедшие затем в русский язык (скот, шнека, якорь и др.), так русские слова, вошедшие впоследствии в шведский (кнут, торг и др.), а также «гибридные слова, наполовину русские, наполовину скандинавские (вроде *tapar-yx* "топор", *poluta-svarf* "полюдье", *Gull-varta* "Золотые Ворота" и т.д.»).

Однако в области Двины продолжало существовать еще одно «скандинаво-славянское» государство с центром в Полоцке, во главе которого стоял «könig Ragnvald» (Рогволод) и которое в 980 г. разгромил «скандинавский каган»-«könig» Владимир (его отец — «könig Svˋatoslav», а мать, продолжал он эксплуатировать идею М.П. Погодина, Малмфрид. Хотя в 1925 г. норманист А. Брюкнер показал беспочвенность отождествления Малуши с Малмфрид). Своими безбрежными рассуждениями скандинав-«варяг» Стендер-Петерсен буквально наводнил Русь скандинавами-варягами: к «беспрерывно» веками идущим на ее территорию земледельцам постоянно добавлялись новые массы их сородичей. Например, купцы, «наплыв» которых в IX–XI вв. в Новгород «был, по-видимому, огромный», а Владимир (Вальдемар) привел из Швеции, для борьбы с братом Ярополком, «громадное войско» (причем это предприятие, уточнял лингвист, обладавший богатой норманистской фантазией, «было делом отнюдь нелегким и непростым», т.к. для его реализации «требовалось, вероятно, разрешение конунга», а также «хорошо действующий аппарат вербовки и организации вербовки войска и… финансовая поддержка». Но Владимир, опираясь на связи торговых товариществ варягов и колбягов, «смог набрать в Швеции желаемое войско и финансировать его перевод в Новгород»). Затем «grosse könig» Ярослав Мудрый несколько раз «выписывал» норманские дружины — в 1014, 1018, 1024, 1036 и, может быть, в 1043 гг., используя их «в междоусобных и других войнах».

Сразу же безапелляционно заявляя, и все также в духе «старого, доброго» норманизма, «что считаю вопрос о происхождении термина *Русь* окончательно решенным», его решение Стендер-Петерсен видел в «особенном достижении» норманизма — теории А.А. Куника, усовершенствованной В. Томсеном и покоящейся на двух «предположениях». Во-первых, «термин *Русь* так или иначе восходит к названию шведского поморского края *Roslagen*, или, вернее, к более древней форме этого названия, а именно *Rōþer*». Во-вторых, что от последнего возникло старинное название гребцов (моряков) «с побережья указанного края, и что назывались они по-древнешведски *rōþs-karlar*, *rōþs-mæn*, *rōþs-buggiar*», что от его первой части финны образовали «краткую форму *Rōtsi* (теперешнее *Ruotsi*) как удобное название для приплывавших из-за моря и оседавших среди туземного населения Финляндии и Эстонии заморских выходцев из Швеции. Это название впоследствии перешло от финнов к русским славянам» (но оно вначале обозначало

не шведов вообще, а лишь только тех, кто осел «на земле в непосредственном соседстве со славянами»).

Однако, пояснял датчанин, в данной теории есть «один серьезный недочет», для ликвидации которого он принял «гениальную гипотезу» шведского лингвиста Р.Экблома, по которой «термины типа *rōps-buggiar* образованы от род. падежа *rōp*(*er*)*s* имени существительного, *rōper,* обозначавшего «пролив между островами, защищенное место для плавания», и что первые шведы, встретившись с финнами, «называли себя, в отличие от других свеев, жителями проливов», rōds-karl. После чего заключил, опять же не скрывая гипотетического характера своих выводов (да потому как абсолютно был уверен в том, что гипотезы норманистов есть высшие законы, в которых никто не может усомниться), что «получившееся из этих предпосылок финское **Rōtsi* приняло среди славян форму имени собирательного женского рода *Русь*» (и тут же категорично отвергая теорию о «слиянии двух однозвучных этнически-политических терминов, слияние *Руси северной* с *Русью южной*», а также сопоставление термина Русь как «с разными топонимическими и гидронимическими названиями типа *Ръсь*, *Рось*, *Русь*, *Рус*(*с*)*а*, *Рша* (т.е. *Орша*)», так и «с именем иранского народа *роксолан*»).

В 1955 г. ученый, уверяя на X Всемирном конгрессе историков в Риме о возникновении Руси в результате действия трех факторов: скандинавского (внешний импульс), византийского (культурное влияние) и славянского, сказал в духе незабвенного А.Л. Шлецера, что «внешнее влияние или импульсы того или иного рода необходимы для того, чтобы примитивный, живущий племенными порядками народ организовался в государство» (Stender-Petersen 1934: 48–49, 52–53, 56, 62; 1953: 42–76, 78–83, 89–113, 115–138, 140, 242–252, 255–257; 1954: 8–22; 1959: 43–55; 1955: 167–168, 174–188; 1960: 1, 3–4, 10–17; Стендер-Петерсен 1956: 386–395; 1960: 147–148, 151–152; Литаврин 1956; Ловмяньский 1985: 225; Похлебкин, Вилинбахов 1960: 132–134; Вилинбахов 1963: 323–336; Шаскольский 1965: 144; 182–206).

Вместе с ним так смотрела на генезис Русского государства «буржуазная» заграница, а вскоре к ней присоединилась подавляющая часть советских исследователей, постепенно охладевавших к «научному» «советскому антинорманизму» и все больше симпатизировавших, в том числе в силу, видимо, неистребимых и не всегда осознаваемых западнических настроений нашей интеллигенции, «антинаучному» норманизму (это чувство быстро перерастет в бурную и преданную любовь).

Хотя, как в один голос говорили в 1960 и 1965 гг., с одной стороны, искренние антинорманисты В.В. Похлебкин и В.Б. Вилинбахов, с другой, «советский антинорманист» И.П. Шаскольский, усиленно пытавшийся скомпрометировать в лице последнего южнобалтийскую концепцию, построения датского лингвиста не имеют «совершенно никаких данных, ни в письменных, ни в археологических источниках», основаны «лишь на общих соображениях и домыслах», в целом представляют собой «фантастическую концепцию», «еще более далекую от конкретных исторических фактов, чем обычные традиционные построения старых

норманистов типа Томсена и Куника» (Похлебкин, Вилинбахов 1960: 133; Шаскольский 1965: 144, 206).

ЛИТЕРАТУРА

Авдусин 1949 — *Авдусин Д.А.* Варяжский вопрос по археологическим данным // Краткие сообщения Института истории материальной культуры. Вып. 30. М.; Л., 1949.

Авдусин 1951 — *Авдусин Д.А.* Раскопки в Гнездове // Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры Академии наук. Вып. 38. М.; Л., 1951.

Авдусин 1967 — *Авдусин Д.А.* Археология СССР. М., 1967.

Авдусин 1972 — *Авдусин Д.А.* Гнездово и днепровский путь // Новое в археологии. М., 1972.

Авдусин 1975 — *Авдусин Д.А.* Об изучении археологических источников по варяжскому вопросу // Скандинавский сборник. Вып. XX. Таллин, 1975.

Авдусин 1984 — *Авдусин Д.А.* Рецензия на книгу: Gräslund Anne-Sofie. Birka–IV. The Burial Customs. A study of the graves on Björkö. Stockholm, 1980 // Древнейшие государства на территории СССР. Материалы и исследования. 1982. М., 1984.

Авдусин 1986 — *Авдусин Д.А.* Современный антинорманизм // X Всесоюзная конференция по изучению истории, экономики, литературы и языка скандинавских стран и Финляндии. Тезисы докладов. Ч. 1. М., 1986.

Авдусин 1987 — *Авдусин Д.А.* Рецензия на книгу: Ловмяньский Х. Русь и норманны. М.: Прогресс, 1985 // Вопросы истории. 1987. № 9.

Авдусин 1988 — *Авдусин Д.А.* Современный антинорманизм // Вопросы истории. 1988. № 7.

Акашев 2000 — *Акашев Ю.Д.* Историко-этнические корни русского народа. М., 2000.

Алпатов 1968 — *Алпатов М.А.* Как возник варяжский вопрос? // Тезисы докладов Четвертой Всесоюзной конференции по истории, экономике, языку и литературе скандинавских стран и Финляндии. Ч. I. Петрозаводск, 1968.

Алпатов 1973 — *Алпатов М.А.* Русская историческая мысль и Западная Европа. XII–XVII вв. М., 1973.

Алпатов 1982 — *Алпатов М.А.* Варяжский вопрос в русской дореволюционной историографии // Вопросы истории. 1982. № 5.

Артамонов 1990 — *Артамонов М.И.* Первые страницы русской истории в археологическом освещении // Советская археология. 1990. № 3.

Артамонов 2001 — *Артамонов М.И.* История хазар. Издание второе. СПб., 2001.

Арциховский 1966 — *Арциховский А.В.* Археологические данные по варяжскому вопросу // Культура Древней Руси. М., 1966.

Астахов 1965 — *Астахов В.И.* Курс лекций по русской историографии (до конца XIX в.). Харьков, 1965.

Бабич 2001 — *Бабич И.В.* Дмитрий Иванович Иловайский (1832–1920) // Историки России. Биографии. М., 2001.

Базилевич 1947 — *Базилевич К.В.* Из истории образования древнерусского государства // Большевик. 1947. № 5.

Бахрушин 1938 — *Бахрушин С.В.* «Держава Рюриковичей» // Вестник древней истории. 1938. № 2 (3).

Бахрушин 1943 — *Бахрушин С.В.* Рецензия на книгу: Греков Б.Д. Борьба Руси за создание своего государства. Госиздат УзССР. Ташкент, 1942 // Под знаменем марксизма. 1943. № 7–8.

Белявский 1953 — *Белявский М.Т.* Работы М.В. Ломоносова в области истории // Вестник МГУ. 1953. Серия общественных наук. Вып. 3. № 7.

Бестужев-Рюмин 1882 — Лекции по историографии профессора Бестужева-Рюмина за 1881–1882 года. СПб., 1882.

БСЭ 1938 — Большая советская энциклопедия. Издание первое. Т. 39. М., 1938.

БСЭ 1955 — Большая советская энциклопедия. Издание второе. Т. 30. М., 1955.

БСЭ 1970 — Большая советская энциклопедия. Издание третье. Т. 2. М., 1970.

БСЭ 1972 — Большая советская энциклопедия. Издание третье. Т. 10. М., 1972.

БСЭ 1974 — Большая советская энциклопедия. Издание третье. Т. 18. М., 1974.

Булкин, Дубов, Лебедев 1987 — *Булкин В.А., Дубов И.В., Лебедев Г.С.* Русь и варяги: новый этап изучения // Вестник ЛГУ. 1987. Серия 2. История, языкознание, литературоведение. Вып. 3.

Бушуев, Миронов 1991 — *Бушуев С.В., Миронов Г.Е.* История государства Российского. Историко-библиографические очерки. Кн. 1. М., 1991.

БЭ 1903 — Большая энциклопедия. Словарь общедоступных сведений по всем отраслям знания / Под ред. С.Н. Южакова, П.Н. Милюкова. Т. 4. СПб., 1903.

БЭ 1904 — Большая энциклопедия. Словарь общедоступных сведений по всем отраслям знания / Под ред. С.Н. Южакова, П.Н. Милюкова. Т. 14. СПб., 1904.

Вилинбахов 1963 — *Вилинбахов В.Б.* Несколько замечаний о теории А. Стендер-Петерсена // Скандинавский сборник. Вып. VI. Таллин, 1963.

Вилинбахов 1980 — *Вилинбахов В.Б.* Современная историография по проблеме «Балтийские славяне и Русь» // Советское славяноведение. 1980. № 1.

Всемирная история 1957 — Всемирная история. Т. III. М., 1957.

Гедеонов 2004 — *Гедеонов С.А.* Варяги и Русь. В 2–х частях / Автор предисловия, комментариев, биографического очерка В.В. Фомин. Издание второе. М., 2004.

Греков 1936 — *Греков Б.Д.* Феодальные отношения в Киевском государстве. М.; Л., 1936.

Греков 1939 — *Греков Б.Д.* Киевская Русь. М.; Л., 1939.

Греков 1945 — *Греков Б.Д.* Образование русского государства // Известия Академии наук СССР. Серия истории и философии. Т. II. № 3. М., 1945.

Греков 1953 — *Греков Б.Д.* Киевская Русь. М.; Л., 1953.

Греков 1953а — *Греков Б.Д.* Образование Древнерусского государства и происхождение термина «Русь» // Очерки истории СССР. Период феодализма. IX-XIII вв. Ч. 1. М., 1953.

Греков 1959 — *Греков Б.Д.* О роли варягов в истории Руси (по поводу статьи шведского профессора Туре Арне) // Греков Б.Д. Избранные труды. Т. II. М., 1959.

Грот 2010 — *Грот Л.П.* Утопические истоки норманизма: мифы о гипербореях и рудбекианизм // Изгнание норманнов из русской истории / Составитель и редактор В.В. Фомин. М., 2010.

Грот 2012 — *Грот Л.П.* О Рослагене на дне морском и о варягах не из Скандинавии // Слово о Ломоносове / Составитель и редактор В.В. Фомин. М., 2012.

Губарев 2015 — *Губарев О.Л.* «Неонорманизм» или «неоантинорманизм» // Stratum plus. 2015. № 5.

Гурвич 1949 — *Гурвич Д.М.* М.В. Ломоносов и русская историческая наука // Вопросы истории. 1949. № 11.

Гуревич 1966 — *Гуревич А.Я.* Походы викингов. М., 1966.

Данилевский 1998 — *Данилевский И.Н.* Древняя Русь глазами современников и потомков (IX–XII вв.). Курс лекций. М., 1998.

Дворниченко 2014 — *Дворниченко А.Ю.* Зеркала и химеры. О возникновении древнерусского государства. СПб.; М., 2014.

Державин 1945 — *Державин Н.С.* Славяне в древности. Культурно-исторический очерк. М., 1945.

Джаксон, Плимак 1988 — *Джаксон Т.Н., Плимак Е.Г.* Некоторые спорные проблемы генезиса русского феодализма (В связи с изучением и публикацией в СССР «Разоблачений дипломатической истории XVIII века» К. Маркса) // История СССР. 1988. № 6.

Дубровский 1962 — *Дубровский С.М.* Академик М.Н. Покровский и его роль в развитии советской исторической науки // Вопросы истории. 1962. № 3.

Думин, Турилов 1991 — *Думин С.В., Турилов А.А.* «Откуда есть пошла Русская земля?» // История Отечества: люди, идеи, решения. Очерки истории России IX — начала XX века. М., 1991.

Етимологічний словник 1982 — Етимологічний словник української мови. Т. I. Київ, 1982.

Иллерицкий 1957 — *Иллерицкий В.Е.* Русская историография второй половины XIX века (лекции для студентов Московского государственного историко-архивного института). М., 1957.

Иллерицкий 1960 — *Иллерицкий В.Е.* Официальное охранительное направление // Очерки истории исторической науки в СССР. Т. II. М., 1960.

Ильина 2010 — *Ильина Н.Н.* Изгнание норманнов. Очередная задача русской исторической науки // Изгнание норманнов из русской истории / Составитель и редактор В.В. Фомин. М., 2010.

Историография 1961 — Историография истории СССР. С древнейших времен до Великой Октябрьской социалистической революции / Под ред. В.Е. Иллерицкого и И.А. Кудрявцева. М., 1961.

Историография 1971 — Историография истории СССР. С древнейших времен до Великой Октябрьской социалистической революции. Издание второе, исправленное и дополненное / Под ред. В.Е. Иллерицкого и И.А. Кудрявцева. М., 1971.

История Академии наук 1958 — История Академии наук СССР. Т. I. М.; Л., 1958.

История СССР 1939 — История СССР. Т. I. С древнейших времен до конца XVIII в. / Под ред. В.И. Лебедева, Б.Д. Грекова, С.В. Бахрушина. М., 1939.

Кан 1999 — *Кан А.С.* Швеция и Россия в прошлом и настоящем. М., 1999.

Кирпичников, Дубов, Лебедев 1986 — *Кирпичников А.Н., Дубов И.В., Лебедев Г.С.* Русь и варяги (русско-скандинавские отношения домонгольского времени) // Славяне и скандинавы / Общая редакция Е.А. Мельниковой. М., 1986.

Кирпичников, Лебедев, Булкин, Дубов, Назаренко 1978 — *Кирпичников А.Н., Лебедев Г.С., Булкин В.А., Дубов И.В., Назаренко В.А.* Русско-скандинавские связи в эпоху образования Древнерусского государства (IX–XI вв.) // Scando-Slavica. Т. 24. Copenhagen, 1978.

Кирпичников, Лебедев, Булкин, Дубов, Назаренко 1980 — *Кирпичников А.Н., Лебедев Г.С., Булкин В.А., Дубов И.В., Назаренко В.А.* Русско-скандинавские связи эпохи образования Киевского государства на современном этапе археологического изучения // Краткие сообщения Института археологии АН СССР. Вып. 160. М., 1980.

Клейн 1993 — *Клейн Л.С.* Феномен советской археологии. СПб., 1993.

Клейн 1999 — *Клейн Л.С.* Норманизм — антинорманизм: конец дискуссии // Stratum plus. 1999. № 5.

Клейн 2004 — *Клейн Л.С.* Воскрешение Перуна. К реконструкции восточнославянского язычества. СПб., 2004.

Клейн 2009 — *Клейн Л.С.* Спор о варягах. История противостояния и аргументы сторон. СПб., 2009.

Клейн 2015 — *Клейн Л.С.* Ленинградский неонорманизм — в самом деле? // Stratum plus. 2015. № 5.

Клейн, Лебедев, Назаренко 1970 — *Клейн Л.С., Лебедев Г.С., Назаренко В.А.* Норманские древности Киевской Руси на современном этапе археологического изучения // Исторические связи Скандинавии и России IX–XX вв. Л., 1970.

Ключевский 1983 — *Ключевский В.О.* Наброски по «варяжскому вопросу» // Ключевский В.О. Неопубликованные произведения. М., 1983.

Ковалевский 1964 — *Ковалевский С.Д.* Еще один удар по сторонникам норманской теории // Вопросы истории. 1964. № 1.

Константин Багрянородный 1989 — *Константин Багрянородный.* Об управлении империей (Текст, перевод, комментарий) / Под редакцией Г.Г. Литаврина, А.П. Новосельцева. М., 1989.

Кузьмин 1970 — *Кузьмин А.Г.* «Варяги» и «Русь» на Балтийском море // Вопросы истории. 1970. № 10.

Кузьмин 1971 — *Кузьмин А.Г.* Болгарский ученый о советской историографии начала Руси // Вопросы истории. 1971. № 2.

Кузьмин 1974 — *Кузьмин А.Г.* Об этнической природе варягов (к постановке проблемы) // Вопросы истории. 1974. № 11.

Кузьмин 1980 — *Кузьмин А.Г.* Заметки историка об одной лингвистической монографии // Вопросы языкознания. 1980. № 4.

Кузьмин 1985 — *Кузьмин А.Г.* Об истоках древнерусского права // Советское государство и право. 1985. № 2.

Кузьмин 2003 — *Кузьмин А.Г.* История России с древнейших времен до 1618 г. Кн. 1. М., 2003.

Кузьмин 2003а — *Кузьмин А.Г.* Начало Руси. Тайны рождения русского народа. М., 2003.

Кузьмин 2003б — *Кузьмин А.Г.* Облик современного норманизма // Сборник Русского исторического общества. Т. 8 (156). Антинорманизм. М., 2003.

Куник 1875 — *Куник А.А.* Дополнения // Дорн Б. Каспий. СПб., 1875.

Куник 1878 — *Куник А.А.* Замечания А. Куника (По поводу критики г. Фортинского). СПб., 1878.

Куник 1903 — *Куник А.А.* Известия ал-Бекри и других авторов о руси и славянах. Ч. 2. СПб., 1903.

Куник 2015 — *Куник А.А.* Предисловие и замечания к «Отрывкам из исследований о варяжском вопросе» С.А. Гедеонова // Скандинавомания и ее небылицы о русской истории / Сб. статей и монографий / Составитель и редактор В.В. Фомин. М., 2015.

Лебедев 1985 — *Лебедев Г.С.* Эпоха викингов в Северной Европе. Историко-археологические очерки. Л., 1985.

Лебедев 1999 — *Лебедев Г.С.* Varangica проблемного семинара Л.С. Клейна // Stratum plus. 1999. № 5.

Ленин 1959 — *Ленин В.И.* Полное собрание сочинений. Т. 6. М., 1959.

Литаврин 1956 — *Литаврин Г.Г.* Вопросы образования Древнерусского государства // Средние века. Вып. VII. М., 1956.

Ловмяньский 1985 — *Ловмяньский Х.* Русь и норманны. М., 1985.

Ломоносов 1952 — *Ломоносов М.В.* Полное собрание сочинений. Т. 6. М.; Л., 1952.

Лысенко, Шаскольский 1960 — *Лысенко Т.И., Шаскольский И.П.* Неизданные труды С.А. Гедеонова и А.А. Куника по варяжскому вопросу // Вопросы архивоведения. 1960. № 6.

Лысцов 1983 — *Лысцов В.П.* М.В. Ломоносов в русской историографии 1750–1850-х годов. Воронеж, 1983.

Лысцов 1993 — *Лысцов В.П.* Жизнь и деятельность М.В. Ломоносова в освещении П.П. Пекарского. Воронеж, 1993.

Мавродин 1945 — *Мавродин В.В.* Образование Древнерусского государства. Л., 1945.

Мавродин 1946 — *Мавродин В.В.* Рецензия на книгу: Академик Н.С. Державин. «Славяне в древности». Культурно-исторический очерк. Академия наук Союза ССР. Научно-популярная серия // Вестник древней истории. 1946. № 4.

Мавродин 1949 — *Мавродин В.В.* Борьба с норманизмом в русской исторической науке. Стенограмма публичной лекции, прочитанной в 1949 году в Ленинграде. Л., 1949.

Мавродин 1949а — *Мавродин В.В.* Очерки по истории феодальной Руси. Л., 1949.

Мавродин 1967 — *Мавродин В.В.* Советская историография Древнерусского государства (К 50-летию изучения советскими историками Киевской Руси) // Вопросы истории. 1967. № 12.

Мавродин 1971 — *Мавродин В.В.* Образование Древнерусского государства и формирование древнерусской народности. М., 1971.

Мавродин, Мавродина, Фроянов 1970 — *Мавродин В.В., Мавродина Р.М., Фроянов И.Я.* Некоторые вопросы внешней политики и торговли Древней Руси в новейшей советской исторической литературе (1960–1969 гг.) // История СССР. 1970. № 6.

Мавродин, Фроянов 1967 — *Мавродин В.В., Фроянов И.Я.* К пятидесятилетию советской историографии Киевской Руси // Вестник ЛГУ. 1967. Серия: История. Язык. Литература. Вып. 4. № 20.

Мельникова, Петрухин 1985 — *Мельникова Е.А., Петрухин В.Я.* Послесловие // Ловмяньский Х. Русь и норманны. М., 1985.

Мошин 2010 — *Мошин В.А.* Варяго-русский вопрос // Варяго-русский вопрос в историографии / Сборник статей и монографий / Составитель и редактор В.В. Фомин. М., 2010.

Нильсен 1992 — *Нильсен Й.П.* Рюрик и его дом. Опыт идейно-историографического подхода к норманскому вопросу в русской и советской историографии. Архангельск, 1992.

Новосельцев 1991 — *Новосельцев А.П.* Образование Древнерусского государства и первый его правитель // Вопросы истории. 1991. № 2/3.

Новосельцев 1993 — *Новосельцев А.П.* «Мир истории» или миф истории? // Вопросы истории. 1993. № 1.

Новосельцев, Пашуто, Черепнин, Шушарин, Щапов 1965 — *Новосельцев А.П., Пашуто В.Т., Черепнин Л.В., Шушарин В.П., Щапов Я.Н.* Древнерусское государство и его международное значение. М., 1965.

Носов 1999 — *Носов Е.Н.* Современные археологические данные по варяжской проблеме на фоне традиций русской историографии // Раннесредневековые древности Северной Руси и ее соседей. СПб., 1999.

Носов 2009 — *Носов Е.Н.* Послесловие // Клейн Л.С. Спор о варягах. История противостояния и аргументы сторон. СПб., 2009.

Очерки истории СССР 1956 — Очерки истории СССР. Россия во второй половине XVIII в. М., 1956.

Очерки истории СССР 1958 — Очерки истории СССР. Кризис рабовладельческой системы и зарождение феодализма на территории СССР. III–IX вв. М., 1958.

Пархоменко 1938 — *Пархоменко В.А.* К вопросу о «норманском завоевании» и происхождении Руси // Историк-марксист. 1938. № 4.

Пауль 2014 — *Пауль А.* Норманизм как метод обоснования германского господства над славянами в немецкоязычной историографии первой половины XX в. // Материалы научной конференции по проблемам гуманитарных наук «Бартеневские чтения», посвященной 100-летию начала Первой мировой войны. Липецк, 10–11 октября 2014 г. Липецк, 2014.

Пауль 2015 — *Пауль А.* Норманизм на службе фашистской Германии // Варяги и Русь / Сборник статей и монографий / Составитель и редактор В.В. Фомин. М., 2015.

Пашуто 1959 — *Пашуто В.Т.* Труды польского академика Г. Ловмяньского по истории Литвы, Руси и славянства // Вопросы истории. 1959. № 10.

Пашуто 1970 — *Пашуто В.Т.* Русско-скандинавские отношения и их место в истории средневековой Европы // Скандинавский сборник. Вып. XV. Таллин, 1970.

Пашуто 1985 — *Пашуто В.Т.* Труды польского академика Х. Ловмяньского по истории народов Восточной Европы // Ловмяньский Х. Русь и норманны. М., 1985.

Пашуто, Салов 1979 — *Пашуто В.Т., Салов В.И.* Антикоммунизм в школьных учебниках ФРГ // Вопросы истории. 1979. № 12.

Первольф 1877 — *Первольф И.И.* Варяги-Русь и балтийские славяне // Журнал Министерства народного просвещения. Ч. 192. СПб., 1877.

Петрухин 1983 — *Петрухин В.Я.* Об особенностях славяно-скандинавских этнических отношений в раннефеодальный период (IX–XI вв.) // Древнейшие государства на территории СССР. 1981. М., 1983.

Пештич 1961 — *Пештич С.Л.* Русская историография о М.В. Ломоносове как историке // Вестник ЛГУ. 1961. Серия: История. Язык. Литература. Вып. 4. № 20.

Пештич 1961a — *Пештич С.Л.* Русская историография XVIII века. Ч. I. Л., 1961.

Пештич 1965 — *Пештич С.Л.* Русская историография XVIII века. Ч. II. Л., 1965.

Платонов 1997 — *Платонов С.Ф.* Лекции по русской истории. СПб., 1997.

Платонова 2017 — *Платонова Н.И.* «Неонорманизм», постмодернизм и Славяно-варяжский семинар: размышления археолога // Ex ungve leonem. Сборник к 90-летию Л.С. Клейна. СПб., 2017.

Погодин 1846 — *Погодин М.П.* Исследования, замечания и лекции о русской истории. Норманский период. Т. 3. М., 1846.

Погодин 1859 — *Погодин М.П.* Норманский период русской истории. М., 1859.

Погодин 2015 — *Погодин М.П.* Господин Гедеонов и его система о происхождении варягов и руси // Скандинавомания и ее небылицы о русской истории / Сб. статей и монографий / Составитель и редактор В.В. Фомин. М., 2015.

Покровский 1946 — *Покровский С.А.* О начале русского государства // Вестник древней истории. 1946. № 4.

Попов 1973 — *Попов А.И.* Названия народов СССР. Введение в этнонимику. М., 1973.

Похлебкин, Вилинбахов 1960 — *Похлебкин В.В., Вилинбахов В.Б.* Несколько слов по поводу гипотезы проф. А. Стендер-Петерсена // Kuml. 1960.

Преображенский 1958 — *Преображенский А.Г.* Этимологический словарь русского языка. Т. 1. М., 1958.

Против Покровского 1939 — Против исторической концепции М.Н. Покровского. Ч. 1. М.; Л., 1939.

Пушкарев 1974 — *Пушкарев Л.Н.* Академия наук и русская культура XVIII века // Вопросы истории. 1974. № 5.

Пчелов 1994 — *Пчелов Е.В.* Легендарная и начальная генеалогия Рюриковичей // Летопись Историко-родословного общества в Москве. Вып. 2 (46). М., 1994.

Пчелов 1999 — *Пчелов Е.В.* Предки Рорика Ютландского // Россия в IX–XX веках. Проблемы истории, историографии и источниковедения. М., 1999.

Пчелов 2001 — *Пчелов Е.В.* Рюриковичи: история династии. М., 2001.

Пыпин 1876 — *Пыпин А.Н.* Новые опыты построения русской истории // Вестник Европы. Т. IV. Кн. 8. 1876.

Рознер 1962 — *Рознер И.Г.* Против концепции современного норманизма // Вопросы истории. 1962. № 5.

Рубинштейн 1941 — *Рубинштейн Н.Л.* Русская историография. М., 1941.

Рубинштейн 1946 — *Рубинштейн Н.Л.* Путаная книга по истории Киевской Руси // Вопросы истории. 1946. № 8–9.

Русская земля 1986 — Откуда есть пошла Русская земля. Века VI–X / Составление, предисловие, введение к документам, комментарии А.Г. Кузьмина. Кн. 2. М., 1986.

Рыбаков 1958 — *Рыбаков Б.А.* Предпосылки образования Древнерусского государства // Очерки истории СССР. Кризис рабовладельческой системы и зарождение феодализма на территории СССР. III–IX вв. М., 1958.

Рыбаков 1960 — *Рыбаков Б.А.* Спорные вопросы образования Киевской Руси // Вопросы истории. 1960. № 10.

Рыбаков 1962 — *Рыбаков Б.А.* Обзор общих явлений русской истории IX — середины XIII века // Вопросы истории. 1962. № 4.

Рыбаков 1966 — *Рыбаков Б.А.* Киевская Русь // История СССР с древнейшего времени до Великой Октябрьской социалистической революции. Т. 1. М., 1966.

Рыбаков 1987 — *Рыбаков Б.А.* Язычество Древней Руси. М., 1987.

Рыбаков 1993 — *Рыбаков Б.А.* Киевская Русь и русские княжества XII–XIII веков. Издание второе. М., 1993.

Рыдзевская 1978 — *Рыдзевская Е.А.* Древняя Русь и Скандинавия в IX–XIV вв. // Древнейшие государства на территории СССР. 1978. М., 1978.

Сахаров 1978 — *Сахаров А.М.* Историография истории СССР. Досоветский период. М., 1978.

СИЭ 1962 — Советская историческая энциклопедия. Т. 2. М., 1962.

СИЭ 1963 — Советская историческая энциклопедия. Т. 4. М., 1963.

СИЭ 1964 — Советская историческая энциклопедия. Т. 5. М., 1964.

Славяне и Русь 1998 — Славяне и Русь: Проблемы и идеи. Концепции, рожденные трехвековой полемикой, в хрестоматийном изложении / Составитель А.Г. Кузьмин. М., 1998.

Сойер 2002 — *Сойер П.* Эпоха викингов. СПб., 2002.

Соколов 1970 — *Соколов О.Д.* М.Н. Покровский и советская историческая наука. М., 1970.

Соловьев 1993 — *Соловьев С.М.* История России с древнейших времен. Кн. 1. Т. 1–2. М., 1993.

Стендер-Петерсен 1956 — *Стендер-Петерсен А.* Проблема древнейших византийско-русско-норманских отношений // Средние века. Вып. VII. М., 1956.

Стендер-Петерсен 1960 — *Стендер-Петерсен А.* Ответ на замечания В.В. Похлебкина и В.Б. Вилинбахова // Kuml. 1960. Aarhus, 1960.

Стенограмма совещания 1944 — Стенограмма совещания по вопросам истории СССР в ЦК ВКП(б) в 1944 году // Вопросы истории. 1996. № 4.

Тивериадский 1942 — *Тивериадский Л.С.* К вопросу о происхождении Руси в связи с этногенезом славян // Исторические записки. 1942. № 13.

Тихомиров 1948 — *Тихомиров М.Н.* Откровения Чадвик о начале русской истории // Вопросы истории. 1948. № 4.

Тихомиров 1955 — *Тихомиров М.Н.* Развитие исторических знаний в России периода дворянской империи первой половины XVIII в. // Очерки истории исторической науки в СССР. Т. I. М., 1955.

Толстов 1946 — *Толстов С.П.* Древнейшая история СССР в освещении Г. Вернадского // Вопросы истории. 1946. № 4.

Толстов 2012 — *Толстов В.А.* Вожди и оппозиционеры советской эпохи об учебниках Д.И. Иловайского // Наследие Д.И. Иловайского и М.К. Любавского в русской историографии. Труды Всероссийской научной конференции «VI Историографические чтения памяти историков Д.И. Иловайского и М.К. Любавского» (к 180-летию со дня рождения Д.И. Иловайского). Рязань, 23–25 мая 2012 / Отв. ред. Л.В. Чекурин. Рязань, 2012.

Томсен 1891 — *Томсен В.* Начало Русского государства. М., 1891.

Томсинский 2014 — *Томсинский С.В.* Ленинградский неонорманизм: истоки и итоги // Stratum plus. 2014. № 5.

Томсинский 2017 — *Томсинский С.В.* Чего и следовало ожидать: снова о том же (по поводу ленинградского неонорманизма и статьи Н.И. Платоновой) // Исторический формат. 2017. № 3–4.

Третьяков 1966 — *Третьяков П.Н.* Финно-угры, балты и славяне на Днепре и Волге. М.; Л., 1966.

Фасмер 1986 — *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка. Т. I. М., 1986.

Филин 1972 — *Филин Ф.П.* Происхождение русского, украинского и белорусского языков. Историко-диалектологический очерк. Л., 1972.

Филин 1980 — *Филин Ф.П.* О происхождении праславянского языка и восточных языков // Вопросы языкознания. 1980. № 4.

Фомин 1999 — *Фомин В.В.* Русские летописи и варяжская легенда. Липецк, 1999.

Фомин 2002 — *Фомин В.В.* Скандинавомания или небылицы о шведской Руси // Сборник Русского исторического общества. Т. 5 (153). Россия и Средняя Азия. М., 2002.

Фомин 2004 — *Фомин В.В.* Жизнь С.А. Гедеонова — подвиг высокого служения Отечеству (биографический очерк) // Гедеонов С.А. Варяги и Русь. В 2–х частях / Автор предисловия, комментариев, биографического очерка В.В. Фомин. Издание второе. М., 2004.

Фомин 2004а — *Фомин В.В.* Российская историческая наука и С.А. Гедеонов // Гедеонов С.А. Варяги и Русь. В 2–х частях / Автор предисловия, комментариев, биографического очерка В.В. Фомин. Издание второе. М., 2004.

Фомин 2004б — *Фомин В.В.* Южнобалтийское происхождение варяжской руси // Вопросы истории. 2004. № 8.

Фомин 2005 — *Фомин В.В.* Варяги и варяжская русь: К итогам дискуссии по варяжскому вопросу. М., 2005.

Фомин 2006 — *Фомин В.В.* Ломоносов: Гений русской истории. М., 2006.

Фомин 2010 — *Фомин В.В.* Ломоносовофобия российских норманистов // Варяго-русский вопрос в историографии / Сбрник статей и монографий / Составитель и редактор В.В. Фомин. М., 2010.

Фомин 2014 — *Фомин В.В.* Ультранорманизм в прошлом и настоящем // Историческое образование. 2014. № 2.

Фомин 2017 — *Фомин В.В.* «Советский антинорманизм» и его норманистская сущность // Известия Воронежского государственного педагогического университета. 2017. № 4 (277).

Фомин 2017а — *Фомин В.В.* «Советский антинорманизм» на примере трудов И.П. Шаскольского // Гуманитарные исследования Центральной России. 2017. № 4 (5).

Фроянов 1991 — *Фроянов И.Я.* Исторические реалии в летописном рассказе о призвании варягов // Вопросы истории. 1991. № 6.

Фроянов 1992 — *Фроянов И.Я.* Мятежный Новгород: очерки истории государственности, социальной и политической борьбы конца IX — начала XIII столетия. СПб., 1992.

Фруменков 1970 — *Фруменков Г.Г.* М.В. Ломоносов — историк нашей Родины. Архангельск, 1970.

Фукс 1982 — *Фукс А.Н.* Школьные учебники Д.И. Иловайского и их реакционная сущность // Преподавание истории в школе. 1982. № 5.

Фукс 1982а — *Фукс А.Н.* Школьные учебники по русской истории в конце XIX — начале XX в. // Советская педагогика. 1982. № 6.

Фукс 1983 — *Фукс А.Н.* Историографическое значение учебников и учебных пособий по русской истории для средних учебных заведений (90-е гг. XIX в. — 1917 г.). Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук. М., 1983.

Фукс 1985 — *Фукс А.Н.* Идейная борьба вокруг учебников русской истории // Народное образование. 1985. № 8.

Фукс 1987 — *Фукс А.Н.* Учебник по русской истории в дореволюционной России // Советская педагогика. 1987. № 3.

Хабургаев 1979 — *Хабургаев Г.А.* Этнонимия «Повести временных лет» в связи с задачами реконструкции глоттогенеза. М., 1979.

Хлевов 1997 — *Хлевов А.А.* Норманская проблема в отечественной исторической науке. СПб., 1997.

Цамутали 1986 — *Цамутали А.Н.* Борьба направлений в русской историографии в период империализма. Историографические очерки. Л., 1986.

Черепнин 1948 — *Черепнин Л.В.* Русские феодальные архивы XIV–XV веков. Ч. I. М.; Л., 1948.

Черепнин 1953 — *Черепнин Л.В.* Историография // Очерки истории СССР. Период феодализма. IX–XIII вв. Ч. 1. М., 1953.

Черепнин 1985 — *Черепнин Л.В.* Основные этапы развития советской исторической науки // Очерки истории исторической науки в СССР. Т. V. М., 1985.

Шапиро 1962 — *Шапиро А.Л.* Русская историография в период империализма. Л., 1962.

Шаскольский 1960 — *Шаскольский И.П.* Норманская теория в современной буржуазной историографии // История СССР. 1960. № 1.

Шаскольский 1961 — *Шаскольский И.П.* Современные норманисты о русской летописи // Критика новейшей буржуазной историографии. Вып. 3. М.; Л., 1961.

Шаскольский 1964 — *Шаскольский И.П.* Рецензия на: Скандинавский сборник. Т. V, VI, VII // Вопросы истории. 1964. № 11.

Шаскольский 1965 — *Шаскольский И.П.* Норманская теория в современной буржуазной науке. М.; Л., 1965.

Шаскольский 1967 — *Шаскольский И.П.* Вопрос о происхождении имени *Русь* в современной буржуазной науке // Критика новейшей буржуазной историографии. Вып. 10. Л., 1967.

Шаскольский 1971 — *Шаскольский И.П.* Норманская проблема на современном этапе // Тезисы докладов Пятой Всесоюзной конференции по изучению истории скандинавских стран и Финляндии. Ч. I. М., 1971.

Шаскольский 1978 — *Шаскольский И.П.* Норманская проблема в советской историографии // Советская историография Киевской Руси. Л., 1978.

Шаскольский 1981 — *Шаскольский И.П.* О роли норманнов в Древней Руси в IX–X вв. // Les paus du Nord et Buzance (Skandinavie et Buzance). Actes du colloque nordique et international de buzantinologie temi à Upsal 20–22 avril 1979. Uppsala, 1981.

Шаскольский 1983 — *Шаскольский И.П.* Антинорманизм и его судьбы // Проблемы отечественной и всеобщей истории. Генезис и развитие феодализма в России. Вып. 7. Л., 1983.

Шаскольский 1986 — *Шаскольский И.П.* Возникновение государства на Руси и в Скандинавии (черты сходства) // Древнейшие государства на территории СССР. 1985. М., 1986.

Шаскольский 1986а — *Шаскольский И.П.* Норманская проблема в исторической науке 1970–1980-х гг. // X Всесоюзная конференция по изучению истории, экономики, литературы и языка скандинавских стран и Финляндии. Тезисы докладов. Ч. 1. М., 1986.

Шаскольский 1993 — *Шаскольский И.П.* Славяне и норманны на древнерусской равнине и на берегах юго-восточной Прибалтики // XII Конференция по изучению истории, экономики, литературы и языка скандинавских стран и Финляндии. Ч. 1. М., 1993.

Шушарин 1964 — *Шушарин В.П.* Современная буржуазная историография Древней Руси. М., 1964.

Щавелев 2012 — *Щавелев С.П.* 1150: юбилей российской государственности. От «призвания варягов» (862) до основания житийно-летописного города Курска. Курск, 2012.

Юшков 1940 — *Юшков С.В.* К вопросу о происхождении русского государства // Ученые записки Московского юридического института НКЮ СССР. Вып. 2. М., 1940.

Юшков 1949 — *Юшков С.В.* Общественно-политический строй и право Киевского государства. М., 1949.

Яковлев 1947 — *Яковлев Н.* О преподавании отечественной истории // Большевик. 1947. № 22.

Яцунский 1955 — *Яцунский В.К.* Историческая география. История ее возникновения и развития в XVI–XVIII веках. М., 1955.

Stender-Petersen 1934 — *Stender-Petersen A.* Die Varägersage als Quelle der altrussischen Chronik. Aarhus, 1934.

Stender-Petersen 1953 — *Stender-Retersen A.* Varangica. Aarhus, 1953.

Stender-Petersen 1954 — *Stender-Petersen A.* Anthology of Old Russian Literature. New York, 1954.

Stender-Petersen 1955 — *Stender-Petersen A.* Das Problem der ältesten byzantinisch-russisch-nordischen Beziehungen // X Congresso Internazionale di Scienze Storiche. Roma 4–11 Settembre 1955. Relazioni. Vol. III. Roma, 1955.

Stender-Petersen 1959 — *Stender-Petersen A.* Varægerspørgsmålet // Viking. Bd. XXIII. Oslo, 1959.

Stender-Petersen 1960 — *Stender-Petersen A.* Der älteste russische Staat // Historische Zeitschrift. Bd. 191. H. 1. München, 1960.

REFERENCES

Akashev 2000 — *Akashev YU.D.* Istoriko-ehtnicheskie korni russkogo naroda [Historical and ethnic roots of the Russian people], Moscow, 2000 [in Russian].

Alpatov 1968 — *Alpatov M.A.* Kak voznik varyazhskij vopros? [How there was a Varangian question?], in: Tezisy dokladov CHetvertoj Vsesoyuznoj konferencii po istorii, ehkonomike, yazyku i literature skandinavskih stran i Finlyandii. CH. I [Theses of reports of the Fourth All-Union conference on history, economy, language and literature of the Scandinavian countries and Finland. Part I], Petrozavodsk, 1968 [in Russian].

Alpatov 1973 — *Alpatov M.A.* Russkaya istoricheskaya mysl' i Zapadnaya Evropa. XII–XVII vv. [Russian historical thought and Western Europe. 12–17th centuries], Moscow, 1973 [in Russian].

Alpatov 1982 — *Alpatov M.A.* Varyazhskij vopros v russkoj dorevolyucionnoj istoriografii [Varangian question in the Russian pre-revolutionary historiography], in: Voprosy istorii [History questions], 1982, № 5 [in Russian].

Arcihovskij 1966 — *Arcihovskij A.V.* Arheologicheskie dannye po va-ryazhskomu voprosu [Archaeological data on a Varangian question], in: Kul'tura Drevnej Rusi [Culture of Ancient Russia], Moscow, 1966 [in Russian].

Artamonov 1990 — *Artamonov M.I.* Pervye stranicy russkoj istorii v arheologicheskom osveshchenii [The first pages of the Russian history in archaeological lighting], in: Sovetskaya arheologiya [Soviet archeology], 1990, № 3 [in Russian].

Artamonov 2001 — *Artamonov M.I.* Istoriya hazar. Izdanie vtoroe [History Khazar. Edition second], St. Petersburg, 2001 [in Russian].

Astahov 1965 — *Astahov V.I.* Kurs lekcij po russkoj istoriografii (do konca XIX v.) [Course of lectures on the Russian historiography (until the end of the 19th century)], Kharkiv, 1965 [in Russian].

Avdusin 1949 — *Avdusin D.A.* Varyazhskij vopros po arheologicheskim dannym [Varangian question according to archaeological data], in: Kratkie soobshcheniya Instituta istorii material'noj kul'tury. Vyp. 30 [Short messages of Institute of history of material culture. Release 30], Moscow; Leningrad, 1949 [in Russian].

Avdusin 1951 — *Avdusin D.A.* Raskopki v Gnezdove [Excavation in Gnyozdovo], in: Kratkie soobshcheniya o dokladah i polevyh issledovaniyah Instituta istorii material'noj kul'tury Akademii nauk. Vyp. 38 [Short messages on reports and field researches of Institute of history of material culture of Academy of Sciences. Release 38], Moscow; Leningrad, 1951 [in Russian].

Avdusin 1967 — *Avdusin D.A.* Arheologiya SSSR [Archeology of the USSR], Moscow, 1967 [in Russian].

Avdusin 1972 — *Avdusin D.A.* Gnezdovo i dneprovskij put' [Gnyozdovo and Dnieper way], in: Novoe v arheologii [New in archeology], Moscow, 1972 [in Russian].

Avdusin 1975 — *Avdusin D.A.* Ob izuchenii arheologicheskih istochnikov po varyazhskomu voprosu [About studying of archaeological sources on a Varangian question], in: Skandinavskij sbornik. Vyp. XX [Scandinavian collection. Release XX], Tallin, 1975 [in Russian].

Avdusin 1984 — *Avdusin D.A.* Recenziya na knigu: Gräslund Anne-Sofie. Birka–IV. The Burial Customs. A study of the graves on Björkö. Stockholm, 1980 [Review of the book: Gräslund Anne-Sofie. Birka–IV. The Burial Customs. A study of the graves on Björkö. Stockholm, 1980], in: Drevnejshie gosudarstva na territorii SSSR. Materialy i issledovaniya. 1982 [The most ancient states in the territory of the USSR. Materials and researches. 1982], Moscow, 1984 [in Russian].

Avdusin 1986 — *Avdusin D.A.* Sovremennyj antinormanizm [Modern antinormanizm], in: X Vsesoyuznaya konferenciya po izucheniyu istorii, ehkonomiki, literatury i yazyka skandinavskih stran i Finlyandii. Tezisy dokladov. CH. 1 [X All-Union conference on studying of history, economy, literature and language of the Scandinavian countries and Finland. Theses of reports. Part 1], Moscow, 1986 [in Russian].

Avdusin 1987 — *Avdusin D.A.* Recenziya na knigu: Lovmyan'skij H. Rus' i normanny. Moscow: Progress, 1985 [Review of the book: Lovmyansky X. Russia and Normans. M.: Progress Publ., 1985], in: Voprosy istorii [History questions], 1987, № 9 [in Russian].

Avdusin 1988 — *Avdusin D.A.* Sovremennyj antinormanizm [Modern antinormanizm], in: Voprosy istorii [History questions], 1988, № 7 [in Russian].

Babich 2001 — *Babich I.V.* Dmitrij Ivanovich Ilovajskij (1832–1920) [Dmitry Ivanovich Ilovaysky (1832–1920)], in: Istoriki Rossii. Biografii [Historians of Russia. Biographies], Moscow, 2001 [in Russian].

Bahrushin 1938 — *Bahrushin S.V.* «Derzhava Ryurikovichej» [«Power of Ryurik dynasty»], in: Vestnik drevnej istorii [Messenger of ancient history], 1938, № 2 (3) [in Russian].

Bahrushin 1943 — *Bahrushin S.V.* Recenziya na knigu: Grekov B.D. Bor'ba Rusi za sozdanie svoego gosudarstva. Gosizdat UzSSR. Tashkent, 1942 [Review of the book: Greeks B.D. Fight of Russia for creation of the state. State publishing house of UZSSR. Tashkent, 1942], in: Pod znamenem marksizma [Under a Marxism banner], 1943, № 7–8 [in Russian].

Bazilevich 1947 — *Bazilevich K.V.* Iz istorii obrazovaniya drevnerusskogo gosudarstva [From history of formation of the Old Russian state], in: Bol'shevik [Bolshevik], 1947, № 5 [in Russian].

BEH 1903 — Bol'shaya ehnciklopediya. Slovar' obshchedostupnyh svedenij po vsem otraslyam znaniya / Pod red. S.N. YUzhakova, P.N. Milyukova. T. 4 [Big encyclopedia. The dictionary of public data on all branches of knowledge / Under S.N. Yuzhakov, P.N. Milyukov's edition. Volume 4], St. Petersburg, 1903 [in Russian].

BEH 1904 — Bol'shaya ehnciklopediya. Slovar' obshchedostupnyh svedenij po vsem otraslyam znaniya / Pod red. S.N. YUzhakova, P.N. Milyukova. T. 14 [Big encyclopedia. The dictionary of public data on all branches of knowledge / Under S.N. Yuzhakov, P.N. Milyukov's edition. Volume 14], St. Petersburg, 1904 [in Russian].

Belyavskij 1953 — *Belyavskij M.T.* Raboty M.V. Lomonosova v oblasti istorii [M.V. Lomonosov's works in the field of history], in: Vestnik MGU. 1953. Seriya obshchestvennyh nauk. Vyp. 3. № 7 [Bulletin of MSU. 1953. Series of social sciences. Release 3. No. 7] [in Russian].

Bestuzhev-Ryumin 1882 — Lekcii po istoriografii professora Bestuzheva-Ryumina za 1881–1882 goda [Lectures on a historiography of professor Bestuzhev-Ryumin for 1881–1882], St. Petersburg, 1882 [in Russian].

BSEH 1938 — Bol'shaya sovetskaya ehnciklopediya. Izdanie pervoe. T. 39 [Big Soviet encyclopedia. Edition first. Volume 39], Moscow, 1938 [in Russian].

BSEH 1955 — Bol'shaya sovetskaya ehnciklopediya. Izdanie vtoroe. T. 30 [Big Soviet encyclopedia. Edition second. Volume 30], Moscow, 1955 [in Russian].

BSEH 1970 — Bol'shaya sovetskaya ehnciklopediya. Izdanie tret'e. T. 2 [Big Soviet encyclopedia. Edition third. Volume 2], Moscow, 1970 [in Russian].

BSEH 1972 — Bol'shaya sovetskaya ehnciklopediya. Izdanie tret'e. T. 10 [Big Soviet encyclopedia. Edition third. Volume 10], Moscow, 1972 [in Russian].

BSEH 1974 — Bol'shaya sovetskaya ehnciklopediya. Izdanie tret'e. T. 18 [Big Soviet encyclopedia. Edition third. Volume 18], Moscow, 1974 [in Russian].

Bulkin, Dubov, Lebedev 1987 — *Bulkin V.A., Dubov I.V., Lebedev G.S.* Rus' i varyagi: novyj ehtap izucheniya [Russia and Varangians: new stage of studying], in: Vestnik LGU. 1987. Seriya 2. Istoriya, yazyko-znanie, literaturovedenie. Vyp. 3 [Bulletin of the LSU. 1987. Series 2. History, linguistics, literary criticism. Release 3] [in Russian].

Bushuev, Mironov 1991 — *Bushuev S.V., Mironov G.E.* Istoriya gosudarstva Rossijskogo. Istoriko-bibliograficheskie ocherki. Kn. 1 [History of the state Russian. Historical and bibliographic sketches. Book 1], Moscow, 1991 [in Russian].

Camutali 1986 — *Camutali A.N.* Bor'ba napravlenij v russkoj istoriografii v period imperializma. Istoriograficheskie ocherki [Fight of the directions in the Russian historiography in the period of an imperialism. Historiographic sketches], Leningrad, 1986 [in Russian].

CHerepnin 1948 — *CHerepnin L.V.* Russkie feodal'nye arhivy XIV–XV vekov. CH. I [Russian feudal archives of the 14–15th centuries. Part I], Moscow; Leningrad, 1948 [in Russian].

CHerepnin 1953 — *CHerepnin L.V.* Istoriografiya [Historiography], in: Ocherki istorii SSSR. Period feodalizma. IX–XIII vv. CH. 1 [History USSR sketches. Feudalism period. 9–13th centuries. Part 1], Moscow, 1953 [in Russian].

CHerepnin 1985 — *CHerepnin L.V.* Osnovnye ehtapy razvitiya sovetskoj is-toricheskoj nauki [Main stages of development of the Soviet historical science], in: Ocherki istorii istoricheskoj nauki v SSSR. T. V [Sketches of history of historical science in the USSR. Volume V], Moscow, 1985 [in Russian].

Danilevskij 1998 — *Danilevskij I.N.* Drevnyaya Rus' glazami sovremennikov i potomkov (IX–XII vv.). Kurs lekcij [Ancient Russia eyes of contemporaries and descendants (9–12th centuries). Course of lectures], Moscow, 1998 [in Russian].

Derzhavin 1945 — *Derzhavin N.S.* Slavyane v drevnosti. Kul'turno-istoricheskij ocherk [Slavs in the ancient time. Cultural and historical sketch], Moscow, 1945 [in Russian].

Dubrovskij 1962 — *Dubrovskij S.M.* Akademik M.N. Pokrovskij i ego rol' v razvitii sovetskoj istoricheskoj nauki [The academician M. N. Pokrovsky and his role in development of the Soviet historical science], in: Voprosy istorii [History questions], 1962, № 3 [in Russian].

Dumin, Turilov 1991 — *Dumin S.V., Turilov A.A.* “Otkuda est' poshla Russkaya zemlya?” [“From where is the Russian land went”in: Istoriya Otechestva: lyudi, idei, resheniya. Ocherki istorii Rossii IX — nachala XX veka [Fatherland history: people, ideas, decisions. Sketches of history IX of Russia — the beginning of the XX century], Moscow, 1991 [in Russian].

Dvornichenko 2014 — *Dvornichenko A.YU.* Zerkala i himery. O vozniknovenii drevnerusskogo gosudarstva [Mirrors and chimeras. About emergence of the Old Russian state], St. Petersburg; Moscow, 2014 [in Russian].

Dzhakson, Plimak 1988 — *Dzhakson T.N., Plimak E.G.* Nekotorye spornye problemy genezisa russkogo feodalizma (V svyazi s izucheniem i publikaciej v SSSR “Razoblachenij diplomaticheskoj istorii XVIII veka” K. Marksa) [Some controversial problems of genesis of the Russian feudalism (Due to the studying and the publication in the USSR of “Revelations of diplomatic history of the 18th century” of K. Marx)], in: Istoriya SSSR [History USSR], 1988, № 6 [in Russian].

Etimologichnij slovnik 1982 — Etimologichnij slovnik ukraïns'koï movi. T. I [Etymological dictionary of Ukrainian. Volume I], Kiev, 1982 [in Ukrainian].

Fasmer 1986 — *Fasmer M.* EHtimologicheskij slovar' russkogo yazyka. T. I [Etymological dictionary of Russian. Volume I], Moscow, 1986 [in Russian].

Filin 1972 — *Filin F.P.* Proiskhozhdenie russkogo, ukrainskogo i belorusskogo yazykov. Istoriko-dialektologicheskij ocherk [Origin of the Russian, Ukrainian and Belarusian languages. Historical and dialectological sketch], Leningrad, 1972 [in Russian].

Filin 1980 — *Filin F.P.* O proiskhozhdenii praslavyanskogo yazyka i vo-stochnyh yazykov [About an origin of praslavyansky language and east languages], in: Voprosy yazykoznaniya [Linguistics questions], 1980, № 4 [in Russian].

Fomin 1999 — *Fomin V.V.* Russkie letopisi i varyazhskaya legenda [Russian chronicles and Varangian legend], Lipetsk, 1999 [in Russian].

Fomin 2002 — *Fomin V.V.* Skandinavomaniya ili nebylicy o shvedskoj Rusi [Skandinavomaniya or tales about the Swedish Russia], in: Sbornik Russkogo istoricheskogo obshchestva. T. 5 (153). Rossiya i Srednyaya Aziya [Collection of the Russian historical society. Volume 5 (153). Russia and Central Asia], Moscow, 2002 [in Russian].

Fomin 2004 — *Fomin V.V.* ZHizn' S.A. Gedeonova — podvig vysokogo slu-zheniya Otechestvu (biograficheskij ocherk) [S.A. Gedeonov's life — a feat of high service to the Fatherland (a biographic sketch)], in: Gedeonov S.A. Varyagi i Rus'. V 2–h chastyah / Avtor predisloviya, kommentariev, biograficheskogo ocherka V.V. Fo-min. Izdanie vtoroe [Gedeonov S.A. Varangians and Russia. In 2 parts / the Author of the preface, comments, a biographic sketch V.V. Fomin. Edition second], Moscow, 2004 [in Russian].

Fomin 2004a — *Fomin V.V.* Rossijskaya istoricheskaya nauka i S.A. Gedeonov [Russian historical science and S.A. Gedeonov], in: Gedeonov S.A. Varyagi i Rus'. V 2–h chastyah / Avtor predisloviya, kommen-tariev, biograficheskogo ocherka V.V. Fomin. Izdanie vtoroe [Gedeonov S.A. Varangians and Russia. In 2 parts / the Author of the preface, comments, a biographic sketch V.V. Fomin. Edition second], Moscow, 2004 [in Russian].

Fomin 2004b — *Fomin V.V.* YUzhnobaltijskoe proiskhozhdenie varyazhskoj rusi [South Baltic origin of Varangian Russia], in: Voprosy istorii [History questions], 2004, № 8 [in Russian].

Fomin 2005 — *Fomin V.V.* Varyagi i varyazhskaya rus': K itogam diskussii po varyazhskomu voprosu [Varangians and Varangian Russia: To discussion results on a Varangian question], Moscow, 2005 [in Russian].

Fomin 2006 — *Fomin V.V.* Lomonosov: Genij russkoj istorii [Lomonosov: Genius of the Russian history], Moscow, 2006 [in Russian].

Fomin 2010 — *Fomin V.V.* Lomonosovofobiya rossijskih normanistov [Lomonosovofobiya of the Russian normanist], in: Varyago-russkij vopros v istoriografii / Sbornik statej i monografij / Sostavitel' i redaktor V.V. Fomin [Lomonosovofobiya of the Russian normanist], Moscow, 2010 [in Russian].

Fomin 2014 — *Fomin V.V.* Ul'tranormanizm v proshlom i nastoyashchem [Ultranormanizm in the past and the present], in: Istoricheskoe obrazovanie [Historical education], 2014, № 2 [in Russian].

Fomin 2017 — *Fomin V.V.* "Sovetskij antinormanizm" i ego normanistskaya sushchnost' ["The Soviet antinormanizm" and its normanistsky essence], in: Izvestiya Voronezhskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta [News of the Voronezh state pedagogical university], 2017, № 4 (277) [in Russian].

Fomin 2017a — *Fomin V.V.* "Sovetskij antinormanizm" na primere trudov I.P. SHaskol'skogo ["The Soviet antinormanizm" on the example of I.P. Shaskolsky's works], in: Gumanitarnye issledovaniya Central'noj Rossii [Humanitarian researches of the Central Russia], 2017, № 4 (5) [in Russian].

Froyanov 1991 — *Froyanov I.YA.* Istoricheskie realii v letopisnom rasskaze o prizvanii varyagov [Historical realities in the annalistic story about calling of Varangians], in: Voprosy istorii [History questions], 1991, № 6 [in Russian].

Froyanov 1992 — *Froyanov I.YA.* Myatezhnyj Novgorod: ocherki istorii gos-udarstvennosti, social'noj i politicheskoj bor'by konca IX — nachala XIII stoletiya [Rebellious Novgorod: sketches of history of statehood, social and political struggle of the end of IX — the beginning of the XIII century], St. Petersburg, 1992 [in Russian].

Frumenkov 1970 — *Frumenkov G.G.* M.V. Lomonosov — istorik nashej Rodiny [M.V. Lomonosov is a historian of our Homeland], Arkhangelsk, 1970 [in Russian].

Fuks 1982 — *Fuks A.N.* SHkol'nye uchebniki D.I. Ilovajskogo i ih reakcionnaya sushchnost' [School textbooks of D.I. Ilovaysky and their reactionary essence], in: Prepodavanie istorii v shkole [Teaching history at school], 1982, № 5 [in Russian].

Fuks 1982a — *Fuks A.N.* SHkol'nye uchebniki po russkoj istorii v konce XIX — nachale XX v. [School textbooks on the Russian history at the end of XIX — the beginning of the 20th century], in: Sovetskaya pedagogika [Soviet pedagogics], 1982, № 6 [in Russian].

Fuks 1983 — *Fuks A.N.* Istoriograficheskoe znachenie uchebnikov i uchebnyh posobij po russkoj istorii dlya srednih uchebnyh zavedenij (90-e gg. XIX v. — 1917 g.). Avtoreferat dissertacii na soiskanie uchyonoj stepeni kandidata istoricheskih nauk [Historiographic value of textbooks and manuals on the Russian history for average educational institutions (the 90th of the 19th century — 1917). The abstract of the thesis for a degree of the candidate of historical sciences], Moscow, 1983 [in Russian].

Fuks 1985 — *Fuks A.N.* Idejnaya bor'ba vokrug uchebnikov russkoj istorii [Ideological fight around textbooks of the Russian history], in: Narodnoe obrazovanie [National education], 1985, № 8 [in Russian].

Fuks 1987 — *Fuks A.N.* Uchebnik po russkoj istorii v dorevolyucionnoj Rossii [The textbook on the Russian history in pre-revolutionary Russia], in: Sovetskaya pedagogika [Soviet pedagogics], 1987, № 3 [in Russian].

Gedeonov 2004 — *Gedeonov S.A.* Varyagi i Rus'. V 2–h chastyah / Avtor pre-disloviya, kommentariev, biograficheskogo ocherka V.V. Fomin. Izdanie vtoroe [Varangians and Russia. In 2 parts / the Author of the preface, comments, a biographic sketch V.V. Fomin. Edition second], Moscow, 2004 [in Russian].

Grekov 1936 — *Grekov B.D.* Feodal'nye otnosheniya v Kievskom gosudarstve [The feudal relations in the Kiev state], Moscow; Leningrad, 1936 [in Russian].

Grekov 1939 — *Grekov B.D.* Kievskaya Rus' [Kievan Rus'], Moscow; Leningrad, 1939 [in Russian].

Grekov 1945 — *Grekov B.D.* Obrazovanie russkogo gosudarstva [Formation of the Russian state], in: Izvestiya Akademii nauk SSSR. Seriya istorii i filosofii. T. II. № 3 [News of Academy of Sciences of the USSR. Series of history and philosophy. Volume II. No. 3], Moscow, 1945 [in Russian].

Grekov 1953 — *Grekov B.D.* Kievskaya Rus' [Kievan Rus'], Moscow; Leningrad, 1953 [in Russian].

Grekov 1953a — *Grekov B.D.* Obrazovanie Drevnerusskogo gosudarstva i proiskhozhdenie termina "Rus'" [Formation of the Old Russian state and origin of the term «Russia»], in: Ocherki istorii SSSR. Period feodalizma. IX–XIII vv. CH. 1 [History USSR sketches. Feudalism period. 9–13th centuries. Part 1], Moscow, 1953 [in Russian].

Grekov 1959 — *Grekov B.D.* O roli varyagov v istorii Rusi (po povodu stat'i shvedskogo professora Ture Arne) [About a role of Varangians in the history of Russia (concerning article of the Swedish professor Toure Arne)], in: Grekov B.D. Izbrannye trudy. T. II [Grekov B.D. Chosen works. Volume II], Moscow, 1959 [in Russian].

Grot 2010 — *Grot L.P.* Utopicheskie istoki normanizma: mify o giperboreyah i rudbekianizm [Utopian sources of a normanizm: myths about Hyperboreas and a rudbekianizm], in: Izgnanie normannov iz russkoj istorii / Sostavitel' i redaktor V.V. Fomin [Exile of Normans from the Russian history / the Originator and editor V.V. Fomin], Moscow, 2010 [in Russian].

Grot 2012 — *Grot L.P.* O Roslagene na dne morskom i o varyagah ne iz Skandinavii [About Roslagen at the bottom sea and about Varangians not from Scandinavia], in: Slovo o Lomonosove / Sostavitel' i redaktor V.V. Fomin [The word about the Lomonosov / Originator and editor V.V. Fomin], Moscow, 2012 [in Russian].

Gubarev 2015 — *Gubarev O.L.* "Neonormanizm" ili "neoantinormanizm" [Neonormanizm or "neoantinormanizm"], in: Stratum plus, 2015, № 5 [in Russian].

Gurevich 1966 — *Gurevich A.YA.* Pohody vikingov [Campaigns of Vikings], Moscow, 1966 [in Russian].

Gurvich 1949 — *Gurvich D.M.* M.V. Lomonosov i russkaya istoricheskaya nauka [M.V. Lomonosov and Russian historical science], in: Voprosy istorii [History questions], 1949, № 11 [in Russian].

Haburgaev 1979 — *Haburgaev G.A.* EHtnonimiya "Povesti vremennyh let" v svyazi s zadachami rekonstrukcii glottogeneza [Etnonimiya of "The story of temporary years" in connection with problems of reconstruction of a glottogenez], Moscow, 1979 [in Russian].

Hlevov 1997 — *Hlevov A.A.* Normanskaya problema v otechestvennoj isto-richeskoj nauke [Norman problem in domestic historical science], St. Petersburg, 1997 [in Russian].

Il'ina 2010 — *Il'ina N.N.* Izgnanie normannov. Ocherednaya zadacha russkoj istoricheskoj nauki [Exile of Normans. An immediate task of the Russian historical science], in: Izgnanie normannov iz russkoj istorii / Sostavitel' i redaktor V.V. Fomin [Exile of Normans from the Russian history / the Originator and editor V.V. Fomin], Moscow, 2010 [in Russian].

Illerickij 1957 — *Illerickij V.E.* Russkaya istoriografiya vtoroj poloviny XIX veka (lekcii dlya studentov Moskovskogo gosudarstvennogo istoriko-arhivnogo instituta) [The Russian historiography of the second half of the 19th century (a lecture for students of the Moscow state historical and archival institute)], Moscow, 1957 [in Russian].

Illerickij 1960 — *Illerickij V.E.* Oficial'noe ohranitel'noe napravlenie [Official guarding direction], in: Ocherki istorii istoricheskoj nauki v SSSR. T. II [Sketches of history of historical science in the USSR. Volume II], Moscow, 1960 [in Russian].

Istoriografiya 1961 — Istoriografiya istorii SSSR. S drevnejshih vremen do Velikoj Oktyabr'skoj socialisticheskoj revolyucii / Pod red. V.E. Illerickogo i I.A. Kudryavceva [History USSR historiography. Since the most ancient times before Great October socialist revolution / Under V.E. Illeritsky and I.A. Kudryavtsev's edition], Moscow, 1961 [in Russian].

Istoriografiya 1971 — Istoriografiya istorii SSSR. S drevnejshih vremen do Velikoj Oktyabr'skoj socialisticheskoj revolyucii. Izdanie vtoroe, ispravlennoe i dopolnennoe / Pod red. V.E. Illerickogo i I.A. Kudryavceva [History USSR historiography. Since the most ancient times before Great October socialist revolution. The edition second corrected and added / Under V.E. Illeritsky and I.A. Kudryavtsev's edition], Moscow, 1971 [in Russian].

Istoriya Akademii nauk 1958 — Istoriya Akademii nauk SSSR. T. I [History of Academy of Sciences of the USSR. Volume I], Moscow; Leningrad, 1958 [in Russian].

Istoriya SSSR 1939 — Istoriya SSSR. T. I. S drevnejshih vremen do konca XVIII v. / Pod red. V.I. Lebedeva, B.D. Grekova, S.V. Bahrushina [History USSR. T. I. Since the most ancient times until the end of the 18th century / Under V.I. Lebedev, B.D. Grekov, S.V. Bakhrushin's edition], Moscow, 1939 [in Russian].

Kan 1999 — *Kan A.S.* SHveciya i Rossiya v proshlom i nastoyashchem [Sweden and Russia in the past and the present], Moscow, 1999 [in Russian].

Kirpichnikov, Dubov, Lebedev 1986 — *Kirpichnikov A.N., Dubov I.V., Lebedev G.S.* Rus' i varyagi (russko-skandinavskie otnosheniya domongol'skogo vremeni) [Russia and Varangians (Russian-Scandinavian relations of domongolsky time)], in: Slavyane i skandinavy / Obshchaya redakciya E.A. Mel'nikovoj [Slavs and Scandinavians / General editorial office E.A. Melnikova], Moscow, 1986 [in Russian].

Kirpichnikov, Lebedev, Bulkin, Dubov, Nazarenko 1978 — *Kirpichnikov A.N., Lebedev G.S., Bulkin V.A., Dubov I.V., Nazarenko V.A.* Russko-skandinavskie svyazi v ehpohu obrazovaniya Drevnerusskogo gosudarstva (IX–XI vv.) [The Russian-Scandinavian communications during an era of formation of the Old Russian state (the 9–11th centuries)], in: Scando-Slavica, Volume 24, Copenhagen, 1978 [in Russian].

Kirpichnikov, Lebedev, Bulkin, Dubov, Nazarenko 1980 — *Kirpichnikov A.N., Lebedev G.S., Bulkin V.A., Dubov I.V., Nazarenko V.A.* Russko-skandinavskie svyazi ehpohi obrazovaniya Kievskogo gosudarstva na sovremen-nom ehtape arheologicheskogo izucheniya [The Russian-Scandinavian communications of an era of formation of the Kiev state at the present stage of archaeological studying], in: Kratkie soobshcheniya Instituta arheologii AN SSSR. Vyp. 160 [Short messages of Institute of archeology of Academy of Sciences of the USSR. Release 160], Moscow, 1980 [in Russian].

Klejn 1993 — *Klejn L.S.* Fenomen sovetskoj arheologii [Phenomenon of the Soviet archeology], St. Petersburg, 1993 [in Russian].

Klejn 1999 — *Klejn L.S.* Normanizm — antinormanizm: konec diskussii [Normanizm — an antinormanizm: end of a discussion], in: Stratum plus, 1999, № 5 [in Russian].

Klejn 2004 — *Klejn L.S.* Voskreshenie Peruna. K rekonstrukcii vostoch-noslavyanskogo yazychestva [Perun's revival. To reconstruction of East Slavic paganism], St. Petersburg, 2004 [in Russian].

Klejn 2009 — *Klejn L.S.* Spor o varyagah. Istoriya protivostoyaniya i ar-gumenty storon [Dispute on Varangians. History of opposition and arguments of the parties], St. Petersburg, 2009 [in Russian].

Klejn 2015 — *Klejn L.S.* Leningradskij neonormanizm — v samom dele? [The Leningrad neonormanizm — really?], in: Stratum plus, 2015, № 5 [in Russian].

Klejn, Lebedev, Nazarenko 1970 — *Klejn L.S., Lebedev G.S., Nazarenko V.A.* Normanskie drevnosti Kievskoj Rusi na sovremennom ehtape arheologicheskogo izucheniya [Norman antiquities of Kievan Rus' at the present stage of archaeological studying], in: Istoricheskie svyazi Skandinavii i Rossii IX–XX vv. [Historical links of Scandinavia and Russia of the 9–20th centuries], Leningrad, 1970 [in Russian].

Klyuchevskij 1983 — *Klyuchevskij V.O.* Nabroski po "varyazhskomu voprosu" [Sketches on "a Varangian question"], in: Klyuchevskij V.O. Neopublikovannye proizvedeniya [Klyuchevsky V.O. Unpublished works], Moscow, 1983 [in Russian].

Konstantin Bagryanorodnyj 1989 — *Konstantin Bagryanorodnyj.* Ob upravlenii imperiej (Tekst, perevod, kommentarij) / Pod redakciej G.G. Litavrina, A.P. Novosel'ceva [On the Governance of the Empire (The text, the translation, the comment) / Under G.G. Litavrin, A.P. Novoseltsev's edition], Moscow, 1989 [in Russian].

Kovalevskij 1964 — *Kovalevskij S.D.* Eshche odin udar po storonnikam normanskoj teorii [One more blow to supporters of the Norman theory], in: Voprosy istorii [History questions], 1964, № 1 [in Russian].

Kunik 1875 — *Kunik A.A.* Dopolneniya [Additions], in: Dorn B. Kaspij [Dorn B. Caspian Sea], St. Petersburg, 1875 [in Russian].

Kunik 1878 — *Kunik A.A.* Zamechaniya A. Kunika (Po povodu kritiki g. Fortinskogo) [A. Kunik's remarks (Concerning criticism of mister Fortinsky)], St. Petersburg, 1878 [in Russian].

Kunik 1903 — *Kunik A.A.* Izvestiya al-Bekri i drugih avtorov o rusi i slavyanah. CH. 2 [News al-Bekri and other authors about Russia and Slavs. Part 2], St. Petersburg, 1903 [in Russian].

Kunik 2015 — *Kunik A.A.* Predislovie i zamechaniya k "Otryvkam iz is-sledovanij o varyazhskom voprose" S.A. Gedeonova [The preface and remarks to "Fragments from researches about a Varangian question" S.A. Gedeonov], in: Skandinavomaniya i ee nebylicy o russkoj istorii / Sb. statej i monografij / Sostavitel' i redaktor V.V. Fomin [Skandinavomaniya and her tales about the Russian history / Sborink of articles and the monographs / Originator and editor V.V. Fomin], Moscow, 2015 [in Russian].

Kuz'min 1970 — *Kuz'min A.G.* "Varyagi" i "Rus'" na Baltijskom more ["Varangians" and "Russia" on the Baltic Sea], in: Voprosy istorii [History questions], 1970, № 10 [in Russian].

Kuz'min 1971 — *Kuz'min A.G.* Bolgarskij uchenyj o sovetskoj istoriografii nachala Rusi [The Bulgarian scientist about the Soviet historiography of the beginning of Russia], in: Voprosy istorii [History questions], 1971, № 2 [in Russian].

Kuz'min 1974 — *Kuz'min A.G.* Ob ehtnicheskoj prirode varyagov (k posta-novke problemy) [About the ethnic nature of Varangians (to statement of a problem)], in: Voprosy istorii [History questions], 1974, № 11 [in Russian].

Kuz'min 1980 — *Kuz'min A.G.* Zametki istorika ob odnoj lingvisticheskoj monografii [Notes of the historian about one linguistic monograph], in: Voprosy yazykoznaniya [Linguistics questions], 1980, № 4 [in Russian].

Kuz'min 1985 — *Kuz'min A.G.* Ob istokah drevnerusskogo prava [About sources of the Old Russian right], in: Sovetskoe gosudarstvo i pravo [Soviet state and right], 1985, № 2 [in Russian].

Kuz'min 2003 — *Kuz'min A.G.* Istoriya Rossii s drevnejshih vremen do 1618 g. Kn. 1 [History of Russia from the most ancient times to 1618. Book 1], Moscow, 2003 [in Russian].

Kuz'min 2003a — *Kuz'min A.G.* Nachalo Rusi. Tajny rozhdeniya russkogo naroda [Beginning of Russia. Mysteries of the birth of the Russian people], Moscow, 2003 [in Russian].

Kuz'min 2003b — *Kuz'min A.G.* Oblik sovremennogo normanizma [Shape of a modern normanizm], in: Sbornik Russkogo istoricheskogo obshchestva. T. 8 (156). Antinormanizm [Collection of the Russian historical society. Volume 8 (156). Antinormanizm], Moscow, 2003 [in Russian].

Lebedev 1985 — *Lebedev G.S.* EHpoha vikingov v Severnoj Evrope. Istoriko-arheologicheskie ocherki [Era of Vikings in Northern Europe. Historical and archaeological sketches], Leningrad, 1985 [in Russian].

Lebedev 1999 — *Lebedev G.S.* Varangica problemnogo seminara L.S. Klejna [Varangica of a problem seminar of L.S. Klein], in: Stratum plus, 1999, № 5 [in Russian].

Lenin 1959 — *Lenin V.I.* Polnoe sobranie sochinenij. T. 6 [Complete works. Volume 6], Moscow, 1959 [in Russian].

Litavrin 1956 — *Litavrin G.G.* Voprosy obrazovaniya Drevnerusskogo gosudarstva [Questions of formation of the Old Russian state], in: Srednie veka. Vyp. VII [Middle Ages. Release VII], Moscow, 1956 [in Russian].

Lomonosov 1952 — *Lomonosov M.V.* Polnoe sobranie sochinenij. T. 6 [Complete works. Volume 6], Moscow; Leningrad, 1952 [in Russian].

Lovmyan'skij 1985 — *Lovmyan'skij H.* Rus' i normanny [Russia and Normans], Moscow, 1985 [in Russian].

Lyscov 1983 — *Lyscov V.P.* M.V. Lomonosov v russkoj istoriografii 1750–1850-h godov [M.V. Lomonosov in the Russian historiography of the 1750–1850th years], Voronezh, 1983 [in Russian].

Lyscov 1993 — *Lyscov V.P.* ZHizn' i deyatel'nost' M.V. Lomonosova v osveshchenii P.P. Pekarskogo [Life and M.V. Lomonosov's activity according to P.P. Pekarsky], Voronezh, 1993 [in Russian].

Lysenko, SHaskol'skij 1960 — *Lysenko T.I., SHaskol'skij I.P.* Neizdannye trudy S.A. Gedeonova i A.A. Kunika po varyazhskomu voprosu [S.A. Gedeonov and A.A. Kunik's unpublished works on a Varangian question], in: Voprosy arhivovedeniya [Archive science questions], 1960, № 6 [in Russian].

Mavrodin 1945 — *Mavrodin V.V.* Obrazovanie Drevnerusskogo gosudarstva [Formation of the Old Russian state], Leningrad, 1945 [in Russian].

Mavrodin 1946 — *Mavrodin V.V.* Recenziya na knigu: Akademik N.S. Der-zhavin. «Slavyane v drevnosti». Kul'turno-istoricheskij ocherk. Akademiya nauk Soyuza SSR. Nauchno-populyarnaya seriya [Review of the book: Academician N.S. Derzhavin. "Slavs in the ancient time". Cultural and historical sketch. Academy of Sciences of USSR. Popular scientific series], in: Vestnik drevnej istorii [Messenger of ancient history], 1946, № 4 [in Russian].

Mavrodin 1949 — *Mavrodin V.V.* Bor'ba s normanizmom v russkoj isto-richeskoj nauke. Stenogramma publichnoj lekcii, prochitannoj v 1949 godu v Leningrade [Fight against a normanizm in the Russian historical science. The shorthand report of the public lecture given in 1949 in Leningrad], Leningrad, 1949 [in Russian].

Mavrodin 1949a — *Mavrodin V.V.* Ocherki po istorii feodal'noj Rusi [Sketches on stories of feudal Russia], Leningrad, 1949 [in Russian].

Mavrodin 1967 — *Mavrodin V.V.* Sovetskaya istoriografiya Drevnerusskogo gosudarstva (K 50-letiyu izucheniya sovetskimi istorikami Kievskoj Rusi) [The Soviet historiography of the Old Russian state (To the 50 anniversary of studying by the Soviet historians of Kievan Rus')], in: Voprosy istorii [History questions], 1967, № 12 [in Russian].

Mavrodin 1971 — *Mavrodin V.V.* Obrazovanie Drevnerusskogo gosudarstva i formirovanie drevnerusskoj narodnosti [Formation of the Old Russian state and formation of Old Russian nationality], Moscow, 1971 [in Russian].

Mavrodin, Froyanov 1967 — *Mavrodin V.V., Froyanov I.YA.* K pyatidesyatile-tiyu sovetskoj istoriografii Kievskoj Rusi [To the fiftieth anniversary of the Soviet historiography of Kievan Rus'], in: Vestnik LGU. 1967. Seriya: Istoriya. YAzyk. Literatura. Vyp. 4. № 20 [Bulletin of the LSU. 1967. Series: History. Language. Literature. Release 4. No. 20] [in Russian].

Mavrodin, Mavrodina, Froyanov 1970 — *Mavrodin V.V., Mavrodina R.M., Froyanov I.YA.* Nekotorye voprosy vneshnej politiki i torgovli Drevnej Rusi v novejshej sovetskoj istoricheskoj literature (1960–1969 gg.) [Some questions of foreign policy and trade of Ancient Russia in the newest Soviet historical literature (1960–1969)], in: Istoriya SSSR [History USSR], 1970, № 6 [in Russian].

Mel'nikova, Petruhin 1985 — *Mel'nikova E.A., Petruhin V.YA.* Posleslovie [Epilog], in: Lovmyan'skij H. Rus' i normanny [Lovmyansky H. Russia and Normans], Moscow, 1985 [in Russian].

Moshin 2010 — *Moshin V.A.* Varyago-russkij vopros [Varyago-russky question], in: Varyago-russkij vopros v istoriografii / Sbrnik statej i monografij / Sostavitel' i redaktor V.V. Fomin [Varyago-russky a question in the historiography / Collection of articles and the monographs / Originator and editor V.V. Fomin], Moscow, 2010 [in Russian].

Nil'sen 1992 — *Nil'sen J.P.* Ryurik i ego dom. Opyt idejno-istoriograficheskogo podhoda k normanskomu voprosu v russkoj i sovetskoj istoriografii [Rurik and his house. Experience of ideological and historiographic approach to a Norman question in the Russian and Soviet historiography], Arkhangelsk, 1992 [in Russian].

Nosov 1999 — *Nosov E.N.* Sovremennye arheologicheskie dannye po va-ryazhskoj probleme na fone tradicij russkoj istoriografii [Modern archaeological data on a Varangian problem against the background of traditions of the Russian historiography], in: Rannesrednevekovye drevnosti Severnoj Rusi i ee sosedej [Early medieval antiquities of Northern Russia and its neighbors], St. Petersburg, 1999 [in Russian].

Nosov 2009 — *Nosov E.N.* Posleslovie [Epilog], in: Klejn L.S. Spor o varyagah. Istoriya protivostoyaniya i argumenty storon [Klein L.S. Dispute on Varangians. History of opposition and arguments of the parties], St. Petersburg, 2009 [in Russian].

Novosel'cev 1991 — *Novosel'cev A.P.* Obrazovanie Drevnerusskogo gosu-darstva i pervyj ego pravitel' [Formation of the Old Russian state and its first governor], in: Voprosy istorii [History questions], 1991, № 2/3 [in Russian].

Novosel'cev 1993 — *Novosel'cev A.P.* «Mir istorii» ili mif istorii? [«World of history» or myth of history?], in: Voprosy istorii [History questions], 1993, № 1 [in Russian].

Novosel'cev, Pashuto, CHerepnin, SHusharin, SHCHapov 1965 — *Novosel'cev A.P., Pashuto V.T., CHerepnin L.V., SHusharin V.P., SHCHapov YA.N.* Drevnerusskoe gosudarstvo i ego mezhdunarodnoe znachenie [Old Russian state and its international value], Moscow, 1965 [in Russian].

Ocherki istorii SSSR 1956 — Ocherki istorii SSSR. Rossiya vo vtoroj polovine XVIII v. [History USSR sketches. Russia in the second half of the 18th century], Moscow, 1956 [in Russian].

Ocherki istorii SSSR 1958 — Ocherki istorii SSSR. Krizis rabovladel'cheskoj sistemy i zarozhdenie feodalizma na territorii SSSR. III–IX vv. [History USSR sketches. Crisis of slaveholding system and origin of feudalism in the territory of the USSR. 3–9th centuries], Moscow, 1958 [in Russian].

Parhomenko 1938 — *Parhomenko V.A.* K voprosu o "normanskom zavoevanii" i proiskhozhdenii Rusi [To a question of "a Norman gain" and an origin of Russia], in: Istorik-marksist [Historian Marxist], 1938, № 4 [in Russian].

Pashuto 1959 — *Pashuto V.T.* Trudy pol'skogo akademika G. Lovmyan'skogo po istorii Litvy, Rusi i slavyanstva [Works of the Polish academician H. Lovmyansky on stories of Lithuania, Russia and Slavic peoples], in: Voprosy istorii [History questions], 1959, № 10 [in Russian].

Pashuto 1970 — *Pashuto V.T.* Russko-skandinavskie otnosheniya i ih mesto v istorii srednevekovoj Evropy [The Russian-Scandinavian relations and their place in the history of medieval Europe], in: Skandinavskij sbornik. Vyp. XV [Scandinavian collection. Release XV], Tallin, 1970 [in Russian].

Pashuto 1985 — *Pashuto V.T.* Trudy pol'skogo akademika H. Lovmyan'skogo po istorii narodov Vostochnoj Evropy [Works of the Polish academician H. Lovmyansky on stories of the people of Eastern Europe], in: Lovmyan'skij H. Rus' i normanny [Lovmyansky H. Russia and Normans], Moscow, 1985 [in Russian].

Pashuto, Salov 1979 — *Pashuto V.T., Salov V.I.* Antikommunizm v shkol'nyh uchebnikah FRG [Anticommunism in school textbooks of Germany], in: Voprosy istorii [History questions], 1979, № 12 [in Russian].

Paul' 2014 — *Paul' A.* Normanizm kak metod obosnovaniya germanskogo gospodstva nad slavyanami v nemeckoyazychnoj istoriografii pervoj poloviny XX v. [Normanizm as a method of justification of the German domination over Slavs in a German-speaking historiography of the first half of the 20th century], in: Materialy nauchnoj konferencii po problemam gumanitarnyh nauk "Bartenevskie chteniya", posvyashchennoj 100-letiyu nachala Pervoj mirovoj vojny. Lipeck, 10–11 oktyabrya 2014 g. [Materials of the scientific conference on problems of the humanities "Bartenevsky readings" devoted to the 100 anniversary of the beginning of World War I. Lipetsk, on October 10–11, 2014], Lipetsk, 2014 [in Russian].

Paul' 2015 — *Paul' A.* Normanizm na sluzhbe fashistskoj Germanii [Normanizm on service of fascist Germany], in: Varyagi i Rus' / Sbornik statej i monografij / Sostavitel' i redaktor V.V. Fomin [Varangians and Russia / Collection of articles and monographs / Originator and editor V.V. Fomin], Moscow, 2015 [in Russian].

Pchelov 1994 — *Pchelov E.V.* Legendarnaya i nachal'naya genealogiya Ryuriko-vichej [Legendary and initial genealogy of Ryurik dynasty], in: Letopis' Istoriko-rodoslovnogo obshchestva v Moskve. Vyp. 2 (46) [The chronicle of Historical and genealogical society in Moscow. Release 2 (46)], Moscow, 1994 [in Russian].

Pchelov 1999 — *Pchelov E.V.* Predki Rorika YUtlandskogo [Rorik Yutlandsky's ancestors], in: Rossiya v IX–XX vekah. Problemy istorii, istoriografii i istochnikovedeniya [Russia in the 9–20th centuries. Problems of history, historiography and source study], Moscow, 1999 [in Russian].

Pchelov 2001 — *Pchelov E.V.* Ryurikovichi: istoriya dinastii [Ryurik dynasty: dynasty history], Moscow, 2001 [in Russian].

Pervol'f 1877 — *Pervol'f I.I.* VaryagI–Rus' i baltijskie slavyane [Varangians Russia and Baltic Slavs], in: ZHurnal Ministerstva narodnogo prosveshcheniya. CH. 192 [Magazine of the Ministry of national education. Part 192], St. Petersburg, 1877 [in Russian].

Peshtich 1961 — *Peshtich S.L.* Russkaya istoriografiya o M.V. Lomonosove kak istorike [The Russian historiography about M.V. Lomonosov as the historian], in: Vestnik LGU. 1961. Seriya: Istoriya. YAzyk. Literatura. Vyp. 4. № 20 [Bulletin of the Leningrad state university.1961. Series: History. Language. Literature. Release 4. No. 20] [in Russian].

Peshtich 1961a — *Peshtich S.L.* Russkaya istoriografiya XVIII veka. CH. I [Russian historiography of the XVIII century. Part I], Leningrad, 1961 [in Russian].

Peshtich 1965 — *Peshtich S.L.* Russkaya istoriografiya XVIII veka. CH. II [Russian historiography of the XVIII century. Part II], Leningrad, 1965 [in Russian].

Petruhin 1983 — *Petruhin V.YA.* Ob osobennostyah slavyano-skandinavskih ehtnicheskih otnoshenij v rannefeodal'nyj period (IX–XI vv.) [About features of the Slavyano-Scandinavian ethnic relations during the early feudal period (the 9–11th centuries)], in: Drevnejshie gosudarstva na territorii SSSR. 1981 [The most ancient states in the territory of the USSR. 1981], Moscow, 1983 [in Russian].

Platonov 1997 — *Platonov S.F.* Lekcii po russkoj istorii [Lectures on the Russian history], St. Petersburg, 1997 [in Russian].

Platonova 2017 — *Platonova N.I.* «Neonormanizm», postmodernizm i Slavyano-varyazhskij seminar: razmyshleniya arheologa [Neonormanizm, postmodernism and Slavyano-varyazhsky seminar: reflections of the archeologist], in: Ex ungve leonem. Sbornik k 90-letiyu L.S. Klejna [The collection to L.S. Klein's 90 anniversary], St. Petersburg, 2017 [in Russian].

Pogodin 1846 — *Pogodin M.P.* Issledovaniya, zamechaniya i lekcii o russkoj istorii. Normanskij period. T. 3 [Researches, remarks and lectures about the Russian history. Normansky period. Volume 3], Moscow, 1846 [in Russian].

Pogodin 1859 — *Pogodin M.P.* Normanskij period russkoj istorii [Norman period of the Russian history], Moscow, 1859 [in Russian].

Pogodin 2015 — *Pogodin M.P.* Gospodin Gedeonov i ego sistema o prois-hozhdenii varyagov i rusi [Mister Gedeonov and his system about an origin of Varangians and Russia], in: Skandinavomaniya i ee nebylicy o russkoj istorii / Sb. statej i monografij / Sostavitel' i redaktor V.V. Fomin [Skandinavomaniya and her tales about the Russian history / Sb. articles and monographs / Originator and editor V.V. Fomin], Moscow, 2015 [in Russian].

Pohlebkin, Vilinbahov 1960 — *Pohlebkin V.V., Vilinbahov V.B.* Neskol'ko slov po povodu gipotezy prof. A. Stender-Petersena [Several words concerning a hypothesis of the prof. A. Stender-Petersen], in: Kuml, 1960 [in Russian].

Pokrovskij 1946 — *Pokrovskij S.A.* O nachale russkogo gosudarstva [About the beginning of the Russian state], in: Vestnik drevnej istorii [Messenger of ancient history], 1946, № 4 [in Russian].

Popov 1973 — *Popov A.I.* Nazvaniya narodov SSSR. Vvedenie v ehtnonimiku [Names of the people of the USSR. Introduction to an etnonimika], Moscow, 1973 [in Russian].

Preobrazhenskij 1958 — *Preobrazhenskij A.G.* EHtimologicheskij slovar' russkogo yazyka. T. 1 [Etymological dictionary of Russian. Volume 1], Moscow, 1958 [in Russian].

Protiv Pokrovskogo 1939 — Protiv istoricheskoj koncepcii M.N. Pokrovskogo. CH. 1 [Against the historical concept of M.N. Pokrovsky. Part 1], Moscow; Leningrad, 1939 [in Russian].

Pushkarev 1974 — *Pushkarev L.N.* Akademiya nauk i russkaya kul'tura XVIII veka [Academy of Sciences and Russian culture of the 18th century], in: Voprosy istorii [History questions], 1974, № 5 [in Russian].

Pypin 1876 — *Pypin A.N.* Novye opyty postroeniya russkoj istorii [New experiments of creation of the Russian history], in: Vestnik Evropy. T. IV. Kn. 8 [Bulletin of Europe. Volume IV. Book 8], 1876 [in Russian].

Rozner 1962 — *Rozner I.G.* Protiv koncepcii sovremennogo normanizma [Against the concept of a modern normanizm], in: Voprosy istorii [History questions], 1962, № 5 [in Russian].

Rubinshtejn 1941 — *Rubinshtejn N.L.* Russkaya istoriografiya [Russian historiography], Moscow, 1941 [in Russian].

Rubinshtejn 1946 — *Rubinshtejn N.L.* Putanaya kniga po istorii Kievskoj Rusi [The confused book on stories of Kievan Rus'], in: Voprosy istorii [History questions], 1946, № 8–9 [in Russian].

Russkaya zemlya 1986 — Otkuda est' poshla Russkaya zemlya. Veka VI–X / So-stavlenie, predislovie, vvedenie k dokumentam, kommentarii A.G. Kuz'mina. Kn. 2 [From where is the Russian land went. Centuries of VI–X / Drawing up, the preface, introduction to documents, comments A.G. Kuzmin's. Book 2], Moscow, 1986 [in Russian].

Rybakov 1958 — *Rybakov B.A.* Predposylki obrazovaniya Drevnerusskogo gosudarstva [Prerequisites of formation of the Old Russian state], in: Ocherki istorii SSSR. Krizis rabovladel'cheskoj sistemy i zarozhdenie feodalizma na territorii SSSR. III–IX vv. [History USSR sketches. Crisis of slaveholding system and origin of feudalism in the territory of the USSR. 3–9th centuries], Moscow, 1958 [in Russian].

Rybakov 1960 — *Rybakov B.A.* Spornye voprosy obrazovaniya Kievskoj Rusi [Controversial issues of formation of Kievan Rus'], in: Voprosy istorii [History questions], 1960, № 10 [in Russian].

Rybakov 1962 — *Rybakov B.A.* Obzor obshchih yavlenij russkoj istorii IX — serediny XIII veka [The review of the general phenomena of the Russian history IX — the middle of the 13th century], in: Voprosy istorii [History questions], 1962, № 4 [in Russian].

Rybakov 1966 — *Rybakov B.A.* Kievskaya Rus' [Kievan Rus'], in: Istoriya SSSR s drevnejshego vremeni do Velikoj Oktyabr'skoj socialisticheskoj revolyucii. T. 1 [The history USSR since the most ancient time before Great October socialist revolution. Volume 1], Moscow, 1966 [in Russian].

Rybakov 1987 — *Rybakov B.A.* YAzychestvo Drevnej Rusi [Paganism of Ancient Russia], Moscow, 1987 [in Russian].

Rybakov 1993 — *Rybakov B.A.* Kievskaya Rus' i russkie knyazhestva XII–XIII vekov. Izdanie vtoroe [Kievan Rus' and Russian principalities of the 12–13th centuries. Edition second], Moscow, 1993 [in Russian].

Rydzevskaya 1978 — *Rydzevskaya E.A.* Drevnyaya Rus' i Skandinaviya v IX–XIV vv. [Ancient Russia and Scandinavia in the 9–14th centuries], in: Drevnejshie gosudarstva na territorii SSSR. 1978 [The most ancient states in the territory of the USSR. 1978], Moscow, 1978 [in Russian].

Saharov 1978 — *Saharov A.M.* Istoriografiya istorii SSSR. Dosovetskij period [History USSR historiography. Pre-Soviet period], Moscow, 1978 [in Russian].

SHapiro 1962 — *SHapiro A.L.* Russkaya istoriografiya v period imperializma [The Russian historiography in the period of an imperialism], Leningrad, 1962 [in Russian].

SHaskol'skij 1960 — *SHaskol'skij I.P.* Normanskaya teoriya v sovremennoj burzhuaznoj istoriografii [The Norman theory in a modern bourgeois historiography], in: Istoriya SSSR [History USSR], 1960, № 1 [in Russian].

SHaskol'skij 1961 — *SHaskol'skij I.P.* Sovremennye normanisty o russkoj letopisi [Modern normanist about the Russian chronicle], in: Kritika novejshej burzhuaznoj istoriografii. Vyp. 3 [Criticism of the latest bourgeois historiography. Release 3], Moscow; Leningrad, 1961 [in Russian].

SHaskol'skij 1964 — *SHaskol'skij I.P.* Recenziya na: Skandinavskij sbornik. T. V, VI, VII [The review on: Scandinavian collection. Volumes V, VI, VII], in: Voprosy istorii [History questions], 1964, № 11 [in Russian].

SHaskol'skij 1965 — *SHaskol'skij I.P.* Normanskaya teoriya v sovremennoj burzhuaznoj nauke [The Norman theory in modern bourgeois science], Moscow; Leningrad, 1965 [in Russian].

SHaskol'skij 1967 — *SHaskol'skij I.P.* Vopros o proiskhozhdenii imeni Rus' v sovremennoj burzhuaznoj nauke [Question of a name origin Russia in modern bourgeois science], in: Kritika novejshej burzhuaznoj istoriografii. Vyp. 10 [Criticism of the latest bourgeois historiography. Release 10], Leningrad, 1967 [in Russian].

SHaskol'skij 1971 — *SHaskol'skij I.P.* Normanskaya problema na sovre-mennom ehtape [Norman problem at the present stage], in: Tezisy dokladov Pyatoj Vsesoyuznoj konferencii po izucheniyu istorii skandinavskih stran i Finlyandii. CH. I [Theses of reports of the Fifth All-Union conference on studying of history of the Scandinavian countries and Finland. Part I], Moscow, 1971 [in Russian].

SHaskol'skij 1978 — *SHaskol'skij I.P.* Normanskaya problema v sovetskoj istoriografii [Norman problem in the Soviet historiography], in: Sovetskaya istoriografiya Kievskoj Rusi [Soviet historiography of Kievan Rus'], Leningrad, 1978 [in Russian].

SHaskol'skij 1981 — *SHaskol'skij I.P.* O roli normannov v Drevnej Rusi v IX–X vv. [About a role of Normans in Ancient Russia in the 9–10th centuries], in: Les paus du Nord et Buzance (Skandinavie et Buzance). Actes du colloque nordique et international de buzantinologie temi à Upsal 20–22 avril 1979 [Countries of the North and Byzantium (Scandinavia and Byzantium). Works of the international colloquium on stories of Byzantium in Uppsala on April 20–22, 1979], Uppsala, 1981 [in Russian].

SHaskol'skij 1983 — *SHaskol'skij I.P.* Antinormanizm i ego sud'by [Antinormanizm and his destinies], in: Problemy otechestvennoj i vseobshchej istorii. Genezis i razvitie feodalizma v Rossii. Vyp. 7 [Problems of national and general history. Genesis and development of feudalism in Russia. Release 7], Leningrad, 1983 [in Russian].

SHaskol'skij 1986 — *SHaskol'skij I.P.* Vozniknovenie gosudarstva na Rusi i v Skandinavii (cherty skhodstva) [Emergence of the state in Russia and in Scandinavia (line of similarity)], in: Drevnejshie gosudarstva na territorii SSSR. 1985 [The most ancient states in the territory of the USSR. 1985], Moscow, 1986 [in Russian].

SHaskol'skij 1986a — *SHaskol'skij I.P.* Normanskaya problema v istoricheskoj nauke 1970-h — 1980-h gg. [Norman problem in historical science of the 1970th — the 1980th], in: X Vsesoyuznaya konferenciya po izucheniyu istorii, ehkonomiki, literatury i yazyka skandinavskih stran i Finlyandii. Tezisy dokladov. CH. 1 [X All-Union conference on studying of history, economy, literature and language of the Scandinavian countries and Finland. Theses of reports. Part 1], Moscow, 1986 [in Russian].

SHaskol'skij 1993 — *SHaskol'skij I.P.* Slavyane i normanny na drevnerusskoj ravnine i na beregah yugo-vostochnoj Pribaltiki [Slavs and Normans on the Old Russian plain and on coast of the southeast Baltics], in: XII Konferenciya po izucheniyu istorii, ehkonomiki, literatury i yazyka skandinavskih stran i Finlyandii. CH. 1 [XII Conference on studying of history, economy, literature and language of the Scandinavian countries and Finland. Part 1], Moscow, 1993 [in Russian].

SHCHavelev 2012 — *SHCHavelev S.P.* 1150: yubilej rossijskoj gosudarstvenno-sti. Ot «prizvaniya varyagov» (862) do osnovaniya zhitijno-letopisnogo goroda Kurska [1150: anniversary of the Russian statehood. From «calling of Varangians» (862) to foundation of the zhitiyno-annalistic city of Kursk], Kursk, 2012 [in Russian].

SHusharin 1964 — *SHusharin V.P.* Sovremennaya burzhuaznaya istoriografiya Drevnej Rusi [Modern bourgeois historiography of Ancient Russia], Moscow, 1964 [in Russian].

SIEH 1962 — Sovetskaya istoricheskaya ehnciklopediya. T. 2 [Soviet historical encyclopedia. Volume 2], Moscow, 1962 [in Russian].

SIEH 1963 — Sovetskaya istoricheskaya ehnciklopediya. T. 4 [Soviet historical encyclopedia. Volume 4], Moscow, 1963 [in Russian].

SIEH 1964 — Sovetskaya istoricheskaya ehnciklopediya. T. 5 [Soviet historical encyclopedia. Volume 5], Moscow, 1964 [in Russian].

Slavyane i Rus' 1998 — Slavyane i Rus': Problemy i idei. Koncepcii, rozhdennye trekhvekovoj polemikoj, v hrestomatijnom izlozhenii / Sostavitel' A.G. Kuz'min [Slavs and Russia: Problems and ideas. The concepts which are given rise by three-century polemic in an axiomatic statement / the Originator A.G. Kuzmin], Moscow, 1998 [in Russian].

Sojer 2002 — *Sojer P.* EHpoha vikingov [Era of Vikings], St. Petersburg, 2002 [in Russian].

Sokolov 1970 — *Sokolov O.D.* M.N. Pokrovskij i sovetskaya istoricheskaya nauka [M.N. Pokrovsky and Soviet historical science], Moscow, 1970 [in Russian].

Solov'ev 1993 — *Solov'ev S.M.* Istoriya Rossii s drevnejshih vremen. Kn. 1. T. 1–2 [History of Russia since the most ancient times. Book 1. Volume 1–2], Moscow, 1993 [in Russian].

Stender-Petersen 1934 — *Stender-Petersen A.* Die Varägersage als Quelle der altrussischen Chronik [Stories Varangians as source Old Russian chronicles], Aarhus, 1934 [in German].

Stender-Petersen 1953 — *Stender-Retersen A.* Varangica, Aarhus, 1953 [in German].

Stender-Petersen 1954 — *Stender-Petersen A.* Anthology of Old Russian Literature, New York, 1954 [in English].

Stender-Petersen 1955 — *Stender-Petersen A.* Das Problem der ältesten byzantinisch-russisch-nordischen Beziehungen [Problem of the most ancient Byzantine Russian-Norman relations], in: X Congresso Internazionale di Scienze Storiche. Roma 4–11 Settembre 1955. Relazioni. Vol. III [X International congress of historical sciences. Rome 4–11 September, 1955. Volume III], Roma, 1955 [in German].

Stender-Petersen 1956 — *Stender-Petersen A.* Problema drevnejshih vizantijsko-russko-normanskih otnoshenij [Problem of the most ancient Byzantine-Russian-Norman relations], in: Srednie veka. Vyp. VII [Middle Ages. Release of VII], Moscow, 1956 [in Russian].

Stender-Petersen 1959 — *Stender-Petersen A.* Varægerspørgsmålet [Varangians], in: Viking, Bd. XXIII [Vikings. Volume XXIII], Oslo, 1959 [in Norwegian].

Stender-Petersen 1960 — *Stender-Petersen A.* Der älteste russische Staat [The most ancient Russian state], in: Historische Zeitschrift. Bd. 191. H. 1 [Historical magazine. Volume 191. No. 1], München, 1960 [in German].

Stender-Petersen 1960 — *Stender-Petersen A.* Otvet na zamechaniya V.V. Pohlebkina i V.B. Vilinbahova [Answer to V.V. Pokhlebkin and V.B. Vilinbakhov's remarks], in: Kuml, 1960, Aarhus, 1960 [in Russian].

Stenogramma soveshchaniya 1944 — Stenogramma soveshchaniya po voprosam istorii SSSR v CK VKP(b) v 1944 godu [The shorthand report of a meeting on the history USSR in the Central Committee of the All-Union Communist Party (bolsheviks) in 1944], in: Voprosy istorii [History questions], 1996, № 4 [in Russian].

Tihomirov 1948 — *Tihomirov M.N.* Otkroveniya CHadvik o nachale russkoj istorii [Revelations Chadvik about the beginning of the Russian history], in: Voprosy istorii [History questions], 1948, № 4 [in Russian].

Tihomirov 1955 — *Tihomirov M.N.* Razvitie istoricheskih znanij v Rossii perioda dvoryanskoj imperii pervoj poloviny XVIII v. [Development of historical knowledge in Russia of the period of the noble empire of the first half of the 18th century], in: Ocherki istorii istoricheskoj nauki v SSSR. T. I [Sketches of history of historical science in the USSR. Volume I], Moscow, 1955 [in Russian].

Tiveriadskij 1942 — *Tiveriadskij L.S.* K voprosu o proiskhozhdenii Rusi v svyazi s ehtnogenezom slavyan [To a question of an origin of Russia in connection with ethnogenesis of Slavs], in: Istoricheskie zapiski [Historical notes], 1942, № 13 [in Russian].

Tolstov 1946 — *Tolstov S.P.* Drevnejshaya istoriya SSSR v osveshchenii G. Vernadskogo [The ancient history of the USSR according to G. Vernadsky], in: Voprosy istorii [History questions], 1946, № 4 [in Russian].

Tolstov 2012 — *Tolstov V.A.* Vozhdi i oppozicionery sovetskoj ehpohi ob uchebnikah D.I. Ilovajskogo [Leaders and oppositionists of the Soviet era about D.I. Ilovaysky's textbooks], in: Nasledie D.I. Ilovajskogo i M.K. Lyubavskogo v russkoj istoriografii. Trudy Vserossijskoj nauchnoj konferencii "VI Istoriograficheskie chteniya pamyati istorikov D.I. Ilovajskogo i M.K. Lyubavskogo" (k 180-letiyu so dnya rozhdeniya D.I. Ilovajskogo). Ryazan', 23–25 maya 2012 / Otv. red. L.V. CHekurin [D.I. Ilovaysky and M.K. Lyubavsky's heritage in the Russian historiography. Works of the All-Russian scientific conference "the VI Historiographic readings memory of historians D.I. Ilovaysky and M.K. Lyubavsky" (to the 180 anniversary since the birth of D.I. Ilovaysky). Ryazan, on May 23–25, 2012 / Otv. edition L.V. Chekurin], Ryazan, 2012 [in Russian].

Tomsen 1891 — *Tomsen V.* Nachalo Russkogo gosudarstva [Beginning of the Russian state], Moscow, 1891 [in Russian].

Tomsinskij 2014 — *Tomsinskij S.V.* Leningradskij neonormanizm: istoki i itogi [Leningrad neonormanizm: sources and results], in: Stratum plus, 2014, № 5 [in Russian].

Tomsinskij 2017 — *Tomsinskij S.V.* CHego i sledovalo ozhidat': snova o tom zhe (po povodu leningradskogo neonormanizma i stat'i N.I. Platonovoj) [It was to be expected: more of the same (Leningrad's Neo-Normanist theory and N.I. Platonova's publications)], in: Istoricheskij format [Historical format], 2017, № 3–4 [in Russian].

Tret'yakov 1966 — *Tret'yakov P.N.* Finno-ugry, balty i slavyane na Dnepre i Volge [Finno-Ugrics, Balts and Slavs on Dnieper and Volga], Moscow; Leningrad, 1966 [in Russian].

Vilinbahov 1963 — *Vilinbahov V.B.* Neskol'ko zamechanij o teorii A. Stender-Petersena [Several remarks on A. Stender-Petersen's theory], in: Skandinavskij sbornik. Vyp. VI [Scandinavian collection. Release VI], Tallin, 1963 [in Russian].

Vilinbahov 1980 — *Vilinbahov V.B.* Sovremennaya istoriografiya po probleme «Baltijskie slavyane i Rus'» [Modern historiography on a problem «The Baltic Slavs and Russia»], in: Sovetskoe slavyanovedenie [Soviet Slavic studies], 1980, № 1 [in Russian].

Vsemirnaya istoriya 1957 — Vsemirnaya istoriya. T. III [World history. Volume III], Moscow, 1957 [in Russian].

YAcunskij 1955 — *YAcunskij V.K.* Istoricheskaya geografiya. Istoriya ee voz-niknoveniya i razvitiya v XVI–XVIII vekah [Historical geography. History of its emergence and development in the 16–18th centuries], Moscow, 1955 [in Russian].

YAkovlev 1947 — *YAkovlev N.* O prepodavanii otechestvennoj istorii [About teaching national history], in: Bol'shevik [Bolshevik], 1947, № 22 [in Russian].

YUshkov 1940 — *YUshkov S.V.* K voprosu o proiskhozhdenii russkogo gosu-darstva [To a question of an origin of the Russian state], in: Uchenye zapiski Moskovskogo yuridicheskogo instituta NKYU SSSR. Vyp. 2 [Scientific notes of the Moscow legal institute of NKYu USSR. Release 2], Moscow, 1940 [in Russian].

YUshkov 1949 — *YUshkov S.V.* Obshchestvenno-politicheskij stroj i pravo Kievskogo gosudarstva [Social and political system and right of the Kiev state], Moscow, 1949 [in Russian].

Фомин Вячеслав Васильевич — доктор исторических наук, профессор кафедры отечественной и всеобщей истории Института истории, права и общественных наук Липецкого государственного педагогического университета (Липецк, Россия).
Vyacheslav Fomin — Doctor of historical sciences, professor of department of national and general history of Institute of history, right and social sciences of the Lipetsk state pedagogical university (Lipetsk, Russia).
E-mail: vfominv@mail.ru

УДК930

ИСКОПАЕМЫЕ ГАПЛОГРУППЫ И ГАПЛОТИПЫ ДВУХ ХАЗАРСКИХ ЗАХОРОНЕНИЙ

А.А. Клёсов[1], Т.Г. Фалеева[2]

[1]Академия ДНК-генеалогии (Бостон, США)
e-mail: aklyosov@comcast.net
Scopus Author ID: 7003273360
http://orcid.org/0000-0002–0669–3448
[2]Главный государственный центр судебно-медицинских и криминалистических экспертиз Министерства обороны РФ
Россия, 344010, г. Ростов-на-Дону, ул. Лермонтовская, д. 60
e-mail: tatiana.fal@mail.ru

Авторское резюме

В статье впервые рассматривается ДНК (гаплогруппы, субклады и гаплотипы) людей из двух предположительно хазарских захоронений. Обнаруженные субклады (R1a-Z93) и гаплотипы из двух хазарских захоронений, ранне- и поздне-хазарского, позволяют отнести их носителей к тюркам. Несмотря на один и тот же субклад, их ископаемые носители принадлежали к разным ДНК-линиям (внутри субклада Z93), довольно далеко разошедшимся друг от друга, и их общий предок жил между серединой II тыс до н.э. и началом I тыс. до н.э. Ни один их двух ископаемых хазар также не имел отношения к древним евреям, в том числе гаплогруппы R1a.

Ключевые слова: ДНК, гаплогруппа, гаплотип, хазары, захоронения, археология.

EXCAVATED HAPLOGROUPS AND HAPLOTYPES FROM TWO KHAZAR BURIALS

Anatole Klyosov, Tatiana Faleeva

[1]Academy of DNA Genealogy (Boston, USA)
e-mail: aklyosov@comcast.net
[2] Main State Centre for Forensic Medicine and Forensic examinations of the Ministry of Defence of the Russian Federation
e-mail: tatiana.fal@mail.ru

Abstract

To understand a biological tribal affiliation (in terms of Y-chromosomal haplogroups, subclades, and haplotypes) of two excavated Khazar bone remains in the lower Don region in the south of Russia, we have extracted and analyzed their DNA and showed that both belonged to haplogroup R1a and its subclade Z93. The pattern could be considered typically "Turkic", and not a Jewish DNA lineage. Their haplotypes were also identified and reported here. The haplotypes indicate that both Khazars were unrelated to each other in a sense that their common ancestor lived as long as 1500 — 2500 years earlier than them, in the middle of the II millennium BC—beginning of the I millennium BC, during typically Scythian times or somewhat earlier. Their haplotypes are unrelated to well-known Jewish haplotypes of haplogroup R1a.

Keywords: Khazars, Haplogroups, Haplotypes, DNA Genealogy, TMRCA, Mutation Rates

* * *

Данная статья написана по результатам исследований российского археолога В.В. Ключникова, судебно-медицинского эксперта Т.Г. Фалеевой, научных сотрудников Южного федерального университета — антрополога Е.Ф. Батиевой и И.В. Корниенко — заведующего научной лабораторией «Идентификация объектов биологического происхождения» Академии биологии и биотехнологии, на базе которой проводились молекулярно-генетические исследования. Для анализа полученных результатов методами ДНК-генеалогии и совместного написания статьи коллектив исследователей еще в 2014 году обратился к А.А. Клёсову. В ходе рассмотрения полученных результатов с позиций ДНК-генеалогии стало ясно, что столь важная работа требует дополнительных исследований и обоснований, и дополнительные исследования были проведены, и в итоге данная статья написана.

Авторы выражают искреннюю благодарность участникам исследования, и в первую очередь И.В. Корниенко и В.В. Ключникову, которые внимательно прочитали статью и сделали конструктивные предложения и дополнения, но предпочли не входить в число авторов, поскольку ДНК-генеалогия не является их прямой специальностью. Для того чтобы более ясно пояснить состав авторов, надо подчеркнуть, что И.В. Корниенко представил в авторы статьи Т.Г. Фалееву, сам, как и В.В. Ключников, в состав авторов решили не входить, как указано выше, и на этом соавторами статьи ограничились. Перед отправлением статьи в печать копия статьи была направлена И.В. Корниенко, и возражений в отношении состава авторов и представленного материала не поступило.

Важность данного материала объясняется простой и понятной причиной — еще никогда ДНК хазар, из типичных хазарских захоронений, не были рассмотрены в отношении их гаплогрупп, субкладов и гаплотипов. И это тогда, когда хазары неизменно привлекают повышенное внимание как людей науки, так и широкой общественности. От ранних представлений, что хазары (или их большинство) были иудеями представления перешли к тому, что иудеями была только их руководящая верхушка, но данных к тому, какое соотношение между хазарами-иудеями и прочими хазарами не было. Например, В.Я. Петрухин и В.С. Флеров отмечают: «Одной из трудноразрешимых проблем хазарской археологии и истории остается проблема археологических свидетельств распространения иудаизма в Хазарии, но материальные памятники, которые можно было бы связать с иудейским культом, на территории Хазарии в VI–X вв. практически отсутствуют» (Петрухин, Флеров 2010). Отчетливых следов иудаизма археологами на территории Хазарии не зафиксировано.

В целом политическая история Хазарии охватывает небольшой период времени — между 650 и 965 гг. нашей эры, литература по Хазарии огромна, но из нее следует, на наш взгляд, выделить две работы — это книга М.И. Артамонова на

русском языке (Артамонов 1962), и Артура Кестлера на английском языке (Koestler 1976). В книге Кестлера многое фантазийно и намеренно сенсационно, начиная от названия про «тринадцатое колено» израилево, книга Артамонова более информативна и фундаментальна. Книгу Кестлера подробно разбирает Л.Н. Гумилев в своей объемной работе «Древняя Русь и великая степь» (Гумилев 2008), местами, правда, необоснованно придираясь. Например, Гумилев картинно ставит вопросительный знак у положения Кестлера, что хазары были «народом тюркского происхождения», давая понять, что тюркского происхождения быть не может. Поскольку это отчасти относится к нашему последующему изложению, остановимся на этом. Действительно, с одной стороны, тюркским является язык, а не люди с их происхождением, как, например, нет людей «индоевропейского происхождения», поскольку индоевропейский — это язык. Тем не менее, известная книга В.В. Иванова и Т.В. Гамкрелидзе называется «Индоевропейский язык и индоевропейцы» (Иванов, Гамкрелидзе 1984). Так и тюрки — это люди и народы, которых объединяет не только язык, но и во многом культура, религия, и — да, происхождение по ряду их родов. Одним из тюркских родов (гаплогрупп, субкладов), о котором ниже пойдет речь, является гаплогруппа R1a-Z93, которая распространена от Южной Сибири до Причерноморья, ее носители обычно говорят на тюркских языках, и входят большими популяциями в народы карачаево-балкарцев, татар, башкир, потомков народов скифского круга в Южной Сибири. Как мы увидим ниже, именно эта гаплогруппа-субклад была обнаружена у нескольких ископаемых хазар. Иначе говоря, они были скорее тюрки (по происхождению и культуре, и, вполне возможно, по языку), и во всяком случае не иудеи, о чем свидетельствуют и их гаплотипы, как показано ниже.

Хорошая и информативная книга по хазарам — работа О. Ивика и В. Ключникова «Хазары» (Ивик, Ключников 2013). В ней подробно описаны и хазарские захоронения с квадратными ровиками. Двум из погребений этого типа и посвящена данная статья.

Курганы с квадратными ровиками располагаются в основном в бассейне Нижнего Дона. Один из первых таких курганов был раскопан в 1971 г. (Клейн и др. 1972). В археологической литературе они также обозначаются и как погребения Соколовского типа — по названию балки, у которой в начале 1970-х работами Л.С. Клейна такой курган был исследован и впервые атрибутирован как салтовский (хазарского времени).

К настоящему времени археологами раскопано уже несколько сотен курганов с квадратными ровиками и получен богатый антропологический и вещевой материал. Данные курганы привлекли внимание исследователей в том числе и тем, что погребения в них отличались единством погребального обряда и вещевого набора, ярко выраженным воинским обликом многих мужских захоронений, а также тем, что эти погребальные комплексы имели явные параллели в тюркском мире Центральной Азии. В выявлении последних, а также возможной связи

Нижнедонских «ровиковских» курганов непосредственно с хазарами большое значение имели работы А.И. Семенова (Семенов 1988; 1993).

К настоящему времени многие вопросы культурной и этнической атрибуции курганов с квадратными ровиками остаются предметом оживленной дискуссии. Вместе с тем не вызывают существенных разногласий хронологические рамки существования культуры этих курганов в Нижнедонских степях — вторая половина (или последняя треть) VII — начало (или первая четверть) IX в. Также важно отметить, что большинство исследователей, сейчас сходятся на том, что данные курганы оставлены представителями тюркского мира и погребенные в них принадлежали к собственно хазарам (обзор литературы на эту тему см.: Науменко 2004).

Итак, в настоящее время курганы с ровиками являются главными «кандидатами» на могилы этнических хазар в очень пестром и во многом парадоксальном мире этнической и материальной культуры Хазарского каганата, археологически маркируемым обобщающим термином салтово-маяцкая культура.

Два скелета, в отношении которых сделано генотипирование, происходят из двух подкурганнных захоронений, исследованных на юге России. В основных чертах, они относятся к типичным комплексам курганов с квадратными ровиками. Оба погребения опубликованы, также вышли специальные работы по антропологии погребенных (Парусимов 1998; Ильин 1995; Глебов, Иванов 2007; Батиева 2007 — далее описания погребений согласно этим публикациям).

Курганные некрополи Кутейниковский II и Таловый II, в которых находились анализируемые погребения, расположены на юго-востоке Ростовской области на левобережье Дона по течению небольшой степной речки Куберле. Кутейниковский II находился в приустьевой части реки, неподалеку от ее впадения в реку Сал, а курганный могильник Таловый II — у истоков Куберле примерно в 70 километрах к югу от Кутейниковского II.

В целом это область Доно-Манычского междуречья, где имеется значительная концентрация курганов рассматриваемого типа. Отсюда же происходит и большинство богатых погребений данного круга, в инвентаре которых найдены дорогие привозные металлические сосуды, серебряные поясные наборы, золотые византийские солиды.

Археологический и антропологический контекст погребений

<u>Кутейниковский II, курган 2, погребение 1.</u> Раскопки 1994 года Новочеркасской археологической экспедиции.

В единственном погребении в этом небольшом кургане (высотой менее полуметра) были обнаружены кости скелета мужчины возрастом более 40 лет. Могила находилась в центре площадки, оконтуренной квадратным ровиком. В разных местах ровика — в заполнении, расчищены кости лошади и более десяти лошадиных же черепов (все без нижних челюстей). Могила подбойного типа с

подбоем в южной стенке. Погребение ограблено. Найдены детали поясного набора — серебряная пряжка и серебряный орнаментированный наконечник ремня, железный нож, фрагмент железного предмета (возможно, от сабли), подправленный на круге горшок с линейно-волнистым орнаментом.

Погребенный мужчина при жизни страдал развитым остеохондрозом, многие позвонки сросшиеся (горбун).

Так как погребение ограблено и кости переотложены, положение, ориентировка костяка не восстанавливаются. Кости скелета обнаружены не полностью, отсутствует череп.

Датировка погребения по деталям ременного набора: конец VII — начало / первая треть VIII века.

Образец ДНК, извлеченный из этого захоронения, далее будет фигурировать под индексом 1251.

Таловый II, курган 3, погребение 1. Раскопки 2004 года экспедиции Археологического научно-исследовательского бюро (АНИБ, Ростов-на-Дону).

Единственное погребение в небольшом кургане высотой 0,25 м. В курганной насыпи найдены кости лошади и верблюда. Захоронение неограблено. Найденный скелет принадлежал мужчине возрастом 35–45 лет. Положение костяка — вытянуто, на спине, черепом к западу. Могила подбойного типа с подбоем в южной и западной стенках. В числе находок наконечники стрел, костяные накладки на лук, кистень. Наиболее яркая находка — роговой реликварий (емкость) из оленьего рога с сюжетной росписью в прорезной технике. Изображены сцены единоборств всадников с пешим противником. Интересно отметить монголоидность по крайней мере одного из всадников, изображенных на реликварии.

Таловское погребение датируется второй половиной VIII — началом IX вв.

Образец ДНК, извлеченный из этого захоронения, далее будет фигурировать под индексом 1986.

Считается, что примерно в начале — первой трети IX века, курганы с квадратными рвами перестают насыпаться. Эта археологическая культура по неизвестным причинам исчезает. Возможно кочевники-хазары, покидают Нижний Дон.

Таким образом, в рамках всего периода существования культуры курганов с ровиками, Кутейниковское и Таловское погребение занимают как бы крайние фланги. Кутейниковское можно формально обозначить как раннехазарское, а Таловское вероятно маркирует финальный период пребывания хазар в нижнедонских степях.

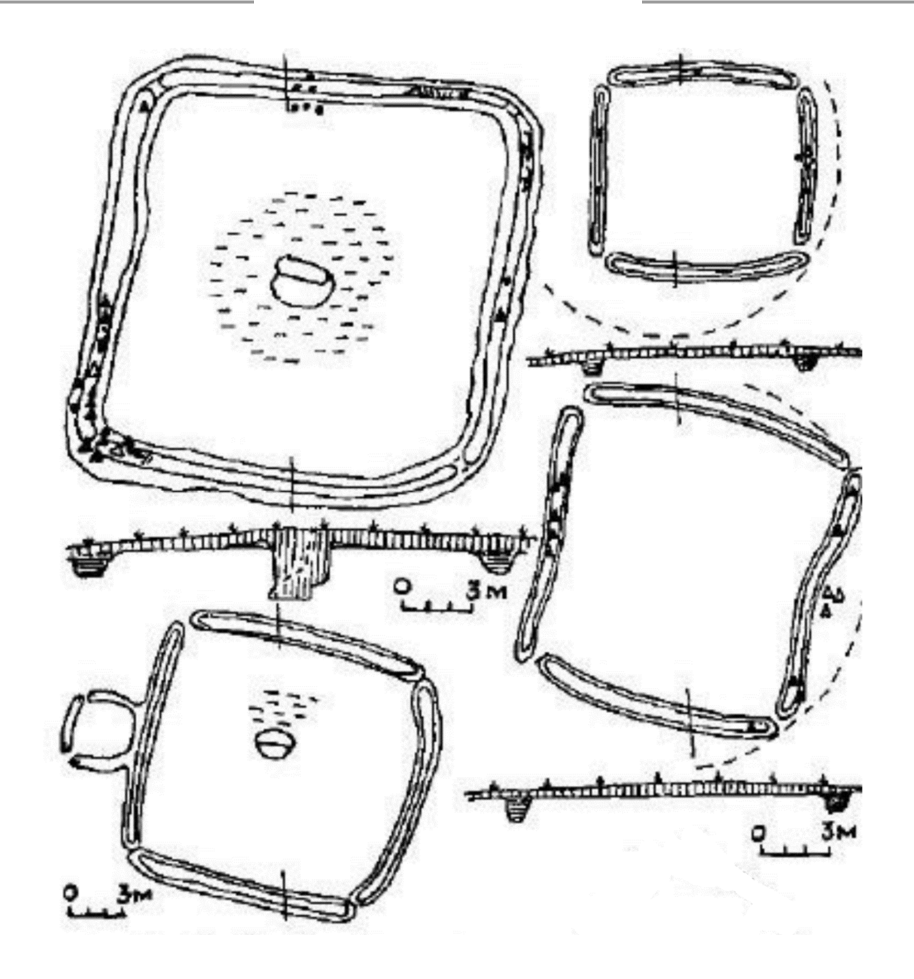

Рис. 1. Типичные примеры хазарских захоронений с квадратными ровиками. Из работы С.А. Плетневой «Очерки хазарской археологии»

Молекулярно-генетическое и ДНК-генеалогическое исследование человеческих останков (хазар) представляло собой подготовку биологического материала (очистку и измельчение зубов на вибрационной мельнице), выделение ДНК из полученного зубного порошка с использованием метода фенольной экстракции по методике, изложенной в учебно-методическом пособии (Корниенко, Харламов 2012). Оценивали количество выделенной ДНК при помощи полимеразной цепной реакции «в реальном времени» и проводили ее генотипирование.

Результаты определения гаплогрупп-субкладов и гаплотипов хазар из двух захоронений

Использование соответствующих праймеров, специфичных к снип-мутациям субкладов R1a-Z280 и Z93, показало, что если в первом случае ожидаемая мутация проходит в направлении превращения цитозин-тимин (в нуклеотиде Y-хромосомы под номером 6229881), и во втором случае в направлении превращения гуанин-аденин (в нуклеотиде Y-хромосомы под номером 7552356), то в обоих образцах ископаемых ДНК хазар мутация прошла в аденин (праймер для Z93) и сохранила

цитозин (праймер для Z280). Иначе говоря, в обоих образцах ископаемых ДНК, под номерами 1251 и 1986, обнаружился субклад R1a-Z93.

Были определены 20-маркерные гаплотипы обоих ископаемых образцов, под номерами 1251 и 1986. Гаплотипы следующие (в формате DYS 393, 390, 19, 391, 385a, 385b, 439, 389–1, 392, 389–2 — DYS 458, 447, 437, 448, 449, GATA H4, 456, 576, 438, 635):

14 23/25 16 11 10 14 10 13 11 33 — 15 24 14 20 33 11 15 19 11 23 (**1251**)
13 25 16 11 11 15 10 13 11 32 — 16 24 14 20 32 13 15 18 11 23 (**1986**)

Дробная величина во втором маркере первого гаплотипа показывает, что идентифицировать аллель как 23 или 25 экспериментально не удалось. Между этими гаплотипами — 9–11 мутаций, что очень много для 20-маркерных гаплотипов, и разводит эти гаплотипы на 9 (11)/0.0525 = 171 (210) условных поколений (по 25 лет каждое), и после поправки на возвратные мутации это дает 220–287 условных поколений, или 5500–7175 лет. Величина 0.0525 — это константа скорости мутации для 20-маркерных гаплотипов (Klyosov, Kilin 2016). Для определения датировки общего предка надо разделить это расхождение на два, и получить 2750–3590 лет назад, то есть общий предок этих двух хазарских гаплотипов жил в середине II тыс до н.э. — начале I тыс до н.э., то есть в классические скифские времена, или несколько раньше. Ясно, что эти два гаплотипа не являются родственными в узком понимании этого термина, они скорее представляют два разных племени, но оба относились к гаплогруппе R1a-Z93. Это не удивительно, поскольку субклад R1a-Z93 образовался примерно 5000 лет назад (определено по снип-мутациям: https://www.yfull.com/tree/R1a/), и на своей ранней стадии представлял исторических ариев (Клесов 2016a). Этот субклад обнаружен при раскопках в срубной археологической культуре, потаповской, синташтинской, андроновской, карасукской, а также среди современных индийцев в высших кастах Индии, среди современных карачаево-балкарцев, башкир, татар, пуштун, таджиков, узбеков и прочих современных носителей гаплогруппы R1a-Z93 (Клесов 2016a).

То, что этот субклад обнаружен у хазар — от раннезахарских до позднехазарских захоронений, свидетельствует в пользу их тюркского происхождения. Здесь речь идет не столько о языке — гаплогруппы о языке напрямую не говорят, сколько о том, что субклад R1a-Z93 обнаруживается от Алтая до Причерноморья, среди кочевых или полукочевых народов, которых обычно называют тюрками и которые могли укнаследовать его от скифов. Многие популяции, которые являются их потомками, сейчас говорят на тюркских языках, исповедуют исламскую религию, проявляют сходные особенности культуры и обычаев.

Идентифицированные гаплотипы из двух хазарских захоронений определенно не являются гаплотипами евреев гаплогруппы R1a, которые в том же 20-маркерном формате имеют вид (Клесов, Саидов 2015; Клесов 2016b):

13 25 16 **10** **11** 14 10 13 11 **30**—**14** 24 14 20 **30** 11 **14** 19 11 23
13 25 16 **10** 11 **14** 10 13 11 **30**—**14** 24 14 20 **30** **11** **14** **19** 11 23

Здесь выделены мутационные различия с гаплотипами ископаемых образцов 1251 и 1986, которые насчитывают 11–13 мутаций и 12 мутаций, соответственно. Это разводит гаплотипы из хазарских захоронений гаплогруппы R1a и гаплотипы современных евреев гаплогруппы R1a на 12/0.0525 = 229 → 323 условных поколений, то есть примерно на 8075 лет (здесь стрелка — поправка на возвратные мутации) (Клесов 2016b). Учитывая, что хазарские гаплотипы датированы примерно 1200 лет назад, и предковый гаплотип евреев гаплогруппы R1a датирован 1300 лет назад, общий предок этих хазар и евреев жил бы примерно (8075+1200+1300)/2 = 5300 лет назад, если бы это было возможно. Но это невозможно, так как эта фантомная датировка как минимум на 1300 лет старше появления гаплогруппы R1a у евреев (Клесов, Саидов 2015; Клесов 2016c).

Заключение

Подводя итоги данной работы, следует отметить, что обнаруженные субклады (R1a-Z93) и гаплотипы из двух хазарских захоронений, ранне- и поздне-хазарского, позволяют отнести их носителей к тюркам, фактически к степнякам. Несмотря на один и тот же субклад, их ископаемые носители принадлежали к разным ДНК-линиям (внутри субклада Z93), довольно далеко разошедшимся друг от друга, и их общий предок жил между серединой II тыс. до н.э. и началом I тыс. до н.э. Оба представителя хазар не имели отношения к предкам современных этнических русских (в основном субклада R1a-Z280, и субклад Z93 у которых практически отсутствует), но вполне могли иметь отношение к предкам современных карачаево-балкарцев и других кавказских народов, с выраженным субкладом R1a-Z93, а также татар, башкир, пуштунов, киргизов, и других народов, унаследовавших от древних скифов гаплогруппу R1a-Z93. Надо сказать, что археологи пока не нашли древних иудеев среди ископаемых хазар, на основании своих археологических критериев. В данной работе был рассмотрен критерий ДНК-генеалогии, и было показано, что ни один их двух ископаемых хазар также не имел отношения к древним евреям, в том числе гаплогруппы R1a.

Полученные результаты генотипирования хорошо согласуются с данными археологии, которые также свидетельствуют о тюрко-хазарской природе погребенных в курганах с квадратными ровиками.

ЛИТЕРАТУРА

Артамонов 1962 — *Артамонов М.И.* История хазар. Л.: Издательство Государственного Эрмитажа, 1962.

Батиева 2007 — *Батиева Е.Ф.* Антропология погребения хазарского времени из могильника Таловый II // Средневековые древности Дона. М.; Иерусалим, 2007.

Глебов, Иванов 2007 — *Глебов В.П., Иванов А.А.* Кочевническое погребение хазарского времени из могильника Таловый II // Средневековые древности Дона. М.; Иерусалим, 2007.

Гумилев 2008 — *Гумилев Л.Н.* Древняя Русь и великая степь. М.: АСТ, 2008.

Иванов, Гамкрелидзе 1984 — *Иванов В.В., Гамкрелидзе Т.В.* Индоевропейский язык и индоевропейцы. Тбилиси, 1984.

Ивик, Ключников 2013 — *Ивик О., Ключников В.* Хазары. М.: Ломоносов, 2013.

Ильин 1995 — *Ильин А.С.* Предварительные наблюдения патологических изменений на костных остатках человека из погребения хазарского времени из кургана 2 Кутейниковского II могильника // Культуры степей Евразии второй половины I тысячелетия н.э. Тезисы докладов конференции. Самара, 1995.

Клейн и др. 1972 — *Клейн Л.С., Раев Б.А., Семенов А.И., Субботин А.В.* Катакомба скифского времени и салтовский курган на Дону // Археологические открытия 1971 года. М., 1972.

Клесов 2016a — *Клесов А.А.* Ваша ДНК-генеалогия. М.: Концептуал, 2016.

Клесов 2016b — *Клесов А.А.* Кому мешает ДНК-генеалогия? М.: Книжный мир, 2016.

Клесов 2016c — *Клесов А.А.* ДНК-генеалогия от А до Т. М.: Книжный мир, 2016.

Клесов, Саидов 2015 — *Клесов А.А., Саидов Х.С.* Евреи и пуштуны Афганистана. М.: Концептуал, 2015.

Корниенко, Харламов 2012 — *Корниенко И.В., Харламов С.Г.* Методы исследования ДНК человека. Выделение ДНК и ее количественная оценка в аспекте судебно-медицинского исследования вещественных доказательств биологического происхождения. Учебно-методическое пособие. Ростов-на-Дону: ЮФУ, 2012.

Науменко 2004 — *Науменко В.Е.* К вопросу о времени и обстоятельствах образования Хазарского каганата // Хазарский альманах. Т. 2. Харьков, 2004.

Парусимов 1998 — *Парусимов И.Н.* Раскопки курганов в Зимовниковском районе. Труды Новочеркасской археологической экспедиции. Вып. 3. Новочеркасск, 1998.

Петрухин, Флеров 2010 — *Петрухин В.Я., Флеров В.С.* Иудаизм в Хазарии по данным археологии // История еврейского народа в России. От древности до раннего Нового времени. Т. 1. М.: Мосты культуры; Иерусалим: Гешарим, 2010.

Семенов 1988 — *Семенов А.И.* К выявлению центральноазиатских элементов в культуре раннесредневековых кочевников Восточной Европы // Археологический сборник Государственного Эрмитажа. Вып. 29. Л., 1988.

Семенов 1993 — *Семенов А.И.* О датирующих способностях византийских солидов VII–VIII вв. // Вторая Кубанская археологическая конференция. Тезисы докладов. Краснодар, 1993.

Klyosov, Kilin 2016 — *Klyosov A.A., Kilin V.V.* Kilin-Klyosov TMRCA Calculator for Time Spans up to Millions of Years // Advances in Anthropology. 2016. № 6. S. 51–71.

Koestler 1976 — *Koestler A.* Thirteenth Tribe — The Khazar Empire and its Heritage. Last Century Media, 1976.

REFERENCES

Artamonov 1962 — *Artamonov M.I.* Istoriya hazar [History Khazar], Leningrad, Izdatel'stvo Gosudarstvennogo Ermitazha Publ., 1962 [in Russian].

Batieva 2007 — *Batieva E.F.* Antropologiya pogrebeniya hazarskogo vremeni iz mogil'nika Talovyj II [Anthropology of burial of Hazaria time from a burial ground Talovy II], in: Srednevekovye drevnosti Dona [Medieval antiquities of Don], Moscow; Jerusalem, 2007 [in Russian].

Glebov, Ivanov 2007 — *Glebov V.P., Ivanov A.A.* Kochevnicheskoe pogrebenie hazarskogo vremeni iz mogil'nika Talovyj II [Kochevnichesky burial of Hazaria time from a burial ground Talovy II], in: Srednevekovye drevnosti Dona [Medieval antiquities of Don], Moscow; Jerusalem, 2007 [in Russian].

Gumilyov 2008 — *Gumilyov L.N.* Drevnyaya Rus' i velikaya step' [Ancient Russia and great steppe], Moscow, AST Publ., 2008 [in Russian].

Il'in 1995 — *Il'in A.S.* Predvaritel'nye nablyudeniya patologicheskih izmenenij na kostnyh ostatkah cheloveka iz pogrebeniya hazarskogo vremeni iz kurgana 2 Kutejnikovskogo II mogil'nika [Preliminary observations of pathological changes on bone residues of the person from burial of Hazaria time from a barrow 2 Kuteynikovsky II burial grounds], in: Kul'tury stepej Evrazii vtoroj poloviny I tysyacheletiya n.e. Tezisy dokladov konferencii [Cultures of steppes of Eurasia of the second half of the I millennium AD. Theses of reports of a conference], Samara, 1995 [in Russian].

Ivanov, Gamkrelidze 1984 — *Ivanov V.V., Gamkrelidze T.V.* Indoevropejskij yazyk i indoevropejcy [Indo-European language and Indo-Europeans], Tbilisi, 1984 [in Russian].

Ivik, Klyuchnikov 2013 — *Ivik O., Klyuchnikov V.* Hazary [Khazars], Moscow, Lomonosov Publ., 2013 [in Russian].

Klejn i dr. 1972 — *Klejn L.S., Raev B.A., Semenov A.I., Subbotin A.V.* Katakomba skifskogo vremeni i saltovskij kurgan na Donu [Catacomb of Scythian time and saltovsky barrow to Don], in: Arheologicheskie otkrytiya 1971 goda [Archaeological opening of 1971], Moscow, 1972 [in Russian].

Klyosov 2016a — *Klyosov A.A.* Vasha DNK-genealogiya [Your DNA genealogy], Moscow, Konceptual Publ., 2016 [in Russian].

Klyosov 2016b — *Klyosov A.A.* Komu meshaet DNK-genealogiya? [Who is disturbed by DNA genealogy?], Moscow, Knizhnyj mir Publ., 2016 [in Russian].

Klyosov 2016c — *Klyosov A.A.* DNK-genealogiya ot A do T [DNA genealogy from A to T], Moscow, Knizhnyj mir Publ., 2016 [in Russian].

Klyosov, Kilin 2016 — *Klyosov A.A., Kilin V.V.* Kilin-Klyosov TMRCA Calculator for Time Spans up to Millions of Years, in: Advances in Anthropology, 2016, № 6, pp. 51–71 [in English].

Klyosov, Saidov 2015 — *Klyosov A.A., Saidov H.S.* Evrei i pushtuny Afganistana [Jews and Pushtuns of Afghanistan], Moscow, Konceptual Publ., 2015 [in Russian].

Koestler 1976 — *Koestler A.* Thirteenth Tribe — The Khazar Empire and its Heritage, Last Century Media, 1976 [in English].

Kornienko, Harlamov 2012 — *Kornienko I.V., Harlamov S.G.* Metody issledovaniya DNK cheloveka. Vydelenie DNK i ee kolichestvennaya ocenka v aspekte sudebno-medicinskogo issledovaniya veshchestvennyh dokazatel'stv biologicheskogo proiskhozhdeniya. Uchebno-metodicheskoe posobie [Methods of research DNA of the person. Release of DNA and its quantitative assessment in aspect of a medicolegal research of material evidences of a biological origin. Educational and methodical grant], Rostov-on-Don, YuFU Publ., 2012 [in Russian].

Naumenko 2004 — *Naumenko V.E.* K voprosu o vremeni i obstoyatel'stvah obrazovaniya Hazarskogo kaganata [To a question of time and circumstances of formation of the Hazaria khaganate], in: Hazarskij al'manah. T. 2 [Hazaria almanac. Volume 2], Kharkiv, 2004 [in Russian].

Parusimov 1998 — *Parusimov I.N.* Raskopki kurganov v Zimovnikovskom rajone. Trudy Novocherkasskoj arheologicheskoj ekspedicii. Vyp. 3 [Excavation of barrows in Zimovnikovsky district. Works of the Novocherkassk archaeological expedition. Release 3], Novocherkassk, 1998 [in Russian].

Petruhin, Flyorov 2010 — *Petruhin V.Ya., Flyorov V.S.* Iudaizm v Hazarii po dannym arheologii [Judaism in Khazaria according to archeology], in: Istoriya evrejskogo naroda v Rossii. Ot drevnosti do rannego Novogo vremeni. T. 1 [History of the Jewish people in Russia. From antiquity till early Modern times. Volume 1], Moscow, Mosty kul'tury Publ.; Jerusalem, Gesharim Publ., 2010 [in Russian].

Semenov 1988 — *Semenov A.I.* K vyyavleniyu central'noaziatskih elementov v kul'ture rannesrednevekovyh kochevnikov Vostochnoj Evropy [To identification of the Central Asian elements in culture of early medieval nomads of Eastern Europe], in: Arheologicheskij sbornik Gosudarstvennogo Ermitazha. Vyp. 29 [Archaeological collection of the State Hermitage. Release 29], Leningrad, 1988 [in Russian].

Semenov 1993 — *Semenov A.I.* O datiruyushchih sposobnostyah vizantijskih solidov VII–VIII vv. [About the dating abilities of the Byzantine solid of the 7–8th centuries], in: Vtoraya Kubanskaya arheologicheskaya konferenciya. Tezisy dokladov [Second Kuban archaeological conference. Theses of reports], Krasnodar, 1993 [in Russian].

Клёсов Анатолий Алексеевич — доктор химических наук, профессор, Президент Академии ДНК-генеалогии, иностранный член Национальной академии наук Грузии (Бостон, США).
Anatole Klyosov — Doctor of Chemical sciences, Professor, President of the Academy of DNA Genealogy, Foreign Member of the National Academy of Sciences of Georgia (Boston, USA).
E-mail: aklyosov@comcast.net

Фалеева Татьяна Георгиевна — врач, судебно-медицинский эксперт Главного государственного центра судебно-медицинских и криминалистических экспертиз Министерства обороны Российской Федерации (Ростов-на-Дону).
Tatyana Faleeva — doctor, the forensic scientist of the Main state center of medicolegal and criminalistic examinations of the Ministry of Defence of the Russian Federation (Rostov-on-Don).
E-mail: tatiana.fal@mail.ru

УДК 94(47).02

РАБОТЫ ДМИТРИЯ ТАРАСОВИЧА БЕРЕЗОВЦА И ПРОБЛЕМА ЛОКАЛИЗАЦИИ РУССКОГО КАГАНАТА

М.И. Жих

Российско-немецкий исторический семинар
(Санкт-Петербург, Россия)
e-mail: max-mors@mail.ru
Scopus Author ID: 55358941500
Researcher ID: F–3154–2014
http://orcid.org/0000-0003–2212–6416
SPIN-код: 6149–3974

Авторское резюме

Публикуется выполненный М.И. Жихом перевод на русский язык статьи известного советского археолога-слависта Дмитрия Тарасовича Березовца (1910–1970) «Об имени носителей салтовской культуры», вышедшей в 1970 году на украинском языке, в которой была сформулирована гипотеза о тождестве салтово-маяцкой археологической культуры и русов, которыми правит хакан, восточных источников. Статья Д.Т. Березовца стала одним из этапных моментов в дискуссии о Русском каганате — известном из источников политическом объединении, предшествующем Киевской Руси. Перевод статьи Д.Т. Березовца снабжен историографическим предисловием с обозрением дискуссии о Русском каганате и комментариями, в которых с учетом новейшей литературы показаны возможности дальнейшего сопоставления этнографического описания русов в восточных источниках с археологическими материалами салтовской культуры, намеченного в статье Д.Т. Березовца.

Ключевые слова: аланы, русы, восточные источники, славяне, археология, этнография, салтово-маяцкая культура, Русский каганат, историография, Д.Т. Березовец.

WORKS OF DMITRY TARASOVICH BEREZOVETS AND THE PROBLEM OF LOCALIZATION OF THE RUS' KHAGANATE

Maksim Zhikh

The Public and Scientific Project «Russian-German Historical Seminar»
(Saint-Petersburg, Russia)
e-mail: max-mors@mail.ru

Abstract

Maksim Zhikh presents his translation into Russian of an article by well-known Soviet slavist-archaeologist Dmitry Tarasovich Berezovets (1910-1970) On the names of the Saltovo Culture Bearers published in Ukrainian in 1970, where the author formulated a hypothesis about the identity of the Saltovo-Mayaki archaeological culture with the Rus' ruled by a hakan (described in the eastern sources). The article by D.T. Berezovets became one of the landmark moments in the discussion about the Russian Khaganate - a

known from sources political entity preceding Kievan Rus. Maksim Zhikh provides a historiographic preface to the translated work of Berezovets with an overview of the discussion on the Rus Khaganate and commentaries, which, taking into account the latest literature, show opportunities for further study of matches between the ethnographic description of the Rus in eastern sources and the archaeological materials of the Saltovo culture outlined in the paper by D.T. Berezovets.

Keywords: Alans, Rus', eastern sources, Slavs, archeology, ethnography, Saltovo-Mayaki culture, Rus' Khaganate, historiography, D.T. Berezovets.

* * *

Дмитрий Тарасович Березовец (1910–1970) — известный советский археолог-славист, кандидат исторических наук, специалист по черняховской культуре, древностям восточных славян второй половины I тыс. н.э. (первооткрыватель волынцевской и пеньковской археологических культур), салтовской культуре. Впервые, будучи учителем средней школы, участвовал в 1929–1930 гг. в раскопках Райковецкого городища. Работал в Бердичевском музее. С началом Великой Отечественной войны Д.Т. Березовец был призван в действующую армию. Попал в плен к немцам во время тяжелейших отступательных боев Красной армии в 1941 г. Находясь в фашистском концлагере, отказался сотрудничать с РОА, возглавил отряд сопротивления, сумел бежать из лагеря. После войны Д.Т. Березовец стал научным сотрудником Института археологии АН УССР.

С 1947 г. по середину 1960-х гг. Д.Т. Березовец вел раскопки археологического комплекса близ села Волынцево на Путивльщине, ставшего опорным памятником для характеристики волынцевской археологической культуры славян Днепровского Левобережья.

В 1956 г. Д.Т. Березовец обнаружил и начал исследование поселения VI–VIII вв. у села Пеньковка Кировоградской области, ставшего эпонимным для пеньковской археологической культуры.

Открыв волынцевскую и пеньковскую культуры, начав их археологическое исследование и предложив историческую интерпретацию данных памятников, Д.Т. Березовец заложил основы для изучения наиболее «темного» на тот момент периода развития славянской культуры Днепровского Левобережья — VI–VIII вв.

Диссертация Д.Т. Березовца была посвящена истории и археологии восточнославянского этнополитического объединения северян (Березовец 1969). Также ученый ряд работ посвятил уличам. Трудами Д.Т. Березовца изучение славянских древностей Днепровского Левобережья второй половины I тыс. н.э., и понимание происходивших здесь в это время исторических процессов, было выведено на новый уровень (подробнее о жизни и научной работе Д.Т. Березовца см.: Сміленко, Сухобоков 1990: 107–115; Приймак, Примак 1999: 351–354; Юренко 2010: 31; Білинський 2013: 170–171).

В последние годы жизни Д.Т. Березовец занимался изучением памятников салтовской культуры, которые с юга граничили с роменскими памятниками северян (Березовец 1965). Эти исследования привели Д.Т. Березовца к выводу, что носители

салтовской культуры, этническую основу которых составляли аланы, — это никто иные как русы с хаканом во главе ранних восточных источников. Салтовская культура находится именно там, где восточные авторы локализуют русов, а то, как жизнь «салтовцев» рисуется по археологическим материалам удивительно точно совпадает с этнографическими описаниями русов у мусульманских писателей.

К сожалению, все работы Д.Т. Березовца, посвященные проблеме соотношения салтовской культуры и русов с хаканом во главе вышли уже после смерти ученого (Березовец 1970: 59–74; 1972: 288–292; 1999: 320–350), поэтому полноценного обсуждения новой концепции не состоялось.

Поскольку выводы Д.Т. Березовца о русах как об аланах-салтовцах, представляли собой, так сказать, третий путь в поисках истоков руси, и резко расходились как с «норманизмом», так и с «антинорманизмом», а также и с традиционными взглядами на историю Хазарии, то в последующей историографии они не получили достаточного развития.

Ученого поддержал археолог Д.Л. Талис, который отталкиваясь от концепции Д.Т. Березовца, показал, что в Крыму проживали носители салтовской культуры, родственные верхнедонским аланам, которые в источниках именовались «росами» (Талис 1973: 229–234; 1974: 87–99). В поддержку гипотезы Д.Т. Березовца высказались А.Г. Николаенко (Николаенко 1991) и А.Г. Кузьмин (Кузьмин 2003: 243–267; 2005: 266–294). О.Н. Трубачев в рамках развиваемой им гипотезы об индоарийском происхождении руси, сделал вывод, согласно которому именно в районе салтовско-славянского пограничья «начал шириться этноним Рус, Русь, почему говорят о Донской Руси. Донская Русь, ее положение по отношению собственно Хазарии, с одной стороны, и Киевской Руси, — с другой, сохраняет в себе еще много нерасшифрованного. В силу этих и других причин внимание научной истории как бы соскальзывает с этого промежуточного, малоизвестного объекта» (Трубачев 2005: 148).

О русах, которыми правит каган, сообщают источники IX века, относящиеся к двум независимым друг от друга традициям восточной и западноевропейской (с византийским посредством).

Согласно так называемой «Анонимной записке», описанию степного пояса Евразии (токузгузы, огузы, киргизы, карлуки, кимаки, печенеги, хазары, буртасы, булгары, мадьяры, славяне, русы, Сарир, аланы), которое, судя по локализации в нем кочевых народов, должно датироваться первой половиной IX в. (об «Анонимной записке» см.: Göckenjan, Zimonyi 2001; Калинина 2003: 204–216; Галкина 2010: 54–98) и которое с теми или иными отличиями передается рядом арабо-персидских авторов, русы живут между славянами с одной стороны, Сарир и аланами — с другой, и правит ими каган.

Ибн-Русте (конец IX — первая половина X в.): «у них (русов. — М.Ж.) царь, именуемый хакан-рус» (Заходер 1967: 78). Гардизи (XI в.): «у них (русов. — М.Ж.) есть царь, которого называют хакан-рус» (Заходер 1967: 78). «Худуд-ал-Алам» (982 г.): «они (русы. — М.Ж.) называют государя рус-хакан» (Заходер 1967: 79).

Франкские Бертинские анналы IX в. под 839 г. сообщают о прибытии к Людовику I Благочестивому (778–840) посольства византийского императора Феофила (829–842): «Прибыли также греческие послы, отправленные императором Феофилом, а именно: Феодосия, халкедонский митрополит — епископ, и Феофан, спафарий, везя императору послание с достойными дарами. Император с почетом принял послов 18 мая в Ингельгейме. Их посольство вело переговоры о подтверждении договора и мира, а также вечной дружбы и любви между обоими императорами и их подданными; также сообщалось о милости и ликовании во господе вследствие побед, которые он [Феофил] одержал, воюя против чужих народов; за них он призвал императора и его подданных по-дружески воздать благодарность Подателю всех побед. Он также послал с ними неких [людей], которые говорили, что они, то есть их народ, называются рос (*Rhos* — калька с греческого *Ῥῶς*, которое, очевидно, читалось в византийских сопроводительных документах — М.Ж.), что их король (*rex*), называющийся хакан (*chacanus*)[1], послал их к нему [Феофилу], как они заявляли, дружбы ради. Он [Феофил] просил в упомянутом письме, чтобы они, по милости императора, получили возможность и средства безопасно возвратиться через его империю, потому что путь, по которому прибыли в Константинополь, они проделали среди варварских племен, ужаснейших, отличавшихся безмерной дикостью, и он [Феофил], не желал, чтобы они возвращались тем же путем, подвергаясь опасности. Расследуя более тщательно причину их прибытия, император узнал, что они из народа свеонов (*Sueoni*), и решив, что они являются в той стране и в нашей скорее разведчиками, чем просителями дружбы, он счел нужным задержать их у себя до тех пор, пока не сможет истинно узнать, пришли ли они честно туда или нет. Он не замедлил поставить в известность об этом Феофила через упомянутых послов и в письме, и что их [росов] он охотно из любви к нему принял, а также, если окажется, что они заслуживают доверия, им будет предоставлена возможность вернуться безопасно на родину; они будут отправлены, причем им будет оказано содействие; в противном случае они будут направлены к лицу его вместе с нашими посланцами, чтобы он по собственному решению поступил с ними так, как подобает поступить с подобными людьми» (Свердлов 2017: 13–15).

М.Б. Свердлов делает важное пояснение к переводу: «Перевод может быть другой. От глагола dicebant зависит оборот accusatives cum infinitive: se… vocari. В средние века se ставилось вместо eum или eos; vocari — от глагола voco infinitivus prass. passivi. Следовательно: ʹʹОн также послал с ними неких людей, которые говорили, что их, то есть их народ, называют росʹʹ. Отсюда смысл известия другой: пришедших в Ингельгейм шведов другие народы называли *росами*, хотя они сами себя называли sueoni — *шведы*... Вероятно, в данном случае смысл фразы заключается в том, что другие люди называют этот народ *рос* и послы — сами себя… Из

[1] Франки вообще нередко принимали титул «каган» за имя. Так, в «Хронике Фредегара» читаем об аварах: «regem eorum gagano» — «король их (по имени) хаган» (Fred. IV. 48).

сообщений Пруденция и ал-Йа'куби видно, что в IX в. скандинавов называли *росами* (*русами*) другие народы. Отсюда следует важный вывод, согласно которому о норманском государстве или о господстве норманнов в государственном образовании росов (русов) 830-х годов говорить не приходится» (Свердлов 2017: 15–16).

То есть из источника никоим образом не следует тождество росов с хаканом во главе и «свеонов» (*Sueoni*). Франки никакой связи между народом «рос» и «свеонами» не видели. Свеоны только в силу неких причин представляли политию росов в качестве послов, но сами росы — не свеоны, вот какой вывод можно сделать из сообщения Бертинских анналов.

Venerunt etiam legati Grecorum a Theophilo imperatore directi, Theodosius[1] videlicet Calcedonensis metropolitanus episcopus et Theophanius spatarius, ferentes cum donis imperatori dignis epistola[d]; quos imperator quinto decimo Kalendas Iunii in Ingulenheim honorifice suscepit. Quorum legatio super confirmatione pacti et pacis atque perpetuae inter utrumque imperatorem eique[f] subditos amicitiae et caritatis agebat, necnon de victoriis, quas adversus exteras bellando gentes caelitus fuerat assecutus, gratificatio et in Domino exultatio ferebatur; in quibus imperatorem sibique subiectos amicabiliter Datori victoriarum omnium gratias referre poposcit. Misit etiam cum eis quosdam, qui se, id est[g] gentem suam, Rhos[2] vocari dicebant, quos rex illorum chacanus[1] vocabulo ad se amicitiae, sicut asserebant, causa direxerat, petens per memoratam epistolam, quatenus benignitate imperatoris redeundi facultatem atque auxilium per imperium suum toto[a] habere possent, quoniam itinera, per quae ad illum Constantinopolim venerant, inter barbaras et nimiae feritatis gentes inmanissimas habuerant, quibus eos, ne forte periculum inciderent, redire noluit. Quorum adventus causam imperator diligentius investigans, comperit, eos gentis esse Sueonum. Exploratores potius regni illius nostrique quam amicitiae petitores ratus, penes se eo usque retinendos[b] iudicavit, quoad veraciter inveniri posset, utrum fideliter eo necne pervenerint; idque Theophilo per memoratos legatos suos atque epistolam intimare non distulit, et quod eos illius amore libenter susceperit, ac, si fideles invenirentur, et facultas absque illorum periculo in patriam remeandi daretur, cum auxilio remittendos; sin alias, una cum missis

В 871 г. восточнофранкский король Людовик II (843–876), отвечая на несохранившееся послание византийского императора Василия I Македонянина (867–886) и споря с ним о правильности употребления титулов (между Византией и франками шла полемика по вопросу о правомочности принятия правителями последних императорского титула), в числе прочего, заявил: «Хаганом (*chaganus*) же, как убеждаемся, звался предводитель (*prelatus*) авар (*Avares*), а не хазар (*Gazani*) или норманнов (*Nortmanni*), а также не правитель (*princips*) болгар (*Vulgares*), а король или государь (*dominus*) болгар» (Западноевропейские источники 2010: 23–24).

Франки хорошо были знакомы с Аварским каганатом, а вот о Хазарии они, видимо, мало что знали и не имели с ней никаких стабильных контактов, соответственно, ничего не знали и о титуловании ее правителей. Также ничего они не знали и о титуловании правителя неких «северных людей» (*Nortmanni*), так как с ними, видимо, тоже никаких стабильных контактов не поддерживали. А вот византийцы, очевидно, были хорошо знакомы как с хазарами, так и с «северными людьми», и Византия признавала за их правителями титулы каганов.

В византийском послании на месте «северных людей» (*Nortmanni*) франкского латиноязычного источника, стояло, очевидно, что-то типа «северные скифы» (*οἱ βόρειοι Σκύθαι*) / «тавроскифы» (*Ταυροσκύθες*), как нередко в византийских источниках (Лев VI Мудрый, Лев Диакон, Михаил Пселл, Георгий Кедрин, Иоанн Зонара, Иоанн Киннам, Анна Комнина, Никита Хониат и т.д.) именуются русы, что было просто калькировано франками[1]. Сравним с тем, как в Бертинских анналах было в форме *Rhos* калькировано византийское *Ῥῶς*, совершенно не типичное для европейских обозначений Руси (их обзор см.: Назаренко 2001: 11–50).

Сопоставляя сообщение Бертинских анналов и послание Людовика II можно заключить, что полития русов, правитель которой титуловался каганом, находилась где-то очень далеко от государства франков, никаких стабильных контактов с ней они не имели, ничего о ней не знали, и сталкивались с ней только при византийском посредстве. Но по иронии судьбы соответствующие франкские источники сохранились, а византийские — нет. Тем не менее важность этих двух франкских известий сложно переоценить: они независимо подтверждают данные восходящих к «Анонимной записке» восточных источников о существовании русов, которыми правит хакан. Совпадает и хронология соответствующих известий: «Анонимная записка» — первая половина IX в., Бертинские анналы — 839 год.

Источники о Руси X в., существенно более многочисленные, ни разу не называют ее правителей каганами, из чего можно заключить, что в это время данный титул правителями русов не употреблялся. В XI–XII вв. он применительно к русским князьям появляется в древнерусских источниках (Произведения митрополита Илариона, надпись на стене собора Святой Софии в Киеве; Слово о полку Игореве),

[1] Позднее «северными людьми» русы названы в «Венецианской хронике» (Западноевропейские источники 2010: 53) и у Лиутпранда (Antap. V, 15; Западноевропейские источники 2010: 38). Оба известия связаны с Византией и также, очевидно, являются латинским калькированием указанных византийских терминов.

но невозможно однозначно сказать, имел ли он непосредственную преемственность по отношению к Русскому каганату IX в. или имел иное происхождение и вторичный по отношению к нему характер (результат разгрома Святославом хазар-? Влияние болгарской книжности, где упоминался каган авар-?).

При этом надо сделать важное пояснение: источникам не известен ни Хазарский *каганат*, ни Аварский *каганат* и т.д., в них есть только упоминания о *кагане* хазар, *кагане* авар и т.д. «Каганат» — сугубо кабинетный термин современной науки, неизвестный источникам. И если на основании упоминаний в источниках о *каганах* авар и хазар ученые условно именуют возглавляемые ими политии *каганатами*, то на основе упоминаний в источниках о *кагане* русов можно с аналогичным основанием употреблять в науке термин Русский *каганат*.

Очевидна дискретность между начальными этапами формирования того Древнерусского государства, о котором мы знаем из летописей, и предшествующим ему Русским каганатом. Его существование плохо вписывается в существующие представления о ходе древнерусского политогенеза. По этой причине ряд ученых относится к сообщениям источников о русах во главе с хаканом по принципу «если источники противоречат теории — тем хуже для источников», отрицая их значимость и стараясь тем или иным образом их дискредитировать (см. например: Петрухин 2001: 127–142; 2014: 118–124; Толочко 2015: 112–135)[1].

Существует мнение, согласно которому *chacanus* в сообщении Бертинских анналов — это не передача титула «каган», а скандинавское имя Håkon / Хакон (Garipzanov 2006: 7–11). Его можно было бы обсуждать, если бы круг источников о Русском каганате был ограничен Бертинскими анналами, но поскольку существуют еще послание Людовика II и восточные источники, подобные спекуляции должны быть категорически отвергнуты. Каган, правящий русами в IX веке — это, безусловно титул, четко прописанный в нескольких независимых источниках.

Периодически высказывается также гипотеза, что русы, которыми правит хакан — это некие вассалы Хазарии, соответственно каган, о котором идет речь в

[1] Некоторые авторы вместо объективного анализа источников настойчиво пытаются навязать свое заранее заданное понимание содержащихся в них данных. Так, А.С. Щавелев полагает, что раз до конца IX в. «скандинавских древностей… в Киеве нет», то «любые спекуляции на тему ''русского каганата'' первой половины IX в. в Киеве (Среднем Поднепровье) беспочвенны» (Щавелев 2013: 114). О.Л. Губарев, назвав почему-то термин «Русский каганат» «одиозным», пишет: «первая часть термина ''Русский'' относится к русам-скандинавам, народу мореходу… Вторая часть термина — ''каганат'' — обозначает империю кочевого народа, степняков, покоривших ряд других народов. Властитель такой империи носил титул ''кагана'' — сакрального хана ханов… Нет ничего более противоположного, чем кочевники и народ-мореход. Тогда данный термин уже сам по себе сочетает несочетаемое, содержит в себе противоречивую информацию» (Губарев 2018). По поводу подобных спекуляций совершенно справедливо высказался П.П. Толочко: «Еще менее убедителен аргумент, согласно которому говорить о Южной Руси IX в. не позволяет полное отсутствие каких-либо скандинавских находок ранее X в. в Киеве и на всем Среднем Поднепровье. Не правда ли, интересная логика рассуждений? Сначала априори принимается вывод о том, что русы — это шведы, а затем отсутствием следов этих самых шведов в Киеве ранее X в. доказывается невозможность нахождения здесь и Руси» (Толочко 2013: 42).

источниках — это хазарский каган, которому подвластны русы (см. например: Васильевский 1915: CXVII; Юшков 1940: 41–43; Толочко 2015: 133–135). Но данная гипотеза прямо противоречит источникам: в «Анонимной записке» назван как каган хазар («верховный же государь у них (у хазар — М.Ж.) — хазар-хакан»: Ибн Русте 1869: 16), так и каган русов. В послании Людовика II упомянуты как каган хазар, так и каган «северных людей». Из этого однозначно следует, что перед нами две разные политии, возглавляемые каганами.

Существование Русского каганата IX в. — факт, надежно удостоверенный восточными и франкскими источниками. Все известные попытки поставить их под сомнение неубедительны как по своему исходному методологическому посылу (подход «от теории к источнику»), так и по конкретным аргументам и выводам.

Совершенно справедливо заключил С.А. Гедеонов: «Ни одно из начальных явлений нашей древней истории ни утверждено на доказательствах более положительных, официальных, независящих друг от друга. Русский хаганат в 839–871 годах вернее призвания варягов, договоров Олега, Игоря, Святослава, летописи Нестора»; «Существование Русского хаганата в IX веке (839–871 гг.) неопровержимый исторический факт» (Гедеонов 2004: 339, 341). Убедителен и аналогичный вывод В.В. Седова: «Каких-либо данных, позволяющих сомневаться в существовании в IX в. Русского каганата, у нас нет» (Седов 1999: 67; 2002: 275).

Среди ученых, признающих реальность существования Русского каганата и, соответственно, пытающихся встроить его в свои концепции древнерусского политогенеза, особую популярность получили две концепции.

Обе они производны от общего взгляда исследователей на проблему соотношения варягов и русов, к которой в науке существует два похода: согласно одному подходу, ранние русы — это некий народ, живший на юго-востоке Европы, имя которого было вторично перенесено на варягов, когда они появились в данном регионе (см. например: Гедеонов 2004: 287–386; Иловайский 1882; Васильевский 1915: I–CCLXXXVIII; Пархоменко 1924: 54–56; Дьяконов 1939: 83–90; Вернадский 1996: 270–293; Тихомиров 1979: 22–45; Насонов 1951: 28–68; Рыбаков 1953: 23–104; 1982: 55–90; Третьяков 1968: 179–187; 1970: 72–110; Березовец 1970: 59–74; 1972: 288–292; 1999: 320–350; Талис 1973: 229–234; 1974: 87–99; Толочко 1987: 14–36; 2013: 38–59; Седов 1998: 3–14; 1999: 50–82; 2002: 255–295; 2003: 3–14; Николаенко 1991; Станг 1999: 119–147; Галкина 2002; 2006: 385–446; 2012; Радомский 2004; Трубачев 2005: 131–188; Королев 2006: 88–102; Максимович 2006: 14–56; Фроянов 2015: 93–98); согласно другому, варяги и русы были изначально полностью тождественны (см. например: Шахматов 1919: 43–64; Смирнов 1928; Бартольд 1940: 15–50; Новосельцев 1965: 402–407; Мельникова, Петрухин 1989: 24–38; Петрухин 1995; 2001: 127–142; 2014; Цукерман 2001: 59–69; Лебедев 2005: 410–596; Мачинский 2009: 460–538; Кулешов 2009: 441–459; Франклин, Шепард 2009: 15–289; Мельникова 2011; Щавелев 2013: 112–121; Фетисов, Щавелев

2017)[1].

(1) Авторы, отождествляющие варягов с русами, локализуют Русский каганат где-то на севере Восточной Европы, там, где археологически фиксируются наиболее ранние следы появления варягов в Восточной Европе и считают, что это некая полития, созданная «дорюриковыми» варягами: в Ладоге (см. например: Цукерман 2001: 59–69; Мачинский 2009: 492–501); на Рюриковом городище (см. например: Бартольд 1940: 19–22; Франклин, Шепард 2009: 52–75); в районе Старой Русы (см. например: Шахматов 1919: 53–58); на Верхней Волге (см. например: Смирнов 1928) и т.д. В свою очередь, среди ученых, которые видят в варягах не скандинавов, а балтийских славян, популярна гипотеза, согласно которой «остров русов», которыми правит хакан — это Рюген (см. например: Кузьмин 1970: 28–55; Трухачев 1981: 159–174; Прозоров 2007).

Названные гипотезы, на наш взгляд, не выдерживают никакой критики.

Во-первых, они не стыкуются с реальной историко-археологической ситуацией на севере Восточной Европы IX в. (подробнее о ней см.: Жих 2018: 36–44), которая на основании имеющихся данных рисуется следующим образом.

Около середины VIII в. в устье Волхова появляются варяги, выходцы из балтийского региона, где формируется полиэтничное торговое поселение в Ладоге (Кирпичников 1988: 39), связанное с Балтийско-Волжским путем, но дальше вглубь Восточной Европы около ста лет они не продвигаются по сути ни на шаг: до середины IX в. ни на одном поселении кроме Ладоги не выявлено надежных признаков проживания варягов, носителей циркумбалтийской дружинной культуры (находки отдельных вещей не в счет, так как они свидетельствуют не о проживании выходцев из балтийского региона, но только о контактах с ними словен, кривичей и т.д.). В.В. Седов констатировал: «Полное отсутствие до середины IX в. характерных скандинавских находок на других поселениях северо-запада свидетельствует о том, что торговая активность варягов ограничивалась Ладогой, они еще не решались широко проникать вглубь словенско-кривичских территорий. Очевидно, торговая деятельность, а на ее развитие указывают находки восточных монет, находилась в этих землях в руках представителей местного населения. Кроме Ладоги единичные находки (кресало и топор) скандинавских типов, определяемые концом VIII — первой половиной IX в., найдены еще на Сарском городище, в области проживания мери, но говорить о проникновении сюда скандинавов на основе их явно преждевременно» (Седов 2003: 7). Признаков проживания варягов нет

[1] В связи с тем, что обе концепции имеют под собой достаточную аргументацию и дискуссия между их сторонниками заходила в тупик, В.А. Брим сделал вывод о возможности существования соответствующих омонимичных имен как на юго-востоке Европы, так и в балтийском регионе, которые впоследствии контаминировались (Брим 1923). Данная гипотеза, с теми или иными вариациями, встретила в разное время поддержку ряда ученых (Е.А. Рыдзевская, Б.Д. Греков, М.Я. Сюзюмов, А.П. Новосельцев) и была принята М.Б. Свердловым (Свердлов 2003: 92–95; 2011: 578–584. Там же см. историографию вопроса) и А.А. Горским (Горский 2004: 43–46). Основательно развил ее в своих работах А.Г. Кузьмин (Кузьмин 2003: 242–313).

в ранних материалах Новгородского городища, в материалах Холопьего городка, городища на Сяси, Новых Дубовиков, материалах Изборска или ранних материалах Псковского городища и т.д. (Седов 1999а: 100–111; 2003: 4–6).

Из этого следует, что словене и их союзники вполне успешно «блокировали» варягов в Ладоге и не давали им в течение примерно ста лет никуда продвигаться иначе как в качестве купцов.

Более того, рядом с неукрепленной Ладогой существовала славянская крепость Любша, где укрепления были возведены еще в конце VII — начале VIII в. (о Любшанском городище см.: Рябинин, Дубашинский 2002: 196–203; Рябинин 2003: 16–19), при том, что поселение в Ладоге до последней четверти IX в. не имело укреплений[1]. Очевидно, что укрепленное поселение политически господствовало над неукрепленным. Это дает нам ключ к пониманию того, что представляло собой с историко-социологической точки зрения раннее поселение в Ладоге: оно было полиэтничным международным торговым эмпорием, находившимся под политическим контролем словен и их крепости Любши. Торговое поселение в Ладоге не имело и в силу самой своей социальной природы не могло иметь значения политико-организационного центра, не могло быть «столицей» севера Восточной Европы.

Историческая ситуация в Ладожско-Ильменском регионе и соседних землях существенно меняется только в середине IX в.: с этого времени варяжская дружинная культура появляется на Новгородском (Рюриковом) городище, где ранее существовало поселение словен, признаки проживания варягов появляются в Верхнем Поволжье и в некоторых других пунктах (Седов 1999а: 125–127), что вполне согласуется с рассказом ПВЛ о призвании Рюрика и его варягов. Учитывая, что в предшествующие сто лет словене вполне успешно блокировали продвижение варягов, то их успешное перемещение на юг и восток около середины IX в., очевидно, явилось результатом союза со словенами. И именно как союзники словен варяги получили возможность такого продвижения. Появление варягов Рюрика в землях словен, главенствовавших в северной восточнославянской политии, стало результатом определенного соглашения — «ряда» между ним и словенами, а также их союзниками (кривичами, мерей и чудью).

Сказанное решительно не позволяет связывать с варягами русов ранних восточных, византийских и западноевропейских источников, действующих на юго-востоке Европы, которыми правит каган. В то время как варяги еще не продвинулись никуда дальше Ладоги или в лучшем случае, только появились на Новгородском городище и в Верхнем Поволжье, источники уже знают Русский каганат как существующую политию.

---

[1] «Не менее ста лет (с середины VIII до середины IX вв.) архаическое раннегородское поселение в Ладоге не имело укреплений и располагалось вокруг гавани, первоначально образованной несколькими (ныне исчезнувшими подземляными напластованиями и фортификацией ладожских оборонительных сооружений) речными рукавами Ладожки/Елены» (Лебедев 2005: 450). Укрепления, причем каменные, в Ладоге возводятся только в конце IX в. (Кирпичников 1984: 23–42).

Во-вторых, предметный анализ географических координат сочинений, восходящих к «Анонимной записке», неизменно приводит ученых к выводу, что она локализует русов на юго-востоке Европы, рядом со славянами (вятичами или северянами), Сарир и аланами (Березовец 1970: 59–74; Рыбаков 1982: 172–234; Поляк 2001: 87–91; Седов 2003: 8–10; Галкина 2002: 63–138; 2006: 202–270; 2012: 42–155, 256–313; Свердлов 1970: 363–369; 2003: 92–99)[1].

В-третьих, в принципе только на юге Восточной Европы возможно помещать политию, правитель которой именует себя «каганом», титулом, считавшимся наивысшим у народов евразийских степей, ибо только здесь были понятны его смысл и значение. Локализации Русского каганата где-то на севере (на о. Рюген, в Ладоге, на Городище, в Верхнем Поволжье и т.д.), безосновательны — титул «кагана» просто не мог там появиться, так как не имел в этом регионе никакого смысла, будучи чем-то вроде «герцога» в Китае.

В-четвертых, вспомним, что полития русов с хаканом во главе была неведома франкам, которые знали о ней только через византийское посредство и никак иначе (это следует из того, что в своих соответствующих сообщениях они просто калькировали византийские термины). Между тем, циркумбалтийский регион находился в поле их интересов и едва ли бы они не знали о существовании здесь подобного политического объединения. А ведь судя по титулу ее правителя (причем, как следует из франкских источников, титулу, признаваемому византийской канцелярией-!), эта полития должна была быть очень серьезной и влиятельной.

В-пятых, инфраструктурная проблема. На севере Восточной Европы первой половины — середины IX в. просто нет инфраструктуры и поселенческих центров такого уровня, чтобы их правитель мог заявить о столь серьезных политических амбициях и чтобы соседи эти амбиции признали: «Не следует в то же время переоценивать демографический потенциал Севера в IX — первой половине X в. Показательны, прежде всего, скромные размеры торгово-ремесленных поселений и административных центров. Попав на общие карты средневековой Европы и Средиземноморья, они постепенно стали восприниматься как соразмерные средневековым столицам. Площадь Рюрикова городища оценивается Е.Н. Носовым как 6–7 га, площадь Ладоги на раннем этапе ее существования не превышала 8 га, площадь Сарского городища вместе с посадами составляла 3 га. Городища в Приильменье и Поволховье имеют минимальные размеры — 0,2–0,5 га. При всей значимости этих поселений, кажется очевидным, что их собственные людские

[1] Результатам предметного анализа географических сведений восточных источников, показавшим, что русы в них локализуются на юго-востоке Европы, И.Г. Коновалова противопоставила голословное утверждение о том, что будто бы «вся совокупность ранних данных о русах в мусульманской литературе указывает на их северное происхождение» (Коновалова 2001: 170). На самом деле не то, что «совокупность данных», но вообще ни один из ранних восточных источников никоим образом не указывает на северную локализацию русов. О севере Восточной Европы в представлении ранних восточных авторов см.: Галкина 2002: 72–81; 2012: 49–56.

ресурсы и экономические возможности были недостаточны для установления контроля над территориями, простиравшимися от Балтийского моря до границ степи» (Макаров 2012: 455).

В-шестых, прямые контакты с Византией для политии, расположенной где-то на севере Восточной Европы для первой половины IX в. выглядят как что-то нереальное. Византия и Русский каганат явно должны были находиться в поле зрения и интересов друг друга (обстоятельную критику гипотез северной локализации Русского каганата см.: Шаскольский 1981: 47–48; Седов 2003: 3–8; Галкина 2002: 72–81; 2012: 49–67).

(2) Второй популярной гипотезой локализации Русского каганата является его размещение на Среднем Днепре с центром в Киеве и понимание как непосредственного социально-политического предшественника Киевской Руси (см. например: Гедеонов 2004: 337–349; Пархоменко 1924; Мавродин 1945: 200–204; Сахаров 1980: 36–47; Шаскольский 1981: 43–54; Рыбаков 1982: 284–316; Толочко 1987: 14–36; 2013: 46–59; Свердлов 2003: 92–99; Горский 2004: 54–58; Фроянов 2015: 97–98).

Эта гипотеза может объяснить принятие правителем русов титула каган (соперничество с соседней Хазарией), лучше соответствует локализации русов с хаканом во главе в восточных источниках, не противоречит возможности их контактов с Византией. Но и она сталкивается с плохо разрешимыми трудностями.

Во-первых, киевская локализация Русского каганата не объясняет четкого разделения славян и русов как двух разных народов в восточных источниках (этот вопрос хорошо разобран в публикуемой статье Березовца).

Во-вторых, также как и северная, киевская локализация Русского каганата наталкивается на инфраструктурную проблему. Здесь для первой половины — середины IX в. точно также, как и на севере, просто нет инфраструктуры и поселенческих центров необходимого уровня. Киев данного периода никак не может быть назван значительным центром (обзор археологических данных о начальных фазах истории Киева см.: Комар 2005: 115–137).

В то время как согласно «Анонимной записке» русы ведут активную торговлю (см. комментарий [XIII]), по археологическим данным «в IX в. на территории Среднего Поднепровья наблюдается почти абсолютный экономический вакуум» — здесь практически отсутствуют монетные находки, относящиеся к периоду до X в. (Щавелев, Фетисов 2014: 25–26).

Поскольку и «киевский» и «северный» варианты локализации Русского каганата не находят подтверждения, ряд ученых начал поиски третьего пути в решении данного вопроса. Первым его контуры наметил Г.В. Вернадский. Пытаясь соединить локализацию Русского каганата в восточных источниках (юго-восток Европы), идею об иранском происхождении этнонима *русь* и то обстоятельство, что в ряде более поздних источниках под русами «подразумевались скандинавы» (Вернадский 1996: 284), ученый высказал следующую гипотезу: первая волна переселенцев из Скандинавии в Восточную Европы в 730-е гг. добралась до Верхнего Дона, где объединилась с одним из аланских племен (*рухс асами* — «светлыми

асами»), от которых переняла этноним. В союзе скандинавы и аланы разгромили венгров. Так в регионе Подонья и Приазовья образовалось алано-скандинавское государство — Русский каганат письменных источников, существовавший примерно около столетия в 730–830-е гг., и отразившийся в скандинавском эпосе (Вернадский 1996: 270–293).

Гипотеза Г.В. Вернадского в том виде, как она была сформулирована, не нашла археологического подтверждения: ни о каком переселении скандинавов в VIII в. в Подонье, судя по археологическим материалам, не может быть и речи. Но аргументы ученого в пользу подонско-приазовской локализации Русского каганата и его связи с аланами остались в силе.

Д.Т. Березовец, мысли которого шли в том же направлении, что и у Г.В. Вернадского[1], и который поместил русов с хаканом во главе в том же регионе (в Подонье), опираясь на археологический материал, пришел к выводу, что русы ранних восточных источников — это аланы, носители яркой и самобытной салтовской культуры.

На юго-востоке Европы локализовал Русский каганат и В.В. Седов[2]. Согласно гипотезе ученого его археологическим отражением является славянская волынцевская культура VIII — начала IX в.[3] В.В. Седов обратил внимание на то, что в историографии характеристика этнокультурных и политических процессов, происходивших в Восточной Европе в IX–X вв. нередко дается в обобщенном виде, и в таком же суммарном виде рассматриваются сведения о русах, содержащиеся в источниках разного времени, в то время как на самом деле эта эпоха в истории Восточной Европы была наполнена политическими преобразованиями и этнокультурными трансформациями. Соответственно, необходимо выделение и историческая конкретизация отдельных периодов жизни региона. Первая половина IX в., время существования Русского каганата, — это совершенно особая эпоха в жизни Восточной Европы, картина которой, восстанавливаемая по историко-археологическим данным, существенно отличается от последующих периодов, соответственно и значение понятия «русы» для этого времени не обязательно тождественно тем, какие оно имело в другие периоды (Седов 1998: 3–15; 1999: 50–82; 1999а: 27–70; 2002: 255–295; 2003: 3–14).

Весьма важным представляется вывод В.В. Седова: ареал волынцевской культуры совпадает с территорией так называемой *Русской земли* в «узком» смысле в

---

[1] Невозможно точно сказать, был ли Д.Т. Березовец знаком с вышедшей в США работой Г.В. Вернадского. Ссылок на нее у него нет. Но это может объясняться как незнанием о ней, так и невозможностью для советского ученого позитивного упоминания о работе «антисоветского» историка-эмигранта.

[2] Публикаторы одной из работ Д.Т. Березовца о русах уже отметили сходство его гипотезы с гипотезой В.В. Седова: Приймак, Примак 1999: 351–354.

[3] По справедливым словам Е.С. Галкиной, работа В.В. Седова стала «первой попыткой локализации Русского каганата как самостоятельного сильного государства на основе комплексного использования данных археологии, нумизматики, лингвистики и аутентичных письменных источников» (Галкина 2002: 35).

Среднем Поднепровье, очерченной по летописным данным (Тихомиров 1979: 22–45; Насонов 1951: 28–68; Рыбаков 1953: 28–39; 1982: 56–67; Кучкин 1995: 74–100) и, очевидно, представлявшей собой древнейший очаг распространения соответствующего этнонима в Восточной Европе (Седов 1999: 77–80; 2002: 269–272).

Вместе с тем, и гипотеза В.В. Седова о Русском каганате как волынцевской культуре имеет существенные проблемы. Ключевая из них в том, что согласно «Анонимной записке» русы хоронили своих умерших по обряду ингумации (см. комментарий [VIII]), в то время как у «волынцевцев» имело место трупосожжение. «Анонимная записка» говорит о городах у русов (см. комментарий [XIV]), в то время как «волынцевцы» жили в неукрепленных селищах. Точные аналогии этнографических характеристик русов «Анонимной записки» находятся, как подметил Д.Т. Березовец, в салтовской культуре.

Некоторые ученые выступили с критикой гипотезы В.В. Седова и предложили иную историческую интерпретацию волынцевских памятников: учитывая их связь с салтовской культурой они могут маркировать зону проживания славян, подчиненных Хазарскому каганату (Петрухин 2001: 139; 2014: 109–111; Комар 2005а: 207–218; Воронятов 2005: 199–210). При этом следует подчеркнуть, что если не выходить за пределы собственно археологических данных, то корректнее будет следующая формулировка: волынцевские памятники очерчивают ареал славян, находившихся под влиянием носителей салтовской культуры.

В рамках концепции Д.Т. Березовца противоречие между позицией В.В. Седова и его оппонентов в известном смысле устраняется: волынцевцы — это славяне, находившиеся в подчинении у русов с хаканом во главе, носителей салтовской культуры, и от них перенявшие соответствующий этноним.

Салтовская (салтово-маяцкая) культура в узком (собственном) смысле — это культура аланского населения лесостепной части Подонья, сложившаяся в результате переселения в этот регион аланских племен и генетически связанная с культурой аланов Северного Кавказа. Вхождение этой территории в состав Хазарского государства, на наш взгляд, ничем не доказано (еще И.И. Ляпушкин пришел к выводу, что салтовские аланы были независимы от Хазарии: Ляпушкин 1958: 85–150; 1961: 187–213), а, соответственно, нет оснований и для «расширительной» трактовки понятия «салтовская культура» как «культура Хазарского каганата», которую предлагала С.А. Плетнева (Плетнева 1967; 1981: 62–75; 2000).

Д.Т. Березовец в своей статье, насколько можно судить, придерживается «широкой» трактовки салтовской культуры, что является уязвимым местом в его концепции и создает в ней противоречие: из работы ученого сложно понять как он решает вопрос о соотношении алан-русов и Хазарского государства. Видимо, Д.Т. Березовец склонялся к признанию салтовских русов вассалами Хазарского каганата. Но ни один из использованных им письменных исторических источников о русах не говорит о том, что они находились в какой-либо форме зависимости от Хазарии или вообще были с ней чем-либо связаны кроме торговли. Более того, принятие

правителем русов титула «каган» ясно говорит о суверенитете возглавляемого им политического объединения, а также о его претензиях на первенство в регионе: у народов евразийских степей — от жуань-жуаней до монголов — титул кагана считался наивысшим.

По этим причинам мы считаем более логичным то развитие концепции Д.Т. Березовца о салтовских аланах как о русах с хаканом во главе письменных источников, которое с учетом выводов И.И. Ляпушкина сформулировала в своих работах Е.С. Галкина: в VIII–IX вв. в ареале салтовской культуры в ее «узком» значении существовало независимое и соперничавшее с Хазарией мощное государство аланов — Русский каганат, включавшее в свой состав и ряд зависимых славянских областей, отмеченных распространением волынцевских памятников, на которые распространился хороним *Русская земля* (Галкина 2002; 2006: 385–446; 2012; Жих 2009: 147–157)[1].

Отождествление русов с хаканом во главе с носителями салтовской культуры снимает охарактеризованные выше проблемы, встающие перед другими гипотезами их локализации:

- Салтовская культура точно соответствует географической локализации русов в восточных источниках. При этом важно, что проживание ранних русов именно в салтовском ареале подтверждается и западноевропейскими известиями IX в.

В Баварском географе (середина — вторая половина IX в.) русы помещены между хазарами (*Caziri*) с одной стороны, древлянами (*Forsderen liudi* — «лесные люди»), полянами (*Fresiti* — «свободные жители», то есть жители полей, свободной от леса местности, противопоставленные по этому признаку своим соседям-древлянам), лучанами (*Lucolane*) и венграми (*Ungare*) — с другой: «Кациры (*Caziri*), 100 городов. Русь (*Ruzzi*). Форщдерен лиуды (*Forsderen liudi*). Фрешиты (*Fresiti*). Шеравицы (*Seravici* — этноним, видимо, славянский — М.Ж.). Луколане (*Lucolane*). Унгаре (Ungare)» (Западноевропейские источники 2010: 29–30. Об этнонимах, соседних с русами см.: Седов 1999: 63–65; 2002: 267–269).

В дополнительных известиях составленного в конце IX в. королем Альфредом (872–899/901) или кем-то из его окружения перевода на англосаксонский язык «Истории против язычников» Павла Орозия русы (*рохоуаски*) помещены в Подонье: «Европа начинается, как уже сказано, от реки Даная (Дона. — М.Ж.), которая стекает с северной части гор Риффенг (Рифейские горы — Урал. — М.Ж.), лежащих близ

[1] Приходится с сожалением констатировать, что со стороны некоторых сторонников взгляда на салтовских аланов как на составную часть Хазарского каганата, а на русов как на варягов (скандинавов), реакция на работы Е.С. Галкиной имела совершенно неадекватный характер. Вместо серьезного обсуждения концепции и ее аргументации последовали ругань и шельмование (Коновалова 2003; Комар 2010: 185–196). Более предметный и аргументированный, хоть и критический, характер имеют рецензии Д.Е. Мишина (Мишин 2003: 93–96), К.Г. Самойлова (Самойлов 2006) и А.Н. Севастьянова (Севастьянов 2013: 227–237). Положительно работы Е.С. Галкиной оценили А.В. Журавель (Журавель 2004), автор этих строк (Жих 2009: 147–157) и А.А. Карпенко (Карпенко 2016: 89–94; 185–192).

того гарсекга, который зовется Сармондийским (Сарматским. — М.Ж.). И эта река Данай течет оттуда на юг, на запад от алтарей Александра, в [землю] народа Рохоуасков (*рухс-асов* — «светлых асов» — русов. — М.Ж.). Она образует то озеро, которое называется Меотедийским (Азовское море. — М.Ж.), и [течет] далее многими потоками, близ того города, который называется Феодосия, [и] на востоке впадает в море, которое называется Эвксином (Черное море. — М.Ж.)» (Матузова 1979: 23).

- Салтовская культура отвечает всем характеристикам русов «Анонимной записки» (подробнее об этом см. в наших комментариях к статье Д.Т. Березовца).

- В салтовском ареале существует развитая инфраструктура, позволяющая говорить о раннем государстве: система городищ разного уровня; высокоразвитое ремесло (в первую очередь мощная металлургия, включая производство оружия) и активная торговля; собственная монетная чеканка («варварские подражания» арабским дирхемам) и т.д.

Возникает вопрос: как в рамках концепции о русах как носителях салтовской культуры (аланах) объяснить тот факт, что представителями их государства в 838–839 гг. в Византии и державе франков оказались некие выходцы из Балтийского региона и как вообще этноним *русь* оказался перенесен на варягов?

В.В. Седов совершенно справедливо писал, что «если византийские источники X в., в том числе и Константин Багрянородный, называли норманнов Восточной Европы русами, то это никак не может быть поводом для утверждения, что восточноевропейские русы первой половины и середины IX в. были скандинавами» (Седов 2002: 286).

Думается, что имеются археологические данные, позволяющие ответить на вопрос о причинах и механизме переноса этнонима *русь* с салтовских аланов на варягов.

Исследования Супрутского городища на р. Упе (правый приток Оки) в Тульской области (Григорьев 2005; Мурашева 2008) показали, что это поселение было одним из наиболее ранних мест проживания в Восточной Европе варягов (ок. середины IX в.), при этом в Супрутах выявлены выразительные следы влияния салтовской культуры, из чего можно сделать вывод, что, в Супрутах базировался варяжский отряд, находившийся на службе у салтовцев (Фетисов, Щавелев 2017: 71–72). Интересно, что ближайшие аналогии скандинавским артефактам из Супрут обнаруживаются на Готланде, что указывает «на возможный регион, откуда происходила супрутская группа викингов» (Мурашева 2008: 39). Это прямое соответствие сообщению Бертинских анналов о свеонах (*Sueoni*), состоявших на службе кагана русов. Таким образом, у нас есть материальное подтверждение того, что некоторые варяги были «федератами» салтовских аланов, расселявшимися по периферии Русского каганата и охранявшими торговые пути. Из этого можно сделать два вывода:

(1) Становится понятна загадка сообщения Бертинских анналов о свеонах, представлявших Русский каганат. Почему власти Русского каганата отправили

послами именно свеонов, из источника, в общем, вполне понятно: каган понимал, что обычным путем послы вернуться не смогут из-за угрозы нападения врагов (очевидно, кочевников, скорее всего, венгров) — об этом прямо сказано в источнике, вот и отправил бывалых наемников, выходцев с Балтики, знающих кружный путь по Европе, которые смогут вернуться по активно функционировавшему в то время Балтийско-Донскому пути[1].

(2) Возникает вопрос: а что, если та группа варягов, которая обосновалась в Среднем Поднепровье — это первоначально такие же федераты аланского Русского каганата, как и те, которые жили в Супрутах? На это указывает заимствование ими салтовской тамги, ставшей основой для т.н. «знаков Рюриковичей» — эмблем князей, принадлежавших к правящему роду (Флерова 2001: 53–62; Галкина 2002: 391; Мельникова 2011: 246–248; Белецкий 2012: 457–458). Такое заимствование логично именно для вассалов (вероятно, это вообще не «заимствование»: власти Русского каганата просто пожаловали своим варяжским вассалам определенный тип тамги, как, видимо, они жаловали разные типы тамг всем должностным лицам и вассальным правителям). Влияние салтовцев на варягов было огромно, вплоть до перенятия варягами у салтовских аланов элементов внешнего вида (прическа Святослава) и одежды (см. комментарий [XV]). При этом, видимо, на варягов был перенесен и этноним *русы*.

Потом, когда Русский каганат прекратил свое существование (это произошло где-то в промежутке между серединой IX и началом X в. скорее всего из-за войн с Хазарией и ударов кочевников), эти варяги обособились и начали процесс подчинения восточнославянских племен и борьбы с Хазарией, известный по древнерусским летописям.

Надеемся, что осуществленная нами ре-публикация статьи Д.Т. Березовца «Об имени носителей салтовской культуры» в переводе на русский язык, даст начало новому конструктивному этапу дискуссии о проблеме локализации Русского каганата и его связи с аланами, носителями салтовской археологической культуры.

Перевод выполнен по изданию: Березовец 1970: 59–74. Нами была проделана работа по выверке и уточнению ссылок в работе Д.Т. Березовца. Цитаты из русскоязычных работ, которые Д.Т. Березовец цитировал в переводе на украинский язык, воспроизведены в соответствии с оригиналами.

[1] При этом не факт, что этим путем возвращалось все посольство. Вполне правомерна мысль В.В. Седова, что кружным путем отправились только «свеоны», в то время как остальные его участники «вернулись в Днепровско-Донские земли и доложили кагану о результатах поездки в Константинополь» (Седов 2002: 279–280).

ОБ ИМЕНИ НОСИТЕЛЕЙ САЛТОВСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Дмитрий Тарасович Березовец

ON THE NAMES OF THE SALTOVO CULTURE BEARERS

Dmitry Tarasovich Berezovets

В 1908 г. А.А. Спицын характеризовал открытие салтовских памятников как «...начало новой эры в изучении древностей средних веков Южной России» (Спицын 1908: 72), что подтверждено дальнейшими археологическими исследованиями. Было выяснено, что с VIII до начала X в. территория Подонья и Приазовья была густо заселена народами, которые оставили после себя своеобразную салтовскую культуру. К настоящему времени здесь известно более 200 памятников и есть все основания полагать, что с расширением района археологических разведок и их интенсификацией, количество этих памятников значительно возрастет [I].

Население салтовской культуры жило в долговременных, больших по размерам густонаселенных поселениях, укрепленных городищах и неукрепленных селищах. Одно из важных городищ этого населения располагалось на территории современного села Верхний Салтов. Б.А. Рыбаков отождествляет это городище с городом Сарада, известным по карте Идриси (Рыбаков 1952: 21. Рис. 8). Городище имело сложную систему укреплений из земляных валов, рвов и каменной цитадели. Площадь поселения, окруженная внешним рвом, составляла 120 га. В городище было 6–7 тысяч жителей. Не меньшим было и кладбище — катакомбный могильник, который занимает площадь около 100 га. В его недрах покоятся останки не менее 70–80 тысяч человек. На противоположном — левом берегу Северского Донца, на протяжении 4 км раскинулось сельское поселение со своим грунтовым могильником.

В Подонье известны остатки еще одиннадцати подобных городищ с каменными укреплениями. Подобные поселения были и на побережье Азовского моря. На Таманском полуострове таким городищем была Таматарха — Тмутаракань наших летописей (Плетнева 1963: 66–68).

Жители этих городищ и селищ создали весьма своеобразную и высокую культуру, они имели высокоразвитое ремесленное производство с глубокими традициями. Орудия труда, бытовые предметы, глиняная посуда, украшения, вещи личного обихода, оружие тождественны на всей территории существования культуры. Население вело значительную внутреннюю и внешнюю торговлю, вследствие которой на поселения поступали многочисленные импорты, среди них значительное место занимали растительные масла и вина в амфорной таре, бусы из стекла и пасты сирийского производства, восточноазиатские шелковые ткани, арабские монеты и другие изделия. О существовании денежного обращения свидетельствуют монетные клады, а особенно многочисленные подражания

восточным монетам (Шрамко: 1962: 312).

Элементы салтовской культуры, главным средоточием которой было Подонье и Приазовье, встречаются и в Среднем Поволжье, на Северном Кавказе, в Крыму [II], на территории современных Молдавии, Румынии, Болгарии.

Итак, мы можем констатировать, что в VIII–X вв. в среднем и нижнем течении Северского Донца и на его притоках, в низовьях Дона и в Приазовье проживало многочисленное население с высокой и почти единой культурой.

Вопрос об этносе носителей салтовской культуры сейчас уже не вызывает особых противоречий. Если раньше некоторые принимали их за хазар (Самоквасов 1908: 234; Бабенко 1914), венгров (Zakharow, Arendt 1935) или славян (Семенов-Зусер 1947: 131–182), то сейчас подавляющее большинство исследователей считает, что эта культура, возникши в рамках Хазарского каганата, была свойственна почти для всех народов, которые объединялись им. Ее основным этническим ядром были аланские и болгарские племена. Многоэтничность этой культуры нашла свой отпечаток и в археологических материалах, в первую очередь найденных в погребальных сооружениях. Для салтовских памятников характерны трупоположения в катакомбах, ямах. Каждый из этих типов погребения имеет ряд вариантов, которые резко отличны друг от друга. Так, например, есть катакомбы, в которых засыпан только дромос, и катакомбы, целиком покрытые материковым грунтом. В основном скелеты лежат в анатомическом порядке, но есть катакомбы, в которых скелеты разбросаны и т.д. Такое же положение и с ямными захоронениями. Зливкинский могильник совсем несходен с Нетайловским. В первом — неглубокие ямы, длиной до 2 м, очень бедный инвентарь, полностью отсутствует оружие (захоронения всадников), покойники ориентированы на запад. В другом могильнике — ямы глубиной до 3 м и такой же длины, большинство захоронений с оружием, захоронения всадников, все скелеты лежат не в анатомическом порядке, ориентированы на восток, полностью отсутствуют детские захоронения.

Как утверждает С.А. Плетнева, среди племен салтовской культуры был распространен и обычай трупосожжения (Плетнева 1967: 100–102). В этом плане значительный интерес представляет Борисовский могильник (Саханев 1914: 78–175), который связывается с зихами, одним из древних абхазско-адыгейских племен Западного Кавказа. Зихов уже в I в. н.э. знает Страбон. Борисовский могильник для VIII–X вв. дает два типа захоронений — трупосожжения и трупоположения, которые сопровождаются типично салтовскими предметами: топорами, копьями, стременами, удилами, мотыжками, зеркалами, вещами личного обихода и т.д.

Такая пестрота погребальных обычаев может быть объяснена многоэтничностью и отличиями в идеологических представлениях населения салтовской культуры. Хазарский каганат на какое-то время связал разноэтничное население своего государства крепкими экономическими связями. В таких условиях, даже при определенной автономности отдельных групп населения, возникла единая материальная культура. Совсем не исключено, что тут же шел процесс языковой ассимиляции отдельных этнических групп. Все это было процессом складывания

единой народности, процессом, который, однако, не получил своего завершения. С упадком каганата и даже раньше, под ударами новых кочевых народов с одной стороны, и Киевской Руси, с другой, внутренние связи населения каганата подверглись разрушению, одновременно с чем и прекратился упомянутый процесс. Позднее народы, которые входили в состав Хазарского каганата, пошли разными историческими путями и совершенно по-разному сложились их исторические судьбы.

* * *

До нас дошли многочисленные сообщения арабских и персидских авторов о населении Восточной Европы. Они знали много больших и малых народов, которые жили на обширных просторах между Волгой и Днепром, и более или менее подробно писали о них. Среди народов, которые жили здесь постоянно или только перекочевывали через эти пространства, они называют: хазар, болгар, буртасов, венгров, печенегов, русов, славян. Современная археологическая наука достаточно уверенно связывает с этими народами те или иные археологические памятники, за исключением салтовских, оставленных населением Подонья и Приазовья. Согласно существующей интерпретации, претендентов на эти памятники среди известных арабским авторам народов нет. По этому поводу С.А. Плетнева, автор монографии о салтовской культуре, которая только вышла в свет, пишет: «Что касается лесостепного (аланского) варианта салтовской культуры Подонья, то о нем не сохранилось никаких сведений в литературе того времени. Богатый, развитый и воинственный народ как будто совершенно не участвовал в общеевропейской жизни. Это наводит на мысль, что имя аланов скрыто в источниках под каким-то другим названием» (Плетнева 1967: 186) [III].

Это замечание совершенно справедливо и вполне соответствует действительности. Трудно предположить, что мусульманский мир, хорошо зная славянское население Поднепровья VIII–IX вв., которое оставило после себя памятники типа роменских городищ или пеньковских селищ, ничего не знал про население Подонья, которое оставило салтовскую культуру. Совершенно не понятно, как купцы, военные дружины, которые двигались от Прикаспия до берегов Днепра, могли не заметить белокаменных цитаделей, грозно возвышавшихся на отвесных склонах Северского Донца. Как можно было не заметить большие и многочисленные поселения, через которые они должны были проходить. По нашему мнению, это невозможно: многочисленное, с высоким уровнем культуры, с широкими торговыми связями, население Подонья и Приазовья должно было найти свое отражение в сведениях средневековых авторов. Мы глубоко убеждены, что население салтовской культуры было известно на востоке, и что мусульманские авторы писали о нем. Вопрос лишь в том, под каким именем это население выступает в трудах древних географов и историков.

К таким же выводам мы должны прийти с позиций оценки общеполитической ситуации, которая сложилась в рассматриваемое время в Восточной Европе. Период VIII–IX вв. характеризуется расцветом Хазарского государства, на это же время приходится и наибольшее продвижение этого государства на запад. Под влияние Хазарского каганата подпадает почти весь юг нашей страны. Именно в это время на Таманском городище появляется население с салтовской культурой, которое и дает древнему городу, который находится здесь, название Таматарха. Население с этой же культурой проникает на юг Крымского полуострова. На славянских памятниках Левобережья и Правобережья встречается керамика и амфоры салтовского типа. Наши летописи сообщают, что в это время поляне, северяне, радимичи, вятичи платят хазарам дань. Все это дает основания полагать, что здесь проводниками хазарской политики были люди с салтовской культурой (Березовець 1965: 53–55). Из этого можно сделать вывод, что мусульманский мир должен был иметь больше сведений о завоевателях, чем о покоренных, тем более, что сама хазарская держава, круг ее политических и хозяйственных интересов были им ближе, чем интересы славянского, далекого от них мира.

В исторической литературе со времен В.И. Ламанского существует мнение о заселении Подонья и Приазовья славянами (Ламанский 1859: 86). Этой же мысли придерживались И.И. Срезневский (Срезневский 1860), Н.П. Барсов (Барсов 1873), Д.И. Иловайский (Иловайский 1882), Д.И. Багалей (Багалей 1882: 16–20), П.В. Голубовский (Голубовский 1881), А.А. Шахматов (Шахматов 1919: 34). В.А. Пархоменко доказывал, что в Приазовье жили поляне, которые затем переселились на берега Днепра: «есть достаточные основания считать полян выходцами с территории Хазарского царства, вообще с юго-востока и скорее всего из Приазовья», — писал он (Пархоменко 1924: 51).

Против этих утверждений еще в конце прошлого века с совсем других позиций выступил А.А. Спицын, который отрицал наличие славянских археологических материалов в бассейне Дона и в Приазовье. Он отмечал, что славянские вещи появляются на Тамани не ранее XI в. (Спицын 1889). В другой своей работе он пишет, что Подонье и Приазовье в VIII–X в. было занято аланами, которые оставили здесь салтовскую культуру. Население Тмутаракани автор считает аланским (Спицын 1908). Значительные археологические работы, проведенные на этих территориях за последнее полвека, полностью подтвердили позицию А.А. Спицына. На всем пространстве от Волги и до бассейна Днепра до сих пор не обнаружено археологических памятников, которые можно было бы связывать со славянами. Только в районе Харькова есть несколько городищ роменской культуры и летописный город Донец. Эти памятники оторваны от основной массы славянских древностей Левобережья и группируются компактным гнездом, главным образом по берегам небольшой реки Уды, окруженным со всех сторон поселениями салтовской культуры (Плетнева 1964: 334). На побережье Азовского моря и по берегам рек, которые впадают в него, славянских поселений не было совсем (Березовець 1965: 61–62). На Таманском полуострове славянские памятники встречаются только на

Таманском городище, где некогда размещался город Тмутаракань — Таматарха византийских авторов.

Для VIII–X в., как мы уже отмечали, в Таматархе есть лишь салтовские материалы и только в XI в. появляются славянские, которые так и не становятся господствующими. Таким образом, мы можем констатировать, что в VIII–X вв. славянское население в Подонье и Приазовье не проживало (Ляпушкин 1941: 191–246). Этот вывод, который вытекает из археологических исследований, имеет существенное значение для дальнейшего изложения. Дело в том, что утверждение упомянутых авторов о славянском заселения этих территорий базировалось на сведениях средневековых авторов.

Как мы уже отмечали, салтовские памятники пока не связаны ни с одним из известных на востоке народов. И, наоборот, среди этих народов есть один, археологические памятники которого неизвестны. Речь идет о русах, которые нередко упоминаются в данных источниках. В советской историографии существует господствующая позиция, что русы — это часть восточного славянства, что понятия рус и славянин синонимичны. Утверждение это специально не обосновывалось, оно исходит из факта существования в X и последующих веках русов на Днепре и русского народа. Понятия эти механически переносятся и на более раннее время, когда существовали такие племенные группировки восточных славян, как «поляне яже ныне зовомая русь». Если для времен Киевского государства понятия славяне и русские одно и то же, то для более раннего времени это, пожалуй, не совсем так. По поводу этого было высказано немало мнений. Были утверждения, что Руси на Днепре предшествовала Русь где-то на юге, на побережье Черного и Азовского морей, в Крыму, что она была не славянской. Некоторые считали, что русы это не этническое название и т.д. Например, А.П. Дьяконов пишет о существовании южной Руси как о чем-то, что не вызывает возражения: «Как известно, во время споров между сторонниками норманнской и славянской школ, уже давно выяснено существование на юге восточноевропейской равнины ʼʼРусиʼʼ до прихода норманнов. Эту восточную Русь считали то славянами, то готами, то тавроскифами, то каким-то древним поселением норманнов» (Дьяконов 1939: 84). Н.П. Ламбин считал, что первоначальная Тмутараканская Русь не славянское, а аланское княжество, о котором вспоминает и Константин Багрянородный (Ламбин 1874). В.В. Стасов доказывал, что арабские писатели, пишущие о русах, подразумевают вовсе не славян, а какой-то другой народ: «...чем более всматриваешься в этнографическую сторону дела, тем больше приходишь к выводу, что в ʼʼрусахʼʼ как самого Ибн-Фадлана, так и других арабских писателей не присутствует ничего не только русского, но и вообще славянского» (Стасов 1881: 283). Против славянства русов выступал и Б. Дорн, который считал, что согласно арабским сведениям, искать этих русов следует «...к северу от Кавказа и непосредственно возле обиталищ алан (ясов)». «Эти так называемые русы занимали, может быть, все пространство к западу от хазар до Азовского моря, почему их и называют азовскими русами» (Дорн 1875: 382).

В сообщениях византийских авторов народ рос начинает упоминаться с

первой половины IX в. А.Н. Насонов, анализируя византийские и арабские источники о русах, приходит к выводу, что согласно их сообщениям, русов надо толковать, как народ, живущий на юге. «Не подлежит сомнению, что в IX в. как у византийцев, так и у арабов с представлением о ''русах'' связывалось представление о Тавриде: русов они представляли себе обитателями Тавра» (Насонов 1940: 80). Более того, его исследования приводят к выводу, «...что уже в первой половине IX в. и возможно раньше существовали русы, осевшие в Крыму» (Насонов 1940: 91). Таким образом, он приходит к выводу, что Черноморская Русь находилась в Крыму, а не на Таманском полуострове, который, по его мнению, в IX — первой половине X в. находился под властью хазар (Насонов 1940: 82). В.Г. Васильевский считал, что уже в первой половине IX в. имя русов было «...не только известным, но и общераспространенным на южном побережье Черного моря» (Васильевский 1915: CX). В его представлении эта Черноморская Русь была не славянской, центром ее он считает местность возле Анапы, которая географически почти совпадает с Тмутараканской. Именно в этой местности распространены археологические памятники зихов, о которых уже говорилось. Подытоживая свои наблюдения, он пишет: «Одним словом, мы хотим сказать, что все известия о Руси и русских до половины IX в. относятся к тавроскифам и объясняются отождествлением Руси с тавроскифами и этих последних с готами, валанготами, готаланами» (Васильевский 1915: CCLXXXII).

По-другому трактовали понятие «русь» С.М. Соловьев и С.В. Юшков. Первый полагал, что под именем варяги, русы надо понимать военные дружины, которые покинули свои родные края и ищут приключений и судьбы на чужой стороне. Имя варягов, по его мнению, возникло на севере в германской среде. «На востоке — у племен славянских, финских, у греков и арабов таким же общим названием для подобных дружин была русь (рос)» (Соловьев 1883: 90). С.В. Юшков считает, что «русь» — это определенная социальная группа в славянском обществе, его верхушка (Юшков 1940: 52). Иллюстрируется это положение ссылками на летописи и на известное место Константина Багрянородного, где тот описывает так называемое полюдье. Автор считает, что «...Константин Багрянородный имеет в виду не князей, не княжеских дружинников, а всех русов» (Юшков 1940: 53).

М.Ю. Брайчевский в специальной работе пишет, что Константин Багрянородный под термином полюдье имел в виду не собирание некоего налога с подчиненных славян, а тот факт, что на зимний период княжеская дружина разъезжалась из Киева по своим замкам (Брайчевский 1960: 144–145) [IV].

Таким образом, мы видим, что вопрос о том, кто были русы, о которых писали восточные и византийские авторы еще нельзя считать окончательно выясненным. Б.А. Рыбаков в одной из своих работ объясняет сложность этого вопроса. Он писал, что «длительность споров о происхождении Руси в известной мере объясняется противоречиями в источниках, обилием домыслов и догадок у самих древних авторов. В источниках мы найдем и прямые указания на то, что русы — варяги, и столь же прямые свидетельства их славянства. Русов то называют кочевниками

(патриарх Фотий), то говорят о том, что кони их не могут носить (Захария). То русов называют племенами из славян (Ибн-Хордадбех), то обосабливают их от славян и даже противопоставляют их славянам» (Рыбаков 1953: 27).

Все это, в значительной степени, безусловно так, но, на наш взгляд, дело с толкованием сведений средневековых авторов все же не такое безнадежное, особенно если к решению этих вопросов подключить данные археологии.

Сведения о народах Восточной Европы, которые имеются в сочинениях средневековых арабских и персидских авторов, порой очень подробные и полные, а порой поверхностные и противоречивые, но во всех случаях они соответствуют уровню знакомства мусульманского мира с тем или иным народом. Источники, которые использовали эти авторы, были разнообразными: это письменные труды, которые не дошли до нас, различные предания и легенды, устная информация очевидцев, дорожники купцов и, наконец, личные контакты авторов с представителями того или иного народа или племени. Следует подчеркнуть, что для народов, которые играли значительную историческую роль, которые более тесно контактировали с восточными странами, или географически были ближе к ним, эти сведения охватывают более широкий круг вопросов, они более полные, реалистичные.

Одной из особенностей арабской географической литературы является ее компилятивность. «Почти все авторы пишут по книгам, не называя своих источников, не определяя их время, сплошь и рядом бывает, что в произведении XI в. используются более ранние источники, чем в произведении X в.» (Бартольд 1929: 16). Географические описания, содержащиеся в этих произведениях, почти всегда относительны, не точны — явление, которое вполне соответствует географическим знаниям средневековых авторов.

На сегодня мы имеем реальное представление о характере заселения Подонья, Приазовья, Крыма и всего степного Причерноморья. Нам известны памятники восточнославянских племен, их характер, территория, распространение, а это позволяет более уверенно оценивать их этнографические особенности, уровень их социально-экономического развития. Это же касается и салтовских памятников.

Как уже отмечалось, среди исследователей до этого времени не было единого мнения о том, какой смысл в VIII–IX вв. вкладывали средневековые авторы в понятия славяне и русы. На наш взгляд, исходя из всех сообщений, под славянами и русами они понимали два совершенно разных народа, никогда не смешивая их.

Аль-Балхи сообщает: «В государство Рум входят пограничные земли Славян и их соседей, как-то: Рус, Серир, Аллан, Арман» (Гаркави 1870: 273). Аль-Истахри дает почти идентичное сообщение: «Рус есть народ в соседстве с Булгаром, между сим последним и Славонией» (Гаркави 1870: 191, 275). Ал-Масуди во многих местах, перечисляя разные народы, или вспоминая о славянах и русах, всегда говорит о них, как об отдельных народах: «следующие народы происходят от Яфета: ашбан, рус, бурджан, хазрадж, турк, славяне...» (Гаркави 1870: 125), «что же касается язычников, находящихся в стране хазарского царя, то некоторые племена из них суть славяне и

русы» (Гаркави 1870: 129).

«Русы и славяне же, о которых мы сказали, что они язычники, составляют войско царя и его прислугу» (Гаркави 1870: 130). Известно, что в столице Хазарского государства было семь судей, «...один же из них для славян, русов и других язычников» (Гаркави 1870: 130).

Только в одном месте и только один автор, а именно Ибн-Хордадбех относит русов к славянам (Васильевский 1915: CXX). Он пишет: «Русы-купцы — один из разделов славян» (Заходер 1967: 84). Это сообщение Ибн-Хордадбеха В.Г. Васильевский объясняет так: «Он причислил русских купцов к славянам просто на том основании, что переводчиками их в Багдаде, где и он сам жил, служили обыкновенно евнухи славянского происхождения» (Васильевский 1915: CXX). Есть и другие объяснения этому. Б.Н. Заходер, приводя соответствующие тексты у разных восточных авторов, отмечает, что упоминание о русах-купцах из племени славян не повторяется в аналогичных текстах других авторов, которые, как и текст Ибн-Хардадбеха, заимствованы из источников такого раннего времени как IX в. В них речь идет лишь о славянских купцах без упоминания о русах или, наоборот, о русах без упоминания о славянах. Так, например, у Ибн аль-Факиха сообщение о купцах начинается так: «И что касается до купцов славян...» (Аль-Бакри 1903: 142).

Ал-Масуди пишет: «Ар-рус — многочисленные народы, обладающие разными разрядами...» (Заходер 1967: 88). Таким образом, в утверждении, что славяне и русы являются одним народом, ссылка на Ибн-Хордадбеха не может считаться безупречной.

Наконец следует упомянуть и те сообщения, в которых эти народы прямо противопоставляют друг другу. Приведем по этому поводу сообщение Гардизи: «постоянно эти люди (русы. — *Б.З.*) ходят войной на славян, [идут] на кораблях, захватывают славян, превращают в рабов, отвозят к хазарам и булгарам и продают» (Заходер 1967: 82), и далее «постоянно по сотне и по двести [человек] они ходят на славян, насилием берут у них припасы, чтобы там существовать; много людей из славян отправляются туда и служат русам, чтобы посредством службы обезопасить себя» (Заходер 1967: 82) [V].

Подводя итоги, нам кажется, что можно определенно утверждать, что все сообщения относительно времени VIII — начала X в. трактуют русов и славян как разные народы [VI].

Далее рассмотрим, где же размещают восточные авторы народ русов.

Как уже было отмечено, точность и объем сведений о том или ином народе находятся в прямой зависимости от уровня знакомства мусульманского мира с данным народом и от его географического расположения. Чем ближе на восток жил тот или иной народ, тем больше было о нем сведений. Наиболее достоверные и подробные сведения приведены восточными авторами о хазарах (они наиболее обширны и по объему), менее подробными являются сведения о русах, а известия о славянах совсем незначительны. Как пишет Б.Н. Заходер, значительная часть тем, связанных с русами «...является результатом непосредственного знакомства

населения Каспийского побережья с русами. Повествование в этих темах поражает читателя своей обстоятельностью, наличием реалистических деталей» (Заходер 1967: 77). Сведения о славянах беднее, до настоящего времени ученые не могут прийти к единому выводу по вопросу о том, о каких славянах, западных или восточных, эти сведения повествуют (Заходер 1967: 108).

Таким образом, из всего сказанного можно прийти к выводу, что мусульманские авторы были более подробно знакомы именно с русами, а не со славянами. Видимо потому, что русы были многочисленным народом, жили ближе к арабскому миру и вступали с ним в более тесные отношения.

Прямых указаний — где именно жили русы — письменные источники не дают. Можно лишь установить, что жили они на восток от славян. «Слово об области русов и ее городах: это — область, к востоку от которой гора печенегов, к югу от нее река Рута, к западу от нее — славяне, к северу от нее — безлюдные земли севера, и это область большая» (Заходер 1967: 105), сообщает персидский аноним.

Тот же источник, вспоминая о географическом расположении славянских земель, указывает, что «это — область, к востоку от которой находятся внутренние булгары и частью русы» (Заходер 1967: 126). В «Худуд-ал-алам» упоминается, что «есть еще река Рус, вытекающая из страны славян, которая течет на восток, пока не приходит в пределы русов» (Заходер 1967: 105). Все три сообщения утверждают, что русы живут на восток от славян. Такой же вывод следует сделать и из сообщений аль-Балхи и аль-Истахри о том, что «русы живут между Булгарией и Славонией» (Гаркави 1870: 191, 275). Булгария находится на Волге, славяне в Поднепровье, русы на восток от Поднепровья, между Волгой и Днепром, где-то в бассейне Дона.

Ибн-Хальдун, автор книги XIV в., который безусловно пользовался более ранними материалами, сообщает, что русы один из тюркских народов, что «земля их граничит с областями Азербайджана» (Дорн 1875: 516).

П.П. Смирнов, который исследовал эти вопросы, пишет: «чтобы не оставалось никаких сомнений, где именно следует искать эту страну русов, Истахри и Ибн-Хаукаль нарисовали ее на картах, которые добавили к своим книгам, под надписью ''Рус'', поместив ее в непосредственном соседстве с Камской Болгарией и отдельно от земли славян» (Смирнов 1928: 190).

Махмуд аль-Кашгари к своему «Словарю тюркских языков», составленному примерно в 70-х годах XI в., добавляет карту, на которой весь мир помещен в круг. На этой карте Русь размещена к северо-западу от Каспийского моря, к северу от Руси обозначены славяне. В тексте сказано, что какая-то река, возможно приток Волги, вероятнее всего Дон, «течет против (или мимо) русов» (Греков 1944: 255). На карте сицилийского географа аль-Идриси, созданной в 1154 г., достаточно полно отражены географические знания мусульманского мира IX–XII вв. Она создавалась на основе произведений восточных авторов (часть которых Идриси называет в тексте) и информации, которую он получил от своих современников, которые по разным причинам, а нередко по его заданию путешествовали в далеких землях. Вследствие этого на карту попали объекты, которые существовали в разные времена. Так,

например, на карту нанесены три центра Руси, о которых упоминают авторы IX в. и точные данные купеческих маршрутов XII в. На карте Идриси есть две Руси: одна на Днепре, а вторая — на реке Русия, которую Б.А. Рыбаков отождествляет с Северским Донцом (Рыбаков 1952).

Появление на географической карте, составленной в 1154 г., двух Русей объясняется наслоением сведений хронологически разных периодов. Русь на Северском Донце — это Русь восточных авторов, о которой они писали в IX–X вв. Русь на Днепре — это Киевская Русь, хорошо знакомая современникам Идриси. Очень интересно, что Русь на Северском Донце обозначена на карте как Русь-Тюрк, что нельзя объяснить иначе, как желанием автора карты подчеркнуть, что здесь он обозначает не Русь славянскую, широко известную в его время, а Русь древнюю — тюркскую. В тексте к карте есть упоминание о городе Кокиана, который находится где-то в районе среднего течения Северского Донца. По сведениям автора «Кокианах обитаем тюрками, известными под названием Руса» (Рыбаков 1952: 38).

Кроме карты Идриси есть еще несколько упоминаний, что русы это тюрки. Об этом сообщают Ибн-Хальдун, а также Ибн Ийас, который писал: «Они (русы. — *Б.З.*) — большие народы из тюрок, страна их нездоровая, поблизости от славян» (Заходер 1967: 80).

Перс Мирхонд, живший в XV в., передает легенды, которые возникли в хазаро-персидской среде где-то в VIII–X вв. (Рыбаков 1953а: 134). «Что касается до Руса, то он был человек беспощадный. После долгих странствий он пришел в окрестности Хазара и потребовал от брата юрты, чтобы поселиться, и Хазар обласкал его посланца и уступил ему некоторые из островов, которые были землею теплой и имели хороший воздух» (Вестберг 1910: 231). Из этого отрывка следует, что хазары и русы считались генеалогически близкими народами и жили вблизи друг друга, более того, они были побратимы.

Если мы обратимся к сообщениям византийских авторов, то тоже сможем найти указания на существование неславянской Руси. Уже в 838 г. в Византии были известны русы и Русь, которая управлялась хаканом. Во франкской летописи «Бертинские анналы» рассказывается о посольстве византийского императора Феофила к императору Людовику Благочестивому (Бартольд 1940: 19–20). В состав этого посольства входили представители народа рос, которым правил хакан. С.В. Юшков считает, что речь здесь идет о хазарских послах. В.Г. Васильевский полагал, что это те же самые послы, которых хазарский хакан послал к императору Феофилу в 838 г. с просьбой построить крепость на Дону (Саркел) (Юшков 1940: 42–43).

Упоминания про хакана — правителя русов — есть и у других арабских авторов. Ибн-Русте пишет: «у них царь, именуемый хакан-рус» (Заходер 1967: 78); Гардизи — «у них есть царь, которого называют хакан-рус» (Заходер 1967: 78); «Худуд-ал-Алам» — «они называют государя рус-хакан» (Заходер 1967: 79). Что название хакан не относится к правителям славян, видно хотя бы из того, что арабский мир хорошо знал их титул. Ибн-Хорбадбех пишет: «Титулы земных царей. Царь Ирака, которого обыкновенное название кисра, [называется также]

шаханшахом; царь Рума, обыкновенно называемый кайсар (именуют) басили; цари Турка, Тибета и Хазара все называются хаканами… царь Славян [называется] кнадз (кнад)» (Гаркави 1870: 48). Наша летопись никогда не называет киевского, или другого князя хаканом. Такое название встречаем только в речи митрополита Иллариона, который в риторическом запале титулует хаканами киевских князей. Из этого можно сделать лишь тот вывод, что в представлении оратора титул хакана выше титула князя.

В.Г. Васильевский, изучая жития Стефана Сурожского и Георгия Амастридского, пришел к выводу, что Византия знала народ рос значительно раньше, чем это имя появилось на страницах византийских хроник (произведения патриарха Фотия). «Мы должны сказать, что для тех, кто сколько-нибудь посвящен в тайны византийской историографии, такое явление не представит ничего удивительного. Византийская историография вообще не отличается обилием, а в пределах данного периода поражает крайней скудостью» (Васильевский 1915: CX). По убеждению В.Г. Васильевского росы, которые появляются в византийских владениях, в это время не могут быть славянами: «Мы не дерзнем сказать, что та Русь, которая посетила в первой половине IX века берег Пафлагонии, была Русь славянская» (Васильевский 1915: CCLXXIX).

Трудно предположить, что уже в первой половине IX века Днепровская Русь могла совершать морские походы по Черному морю. В свое время А.А. Куник писал: «Общая история мореплавания в те древнейшие времена достаточно показывает, что из пастушеского или земледельческого народа, хотя бы он жил на больших реках, тогда только вырабатывался мореходческий народ, когда он подвигался к самому морскому берегу. Но и тут даже необходимы были для этого более или менее благоприятные условия» (Куник 1877: 110–111).

В.А. Пархоменко, считая русов славянами, уверяет, что только Приморская Русь могла нападать на побережья Черного и Каспийского морей, а ни в коем случае не Киевская среднеднепровская (Пархоменко 1924: 52).

Таким образом, расхождений между сообщениями мусульманских и византийских авторов нет. Они размещают русов на юге, на побережье Черного, Азовского морей и в бассейне Дона.

О существовании народа рос на территории, описанной средневековыми авторами VIII–X вв., известно издревле, по крайней мере с первых веков нашей эры. Д.И. Иловайский, который разрабатывал этот вопрос (Иловайский 1882: 273–276), приводит сведения о роксаланах, которые сохранились у Страбона, Тацита, Плиния, Птолемея, Аммиана Марцеллина, Иордана, доказывая, что это имя в Приазовье и Причерноморье не исчезает до IX века (упоминание о стране роксалан у Равеннского географа).

Знают народ рос или рус в более ранние времена и арабские авторы. Так, в истории Табаристана говорится, что один из кавказских правителей по имени Фаруз в VI в. получил наследство, которое размещалось «...во владениях русов, хазар и славян» (Гаркави 1870: 79). Ат-Табари приводит слова правителя Дербента, которые

относятся к 644 г., и в которых говорится, что он находится между двумя врагами: хазарами и русами, и только его люди умеют воевать с ними (Гаркави 1870: 74). Не славянскую Русь знает и славянское летописание. В Никоновской летописи XVI в. есть отрывок из какого-то древнейшего источника (по мнению Б.А. Рыбакова, IX или X в.), в котором идет речь о русах, живущих на побережье Черного моря. В середине IX в. они вместе «с куманами» организовали поход на Константинополь (Рыбаков 1958: 742) [VII].

Подытоживая сказанное выше, мы можем прийти к выводу, что русы арабских и персидских авторов жили между Доном и Северским Донцом и на побережье Азовского моря. Археологические памятники этих регионов исключительно салтовские, которые свидетельствуют, что в VIII–X вв. здесь жило многочисленное население, которое и оставило эту культуру. Из этого может быть сделан лишь один вывод, что именно это население и имели в виду мусульманские авторы, когда писали о русах. Носители салтовской культуры и есть русы восточных авторов.

Теперь рассмотрим некоторые сообщения о русах именно с этой точки зрения. По нашему мнению, название русы, как и названия скифы, сарматы, венеды и т.д является собирательным. Это название первоначально было свойственно лишь какой-то группе аланского населения, которое жило где-то в западной части северного Кавказа, возможно вблизи Таманского полуострова. Под давлением арабских завоеваний начала VIII в. это население отошло в район бассейна Дона и принесло с собой свое имя, которое стало присуще значительной части населения салтовской культуры. Рядом с именем «русы», видимо, остались и названия местного населения — аланы, болгары, гузы и т.д. Так, например, народ, известный под названием зихи, называл себя садзуа. Так было, вероятно, и с другими этническими группами. Из-за того, что имя «русы» было собирательным, а для времени после X в. оно могло смешиваться с аналогичным именем среднеднепровского населения, возникают значительные осложнения при попытке определить, к какой именно группе населения мусульманские авторы относят это имя.

Несмотря на эти сложности, сделаем попытку сравнить часть литературных сведений с археологическими данными.

Археологической проверке сравнительно легко поддается погребальный обряд, один из наиболее существенных признаков, присущих той или иной этнической группе населения. Согласно сообщению Ибн-Русте и некоторых других авторов он у русов такой: «Когда умирает у них кто-либо из знатных, то выкапывают ему могилу в виде большого дома, кладут его туда и вместе с ним кладут в ту же могилу как одежду его, так и браслеты золотые, которые он носил; далее опускают туда множество съестных припасов, сосуды с напитками и чеканную монету. Наконец кладут в могилу живою и любимую жену покойника. Затем отверстие могилы закладывается и жена умирает в заключении» (Заходер 1967: 100).

Такой погребальный обычай характерен для памятников салтовской культуры. Выкопанная в земле могила в виде большого дома — это известная нам катакомба с дромосом и небольшим входным отверстием, которое обычно

закладывалось каменными плитами или деревянной доской. Катакомба в основном не засыпалась. Между прочим, Д.И. Иловайский, которому салтовские катакомбы были еще не известны, считал, что Ибн-Русте имел в виду катакомбы Боспорского края. Но сомнения, что в данном случае описана катакомба, у него не было (Иловайский 1882: 399). Инвентарь, сопровождающий захоронение, всегда очень многочисленный, богатый и состоящий из вещей, лично принадлежавших покойнику. Сообщение о захоронении женщины тоже подтверждается археологически. Правда, в действительности женщину клали в могилу неживой. По поводу этого С.А. Плетнева пишет, что парные захоронения составляют 25–30% всех захоронений Дмитровского могильника. «Можно с полным основанием предполагать, что в парных погребениях похоронены супружеские пары» (Плетнева 1967: 79).

Такой обычай почти до наших дней сохранился у горных народов Кавказа, в частности у осетин — потомков древних аланов. Своих умерших они хоронили в специально построенных склепах с узким лазом, через который вносили покойника. Ему клали оружие, медную и глиняную посуду, еду. В недалеком прошлом мужчину-воина сопровождали женщина, конь, собака. Ныне жена умершего обрезает свои косы и кладет на грудь покойного мужа, коня трижды обводят вокруг могилы, обрезают кончик уха и бросают его в могилу (Пожидаев 1926: 95) [VIII].

У некоторых авторов есть сведения, что русы сжигают своих умерших [IX]. Автор Каспийского свода считает, что обычаи, присущие славянам, перенесены на русов под влиянием широко известной книги Ибн-Фадлана. На это в свое время обратил внимание еще Х.М. Френ (Заходер 1967: 103). Возможно, что это и так. Однако исследователи считают, что такой обычай был и у племен салтовской культуры (Плетнева 1967: 100–102). В связи с этим следует упомянуть и зихов, которые широко употребляли кремацию покойников. Среди салтовских захоронений могильник, находящийся напротив Верхнего Салтова, особенный — в нем отсутствуют костяки, которые лежали бы в анатомическом порядке и полностью отсутствуют погребения детей. Обряд этого могильника вполне совпадает с захоронениями огнепоклонников — зороастрийцев, религии, достаточно распространенной в Персии и на Северном Кавказе. Последователи Зараостра считают, что захоронения людей в землю оскверняют ее, и чтобы избежать этого, умершего клали на поверхность земли и лишь после того, как тело истлевает, или объедается птицами или животными, остатки закапывали в землю, в большинстве случаев кости. Вполне естественно, что от тел детей ничего не оставалось, поэтому в могильнике и нет детских погребений.

Ибн-Русте писал: «Все славяне — огнепоклонники» (Заходер 1967: 114–115). В данном случае он, видимо, путает славян с русами, и имея в виду русов, называет их славянами. Среди славян огнепоклонников не было [X]. Поэтому становится вполне понятным господствующее положение жрецов в общественной жизни русов. «У них — знахари, они господствуют над их царем, подобно хозяевам, они приказывают им приносить в жертву создателю то, что они пожелают из женщин, мужчин, табунов

лошадей; если прикажут знахари, никому не избежать совершения их приказа: захватывает знахарь то ли человека, то ли домашнее животное, набрасывает веревку на шею и вешает на дерево, пока не утечет дух его; они говорят, что это жертва богу» (Заходер 1967: 96) [XI].

Мы знаем, что среди всех древних религий в первую очередь жрецы и маги, наследники Зараостра, пользовались особой властью. Они не только следили за вечным огнем, но и играли очень большую роль в жизни общества, даже творили суд.

Восточные авторы считают русов очень воинственным народом. Марвази, например, пишет: «Они видят в мече средство к существованию и занятию; когда у них умирает какой-нибудь муж, а у него есть дочери и сыновья, они вручают его имущество дочерям, а сыновьям предоставляют только один меч и говорят: ‘’Ваш отец добыл имущество мечем, подражайте ему, следуйте ему в этом’’» (Заходер 1967: 83) [XII].

Сведения о воинственности и их широких торговых связях подтверждаются археологическими материалами. Все исследователи, которые непосредственно сталкивались с салтовскими памятниками, убеждены в воинственности людей, которые их оставили (Мерперт 1955; Плетнева 1967: 156–161). Это подтверждается существованием таких грозных крепостей, как Салтовская. Могильники салтовской культуры хранят в своих недрах многочисленные захоронения вооруженных людей, что свидетельствует о наличии значительной воинской прослойки среди населения. Перечислять многочисленные вещи, попадавшие на поселения Северского Донца, или Приазовья вследствие торговли, вряд ли имеет смысл [XIII].

Среди народов, на которые нападали русы, источники неоднократно называют славян. Они рассказывают, как русы ходят войной на славян, берут их в плен, продают хазарам и булгарам в рабство (Заходер 1967: 83). «Постоянно по сотне и по двести [человек] они ходят на славян, насилием берут у них припасы, чтобы там существовать; много людей из славян отправляются туда и служат русам, чтобы посредством службы обезопасить себя» (Заходер 1967: 82), пишет Гардизи. Последнюю часть этого известия дополняет сообщение «Худуд-ал-алам»: «Среди них [русов] есть одно из подразделений славян, которое им служит» (Заходер 1967: 82).

Приведенные сведения очень интересны в плане нашего изложения — здесь прямо противопоставляются два народа: славяне и русы. Можно ли на археологических материалах проследить это? Бесспорно. Население Правобережья и Левобережья в VIII — начале IX в. достигло одинакового уровня социально-экономического развития и говорить о различиях славянского населения этих территорий можно только в этнографическом плане. Правобережье для этого времени не знает укрепленных поселений, Левобережье наоборот. Роменские городища подобны поселениям сельских общинников на Правобережье, но укреплены. Объяснить это можно только одним — желанием защититься от экспансии своих восточных соседей салтовцев-русов. Такого же мнения придерживался и Д.И. Багалей, когда писал: «Если сделать попытку установить,

какому народу мог принадлежать этот могильник (салтовский — *Д.Б.*), то является мысль о той Хазарии, которой северяне, поляне и древляне уплачивали дань» (Багалей 1914: 114).

Сообщение о том, что среди русов живут и славяне, можно сопоставлять с существованием славянских поселений на берегах р. Уды возле Харькова, где мы находим роменские городища рядом с салтовскими поселениями.

Немало разногласий среди историков вызвало сообщение о трех центрах Руси. Наиболее полное изложение этой темы мы находим у аль-Истахри (Заходер 1967: 112). Считается общепризнанным, что Куйаба — это Киев, Славийа — Новгородские земли, а относительно местоположения Арсы вопрос считается невыясненным и по сей день. Этот третий центр Руси размещают в самых разных местах от Азовского моря до Рязани (Монгайт 1947). Собственно говоря, в сообщениях первоисточников нет никаких географических ориентиров, которые бы позволяли считать Куйабу — Киевом, Славийю — Новгородской землей. Это не более чем догадки, построенные на созвучности слов, когда считается, что русы — это славяне.

Если внимательно изучить различные исторические источники, можно прийти к выводу, что все три так называемых «центра Руси» находились за пределами славянских земель и к славянам отношения не имели.

«Худуд-ал-алам» про Северский Донец пишет так: «есть еще река Рус, вытекающая из страны славян, которая течет на восток, пока не приходит в пределы русов. Затем она проходит по пределам Уртаб, Салаб, Куйафа, которые являются городами русов, и по пределам кипчаков, затем поворачивает и идет к югу к пределам печенегов, впадает в реку Итиль» (Заходер 1967: 105). Из этого отрывка видно, что названные города — центры Руси — располагались к востоку от славянских земель и персидский аноним вполне уверенно называет их городами русов.

По карте Идриси, на Днепре город Кав-Киев. На этой же карте между реками Русия (Северский Донец) и Атиль (Волга) указаны города Слава, Артан, Киниов — давно знакомые нам три центра Руси.

Здесь важно то, что автор карты, хорошо зная о Днепровской Руси, не относит к ней эти центры, а размещает их в земли Руси. Он не смешивает Киев с Куйабой, хорошо зная, что это разные города и находятся они в разных землях.

Во многих сообщениях восточных авторов упоминается о большом количестве городов в земле русов, причем неоднократно подчеркивается, что города эти большие (Заходер 1967: 92, 93). Для VIII–IX вв. мы не можем говорить о больших городах в Поднепровье, их там в это время просто не было. Роменские городища учитывать, пожалуй, не следует, потому что это были не города, а восточные авторы хорошо знали, что такое город [XIV].

Совсем другая картина в это время наблюдается на территории, заселенной людьми салтовской культуры. Здесь действительно есть немало крупных городов в полном смысле этого слова. О них и идет речь у восточных авторов.

Об уровне осведомленности восточных авторов о русах указывает и такая

деталь: они разбирались сколько материи идет на пошив шаровар (Заходер 1967: 99). Славяне же шаровар никогда не носили, на всех фресках, древних рисунках они изображены в узких «портках». Шаровары — это восточная традиция.

Почему-то считается, что народы Северного Кавказа обязательно смугловатые брюнеты и поэтому, когда восточные авторы пишут о русах, что они стройные, как пальмы, белокурые, с красным лицом, белым телом (Заходер 1967: 97), то думают, что они имеют в виду славян. На самом деле «...осетины, аланы, ясы по известиям древних писателей имели русые волосы и голубые глаза, были блондинами» (Вестберг 1908: 366) [XV].

Итак, мы можем констатировать следующие факты:

- В VIII–X вв. территория бассейна Дона, Приазовья была густо заселена населением, оставившим после себя салтовскую культуру.

- Восточные авторы рассматривают славян и русов, как совершенно разные, но соседние народы.

- Русы, согласно сообщениям этих авторов, живут к востоку от славян, где-то в Подонье и Приазовье — там, где мы знаем салтовскую культуру.

- Восточные авторы знали население салтовской культуры под названием русов.

- Сопоставление письменных и археологических источников не противоречит этим положениям.

Если русы восточных авторов не славяне, то возникает целый ряд вопросов, связанных со славянской Русью на Днепре. Это интересные и важные вопросы, но немного другого плана, они еще ждут своих исследователей. Не претендуя на решение этих вопросов, мы считаем своим долгом поделиться с читателями некоторыми мыслями по этому поводу.

Прежде всего, мы считаем бесспорным фактом существование в Восточной Европе двух местностей и двух разных народов, которые имели одинаковые названия. Одна из этих местностей находилась по берегам Северского Донца и его притоков, в среднем Подонье и Приазовье, вторая — в Поднепровье. Первую Русь знают восточные авторы VIII–X вв., вторая — встречается в наших и византийских летописях, начиная с X в. Первая Русь не славянская, вторая — славянская.

По отношению к славянским землям термин «русская земля», широко употребляемый в XI–XIII вв., имеет два значения. Этим термином обозначаются земли вокруг Киева — Русь в узком смысле, и Русь — как совокупность всех восточнославянских земель. Как считает Б.А. Рыбаков, Русь в узком понимании примерно в VI–VII вв. имела культурное и политическое единство, чего уже не наблюдается в XI–XII вв. По поводу этого он пишет: «Изучая географическое размещение археологических культур Восточной Европы в I тысячелетии н.э., мы только один раз за всю тысячу лет можем установить совпадение археологического ареала с установленной выше территорией ''внутренней Руси''. Это — распространение так называемой культуры пальчатых фибул VI–VII вв., охватившей в это время весь юго-восточный угол антских земель, обращенный к степям»

(Рыбаков 1958: 747). Напомним, что под культурой пальчатых фибул понимают находки ювелирных изделий, а также несколько не то захоронений, не то кладов типа Колосково, Мартыновка.

Сейчас на территории, где была распространена культура пальчатых фибул, которую также называют культурой русов, известны совсем другие категории археологических памятников, не связанных с этой культурой. Речь идет про славянские древности — поселения и могильники с многочисленными и разнообразными находками (орудия труда, бытовые вещи, оружие, керамика). Эта категория памятников, которая относится к VI–VIII вв., такого культурного единства не дает (соответствующие материалы опубликованы в: Славяне 1963). Эти памятники (волынцевские, роменские, каневские, пеньковские, типа Пастырского городища) имеют много этнографических особенностей и относятся к различным летописным племенам. Из этого следует, что этнокультурное единство на славянской территории отсутствовало не только в XI–XII в., но и в эпоху пальчатых фибул.

Вопрос кто такие «русы» Восточного Поднепровья рассматривал и М.И. Артамонов. Он, как и Б.А. Рыбаков, считает, что именно они оставили клады, найденные в Русской земле. Вопрос, кто же такие «росы» в этническом смысле, М.И. Артамонов решает в одном плане: он утверждает, что они не славяне. Он считает, что среднеднепровских «росов» разгромили хазары, и они частично отошли в район Северского Донца, а частично ассимилировались с местным славянским населением Поднепровья (Артамонов 1962: 293).

Исследователь русских земель А.Н. Насонов хорошо чувствовал связь Днепровской Руси с населением Хазарского каганата: «Присматриваясь к границам ''Русской земли'', мы неизбежно приходим к выводу, что границы эти определились еще в условиях хазарского ига, ослабевшего в течение второй половины IX в., что население ''Русской земли'' первоначально состояло из тех славянских племен, которые были подчинены ранее хазарам» (Насонов 1951: 41).

Мы также считаем, что Днепровская Русь начала называться по имени народа росов, которые оставили на славянских землях не только Колосковский и Мартыновский клады, но и Перещепинский, Вознесенский, Глодоский. Это те люди, для которых в селе Мачехи на Полтавщине и в Канцерской балке возле г. Запорожье создавали большие сероглиняные кувшины с лощением. Это те люди, которые по свидетельству восточных авторов «...видят в мече средство к существованию» (Марвази), у которых «...нет полей, потому что они едят то, что привозят из земли славян» (Ибн-Русте), которые «...судятся с помощью своих мечей» (Ибн-Русте) и т.д. Им платили «по беле и веверице от дыма» или «по шелягу от рала» некоторые восточнославянские племена. Их наши летописи отождествляют с хазарами. С ними и следует связывать название славянских земель над Днепром — Русь.

Резюме

Археологическими исследованиями установлено, что в VIII–X вв. в районе Среднего Дона, Северского Донца, Приазовья жило многочисленное население, оставившее памятники салтовской культуры. Для этого же времени восточные авторы оставили сообщения о народах Восточной Европы.

Для всех перечисленных ими народов известны определенные археологические памятники, за исключением русов. Принято считать, что русы — это часть славян и, соответственно, их памятники должны быть славянскими. Среди известных арабам народов нет претендентов на памятники салтовской культуры. Создается впечатление, что на Востоке этого народа не знали. Но такое предположение противоречит логике, и поэтому возникает вопрос, под каким же именем это население было известно на Востоке.

Из сообщений арабских и персидских авторов становится ясным, что во всех случаях, за исключением одного (Ибн-Хардадбег) восточные авторы рассматривают славян и русов как два различных народа. При всех недостатках и неточностях, характеризующих их сообщения все же можно выяснить, где именно живут эти народы.

Кто такие славяне, вопрос выяснен — это население Поднепровья. Русы живут восточнее их. Дошедшие до нас карты (Идриси и Махмуда ал-Кашгари) дают возможность уточнить места их обитания. Это район Северского Донца и его притоков, Нижний Дон, Приазовье. В этом же районе расположены салтовские памятники, это дает право считать, что население салтовской культуры было известно в магометанском мире под именем русов.

Если сопоставить этнографические сведения о русах, имеющиеся в средневековых источниках с археологическими памятниками салтовской культуры, то во многих случаях они будут полностью соответствовать друг другу. Например, такой важный признак, как погребальный обряд, описанный Ибн-Русте или у Гардизи, полностью соответствует катакомбным захоронениям салтовских могильников. Археологически подтверждается и сообщение этих авторов о воинственности русов, о большой торговле, о существовании у них больших городов и т.д.

Если русы восточных авторов не славяне, то естественно возникает вопрос о взаимосвязях этих русов со славянской, Днепровской Русью. Вопрос этот очень сложный и несколько иного порядка. С нашей точки зрения Днепровская Русь получила свое наименование от народа рус, рос, который имел самое непосредственное отношение к салтовской культуре.

* * *

КОММЕНТАРИИ

[I] Ключевые работы об аланской салтовской культуре, вышедшие после публикации статьи Д.Т. Березовца: Афанасьев 1987; 1993; 2001; 2016; Афанасьев, Николаенко 1982; Плетнева 1981; 1989; 2000; Винников, Плетнева 1998; Крыганов 1989; Толмачова 2000; Колода 1999; 2009; Колода, Горбаненко 2010; 2018; Флеров 1981; 2010; Флерова 1997; 2001; Сарапулкин 2003; Савицкий 2011; Степовой 2011; Решетова 2014; Владимиров 2017.

Здесь и далее под салтовской (салтово-маяцкой) культурой мы понимаем ее в узком (собственном) смысле как культуру аланского населения лесостепной части Подонья, сложившуюся в результате переселения в этот регион аланских племен и генетически связанную с культурой алан Северного Кавказа.

[II] Вопрос об известной по ряду источников т.н. «Причерноморской Руси» многократно обсуждавшийся в историографии (ее обзор см.: Гадло 2002: 14–39) получил новое развитие после выхода работ археолога Д.Л. Талиса. Исследователь, отталкиваясь от концепции Д.Т. Березовца, показал, что в Крыму проживали носители салтовской культуры, родственные верхнедонским аланам, которые в источниках именовались «росами» (Талис 1973: 229–234; 1974: 87–99). Большинство современных ученых, разбирающих вопрос о «Причерноморской Руси» согласны с тем, что ее изначальную этническую основу составлял ираноязычный (или, по О.Н. Трубачеву, близкий ему индоарийский) элемент, к которому в период формирования Тмутараканского княжества присоединились славяне и варяги. Современное рассмотрение круга вопросов, связанных с «Причерноморской Русью» см.: Кузьмин 2003: 243–267; Радомский 2004; Трубачев 2005: 131–188; Королев 2006: 88–102.

[III] Если Д.Т. Березовец в решении проблемы «анонимности» салтовской культуры выступил за ее отождествление с русами во главе с хаканом из восточных источников, то Г.Е. Афанасьев предложил иное решение данного вопроса: по мнению ученого «салтовцы» — это буртасы письменных источников (Афанасьев 1984: 28–41; 1987: 142–167).

Гипотеза Г.Е. Афанасьева не может быть принята, поскольку находится в решительном противоречии с сообщениями разнообразных источников, надежно помещающих буртасов на берегах Волги:

- В пространной редакции письма хазарского царя Иосифа, говорится: «У (этой) реки (Атил — М.Ж.) расположены многочисленные народы... Вот их имена: Бур.т.с, Бул.г.р, С.вар, Арису, Ц.р.мис, В.н.н.тит, С.в.р, С.л.виюн. Каждый народ не поддается (точному) расследованию и им нет числа. Все они мне служат и платят дань», после чего «граница поворачивает по пути к Хуварезму (Хорезму — М.Ж.)» (Коковцов 1932: 98). Как видим, Иосиф помещает буртасов на берегах Волги среди других поволжских народов: *Бур.т.с* — буртасы, *Бул.г.р* — волжские болгары, *Ц.р.мис* — черемисы, *Арису* — эрзя, *В.н.н.тит* (*В.н.н.т.р*) — унногундуры (оногуры), *С.вар*/*С.в.р* — две группы сувар, разделение которых упомянуто Ибн Фадланом, *С-л-*

виюн — этноним, связанный с наименованием в «Записке» Ахмеда Ибн Фадлана правителя Волжской Болгарии *маликом ас-сакалиба* — «государем славян», а подвластных ему земель «страной славян» (Галкина 2006: 332–346).

- Практически там же где Иосиф и в окружении тех же народов Поволжья помещает буртасов древнерусское «Слово о погибели Русской земли»: «…тоймици погании, и за Дышючимъ моремъ (Северным Ледовитым океаном — М.Ж.). От моря до болгаръ (волжских — М.Ж.), от болгаръ до буртасъ, от буртасъ до чермисъ, от чермисъ до моръдви, — то все покорено было Богомъ крестияньскому языку (Руси — М.Ж.)»; «Буртаси, черемиси, вяда, и моръдва бортьничаху на князя великого Володимера (Мономаха — М.Ж.)» (Слово о погибели 2005: 90).

- В Поволжье помещают буртасов и восточные авторы. Ибн Русте: «Земля буртасов лежит между хазарской и болгарской землями» (Ибн Русте 1869: 19). Аль-Истахри: «буртасы — народ, соседящий с хазарами… они — племя, расположившееся на реке Итиль» (Заходер 1962: 231–232).

Три разные традиции (хазарская, древнерусская и арабская) единогласно помещают буртасов в Среднем Поволжье, соответственно, возможность их соотнесения с носителями салтовской культуры должна быть исключена.

[IV] Гипотеза М.Ю. Брайчевского на нашла поддержки в последующей историографии. Актуальные концепции древнерусского полюдья см.: Рыбаков 1982: 316–342; Свердлов 2003: 164–172.

[V] Типологической параллелью данного известия Гардизи может служить рассказ Хроники Фредегара об аварском иге в VII в. над славянами Паннонской котловины: «Гунны (авары — М.Ж.) каждый год приходили зимовать к славянам, брали жен славян и дочерей их к себе на ложе; сверх других притеснений славяне платили гуннам дань» (Fred. IV. 48; Хроника Фредегара 1995: 367). За несколько гротескным тоном данного известия скрывается описание реальной архаичной формы даннических отношений, когда побежденные должны предоставлять победителям натуральное обеспечение (корм). Салтовские аланы VIII–IX вв., безусловно, были существенно более развиты, чем авары VII в., но и они нуждались в натуральных формах обеспечения, которое получали в т.ч. и у своих данников-славян.

В «Анонимной записке» говорится, что русы питаются тем, что привозят из земли славян. Ибн-Русте: «нет у них (русов. — М.Ж.) полей [пахотных], так как они едят то, что привозят из земли славян» (Заходер 1967: 81). Гардизи: «у них (русов — М.Ж.) нет посева и земледелия, посев их — грабеж славян» (Заходер 1967: 82); Мубарак-шах: русы «не имеют посева и земледелия, постоянно совершают набеги, забирают у славян рабов… привозят товары и зерно, от этого имеют средства к существованию» (Заходер 1967: 82).

Данные описания явно гиперболизированы, но, тем не менее, вполне могут быть сопоставлены с известными по археологическим данным сведениями о салтовских аланах.

На территории лесостепной салтовской культуры существовало развитое

земледелие (обобщение соответствующих данных см.: Колода, Горбаненко 2010; 2018), но оно преимущественно «было подчинено потребностям животноводства», в особенности, коневодства, соответственно, если «для кормовой базы существовали довольно значительные площади», то «площадей, на которых могло быть введено земледелие, было немного, что наталкивает на мысль о поступлении продуктов земледелия не только из собственных полей, но и извне»; «население лесостепных городищ… далеко не всегда могло самостоятельно обеспечить себя продуктами питания в необходимом количестве и нуждалось в поступлениях продуктов земледелия извне» (Колода, Горбаненко 2010: 156–157).

Можно полагать, что важным источником поступления на салтовские городища продуктов земледелия были не только их собственные сельскохозяйственные округи (Колода, Горбаненко 2010: 157), но и подчиненные им славянские земли, что нашло свое отражение в приведенных сообщениях восточных авторов.

Учеными не раз высказывалась мысль, что часть салтовских крепостей была направлена на экспансию против славян и контроль над покоренными салтовцами славянскими областями (Афанасьев 1987: 139–142; 1993: 147–149; Седов 1998: 6; 1999: 70–73; 2002: 279; Щавелев 2014: 323–329).

[VI] Славяне, о которых идет речь в «Анонимной записке» — это, судя по их географической локализации и этнографическим особенностям, славяне Днепровского Левобережья: либо вятичи (Рыбаков 1982: 225–234, 258–284), либо северяне (Шпилев 2009: 52–69), что полностью согласуется с пониманием русов данного источника как салтовских аланов: русы «Анонимной записки» нападали на славян и подчинили их своей власти. Салтовцы соседствовали с северянами и с вятичами, соответственно, легко могли это сделать, в то время как нападения варягов на вятичей и северян в первой половине IX в. выглядят чем-то совершенно нереальным (см. в предисловии о варягах в Восточной Европе в данный период).

[VII] О русах, живущих где-то в Северном Причерноморье до IX в. в источниках имеются не только ретроспективные, но и аутентичные свидетельства. Сирийский автор середины VI в. Псевдо-Захария Митиленский помещает их где-то на север от Кавказа: «Соседний с ними (с амазонками, местонахождение которых обычно приурочивается к южнорусским степям — М.Ж.) народ hrus (hros), мужчины с огромными конечностями, у которых нет оружия и которых не могут носить кони из-за их конечностей» (Пигулевская 2011: 387). Некоторыми современными авторами, сторонниками гипотезы о скандинавском происхождении руси, данное известие источника нигилистически отвергается без каких-либо серьезных доказательств по принципу «если источник противоречит теории, тем хуже для источника» простым указанием на легендарный характер описания данного народа и ссылкой на «Гога, в земле Магог, архонта Роса, Мосоха и Тобела» из Септуагинты (Петрухин 1995: 42–48; 2014: 97–108). Подобные аргументы едва ли можно рассматривать всерьез: никаких библейских реминисценций ни сообщение о «народе рус», ни его контекст не содержат, а приписывать реальным народам разные

легендарные черты — норма для античной и средневековой историографии (см. об этом статью Л.Р. Прозорова в настоящем номере).

Интересно, что Ибн Русте тоже говорит об отсутствии у русов конницы (см. комментарий [XIII]). Видимо, по каким-то причинам об этом народе существовал подобный устойчивый стереотип.

Другой автор середины VI в. гот Иордан рассказывает о народе росомонов *Rosomoni* (то есть буквально о «народе рос» или «людях рос»: *ros* + *mon* — «человек»), враждовавших с готским королем Германарихом: «Вероломному же племени росомонов, которое в те времена служило ему (Германариху — М.Ж.) в числе других племен, подвернулся тут случай повредить ему. Одну женщину из вышеназванного племени [росомонов], по имени Сунильду, за изменнический уход [от короля], ее мужа, король [Германарих], движимый гневом, приказал разорвать на части, привязав ее к диким коням и пустив их вскачь. Братья же ее, Сар и Аммий, мстя за смерть сестры, поразили его в бок мечом. Мучимый этой раной, король влачил жизнь больного» (Iord., Get. 129; Иордан 2013: 86). Названные Иорданом имена росомонов *Сар* и *Аммий* иранисты В.И. Абаев и А.Н. Карсанов объясняют из сармато-аланских языков (*sar* — «глава»; *ama* — «могучий») (Карсанов 1989: 25–31).

Таким образом, имеется два независимых друг от друга и принадлежащих к разным традициям известия VI в. о народе рус/рос, принадлежавшем, видимо, к числу сармато-аланских племен и проживавшем где-то в Северном Причерноморье.

[VIII] Близко к Ибн Русте описывают погребальный обычай русов и другие авторы, передающие «Анонимную записку». Гардизи: «Когда убивают какого-либо большого человека (из русов. — М.Ж.), роют для него в земле могилу широкую и большую, словно просторный дом, кладут с ним все его одежды, браслеты, кубки для вина, пищу, чеканную монету; вместе с ним помещают его живую жену, закрывают отверстие могилы, так что жена умирает» (Заходер 1967: 101). «Худуд ал-Алам»: «И мертвого вместе со всем, что имеется у него из одежды и украшений, кладут в могилу, с ним кладут в могилу еду и питье» (Заходер 1967: 101).

Некоторые авторы предпринимают попытки сопоставления данного обряда с камерными погребениями Северной и Восточной Европы эпохи викингов (Петрухин 2001: 135; Самойлов 2006: 14–15; Михайлов 2016: 155), для чего нет оснований: сведения «Анонимной записки», судя по указанному в ней расположению кочевых народов, надежно датируются первой половиной IX в. (Czegledy 1973: 263; Рыбаков 1982: 229–232; Шпилев 2009: 66; Галкина 2010: 57, 98), в то время как камерный обряд в Восточной Европе, если не считать единичного захоронения в Плакуне с дендродатой 890–895 гг., «формируется и распространяется в древнерусских могильниках во второй — третьей четверти X в., или в 930–960-е гг.» (Михайлов 2016: 155), «получил распространение не ранее второй четверти X в. и существовал до последней четверти X в. включительно» (Михайлов 2016: 180). То есть налицо хронологическая нестыковка во много десятилетий, которую отнюдь не устраняет даже уникально раннее захоронение в Плакуне.

Таким образом, единственным соответствием описанному в «Анонимной

записке» погребальному обряду русов остаются, в полном соответствии с наблюдениями Д.Т. Березовца, катакомбные погребения салтовской культуры.

[IX] Известия восточных авторов о том, что русы сжигают своих умерших можно объяснять и иначе: они могут относиться к периоду, более позднему, чем тот, который отражен в «Анонимной записке» и описывать уже не салтовских, а варяжских и славянских русов.

[X] Данное утверждение Д.Т. Березовца ошибочно: почитание славянами огня зафиксировано источниками. Так в «Слове некоего христолюбца и ревнителя по правой вере» сказано о славянах-язычниках: «…огневи ся молять, зовущи его Сварожицемь»; «моляться под овиномъ огневи» (Мансикка 2005: 137).

[XI] Другие авторы, сообщения которых восходят к «Анонимной записке», передают аналогичный сообщению Ибн Русте рассказ. Гардизи: «Есть у них знахари, власть которых распространяется и на их царей. И если знахарь возьмет мужчину или женщину, накинет им на шею веревку и повесит, пока те не погибнут, и говорит ʻʻэто указ царяʼʼ, — то никто не говорит ему ни слова и не выражает недовольства» (Новосельцев 1965: 400). «Худуд ал-алам»: «Знахари у них в почете» (Галкина 2002: 111).

Параллель обряду жертвоприношения русов путем удушения и повешения жертвенного животного или человека, наиболее подробно описанному Ибн Русте, находим у Геродота (V в. до н.э.) в описании обряда жертвоприношения у скифов: «Обряды жертвоприношений всем богам и на всех празднествах у них одинаковы и совершаются вот так: жертвенное животное ставят со связанными передними ногами. Приносящий жертву, стоя сзади, тянет за конец веревки и затем повергает жертву на землю. Во время падения животного жрец взывает к богу, которому приносит жертву. Затем он набрасывает петлю на шею животного и поворотом палки, всунутой в петлю, душит его. При этом огня не возжигают и не начинают посвящения или возлияния. После того как жертва задушена, обдирают шкуру и приступают к варке мяса» (Hist. IV. 60; Геродот 1972: 201).

[XII] Аналогичные рассказы имеются и у других авторов, передающих «Анонимную записку». Ибн Русте: «Когда у них (русов. — М.Ж.) рождается сын, то он (рус) дарит новорожденному обнаженный меч, кладет его перед ребенком и говорит: ʻʻЯ не оставлю тебе в наследство никакого имущества, и нет у тебя ничего, кроме того, что приобретешь этим мечомʼʼ» (Новосельцев 1965: 397). Гардизи: «Когда у [русов] появляется ребенок, они кладут перед ним обнаженный меч и отец говорит: ʻʻУ меня нет золота, серебра, имущества, чтобы оставить тебе в наследство. Это (меч — М.Ж.) является твоим наследством; сам добывай; сам ешьʼʼ» (Заходер 1967: 83).

Подчеркивается при этом качество клинкового оружия русов. Ибн Русте: «У них (русов — М.Ж.) — соломоновы мечи; если выступает [на кого-либо] какое-либо племя (из русов — М.Ж.), выступают все они, не разделяются, бывают заодно против своих врагов, пока не побеждают их» (Заходер 1967: 94). Гардизи: «У них (русов — М.Ж.) много сулеймановых мечей. Если они воюют, то стоят друг с другом заодно, не

ссорятся между собой и совместно действуют, пока не победят врага» (Новосельцев 1965: 400). «Худуд-ал-алам»: «Они воюют со всеми неверными, окружающими их, и выходят победителями» (Галкина 2002: 111).

В «Худуд-ал-алам» говорится о булатных клинках русов: «URTAB — город, где любого чужеземца убивают. Там производят очень ценные клинки для мечей и мечи, которые можно согнуть вдвое, но как только отводится рука, они принимают прежнюю форму» (Галкина 2002: 112).

Переводчики здесь везде поставили слово «меч», хотя на самом деле арабское *сайф* (سيف) может означать как меч, так и саблю, что надо иметь в виду. С таким же основанием во всех приведенных отрывках может быть проставлено слово «сабля». Обратим внимание на именование клинков русов «соломоновыми». Что именно оно означает неясно (Заходер 1967: 94), но очевидно, что клинки русов «Анонимной записки» — это не франкские мечи, принесенные в Восточную Европу варягами[1]. Салтовские аланы самостоятельно изготавливали высококачественные клинки.

У иранских народов Северного Причерноморья издревле существовал культ меча. Вспомним классическое известие Геродота о почитании меча у скифов: «Аресу же совершают жертвоприношения следующим образом. В каждой скифской области по округам воздвигнуты такие святилища Аресу: горы хвороста нагромождены одна на другую на пространстве длиной и шириной почти в три стадии, в высоту же меньше. Наверху устроена четырехугольная площадка… На каждом таком холме водружен древний железный меч. Это и есть кумир Ареса. Этому-то мечу ежегодно приносят в жертву коней и рогатый скот, и даже еще больше, чем прочим богам. Из каждой сотни пленников обрекают в жертву одного человека…» (Hist. IV. 62; Геродот 1972: 202).

В IV в. римский историк Аммиан Марцеллин рассказывает о почитании меча у аланов: «Нет у них ни храмов, ни святилищ, нельзя увидеть покрытого соломой шалаша, но они втыкают в землю по варварскому обычаю обнаженный меч и благоговейно поклоняются ему, как Марсу, покровителю стран, в которых они кочуют» (Amm. XXXI, 2, 23; Аммиан Марцеллин 2000: 494).

Готский историк VI в. Иордан передает сообщение автора V в. Приска Паннийского о мече гуннского правителя Аттилы, которое по мнению большинства исследователей, также связано с аланским культом меча, заимствованным гуннами: «Хотя он (Аттила. — М.Ж.) по самой природе своей всегда отличался самонадеянностью, но она возросла в нем еще от находки Марсова меча, признававшегося священным у скифских царей… Некий пастух заметил, что одна телка из его стада хромает, но не находил причины ее ранения; озабоченный, он проследил кровавые следы, пока не приблизился к мечу, на который она, пока щипала траву, неосторожно наступила; пастух выкопал меч и тотчас же принес его

[1] Встретивший в 922 г. на Волге (уже, видимо, не салтовских, а варяжских) русов Ибн Фадлан отметил наличие у них именно франкских мечей: по его словам, мечи русов «плоские, бороздчатые, франкские» (Ковалевский 1956: 141).

Аттиле. Тот обрадовался приношению и, будучи без того высокомерным, возомнил, что поставлен владыкою всего мира и что через Марсов меч ему даровано могущество в войнах» (Iord., Get. 183; Иордан 2013: 96).

По этнографическим данным прослежено почитание меча у осетин, потомков аланов: «Уже в 1872 г. В.Б. Пфаф пишет: ''У осетин некоторые семейства молятся священным мечам. Верование это происходит от аланов Аммиана Марцеллина''. Действительно, священные мечи как фамильные святыни почитались, например, у Акоевых и Джатиевых. Более того, предания об этих мечах в важнейших чертах совпадают с приведенным выше сообщением Приска: чудесные мечи Акоевых, Джатиевых, а также меч Дзадже Цаликова были изготовлены из небесного железа, обнаруженного пастухом при помощи коровы, так же как при помощи коровы пастухом был обнаружен священный меч скифов» (Дарчиев 2017: 7).

У салтовских аланов металлургия достигла высокого уровня развития, археологам известны целые металлургические комплексы салтовцев: «Типы сыродутных горнов, использовавшихся металлургами Ютановского металлургического комплекса, а также совершенствование технологии получения металла с использованием ферросплавов свидетельствуют о высоком уровне развития чернометаллургического производства и его важной роли в хозяйстве населения салтово-маяцкой культуры. В целом, исследования показали, что в окрестностях современной Ютановки располагался крупнейший для того времени в Восточной Европе металлургический центр салтово-маяцкой культуры, основу которого составляли уникальные чернометаллургические технические установки, не только не имеющие себе равных, но и позволяющие рассматривать салтовское металлургическое производство как особую отрасль хозяйства — ремесло, дифференциация внутри которого проходила в зависимости от вида исходного продукта» (Степовой 2011: 21).

Достигнутый салтовскими аланами высокий уровень металлургического производства позволял салтовским оружейникам создавать высококачественное клинковое оружие: «Изучение девяти салтовских сабель показало, что в технике клинкового производства использовались шесть основных приемов: пакетирование, сварка двух заготовок, вварка, наварка, ковка цельностального клинка, термическая обработка… Сочетая несколько приемов в одном изделии, мастер создавал сложные конструктивные схемы изготовления клинков… Экземпляры № 1688, 1936, 2202, 2338, 2339 демонстрируют высокие технические качества: использование высокоуглеродистой стали, сложные технологические схемы, термическую обработку, к тому же сложные ее виды — закалку с отпуском» (Толмачова 2000).

Таким образом, налицо совпадение сообщений о высококачественном клинковом оружии русов у арабских авторов, передающих сведения «Анонимной записки» (попутно отметим, что о качественном вооружении хазар сведений в арабской литературе нет) и археологических материалов об оружейном производстве лесостепной салтовской культуры. Основным оружием салтовских алан-русов была сабля (из девяти образцов салтовского клинкового оружия,

исследованных М.М. Толмачовой восемь составляют сабли, и только один меч: Толмачова 2000), составлявшая серьезную военную конкуренцию мечу[1].

[XIII] О важной роли торговли в экономике русов сообщают авторы, передающие рассказ «Анонимной записки». Ибн Русте: «Единственное их (русов — М.Ж.) занятие торговля соболями, белками и прочими мехами, которые они продают покупателям. Получают они назначенную цену деньгами и завязывают их в свои пояса. Они соблюдают чистоту своих одежд, их мужчины носят золотые браслеты. С рабами они обращаются хорошо и заботятся об их одежде, потому что торгуют (ими)» (Новосельцев 1965: 397). Гардизи: «Торгуют они (русы. — М.Ж.) соболем и белкой и другими мехами. Носят чистые одежды и с рабами обращаются хорошо» (Новосельцев 1965: 399).

Археологические данные свидетельствуют о важной роли торговли в экономике аланской салтовской культуры: салтовцы «вывозили в основном зерно, шкуры и кожи, мед и воск, с северных территорий, благодаря посреднической торговле — пушнину, а также захваченных в набегах рабов. Ввозили предметы роскоши, пряности, ткани, вино. Не оружие — его делали в достатке сами» (Аксенов 2005).

«Анонимная записка» рисует русов как умелых корабелов. Ибн Русте: «Они [русы] нападают на славян, садятся на суда, отправляются к ним, полонят их, вывозят в Хазаран и Булгар, продают их» (Заходер 1967: 81), русы «смелы в нападениях. Но смелости этой на коне не обнаруживают: все свои набеги и походы производят они на кораблях» (Заходер 1967: 97). Гардизи: «постоянно эти люди (русы) ходят войной на славян, [идут] на кораблях, захватывают славян, превращают в рабов, отвозят к хазарам и булгарам и продают» (Заходер 1967: 82).

Археологические материалы говорят о том, что судоходство и корабельное дело у салтовцев было развито: на ряде салтовских городищ археологами открыты остатки пристаней. «Коробовы Хутора (32) — городище с каменной цитаделью и двумя дополнительными грунтовыми линиями обороны на возвышенности правого берега Донца. Вплотную к нему обширное селище площадью ≈30 га, прослеживаются древние грунтовые дороги, искусственное изменение рельефа и пристань»; «Сидорово (39) — на высоком коренном берегу Донца. Имеет наибольшую площадь из известных салтовских (17,9 га), сопровождается

[1] «Эффективность оружия определяется расстоянием между центром тяжести и точкой удара. Чем оно меньше, тем выше коэффициент полезного действия, тем совершеннее, следовательно, данный экземпляр. Интересно отметить, что КПД прямого стержня при ударе оконечностью составляет 25%. КПД же меча в силу правильного подбора поперечного сечения клинка и весовых соотношений рукояти достигает 45%. Именно такими показателями обладает древнерусский меч X–XI вв., обнаруженный у с. Старая Преображенка… Иная картина наблюдается при ударе саблей. Кривизна рабочей поверхности в сочетании с круговым направлением удара позволяет обе его фазы производить в один прием... Кривизна полосы позволила увеличить КПД оружия, который, как отмечалось, тем выше, чем ближе точка удара к центру тяжести. Вполне естественно, что у дугообразного лезвия это расстояние будет всегда меньше. Поэтому КПД сабли 80% и выше» (Соловьев 1985: 147–154).

наибольшим из известных селищ (≈120 га). Рядом находится Татьяновское городище с пристанью»; «Мохнач (31) — мысовое городище на правом берегу Донца с камерной двухпанцирной цитаделью и грунтовыми укреплениями по периметру… Близ комплекса в реке найдена целая таманская раннесредневековая амфора, что свидетельствует об использовании Донца как торговой артерии в хазарское время» (Колода 2009: 38).

«Находки древних судов и их снаряжения… на территории Верхнего и Среднего Дона — не такая уж большая редкость» (Золотарев 2005: 81).

Жившие в Северном Причерноморье ираноязычные народы с древности были знакомы с судоходством и корабельным делом. По свидетельству Диона Кассия, условия договора, заключенного в правление Марка Аврелия между римлянами и сарматским «племенем» языгов включали в себя запрет судам языгов плавать по Дунаю, а им самим — занимать острова на этой реке (Dio Cass. LXXII, 19, 2; Дион Кассий: 2011: 181); о переправах сарматов на ладьях через Дунай говорится у Аммиана Марцеллина (Amm. XVII, 13, 15–17, 27; Аммиан Марцеллин 2000: 139–140, 141) и у Зосима (Zosim. II, 21, 1–3; Зосим 2010: 110).

На основе анализа античных источников А.К. Нефедкин приходит к выводу, что «некоторые племена сарматов занимались морским разбоем, что в общем не вяжется с нашим представлением о них как о кочевниках» (Нефедкин 2011: 102–103).

Необходимы серьезные исследования судоходства и корабельного дела у салтовских аланов. Описанные источниками их набеги на славян на кораблях (очевидно, на славян Днепровского Левобережья, северян или вятичей) осуществлялись, видимо, преимущественно, по рекам Днепровского бассейна. Коней на речных ладьях перевозить было невозможно, чем, видимо, и объясняется гиперболизированный пассаж Ибн Русте об отсутствии у русов конницы: его источник в силу неких причин знал в первую очередь о корабельных набегах русов на славян[1].

При этом по археологическим данным у салтовских аланов конница, действительно, количественно существенно уступала пехоте: «Процент воинских захоронений в целом, а также процентное содержание каждой части войска можно попытаться определить на материалах полностью раскопанного Сухогомольшанского могильника. Всего с оружием 15,6% могил, и, по приблизительным подсчетам, большинство, (до 2/3) взрослого мужского населения не принадлежало воинству. Если все воинские захоронения принять за 100%, то на долю конных дружинников придется 22%, на остальную часть войска — 78% (41% — пехотинцы). Понятно, что цифры эти лишь приближенно могут отражать реально

[1] Ср. замечание И.Г. Коноваловой: «Основными центрами получения информации о русах на Востоке и Западе мусульманского мира во второй половине IX — начале X в. были не сами русские земли, а Булгар, Итиль, Багдад, каспийские, причерноморские и средиземноморские города, причем во все эти пункты (за исключением Багдада) русы прибывали по воде, создавая у местных жителей стойкое впечатление о том, что способ передвижения на кораблях является единственно возможным в той стране, откуда приезжали русы» (Коновалова 2001: 189).

существовавшее организационно-тактическое деление войска, в основном, по-видимому, совпадающее с социальным членением общества» (Крыганов 1989: 109).

[XIV] Согласно восточным авторам, передающим «Анонимную записку» у русов имелись большие и богатые города. Ибн Русте: «У них (русов — М.Ж.) много городов и живут они привольно» (Новосельцев 1965: 397). Гардизи: у русов «имеются большие города» (Заходер 1967: 92). «Худуд ал-Алам»: «Страна эта (страна русов — М.Ж.) изобилует всеми жизненными благами» (Галкина 2002: 111). Ибн Ийас: земля русов «большая, обширная, в ней — многочисленные города, между которыми — большое расстояние» (Заходер 1967: 93).

Многие городища аланской салтовской культуры, известные по археологическим материалам, вполне можно назвать городами или как минимум протогородами (обсуждение данного вопроса см.: Плетнева 1967: 25–50; 1989: 12–25; Винников, Плетнева 1998; Афанасьев 1987: 10–141; 1993: 94–150; 2001: 43–55; Галкина 2002: 191–204; 2006: 391–399; 2012: 262–269; Колода 2009: 35–43; Флеров 2010).

По словам В.В. Колоды «лесостепные салтовские городища на Северском Донце выполняли различные функции. Среди них, безотносительно к конкретному памятнику, выделяются следующие: 1) центры хозяйственных (прежде всего — сельскохозяйственных) микрорегионов, 2) центры торговли, 3) военные форпосты на границе и на торговых путях (в том числе переправах и бродах), 4) административные центры, посещаемые тудуном (правителем территории) для осуществления распоряжений центральной власти, 5) место временного пребывания военных гарнизонов и военных отрядов, идущих на славянские земли за сбором дани, 6) место аккумулирования и временного хранения этой дани и необходимого для войск продовольственного запаса, и т.д.» (Колода 2009: 37).

Ученый выделил десять протогородских центров в контактной зоне салтовской и славянской культур, каждый из которых был «не просто центром определенного микрорегиона, но и играл исключительную роль в иерархии поселений лесостепной зоны, обуславливая доминирующее положение возглавляемого им микрорегиона» (Колода 2009: 39).

Крупнейшее эпонимное для культуры Салтовское (или Верхне-Салтовское) городище с окружающим его посадом, бывшее, вероятно, политико-организационным центром салтовского населения (Афанасьев 1993: 128–129) являлось поистине грандиозным для Восточной Европы того времени поселением: площадь — ок. 120 га; население — ок. 6–7 тысяч человек (городище), ок. 20 тысяч человек (с учетом посада); катакомбный могильник площадью ок. 100 га, в котором покоятся останки ок. 100 тысяч человек.

[XV] Число приведенных Д.Т. Березовцом соответствий между восходящими к т.н. «Анонимной записке» первой половины IX в. описаниями русов, которыми правит хакан, в восточных источниках и археологическими материалами салтовской культуры может быть продолжено и существенно умножено (работа в соответствующем направлении намечена С.Н. Беззаконовым: Беззаконов 2014). Вот некоторые примеры.

(1) Согласно «Анонимной записке» земля, где живут русы, лесистая и болотистая. Ибн Русте: в земле русов находятся «чащобы и заросли; [остров] нездоровый, сырой; если поставит какой-нибудь человек свою ногу на землю, сотрясется земля из-за ее сырости» (Заходер 1967: 78). Гардизи: земля русов «вся в деревьях. И леса (или рощи) и земля имеют много влаги, так что если поставить ногу на сырое [место], земля задрожит от влажности» (Заходер 1967: 78); Марвази: «там деревья и леса» (Заходер 1967: 79).

Во времена существования салтовской культуры на ее территории росли многочисленные леса, которые салтовцам приходилось расчищать для постройки своих городищ: «Городище Мохнач, в период его заселения салтовской культурой, было покрыто лесом… первая стадия заселения городища, таким образом, была связана с очисткой участка от лесов»; «Результаты исследований палеопочвы, погребенной под средневековым валом Верхнесалтовского городища, дают основания говорить о том, что в период создания городища нагорная часть долины Северского Донца была покрыта широколиственным лесом»; «Изучение почв Донецкого городища (в черте современного Харькова) показали, что здесь вплоть до XIII в. существовал своеобразный степной мыс, к которому с запада подходил лес» (Колода, Горбаненко 2010: 48; 2018: 53).

Болота в области распространения салтовской культуры тоже встречаются в достаточном количестве: «на левобережье Северского Донца и по сей день встречаются многочисленные старицы, озера, болота, за которыми, судя по данным археологии, местное население скрывалось от набегов врагов не только в период существования здесь салтовско-маяцкой культуры, да и значительно позже, во времена Киевской Руси» (Беззаконов 2014).

(2) Авторы, передающие рассказ «Анонимной записки» сообщают кое-что об одежде русов. Ибн Русте: «(Русы) носят широкие шаровары, на каждые из которых идет сто локтей материи. Надевая такие шаровары, собирают их в сборку у колен, к которым затем и привязывают» (Новосельцев 1965: 398). Гардизи: «Шаровары у них (русов. — М.Ж.) около ста локтей; когда надевают, натягивают к коленам и там завязывают; у них верхние одежды, они носят шапки» (Заходер 1967: 99). «Худуд-ал-алам»: «Примерно из ста гязов холста они (русы. — М.Ж.) шьют одну штанину, надевают, обвивая вокруг колена; они имеют обыкновение носить шерстяные шапки со свесившимся хвостом по затылку» (Заходер 1967: 99).

Насколько нам известно, при раскопках салтовских памятников целых образцов одежды не обнаружено, но едва ли она принципиально отличалась от одежды других аланов и «степного» населения в целом. В предисловии была сформулирована гипотеза о варягах, расселявшихся в центральной и южной полосе Восточной Европы, как «федератах» Русского каганата. Она вполне может быть подкреплена известными к настоящему времени данными об одежде варягов.

По словам С.Ю. Каинова, предпринявшего попытку реконструкции костюма варяга X в. на основе материалов захоронений, «кафтан, как тип одежды, несомненно, был заимствован русами у кочевников. Сам покрой его как раз

приспособлен для верховой езды. Хорошо сохранившиеся образцы аланских кафтанов IX века, найденные на Северном Кавказе, дают представление о системе кроя этого типа одежды. Аланские кафтаны, в зависимости от богатства владельца, изготавливались из шелка (византийского, китайского и согдийского) либо из льна. Некоторые кафтаны подбивались мехом… Более суровые климатические условия на большей части территории Древней Руси (особенно в ее северных районах), а также дороговизна такого материала, как шелк, дают основание предполагать, что при шитье русских кафтанов могла использоваться шерстяная ткань… Можно предположить, что русы, заимствовав у степных кочевников саму идею кафтана, изменили эту одежду в деталях» (Каинов 2004: 10).

Что касается шапки варяга, то «представленный на нашем рисунке головном убор является реконструкцией ʼʼрусской меховой шапкиʼʼ, известной по скандинавским сагам. В Бирке в двух погребениях найдены серебряные, украшенные сканью и зернью, конические колпачки, которые трактуются как окончания головных уборов колпакообразной формы с меховой оторочкой. По мнению некоторых шведских исследователей, именно так выглядела ʼʼрусская шапкаʼʼ, изготовленная мастерами Киевской Руси. Сама форма шапки, скорее всего, принадлежит кочевническим культурам — об этом, в частности, свидетельствуют колпачки, аналогичные происходящим из Бирки, но украшенные в другой технике и найденные в Венгрии» (Каинов 2004: 11).

Таким образом, комплекс одежды (уже варяжских и славянских) русов X в. состоял из элементов в значительной, если не в решающей, степени заимствованных у жителей степи. И едва ли мы ошибемся, если предположим, что основным источникам подобных заимствований была аланская салтовская культура.

Можно вспомнить и описанную Львом Диаконом прическу князя Святослава («Голова у него была совершенно голая, но с одной стороны ее свисал клок волос — признак знатности рода»: IX. 11; Лев Диакон 1988: 82), не объяснимую ни из славянских, ни из скандинавских обычаев. Параллель находим в регионе Тмутаракани, там, где проживали «родственники» салтовских алан, которые, как показал Д.Л. Талис также именовались «росами» (Талис 1973: 229–234; 1974: 87–99). В 1237 г. через Матрику (Тмутаракань) в Поволжье проезжал монах-доминиканец Юлиан. По его словам, из Константинополя он со своими спутниками «прибыл в землю, которая называется Зихия, в город, именуемый Матрика, где князь и народ называют себя христианами, имеющими книги и священников греческих». Юлиан отметил, что у знатных людей Матрики существует обычай «в знак знатности оставлять немного волос над левым ухом, обривая всю голову» (Насонов 1940: 98). Скорее всего и прическа Святослава — элемент, перенятый у салтовских аланов.

ЛИТЕРАТУРА

Аксенов 2005 — *Аксенов В.С.* Интервью. 2005 [Электронный ресурс]. http://xt.ht/phpbb/viewtopic.php?t=61 (Дата обращения — 12.11.2018).

Аль-Бакри 1903 — Известия Аль-Бакри и других авторов о Руси и славянах. Ч. 2 (Разыскания А. Куника). СПб., 1903. 287 с.

Аммиан Марцеллин 2000 — *Аммиан Марцеллин.* Римская история (Res Gestae) / Под общей редакцией В.П. Сальникова; Перевод с латинского Ю.А. Кулаковского и А.И. Сонни (Серия «Античная библиотека»). СПб.: Алетейя, 2000. 576 с.

Артамонов 1962 — *Артамонов М.И.* История хазар. Л.: Издательство Государственного Эрмитажа, 1962. 523 с.

Афанасьев 1984 — *Афанасьев Г.Е.* Этническая территория буртасов во второй половине VIII — начале X в. // Советская этнография. 1984. № 4. С. 28–41.

Афанасьев 1987 — *Афанасьев Г.Е.* Население лесостепной зоны бассейна Среднего Дона в VIII–X вв. (аланский вариант салтово-маяцкой культуры) / Археологические открытия на новостройках. Вып. 2. М.: Наука, 1987. 201 с.

Афанасьев 1993 — *Афанасьев Г.Е.* Донские аланы. Социальные структуры алано-ассо-буртасского населения бассейна Среднего Дона. М.: Наука, 1993. 165 с.

Афанасьев 2001 — *Афанасьев Г.Е.* Где же археологические свидетельства существования Хазарского государства? // Российская археология. 2001. № 2. С. 43–55.

Афанасьев 2016 — *Афанасьев Г.Е.* О территории Хазарского каганата и хазарского домена в IX веке // Дивногорский сборник. Труды музея-заповедника «Дивногорье». Вып. 6. Воронеж: Научная книга, 2016. С. 41–72.

Афанасьев, Николаенко 1982 — *Афанасьев Г.Е., Николаенко А.Г.* О салтовском типе сыродутного горна // Советская археология. 1982. № 2. С. 168–175.

Бабенко 1914 — *Бабенко В.А.* Памятники хазарской культуры на юге России // Труды XV Археологического съезда. Т. I. М., 1914. С. 435–480.

Багалей 1882 — *Багалей Д.И.* История Северской земли до половины XIV в. К., 1882. 328 с.

Багалей 1914 — *Багалей Д.И.* Русская история. Т. I. М., 1914. 526 с.

Барсов 1873 — *Барсов Н.П.* Очерки русской исторической географии. География начальной летописи. Варшава, 1873. 272 с.

Бартольд 1929 — *Бартольд В.В.* Очерк истории туркменского народа // Туркмения. Т. I. Л.: Издательство Академии Наук СССР, 1929. С. 1–69.

Бартольд 1940 — *Бартольд В.В.* Арабские известия о русах // Советское востоковедение. 1940. I. С. 15–50.

Беззаконов 2014 — *Беззаконов С.Н.* Салтово-маяцкая культура или Русский каганат? 2014 [Электронный ресурс]. https://rossica-antiqua.livejournal.com/577115.html (Дата обращения — 12.11.2018).

Белецкий 2012 — *Белецкий С.В.* Древнейшая геральдика Руси // Повесть временных лет / Перевод Д.С. Лихачева, О.В. Творогова, комментарии А.Г. Боброва, С.Л. Николаева, А.Ю. Чернова при участии А.М. Введенского и Л.В. Войтовича, 129 иллюстраций М. Мечева. СПб.: ВИТА НОВА, 2012. С. 431–465.

Березовец 1965 — *Березовець Д.Т.* Слов'яни й племена салтівської культури // Археологія. Т. XIX. К., 1965. С. 47–67.

Березовец 1969 — *Березовец Д.Т.* Северяне перед образованием Киевской Руси. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук. М., 1969. 35 с.

Березовец 1970 — *Березовець Д.Т.* Про ім'я носіїв салтівської культури // Археологія. Т. XXIV. К., 1970. С. 59–74.

Березовец 1972 — *Березовець Д.Т.* Про ім'я носіїв салтівської культури (Хто такі «руси» східних авторів) // Матеріали XIII конференції інституту археології АН УРСР, присвяченої 50-річчю Академії

наук Української РСР (Київ, 1968 р.). К., 1972. С. 288–292.

Березовец 1999 — *Березовец Д.Т.* Русы в Поднепровье (доклад на XIV конференции Института археологии АН УССР) // Полтавський археологічний збірник. 1999. Полтава, 1999. С. 320–350.

Білинський 2013 — *Білинський О.О.* До щоденника Дмитра Тарасовича Березовця // Сумська старовина. № XL. 2013. С. 170–171.

Брайчевский 1960 — *Брайчевский М.Ю.* По поводу одного места из Константина Багрянородного // Византийский временник. Т. XVII. М.; Л., 1960. С. 144–154.

Брим 1923 — *Брим В.А.* Происхождение термина «Русь» // Россия и Запад. Т. 1. Пг., 1923.

Васильевский 1915 — *Васильевский В.Г.* Труды. Т. III. Пг., 1915. 416 с.

Вернадский 1996 — *Вернадский Г.В.* Древняя Русь. Тверь: ЛЕАН, 1996. 448 с.

Вестберг 1908 — *Вестберг Ф.* К анализу восточных источников о Восточной Европе // Журнал Министерства народного просвещения. СПб., 1908. II. С. 364–412.

Вестберг 1910 — *Вестберг Ф.* Записка Готского топарха // Византийский Временник. Т. XV. Вып. 2–3. СПб., 1910. 124 с.

Винников, Плетнева 1998 — *Винников А.З., Плетнева С.А.* На северных рубежах Хазарского каганата. Маяцкое поселение. Воронеж: Издательство Воронежского государственного университета, 1998. 216 с.

Владимиров 2017 — *Владимиров С.И.* Вооружение и военное дело населения Доно-Донецкой лесостепи во второй половине VIII — начале X вв. (салтово-маяцкая культура). Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Воронеж, 2017. 310 с.

Воронятов 2005 — *Воронятов С.В.* Волынцевская «культура» и «Русский каганат» // Альманах молодых археологов. 2005. СПб.: Нестор-История, 2005. С. 199–210.

Гадло 2002 — *Гадло А.В.* Проблема Приазовской Руси как тема русской историографии (История идеи) // От Тмутороканя до Тамани IX–XIX вв. Сборник Русского исторического общества. № 4 (152). М.: Русская панорама, 2002. С. 14–39.

Галкина 2002 — *Галкина Е.С.* Тайны Русского каганата. М.: Вече, 2002. 428 с.

Галкина 2006 — *Галкина Е.С.* Номады Восточной Европы: этносы, социум, власть (I тыс. н.э.). М.: Прометей, 2006. 548 с.

Галкина 2010 — *Галкина Е.С.* Этносы Восточной Европы в цикле «О тюрках» арабской географической литературы // Rossica antiqua. 2010. № 1. С. 54–98.

Галкина 2012 — *Галкина Е.С.* Русский каганат. Без хазар и норманнов. М.: Алгоритм, 2012. 336 с.

Гаркави 1870 — *Гаркави А.Я.* Сказания мусульманских писателей о славянах и русских. СПб., 1870. 315 с.

Гедеонов 2004 — *Гедеонов С.А.* Варяги и Русь. В 2–х частях / Автор предисловия, комментариев, биографического очерка — В.В. Фомин. Второе издание, комментированное. М.: Русская панорама, 2004. 656 с.

Геродот 1972 — *Геродот.* История в девяти книгах / Перевод и примечания Г.А. Стратановского (Серия «Памятники исторической мысли»). Л.: Наука, 1972. 600 с.

Голубовский 1881 — *Голубовский П.В.* История Северской земли до половины XIV в. К., 1881. 209 с.

Горский 2004 — *Горский А.А.* Русь: От славянского расселения до Московского царства. М.: Языки славянской культуры, 2004. 392 с.

Греков 1944 — *Греков Б.Д.* Киевская Русь. М.; Л.: Издательство Академии наук СССР, 1944. 348 с.

Григорьев 2005 — *Григорьев А.В.* Славянское население водораздела Оки и Дона в конце I — начале II тыс. н.э. Тула: Государственный музей-заповедник «Куликово поле», 2005. 207 с.

Губарев 2018 — *Губарев О.Л.* Оксюморон «Русский каганат». 2018 [Электронный ресурс]. https://historicaldis.ru/blog/43731763919/Oksyumoron-%C2%ABRusskiy-kaganat%C2%BB (Дата обращения — 12.11.2018).

Дарчиев 2017 — *Дарчиев А.В.* О военном культе аланов // Известия Северо-Осетинского института гуманитарных и социальных исследований им. В.И. Абаева. 2017. № 24 (63). С. 5–17.

Дион Кассий 2011 — *Кассий Дион Коккейан.* Римская история. Книги LXIV-LXXX / Перевод с древнегреческого под редакцией А.В. Махлаюка; комментарии и статья А.В. Махлаюка (Серия Fontes scripti antiqui). СПб.: Филологический факультет СПбГУ; Нестор-История, 2011. 456 с.

Дорн 1875 — *Дорн Б.А.* Каспий. О походах древних русских в Табаристан, с дополнительными сведениями о других набегах их на прибрежья Каспийского моря. СПб., 1875. 781 с.

Дьяконов 1939 — *Дьяконов А.П.* Известия Псевдо-Захарии о древних славянах // Вестник древней истории. 1939. № 4. С. 83–90.

Жих 2009 — *Жих М.И.* К проблеме Русского каганата: Древняя Русь и ее степные соседи // Международный исторический журнал «Русин». 2009. № 3 (17). С. 147–157.

Жих 2018 — *Жих М.И.* О соотношении «Новгородской» и «Ладожской» версий сказания о призвании варягов в начальном русском летописании // Вестник «Альянс-Архео». 2018. Вып. 24. С. 3–44.

Журавель 2004 — *Журавель А.В.* Кто же кого «срезал»? По поводу статьи И.Г. Коноваловой «Второе пришествие варягов» // Независимая газета. Ex libris. 22.07.2004 [Электронный ресурс]. http://www.ng.ru/ng_exlibris/2004–07–22/8_mail.html (Дата обращения — 12.11.2018).

Западноевропейские источники 2010 — Древняя Русь в свете зарубежных источников: Хрестоматия. Т. IV. Западноевропейские источники / Составление, переводы и комментарии А.В. Назаренко. М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2010. 512 с.

Заходер 1962 — *Заходер Б.Н.* Каспийский свод сведений о Восточной Европе. Т. I. Горган и Поволжье в IX–X вв. М.: Издательство восточной литературы, 1962. 281 с.

Заходер 1967 — *Заходер Б.Н.* Каспийский свод сведений о Восточной Европе. Т. II. Булгары, мадьяры, народы Севера, печенеги, русы, славяне. М.: Наука, 1967. 213 с.

Золотарев 2005 — *Золотарев П.М.* Находки долбленых лодок на территории Верхнего и Среднего Дона // Археологические памятники Восточной Европы: Межвузовский сборник научных трудов. Воронеж: Воронежский государственный педагогический университет, 2005. С. 81–88.

Зосим 2010 — *Зосим.* Новая история / Перевод, комментарий, указатели Н.Н. Болгова. Белгород: Издательство Белгородского государственного университета, 2010. 344 с.

Ибн Русте 1869 — *Абу-Али Ахмед Бен Омар Ибн-Даста.* Известия о хозарах, буртасах, болгарах, мадьярах, славянах и руссах / Перевод с арабского, комментарии Д.А. Хвольсона. СПб., 1869. 200 с.

Иловайский 1882 — *Иловайский Д.И.* Разыскания о начале Руси: вместо введения в русскую историю. М., 1882. 557 с.

Иордан 2013 — *Иордан.* О происхождении и деяниях гетов / Вступительная статья, перевод и комментарии Е.Ч. Скржинской. Второе издание (Византийская библиотека. Источники). СПб.: Алетейя, 2013. 512 с.

Каинов 2004 — *Каинов С.Ю.* Древнерусский дружинник второй половины X века (Опыт реконструкции) // Военный сборник. Статьи и публикации по Российской военной истории до 1917 года. М., 2004. С. 7–12.

Калинина 2003 — *Калинина Т.М.* Интерпретация некоторых известий о славянах в «Анонимной записке» // Древнейшие государства Восточной Европы. 2001. Историческая память и формы ее воплощения. М.: Восточная литература, 2003. С. 204–216.

Карпенко 2016 — *Карпенко А.А.* Русь северян Вещего Олега. Ростов н/Д: Книга, 2016. 272 с.

Карсанов 1989 — *Карсанов А.Н.* Об этнической принадлежности росомонов // Имя — этнос — история. М., 1989. С. 25–31.

Кирпичников 1984 — *Кирпичников А.Н.* Каменные крепости Новгородской земли. Л.: Наука, 1984. 278 с.

Кирпичников 1988 — *Кирпичников А.Н.* Ладога и Ладожская земля VIII–XIII вв. // Историко-археологическое изучение Древней Руси: Итоги и основные проблемы. Л.: Издательство ЛГУ, 1988. С. 38–79.

Ковалевский 1956 — *Ковалевский А.П.* Книга Ахмеда Ибн-Фадлана о его путешествии на Волгу в 921–922 гг. Статьи, переводы и комментарии. Харьков: Издательство Харьковского государственного университета, 1956. 348 с.

Коковцов 1932 — *Коковцов П.К.* Еврейско-хазарская переписка в X в. Л.: Издательство АН СССР, 1932. 140 с.

Колода 1999 — *Колода В.В.* Черная металлургия Днепро-Донского междуречья во второй половине I тыс. н.э. Харьков: РЦНИТ, 1999. 244 с.

Колода 2009 — *Колода В.В.* Проблемы градообразования в раннесредневековых контактных зонах (на примере лесостепного региона Северского Донца) // Средневековый город Юго-Востока Руси: предпосылки возникновения, эволюция, материальная культура: Материалы конференции, посвященной столетию начала археологических исследований Гочевского археологического комплекса. Курск, 2009. С. 35–43.

Колода, Горбаненко 2010 — *Колода В.В., Горбаненко С.А.* Сельское хозяйство носителей салтовской культуры в лесостепной зоне. К.: Институт археологии НАН Украины, 2010. 216 с.

Колода, Горбаненко 2018 — *Колода В.В., Горбаненко С.А.* Сільське господарство населення Хозарського каганату в лісостеповій зоні. Київ: Академперіодика, 2018. 170 с.

Комар 2005 — *Комар А.В.* К дискуссии о происхождении и ранних фазах истории Киева // Ruthenica. 2005. № 4. С. 115–137.

Комар 2005а — *Комар А.В.* Исторические предпосылки возникновения легенды о полянской дани хазарам по археологическим данным // Хазары. Евреи и славяне. Т. 16. М.: Мосты культуры; Иерусалим: Гешарим, 2005. С. 207–218.

Комар 2010 — *Комар А.В.* «Тайны Русского каганата» и другие проблемы научной графомании (заметки по поводу работ Е.С. Галкиной) // Ruthenica. 2010. Т. 9. С. 185–196.

Коновалова 2001 — *Коновалова И.Г.* Состав рассказа об «острове русов» в сочинениях арабо-персидских авторов X–XVI вв. // Древнейшие государства Восточной Европы. 1999. Восточная и Северная Европа в Средневековье. М.: Восточная литература, 2001. С. 169–189.

Коновалова 2003 — *Коновалова И.Г.* Второе пришествие варягов // Независимая газета. Ex libris. 16.01.2003 [Электронный ресурс]. http://www.ng.ru/ng_exlibris/2003–01–16/7_varyg.html (Дата обращения — 12.11.2018).

Королев 2006 — *Королев А.С.* Можно ли ставить точку в изучении проблемы Приазовской Руси? // Сборник Русского исторического общества. Т. 10 (158). Россия и Крым. М.: Русская панорама, 2006. С. 88–102.

Крыганов 1989 — *Крыганов А.В.* Вооружение и войско населения салтово-маяцкой культуры (по материалам могильников с обрядом трупосожжения) // Проблемы археологии Поднепровья. Днепропетровск, 1989. С. 98–113.

Кузьмин 1970 — *Кузьмин А.Г.* «Варяги» и «Русь» на Балтийском море // Вопросы истории. 1970. № 10. С. 28–55.

Кузьмин 2003 — *Кузьмин А.Г.* Начало Руси. Тайны рождения русского народа. М.: Вече, 2003. 432 с.

Кузьмин 2005 — *Кузьмин А.Г.* Хазарские страдания // Кузьмин А.Г. Мародеры на дорогах истории. М.: Русская панорама, 2005. С. 266–294.

Кулешов 2009 — *Кулешов В.С.* К оценке достоверности этимологий слова русь // Труды Государственного Эрмитажа. Т. 49. СПб.: Издательство государственного Эрмитажа, 2009. С. 441–459.

Куник 1874 — *Куник А.А.* О записке Готского топарха (По поводу новых открытий о таманской Руси и крымских готах) // Записки Императорской Академии наук. Т. XXIV. СПб., 1874. С. 61–160.

Кучкин 1995 — *Кучкин В.А.* «Русская земля» по летописным данным XI — первой трети XIII в. // Древнейшие государства Восточной Европы. 1992–1993. М.: Наука, 1995. С. 74–100.

Ламанский 1859 — *Ламанский В.И.* О славянах в Малой Азии, в Африке и в Испании. СПб., 1859. 611 с.

Ламбин 1874 — *Ламбин Н.П.* О Тмутараканской Руси // Журнал Министерства народного

просвещения. СПб., 1874. I. С. 58–95.

Лебедев 2005 — *Лебедев Г.С.* Эпоха викингов в Северной Европе и на Руси. СПб.: Евразия, 2005. 640 с.

Лев Диакон 1988 — *Лев Диакон.* История / Перевод М.М. Копыленко, комментарии М.Я. Сюзюмова, С.А. Иванова. М.: Наука, 1988. 222 с.

Ляпушкин 1941 — *Ляпушкин И.И.* Славяно-русские поселения IX–XIII вв. на Дону и Тамани по археологическим памятникам // Материалы и исследования по археологии СССР. № 6. М.; Л.: Издательство АН СССР, 1941. С. 191–246.

Ляпушкин 1958 — *Ляпушкин И.И.* Памятники салтовской культуры в бассейне р. Дона // Труды Волго-Донской археологической экспедиции. Т. I / Материалы и исследования по археологии СССР. № 62. М.; Л.: Издательство АН СССР, 1958. С. 85–150.

Ляпушкин 1961 — *Ляпушкин И.И.* Днепровское лесостепное Левобережье в эпоху железа. Археологические разыскания о времени заселения Левобережья славянами / Материалы и исследования по археологии СССР. № 104. М.; Л.: Издательство АН СССР, 1961. 385 с.

Мавродин 1945 — *Мавродин В.В.* Образование Древнерусского государства. Л.: Издательство ЛГУ, 1945. 427 с.

Макаров 2012 — *Макаров Н.А.* Исторические свидетельства и археологические реалии // Русь в IX–X вв. Археологическая панорама. М.: Институт археологии РАН, 2012. С. 449–459.

Максимович 2006 — *Максимович К.А.* Происхождение этнонима «Русь» в свете исторической лингвистики и древнейших письменных источников // KANISKION: Юбилейный сборник в честь 60-летия проф. И.С. Чичурова. М.: Издательство ПСТГУ, 2006. С. 14–56.

Мансикка 2005 — *Мансикка В.Й.* Религия восточных славян. М.: ИМЛИ РАН, 2005. 368 с.

Матузова 1979 — *Матузова В.И.* Английские средневековые источники IX–XIII вв. Тексты, перевод, комментарий. М.: Наука, 1979. 268 с.

Мачинский 2009 — *Мачинский Д.А.* Некоторые предпосылки, движущие силы и исторический контекст сложения русского государства в середине VIII — середине XI в. // Труды Государственного Эрмитажа. Т. 49. СПб.: Издательство государственного Эрмитажа, 2009. С. 460–538.

Мельникова 2011 — *Мельникова Е.А.* Древняя Русь и Скандинавия: Избранные труды. М.: Русский Фонд содействия образованию и науке, 2011. 476 с.

Мельникова, Петрухин 1989 — *Мельникова Е.А., Петрухин В.Я.* Название «Русь» в этнокультурной истории Древнерусского государства (IX–X вв.) // Вопросы истории. 1989. № 8. С. 24–38.

Мерперт 1955 — *Мерперт Н.Я.* Из истории оружия племен Восточной Европы в раннем Средневековье // Советская археология. Т. XXIII. М., 1955. С. 131–168.

Михайлов 2016 — *Михайлов К.А.* Элитарный погребальный обряд Древней Руси: камерные погребения IX — начала XI века в контексте североевропейских аналогий. СПб.: Бранко, 2016. 272 с.

Мишин 2003 — *Мишин Д.Е.* Рецензия на книгу: Галкина Е.С. Тайны Русского каганата. М., 2002 // Славяноведение. 2003. № 4. С. 93–96.

Монгайт 1947 — *Монгайт А.Л.* К вопросу о трех центрах Древней Руси // Краткие сообщения Института истории материальной культуры. Вып. XVI. М.; Л., 1947. С. 103–112.

Мурашева 2008 — *Мурашева В.В.* Супрутский клад. Из раскопок 1969 г. / Труды Государственного исторического музея. Вып. 175. М., 2008. 48 с.

Назаренко 2001 — *Назаренко А.В.* Древняя Русь на международных путях: Междисциплинарные очерки культурных, торговых, политических связей IX–XII вв. М.: Языки русской культуры, 2001. 784 с.

Насонов 1940 — *Насонов А.Н.* Тмутаракань в истории Восточной Европы X века // Исторические записки. Т. 6. 1940. С. 79–99.

Насонов 1951 — *Насонов А.Н.* «Русская земля» и образование территории древнерусского государства. М.: Издательство АН СССР, 1951. 264 с.

Нефедкин 2011 — *Нефедкин А.К.* Военное дело сарматов и аланов (по данным античных источников). СПб.: Филологический факультет СПбГУ; Нестор-История, 2011. 304 с.

Николаенко 1991 — *Николаенко А.Г.* Северо-Западная Хазария или Донская Русь? Древности Приоскольской лесостепи в заметках краеведа. Волоконовка, 1991. 132 с.

Новосельцев 1965 — *Новосельцев А.П.* Восточные источники о восточных славянах и Руси VI–IX вв. // Древнерусское государство и его международное значение. М.: Наука, 1965. С. 355–419.

Пархоменко 1924 — *Пархоменко В.А.* У истоков русской государственности (VIII–XI вв.). Л.: Государственное издательство, 1924. 118 с.

Петрухин 1995 — *Петрухин В.Я.* Начало этнокультурной истории Руси IX–XI веков. Смоленск: Русич; М.: Гнозис, 1995. 320 с.

Петрухин 2001 — *Петрухин В.Я.* «Русский каганат», скандинавы и южная Русь: средневековая традиция и стереотипы современной историографии // Древнейшие государства Восточной Европы. 1999. Восточная и Северная Европа. М.: Восточная литература, 2001. С. 127–142.

Петрухин 2014 — *Петрухин В.Я.* Русь в IX–X веках. От призвания варягов до выбора веры. Второе издание, исправленное и дополненное. М.: ФОРУМ; НЕОЛИТ, 2014. 464 с.

Пигулевская 2011 — *Пигулевская Н.В.* Сирийская средневековая историография: исследования и переводы. Второе издание, исправленное и дополненное / Составитель Н.А. Мещерская. СПб.: Дмитрий Буланин, 2011. 832 с.

Плетнева 1963 — *Плетнева С.А.* Средневековая керамика Таманского городища // Керамика и стекло древней Тмутаракани. М.: Издательство АН СССР, 1963. С. 5–72.

Плетнева 1964 — *Плетнева С.А.* Рецензия на книгу: Шрамко Б.А. Древности Северского Донца. Харьков, 1962 // Советская археология. 1964. № 3. С. 343–344.

Плетнева 1967 — *Плетнева С.А.* От кочевий к городам. Салтово-маяцкая культура / Материалы и исследования по археологии СССР. № 142. М.: Наука, 1967. 209 с.

Плетнева 1981 — *Плетнева С.А.* Салтово-маяцкая культура // Степи Евразии в эпоху Средневековья / Археология СССР. Т. 18. М.: Наука, 1981. С. 62–75.

Плетнева 1989 — *Плетнева С.А.* На славяно-хазарском пограничье (Дмитриевский археологический комплекс). М.: Наука, 1989. 288 с.

Плетнева 2000 — *Плетнева С.А.* Очерки хазарской археологии. М.: Мосты культуры; Иерусалим: Гешарим, 2000. 364 с.

Пожидаев 1926 — *Пожидаев Б.П.* Горцы Северного Кавказа. М.; Л.: Государственное издательство, 1926. 113 с.

Поляк 2001 — *Поляк А.Н.* Восточная Европа IX–X веков в представлении Востока // Славяне и их соседи. Вып. 10. Славяне и кочевой мир. М.: Наука, 2001. С. 79–107.

Приймак, Примак 1999 — *Приймак В.В., Примак В.М.* Д.Т. Березовець і проблема Русів та Русі (післяслово до публікації) // Полтавський археологічний збірник. 1999. Полтава, 1999. С. 351–354.

Прозоров 2007 — *Прозоров Л.Р.* Каганы Древней Руси. 2007 [Электронный ресурс]. https://oldrus.livejournal.com/35210.html (Дата обращения — 12.11.2018).

Радомский 2004 — *Радомский Я.Л.* Этнический состав Причерноморской Руси. Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. М., 2004. 321 с.

Решетова 2014 — *Решетова И.К.* Население Донецко-Донского междуречья в раннем Средневековье (по материалам погребальных памятников салтово-маяцкой культуры). Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. М., 2014. 263 с.

Рыбаков 1952 — *Рыбаков Б.А.* Русские земли по карте Идриси 1154 г. // Краткие сообщения Института истории материальной культуры. Вып. XLIII. М., 1952. С. 3–44.

Рыбаков 1953 — *Рыбаков Б.А.* Древние русы // Советская археология. Т. XVII. М., 1953. С. 23–104.

Рыбаков 1953а — *Рыбаков Б.А.* К вопросу о роли Хазарского каганата в истории Руси // Советская археология. Т. XVIII. М., 1953. С. 128–150.

Рыбаков 1958 — *Рыбаков Б.А.* Предпосылки образования Древнерусского государства // Очерки истории СССР. Кризис рабовладельческой системы и зарождение феодализма на территории СССР

III–IX вв. М.: Издательство АН СССР, 1958. С. 733–878.

Рыбаков 1982 — *Рыбаков Б.А.* Киевская Русь и русские княжества XII–XIII вв. М.: Наука, 1982. 590 с.

Рябинин 2003 — *Рябинин Е.А.* У истоков Северной Руси. Новые открытия. СПб.: БЛИЦ, 2003. 224 с.

Рябинин, Дубашинский 2002 — *Рябинин Е.А., Дубашинский А.В.* Любшанское городище в Нижнем Поволховье (предварительное сообщение) // Ладога и ее соседи в эпоху Средневековья. СПб.: Институт истории материальной культуры РАН, 2002. С. 196–203.

Савицкий 2011 — *Савицкий Н.М.* Жилые постройки лесостепного варианта салтово-маяцкой культуры. Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Воронеж, 2011. 250 с.

Самойлов 2006 — *Самойлов К.Г.* К вопросу о локализации русов восточных источников в работе Е.С. Галкиной: материалы к дискуссии. 2006 [Электронный ресурс]. https://docplayer.ru/40099505–K-voprosu-o-lokalizaciI–rusov-vostochnyh-istochnikov-v-rabote-e-s-galkinoy-materialy-k-diskussii.html (Дата обращения — 12.11.2018).

Самоквасов 1908 — *Самоквасов Д.Я.* Могилы Русской земли. М., 1908. 284 с.

Сарапулкин 2003 — *Сарапулкин В.А.* Керамика и керамическое производство лесостепного варианта салтово-маяцкой культуры. Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Липецк, 2003. 285 с.

Саханев 1914 — *Саханев В.В.* Раскопки на Северном Кавказе в 1911–1912 годах // Известия Археологической комиссии. Вып. 56. Пг., 1914. С. 78–175.

Сахаров 1980 — *Сахаров А.Н.* Дипломатия Древней Руси. IX — первая половина X в. М.: Мысль, 1980. 360 с.

Свердлов 1970 — *Свердлов М.Б.* Локализация русов в арабской географической литературе IX–X вв. // Известия Всесоюзного географического общества. 1970. Т. 102. Вып. 4. С. 363–369.

Свердлов 2003 — *Свердлов М.Б.* Домонгольская Русь. Князь и княжеская власть на Руси VI — первой трети XIII в. СПб.: Академический проект, 2003. 736 с.

Свердлов 2011 — *Свердлов М.Б.* М.В. Ломоносов и становление исторической науки в России. СПб.: Нестор-История, 2011. 916 с.

Свердлов 2017 — *Свердлов М.Б.* Латиноязычные источники по истории Древней Руси IX–XIII вв. Германия. «Правда Русская». История текста. Избранные статьи. СПб.: Издательство Олега Абышко, 2017. 592 с.

Севастьянов 2013 — *Севастьянов А.Н.* Не те русы (рецензия на книгу: Галкина Е.С. Русский каганат. Без хазар и норманнов. М., 2012) // Вопросы национализма. 2013. № 4 (16). С. 227–237.

Седов 1998 — *Седов В.В.* Русский каганат IX века // Отечественная история. 1998. № 4. С. 3–14.

Седов 1999 — *Седов В.В.* Древнерусская народность. Историко-археологическое исследование. М.: Языки русской культуры, 1999. 312 с.

Седов 1999а — *Седов В.В.* У истоков восточнославянской государственности. М.: УРСС, 1999. 144 с.

Седов 2002 — *Седов В.В.* Славяне. Историко-археологическое исследование. М.: Языки русской культуры, 2002. 622 с.

Седов 2003 — *Седов В.В.* О русах и русском каганате IX века // Славяноведение. 2003. № 2. С. 3–14.

Семенов-Зусер 1947 — *Семенов-Зусер С.А.* Розкопки коло с. Салтів в 1946 р. // Археологічні пам'ятки УРСР. Т. I. К., 1947. С. 131–182.

Славяне 1963 — Славяне накануне образования Киевской Руси / Материалы и исследования по археологии СССР. № 108. М.: Издательство Академии наук СССР, 1963. 388 с.

Слово о погибели 2005 — Слово о погибели Русской земли (Подготовка текста, перевод и комментарии Л.А. Дмитриева) // Библиотека литературы Древней Руси. Т. 5. XIII век. СПб.: Наука, 2005. С. 90–91.

Смирнов 1928 — *Смирнов П.П.* Волзький шлях і стародавні Руси (Нариси з руськоі історіі VI–IX вв.). К.: Друкарня Української Академії наук, 1928. 230 с.

Сміленко, Сухобоков 1990 — *Сміленко А.Т., Сухобоков О.В.* Пам'яті Дмитра Тарасовича Березовця // Археологія. 1990. № 4. С. 107–115.

Соловьев 1883 — *Соловьев С.М.* История России с древнейших времен. Кн. I. Т. 1–5. М., 1883. 879 с.

Соловьев 1985 — *Соловьев А.И.* О некоторых характеристиках клинкового оружия // Проблемы реконструкций в археологии. Новосибирск, 1985. С. 147–154.

Спицын 1899 — *Спицын А.А.* Расселение древнерусских племен по археологическим данным // Журнал министерства народного просвещения. 1899. VIII. С. 301–340.

Спицын 1908 — *Спицын А.А.* Исконные обитатели Дона и Донца // Журнал Министерства народного просвещения. Новая серия. Вып. XIX. СПб., 1908. С. 67–79.

Срезневский 1860 — *Срезневский И.И.* Русское население Степного и Южного Поморья в XI–XIV вв. // Известия Академии наук по Отделению русского языка и словесности. Т. VIII. Вып. 4. СПб., 1860. С. 313–320.

Станг 1999 — *Станг Х.* Наименование Руси (герульская версия) // Stratum plus. 1999. № 5. С. 119–147.

Стасов 1881 — *Стасов В.В.* Заметки о «руссах» Ибн-Фадлана и других арабских писателей // Журнал Министерства народного просвещения. 1881. VIII. С. 281–315.

Степовой 2011 — *Степовой А.В.* Металлургическое производство населения лесостепного варианта салтово-маяцкой культуры (Ютановский археологический комплекс). Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Воронеж, 2011. 22 с.

Талис 1973 — *Талис Д.Л.* Топонимы Крыма с корнем «рос» // Античная древность и средние века. Вып. 10. Свердловск, 1973. С. 229–234.

Талис 1974 — *Талис Д.Л.* Росы в Крыму // Советская археология. 1974. № 3. С. 87–99.

Тихомиров 1979 — *Тихомиров М.Н.* Происхождение названий «Русь» и «Русская земля» // Тихомиров М.Н. Русское летописание. М.: Наука, 1979. С. 22–45.

Толмачова 2000 — *Толмачова М.М.* Технологія виготовлення салтівських шабель. 2000 [Электронный ресурс]. https://www.myslenedrevo.com.ua/uk/Sci/Archeology/Archeometry/Applied/SaltovoSabres.html (Дата обращения — 12.11.2018).

Толочко 1987 — *Толочко П.П.* Древняя Русь. Очерки социально-политической истории. К.: Наукова думка, 1987. 247 с.

Толочко 2013 — *Толочко П.П.* Ранняя Русь: история и археология. СПб.: БЛИЦ, 2013. 208 с.

Толочко 2015 — *Толочко А.П.* Очерки начальной руси. К.; СПб.: Лаурус, 2015. 336 с.

Третьяков 1968 — *Третьяков П.Н.* О древнейших русах и их земле // Славяне и Русь. К 60-летию Б.А. Рыбакова. М.: Наука, 1968. С. 179–187.

Третьяков 1970 — *Третьяков П.Н.* У истоков древнерусской народности / Материалы и исследования по археологии СССР. № 179. Л.: Наука, 1970. С. 72–110.

Трубачев 2005 — *Трубачев О.Н.* В поисках единства: взгляд филолога на проблему истоков Руси. Третье издание, дополненное. М.: Наука, 2005. 286 с.

Трухачев 1981 — *Трухачев Н.С.* Попытка локализации Прибалтийской Руси на основании сообщений современников в западноевропейских и арабских источниках X–XIII вв. // Древнейшие государства на территории СССР. 1980. М.: Наука, 1981. С. 159–174.

Фетисов, Щавелев 2017 — *Фетисов А.А., Щавелев А.С.* Викинги. Между Скандинавией и Русью. М.: Вече, 2017. 320 с.

Флеров 1981 — *Флеров В.С.* Лощеная керамика салтово-маяцкой культуры как исторический источник. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук. М., 1981. 24 с.

Флеров 2010 — *Флеров В.С.* «Города» и «замки» Хазарского каганата. Археологическая реальность. М.: Мосты культуры, 2010. 260 с.

Флерова 1997 — *Флерова В.Е.* Граффити Хазарии. М.: УРСС, 1997. 176 с.

Флерова 2001 — *Флерова В.Е.* Образы и сюжеты мифологии Хазарии. М.: Мосты культуры; Иерусалим: Гешарим, 2001. 160 с.

Франклин, Шепард 2009 — *Франклин С., Шепард Д.* Начало Руси. 750–1200 / Авторизованный перевод с английского Д.М. Буланин, Н.Л. Лужецкая. СПб.: Дмитрий Буланин, 2009. 672 с.

Фроянов 2015 — *Фроянов И.Я.* Лекции по русской истории. Киевская Русь. СПб.: Русская коллекция, 2015. 1048 с.

Хроника Фредегара 1995 — Так называемая Хроника Фредегара (фрагменты о славянах) / Перевод и комментарии В.К. Ронина // Свод древнейших письменных известий о славянах. Т. II. М.: Восточная литература, 1995. С. 364–397.

Цукерман 2001 — *Цукерман К.* Два этапа формирования Древнерусского государства // Славяноведение. 2001. № 4. С. 59–69.

Шаскольский 1981 — *Шаскольский И.П.* Известие Бертинских анналов в свете данных современной науки // Летописи и хроники. 1980. В.Н. Татищев и изучение русского летописания. М.: Наука, 1981. С. 43–54.

Шахматов 1919 — *Шахматов А.А.* Древнейшие судьбы русского племени. Петроград, 1919. 65 с.

Шпилев 2009 — *Шпилев А.Г.* О соотнесении «страны славян» Ибн Русте с Северской землей второй трети IX в. // Средневековый город Юго-Востока Руси: предпосылки возникновения, эволюция, материальная культура: Материалы конференции, посвященной столетию начала археологических исследований Гочевского археологического комплекса. Курск, 2009. С. 52–69.

Шрамко 1962 — *Шрамко Б.А.* Древности Северского Донца. Харьков: Издательство Харьковского государственного университета, 1962. 404 с.

Щавелев 2013 — *Щавелев А.С.* Русы/росы в Восточной Европе: модель инвазии и некоторые особенности интеграции в мире восточных славян (вторая половина IX–X в.) // Уральский исторический вестник. 2013. № 1 (38). С. 112–121.

Щавелев 2014 — *Щавелев А.С.* Племя северян и хазарские крепости: еще раз о геополитике юга Восточной Европы первой половины IX века // Книга Картины земли. Сборник в честь И.Г. Коноваловой. М.: Индрик, 2014. С. 323–329.

Щавелев, Фетисов 2014 — *Щавелев А.С., Фетисов А.А.* К исторической географии Восточной Европы IX — начала X века: Карта кладов и конфигурация торговых путей // Историческая география. Т. 2. М.: Аквилон, 2014. С. 7–53.

Юренко 2010 — *Юренко С.П.* Життєвий та науковий подвиг (до століття від дня народження Дмитра Тарасовича Березовця) // Путивльський краєзнавчий збірник. Вип. 6. Суми, 2010. С. 31.

Юшков 1940 — *Юшков С.В.* К вопросу о происхождении Русского государства // Ученые записки Московского юридического института. 1940. Вып. II. С. 37–59.

Czegledy 1973 — *Czegledy K.* Gardizi on the history of Central Asia (746–780 A.D.) // Acta Orientalia Hungarica. T. XXVII (3). Budapest, 1973.

Garipzanov 2006 — *Garipzanov I.* The annals of St. Bertin (839) and Chacanus of the Rhos // Ruthenica. 2006. № 5. S. 7–11.

Göckenjan, Zimonyi 2001 — *Göckenjan H., Zimonyi I.* Orientalische Berichte über die Völker Osteuropas und Zentralasiens im Mittelalter: Die Ǧayhānī-Tradition (Ibn Rusta, Gardīzī, Ḥudūd al-ʻĀlam, al-Bakrī und al-Marwazī) / Veröffentlichungen der Societas Uralo-Altaica. Bd. 54. Wiesbaden, 2001.

Zakharow, Arendt 1935 — *Zakharow A., Arendt W.* Studia Levedica // Archeologia Hungarica. T. XII. Budapest, 1935.

REFERENCES

Afanas'ev 1984 — *Afanas'ev G.E.* Etnicheskaya territoriya burtasov vo vtoroj polovine VIII — nachale X v. [The ethnic territory of Burtas in the second half VIII — beginning X century], in: Sovetskaya etnografiya [Soviet ethnography], 1984, № 4, pp. 28–41 [in Russian].

Afanas'ev 1987 — *Afanas'ev G.E.* Naselenie lesostepnoj zony bassejna Srednego Dona v VIII–X vv. (alanskij variant saltovo-mayackoj kul'tury) / Arheologicheskie otkrytiya na novostrojkah. Vyp. 2 [The population of a forest-steppe zone of the basin of Central Don in the 8–10th centuries (Alania option of Saltovo-Mayaki culture) / Archaeological opening on new buildings. Release 2], Moscow, Nauka Publ., 1987, 201 p. [in Russian].

Afanas'ev 1993 — *Afanas'ev G.E.* Donskie alany. Social'nye struktury alano-asso-burtasskogo naseleniya bassejna Srednego Dona [Alans of Don. Social structures Alans-Ass-Burtas population of the basin of Central Don], Moscow, Nauka Publ., 1993, 165 p. [in Russian].

Afanas'ev 2001 — *Afanas'ev G.E.* Gde zhe arheologicheskie svidetel'stva sushchestvovaniya Hazarskogo gosudarstva? [Where archaeological evidence of existence of the Khazaria state?], in: Rossijskaya arheologiya [Russian archeology], 2001, № 2, pp. 43–55 [in Russian].

Afanas'ev 2016 — *Afanas'ev G.E.* O territorii Hazarskogo kaganata i hazarskogo domena v IX veke [About the territory of the Khazaria khaganate and the Khazaria domain in the 9th century], in: Divnogorskij sbornik. Trudy muzeya-zapovednika «Divnogor'e». Vyp. 6 [Divnogorye collection. Works of memorial estate "Divnogorye". Release 6], Voronezh, Nauchnaya kniga Publ., 2016, pp. 41–72 [in Russian].

Afanas'ev, Nikolaenko 1982 — *Afanas'ev G.E., Nikolaenko A.G.* O saltovskom tipe syrodutnogo gorna [About Saltovo type of a syrodutny horn], in: Sovetskaya arheologiya [Soviet archeology], 1982, № 2, pp. 168–175 [in Russian].

Aksenov 2005 — *Aksenov V.S.* Interv'yu [Interview], 2005, Electronic resource: http://xt.ht/phpbb/viewtopic.php?t=61 (Date of access — 12.11.2018) [in Russian].

Al'-Bakri 1903 — Izvestiya Al'-Bakri i drugih avtorov o Rusi i slavyanah. Ch. 2 (Razyskaniya A. Kunika) [News of Al-Bakri and other authors about Russia and Slavs. Part 2 (A. Kunik's Investigations)], St. Petersburg, 1903, 287 p. [in Russian].

Ammian Marcellin 2000 — *Ammian Marcellin.* Rimskaya istoriya (Res Gestae) / Pod obshchej redakciej V.P. Sal'nikova; Perevod s latinskogo Yu.A. Kulakovskogo i A.I. Sonni (Seriya «Antichnaya biblioteka») [The Roman history / Under the general edition of V.P. Salnikov; The Translation with Latin Yu.A. Kulakovsky and A I. Sonni (Antique Library series)], St. Petersburg, Aletejya Publ., 2000, 576 p. [in Russian].

Artamonov 1962 — *Artamonov M.I.* Istoriya hazar [History Khazar], Leningrad, Izdatel'stvo Gosudarstvennogo Ermitazha Publ., 1962, 523 p. [in Russian].

Babenko 1914 — *Babenko V.A.* Pamyatniki hazarskoj kul'tury na yuge Rossii [Monuments of Khazaria culture in the south of Russia], in: Trudy XV Arheologicheskogo s"ezda. T. I [Works XV of the Archaeological congress. Volume I], Moscow, 1914, pp. 435–480 [in Russian].

Bagalej 1882 — *Bagalej D.I.* Istoriya Severskoj zemli do poloviny XIV v. [History of the Seversk earth to a half of the 14th century], Kiev, 1882, 328 p. [in Russian].

Bagalej 1914 — *Bagalej D.I.* Russkaya istoriya. T. I [Russian history. Volume I], Moscow, 1914, 526 p. [in Russian].

Barsov 1873 — *Barsov N.P.* Ocherki russkoj istoricheskoj geografii. Geografiya nachal'noj letopisi [Sketches of the Russian historical geography. Geography of the initial chronicle], Warsaw, 1873, 272 p. [in Russian].

Bartol'd 1929 — *Bartol'd V.V.* Ocherk istorii turkmenskogo naroda [Sketch of history of the Turkmen people], in: Turkmeniya. T. I [Turkmenistan. Volume I], Leningrad, Izdatel'stvo Akademii Nauk SSSR Publ., 1929, pp. 1–69 [in Russian].

Bartol'd 1940 — *Bartol'd V.V.* Arabskie izvestiya o rusah [Arab news of Russians], in: Sovetskoe vostokovedenie [Soviet oriental studies], 1940, I, pp. 15–50 [in Russian].

Beleckij 2012 — *Beleckij S.V.* Drevnejshaya geral'dika Rusi [The most ancient heraldry of Russia], in: Povest' vremennyh let / Perevod D.S. Lihacheva, O.V. Tvorogova, kommentarii A.G. Bobrova, S.L. Nikolaeva, A.Yu. Chernova pri uchastii A.M. Vvedenskogo i L.V. Vojtovicha, 129 illyustracij M. Mecheva [Primary Chronicle / Translation D.S. Likhachev, O.V. Tvorogov, comments A.G. Bobrov, S.L. Nikolaev, A.Yu. Chernov with the assistance of A.M. Vvedensky and L.V. Voytovich, 129 illustrations of M. Mechev], St. Petersburg, VITA NOVA Publ., 2012, pp. 431–465 [in Russian].

Berezovec 1965 — *Berezovec' D.T.* Slov'yani j plemena saltivs'koї kul'turi [Slavs and tribes of Saltovo culture], in: Arheologiya. T. XIX [Archeology. Volume XIX], Kiev, 1965, pp. 47–67 [in Ukrainian].

Berezovec 1969 — *Berezovec D.T.* Severyane pered obrazovaniem Kievskoj Rusi. Avtoreferat dissertacii na soiskanie uchenoj stepeni kandidata istoricheskih nauk [Northerners before formation of Kievan Rus'. The abstract of the thesis for a degree of the candidate of historical sciences], Moscow, 1969, 35 p. [in Russian].

Berezovec 1970 — *Berezovec' D.T.* Pro im'ya nosiїv saltivs'koї kul'turi [About a name of carriers of Saltovo culture], in: Arheologiya. T. XXIV [Archeology. Volume XXIV], Kiev, 1970, pp. 59–74 [in Ukrainian].

Berezovec 1972 — *Berezovec' D.T.* Pro im'ya nosiїv saltivs'koї kul'turi (Hto taki «rusi» skhidnih avtoriv) [About a name of carriers of saltovsky culture (Who such "rus" of east authors)], in: Materiali HIII konferencії institutu arheologії AN URSR, prisvyachenoї 50-richchyu Akademії nauk Ukraїns'koї RSR (Kiev, 1968 year) [Materials of the XIII conference of institute of archeology of AN USSR devoted to the 50 anniversary of Academy of Sciences of the Ukrainian SSR (Kiev, 1968)], Kiev, 1972, pp. 288–292 [in Ukrainian].

Berezovec 1999 — *Berezovec D.T.* Rusy v Podneprov'e (doklad na XIV konferencii Instituta arheologii AN USSR) [Rus in the Dnieper Bank (the report at the XIV conference of Institute of archeology of AN USSR)], in: Poltavs'kij arheologichnij zbirnik. 1999 [Poltava archaeological collection. 1999], Poltava, 1999, pp. 320–350 [in Russian].

Bezzakonov 2014 — *Bezzakonov S.N.* Saltovo-mayackaya kul'tura ili Russkij kaganat? [Saltovo-Mayaki culture or Russian khaganate?]. 2014, Electronic resource: https://rossica-antiqua.livejournal.com/577115.html (Date of access — 12.11.2018) [in Russian].

Brajchevskij 1960 — *Brajchevskij M.Yu.* Po povodu odnogo mesta iz Konstantina Bagryanorodnogo [Concerning one place from Constantine Porphyrogennetos], in: Vizantijskij vremennik. T. XVII [Byzantine vremennik. Volume XVII], Moscow; Leningrad, 1960, pp. 144–154 [in Russian].

Brim 1923 — *Brim V.A.* Proiskhozhdenie termina «Rus'» [Origin of the term "Russia"], in: Rossiya i Zapad. T. 1 [Russia and West. Volume 1], Petrograd, 1923 [in Russian].

Bilins'kij 2013 — *Bilins'kij O.O.* Do shchodennika Dmitra Tarasovicha Berezovcya [To studying of heritage of Dmitry Tarasovich Berezovets], in: Sums'ka starovina [Sumy antiquities], № XL, 2013, pp. 170–171 [in Ukrainian].

Cukerman 2001 — *Cukerman K.* Dva etapa formirovaniya Drevnerusskogo gosudarstva [Two stages of formation of the Old Russian state], in: Slavyanovedenie [Slavic studies], 2001, № 4, pp. 59–69 [in Russian].

Czegledy 1973 — *Czegledy K.* Gardizi on the history of Central Asia (746–780 A.D.), in: Acta Orientalia Hungarica, Volume XXVII (3), Budapest, 1973 [in English].

Darchiev 2017 — *Darchiev A.V.* O voennom kul'te alanov [About a military cult of Alans], in: Izvestiya Severo-Osetinskogo instituta gumanitarnyh i social'nyh issledovanij im. V.I. Abaeva [News of the North Ossetian institute of humanitarian and social researches to themen V.I. Abayev], 2017, № 24 (63), pp. 5–17 [in Russian].

Dion Kassij 2011 — *Kassij Dion Kokkejan.* Rimskaya istoriya. Knigi LXIV-LXXX / Perevod s drevnegrecheskogo pod redakciej A.V. Mahlayuka; kommentarii i stat'ya A.V. Mahlayuka (Seriya Fontes scripti antiqui) [Roman history. Books LXIV-LXXX / the Translation with Ancient Greek under the editorial office A.V. Makhlayuk; comments and article A.V. Makhlayuk], St. Petersburg, Filologicheskij fakul'tet SPbGU Publ.; Nestor–Istoriya Publ., 2011, 456 p. [in Russian].

Dorn 1875 — *Dorn B.A.* Kaspij. O pohodah drevnih russkih v Tabaristan, s dopolnitel'nymi

svedeniyami o drugih nabegah ih na pribrezh'ya Kaspijskogo morya [Caspian Sea. About visits of ancient Russians of Tabaristan, with additional data on their other attacks on прибрежья the Caspian Sea], St. Petersburg, 1875, 781 p. [in Russian].

D'yakonov 1939 — *D'yakonov A.P.* Izvestiya Psevdo-Zaharii o drevnih slavyanah [Pseudo-Zachariah's news of ancient Slavs], in: Vestnik drevnej istorii [Messenger of ancient history], 1939, № 4, pp. 83–90 [in Russian].

Fetisov, Shchavelev 2017 — *Fetisov A.A., Shchavelev A.S.* Vikingi. Mezhdu Skandinaviej i Rus'yu [Vikings. Between Scandinavia and Russia], Moscow, Veche Publ., 2017, 320 p. [in Russian].

Flerov 1981 — *Flerov V.S.* Loshchenaya keramika saltovo-mayackoj kul'tury kak istoricheskij istochnik. Avtoreferat dissertacii na soiskanie uchenoj stepeni kandidata istoricheskih nauk [Glossy ceramics of Saltovo-Mayaki culture as historical source. The abstract of the thesis for a degree of the candidate of historical sciences], Moscow, 1981, 24 p. [in Russian].

Flerov 2010 — *Flerov V.S.* «Goroda» i «zamki» Hazarskogo kaganata. Arheologicheskaya real'nost' ["Cities" and "locks" of the Khazaria khaganate. Archaeological reality], Moscow, Mosty kul'tury Publ., 2010, 260 p. [in Russian].

Flerova 1997 — *Flerova V.E.* Graffiti Hazarii [Graffiti of Khazaria], Moscow, URSS Publ., 1997, 176 p. [in Russian].

Flerova 2001 — *Flerova V.E.* Obrazy i syuzhety mifologii Hazarii [Images and plots of mythology of Khazaria], Moscow, Mosty kul'tury Publ.; Jerusalem, Gesharim Publ., 2001, 160 p. [in Russian].

Franklin, Shepard 2009 — *Franklin S., Shepard D.* Nachalo Rusi. 750–1200 / Avtorizovannyj perevod s anglijskogo D.M. Bulanin, N.L. Luzheckaya [Beginning of Russia. 750–1200 / Authorized translation from English D.M. Bulanin, N.L. Luzhetskaya], St. Petersburg, Dmitrij Bulanin Publ., 2009, 672 p. [in Russian].

Froyanov 2015 — *Froyanov I.Ya.* Lekcii po russkoj istorii. Kievskaya Rus' [Lectures on the Russian history. Kievan Rus'], St. Petersburg, Russkaya kollekciya Publ., 2015, 1048 p. [in Russian].

Gadlo 2002 — *Gadlo A.V.* Problema Priazovskoj Rusi kak tema russkoj istoriografii (Istoriya idei) [Problem of the Azov Russia as subject of the Russian historiography (Idea history)], in: Ot Tmutorokanya do Tamani IX–XIX vv. Sbornik Russkogo istoricheskogo obshchestva. № 4 (152) [From Tmutarakan to Taman the 9–19th centuries. Collection of the Russian historical society. No. 4 (152)], Moscow, Russkaya panorama Publ., 2002, pp. 14–39 [in Russian].

Galkina 2002 — *Galkina E.S.* Tajny Russkogo kaganata [Mysteries of the Russian khaganate], Moscow, Veche Publ., 2002, 428 p. [in Russian].

Galkina 2006 — *Galkina E.S.* Nomady Vostochnoj Evropy: etnosy, socium, vlast' (I tys. n.e.) [Nomads of Eastern Europe: ethnoses, society, power (I thousand AD)], Moscow, Prometej Publ., 2006, 548 p. [in Russian].

Galkina 2010 — *Galkina E.S.* Etnosy Vostochnoj Evropy v cikle «O tyurkah» arabskoj geograficheskoj literatury [Ethnoses of Eastern Europe in the cycle "About Turkic Peoples" of the Arab geographical literature], in: Rossica antiqua, 2010, № 1, pp. 54–98 [in Russian].

Galkina 2012 — *Galkina E.S.* Russkij kaganat. Bez hazar i normannov [Russian khaganate. Without Khazar and Normans], Moscow, Algoritm Publ., 2012, 336 p. [in Russian].

Garipzanov 2006 — *Garipzanov I.* The annals of St. Bertin (839) and Chacanus of the Rhos, in: Ruthenica, 2006, № 5, pp. 7–11 [in English].

Garkavi 1870 — *Garkavi A.Ya.* Skazaniya musul'manskih pisatelej o slavyanah i russkih [Legends of Muslim writers on Slavs and Russians], St. Petersburg, 1870, 315 p. [in Russian].

Gedeonov 2004 — *Gedeonov S.A.* Varyagi i Rus'. V 2–h chastyah / Avtor predisloviya, kommentariev, biograficheskogo ocherka — V.V. Fomin. Vtoroe izdanie, kommentirovannoe [Varangians and Russia. In 2 parts / the Author of the preface, comments, a biographic sketch — V.V. Fomin. Second edition, with comments], Moscow, Russkaya panorama Publ., 2004, 656 p. [in Russian].

Gerodot 1972 — *Gerodot.* Istoriya v devyati knigah / Perevod i primechaniya G.A. Stratanovskogo (Seriya «Pamyatniki istoricheskoj mysli») [History in nine books / the Translation and notes G.A. Stratanovsky (Monuments to a Historical Thought series)], Leningrad, Nauka Publ., 1972, 600 p. [in

Russian].

Göckenjan, Zimonyi 2001 — *Göckenjan H., Zimonyi I.* Orientalische Berichte über die Völker Osteuropas und Zentralasiens im Mittelalter: Die Ǧayhānī-Tradition (Ibn Rusta, Gardīzī, Ḥudūd al-ʻĀlam, al-Bakrī und al-Marwazī) / Veröffentlichungen der Societas Uralo-Altaica. Bd. 54 [East sources about the people of Eastern Europe and Central Asia in the Middle Ages: Jayhani's tradition (Ahmad ibn Rustah, Abu Sa'id Gardezi, Hudud al-'Alam, Al-Bakri and Sharaf al-Zaman al-Marwazi) / Publications of Society of researches of Ural-Altaic. Volume 54], Wiesbaden, 2001 [in German].

Golubovskij 1881 — *Golubovskij P.V.* Istoriya Severskoj zemli do poloviny XIV v. [History of the Seversk earth to a half of the 14th century], Kiev, 1881, 209 p. [in Russian].

Gorskij 2004 — *Gorskij A.A.* Rus': Ot slavyanskogo rasseleniya do Moskovskogo carstva [Russia: From Slavic resettlement to the Moscow kingdom], Moscow, Yazyki slavyanskoj kul'tury Publ., 2004, 392 p. [in Russian].

Grekov 1944 — *Grekov B.D.* Kievskaya Rus' [Kievan Rus'], Moscow; Leningrad, Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR Publ., 1944, 348 p. [in Russian].

Grigor'ev 2005 — *Grigor'ev A.V.* Slavyanskoe naselenie vodorazdela Oki i Dona v konce I — nachale II tys. n.e. [The Slavic population of a watershed of Oka and Don at the end of I — the beginning II thousand AD], Tula, Gosudarstvennyj muzej-zapovednik "Kulikovo pole" Publ., 2005, 207 p. [in Russian].

Gubarev 2018 — *Gubarev O.L.* Oksyumoron "Russkij kaganat" [Oxymoron "The Russian khaganate"], 2018, Electronic resource: https://historicaldis.ru/blog/43731763919/Oksyumoron-%C2%ABRusskiy-kaganat%C2%BB (Date of access — 12.11.2018) [in Russian].

Hronika Fredegara 1995 — Tak nazyvaemaya Hronika Fredegara (fragmenty o slavyanah) / Perevod i kommentarii V.K. Ronina [The so-called Chronicle of Fredegar (fragments about Slavs) / the Translation and comments V.K. Ronin], in: Svod drevnejshih pis'mennyh izvestij o slavyanah. T. II [Arch of the most ancient written news of Slavs. Volume II], Moscow, Vostochnaya literatura Publ., 1995, pp. 364–397 [in Russian].

Ibn Ruste 1869 — *Abu-Ali Ahmed Ben Omar Ibn-Dasta.* Izvestiya o hozarah, burtasah, bolgarah, mad'yarah, slavyanah i russah / Perevod s arabskogo, kommentarii D.A. Hvol'sona [News of Khazars, Burtas, Bulgarians, Magyars, Slavs and Russians / Translation from Arab, comments D.A. Hvolson], St. Petersburg, 1869, 200 p. [in Russian].

Ilovajskij 1882 — *Ilovajskij D.I.* Razyskaniya o nachale Rusi: vmesto vvedeniya v russkuyu istoriyu [Investigations about the beginning of Russia: instead of introduction to the Russian history], Moscow, 1882, 557 p. [in Russian].

Iordan 2013 — *Iordan.* O proiskhozhdenii i deyaniyah getov / Vstupitel'naya stat'ya, perevod i kommentarii E.Ch. Skrzhinskoj. Vtoroe izdanie (Vizantijskaya biblioteka. Istochniki) [About an origin and acts of Gets / Introductory article, translation and comments E.Ch. Skrzhinskaya. Second edition (Byzantine library. Sources)], St. Petersburg, Aletejya Publ., 2013, 512 p. [in Russian].

Kainov 2004 — *Kainov S.Yu.* Drevnerusskij druzhinnik vtoroj poloviny X veka (Opyt rekonstrukcii) [Old Russian combatant of the second half of the X century (Experience of reconstruction)], in: Voennyj sbornik. Stat'i i publikacii po Rossijskoj voennoj istorii do 1917 goda [Military collection. Articles and publications on the Russian military history till 1917], Moscow, 2004, pp. 7–12 [in Russian].

Kalinina 2003 — *Kalinina T.M.* Interpretaciya nekotoryh izvestij o slavyanah v «Anonimnoj zapiske» [Interpretation of some news of Slavs in "An anonymous note"], in: Drevnejshie gosudarstva Vostochnoj Evropy. 2001. Istoricheskaya pamyat' i formy ee voploshcheniya [The most ancient states of Eastern Europe. 2001. Historical memory and forms of its embodiment], Moscow, Vostochnaya literatura Publ., 2003, pp. 204–216 [in Russian].

Karpenko 2016 — *Karpenko A.A.* Rus' severyan Veshchego Olega [Russia Prophetic Oleg's northerners], Rostov-on-Don, Kniga Publ., 2016, 272 p. [in Russian].

Karsanov 1989 — *Karsanov A.N.* Ob etnicheskoj prinadlezhnosti rosomonov [About an ethnic origin of Rosomons], in: Imya — etnos — istoriya [Name — ethnos — history], Moscow, 1989, pp. 25–31 [in Russian].

Kirpichnikov 1984 — *Kirpichnikov A.N.* Kamennye kreposti Novgorodskoj zemli [Stone fortresses of the Novgorod earth], Leningrad, Nauka Publ., 1984, 278 p. [in Russian].

Kirpichnikov 1988 — *Kirpichnikov A.N.* Ladoga i Ladozhskaya zemlya VIII–XIII vv. [Ladoga and Ladoga earth of the 8–13th centuries], in: Istoriko-arheologicheskoe izuchenie Drevnej Rusi: Itogi i osnovnye problemy [Historical and archaeological studying of Ancient Russia: Results and main problems], Leningrad, Izdatel'stvo LGU Publ., 1988, pp. 38–79 [in Russian].

Kokovcov 1932 — *Kokovcov P.K.* Evrejsko-hazarskaya perepiska v X v. [Jewish-Khazaria correspondence in the X century], Leningrad, Izdatel'stvo AN SSSR Publ., 1932, 140 p. [in Russian].

Koloda 1999 — *Koloda V.V.* Chernaya metallurgiya Dnepro-Donskogo mezhdurech'ya vo vtoroj polovine I tys. n.e. [Ferrous metallurgy of Dnepro-Donskoy of Entre Rios in the second half of I thousand AD], Kharkiv, RCNIT Publ., 1999, 244 p. [in Russian].

Koloda 2009 — *Koloda V.V.* Problemy gradoobrazovaniya v rannesrednevekovyh kontaktnyh zonah (na primere lesostepnogo regiona Severskogo Donca) [Problems emergence of the cities in early medieval contact zones (on the example of the forest-steppe region of the Seversky Donets)], in: Srednevekovyj gorod Yugo–Vostoka Rusi: predposylki vozniknoveniya, evolyuciya, material'naya kul'tura: Materialy konferencii, posvyashchennoj stoletiyu nachala arheologicheskih issledovanij Gochevskogo arheologicheskogo kompleksa [Medieval city of the Southeast of Russia: emergence prerequisites, evolution, material culture: Materials of the conference devoted to century of the beginning of archaeological researches of the Gochevsk archaeological complex], Kursk, 2009, pp. 35–43 [in Russian].

Koloda, Gorbanenko 2010 — *Koloda V.V., Gorbanenko S.A.* Sel'skoe hozyajstvo nositelej saltovskoj kul'tury v lesostepnoj zone [Agriculture of carriers of Saltovo culture in a forest-steppe zone], Kiev, Institut arheologii NAN Ukrainy Publ., 2010, 216 p. [in Russian].

Koloda, Gorbanenko 2018 — *Koloda V.V., Gorbanenko S.A.* Sil's'ke gospodarstvo naselennya Hozars'kogo kaganatu v lisostepovij zoni [Agriculture of the population of the Hazaria khaganate in a forest-steppe zone], Kiev, Akademperiodika Publ., 2018, 170 p. [in Ukrainian].

Komar 2005 — *Komar A.V.* K diskussii o proiskhozhdenii i rannih fazah istorii Kieva [To a discussion about an origin and early phases of history of Kiev], in: Ruthenica, 2005, № 4, pp. 115–137 [in Russian].

Komar 2005a — *Komar A.V.* Istoricheskie predposylki vozniknoveniya legendy o polyanskoj dani hazaram po arheologicheskim dannym [Historical prerequisites of emergence of a legend of a Polans tribute to Khazars according to archaeological data], in: Hazary. Evrei i slavyane. T. 16 [Khazars. Jews and Slavs. Volume 16], Moscow, Mosty kul'tury Publ.; Jerusalem, Gesharim Publ., 2005, pp. 207–218 [in Russian].

Komar 2010 — *Komar A.V.* «Tajny Russkogo kaganata» i drugie problemy nauchnoj grafomanii (zametki po povodu rabot E.S. Galkinoj) ["The mysteries of the Russian khaganate" and other problems of a scientific graphomania (a note concerning works as E.S. Galkina)], in: Ruthenica, 2010, T. 9, pp. 185–196 [in Russian].

Konovalova 2001 — *Konovalova I.G.* Sostav rasskaza ob «ostrove rusov» v sochineniyah arabo-persidskih avtorov X–XVI vv. [Structure of the story about "the island of rus" in compositions of the Arab-Persian authors X–XVI centuries], in: Drevnejshie gosudarstva Vostochnoj Evropy. 1999. Vostochnaya i Severnaya Evropa v srednevekov'e [The most ancient states of Eastern Europe. 1999. Eastern and Northern Europe in the Middle Ages], Moscow, Vostochnaya literatura Publ., 2001, pp. 169–189 [in Russian].

Konovalova 2003 — *Konovalova I.G.* Vtoroe prishestvie varyagov [Second coming of Varangians], in: Nezavisimaya gazeta [Independent newspaper], Ex libris, 16.01.2003, Electronic resource: http://www.ng.ru/ng_exlibris/2003–01–16/7_varyg.html (Date of access — 12.11.2018) [in Russian].

Korolev 2006 — *Korolev A.S.* Mozhno li stavit' tochku v izuchenii problemy Priazovskoj Rusi? [Whether it is possible to put an end in studying of a problem of the Azov Russia?], in: Sbornik Russkogo istoricheskogo obshchestva. T. 10 (158). Rossiya i Krym [Collection of the Russian historical society. T. 10 (158). Russia and Crimea], Moscow, Russkaya panorama Publ., 2006, pp. 88–102 [in Russian].

Kovalevskij 1956 — *Kovalevskij A.P.* Kniga Ahmeda Ibn-Fadlana o ego puteshestvii na Volgu v 921–922 gg. Stat'i, perevody i kommentarii [Ahmed Ibn-Fadlan's book about his travel to Volga in 921–922. Articles, translations and comments], Kharkiv, Izdatel'stvo Har'kovskogo gosudarstvennogo universiteta

Publ., 1956, 348 p. [in Russian].

Kryganov 1989 — *Kryganov A.V.* Vooruzhenie i vojsko naseleniya saltovo-mayackoj kul'tury (po materialam mogil'nikov s obryadom truposozhzheniya) [Arms and army of the population of Saltovo-Mayaki culture (on materials of burial grounds with a truposozhzheniye ceremony)], in: Problemy arheologii Podneprov'ya [Problems of archeology of the Dnieper Bank], Dnepropetrovsk, 1989, pp. 98–113 [in Russian].

Kuchkin 1995 — *Kuchkin V.A.* "Russkaya zemlya" po letopisnym dannym XI — pervoj treti XIII v. ["Russian land" according to annalistic data of XI — the first third of the 13th century], in: Drevnejshie gosudarstva Vostochnoj Evropy. 1992–1993 [The most ancient states of Eastern Europe. 1992–1993], Moscow, Nauka Publ., 1995, pp. 74–100 [in Russian].

Kuleshov 2009 — *Kuleshov V.S.* K ocenke dostovernosti etimologij slova rus' [To assessment of reliability of etymologies of the word Russia], in: Trudy Gosudarstvennogo Ermitazha. T. 49 [Works of the State Hermitage. Volume 49], St. Petersburg, Izdatel'stvo gosudarstvennogo Ermitazha Publ., 2009, pp. 441–459 [in Russian].

Kunik 1874 — *Kunik A.A.* O zapiske Gotskogo toparha (Po povodu novyh otkrytij o tamanskoj Rusi i krymskih gotah) [About a note of the Gothic toparkh (Concerning new opening about Taman Russia and the Crimean Ghots)], in: Zapiski Imperatorskoj Akademii nauk. T. XXIV [Notes of Imperial Academy of Sciences. Volume XXIV], St. Petersburg, 1874, pp. 61–160 [in Russian].

Kuz'min 1970 — *Kuz'min A.G.* "Varyagi" i "Rus'" na Baltijskom more ["Varangians" and Russia on the Baltic Sea], in: Voprosy istorii [History questions], 1970, № 10, pp. 28–55 [in Russian].

Kuz'min 2003 — *Kuz'min A.G.* Nachalo Rusi. Tajny rozhdeniya russkogo naroda [Beginning of Russia. Mysteries of the birth of the Russian people], Moscow, Veche Publ., 2003, 432 p. [in Russian].

Kuz'min 2005 — *Kuz'min A.G.* Hazarskie stradaniya [Khazaria sufferings], in: Kuz'min A.G. Marodery na dorogah istorii [Kuzmin A.G. Marauders on roads of history], Moscow, Russkaya panorama Publ., 2005, pp. 266–294 [in Russian].

Lamanskij 1859 — *Lamanskij V.I.* O slavyanah v Maloj Azii, v Afrike i v Ispanii [About Slavs in Asia Minor, in Africa and in Spain], St. Petersburg, 1859, 611 p. [in Russian].

Lambin 1874 — *Lambin N.P.* O Tmutarakanskoj Rusi [About Tmutarakan Russia], in: Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshcheniya [Magazine of the Ministry of national education], St. Petersburg, 1874, I, pp. 58–95 [in Russian].

Lebedev 2005 — *Lebedev G.S.* Epoha vikingov v Severnoj Evrope i na Rusi [Era of Vikings in Northern Europe and in Russia], St. Petersburg, Evraziya Publ., 2005, 640 p. [in Russian].

Lev Diakon 1988 — *Lev Diakon.* Istoriya / Perevod M.M. Kopylenko, kommentarii M.Ya. Syuzyumova, S.A. Ivanova [History / Translation M.M. Kopylenko, comments M.Ya. Syuzyumov, S.A. Ivanov], Moscow, Nauka Publ., 1988, 222 p. [in Russian].

Lyapushkin 1941 — *Lyapushkin I.I.* Slavyano-russkie poseleniya IX–XIII vv. na Donu i Tamani po arheologicheskim pamyatnikam [Slavic-and-Russian settlements of the 9–13th centuries on Don and Taman on archaeological monuments], in: Materialy i issledovaniya po arheologii SSSR. № 6 [Materials and researches on archeology of the USSR. No. 6], Moscow; Leningrad, Izdatel'stvo AN SSSR Publ., 1941, pp. 191–246 [in Russian].

Lyapushkin 1958 — *Lyapushkin I.I.* Pamyatniki saltovskoj kul'tury v bassejne r. Dona [Monuments of Saltovo culture in the basin of the Don River], in: Trudy Volgo-Donskoj arheologicheskoj ekspedicii. T. I / Materialy i issledovaniya po arheologii SSSR. № 62 [Works of the Volga-Don archaeological expedition. Volume I / Materials and researches on archeology of the USSR. No. 62], Moscow; Leningrad, Izdatel'stvo AN SSSR Publ., 1958, pp. 85–150 [in Russian].

Lyapushkin 1961 — *Lyapushkin I.I.* Dneprovskoe lesostepnoe Levoberezh'e v epohu zheleza. Arheologicheskie razyskaniya o vremeni zaseleniya Levoberezh'ya slavyanami / Materialy i issledovaniya po arheologii SSSR. № 104 [The Dnieper forest-steppe Left bank during an iron era. Archaeological investigations about time of settling of the Left bank Slavs / Materials and researches on archeology of the USSR. No. 104], Moscow; Leningrad, Izdatel'stvo AN SSSR Publ., 1961, 385 p. [in Russian].

Machinskij 2009 — *Machinskij D.A.* Nekotorye predposylki, dvizhushchie sily i istoricheskij kontekst slozheniya russkogo gosudarstva v seredine VIII — seredine XI v. [Some prerequisites, driving forces and historical context of addition of the Russian state in the middle of VIII — the middle of the 11th century], in: Trudy Gosudarstvennogo Ermitazha. T. 49 [Works of the State Hermitage. Volume 49], St. Petersburg, Izdatel'stvo gosudarstvennogo Ermitazha Publ., 2009, pp. 460–538 [in Russian].

Makarov 2012 — *Makarov N.A.* Istoricheskie svidetel'stva i arheologicheskie realii [Historical evidences and archaeological realities], in: Rus' v IX–X vv. Arheologicheskaya panorama [Russia in the 9–10th centuries. Archaeological panorama], Moscow, Institut arheologii RAN Publ., 2012, pp. 449–459 [in Russian].

Maksimovich 2006 — *Maksimovich K.A.* Proiskhozhdenie etnonima «Rus'» v svete istoricheskoj lingvistiki i drevnejshih pis'mennyh istochnikov [Ethnonym origin Russia in the light of historical linguistics and the most ancient written sources], in: KANISKION: Yubilejnyj sbornik v chest' 60-letiya prof. I.S. Chichurova [KANISKION: The anniversary collection in honor of the 60 anniversary of the prof. I.S. Chichurov], Moscow, Izdatel'stvo PSTGU Publ., 2006, pp. 14–56 [in Russian].

Mansikka 2005 — *Mansikka V.J.* Religiya vostochnyh slavyan [Religion of east Slavs], Moscow, IMLI RAN Publ., 2005, 368 p. [in Russian].

Matuzova 1979 — *Matuzova V.I.* Anglijskie srednevekovye istochniki IX–XIII vv. Teksty, perevod, kommentarij [English medieval sources of the 9–13th centuries. Texts, translation, comment], Moscow, Nauka Publ., 1979, 268 p. [in Russian].

Mavrodin 1945 — *Mavrodin V.V.* Obrazovanie Drevnerusskogo gosudarstva [Formation of the Old Russian state], Leningrad, Izdatel'stvo LGU Publ., 1945, 427 p. [in Russian].

Mel'nikova 2011 — *Mel'nikova E.A.* Drevnyaya Rus' i Skandinaviya: Izbrannye trudy [Ancient Russia and Scandinavia: Chosen works], Moscow, Russkij Fond sodejstviya obrazovaniyu i nauke Publ., 2011, 476 p. [in Russian].

Mel'nikova, Petruhin 1989 — *Mel'nikova E.A., Petruhin V.Ya.* Nazvanie «Rus'» v etnokul'turnoj istorii Drevnerusskogo gosudarstva (IX–X vv.) [The name "Russia" in ethnocultural history of the Old Russian state (the 9–10th centuries)], in: Voprosy istorii [History questions], 1989, № 8, pp. 24–38 [in Russian].

Merpert 1955 — *Merpert N.Ya.* Iz istorii oruzhiya plemen Vostochnoj Evropy v rannem srednevekov'e [From history of weapon of tribes of Eastern Europe in the early Middle Ages], in: Sovetskaya arheologiya. T. XXIII [Soviet archeology. Volume XXVIII], Moscow, 1955, pp. 131–168 [in Russian].

Mihajlov 2016 — *Mihajlov K.A.* Elitarnyj pogrebal'nyj obryad Drevnej Rusi: kamernye pogrebeniya IX — nachala XI veka v kontekste severoevropejskih analogij [Elite funeral ceremony of Ancient Russia: chamber burials of IX — the beginning of the 11th century in the context of the North European analogies], St. Petersburg, Branko Publ., 2016, 272 p. [in Russian].

Mishin 2003 — *Mishin D.E.* Recenziya na knigu: Galkina E.S. Tajny Russkogo kaganata. M., 2002 [Review of the book: Galkina E.S. Mysteries of the Russian khaganate. Moscow, 2002], in: Slavyanovedenie [Slavic studies], 2003, № 4, pp. 93–96 [in Russian].

Mongajt 1947 — *Mongajt A.L.* K voprosu o trekh centrah Drevnej Rusi [To a question of three centers of Ancient Russia], in: Kratkie soobshcheniya Instituta istorii material'noj kul'tury. Vyp. XVI [Short messages of Institute of history of material culture. Release XVI], Moscow; Leningrad, 1947, pp. 103–112 [in Russian].

Murasheva 2008 — *Murasheva V.V.* Suprutskij klad. Iz raskopok 1969 g. / Trudy Gosudarstvennogo istoricheskogo muzeya. Vyp. 175 [Suprut treasure. From excavation of 1969 / Works of the State Historical Museum. Release 175], Moscow, 2008, 48 p. [in Russian].

Nasonov 1940 — *Nasonov A.N.* Tmutarakan' v istorii Vostochnoj Evropy X veka [Tmutarakan in the history of Eastern Europe the 10th century], in: Istoricheskie zapiski. T. 6 [Historical notes. Volume 6], 1940, pp. 79–99 [in Russian].

Nasonov 1951 — *Nasonov A.N.* "Russkaya zemlya" i obrazovanie territorii drevnerusskogo gosudarstva ["Russian land" and formation of the territory of the Old Russian state], Moscow, Izdatel'stvo AN SSSR Publ., 1951, 264 p. [in Russian].

Nazarenko 2001 — *Nazarenko A.V.* Drevnyaya Rus' na mezhdunarodnyh putyah:

Mezhdisciplinarnye ocherki kul'turnyh, torgovyh, politicheskih svyazej IX–XII vv. [Ancient Russia on the international ways: Cross-disciplinary sketches of cultural, commercial, political connections of the 9–12th centuries], Moscow, Yazyki russkoj kul'tury Publ., 2001, 784 p. [in Russian].

Nefedkin 2011 — *Nefedkin A.K.* Voennoe delo sarmatov i alanov (po dannym antichnyh istochnikov) [Military science of Sarmatians and Alans (according to antique sources)], St. Petersburg, Filologicheskij fakul'tet SPbGU Publ.; Nestor–Istoriya Publ., 2011, 304 p. [in Russian].

Nikolaenko 1991 — *Nikolaenko A.G.* Severo-Zapadnaya Hazariya ili Donskaya Rus'? Drevnosti Prioskol'skoj lesostepi v zametkah kraeveda [Northwest Khazaria or Don Russia? Antiquities of the Prioskolsk forest-steppe in the local historian's notes], Volokonovka, 1991, 132 p. [in Russian].

Novosel'cev 1965 — *Novosel'cev A.P.* Vostochnye istochniki o vostochnyh slavyanah i Rusi VI–IX vv. [East sources about east Slavs and Russia the 6–9th centuries], in: Drevnerusskoe gosudarstvo i ego mezhdunarodnoe znachenie [Old Russian state and its international value], Moscow, Nauka Publ., 1965, pp. 355–419 [in Russian].

Parhomenko 1924 — *Parhomenko V.A.* U istokov russkoj gosudarstvennosti (VIII–XI vv.) [At sources of the Russian statehood (VIII–XI centuries)], Leningrad, Gosudarstvennoe izdatel'stvo Publ., 1924, 118 p. [in Russian].

Petruhin 1995 — *Petruhin V.Ya.* Nachalo etnokul'turnoj istorii Rusi IX–XI vekov [Beginning of ethnocultural history of Russia of centuries IX–XI], Smolensk, Rusich Publ.; Moscow, Gnozis Publ., 1995, 320 p. [in Russian].

Petruhin 2001 — *Petruhin V.Ya.* "Russkij kaganat", skandinavy i yuzhnaya Rus': srednevekovaya tradiciya i stereotipy sovremennoj istoriografii ["The Russian khaganate", Scandinavians and southern Russia: medieval tradition and stereotypes of a modern historiography], in: Drevnejshie gosudarstva Vostochnoj Evropy. 1999. Vostochnaya i Severnaya Evropa [The most ancient states of Eastern Europe. 1999. Eastern and Northern Europe], Moscow, Vostochnaya literatura Publ., 2001, pp. 127–142 [in Russian].

Petruhin 2014 — *Petruhin V.Ya.* Rus' v IX–X vekah. Ot prizvaniya varyagov do vybora very. Vtoroe izdanie, ispravlennoe i dopolnennoe [Russia in the 9–10th centuries. From calling of Varangians before the choice of belief. The second edition corrected and added], Moscow, FORUM Publ.; NEOLIT Publ., 2014, 464 p. [in Russian].

Pigulevskaya 2011 — *Pigulevskaya N.V.* Sirijskaya srednevekovaya istoriografiya: issledovaniya i perevody. Vtoroe izdanie, ispravlennoe i dopolnennoe / Sostavitel' N.A. Meshcherskaya [Syrian medieval historiography: researches and translations. The second edition corrected and added / the Originator N.A. Meshcherskaya], St. Petersburg, Dmitrij Bulanin Publ., 2011, 832 p. [in Russian].

Pletneva 1963 — *Pletneva S.A.* Srednevekovaya keramika Tamanskogo gorodishcha [Medieval ceramics of the Taman ancient settlement], in: Keramika i steklo drevnej Tmutarakani [Ceramics and ancient glass of Tmutarakan], Moscow, Izdatel'stvo AN SSSR Publ., 1963, pp. 5–72 [in Russian].

Pletneva 1964 — *Pletneva S.A.* Recenziya na knigu: Shramko B.A. Drevnosti Severskogo Donca. Har'kov, 1962 [Review of the book: Shramko B.A. Antiquities of the Seversky Donets. Kharkiv, 1962], in: Sovetskaya arheologiya [Soviet archeology], 1964, № 3, pp. 343–344 [in Russian].

Pletneva 1967 — *Pletneva S.A.* Ot kochevij k gorodam. Saltovo-mayackaya kul'tura / Materialy i issledovaniya po arheologii SSSR. № 142 [From kocheviya to the cities. Saltovo-Mayaki culture / Materials and researches on archeology of the USSR. No. 142], Moscow, Nauka Publ., 1967, 209 p. [in Russian].

Pletneva 1981 — *Pletneva S.A.* Saltovo-mayackaya kul'tura [Saltovo-Mayaki culture], in: Stepi Evrazii v epohu srednevekov'ya / Arheologiya SSSR. T. 18 [Steppes of Eurasia during an era Middle Ages / Archeology of the USSR. Volume 18], Moscow, Nauka Publ., 1981, pp. 62–75 [in Russian].

Pletneva 1989 — *Pletneva S.A.* Na slavyano-hazarskom pogranich'e (Dmitrievskij arheologicheskij kompleks) [On a Slavs-Khazars border zone (the Dmitriyevsk archaeological complex)], Moscow, Nauka Publ., 1989, 288 p. [in Russian].

Pletneva 2000 — *Pletneva S.A.* Ocherki hazarskoj arheologii [Sketches of Khazaria archeology], Moscow, Mosty kul'tury Publ.; Jerusalem, Gesharim Publ., 2000, 364 p. [in Russian].

Polyak 2001 — *Polyak A.N.* Vostochnaya Evropa IX–X vekov v predstavlenii Vostoka [Eastern

Europe of the 9–10th centuries in representation of the East], in: Slavyane i ih sosedi. Vyp. 10. Slavyane i kochevoj mir [Slavs and their neighbors. Release 10. Slavs and nomadic world], Moscow, Nauka Publ., 2001, pp. 79–107 [in Russian].

Pozhidaev 1926 — *Pozhidaev B.P.* Gorcy Severnogo Kavkaza [Mountaineers of the North Caucasus], Moscow; Leningrad, Gosudarstvennoe izdatel'stvo Publ., 1926, 113 p. [in Russian].

Prijmak, Primak 1999 — *Prijmak V.V., Primak V.M.* D.T. Berezovec' i problema Rusiv ta Rusi (pislyaslovo do publikacії) [D.T. Berezovets and a problem Rus and Russia (an epilog to the publication)], in: Poltavs'kij arheologichnij zbirnik. 1999 [Poltava archaeological collection. 1999], Poltava, 1999, pp. 351–354 [in Ukrainian].

Prozorov 2007 — *Prozorov L.R.* Kagany Drevnej Rusi [Kagan of Ancient Russia], 2007, Electronic resource: https://oldrus.livejournal.com/35210.html (Date of access — 12.11.2018) [in Russian].

Radomskij 2004 — *Radomskij Ya.L.* Etnicheskij sostav Prichernomorskoj Rusi. Dissertaciya na soiskanie uchenoj stepeni kandidata istoricheskih nauk [Ethnic structure of the Black Sea Russia. The thesis for a degree of the candidate of historical sciences], Moscow, 2004, 321 p. [in Russian].

Reshetova 2014 — *Reshetova I.K.* Naselenie Donecko-Donskogo mezhdurech'ya v rannem srednevekov'e (po materialam pogrebal'nyh pamyatnikov saltovo-mayackoj kul'tury). Dissertaciya na soiskanie uchenoj stepeni kandidata istoricheskih nauk [The population of the Donetsk and Don Entre Rios in the early Middle Ages (on materials of funeral monuments of Saltovo-Mayaki culture). The thesis for a degree of the candidate of historical sciences], Moscow, 2014, 263 p. [in Russian].

Ryabinin 2003 — *Ryabinin E.A.* U istokov Severnoj Rusi. Novye otkrytiya [At sources of Northern Russia. New opening], St. Petersburg, BLIC Publ., 2003, 224 p. [in Russian].

Ryabinin, Dubashinskij 2002 — *Ryabinin E.A., Dubashinskij A.V.* Lyubshanskoe gorodishche v Nizhnem Povolhov'e (predvaritel'noe soobshchenie) [The Lyubsha ancient settlement in the lower reaches of the Volkhov River (the preliminary message)], in: Ladoga i ee sosedi v epohu srednevekov'ya [Ladoga and its neighbors during a Middle Ages era], St. Petersburg, Institut istorii material'noj kul'tury RAN Publ., 2002, pp. 196–203 [in Russian].

Rybakov 1952 — *Rybakov B.A.* Russkie zemli po karte Idrisi 1154 g. [Russian lands according to the card of Idrisi of 1154], in: Kratkie soobshcheniya Instituta istorii material'noj kul'tury. Vyp. XLIII [Short messages of Institute of history of material culture. Release XLIII], Moscow, 1952, pp. 3–44 [in Russian].

Rybakov 1953 — *Rybakov B.A.* Drevnie rusy [Ancient Russians], in: Sovetskaya arheologiya. T. XVII [Soviet archeology. Volume XVII], Moscow, 1953, pp. 23–104 [in Russian].

Rybakov 1953a — *Rybakov B.A.* K voprosu o roli Hazarskogo kaganata v istorii Rusi [To a question of a role of the Khazaria khaganate in the history of Russia], in: Sovetskaya arheologiya. T. XVIII [Soviet archeology. Volume XVIII], Moscow, 1953, pp. 128–150 [in Russian].

Rybakov 1958 — *Rybakov B.A.* Predposylki obrazovaniya Drevnerusskogo gosudarstva [Prerequisites of formation of the Old Russian state], in: Ocherki istorii SSSR. Krizis rabovladel'cheskoj sistemy i zarozhdenie feodalizma na territorii SSSR III–IX vv. [History USSR sketches. Crisis of slaveholding system and origin of feudalism in the territory of the USSR the 3–9th centuries], Moscow, Izdatel'stvo AN SSSR Publ., 1958, pp. 733–878 [in Russian].

Rybakov 1982 — *Rybakov B.A.* Kievskaya Rus' i russkie knyazhestva XII–XIII vv. [Kievan Rus' and Russian principalities of the 12–13th centuries], Moscow, Nauka Publ., 1982, 590 p. [in Russian].

Sahanev 1914 — *Sahanev V.V.* Raskopki na Severnom Kavkaze v 1911–1912 godah [Excavation in the North Caucasus in 1911–1912], in: Izvestiya Arheologicheskoj komissii. Vyp. 56 [News of the Archaeological commission. Release 56], Petrograd, 1914, pp. 78–175 [in Russian].

Saharov 1980 — *Saharov A.N.* Diplomatiya Drevnej Rusi. IX — pervaya polovina X v. [Diplomacy of Ancient Russia. IX — first half X century], Moscow, Mysl' Publ., 1980, 360 p. [in Russian].

Samojlov 2006 — *Samojlov K.G.* K voprosu o lokalizacii rusov vostochnyh istochnikov v rabote E.S. Galkinoj: materialy k diskussii [To a question of localization of Russians of east sources in work as E.S. Galkina: materials for a discussion], 2006, Electronic resource: https://docplayer.ru/40099505–K-voprosu-o-lokalizacil–rusov-vostochnyh-istochnikov-v-rabote-e-s-galkinoy-materialy-k-diskussii.html (Date of access

— 12.11.2018) [in Russian].

Samokvasov 1908 — *Samokvasov D.Ya.* Mogily Russkoj zemli [Graves of the Russian land], Moscow, 1908, 284 p. [in Russian].

Sarapulkin 2003 — *Sarapulkin V.A.* Keramika i keramicheskoe proizvodstvo lesostepnogo varianta saltovo-mayackoj kul'tury. Dissertaciya na soiskanie uchenoj stepeni kandidata istoricheskih nauk [Ceramics and ceramic production of forest-steppe option of Saltovo-Mayaki culture. The thesis for a degree of the candidate of historical sciences], Lipetsk, 2003, 285 p. [in Russian].

Savickij 2011 — *Savickij N.M.* Zhilye postrojki lesostepnogo varianta saltovo-mayackoj kul'tury. Dissertaciya na soiskanie uchenoj stepeni kandidata istoricheskih nauk [Inhabited constructions of forest-steppe option of Saltovo-Mayaki culture. The thesis for a degree of the candidate of historical sciences], Voronezh, 2011, 250 p. [in Russian].

Sedov 1998 — *Sedov V.V.* Russkij kaganat IX veka [Russian khaganate of the 9th century], in: Otechestvennaya istoriya [National history], 1998, № 4, pp. 3–15 [in Russian].

Sedov 1999 — *Sedov V.V.* Drevnerusskaya narodnost'. Istoriko-arheologicheskoe issledovanie [Old Russian nationality. Historical and archaeological research], Moscow, Yazyki russkoj kul'tury Publ., 1999, 312 p. [in Russian].

Sedov 1999a — *Sedov V.V.* U istokov vostochnoslavyanskoj gosudarstvennosti [At sources of East Slavic statehood], Moscow, URSS Publ., 1999, 144 p. [in Russian].

Sedov 2002 — *Sedov V.V.* Slavyane. Istoriko-arheologicheskoe issledovanie [Slavs. Historical and archaeological research], Moscow, Yazyki russkoj kul'tury Publ., 2002, 622 p. [in Russian].

Sedov 2003 — *Sedov V.V.* O rusah i russkom kaganate IX veka [About Russians and the Russian khaganate of the 9th century], in: Slavyanovedenie [Slavic studies], 2003, № 2, pp. 3–14 [in Russian].

Semenov-Zuser 1947 — *Semenov-Zuser S.A.* Rozkopki kolo s. Saltiv v 1946 r. [Excavation at the village of Saltov in 1946], in: Arheologichni pam’yatki URSR. T. I [Archaeological monuments of USSR. Volume I], Kiev, 1947, pp. 131–182 [in Ukrainian].

Sevast'yanov 2013 — *Sevast’yanov A.N.* Ne te rusy (recenziya na knigu: Galkina E.S. Russkij kaganat. Bez hazar i normannov. M., 2012) [Not those Russians (review of the book: Galkina E.S. Russian khaganate. Without Khazar and Normans. Moscow, 2012)], in: Voprosy nacionalizma [Nationalism questions], 2013, № 4 (16), pp. 227–237 [in Russian].

Shahmatov 1919 — *Shahmatov A.A.* Drevnejshie sud'by russkogo plemeni [The most ancient destinies of the Russian tribe], Petrograd, 1919, 65 p. [in Russian].

Shaskol'skij 1981 — *Shaskol’skij I.P.* Izvestie Bertinskih annalov v svete dannyh sovremennoj nauki [News of the Annals of Saint Bertin in the light of data of modern science], in: Letopisi i hroniki. 1980. V.N. Tatishchev i izuchenie russkogo letopisaniya [Chronicles and Annals. 1980. V.N. Tatishchev and studying of the Russian annals], Moscow, Nauka Publ., 1981, pp. 43–54 [in Russian].

Shchavelev 2013 — *Shchavelev A.S.* Rusy/rosy v Vostochnoj Evrope: model' invazii i nekotorye osobennosti integracii v mire vostochnyh slavyan (vtoraya polovina IX–X v.) [Russians / ros in Eastern Europe: model of an invasion and some features of integration in the world of east Slavs (the second half IX–X century)], in: Ural'skij istoricheskij vestnik [Ural historical bulletin], 2013, № 1 (38), pp. 112–121 [in Russian].

Shchavelev 2014 — *Shchavelev A.S.* Plemya severyan i hazarskie kreposti: eshche raz o geopolitike yuga Vostochnoj Evropy pervoj poloviny IX veka [Tribe of northerners and Khazaria fortresses: once again about geopolitics of the South of Eastern Europe of the first half IX centuries], in: Kniga Kartiny zemli. Sbornik v chest' I.G. Konovalovoj [Book of the Picture of the earth. The collection in honor of I.G. Konovalova], Moscow, Indrik Publ., 2014, pp. 323–329 [in Russian].

Shchavelev, Fetisov 2014 — *Shchavelev A.S., Fetisov A.A.* K istoricheskoj geografii Vostochnoj Evropy IX — nachala X veka: Karta kladov i konfiguraciya torgovyh putej [To historical geography of Eastern Europe IX — beginnings X centuries: Card of treasures and configuration of trade ways], in: Istoricheskaya geografiya. T. 2 [Historical geography. Volume 2], Moscow, Akvilon Publ., 2014, pp. 7–53 [in Russian].

Shpilev 2009 — *Shpilev A.G.* O sootnesenii «strany slavyan» Ibn Ruste s Severskoj zemlej vtoroj treti

IX v. [About correlation of "the country of Slavs" of Ahmad ibn Rustah with the Seversk earth of the second third IX century], in: Srednevekovyj gorod Yugo–Vostoka Rusi: predposylki vozniknoveniya, evolyuciya, material'naya kul'tura: Materialy konferencii, posvyashchennoj stoletiyu nachala arheologicheskih issledovanij Gochevskogo arheologicheskogo kompleksa [Medieval city of the Southeast of Russia: emergence prerequisites, evolution, material culture: Materials of the conference devoted to century of the beginning of archaeological researches of the Gochevsk archaeological complex], Kursk, 2009, pp. 52–69 [in Russian].

Shramko 1962 — *Shramko B.A.* Drevnosti Severskogo Donca [Antiquities of the Seversky Donets], Kharkiv: Izdatel'stvo Har'kovskogo gosudarstvennogo universiteta Publ., 1962, 404 p. [in Russian].

Slavyane 1963 — Slavyane nakanune obrazovaniya Kievskoj Rusi / Materialy i issledovaniya po arheologii SSSR. № 108 [Slavs on the eve of formation of Kievan Rus' / Materials and researches on archeology of the USSR. No. 108], Moscow, Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR Publ., 1963, 388 p. [in Russian].

Slovo o pogibeli 2005 — Slovo o pogibeli Russkoj zemli (Podgotovka teksta, perevod i kommentarii L.A. Dmitrieva) [Word about death of the Russian land (Preparation of the text, translation and comments L.A. Dmitriyev)], in: Biblioteka literatury Drevnej Rusi. T. 5. XIII vek [Library of literature of Ancient Russia. Volume 5. XIII century], St. Petersburg, Nauka Publ., 2005, pp. 90–91 [in Russian].

Smirnov 1928 — *Smirnov P.P.* Volz'kij shlyah i starodavni Rusi (Narisi z rus'koi istorii VI–IX vv.) [The Volga way and ancient rus (Sketches from the Russian history of the 6–9th centuries)], Kiev, Drukarnya Ukraïns'koï Akademiï nauk Publ., 1928, 230 p. [in Ukrainian].

Smilenko, Suhobokov 1990 — *Smilenko A.T., Suhobokov O.V.* Pam'yati Dmitra Tarasovicha Berezovcya [Dmitry Tarasovich Berezovts's memories], in: Arheologiya [Archeology], 1990, № 4, pp. 107–115 [in Ukrainian].

Solov'ev 1883 — *Solov'ev S.M.* Istoriya Rossii s drevnejshih vremen. Kn. I. T. 1–5 [History of Russia since the most ancient times. Book I. Volume 1–5], Moscow, 1883, 879 p. [in Russian].

Solov'ev 1985 — *Solov'ev A.I.* O nekotoryh harakteristikah klinkovogo oruzhiya [About some characteristics of bladed weapon], in: Problemy rekonstrukcij v arheologii [Problems of reconstruction in archeology], Novosibirsk, 1985, pp. 147–154 [in Russian].

Spicyn 1899 — *Spicyn A.A.* Rasselenie drevnerusskih plemen po arheologicheskim dannym [Resettlement of Old Russian tribes according to archaeological data], in: Zhurnal ministerstva narodnogo prosveshcheniya [Magazine of the ministry of national education], 1899, VIII, pp. 301–340 [in Russian].

Spicyn 1908 — *Spicyn A.A.* Iskonnye obitateli Dona i Donca [Primordial inhabitants of Don and Donets], in: Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshcheniya. Novaya seriya. Vyp. XIX [Magazine of the Ministry of national education. New series. Release XIX], St. Petersburg, 1908, pp. 67–79 [in Russian].

Sreznevskij 1860 — *Sreznevskij I.I.* Russkoe naselenie Stepnogo i Yuzhnogo Pomor'ya v XI–XIV vv. [The Russian population of Steppe and Southern Pomorze in the 11–14th centuries], in: Izvestiya Akademii nauk po Otdeleniyu russkogo yazyka i slovesnosti. T. VIII. Vyp. 4 [News of Academy of Sciences on Office of Russian and literature. Volume VIII. Release 4], St. Petersburg, 1860, pp. 313–320 [in Russian].

Stang 1999 — *Stang H.* Naimenovanie Rusi (gerul'skaya versiya) [Name of Russia (gerul version)], in: Stratum plus, 1999, № 5, pp. 119–147 [in Russian].

Stasov 1881 — *Stasov V.V.* Zametki o "russah" Ibn-Fadlana i drugih arabskih pisatelej [Notes about "Russians" of Ibn-Fadlan and other Arab writers], in: Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshcheniya [Magazine of the Ministry of national education], 1881, VIII, pp. 281–315 [in Russian].

Stepovoj 2011 — *Stepovoj A.V.* Metallurgicheskoe proizvodstvo naseleniya lesostepnogo varianta saltovo-mayackoj kul'tury (Yutanovskij arheologicheskij kompleks). Avtoreferat dissertacii na soiskanie uchenoj stepeni kandidata istoricheskih nauk [Metallurgical production of the population of forest-steppe option of Saltovo-Mayaki culture (Yutanovsk archaeological complex). The abstract of the thesis for a degree of the candidate of historical sciences], Voronezh, 2011, 22 p. [in Russian].

Sverdlov 1970 — *Sverdlov M.B.* Lokalizaciya rusov v arabskoj geograficheskoj literature IX–X vv. [Localization of Russians in the Arab geographical literature of the 9–10th centuries], in: Izvestiya Vsesoyuznogo geograficheskogo obshchestva. 1970. T. 102. Vyp. 4 [News of All-Union geographical society.

1970. Volume 102. Release 4], pp. 363–369 [in Russian].

Sverdlov 2003 — *Sverdlov M.B.* Domongol'skaya Rus'. Knyaz' i knyazheskaya vlast' na Rusi VI — pervoj treti XIII v. [Domongolsky Russia. The prince and the princely power in Russia VI — the first third of the 13th century], St. Petersburg, Akademicheskij proekt Publ., 2003, 736 p. [in Russian].

Sverdlov 2011 — *Sverdlov M.B.* M.V. Lomonosov i stanovlenie istoricheskoj nauki v Rossii [M.V. Lomonosov and formation of historical science in Russia], St. Petersburg, Nestor–Istoriya Publ., 2011, 916 p. [in Russian].

Sverdlov 2017 — *Sverdlov M.B.* Latinoyazychnye istochniki po istorii Drevnej Rusi IX–XIII vv. Germaniya. «Pravda Russkaya». Istoriya teksta. Izbrannye stat'i [Sources in Latin on stories of Ancient Russia IX–XIII centuries. Germany. "Russkaya Pravda". Text history. Chosen articles], St. Petersburg, Izdatel'stvo Olega Abyshko Publ., 2017, 592 p. [in Russian].

Talis 1973 — *Talis D.L.* Toponimy Kryma s kornem “ros” [Toponyms of the Crimea with a root of "ros"], in: Antichnaya drevnost' i srednie veka. Vyp. 10 [Antique antiquity and Middle Ages. Release 10], Sverdlovsk, 1973, pp. 229–234 [in Russian].

Talis 1974 — *Talis D.L.* Rosy v Krymu [Russians in the Crimea], in: Sovetskaya arheologiya [Soviet archeology], 1974, № 3, pp. 87–99 [in Russian].

Tihomirov 1979 — *Tihomirov M.N.* Proiskhozhdenie nazvanij «Rus'» i «Russkaya zemlya» [Origin of the names "Russia" and "Russian land"], in: Tihomirov M.N. Russkoe letopisanie [Tikhomirov M.N. Russian annals], Moscow, Nauka Publ., 1979, pp. 22–45 [in Russian].

Tolmachova 2000 — *Tolmachova M.M.* Tekhnologiya vigotovlennya saltivs'kih shabel' [Manufacturing techniques of Saltovo sabers], 2000, Electronic resource: https://www.myslenedrevo.com.ua/uk/Sci/Archeology/Archeometry/Applied/SaltovoSabres.html (Date of access — 12.11.2018) [in Ukrainian].

Tolochko 1987 — *Tolochko P.P.* Drevnyaya Rus'. Ocherki social'no-politicheskoj istorii [Ancient Russia. Sketches of socio-political history], Kiev, Naukova dumka Publ., 1987, 247 p. [in Russian].

Tolochko 2013 — *Tolochko P.P.* Rannyaya Rus': istoriya i arheologiya [Early Russia: history and archeology], St. Petersburg, BLIC Publ., 2013, 208 p. [in Russian].

Tolochko 2015 — *Tolochko A.P.* Ocherki nachal'noj rusi [Sketches of initial Russia], Kiev; St. Petersburg, Laurus Publ., 2015, 336 p. [in Russian].

Tret'yakov 1968 — *Tret'yakov P.N.* O drevnejshih rusah i ih zemle [About the most ancient Russians and their earth], in: Slavyane i Rus'. K 60-letiyu B.A. Rybakova [Slavs and Russia. To B.A. Rybakov's 60 anniversary], Moscow, Nauka Publ., 1968, pp. 179–187 [in Russian].

Tret'yakov 1970 — *Tret'yakov P.N.* U istokov drevnerusskoj narodnosti / Materialy i issledovaniya po arheologii SSSR. № 179 [At sources of Old Russian nationality / Materials and researches on archeology of the USSR. No. 179], Leningrad, Nauka Publ., 1970, pp. 72–110 [in Russian].

Trubachev 2005 — *Trubachev O.N.* V poiskah edinstva: vzglyad filologa na problemu istokov Rusi. Tret'e izdanie, dopolnennoe [In search of unity: philologist's view of a problem of sources of Russia. The third edition added], Moscow, Nauka Publ., 2005, 286 p. [in Russian].

Truhachev 1981 — *Truhachev N.S.* Popytka lokalizacii Pribaltijskoj Rusi na osnovanii soobshchenij sovremennikov v zapadnoevropejskih i arabskih istochnikah X–XIII vv. [Attempt of localization of Baltic Russia on the basis of messages of contemporaries in the Western European and Arab sources of the 10–13th centuries], in: Drevnejshie gosudarstva na territorii SSSR. 1980 [The most ancient states in the territory of the USSR. 1980], Moscow, Nauka Publ., 1981, pp. 159–174 [in Russian].

Vasil'evskij 1915 — *Vasil'evskij V.G.* Trudy. T. III [Works. Volume III], Petrograd, 1915, 416 p. [in Russian].

Vernadskij 1996 — *Vernadskij G.V.* Drevnyaya Rus' [Ancient Russia], Tver, LEAN Publ., 1996, 448 p. [in Russian].

Vestberg 1908 — *Vestberg F.* K analizu vostochnyh istochnikov o Vostochnoj Evrope [To the analysis of east sources about Eastern Europe], in: Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshcheniya [Magazine of the Ministry of national education], St. Petersburg, 1908, II, pp. 364–412 [in Russian].

Vestberg 1910 — *Vestberg F.* Zapiska Gotskogo toparha [Note of the Gothic toparkh], in: Vizantijskij Vremennik. T. XV. Vyp. 2–3 [Byzantine Vremennik. Volume XV. Release 2–3], St. Petersburg, 1910, 124 p. [in Russian].

Vinnikov, Pletneva 1998 — *Vinnikov A.Z., Pletneva S.A.* Na severnyh rubezhah Hazarskogo kaganata. Mayackoe poselenie [At northern boundaries of the Khazaria khaganate. Mayaki settlement], Voronezh, Izdatel'stvo Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta Publ., 1998, 216 p. [in Russian].

Vladimirov 2017 — *Vladimirov S.I.* Vooruzhenie i voennoe delo naseleniya Dono-Doneckoj lesostepi vo vtoroj polovine VIII — nachale X vv. (saltovo-mayackaya kul'tura). Dissertaciya na soiskanie uchenoj stepeni kandidata istoricheskih nauk [Arms and military science of the population of the Dono-Donetsk forest-steppe in the second half of VIII — the beginning of the 10th centuries (Saltovo-Mayaki culture). The thesis for a degree of the candidate of historical sciences], Voronezh, 2017, 310 p. [in Russian].

Voronyatov 2005 — *Voronyatov S.V.* Volyncevskaya «kul'tura» i «Russkij kaganat» [Volyntsevo "culture" and "The Russian khaganate"], in: Al'manah molodyh arheologov. 2005 [Almanac of young archeologists. 2005], St. Petersburg, Nestor–Istoriya Publ., 2005, pp. 199–210 [in Russian].

Yurenko 2010 — *Yurenko S.P.* Zhittєvij ta naukovij podvig (do stolittya vid dnya narodzhennya Dmitra Tarasovicha Berezovcya) [Vital and scientific feat (by century since the birth of Dmitry Tarasovich Berezovets)], in: Putivl's'kij kraєznavchij zbirnik. Vip. 6 [Putivlsky local history collection. Release 6], Sumy, 2010, P. 31 [in Ukrainian].

Yushkov 1940 — *Yushkov S.V.* K voprosu o proiskhozhdenii Russkogo gosudarstva [To a question of an origin of the Russian state], in: Uchenye zapiski Moskovskogo yuridicheskogo instituta. 1940. Vyp. II [Scientific notes of the Moscow legal institute. 1940. Release II], pp. 37–59 [in Russian].

Zahoder 1962 — *Zahoder B.N.* Kaspijskij svod svedenij o Vostochnoj Evrope. T. I. Gorgan i Povolzh'e v IX–X vv. [Caspian set of data on Eastern Europe. Volume I. Gorgan and the Volga region in IX–X centuries], Moscow, Izdatel'stvo vostochnoj literatury Publ., 1962, 281 p. [in Russian]

Zahoder 1967 — *Zahoder B.N.* Kaspijskij svod svedenij o Vostochnoj Evrope. T. II. Bulgary, mad'yary, narody Severa, pechenegi, rusy, slavyane [Caspian set of data on Eastern Europe. Volume II. Bulgars, Magyars, peoples of the North, Pechenegs, Russians, Slavs], Moscow, Nauka Publ., 1967, 213 p. [in Russian].

Zakharow, Arendt 1935 — *Zakharow A., Arendt W.* Studia Levedica [Levedia's researches], in: Archeologia Hungarica [Hungarian archeology], Volume XII, Budapest, 1935 [in Hungarian].

Zapadnoevropejskie istochniki 2010 — Drevnyaya Rus' v svete zarubezhnyh istochnikov: Hrestomatiya. T. IV. Zapadnoevropejskie istochniki / Sostavlenie, perevody i kommentarii A.V. Nazarenko [Ancient Russia in the light of foreign sources: Anthology. Volume IV. Western European sources / Drawing up, transfers and comments A.V. Nazarenko], Moscow, Russkij fond sodejstviya obrazovaniyu i nauke Publ., 2010, 512 p. [in Russian].

Zhih 2009 — *Zhih M.I.* K probleme Russkogo kaganata: Drevnyaya Rus' i ee stepnye sosedi [To a problem of the Russian khaganate: Ancient Russia and its steppe neighbors], in: Mezhdunarodnyj istoricheskij zhurnal "Rusin" [International historical magazine «Rusin»], 2009, № 3 (17), pp. 147–157 [in Russian].

Zhih 2018 — *Zhih M.I.* O sootnoshenii "Novgorodskoj" i "Ladozhskoj" versij skazaniya o prizvanii varyagov v nachal'nom russkom letopisanii [About a ratio of the "Novgorod" and "Ladoga" versions of the legend on calling of Varangians in initial Russian annals], in: Vestnik "Al'yans-Arheo", 2018, Vyp. 24 [Messenger "Alliance-Arkheo". 2018. Release 24], pp. 3–44 [in Russian].

Zhuravel' 2004 — *Zhuravel' A.V.* Kto zhe kogo "srezal"? Po povodu stat'i I.G. Konovalovoj "Vtoroe prishestvie varyagov" [Who whom "cut off"? Concerning article I.G. Konovalova "The second coming of Varangians"], in: Nezavisimaya gazeta [Independent newspaper], Ex libris, 22.07.2004, Electronic resource: http://www.ng.ru/ng_exlibris/2004–07–22/8_mail.html (Date of access — 12.11.2018) [in Russian].

Zolotarev 2005 — *Zolotarev P.M.* Nahodki dolblenyh lodok na territorii Verhnego i Srednego Dona [Finds of dolbleny boats in the territory of the Upper and Central Don], in: Arheologicheskie pamyatniki Vostochnoj Evropy: Mezhvuzovskij sbornik nauchnyh trudov [Archaeological monuments of Eastern Europe: Interuniversity collection of scientific works], Voronezh, Voronezhskij gosudarstvennyj

pedagogicheskij universitet Publ., 2005, pp. 81–88 [in Russian].

Zosim 2010 — *Zosim.* Novaya istoriya / Perevod, kommentarij, ukazateli N.N. Bolgova [Modern history / Translation, comment, indexes N.N. Bolgov], Belgorod, Izdatel'stvo Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta Publ., 2010, 344 p. [in Russian].

Жих Максим Иванович — Общественно-научный проект
«Российско-немецкий исторический семинар» (Санкт-Петербург, Россия).
Maksim Zhikh — The Public and Scientific Project
«Russian-German Historical Seminar» (Saint Petersburg, Russia).
E-mail: max-mors@mail.ru

УДК 94(47).02

К ВОПРОСУ О «НАРОДЕ РОС» У ПСЕВДО-ЗАХАРИИ РИТОРА

Л.Р. Прозоров

Независимый исследователь (Уфа, Россия)
e-mail: smelding@yandex.ru

Авторское резюме

В работе рассматривается известие сирийского автора VI столетия Псевдо-Захарии Ритора, упоминающего «народ рос». Подвергнуты критическому анализу как позиции скептиков, рассматривающих это известие, как исторически недостоверное, а в самом «народе рос» видящих реминисценцию ветхозаветного пророчества, так и позиции ряда советских ученых, локализовавших «народ рос» в Среднем Приднепровье. Указывается ряд признаков, позволяющих говорить о центрально-европейском, конкретнее — южно-балтийском месторасположении упомянутого народа.

Ключевые слова: Русь, славяне, Псевдо-Захария Ритор, варяжский вопрос, былины, язычество, жрецы, обряды, табу.

TO THE QUESTION OF PEOPLE OF ROS IN SYRIAN SOURCE BY PSEUDO-ZACHARIAS RHETOR

Lev Prosorov

Independent researcher (Ufa, Russia)

Abstract

The paper examines a note made by Pseudo-Zacharias Rhetor, a Syrian author of the 6th century, mentioning the people of Ros, and critically analyzes position of skeptics who view this information as historically unreliable and the people of Ros as a reference to the Old Testament prophecy, as well as position of a number of Soviet scientists who placed the people of Ros in the Middle Dnieper. The author points to a number of indicators of central European, more specifically, a southern Baltic placement of the mentioned people.

Keywords: Rus’, Slavs, Pseudo-Zacharias Rhetor, Varangian question, Normanism, epics, paganism, priests, rites, taboos.

* * *

В настоящей статье хотелось бы возвратить внимание историков к одному, на наш взгляд, преждевременно дезавуированному и исключенному из круга свидетельств о ранней истории Руси и славянства источнику.

В конце 1930-х Н.В. Пигулевская ввела в историографию следующий отрывок сирийского автора Псевдо-Захарии Ритора:

«Анвар, себир, бургар, алан, куртаргар, авар, хасар, дирмар, сиругур, баграсик, кулас, абдел, ефталит — эти 13 народов живут в палатках, существуют мясом скота и

рыб, дикими зверьми и оружием. В глубь от них (живет) народ амазраты и люди-псы, на запад и на север от них (живут) амазонки, женщины с одной грудью; они живут сами по себе и воюют с оружием и на конях. Мужчин среди них не находится, но если желают прижить, то они отправляются мирно к народам по соседству с их землей и общаются с ними около месяца и возвращаются в свою землю… Соседний с ними народ **рос**, мужчины с огромными конечностями, у которых нет оружия и которых не могут носить кони из-за их конечностей. Дальше на восток у северных краев еще три черных народа» (Пигулевская 1939: 114–115; 1941: 165–166; 2000: 367. См. также: Дьяконов 1939: 83–90).

Б.А. Рыбаков придавал этому источнику большое значение, встраивая его в свою концепцию прародины руси на Среднем Днепре: амазонки, соседи «народа рос», трактовались, как воспоминание о «женоуправляемых сарматах» (Рыбаков 1958: 741; 1982: 74).

В 1990-е годы, однако, отношение текста Псевдо-Захарии Ритора к истории руси было отвергнуто на следующих основаниях:

Во-первых, соседство означенного народа с явно фантастическими амазонками и людьми-псами позволяет отнести означенный народ к мифическим великанам, а не реальным народам.

Во-вторых, имя народа рассматривается в этом контексте, как аллюзия на эсхатологический «народ Рос» из греческого перевода ветхозаветного пророчества Иезекииля (Петрухин 1995: 42–43).

На самом деле, оба довода далеко не имеют такой решающей силы, как, очевидно, полагают оперирующие ими исследователи, и более того, эти доводы откровенно слабы, о чем автор этих строк уже писал (Прозоров 1999: 223).

В средневековых источниках мифические народы, в том числе и конкретные амазонки, вкупе с людьми-псами Псевдо-Захарии Ритора, регулярно оказываются рядом с вполне историческими народами. Вот характерный пример:

«Близ этих берегов Балтийского моря живут якобы и **амазонки** (Amazone); это место ныне именуют землей женщин. Говорят, они как-то беременеют от глотка воды. Есть и такие, кто утверждают, будто они зачинают от проходящих купцов либо от живущих среди них пленников или от других чудовищ, которые там нередки, — это мы и полагаем наиболее вероятным. Когда-де им приспевает пора родить, то мужской пол рождается **кинокефалами** (Cynocephali), а женский — прекраснейшими девицами. Живя вместе, они избегают общения с мужчинами, от которых даже стойко обороняются, если те явятся к ним. Кинокефалы — это те, у кого голова на груди; на **Руси** они встречаются часто в качестве пленников и громко лают словами» (Адам Бременский 2011: 105).

Этот пример из Адама Бременского особенно интересен тем, что в нем вполне историческая средневековая Русь киевских князей соседствует все с теми же амазонками и людьми-псами, как и «народ рос» Псевдо-Захарии Ритора. Есть и более интересные случаи, когда средневековые авторы отождествляли с мифическими народами своих собственных предков: чех Козьма Пражский — с

амазонками (Козьма Пражский 1962: 46), а лангобард Павел Диакон — с людьми-псами (Павел Диакон 2008: 117–118)[1].

Как можно видеть, сближение «мифических» народов с историческими вовсе не представляет чего-то необыкновенного и не может являться поводом для исключения «народа рос» из числа этих последних.

Столь же небесспорно и сопоставление персонажей сирийского автора с «народом Рос» греческого перевода Ветхого Завета. Во-первых, если, как указывает сам В.Я. Петрухин, этот «народ» восходит к **греческому** «неточному переводу Септуагинты… еврейский титул “насир-рош” был переведен, как “архонт Рос”» (Петрухин 1995: 45) — но при чем же здесь **сирийский** автор Псевдо-Захария, который, кажется, был защищен от подобной неточности при чтении текста на языке, родственном его родному? Что еще более существенно, ветхозаветное пророчество описывает народ «архонта Рос» следующим образом: «и выведу тебя и все войско твое, *коней и всадников*, всех в полном *вооружении*, большое полчище, в бронях и со щитами, всех *вооруженных* мечами» (Иезек. 38, 4). Совершенно понятно, почему этот текст актуализировался, как опять-таки подчеркивает сам В.Я. Петрухин, в моменты столкновения с агрессивными воинственными варварами — скифами, готами, гуннами, собственно русью в X веке. И столь же непонятно, как это пророчество может соотноситься с описанием «народа Рос» у Псевдо-Захарии, *не* имеющего оружия, а также *не* ездящего на конях. Иронически отозвавшись о несоответствии характеристики «народа рос» и дружинного характера «древностей русов» Б.А. Рыбакова, В.Я. Петрухин почему-то не пожелал заметить ничуть не меньшего несоответствия этой характеристики с текстом ветхозаветного пророчества.

Самое же интересное, что для отвода версии Н.В. Пигулевской, А.П. Дьяконова и Б.А. Рыбакова, локализующей «народ рос» сирийского книжника в Среднем Приднепровье, вовсе необязательно было возведение уязвимых построений с «мифологическими великанами» и ветхозаветным пророчеством. Текст Псевдо-Захарии сам содержит достаточно доводов против нее.

Владения постгуннского племени кутругуров («кутаргар» рассматриваемого источника), согласно Прокопию Кесарийскому (Война с готами VIII, 5), простирались даже до левого берега Истра (Дуная). К дунайским берегам примыкали и авары, также упомянутые в списке. Таким образом, живущие «вглубь» от тринадцати кочевых племен (очевидно, относительно находящегося в Сирии наблюдателя) амазраты и люди-псы оказываются скорее в области Центральной Европы, но никак не в Приднепровье, тем более это относится к пребывающим «на север и запад» от них амазонкам и их соседям, находящимся, по логике повествования, еще дальше в том же направлении, искомому «народу рос».

[1] В этом последнем сообщении иногда видят указание на воинские союзы «оборотней», людей-волков, людей-псов (Кардини 1987: 117–118).

Интересно, что именно упоминание «мифических» амазонок в данном случае склоняет к центрально-европейской версии. В исследовании М.О. Косвена выделяется три региона, с которыми античные и раннесредневековые авторы связывали легенды об амазонках (Косвен 1947: 33–37). Первый из них, а именно малоазийский, нам, по понятным причинам, ничего не дает, да и относится к слишком древним для Захарии Ритора временам. Второй регион, связываемый с преданиями о воинственных женщинах — Кавказ. Там осели изгнанные из Малой Азии амазонки, по Геродоту, чтоб, смешавшись со скифами, породить «на стыке» живущий к востоку от Дона народ савроматов (позднее — сарматов). На Кавказе располагают амазонок Демосфен, Плутарх, Страбон, Флавий Вописк. Кавказские амазонки тоже слишком явно не подходят к отрывку из Захарии Ритора. Ни географически — про Кавказ никак не скажешь, что он «вглубь» для сирийского наблюдателя от обитателей восточноевропейской степи — ни хронологически.

Попутно отметим, что аланы, с которыми пытались отождествить амазонок Н.В. Пигулевская, А.П. Дьяконов и Б.А. Рыбаков, и которые как раз обитали на Северном Кавказе, не могут отождествляться с ними в тексте Псевдо-Захарии Ритора, хотя бы потому, что аланы сами упомянуты среди тринадцати кочевых племен под собственным именем.

Гораздо более информативны для нашей темы средневековые сообщения о европейских амазонках. В «Гетике» Иордана, современника Павла Диакона, готы встречаются с племенем воительниц по пути от Балтийского моря к Черному (Косвен 1947: 52). Где-то в Центральной Европе, согласно уже упоминавшемуся Павлу Диакону, с воительницами столкнулись племена лангобардов, причем хронист, не взирая на собственное недоверчивое отношение к пересказанной легенде, упоминает слухи о продолжавших существовать и в его время «в диких местах Германии» амазонках (Павел Диакон 2008: 50).

Целый ряд сообщений об амазонках Средневековья располагает их в Центральной Европе. Что любопытно, в ряде случаев в соседстве с русами. Это и уже упоминавшиеся Адам Бременский с Козьмою Пражским, у которого амазонки стали частью чешской истории (в позднейших вариантах предания скупое упоминание воительниц Козьмой разрослось в драматическую и кровавую сагу о Девичьей Войне), и Ибрагим ибн Якуб, в качестве источника указавший «Хуту, царя румов» — то есть императора Священной Римской империи Оттона (Косвен 1947: 45–46)[1], и аль Идриси (Коновалова 2006: 126).

Интересно, что былины, русский богатырский эпос своих воинственных дев-поляниц, вопреки авторам, связывавшим их с миром кочевников Великой Степи (Балашов 1975: 35; Рыбаков 1982: 159; Плетнева 1999: 533; Кожинов 2001: 181), так же относит к центрально-европейскому региону.

---

[1] К сожалению, в новейшем издании этого сообщения ибн Якуба (Ибрахим ибн Йа'куб 2009: 79) указание на информатора арабского путешественника выпущено, а в сноске говорится, что сведения о «городе женщин» рядом с русами «восходят к античной литературе», что создает искаженную картину источника.

Так, например, Настасья Микулична, которой предстоит стать женой богатыря Дуная и трагически пасть от его же руки, аттестуется будущим супругом Владимиру Красну Солнышку в следующих выражениях:

Я уж жил-де, был в земли, да в земли дальнее,
Я во дальней жил в земли да ***Ляховитское****,*
Я у стремена у короля Данила сына Манойловича,
Я не много поры-времени — двенадцать лет.
Еще есь у его да как две дочери,
А больша-то ведь дочи да то Настасея,
Еще та же Настасья да королевична;
Еще та же Настасья да не твоя чета,
Не твоя чета Настасья и не тебе жона, —
Еще зла ***поленица*** *да приудалая (Былины 1986: 197).*

Точно так же, Настасьей Микуличной, зовут жену побратима злополучного Дуная, Добрыни. Она тоже представлена богатыршей-поляницей:

Есть же не бога́тырь на добром коне,
Есть же ***поленица****, знать, уда́лая,*
А кака не то деви́ца либо женщина!
После поединка Настасья сообщает будущему мужу:
Я того же короля дочь ***Ляховицкого*** *(Былины 1988: 60–61, 63).*
В вариантах она была взята из земли ***Политовския*** *(Былины 1988: 224).*

Знаменитая Василиса Микулична, спасшая мужа Ставра из княжеской тюрьма, в былинах также происходит из западных славян:

Из тоя из земли ***Ляховицкия***
Сидел молодой Ставер сын Годинович:
«Молода Василиста дочь Микулична!
Уедем мы во землю ***Политовскую****!» (Былины 1988: 413, 421).*

Особняком, наконец, стоит четвертая поляница русских былин, дочь их главного героя, из «Тальянской» земли (Илья Муромец 1958: 207–217).

Итак, как можно видеть, с одной стороны, аргументы скептиков далеко не так сильны, как им представляется, но и версия советских исследователей, размещавших «народ рос» на берегах Днепра, не выдерживает критики. Как логика рассказа Псевдо-Захарии Ритора, так и упоминание соседствующих амазонок определяют этот народ значительно западнее.

Вряд ли случайно, что во времена Псевдо-Захарии Ритора в византийском источнике появляется описание удивительно схожих с его «народом Рос» людей,

обитавших именно в Центральной Европе. Речь про описание Феофилактом Симмокатой славянских послов:

«Телохранителями императора были захвачены три человека, родом славяне, не имевшие при себе ничего железного и **никакого оружия**: единственной их ношей были кифары, и ничего другого они не несли. (И) Император [принялся] расспрашивать их, какого они племени, где им выпало жить и почему они оказались в ромейских землях.

Они отвечали, что по племени они славяне и живут у оконечности Западного океана; что хаган отправил послов вплоть до тамошних [племен], чтобы собрать воинские силы, и прельщал старейшин богатыми дарами. Но те, приняв дары, отказали ему в союзе, уверяя, что препятствием для них служит длительность пути, и послали к хагану их, захваченных [императором], с извинениями: ведь дорога занимает пятнадцать месяцев. А хаган, забыв о законе, [защищающем] послов, начал-де чинить им препятствия к возвращению. Они же, наслышанные, что племя ромеев, если дозволено так сказать, очень славится богатством и человеколюбием, ушли во Фракию, обманув в подходящий момент [хагана]. А кифары они, мол, несут потому, что **не обучены носить на теле оружие**: ведь их страна не знает железа, что делает их жизнь мирной и невозмутимой; они играют на лирах, не знакомые с пением труб. Ведь тем, кто о войне и не слыхивал, естественно, как они говорили, заниматься безыскусными мусическими упражнениями. Автократор, [услышав] все сказанное, восхитился их племенем и, удостоив самих попавших к нему варваров гостеприимства и **подивившись размерам их тел и огромности членов**, переправил в Ираклию» (Феофилакт Симокатта 1995: 17). Под «океаном» у которого живут эти славяне, ученые единодушно понимают Балтику.

Сходство между двумя текстами о великанах — точнее, людях с большими «частями тела / конечностями» — не имеющими оружия и живущими в Центральной Европе в один и тот же исторический период настолько велико, то провоцирует мысли о прямом заимствовании или же об описании одного и того же события.

Мотив безоружности «народа рос» у сирийского автора и балтийских славян — у византийского, заслуживает отдельного рассмотрения. Несмотря на явный оттенок идеализации, трудно представить, что Феофилакт Симокатта решил вставить в описание посольства элемент литературного образа золотого века, царящего в землях блаженных гипербореев — для этого и сам хронист, и его читатели чересчур хорошо знали славян. Последние на страницах византийских авторов, в том числе и собственно Симмокаты, предстают в двух качествах — или беспощадных варваров, нашествию которых в Балканские провинции империя с огромным трудом противостоит (таковы, в частности, описанные у Симмокаты славянские вожди Ардагаст, Мусокий, Пирогаст), или воинов на службе этой же империи (таким, возможно, был упоминаемый тем же автором Татимер). Говоря кратко, народа, менее подходившего в качестве персонажей пацифистской утопии, константинопольскому автору VI века было трудно подыскать. И если все же

Феофилакт Симокатта описал славян, не прикасающихся к оружию и даже железу, стоит предположить, что на то существовало основание.

Еще А.Ф. Гильфердинг в связи с известием Симмокаты предположил, что послы эти были «люди вещие, какие-нибудь жрецы или кудесники» (Гильфердинг 2013: 83). Интересно, что табу для жрецов на прикосновение оружию, и, что в контексте рассматриваемого вопроса особенно интересно, езду на коне, известно у англов (Беда Достопочтенный, Церковная история народа англов, кн. II, 13) — народа, во времена Феофилакта Симмокаты и Псевдо-Захарии Ритора живших на том же «дальнем берегу океана», по соседству со славянами. «Жрец их веры не мог носить оружие или ездить верхом», когда в Нортумбрии жрец-ренегат Койфи хочет подчеркнуть свое обращение в христианство, он садится верхом, берет в руку копье и бросает его в свой прежний храм.

Есть еще один текст, хотя и относящийся к другой эпохе, но тоже связанный с южными берегами Балтики, вызывающий ассоциации с сообщением Феофилакта Симмокаты.

«Есть на острове **среди Океана** священная роща, и в ней предназначенная для этой богини (матери-Земли) и скрытая под покровом из тканей повозка; касаться ее разрешено только жрецу. Ощутив, что богиня прибыла и находится у себя в святилище, он с величайшей почтительностью сопровождает ее, влекомую впряженными в повозку коровами. Тогда наступают дни всеобщего ликования, празднично убираются местности, которые она удостоила своим прибытием и пребыванием. В эти дни они **не затевают походов, не берут в руки оружия; все изделия из железа у них на запоре;** тогда им ведомы только мир и покой, только тогда они им по душе, и так продолжается, пока тот же жрец не возвратит в капище насытившуюся общением с родом людским богиню. После этого и повозка, и покров, и, если угодно поверить, само божество очищаются омовением в уединенном и укрытом ото всех озере» (Публий Корнелий Тацит, Германия, 40).

Как можно видеть, как и в рассказе славянских послов, точнее, в его пересказе греческим хронистом, упоминается «Океан», и в обоих случаях это, несомненно, Балтийское море. В обоих случаях звучит тема священного мира, табуированности оружия и даже железа как такового.

Таким образом, возможны две не взаимоисключающие реконструкции исторической основы сообщения Феофилакта Симмокаты о не знающих железа и не прикасающихся к оружию славянах с «оконечности Западного океана». Первая, собственно, та, что выдвинута А.Ф. Гильфердингом: византийский хронист распространил сказанное жрецами-посланниками о своей жреческой страте на весь народ. Второе — речь шла о времени священного перемирия, которое и помешало балтийским славянам присоединиться к войскам аварского кагана.

Что касается сообщения Псевдо-Захарии Ритора, то, ввиду очевидной близости с сообщение византийского хрониста, полагаем вероятным, что в «народе рос» сирийского автора надо рассматривать, как одно из первых свидетельств о южно-балтийской руси, а утверждение об отсутствии лошадей и оружия трактовать,

как отражение постоянного жреческого или временного общеплеменного табу на перечисленные существа и предметы.

ЛИТЕРАТУРА

Адам Бременский 2011 — *Адам Бременский.* Деяния епископов Гамбургской церкви // Адам Бременский, Гельмольд из Босау, Арнольд Любекский. Славянские хроники. М.: Русская панорама, 2011.

Балашов 1975 — *Балашов Д.М.* Из истории русского былинного эпоса («Михайло Потык» и «Вольга и Микула») // Русский фольклор. Л.: Наука, 1975.

Беда Достопочтенный 2003 — *Беда Достопочтенный.* Церковная история народа англов. СПб.: Алетейя, 2003.

Былины 1986 — Былины: Сборник. Л.: Советский писатель, 1986.

Былины 1988 — Былины. М.: Советская Россия, 1988.

Гильфердинг 2013 — *Гильфердинг А.Ф.* История балтийских славян. М.: Русская панорама; СПб.: БЛИЦ, 2013.

Дьяконов 1939 — Дьяконов А.П. Известия Псевдо-Захарии о древних славянах // Вестник древней истории. 1939. № 4.

Ибрахим ибн Йа'куб 2009 — *Ибрахим ибн Йа'куб* // Древняя Русь в свете зарубежных источников: Хрестоматия. Т. III. М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2009.

Илья Муромец 1958 — *Илья Муромец.* М.; Л.: Издательство АН СССР, 1958.

Кардини 1987 — *Кардини Ф.* Истоки средневекового рыцарства. М.: Прогресс, 1987.

Кожинов 2001 — *Кожинов В.В.* История Руси и русского слова. М.: Эксмо-пресс, 2001.

Козьма Пражский 1962 — *Козьма Пражский.* Чешская хроника. М.: Издательство АН СССР, 1962.

Коновалова 2006 — *Коновалова И.Г.* Ал-Идриси о странах и народах Восточной Европы. М.: Восточная литература, 2006.

Косвен 1947 — *Косвен М.О.* Амазонки. История легенды // Советская этнография. 1947. № 2.

Павел Диакон 2008 — *Павел Диакон.* История лангобардов. СПб.: Азбука-классика, 2008.

Петрухин 1995 — *Петрухин В.Я.* Начало этнокультурной истории Руси IX–XI вв. Смоленск: Русич; М.: Гнозис, 1995.

Пигулевская 1939 — Пигулевская Н.В. Сирийский источник VI в. о народах Кавказа // Вестник древней истории. 1939. № 1. С. 114–115.

Пигулевская 1941 — Пигулевская Н.В. Сирийские источники по истории народов СССР / Труды Института востоковедения. Т. XLI. М.; Л., 1941.

Пигулевская, 2000 — Пигулевская Н.В. Имя «Рус» в сирийском источнике VI в. н.э. // Пигулевская Н.В. Сирийская средневековая историография. Исследования и переводы. СПб.: Дмитрий Буланин, 2000.

Плетнева 1999 — *Плетнева С.А.* «Амазонки» как социально-политическое явление // Культура славян и Русь. М.: Наука, 1999.

Прозоров 1999 — *Прозоров Л.Р.* Еще раз о начале Руси: по поводу монографии В.Я. Петрухина «Начало этнокультурной истории Руси IX–XI веков» // Государство и общество. 1999. № 3–4.

Прокопий Кесарийский 1996 — *Прокопий Кесарийский.* Война с готами. О постройках (Серия «Памятники мировой истории и культуры»). М.: Арктос — Вика-пресс, 1996.

Рыбаков 1958 — *Рыбаков Б.А.* Предпосылки образования Древнерусского государства // Очерки истории СССР. Кризис рабовладельческой системы и зарождение феодализма на территории СССР III–IX вв. М.: Издательство АН СССР, 1958.

Рыбаков 1982 — *Рыбаков Б.А.* Киевская Русь и русские княжества XII–XIII вв. М.: Наука, 1982.

Тацит 1969 — *Тацит Публий Корнелий.* Сочинения в двух томах. Т. 1. Анналы. Малые произведения. Л.: Наука, 1969.

Феофилакт Симокатта 1995 — *Феофилакт Симокатта*. Фрагменты о славянах // Свод древнейших письменных известий о славянах. Т. II. М.: Восточная литература, 1995.

REFERENCES

Adam Bremenskij 2011 — *Adam Bremenskij.* Deyaniya episkopov Gamburgskoj cerkvi [Deeds of the Bishops of Hamburg], in: Adam Bremenskij, Gel'mol'd iz Bosau, Arnol'd Lyubekskij. Slavyanskie hroniki [Adam of Bremen, Helmold of Bosau, Arnold of Lübeck. Slavic chronicles], Moscow, Russkaya panorama Publ., 2011 [in Russian].

Balashov 1975 — *Balashov D.M.* Iz istorii russkogo bylinnogo eposa (“Mihajlo Potyk” i “Vol'ga i Mikula”) [From history of the Russian epic epos ("Mikhaylo Potyk" and "Volga and Mikula")], in: Russkij fol'klor [Russian folklore], Leningrad, Nauka Publ., 1975 [in Russian].

Beda Dostopochtennyj 2003 — *Beda Dostopochtennyj.* Cerkovnaya istoriya naroda anglov [Church history of the people of angl], St. Petersburg, Aletejya Publ., 2003 [in Russian].

Byliny 1986 — Byliny: Sbornik [Bylinas: Collection], Leningrad, Sovetskij pisatel' Publ., 1986 [in Russian].

Byliny 1988 — Byliny [Bylinas], Moscow, Sovetskaya Rossiya Publ., 1988 [in Russian].

D'yakonov 1939 — *D'yakonov A.P.* Izvestiya Psevdo-Zaharii o drevnih slavyanah [Pseudo-Zachariah's news of ancient Slavs], in: Vestnik drevnej istorii [Messenger of ancient history], 1939, № 4 [in Russian].

Feofilakt Simmokata 1995 — *Feofilakt Simokatta.* Fragmenty o slavyanah [Fragments about Slavs], in: Svod drevnejshih pis'mennyh izvestij o slavyanah. T. II [Arch of the most ancient written news of Slavs. Volume II], Moscow, Vostochnaya literatura Publ., 1995 [in Russian].

Gil'ferding 2013 — *Gil'ferding A.F.* Istoriya baltijskih slavyan [History of the Baltic Slavs], Moscow, Russkaya panorama Publ.; St. Petersburg, BLIC Publ., 2013 [in Russian].

Ibrahim ibn Ja'kub 2009 — *Ibrahim ibn Ja'kub* [Ibrahim ibn Yaqub], in: Drevnyaya Rus' v svete zarubezhnyh istochnikov: Hrestomatiya. T. III [Ancient Russia in the light of foreign sources: Anthology. Volume III], Moscow, Russkij fond sodejstviya obrazovaniyu i nauke Publ., 2009 [in Russian].

Il'ya Muromec 1958 — *Il'ya Muromec* [Ilya Muromets], Moscow; Leningrad, Izdatel'stvo AN SSSR Publ., 1958 [in Russian].

Kardini 1987 — *Kardini F.* Istoki srednevekovogo rycarstva [Sources of medieval knights], Moscow, Progress Publ., 1987 [in Russian].

Konovalova 2006 — *Konovalova I.G.* Al–Idrisi o stranah i narodah Vostochnoj Evropy [Al–Idrisi about the countries and the people of Eastern Europe], Moscow, Vostochnaya literatura Publ., 2006 [in Russian].

Kosven 1947 — *Kosven M.O.* Amazonki. Istoriya legendy [Amazons. Legend history], in: Sovetskaya etnografiya [Soviet ethnography], 1947, № 2 [in Russian].

Kozhinov 2001 — *Kozhinov V.V.* Istoriya Rusi i russkogo slova [History of Russia and Russian word], Moscow, Eksmo-press Publ., 2001 [in Russian].

Koz'ma Prazhskij 1962 — *Koz'ma Prazhskij.* Cheshskaya hronika [Czech chronicle], Moscow, Izdatel'stvo AN SSSR Publ., 1962 [in Russian].

Pavel Diakon 2008 — *Pavel Diakon.* Istoriya langobardov [History of Lombards], St. Petersburg, Azbuka-klassika Publ., 2008 [in Russian].

Petruhin 1995 — *Petruhin V.Ya.* Nachalo etnokul'turnoj istorii Rusi IX–XI vv. [Beginning of ethnocultural history IX–XI of Russia of centuries], Smolensk, Rusich Publ.; Moscow, Gnozis Publ., 1995 [in Russian].

Pigulevskaya 1939 — *Pigulevskaya N.V.* Sirijskij istochnik VI v. o narodah Kavkaza [The Syrian source of the 6th century about the people of the Caucasus], in: Vestnik drevnej istorii [Messenger of ancient history], 1939, № 1, S. 114–115 [in Russian].

Pigulevskaya 1941 — *Pigulevskaya N.V.* Sirijskie istochniki po istorii narodov SSSR / Trudy Instituta vostokovedeniya. T. XLI [The Syrian sources on stories of the people of the USSR / Works of Institute of oriental studies. Volume XLI], Moscow; Leningrad, 1941 [in Russian].

Pigulevskaya, 2000 — *Pigulevskaya N.V.* Imya «Rus» v sirijskom istochnike VI v. n.e. [The name "Rus" in the Syrian source of the 6th century AD], in: Pigulevskaya N.V. Sirijskaya srednevekovaya istoriografiya. Issledovaniya i perevody [Pigulevskaya N.V. Syrian medieval historiography. Researches and translations], St. Petersburg, Dmitrij Bulanin Publ., 2000 [in Russian].

Pletneva 1999 — *Pletneva S.A.* "Amazonki"kak social'no-politicheskoe yavlenie [Amazon as socio-political phenomenon], in: Kul'tura slavyan i Rus' [Culture of Slavs and Russia], Moscow, Nauka Publ., 1999 [in Russian].

Prokopij Kesarijskij 1996 — *Prokopij Kesarijskij.* Vojna s gotami. O postrojkah (Seriya "Pamyatniki mirovoj istorii i kul'tury") [War with Ghots. About constructions ("Monuments of World History and Culture" series)], Moscow, Arktos — Vika-press Publ., 1996 [in Russian].

Prozorov 1999 — *Prozorov L.R.* Eshche raz o nachale Rusi: po povodu monografii V.Ya. Petruhina "Nachalo etnokul'turnoj istorii Rusi IX–XI vekov" [Once again about the beginning of Russia: concerning V.Ya. Petrukhin's monograph "The beginning of ethnocultural history IX–XI of Russia of centuries"], in: Gosudarstvo i obshchestvo [State and society], 1999, № 3–4 [in Russian].

Rybakov 1958 — *Rybakov B.A.* Predposylki obrazovaniya Drevnerusskogo gosudarstva [Prerequisites of formation of the Old Russian state], in: Ocherki istorii SSSR. Krizis rabovladel'cheskoj sistemy i zarozhdenie feodalizma na territorii SSSR III–IX vv. [History USSR sketches. Crisis of slaveholding system and origin of feudalism in the territory of the USSR the 3–9th centuries], Moscow, Izdatel'stvo AN SSSR Publ., 1958 [in Russian].

Rybakov 1982 — *Rybakov B.A.* Kievskaya Rus' i russkie knyazhestva XII–XIII vv. [Kievan Rus' and Russian principalities of the 12–13th centuries], Moscow, Nauka Publ., 1982 [in Russian].

Tacit 1969 — *Tacit Publij Kornelij.* Sochineniya v dvuh tomah. T. 1. Annaly. Malye proizvedeniya [Compositions in two volumes. Volume 1. Annals. Small works], Leningrad, Nauka Publ., 1969 [in Russian].

Прозоров Лев Рудольфович — Независимый исследователь (Уфа, Россия).
Lev Prozorov — Independent researcher (Ufa, Russia).
E-mail: smelding@yandex.ru

УДК 903.43

ЕЩЕ РАЗ К ВОПРОСУ О МЕСТЕ И ВРЕМЕНИ ВОЗНИКНОВЕНИЯ СМОЛЕНСКА

В.В. Марков

Смоленский историко-литературный журнал «СтранникЪ»
(Смоленск, Россия)
e-mail: vladrmarkoff@yandex.ru

Авторское резюме

В статье рассматривается вопрос о месте и времени возникновения древнерусского города Смоленск и показывается, что княжескому, христианскому Смоленску (расположенному на современном месте) предшествовал Смоленск языческий, родоплеменной. Этим древним Смоленском было Гнездовское поселение — столица смоленских кривичей. По археологическим материалам Центрального городища можно выделить этапы развития Гнездовского поселения: в не потревоженных местах верхняя часть культурного слоя состояла из исключительно гончарной керамики X — начала XI вв. Ниже следовал достаточно тонкий слой смешанной керамики, а перед самым материком начинался также тонкий слой с исключительно лепной керамикой, которая, вероятно, заполняла все углубления Центрального городища (как хозяйственные ямы, так и полуземлянки). Вне всякого сомнения, смоленскими археологами в нижней части культурного слоя была найдена лепная роменская (славянская) керамика близкая лепной керамике из длинных курганов, что указывает на то, что начинало свою историю Гнездово как славянское поселение.

Ключевые слова: Гнездово, Смоленск, археология, славяне, варяги, балты, роменская культура, культура длинных курганов.

ONCE AGAIN ABOUT WHEN AND WHERE SMOLENSK ORIGINATED

Vladimir Markov

Smolensk historico-literary magazine «Strannik» (Smolensk, Russia)
e-mail: vladrmarkoff@yandex.ru

Abstract

The article discusses the place and time of the emergence of the ancient Russian city of Smolensk and shows that the princely, Christian Smolensk (located at its current place) was preceded by a pagan, tribal Smolensk. Equivalent of this tribal Smolensk was Gnezdovo settlement – a center of the Smolensk Krivichs. Based on the archaeological materials from the Gnezdovo's citadel (Central Gorodishche), development of the Gnezdovo settlement can be separated into three stages. The upper part of the cultural layer in the undisturbed places consisted exclusively of potter's wheel ceramics of the 10th - early 11th centuries. Below was a fairly thin layer of mixed ceramics; and at the very bottom was a thin layer with exclusively hand-built ceramics, which probably filled all the recesses of the Central Gorodishche (both utility pits and semi-dugouts). Without a doubt, in the bottom cultural layer Smolensk archaeologists found the Romny-style (Slavic) hand-built ceramics similar to the hand-built ceramics from the Long Barrow Culture, which indicates that Gnezdovo began its history as a Slavic settlement.

Keywords: Gnezdovo, Smolensk, archaeology, Slavs, Varangians, Balts, Romny-Borshevo Culture, Long Barrow Culture.

* * *

В настоящее время уже не только среди специалистов, но и в более широких кругах людей неравнодушных к своей истории известно, что еще в дореволюционное время были сформулированы три гипотезы возникновения Смоленска.

Первая гипотеза была оформлена в 1900 г. после проведения раскопок в Гнездове смоленским священником и археологом-любителем Г.К. Бугославским и заключалась в том, что гнездовские курганы в древности являлись языческим кладбищем Смоленска, всегда находившемся на одном и том же (современном) месте (Бугославский 1909: 12). Несмотря на то, что дореволюционное и довоенное изучение Гнездова показало ее полную несостоятельность (Алексеев 1977: 83–91; 1980: 5–15, 135–147; Шмидт 1999: 105–117; 2000: 17–29), Д.А. Авдусин принял ее на вооружение и в течение двух десятков лет пытался доказать (Авдусин 1953: 123–137; 1953а: 111–117; 1957: 183).

Вторая гипотеза возникновения Смоленска была озвучена в 1902 г. археологом В.И. Сизовым. Он считал, что поселения на территории Гнездова и исторического центра современного Смоленска существовали одновременно (Сизов 1902: 125–126). Учитывая накопленный археологический материал и уровень современных знаний, можно констатировать, что сейчас и эта гипотеза выглядит весьма неубедительно. Во-первых, в центральной (древней) части современного Смоленска так до сих пор и не найдено ни следов культурного слоя IX–X вв., ни остатков оборонительных сооружений, относящихся к этому периоду, ни языческого кладбища, между тем, как в Гнездове все это имеется. Во-вторых, вызывает большое сомнение сама возможность параллельного существования, по меткому замечанию Л.В. Алексеева — удвоенного Смоленска, на столь малом расстоянии друг от друга (всего 9–12 км) (Алексеев 1980: 143).

Третья гипотеза возникновения Смоленска была сформулирована в 1905 г. крупнейшим дореволюционным специалистом в области славянской и русской археологии А.А. Спицыным. Он первым предположил, что огромный Гнездовский могильник остался от древнейшего Смоленска, располагавшегося тогда в Гнездове, а не на современном месте (Спицын 1905: 7–8). Эта гипотеза, по нашему мнению, наиболее перспективна, т.к. в ее пользу свидетельствует как множество археологических фактов, так и сама логика возникновения и развития этого поселения. Совершенно очевидно, что княжескому, христианскому Смоленску (расположенному на современном месте) предшествовал Смоленск языческий, родоплеменной. И Гнездовское поселение практически идеально соответствует дохристианской, родоплеменной столице смоленских кривичей (Шмидт 1998: 28–29; 2011: 20–21).

Несмотря на то, что еще в советский период большинство ученых склонялось к принятию гипотезы А.А. Спицына о том, что древнейший Смоленск начал формироваться в Гнездове, до недавнего времени с этим были категорически не согласны члены Смоленской археологической экспедиции МГУ и ГИМа, изучающие Гнездовский археологический комплекс. Только в первой половине десятых годов XXI в. они, кажется, также стали склоняться к этой гипотезе (Пушкина 2012; Мурашева 2012. См. также: Ениосова, Пушкина 2016: 264–265; Каинов 2015: 121–125). Таким образом, сейчас практически не осталось специалистов, изучающих проблему возникновения Смоленска и имеющих возражения по поводу того, что раннее поселение, которое следует связывать со Смоленском, появилось именно в Гнездове. Поэтому не будем в данной работе останавливаться на этом уже решенном вопросе и далее сосредоточим все внимание на до сих пор окончательно не проясненном вопросе о времени возникновения древнего поселения в Гнездове.

В результате изучения Гнездовского археологического комплекса было выяснено, что население древнего Гнездова было полиэтнично. Основную его часть составляли славяне (причем пришедшие из разных мест Восточной и Центральной Европы), гораздо менее значительную, но, вероятно, более привилегированную группу составляли скандинавы (недавно появилась гипотеза о том, что и скандинавы, жившие в Гнездове, были выходцами из разных районов Скандинавии: Марков 2012: 202–213). Третьей, самой незначительной группой населения Гнездова, проживание которой здесь в древности до сих пор находится под вопросом, возможно, являлось древнее коренное балтское население Верхнего Поднепровья и Подвинья (Культура смоленско-полоцких длинных курганов, КСПДК) (Пушкина 1974а: 89–90).

К сегодняшнему времени наиболее изученными являются найденные в Гнездове при раскопках вещевые комплексы, относящиеся к кругу скандинавской культуры. Поэтому, в первую очередь, обратим на них свое внимание. Сразу же следует отметить, что в датировках наиболее ранних скандинавских комплексов исследователями до сих пор не было достигнуто единого мнения. К наиболее ранним захоронениям традиционно причисляют курганы № 47 (Авдусин 1957: 120–125; Авдусин 1952: 96, 98–102), № 38 (Авдусин 1952а: 362–364) (там, возможно, была погребена женщина с о. Готланд: Марков 2011: 159), № 13 (Авдусин 1951: 77–79; 1952а: 334–340) из Лесной группы и № 15 (4) (Путь 1996: 53) из Центральной группы.

Курган № 47 четырехугольной пирамидальной формы с плоской вершиной был раскопан экспедицией Д.А. Авдусина в 1950 г. В результате анализа вещевого комплекса этого погребения разные исследователи пришли к различным выводам о времени его возведения. Например, С.С. Ширинский считает, что его могли возвести во второй четверти IX в. (Ширинский 1997). Г.С. Лебедев предположил, что этот курган могли насыпать в середине IX в. (Лебедев 2002: 24). Другие исследователи склоняются к тому, что это погребение конца IX в. (Зоценко 2001: 121–122). Сам Д.А. Авдусин, на основании того, что две урны из этого погребения были изготовлены на примитивном гончарном круге (позднее было установлено их причерноморское происхождение: Кирпичников, Дубов, Лебедев 1986: 224) отнес его к середине X в.

(Авдусин 1974: 82–83). Последователи Д.А. Авдусина датируют это погребение самым поздним временем: второй четвертью — серединой X в. (Каинов 2001: 60–61).

Курган № 38, такой же, как и № 47 пирамидальной формы с плоской вершиной был раскопан Д.А. Авдусиным в 1949 г. Первоначально он датировал это погребение концом IX в. (Авдусин 1951: 79; 1952а: 320). Затем, без особых мотивировок передатировал его X в. (Булкин, Назаренко 1971: 14; Алексеев 1980: 141). Современные же последователи Д.А. Авдусина датируют это захоронение второй четвертью — серединой X в. (Каинов 2001: 60–61).

Захоронение в кургане № 13 первоначально было датировано Д.А. Авдусиным первой четвертью X в. (Авдусин 1952а: 321). Затем он передатировал его серединой X в. (Авдусин 1967: 238; Булкин, Назаренко 1971: 14). Позднее ученица Д.А. Авдусина, Т.А. Пушкина, вновь проанализировала вещевой инвентарь и передатировала это захоронение вторым десятилетием X в. (Пушкина 1991: 232). В настоящее время сотрудником Смоленской археологической экспедиции В.С. Нефедовым датировка вновь пересмотрена в сторону некоторого омоложения: «погребение было совершено во второй четверти — середине X в., скорее всего не ранее 930-х годов» (Нефедов 2001: 65).

Курган № 15 (4) был раскопан в центральной части Центральной группы в 1874 г. М.Ф. Кусцинским. В 1967 г. Д.А. Авдусин посвятил этому захоронению специальную статью (Авдусин 1967б: 21–25). В этой статье, не соглашаясь с А.Н. Кирпичниковым, он приходит к выводу, что «датировка кургана № 15, видимо, более близка к середине этого столетия (X в. — авт.), чем к его началу» (Авдусин 1967б: 25). Ленинградскими исследователями В.А. Булкиным и В.А. Назаренко, не согласными с выводами Д.А. Авдусина, была написана специальная полемическая статья, в которой была предложена другая дата времени его возведения: вторая половина IX в. (Булкин, Назаренко 1971: 14–15). Позднее полемизирующие стороны, вероятно, сошлись на датировании этого погребения рубежом IX–X вв. (Путь 1996: 53). В настоящее время С.Ю. Каиновым датировка этого погребения вновь пересмотрена и омоложена: теперь это погребение датируется второй четвертью X в. (Каинов 2001: 60; Меч и златник: 84).

Таким образом, можно констатировать, что современные датировки московских ученых дают время появления скандинавской культуры в Гнездове не ранее второй четверти X в. Но, нужно также подчеркнуть, что такие датировки, несомненно, входят в противоречие с уже доказанным фактом о формировании первоначального Смоленска именно в Гнездове. Из русских летописей известно, что в 882 г. «*поиде Олег, поим воя многи, варяги, чюдь, словени, мерю, весь, кривичи, и приде к Смоленьску с кривичи, и прия град, и посади мужь свои*» (Кондрашенков 1982: 6. См. также: ПВЛ 2012: 19). Очевидно, что скандинавские артефакты появляются в Гнездове не позднее рубежа IX–X вв. В этой связи, интересно, что уключина от скандинавского корабля, найденная в старице Днепра возле Центрального поселения участниками Смоленской археологической экспедиции, почему-то датируется ими началом X в.

(Меч и златник 2012: 91). Значит ли это, что в самом начале X в. скандинавы приплывали в Гнездово, но там постоянно не жили?

Следует также заметить, что как в погребальном инвентаре, форме насыпи, так и в самом характере скандинавской культуры (Булкин 1975: 134–145; 1975а: 81–84) имеются некоторые различия между погребениями в четырехугольных пирамидальных курганах Лесной группы (всего их три (Лявданский 1924: 9–10; 2002: 192), два из них изучены), которые некоторые исследователи считают ранними большими (Авдусин Д.А. 1951: 81; Зоценко 2001: 121–122) и большими курганами Центральной группы. Очевидно, что между периодом возведения этих погребальных комплексов должен был быть достаточный временной разрыв. Но, в современных датировках ученых из Смоленской археологической экспедиции этого не прослеживается. Подводя итог нашему небольшому анализу, можно с сожалением констатировать, что время возникновения древнего поселения в Гнездове или хотя бы появления там скандинавов по последним датировкам московских специалистов выяснить невозможно. На наш взгляд, такой неутешительный результат получается вследствие в значительной степени тенденциозных датировок раннего скандинавского материала, полученного в результате археологических раскопок в Гнездове.

Перейдем теперь к рассмотрению остатков материальной культуры другой этнической общности — балтов (КСПДК), представители которой также, возможно, проживали в древности в Гнездове. О находках здесь керамики и отдельных украшений, входивших в костюм женщин культуры длинных курганов, первым написал Е.А. Шмидт (Шмидт 1970а: 106–107; 1974: 159). Он же убедительно доказал балтское происхождение этого женского костюма (Шмидт 1970: 219–235). Бытование данной культуры на территории Верхнего Поднепровья и Подвинья датируется в целом началом VIII — началом или первой половиной (может быть серединой) X в. (Шмидт 1968: 226; 1999: 111–112; 2008: 31–32; 2012: 60–62; Булкин, Лебедев, Дубов 1978: 21–24; Енуков 1990: 13, 127–130), хотя не отрицается факт того, что в некоторых удаленных местах памятники этой культуры могли существовать и позднее, вплоть до начала XI в. (Енуков 1990: 130; Сергеева 1984: 83; Шмидт 2012: 21, 61–62; Олейников 2007: 166–184; Успенская 1983: 79–135).

Следует заметить, что таких датировок придерживаются не все исследователи, например, В.С. Нефедов и Н.В. Ениосова, настаивают на том, что КСПДК появляется на территории Верхнего Поднепровья и Подвинья не ранее второй половины VIII в. (Нефедов 2000: 191–197; Ениосова 2001: 211). Но эти взгляды противоречат ставшим известными в результате археологических раскопок фактам. Прежде всего, тому, что представители культуры длинных курганов очень часто селились и устраивали свои кладбища на местах поселений Тушемлинской культуры, прежде чем эти освоенные прежде места успевали зарасти лесом (Шмидт 1968: 226; 1983: 78, 161, 163–164; 2005а: 33; 2008: 13; 2012: 29; Енуков 1990: 128). Известно, что в Верхнем Поднепровье и Подвинье Тушемлинская культура прекратила свое существование не позднее рубежа VII–VIII вв. (Шмидт 1976: 34; 2003; 2008: 11, 59). А в лесной зоне Восточной

Европы небольшие освоенные и затем заброшенные территории совершенно зарастают лесом приблизительно в течение 30–40 лет. Таким образом, очевидно, что представителями культуры длинных курганов территория Верхнего Поднепровья и Подвинья начала заселяться в первой половине VIII в., а не позднее.

Е.А. Шмидт пишет: «В период расселения племен культуры длинных курганов район Гнездова, ранее обжитой с весьма благоприятными природными условиями, привлек внимание пришельцев. На сухих песчаных участках правого берега Днепра по обе стороны от устья р. Свинки формируется поселение. Об этом свидетельствуют многочисленные находки лепной керамики нового типа. <…> Аналогичная керамика по форме и характеру орнаментации найдена практически во всех раскопанных длинных курганах в Смоленском Поднепровье, и ее бытование охватывает период VIII — начала X вв. Время ее появления в Гнездове, а следовательно, и начало функционирования поселения с археологической культурой длинных курганов точно определить пока нет достаточных оснований из-за недостаточной изученности гнездовских поселений. <…> Пока нет доказательств непрерывного существования поселений в Гнездове с начала VIII в. и до конца IX в., но одно несомненно, поселение, включающее жителей культуры длинных курганов, в IX в. здесь было» (Шмидт 1999: 113–114).

Подобных взглядов придерживается и Ф.Э. Модестов, который считает, что деревня КСДК возникла в Гнездове «приблизительно в конце VIII в.» (Модестов 1999: 190). Следует заметить, что взгляды как Е.А. Шмидта, так и Ф.Э. Модестова выглядят недостаточно убедительно ввиду того, что среди огромного количества раскопанных в Гнездове курганов (более 1200) до сих пор не зафиксировано ни одного ярко выраженного погребения культуры длинных курганов. Отдельные украшения, носившиеся балтскими женщинами, представительницами КСПДК были найдены лишь в трех курганах (Ениосова 2001: 207). Кроме того, часть найденных на Центральном поселении украшений, характерных для памятников КСПДК (Ениосова 2001: 207), несомненно, вторично использовалась (Ениосова 2001: 211, 212, 215–216; Авдусина, Ениосова 2001: 95. Рис. 5).

Вторичное использование балтских женских украшений в качестве ювелирного лома, вероятно, было связано с существовавшими на Центральном поселении (на юго-западе Центрального селища) в X в. ремесленными мастерскими (Ениосова 2001: 216; Вешнякова, Булкин 2001: 45, 48. Рис. 9; Булкин, Лебедев, Дубов 1978: 50–51). В то же время, также несомненно, что в древнейшей бронзолитейной мастерской раскопанной И.И. Ляпушкиным в 1967–1968 гг. там же, на юго-западе Центрального селища какое-то время производились сами украшения КСПДК (Ляпушкин 1971: 36). Нельзя только согласиться с предположением Н.В. Ениосовой о том, что балтские украшения и производились и являлись цветным ломом одновременно (Ениосова 2001: 212). Очевидно, что и производиться и быть ювелирным ломом для других изделий одновременно украшения КСПДК не могли. Можно думать, что вначале в древнейшей ремесленной мастерской такие украшения производились (Ениосова 2001: 212–216), а уже, возможно, позднее изделия из этой

же мастерской и другие подобные стали служить в качестве металлолома в других появившихся позднее мастерских. С чем это могло быть связано?

Как кажется, ответ на этот вопрос также очевиден. Прекращение функционирования древнейшей бронзолитейной мастерской было, вероятно, связано, прежде всего, с деградацией и угасанием в Смоленском Поднепровье и Подвинье балтской культуры длинных курганов и постепенным переходом ее носителей (женщин) на славянские типы украшений, которое, усилившись в конце IX в. (Шмидт 2012: 62; Енуков 1990: 130), окончательно завершилось к середине следующего столетия (Енуков 1990: 61–62, 79–80; Шмидт 2001: 37–38; 2005а: 33, 107; 2008: 58). Ведь именно на женскую часть сельского населения представителей этой культуры и было рассчитано ювелирное производство, налаженное в бронзолитейной мастерской на юго-западе Центрального селища.

Когда же могла появиться мастерская по изготовлению женских балтских жгутовых венчиков на юго-западе Центрального селища в Гнездове? Несомненно, что это произошло не в X в. (Ениосова 2001: 211, 212, 217), как считает Н.В. Ениосова и другие участники Смоленской археологической экспедиции, а несколько ранее. Хорошо известно, что раскопавший эту бронзолитейную мастерскую И.И. Ляпушкин датировал ее IX в. (Ляпушкин 1971: 36–37). В то же время крупнейший специалист по КСПДК Е.А. Шмидт считает, что в Смоленском Поднепровье и Подвинье «после середины IX в. в моду входят также венчики жгутового типа, хотя целиком и не вытесняют венчики ленточного типа («вайнаг» — авт.)» (Шмидт 2012: 46, 78).

В связи с вышеизложенным имеются все основания предполагать, что моду на жгутовые венчики сформировало в Смоленском Поднепровье и Подвинье именно функционирование бронзолитейной мастерской на юго-востоке Центрального селища в Гнездове. Можно думать, что производство там было налажено в 50-е гг. IX в., а его прекращение, связанное, в первую очередь с быстрым снижением спроса на женские балтские украшения (жгутовые венчики) произошло в начале X в., сомнительно, чтобы эти украшения производились там позднее. Интересно, что украшения характерные для женщин КСПДК производились в Гнездове, вероятно, выходцами из Скандинавии (Минасян 2006: 8–9, 16–19; Ениосова 1997; Вешнякова, Булкин 2001: 45–47). Причем, вероятно, эта древнейшая бронзолитейная мастерская на юго-западе Центрального поселения могла быть основана скандинавами, выходцами с о. Готланд (Марков 2011: 159–160; 2012: 208. См. также: Ениосова 2002: 9).

Таким образом, очевидно, что в Гнездове (языческом Смоленске) уже в ранний период его существования мы сталкиваемся с очень сложным переплетением различных этнических культур. Можно еще добавить, что Н.В. Ениосова и Т.А. Пушкина на основании того, что «на территории гнездовского поселения неизвестны слои, которые можно было бы сопоставить с материалами селищ длинных курганов (“ранних кривичей”), а среди гнездовских погребений мы не можем назвать ни одного, совершенного в соответствии с традициями этого населения <…> Поселение,

этническую неоднородность которого признавал и сам Л.В. Алексеев, никак не могло быть племенным центром» (Ениосова, Пушкина 2016: 264).

К сожалению, пока это всего лишь письменная трактовка, хотя Центральное городище — наиболее ранняя часть Центрального поселения — к настоящему времени целиком раскопано на снос, но до сих пор не опубликовано ни подробного послойного анализа вещевого материала, полученного здесь в результате раскопок, ни вообще каких бы то ни было топографических и археологических планов и схем. Ввиду этого, невозможно даже приблизительно сказать проживали ли в древности на Центральном поселении представители КСПДК или нет, и ими ли было основано здесь поселение.

Теперь перейдем к рассмотрению собственно славянских древностей, полученных в результате более чем столетнего изучения Гнездовского археологического комплекса. Первым исследователем, который обратил внимание на славян и описал в своем научном труде остатки их материальной культуры (прежде всего керамику), полученные почти исключительно в результате раскопок гнездовских курганов, был В.И. Сизов. Причем, он отметил как неоднородность славянского населения Гнездова, так и малоинвентарность (безинвентарность) погребений с древней лепной керамикой (Сизов 1902: 101–114). Он также был первым, кто описал древнейшие славянские (роменские) захоронения в Гнездове (Сизов 1902: 29–30, 32, 107) и отметил близость лепной керамики из древнейших захоронений Гнездова с керамикой из длинных курганов Смоленщины (Сизов 1902: 105). В.И. Сизов также обратил внимание на то, что в Лесной группе «более крупные курганы и с более полным инвентарем встречаются более в южной части могильника, ближе к Днепру» (Сизов 1902: 32–33). На основании этого наблюдения В.И. Сизов сделал неправильный вывод о том, что расширение лесного могильника происходило с юга на север (Сизов 1902: 32–33).

В 1924 г. А.Н. Лявданский составил подробнейшее описание Гнездовского археологического комплекса, в том числе и Лесной группы. Он отметил, что в западной широкой части группы курганы расположены очень густо, почти слитно, тогда как в остальных частях они реже, и имеют круглую форму с куполообразной вершиной (Лявданский 1924: 9; 2002: 191). Наблюдения В.И. Сизова и А.Н. Лявданского поддержал и развил И.И. Ляпушкин, который писал: «В целом лесная группа, по-видимому, мало отличается от курганов с трупосожжением лесостепной зоны. Здесь курганы с сожжениями на месте чаще всего расположены большими группами и сопровождаются гончарной керамикой; курганы с трупосожжениями за пределами насыпей вещей почти не содержат, а керамика преимущественно лепная. <…> В отличие от курганов с трупосожжением на месте насыпи, в курганах с трупосожжением на стороне керамика лепная. Это дает основание заключить, что курганы с трупосожжением на стороне хронологически предшествуют курганам с сожжением на месте. Такое же соотношение наблюдается и среди могильных памятников лесостепи. Найденная при раскопках курганов этого типа лепная керамика по своему облику (характеру теста, профилировки, орнаментации и

другим признакам) очень близка собственно роменской посуде VIII–IX вв. Исходя из этой керамики, и следует датировать основную массу курганов этой группы. <…> Полагаем, что датировка, основанная на таком массовом материале, как керамика, будет более правдоподобной. К этой же группе курганов, по-видимому, следует отнести и какую-то часть Гнездовского могильника, где лепная керамика роменского и близкого ей типа представлена довольно широко, о чем можно судить по данным раскопок последних лет» (Ляпушкин 1966: 133. См. также: Авдусин 1952а: 311–367; Ляпушкин 1958).

В дальнейшем идеи И.И. Ляпушкина поддержали: В.А. Булкин, В.А. Назаренко, А.Н. Кирпичников, И.В. Дубов, Г.С. Лебедев, Л.В. Алексеев, Е.А. Шмидт (Булкин 1970: 209–210; 1973: 120–121; Булкин, Назаренко 1971: 15–16; Булкин, Лебедев, Дубов 1978: 35–36; Кирпичников, Дубов, Лебедев 1986: 224; Шмидт 1970а: 102–104, 107; Алексеев 1980: 11, 139). Причем, эти и другие исследователи во многом независимо друг от друга пришли к выводу о том, что первоначальный языческий Смоленск начал формироваться именно в Гнездове (Алексеев 1980: 144–145). Получили и дальнейшее развитие идеи И.И. Ляпушкина о том, что возникновение поселения в Гнездове было связано именно со славянами: «В пределы территории носителей КСПДК, видимо, к середине IX в. постепенно расселяются славянские племена: на Двине — славяне-полочане и на Днепре — условно назовем их “смоляне”, так как в летописи их собственное название не упомянуто. Первоначально они основывали укрепленные поселения вдоль главных путей на берегах рек, которые стали опорными пунктами колонизации и затем постепенно превратились в города: Полоцк, Смоленск (Гнездово), Витебск и др.» (Шмидт 2012: 79).

Когда же первые славяне появились в Верхнем Поднепровье и Подвинье? Очевидно, что при сегодняшних знаниях и понимании происходивших в VIII–IX вв. на этой территории (да и не только на этой) процессов точное определение вряд ли возможно, но, например, В.В. Енуков предполагает, что это, вероятно, могло произойти где-то во второй половине VIII в. (Енуков 1990: 128–129). Е.А. Шмидт пишет более определенно: «После рубежа VIII и IX вв. увеличился приток славянского населения, которое основывало поселения на Двине и Днепре, ставшие опорными пунктами славянской колонизации земель Krieva. В частности такое поселение в это время возникло в Гнездове (первоначальный Смоленск)…» (Шмидт 2012: 120–121).

Имеющиеся к данному моменту факты позволяют с достаточной степенью вероятности предполагать, что первым опорным пунктом славянской колонизации в Верхнем Поднепровье и Подвинье явилось поселение в Гнездове. Какие же это факты? Прежде всего, упомянутые выше древнейшие славянские (роменские) безурновые и урновые захоронения в верхней части маленьких полусферических курганчиков в западной широкой части Лесной группы, севернее железной дороги. Причем, по нашему мнению, южную и юго-восточную границы этого древнейшего

ядра Лесной группы отмечают т.н. ранние большие четырехугольные пирамидальные курганы с плоскими вершинами.

На рубеже 90-х и 2000-х гг. автор данной статьи видел подобное захоронение в западной широкой части Лесной группы своими глазами. Здесь черными археологами небольшим колодцем был раскопан куполообразный центр маленького полусферического курганчика. В стенке колодца было прекрасно видно строение курганной насыпи. Сразу под дерном, примерно на глубине 10–15 см прослеживался черный жирный углистый горизонтальный слой толщиной около 5 см насыщенный мелкими белыми кальцинированными косточками, ниже до самой подошвы кургана шел только песок, из которого состояла насыпь[1]. Другие аналогичные и подобные захоронения опубликованы: Ляпушкин 1968а: 85–87, 111–116; Соловьева 1956: 140; 1970: 98–101; Падин 1970: 97–98; Славяне 1990: 275–278.

Следует заметить, что сначала Д.А. Авдусин, а затем его ученики и последователи отрицали и продолжают отрицать, что славянские невыразительные захоронения в Лесной группе в маленьких полусферических курганах относятся к раннему периоду существования роменской культуры (Пушкина 1974а: 12–13). Д.А. Авдусин вообще считал, что «курганов IX в. в Гнездове нет вовсе» (Авдусин 1967а: 75; 1972: 161), а «малоинвентарность и безинвентарность погребений, вопреки И.И. Ляпушкину, мы склонны считать скорее признаком этническим, чем временным» (Авдусин, Пушкина 1982: 77). Хотя все же, даже Д.А. Авдусин признавал, что «наличие на Центральном городище ям с лепной керамикой согласуется с наибольшим процентом лепной посуды в Лесных курганах. В них и на городище найдены вещи одного типа, например ременные бляшки одного рисунка, наконечники ножен одного типа и других предметов сходных форм и одинаковых дат. Если Лесная группа соответствует уже ранним слоям городища и существует до конца курганного обряда, то ее период функционирования наибольший, что объясняет ее огромные размеры» (Авдусин, Пушкина 1982: 79). В другом месте Д.А. Авдусин добавляет, что «по своим характерным особенностям эти находки принадлежат в первую очередь славянским культурам» (Авдусин 1982: 18). В то же время Т.А. Пушкина замечает, что «пока не удается выделить славянский элемент среди гнездовского населения по материалам погребений, поскольку обряд не имел специфических черт» (Пушкина 1996: 23). И это пишется после почти семидесяти лет изучения Гнездовского археологического комплекса Смоленской экспедицией МГУ и ГИМа!

Интересно, что до сих пор не совсем понятно, что же собой представляли эти загадочные ямы Центрального городища, наполненные лепной керамикой. Автор данной статьи, участвовавший в раскопках на Центральном городище и селище в 1980–1983 гг. был очевидцем того, что вероятно, какая-то часть из них являлась

[1] Отметим, что сама возможность случайно увидеть такое уникальное захоронение свидетельствует о том катастрофическом состоянии, в котором в настоящее время пребывает Гнездовский археологический комплекс.

древними жилыми полуземлянками роменцев. Впрочем, рисовавшиеся тогда во множестве планы, профили, схемы и пр. до сих пор так нигде и никогда не были опубликованы. А, например, бессменная участница Смоленской экспедиции с конца 1970-х гг. XX в. В.В. Мурашева, к тому же долгое время работавшая на Центральном городище, и вовсе утверждает, что на Центральном поселении вообще не было никаких славянских полуземлянок (Мурашева 2012).

Перейдем теперь к Центральному поселению и попытаемся разобраться, когда и кем оно могло быть основано. Вначале следует заметить, что еще в дореволюционное и довоенное время было установлено, что на Центральном поселении имеется культурный слой одновременный курганам (Алексеев 1980: 7–11). Но, несмотря на это на протяжении почти 20-ти лет, с начала 1950-х гг., Д.А. Авдусин пытался безуспешно доказать, что на Центральном поселении такой культурный слой отсутствует (об этом написано в начале статьи). «Так наука была возвращена к старому голословному утверждению местного краеведа Г.К. Бугославского о том, что Гнездово — некрополь Смоленска, расположенного на современном месте, и историки были вынуждены следовать за “новыми” открытиями археологов» (Алексеев 1980: 10).

Ситуация в изучении Гнездова кардинально меняется только после проведения раскопок в Гнездове, на юго-западе (стрелке) Центрального селища И.И. Ляпушкиным в 1967–1968 гг. В результате проведенных исследований И.И. Ляпушкин пришел к выводу, что совокупность полученных «данных уже сейчас, до проработки всего добытого при раскопках материала, позволяет сделать ряд предварительных выводов: 1) несомненно, что на исследованной территории нами обнаружены остатки древнего, очевидно неукрепленного поселения, т.е. селища; 2) по характеру керамических остатков, в первую очередь обломков лепной посуды, поселение было основано славянами, по культуре весьма близкими славянам лесостепной полосы второй половины I тысячелетия н.э.; 3) поселение возникло не позже начала IX в.» (Ляпушкин 1968: 44).

В другой своей работе И.И. Ляпушкин делает предварительные выводы, основанные на результатах раскопок 1967 г.: «Весьма важным следует признать находку стратиграфически хорошо выраженного закрытого комплекса (под слоем глиняной вымостки) с остатками лепной глиняной посуды, еще раз свидетельствующего о том, что в жизни поселений был период господства лепной посуды. Это в определенной мере подтверждает близость, а тем самым в какой-то части и синхронность памятника с такими лесостепными поселениями, как Опошнянское, Новотроицкое, Хотомельское» (Ляпушкин 1969: 67).

В последней своей посмертной публикации, также посвященной результатам исследования древнего поселения в Гнездове И.И. Ляпушкин еще раз подтверждает, что «возникновение поселения, судя по материалам (в первую очередь по керамическим остаткам), относится ко времени никак не позднее начала IX в., а может быть даже к рубежу VIII–IX вв.» (Ляпушкин 1971: 37). Таким образом, И.И. Ляпушкин был первым, кто связал начало функционирования Центрального

поселения в Гнездове со славянами, пришедшими в Верхнее Поднепровье с юга, из каких-то районов лесостепной зоны. Им также было указано и приблизительное время, когда это могло произойти: рубеж VIII — IX вв. или самое начало IX в.

После внезапной смерти в 1968 г. И.И. Ляпушкина археологические раскопки в Гнездове в 1970 г. возобновила Смоленская археологическая экспедиция. Работы на Центральном поселении были продолжены ученицей Д.А. Авдусина, Т.А. Пушкиной, которая в своей ранней публикации частично признала правоту И.И. Ляпушкина. Но это коснулось разве что только хронологического периода, которым могла быть датирована лепная керамика, найденная на Центральном поселении в целом (IX–X вв.) (Пушкина 1973: 92). С генетической близостью, найденной в Гнездове лепной керамики и лепной керамики славян лесостепной зоны (роменцев) она была категорически не согласна: «Как отмечалось, некоторые исследователи указывали на сходство ряда гнездовских лепных сосудов с формами роменско-боршевской керамики. Однако лепная керамика Гнездова не имеет в тесте примеси шамота, характерного для роменской посуды; не встречена орнаментация лепных сосудов линиями или волной, что имеется на сосудах роменско-боршевской культуры. Украшенные различными вариантами отпечатков веревочки сосуды известны на очень широкой территории, что отмечал и сам И.И. Ляпушкин: в Старой Ладоге, в курганах Ярославского Поволжья, на Асотском городище в Латвии, в Швеции, Чехословакии, Польше, в курганах Белоруссии, на многих памятниках VIII–IX вв.» (Пушкина 1973: 92).

Интересно, что не найдя изготовленной в Гнездове лепной посуде никаких аналогий в лепной посуде роменцев Т.А. Пушкина сумела найти прямые аналогии лепной керамике Гнездова в керамике Тушемлинской культуры, которая как было уже отмечено выше прекратила свое существование на территории Верхнего Поднепровья и Подвинья не позднее рубежа VII–VIII вв., не оставив в более поздней материальной культуре практически никаких следов (Шмидт 2003; 2008: 58–60; 2012: 28): «Итак, лепная керамика Гнездовского селища разделена на две основные группы. Группу слабопрофилированной керамики, вероятно, следует считать наиболее ранней и в значительной степени связанной с балтским населением, оставившим памятники типа Тушемли и некоторые длинные курганы. Правда, хронологические рамки ближайших аналогий определяются значительным периодом: VII — начало X в. Эта группа незначительна и составляет всего около 16% всей лепной керамики селища» (Шмидт 2012: 92). Следует заметить, что несколько фрагментов тушемлинской керамики и некоторые тушемлинские вещи (железные серп и нож) были обнаружены Е.А. Шмидтом только в полах и основаниях некоторых курганов в южной части (за железной дорогой) Лесной группы и датированы им IV–VII вв. (Шмидт 1974: 154–155. См. также: Шмидт 1999: 109–110, 113. Рис. 30; 2003: 72, 73, 242. Табл. 15 (4); 2005: 215, 223. Илл. 5).

В это же время продолжалось изучение и Центрального городища. Причем, как Д.А. Авдусин, так и Т.А. Пушкина, пришли к выводу, что «древнейшая часть Гнездова — Центральное городище» (Авдусин 1982: 18). Т.к. «концентрация лепной

керамики и основной части находок дирхемов VIII–IX вв. на мысах обоих берегов Свинца позволяют достаточно уверенно говорить, что именно здесь расположены наиболее ранние части поселения» (Авдусин, Пушкина 1982: 79). Признавалось и существование на Центральном поселении древних углубленных в землю сооружений. Только как-то не совсем понятно, что может означать термин «подпольные ямы»? «В результате раскопок выявлены остатки наземных и углубленных сооружений различного назначения. Наземные постройки имели срубную конструкцию, иногда с применением столбов-стульев. В ряде случаев отмечены подпольные ямы. Форма углубленных в песчаный материк сооружений подпрямоугольная, иногда округло-вытянутая, глубина от поверхности материка 0,15 — 1,00 м. Стенки крепились деревом, следы которого прослеживаются в виде головней и углистых прослоек. Найденные остатки печей принадлежат двум типам: глинобитным и каменкам, встречены небольшие каменные очажки. <…> Оба типа сооружений существовали как на селище, так и на городище, при этом углубленные в землю сооружения сосредоточены на мысах террасы» (Пушкина 1974: 6–7).

Что бы не имела в виду Т.А. Пушкина, но, несомненно, одно, что на городище, также как и на Центральном селище, существовали углубленные в землю именно полуземлянки (только в отличие от Центрального селища, на городище, вероятно, это были жилые постройки), и доказательством этому являются исследованные И.И. Ляпушкиным на стрелке Центрального селища подобные сооружения (см.: Ляпушкин 1968: 44; 1969: 67; 1971: 36; Вешнякова, Булкин 2001: 42–47).

Вероятно, результаты исследований Смоленской археологической экспедиции несколько отличные о результатов экспедиции И.И. Ляпушкина позволили Т.А. Пушкиной несколько скорректировать начало функционирования поселения в Гнездове, датированное ранее И.И. Ляпушкиным началом IX в.: «…Наличие лепной керамики среди инвентаря курганов и углубленных сооружений может говорить не только о VIII–IX, но и о первой половине X в. Находки гончарных сосудов в малоинвентарных курганах датируют погребения второй половиной X в. Т.е. эти насыпи могли возводиться в течение VIII–X вв., но малочисленность погребений, совершенных на рубеже IX–X вв. и в начале X в. (из достоверно определимых по датирующим элементам) при сопоставлении с незначительным числом углубленных сооружений содержащих только лепную керамику, и крайней малочисленностью вещевых находок, имеющих аналогии на памятниках до X в., заставляют поднять нижнюю хронологическую границу до рубежа IX–X вв. При этом следует отметить характерную для Гнездова черту: долгое бытование ранних типов вещей и нахождение их в поздних комплексах» (Пушкина 1974: 13).

Вероятно, тщательно пересчитав все фрагменты найденной керамики, Т.А. Пушкина пришла к выводу, что «в заполнении материковых ям на территории Центрального городища лепная керамика преобладает (количество ее достигает 85%), но не является исключительной» (Каинов 2001: 61. См. также: Пушкина 1974а: 88, 90). Возможно, полученные результаты не устранили некоторого сомнения в правильности сделанных ранее выводов, а может быть, руководствуясь какими-либо

иными причинами, но, так или иначе, во время раскопок 2008–2012 гг. на Центральном городище Т.А. Пушкина решила вновь пересчитать все фрагменты найденной керамики: «Слой, объединяющий относительно четко определяемые наземные сооружения и связанные с ними хозяйственные ямы, характеризуется заметным преобладанием лепной керамики над круговой (до 85%). На одном из участков лепная керамика составила до 99%, а в заполнении материковой ямы — 100% от всего собранного материала» (Пушкина 2012: 207).

Необходимо заметить, что почти вся с такой тщательностью пересчитываемая Т.А. Пушкиной уникальная лепная роменская, в том числе орнаментированная керамика (фрагменты из культурного слоя), найденная на Центральном городище в начале 1980-х гг. без всякого изучения сразу же выбрасывалась в отвал (автор данной статьи видел это собственными глазами, т.к. в 1980–1983 гг. участвовал в работе Смоленской археологической экспедиции в Гнездове).

Дальше Т.А. Пушкина пишет, что «с одной из относительно поздних наземных построек микрогоризонта связана значительных размеров материковая яма правильной формы, которую можно рассматривать в качестве подпола (вновь фигурирует уже знакомый нам подпол — авт.), заполненную рухнувшей в нее обугленными остатками самой постройки и плотным скоплением перекаленных очажных камней. Из ямы происходит находка пятилучевого височного кольца раннего типа. Дату комплекса не ранее середины X в. определяет высокий процент круговой керамики, найденной в заполнении подпола» (Пушкина 2012: 207).

Интересно, что Н.В. Ениосова именно об этой «постройке» пишет: «Культурный слой на участке раскопа ЦГ — XXVI содержал два горизонта со следами мощных пожаров и пятна сгоревших наземных построек с развалами печей. Под ними залегали тонкие прослойки, образованные в результате локальных пожаров и неоднократного возобновления построек и хозяйственных ям» (Ениосова 2017: 96). Получается, что согласно Н.В. Ениосовой в этом месте, вероятно, была не одна «постройка», а несколько, которые вполне могли сооружаться в разные хронологические периоды? Н.В. Ениосова также уточняет, что «в заполнении ямы 37, перекрытой лежащей выше сгоревшей постройкой, чередуются углистые прослойки и прослойки гумусированного песка в перемешку с обожженными камнями — остатки сгоревших и рухнувших в нее деревянных конструкций. В этой яме зафиксирована только лепная керамика…» (Ениосова 2017: 96–97). А между тем, выше было отмечено, что Т.А. Пушкина датировала этот комплекс «не ранее середины X в.» по высокому проценту круговой керамики «найденной в заполнении подпола». Но написанное Н.В. Ениосовой этому явно противоречит, т. к. она указывает, что в этой «яме» была «только лепная керамика». В таком случае кому верить? Не вполне понятна и датирока этого копплекса, предложенная Н.В. Ениосовой: «Культурный слой отложился здесь не ранее середины X в., а возможно, и в первой четверти столетия» (Ениосова 2017: 97). Так «не ранее середины X в.» или, все же, «в первой четверти столетия»?

Таким образом, вышеизложенное со свей очевидностью свидетельствует о тенденциозности, и, вообще, неразберихе, связанной с исключительно письменными трактовками и комментариями, свойственными исследователям из Смоленской археологической экспедиции. К сожалению, они очень редко прибегают к публикациям подробного послойного анализа вещевого материала, полученного ими в результате раскопок, и вообще каких бы то ни было археологических планов, схем и профилей, в результате чего многие их утверждения остаются голословными. Может быть, это делается для тех специалистов-археологов и историков, которые сами никогда не участвовали в археологических раскопках в Гнездове и поэтому просто не знают реального строения культурного слоя на Центральном городище? А между тем, культурный слой на Центральном городище был достаточно прост. В не потревоженных местах верхняя часть культурного слоя состояла из исключительно гончарной керамики X — начала XI вв. Ниже следовал достаточно тонкий слой смешанной керамики, а перед самым материком начинался также тонкий слой с исключительно лепной керамикой, которая, вероятно, заполняла все углубления Центрального городища (как хозяйственные ямы, так и полуземлянки) (Марков 2011: 160–161). Кстати, Т.А. Пушкина производила раскопки именно в том месте, где сразу после Великой Отечественной войны, Е.А. Шмидт наблюдал в стенках, не обвалившихся еще немецких окопов прекрасно видные профили культурного слоя. Он свидетельствует, что в нижнем, предматериковом слое была только лепная керамика (Шмидт 2012а: 146. См. также: Пушкина 2012: 206).

Можно еще отметить, что в 1940 г., когда Центральное городище исследовалось археологами Н.В. Андреевым и Н.П. Милоновым, ими в раскопе на его юго-западной стороне (также практически вплотную с раскопом Т.А. Пушкиной: Пушкина 2012: 206–208) в нижней части культурного слоя была обнаружена лепная керамика. Причем, Н.В. Андреевым было отмечено, что «гончарная керамика, сделанная на ручном кругу, уступает по количеству лепной, аналогичной посудам из курганов с трупосожжением» (Андреев, Маковский 1948: 17). Также археологом было отмечено, что в то время как «в нижних слоях городища была найдена посуда грубой лепной формы (частично с орнаментом по краям)», в «верхних слоях» только гончарная (Андреев, Маковский 1948: 16–17). Вне всякого сомнения, смоленскими археологами в нижней части культурного слоя была найдена лепная роменская (славянская) керамика близкая лепной керамике из длинных курганов.

ЛИТЕРАТУРА

Авдусин 1951 — *Авдусин Д.А.* Раскопки в Гнездове // Краткие сообщения Института истории материальной культуры. 1951. XXXVIII.

Авдусин 1952 — *Авдусин Д.А.* Гнездовская экспедиция // Краткие сообщения Института истории материальной культуры. 1952. XLIV.

Авдусин 1952а — *Авдусин Д.А.* Отчет о раскопках Гнездовских курганов в 1949 году // Материалы по изучению Смоленской области. Вып. 1. Смоленск, 1952.

Авдусин 1953 — *Авдусин Д.А.* К вопросу о первоначальном месте Смоленска // Вестник МГУ. 1953. № 7.

Авдусин 1953а — *Авдусин Д.А.* Раскопки Гнездовских городищ в 1953 году // Вестник МГУ. 1953. № 11.

Авдусин 1957 — *Авдусин Д.А.* Отчет о раскопках Гнездовских курганов // Материалы по изучению Смоленской области. Вып. 2. Смоленск, 1957.

Авдусин 1967 — *Авдусин Д.А.* Археология СССР. М., 1967.

Авдусин 1967а — *Авдусин Д.А.* К вопросу о происхождении Смоленска и его первоначальной топографии // Смоленск. К 1100-летию первого упоминания города в летописи. Смоленск, 1967.

Авдусин 1967б — *Авдусин Д.А.* О датировке гнездовского кургана с мечом из раскопок М.Ф. Кусцинского // Культура и искусство Древней Руси. Л., 1967.

Авдусин 1972 — *Авдусин Д.А.* Гнездово и Днепровский путь // Новое в археологии. М., 1972.

Авдусин 1974 — *Авдусин Д.А.* Скандинавские погребения в Гнездове // Вестник МГУ. 1974. № 1.

Авдусин 1982 — *Авдусин Д.А.* Взлет и падение древнего Гнездова // Знание — сила. 1982. № 11.

Авдусин, Пушкина 1982 — *Авдусин Д.А., Пушкина Т.А.* Гнездово в исследованиях Смоленской экспедиции // Вестник МГУ. Серия 8 (история). 1982. № 1.

Авдусина, Ениосова 2001 — *Авдусина С.А., Ениосова Н.В.* Подковообразные фибулы Гнездова // Археологический сборник. М., 2001.

Алексеев 1977 — *Алексеев Л.В.* О древнем Смоленске // Советская археология. 1977. № 1.

Алексеев 1980 — *Алексеев Л.В.* Смоленская земля IX–XIII вв. М., 1980.

Андреев, Маковский 1948 — *Андреев Н.В., Маковский Д.П.* Доисторические и исторические памятники города Смоленска и его окрестностей. Смоленск, 1948.

Бугославский 1909 — *Бугославский Г.К.* О результатах изысканий Гнездовского могильника Смоленского уезда, произведенных 23 июня — 12 сентября 1899 г., и несколько слов о самом могильнике // Смоленская старина. Вып. 1. Смоленск, 1909.

Булкин 1970 — *Булкин В.А.* Типы погребального обряда в курганах Гнездовского могильника // Статистико-комбинаторные методы в археологии. М., 1970.

Булкин 1973 — *Булкин В.А.* О так называемых пустых курганах Гнездовского могильника // Краткие сообщения Института археологии. 1973. 135.

Булкин 1975 — *Булкин В.А.* Большие курганы Гнездовского могильника // Скандинавский сборник. Вып. XX. Таллин, 1975.

Булкин 1975а — *Булкин В.А.* Курган 7 из раскопок С.И. Сергеева в Гнездове // Краткие сообщения Института археологии. 1975. 144.

Булкин, Лебедев, Дубов 1978 — *Булкин В.А., Лебедев Г.С., Дубов И.В.* Археологические памятники Древней Руси IX–XI вв. Л., 1978.

Булкин, Назаренко 1971 — *Булкин В.А., Назаренко В.А.* О нижней дате Гнездовского могильника // Краткие сообщения Института археологии. 1971. 125.

Вешнякова, Булкин 2001 — *Вешнякова К.В., Булкин В.А.* Ремесленный комплекс Гнездовского поселения // Археологический сборник. М., 2001.

Ениосова 1997 — *Ениосова Н.В.* Ювелирные инструменты из раскопок в Гнездове // Тезисы докладов XIII конференции по изучению истории, экономики, литературы и языка Скандинавских стран и Финляндии. М., 1997.

Ениосова 2001 — *Ениосова Н.В.* Украшения культуры смоленско-полоцких длинных курганов из раскопок в Гнездове // Археология и история Пскова и Псковской земли. 2000. Псков, 2001.

Ениосова 2002 — *Ениосова Н.В.* Ювелирное ремесло раннегородского центра Гнездова // Вестник РГНФ. 2002. № 3.

Ениосова 2017 — *Ениосова Н.В.* «Жили в лесу, молились колесу…» (о новой находке скандинавского амулета из Гнездова) // Культурний шар. Статті на пошану Гліба Юрійовича Івакіна. К., 2017.

Ениосова, Пушкина 2016 — *Ениосова Н.В., Пушкина Т.А.* Гнездово как раннегородской центр эпохи формирования Древнерусского государства и некоторые вопросы его интерпретации //

Древнейшие государства Восточной Европы. 2014. Древняя Русь и средневековая Европа: возникновение государств. М., 2016.

Енуков 1990 — *Енуков В.В.* Ранние этапы формирования смоленско-полоцких кривичей. М., 1990.

Зоценко 2001 — *Зоценко В.Н.* Гнездово в системе связей Среднего Поднепровья IX-X вв. // Археологический сборник. М., 2001.

Каинов 2001 — *Каинов С.Ю.* Еще раз о датировке гнездовского кургана с мечом из раскопок М.Ф. Кусцинского // Археологический сборник. М., 2001.

Каинов 2015 — *Каинов С.Ю.* К вопросу о времени появления торгово-ремесленного поселения у дер. Гнездово // Восточная Европа в древности и Средневековье. Государственная территория как фактор политогенеза. XXVII Чтения памяти В.Т. Пашуто. М., 2015.

Кирпичников, Дубов, Лебедев 1986 — *Кирпичников А.Н., Дубов И.В., Лебедев Г.С.* Русь и варяги (русско-скандинавские отношения домонгольского времени) // Славяне и скандинавы. М., 1986.

Кондрашенков 1982 — *Кондрашенков А.А.* История Смоленской земли с древнейших времен до середины XVII в. Смоленск, 1982.

Лебедев 2002 — *Лебедев Г.С.* Славянский царь Дир // Родина. 2002. № 11–12.

Лявданский 1924 — *Лявданский А.Н.* Материалы для археологической карты Смоленской губернии. Смоленск, 1924.

Лявданский 2002 — *Лявданский А.Н.* Материалы для археологической карты Смоленской губернии // Смоленские древности (городища Смоленской земли). Вып. 2. Смоленск, 2002.

Ляпушкин 1958 — *Ляпушкин И.И.* Городище Новотроицкое. М.; Л., 1958.

Ляпушкин 1966 — *Ляпушкин И.И.* Археологические памятники славян лесной зоны Восточной Европы накануне образования древнерусского государства (VIII–IX вв.) // Культура Древней Руси. М., 1966.

Ляпушкин 1968 — *Ляпушкин И.И.* Новое в изучении Гнездова // Археологические открытия 1967 года. М., 1968.

Ляпушкин 1968а — *Ляпушкин И.И.* Славяне Восточной Европы накануне образования древнерусского государства (VIII — первая половина IX в.). Л., 1968.

Ляпушкин 1969 — *Ляпушкин И.И.* Исследования Гнездовского поселения // Археологические открытия 1968 года. М., 1969.

Ляпушкин 1971 — *Ляпушкин И.И.* Гнездово и Смоленск // Проблемы истории дофеодальной России. Л., 1971.

Марков 2011 — *Марков В.В.* Древний Смоленск — Центр «Средней Руси» или город-призрак? // Історична панорама. Збірник наукових статей. Вип. 12. Чернівці, 2011.

Марков 2012 — *Марков В.В.* Киевские князья Аскольд и Дир и первое упоминание Смоленска в Устюжском летописном своде // Славянский мир: письменность и культура. Смоленск, 2012.

Меч и златник 2012 — Меч и златник (Каталог выставки ГИМ). М., 2012.

Минасян 2006 — *Минасян Р.С.* Историческое значение поселения и могильников у деревни Гнездово // Россия. Взгляд через столетия (Каталог выставки). СПб., 2006.

Модестов 1999 — *Модестов Ф.Э.* Исторические и географические предпосылки возникновения Гнездова // Смоленск и Гнездово в истории России. Смоленск, 1999.

Мурашева 2012 — *Мурашева В.В.* Первые русы были скандинавами. 2012 [Электронный ресурс]. http://www.vesti.ru/doc.html?id=883054&cid=7 (Дата обращения — 23.08.2018).

Нефедов 2000 — *Нефедов В.С.* О времени возникновения культуры смоленско-полоцких длинных курганов // Археология и история Пскова и Псковской земли. Материалы научного семинара. 1996–1999. Псков, 2000.

Нефедов 2001 — *Нефедов В.С.* Археологический контекст «древнейшей русской надписи» из Гнездова // Археологический сборник. М., 2001.

Олейников 2007 — *Олейников О.М.* Культура длинных курганов Верхневолжского и Верхнеднепровского регионов // Тверской археологический сборник. Вып. 6. Тверь, 2007.

Падин 1970 — *Падин В.А.* Ранние курганы Кветунского могильника // Древние славяне и их соседи. М., 1970.

ПВЛ 2012 — Повесть временных лет. СПб., 2012.

Путь 1996 — Путь из варяг в греки и из грек… (Каталог). М., 1996.

Пушкина 1973 — *Пушкина Т.А.* Лепная керамика Гнездовского селища // Вестник МГУ. Серия 8 (История). 1973. № 3.

Пушкина 1974 — *Пушкина Т.А.* Гнездовское поселение в истории Смоленского Поднепровья (IX–XI вв.). Автореферат диссертации на соискание ученной степени кандидата исторических наук. М., 1974.

Пушкина 1974а — *Пушкина Т.А.* О Гнездовском поселении // Вестник МГУ. Серия 8 (История). 1974. № 1.

Пушкина 1991 — *Пушкина Т.А.* Торговый инвентарь из курганов Смоленского Поднепровья // Гнездово и Смоленск (к истории древнерусского города). М., 1991.

Пушкина 1996 — *Пушкина Т.А.* Гнездово — на пути из варяг в греки // Путь из варя в греки и из грек… (Каталог). М., 1996.

Пушкина 2012 — *Пушкина Т.А.* Варяжское гнездо. 2012 [Электронный ресурс]. http://lenta.ru/articles/2012/08/17/gnezdovo/ (Дата обращения — 23.08.2018).

Пушкина 2012а — *Пушкина Т.А.* Центральное Гнездовское городище (предварительные итоги изучения 2008–2012 гг.) // Славяне Восточной Европы накануне образования Древнерусского государства (материалы международной конференции, посвященной 110-летию со дня рождения Ивана Ивановича Ляпушкина). СПб., 2012.

Сергеева 1984 — *Сергеева З.М.* Курганы у деревни Защирино в Полоцком Подвинье // Краткие сообщения Института археологии. 1984. 182.

Сизов 1902 — *Сизов В.И.* Курганы Смоленской губернии. СПб., 1902.

Славяне 1990 — Славяне Юго-Восточной Европы в предгосударственный период / отв. ред. В.Д. Баран. К., 1990.

Соловьева 1956 — *Соловьева Г.Ф.* Славянские союзы племен по археологическим материалам VIII–XIV вв. (вятичи, радимичи, северяне) // Советская археология. Т. 25. М., 1956.

Соловьева 1970 — *Соловьева Г.Ф.* Памятники конца I тысячелетия н.э. в Верхнем Поднепровье // Древние славяне и их соседи. М., 1970.

Спицын 1905 — *Спицын А.А.* Гнездовские курганы в раскопках С.И. Сергеева // Известия Императорской археологической комиссии. Вып. 15. СПб., 1905.

Успенская 1983 — *Успенская А.В.* Березовецкий курганный могильник X–XI вв. // Краткие сообщения института археологии. 1983. 82.

Ширинский 1997 — *Ширинский С.С.* О времени кургана 47, исследованного у д. Гнездово в 1950 г. // XIII конференции по изучению истории, экономики, литературы и языка Скандинавских стран и Финляндии. Петрозаводск, 1997.

Шмидт 1968 — *Шмидт Е.А.* О смоленских длинных курганах // Славяне и Русь. М., 1968.

Шмидт 1970 — *Шмидт Е.А.* К вопросу об этнической принадлежности женского инвентаря из смоленских длинных курганов // Материалы по изучению Смоленской области. Вып. VII. М., 1970.

Шмидт 1970а — *Шмидт Е.А.* Об этническом составе населения Гнездова // Советская археология. 1970. № 3.

Шмидт 1974 — *Шмидт Е.А.* К вопросу о древних поселениях в Гнездове // Материалы по изучению Смоленской области. Вып. VIII. М., 1974.

Шмидт 1976 — *Шмидт Е.А.* Археологические памятники Смоленской области (с древнейших времен до VIII века н.э.). Смоленск, 1976.

Шмидт 1983 — *Шмидт Е.А.* Древнерусские археологические памятники Смоленской области. Ч. II. М., 1983.

Шмидт 1998 — *Шмидт Е.А.* Гнездово — протогород конца IX — X вв. н.э. // Гнездово: история и современность. Смоленск, 1998.

Шмидт 1999 — *Шмидт Е.А.* Древнейшие поселения в Гнездове // Смоленск и Гнездово в истории России. Смоленск, 1999.

Шмидт 2000 — *Шмидт Е.А.* Смоленск и Гнездово (К вопросу о городе Смоленске в IX–X вв.) // Этнография славянских народов. Смоленск, 2000.

Шмидт 2001 — *Шмидт Е.А.* Племена культуры длинных курганов и Гнездово в конце IX — начале X в. // Археологический сборник. М., 2001.

Шмидт 2003 — *Шмидт Е.А.* Верхнее Поднепровье и Подвинье в III–VII вв. н.э. Тушемлинская культура. Смоленск, 2003.

Шмидт 2005 — *Шмидт Е.А.* Раскопки курганов «Лесной группы» у дер. Гнездово // Смоленские древности. Вып. 4. Смоленск, 2005.

Шмидт 2005а — *Шмидт Е.А.* Смоленские древности. Вып. 4. Курганные могильники VIII–X вв. центральной части Смоленского Поднепровья. Смоленск, 2005.

Шмидт 2008 — *Шмидт Е.А.* Заозерье. Археологический комплекс IV–XII веков. Смоленск, 2008.

Шмидт 2011 — *Шмидт Е.А.* Смоленск и Гнездово // Странникъ. 2011. № 2.

Шмидт 2012 — *Шмидт Е.А.* Кривичи Смоленского Поднепровья и Подвинья (в свете археологических данных). Смоленск, 2012.

Шмидт 2012а — *Шмидт Е.А.* О времени возникновения города Смоленска // Музейный вестник. Вып. VI. Смоленск, 2012.

REFERENCES

Alekseev 1977 — *Alekseev L.V.* O drevnem Smolenske [About ancient Smolensk], in: Sovetskaya arheologiya [Soviet archeology], 1977, № 1 [in Russian].

Alekseev 1980 — *Alekseev L.V.* Smolenskaya zemlya IX–XIII vv. [Smolensk earth of the 9–13th centuries], Moscow, 1980 [in Russian].

Andreev, Makovskij 1948 — *Andreev N.V., Makovskij D.P.* Doistoricheskie i istoricheskie pamyatniki goroda Smolenska i ego okrestnostej [Prehistoric and historical city monuments of Smolensk and its vicinities], Smolensk, 1948 [in Russian].

Avdusin 1951 — *Avdusin D.A.* Raskopki v Gnezdove [Excavation in Gnyozdovo], in: Kratkie soobshcheniya Instituta istorii material'noj kul'tury [Short messages of Institute of history of material culture], 1951, XXXVIII [in Russian].

Avdusin 1952 — *Avdusin D.A.* Gnezdovskaya ekspediciya [Gnyozdovo expedition], in: Kratkie soobshcheniya Instituta istorii material'noj kul'tury [Short messages of Institute of history of material culture], 1952, XLIV [in Russian].

Avdusin 1952a — *Avdusin D.A.* Otchet o raskopkah Gnezdovskih kurganov v 1949 godu [The report on excavation of Gnyozdovo barrows in 1949], in: Materialy po izucheniyu Smolenskoj oblasti. Vyp. 1 [Materials on studying of the Smolensk region. Release 1], Smolensk, 1952 [in Russian].

Avdusin 1953 — *Avdusin D.A.* K voprosu o pervonachal'nom meste Smolenska [To a question of the initial place of Smolensk], in: Vestnik MGU [Bulletin of MSU], 1953, № 7 [in Russian].

Avdusin 1953a — *Avdusin D.A.* Raskopki Gnezdovskih gorodishch v 1953 godu [Excavation of Gnyozdovo ancient settlements in 1953], in: Vestnik MGU [Bulletin of MSU], 1953, № 11 [in Russian].

Avdusin 1957 — *Avdusin D.A.* Otchet o raskopkah Gnezdovskih kurganov [Report on excavation of Gnyozdovo barrows], in: Materialy po izucheniyu Smolenskoj oblasti. Vyp. 2 [Materials on studying of the Smolensk region. Release 2], Smolensk, 1957 [in Russian].

Avdusin 1967 — *Avdusin D.A.* Arheologiya SSSR [Archeology of the USSR], Moscow, 1967 [in Russian].

Avdusin 1967a — *Avdusin D.A.* K voprosu o proiskhozhdenii Smolenska i ego pervonachal'noj topografii [To a question of an origin of Smolensk and its initial topography], in: Smolensk. K 1100-letiyu pervogo upominaniya goroda v letopisi [Smolensk. To the 1100 anniversary of the first mention of the city in the chronicle], Smolensk, 1967 [in Russian].

Avdusin 1967b — *Avdusin D.A.* O datirovke gnezdovskogo kurgana s mechom iz raskopok M.F. Kuscinskogo [About dating of a Gnyozdovo barrow with a sword from M.F. Kustsinsky's excavation], in: Kul'tura i iskusstvo Drevnej Rusi [Culture and art of Ancient Russia], Leningrad, 1967 [in Russian].

Avdusin 1972 — *Avdusin D.A.* Gnezdovo i Dneprovskij put' [Gnyozdovo and Dnieper way], in: Novoe v arheologii [New in archeology], Moscow, 1972 [in Russian].

Avdusin 1974 — *Avdusin D.A.* Skandinavskie pogrebeniya v Gnezdove [The Scandinavian burials in Gnyozdovo], in: Vestnik MGU [Bulletin of MSU], 1974, № 1 [in Russian].

Avdusin 1982 — *Avdusin D.A.* Vzlet i padenie drevnego Gnezdova [Take-off and ancient Gnyozdovo falling], in: Znanie — sila [Knowledge — force], 1982, № 11 [in Russian].

Avdusin, Pushkina 1982 — *Avdusin D.A., Pushkina T.A.* Gnezdovo v issledovaniyah Smolenskoj Ekspedicii [Gnyozdovo in researches of the Smolensk Expedition], in: Vestnik MGU. Seriya 8 (istoriya) [Bulletin of MSU. Series 8 (history)], 1982, № 1 [in Russian].

Avdusina, Eniosova 2001 — *Avdusina S.A., Eniosova N.V.* Podkovoobraznye fibuly Gnezdova [Horseshoe fibula of Gnyozdovo], in: Arheologicheskij sbornik [Archaeological collection], Moscow, 2001 [in Russian].

Bugoslavskij 1909 — *Bugoslavskij G.K.* O rezul'tatah izyskanij Gnezdovskogo mogil'nika Smolenskogo uezda, proizvedennyh 23 iyunya — 12 sentyabrya 1899 g., i neskol'ko slov o samom mogil'nike [About results of the researches of the Gnyozdovo burial ground of the Smolensk County made on June 23 — on September 12, 1899, and several words about the burial ground], in: Smolenskaya starina. Vyp. 1 [Smolensk old times. Release 1], Smolensk, 1909 [in Russian].

Bulkin 1970 — *Bulkin V.A.* Tipy pogrebal'nogo obryada v kurganah Gnezdovskogo mogil'nika [Types of a funeral ceremony in barrows of the Gnyozdovo burial ground], in: Statistiko-kombinatornye metody v arheologii [Statistiko-kombinatornye methods in archeology], Moscow, 1970 [in Russian].

Bulkin 1973 — *Bulkin V.A.* O tak nazyvaemyh pustyh kurganah Gnezdovskogo mogil'nika [About so-called empty barrows of the Gnyozdovo burial ground], in: Kratkie soobshcheniya Instituta arheologii [Short messages of Institute of archeology], 1973, 135 [in Russian].

Bulkin 1975 — *Bulkin V.A.* Bol'shie kurgany Gnezdovskogo mogil'nika [Big barrows of the Gnyozdovo burial ground], in: Skandinavskij sbornik. Vyp. XX [Scandinavian collection. Release XX], Tallin, 1975 [in Russian].

Bulkin 1975a — *Bulkin V.A.* Kurgan 7 iz raskopok S.I. Sergeeva v Gnezdove [Barrow 7 of S.I. Sergeyev's excavation in Gnyozdovo], in: Kratkie soobshcheniya Instituta arheologii [Short messages of Institute of archeology], 1975, 144 [in Russian].

Bulkin, Lebedev, Dubov 1978 — *Bulkin V.A., Lebedev G.S., Dubov I.V.* Arheologicheskie pamyatniki Drevnej Rusi IX–XI vv. [Archaeological monuments to Ancient Russia 9–11th centuries], Leningrad, 1978 [in Russian].

Bulkin, Nazarenko 1971 — *Bulkin V.A., Nazarenko V.A.* O nizhnej date Gnezdovskogo mogil'nika [About the lower date of the Gnyozdovo burial ground], in: Kratkie soobshcheniya Instituta arheologii [Short messages of Institute of archeology], 1971, 125 [in Russian].

Eniosova 1997 — *Eniosova N.V.* Yuvelirnye instrumenty iz raskopok v Gnezdove [Jewelry tools from excavation in Gnyozdovo], in: Tezisy dokladov XIII konferencii po izucheniyu istorii, ekonomiki, literatury i yazyka Skandinavskih stran i Finlyandii [Theses of reports of the XIII conference on studying of history, economy, literature and language of the Scandinavian countries and Finland], Moscow, 1997 [in Russian].

Eniosova 2001 — *Eniosova N.V.* Ukrasheniya kul'tury smolensko-polockih dlinnyh kurganov iz raskopok v Gnezdove [Decoration of culture of the Smolensk and Polotsk long barrows from excavation in Gnyozdovo], in: Arheologiya i istoriya Pskova i Pskovskoj zemli. 2000 [Archeology and history of Pskov and Pskov earth. 2000], Pskov, 2001 [in Russian].

Eniosova 2002 — *Eniosova N.V.* Yuvelirnoe remeslo rannegorodskogo centra Gnezdova [Jewelry craft of the early city center of Gnyozdovo], in: Vestnik RGNF [RGNF bulletin], 2002, № 3 [in Russian].

Eniosova 2017 — *Eniosova N.V.* "Zhili v lesu, molilis' kolesu…" (o novoj nahodke skandinavskogo amuleta iz Gnezdova) ["Lived in the wood, prayed to a wheel…" (for a new find of the Scandinavian amulet

from Gnyozdovo)], in: Kul'turnij shar. Statti na poshanu Gliba Yurijovicha Ivakina [Cultural world. The collection of articles in Gleb Yuryevich Ivakin's memory], Kiev, 2017 [in Russian].

Eniosova, Pushkina 2016 — *Eniosova N.V., Pushkina T.A.* Gnezdovo kak rannegorodskoj centr epohi formirovaniya Drevnerusskogo gosudarstva i nekotorye voprosy ego interpretacii [Gnyozdovo as early city center of an era of formation of the Old Russian state and some questions of its interpretation], in: Drevnejshie gosudarstva Vostochnoj Evropy. 2014. Drevnyaya Rus' i srednevekovaya Evropa: vozniknovenie gosudarstv [The most ancient states of Eastern Europe. 2014. Ancient Russia and medieval Europe: emergence of the states], Moscow, 2016 [in Russian].

Enukov 1990 — *Enukov V.V.* Rannie etapy formirovaniya smolensko-polockih krivichej [Early stages of formation of the Smolensk and Polotsk Krivichi], Moscow, 1990 [in Russian].

Kainov 2001 — *Kainov S.Yu.* Eshche raz o datirovke gnezdovskogo kurgana s mechom iz raskopok M.F. Kuscinskogo [Once again about dating of a Gnyozdovo barrow with a sword from M.F. Kustsinsky's excavation], in: Arheologicheskij sbornik [Archaeological collection], Moscow, 2001 [in Russian].

Kainov 2015 — *Kainov S.Yu.* K voprosu o vremeni poyavleniya torgovo-remeslennogo poseleniya u der. Gnezdovo [To a question of time of emergence of the trade and craft settlement in the village of Gnyozdovo], in: Vostochnaya Evropa v drevnosti i srednevekov'e. Gosudarstvennaya territoriya kak faktor politogeneza. XXVII Chteniya pamyati V.T. Pashuto [Eastern Europe in the ancient time and Middle Ages. State territory as factor of a politogenez. XXVII Readings memory of V.T. Pashuto], Moscow, 2015 [in Russian].

Kirpichnikov, Dubov, Lebedev 1986 — *Kirpichnikov A.N., Dubov I.V., Lebedev G.S.* Rus' i varyagi (russko-skandinavskie otnosheniya domongol'skogo vremeni) [Russia and Varangians (Russian-Scandinavian relations of domongolsky time)], in: Slavyane i skandinavy [Slavs and Scandinavians], Moscow, 1986 [in Russian].

Kondrashenkov 1982 — *Kondrashenkov A.A.* Istoriya Smolenskoj zemli s drevnejshih vremen do serediny XVII v. [History of the Smolensk earth since the most ancient times to the middle of the 17th century], Smolensk, 1982 [in Russian].

Lebedev 2002 — *Lebedev G.S.* Slavyanskij car' Dir [Slavic tsar Deer], in: Rodina [Homeland], 2002, № 11–12 [in Russian].

Lyapushkin 1958 — *Lyapushkin I.I.* Gorodishche Novotroickoe [Ancient settlement Novotroitsk], Moscow; Leningrad, 1958 [in Russian].

Lyapushkin 1966 — *Lyapushkin I.I.* Arheologicheskie pamyatniki slavyan lesnoj zony Vostochnoj Evropy nakanune obrazovaniya drevnerusskogo gosudarstva (VIII–IX vv.) [Archaeological monuments of Slavs of a forest zone of Eastern Europe on the eve of formation of the Old Russian state (the 8–9th centuries)], in: Kul'tura Drevnej Rusi [Culture of Ancient Russia], Moscow, 1966 [in Russian].

Lyapushkin 1968 — *Lyapushkin I.I.* Novoe v izuchenii Gnezdova [New in Gnyozdovo's studying], in: Arheologicheskie otkrytiya 1967 goda [Archaeological opening of 1967], Moscow, 1968 [in Russian].

Lyapushkin 1968a — *Lyapushkin I.I.* Slavyane Vostochnoj Evropy nakanune obrazovaniya drevnerusskogo gosudarstva (VIII — pervaya polovina IX v.) [Slavs of Eastern Europe on the eve of formation of the Old Russian state (VIII — the first half of the 9th century)], Leningrad, 1968 [in Russian].

Lyapushkin 1969 — *Lyapushkin I.I.* Issledovaniya Gnezdovskogo poseleniya [Researches of the Gnyozdovo settlement], in: Arheologicheskie otkrytiya 1968 goda [Archaeological opening of 1968], Moscow, 1969 [in Russian].

Lyapushkin 1971 — *Lyapushkin I.I.* Gnezdovo i Smolensk [Gnyozdovo and Smolensk], in: Problemy istorii dofeodal'noj Rossii [Problems of history of prefeudal Russia], Leningrad, 1971 [in Russian].

Lyavdanskij 1924 — *Lyavdanskij A.N.* Materialy dlya arheologicheskoj karty Smolenskoj gubernii [Materials for the archaeological map of the Smolensk province], Smolensk, 1924 [in Russian].

Lyavdanskij 2002 — *Lyavdanskij A.N.* Materialy dlya arheologicheskoj karty Smolenskoj gubernii [Materials for the archaeological map of the Smolensk province], in: Smolenskie drevnosti (gorodishcha Smolenskoj zemli). Vyp. 2 [Smolensk antiquities (ancient settlement of the Smolensk earth). Release 2], Smolensk, 2002 [in Russian].

Markov 2011 — *Markov V.V.* Drevnij Smolensk — Centr "Srednej Rusi" ili gorod-prizrak? [Ancient Smolensk — Center of "Central Russia" or ghost town?], in: Istorichna panorama. Zbirnik naukovih statej. Vip. 12 [Historical panorama. Collection of scientific articles. Release 12], Chernivtsi, 2011 [in Russian].

Markov 2012 — *Markov V.V.* Kievskie knyaz'ya Askol'd i Dir i pervoe upominanie Smolenska v Ustyuzhskom letopisnom svode [The Kiev princes Askold and Deer and the first mention of Smolensk in the Ustyug annalistic arch], in: Slavyanskij mir: pis'mennost' i kul'tura [Slavic world: writing and culture], Smolensk, 2012 [in Russian].

Mech i zlatnik 2012 — Mech i zlatnik (Katalog vystavki GIM) [Sword and zlatnik (Exhibition catalog of GIM)], Moscow, 2012 [in Russian].

Minasyan 2006 — *Minasyan R.S.* Istoricheskoe znachenie poseleniya i mogil'nikov u derevni Gnezdovo [Historical value of the settlement and burial grounds at the village of Gnyozdovo], in: Rossiya. Vzglyad cherez stoletiya (Katalog vystavki) [Russia. A look in centuries (Exhibition catalog)], St. Petersburg, 2006 [in Russian].

Modestov 1999 — *Modestov F.E.* Istoricheskie i geograficheskie predposylki vozniknoveniya Gnezdova [Historical and geographical prerequisites of emergence of Gnyozdovo], in: Smolensk i Gnezdovo v istorii Rossii [Smolensk and Gnyozdovo in the history of Russia], Smolensk, 1999 [in Russian].

Murasheva 2012 — *Murasheva V.V.* Pervye rusy byli skandinavami [The first rus were Scandinavians], 2012, Elektronnyj resurs: http://www.vesti.ru/doc.html?id=883054&cid=7 (Data obrashcheniya — 23.08.2018) [in Russian].

Nefedov 2000 — *Nefedov V.S.* O vremeni vozniknoveniya kul'tury smolensko-polockih dlinnyh kurganov [About time of emergence of culture of the Smolensk and Polotsk long barrows], in: Arheologiya i istoriya Pskova i Pskovskoj zemli. Materialy nauchnogo seminara. 1996–1999 [Archeology and history of Pskov and Pskov earth. Materials of a scientific seminar. 1996–1999], Pskov, 2000 [in Russian].

Nefedov 2001 — *Nefedov V.S.* Arheologicheskij kontekst «drevnejshej russkoj nadpisi» iz Gnezdova [Archaeological context of "the most ancient Russian inscription" from Gnyozdovo], in: Arheologicheskij sbornik [Archaeological collection], Moscow, 2001 [in Russian].

Olejnikov 2007 — *Olejnikov O.M.* Kul'tura dlinnyh kurganov Verhnevolzhskogo i Verhnedneprovskogo regionov [Culture of long barrows of the Upper Volga and Verkhnedneprovsky regions], in: Tverskoj arheologicheskij sbornik. Vyp. 6 [Tver archaeological collection. Release 6], Tver, 2007 [in Russian].

Padin 1970 — *Padin V.A.* Rannie kurgany Kvetunskogo mogil'nika [Early barrows of the Kvetun burial ground], in: Drevnie slavyane i ih sosedi [Ancient Slavs and their neighbors], Moscow, 1970 [in Russian].

Pushkina 1973 — *Pushkina T.A.* Lepnaya keramika Gnezdovskogo selishcha [Modelled ceramics of the Gnyozdovo settlement], in: Vestnik MGU. Seriya 8 (Istoriya) [Bulletin of MSU. Series 8 (History)], 1973, № 3 [in Russian].

Pushkina 1974 — *Pushkina T.A.* Gnezdovskoe poselenie v istorii Smolenskogo Podneprov'ya (IX–XI vv.). Avtoreferat dissertacii na soiskanie uchennoj stepeni kandidata istoricheskih nauk [The Gnyozdovo settlement in the history of the Smolensk Dnieper Bank (the 9–11th centuries). The abstract of the thesis on a competition Uchenna of degree of the candidate of historical sciences], Moscow, 1974 [in Russian].

Pushkina 1974a — *Pushkina T.A.* O Gnezdovskom poselenii [About the Gnyozdovo settlement], in: Vestnik MGU. Seriya 8 (Istoriya) [Bulletin of MSU. Series 8 (History)], 1974, № 1 [in Russian].

Pushkina 1991 — *Pushkina T.A.* Torgovyj inventar' iz kurganov Smolenskogo Podneprov'ya [Trade stock from barrows of the Smolensk Dnieper Bank], in: Gnezdovo i Smolensk (k istorii drevnerusskogo goroda) [Gnyozdovo and Smolensk (to history of the Old Russian city)], Moscow, 1991 [in Russian].

Pushkina 1996 — *Pushkina T.A.* Gnezdovo — na puti iz varyag v greki [Gnyozdovo — on the way from the Varangian in Greeks], in: Put' iz varya v greki i iz grek… (Katalog) [From cooking a way in Greeks and from the Greek … (Catalog)], Moscow, 1996 [in Russian].

Pushkina 2012 — *Pushkina T.A.* Varyazhskoe gnezdo [Varangian nest], 2012, Elektronnyj resurs: http://lenta.ru/articles/2012/08/17/gnezdovo/ (Data obrashcheniya — 23.08.2018) [in Russian].

Pushkina 2012a — *Pushkina T.A.* Central'noe Gnezdovskoe gorodishche (predvaritel'nye itogi izucheniya 2008–2012 gg.) [Central Gnyozdovo ancient settlement (preliminary results of studying of 2008–2012)], in: Slavyane Vostochnoj Evropy nakanune obrazovaniya Drevnerusskogo gosudarstva (materialy mezhdunarodnoj konferencii, posvyashchennoj 110-letiyu so dnya rozhdeniya Ivana Ivanovicha Lyapushkina) [Slavs of Eastern Europe on the eve of formation of the Old Russian state (materials of the international conference devoted to the 110 anniversary since the birth of Ivan Ivanovich Lyapushkin)], St. Petersburg, 2012 [in Russian].

Put' 1996 — Put' iz varyag v greki i iz grek… (Katalog) [Way from the Varangian in Greeks and from the Greek… (Catalog)], Moscow, 1996 [in Russian].

PVL 2012 — Povest' vremennyh let [Story of temporary years], St. Petersburg, 2012 [in Russian].

Sergeeva 1984 — *Sergeeva Z.M.* Kurgany u derevni Zashchirino v Polockom Podvin'e [Barrows at the village of Zashchirino in the Polotsk Podvinye], in: Kratkie soobshcheniya Instituta arheologii [Short messages of Institute of archeology], 1984, 182 [in Russian].

Shirinskij 1997 — *Shirinskij S.S.* O vremeni kurgana 47, issledovannogo u d. Gnezdovo v 1950 g. [About time of the barrow 47 investigated at of Gnyozdovo in 1950], in: XIII konferencii po izucheniyu istorii, ekonomiki, literatury i yazyka Skandinavskih stran i Finlyandii [XIII conferences on studying of history, economy, literature and language of the Scandinavian countries and Finland], Petrozavodsk, 1997 [in Russian].

Shmidt 1968 — *Shmidt E.A.* O smolenskih dlinnyh kurganah [About the Smolensk long barrows], in: Slavyane i Rus' [Slavs and Russia], Moscow, 1968 [in Russian].

Shmidt 1970 — *Shmidt E.A.* K voprosu ob etnicheskoj prinadlezhnosti zhenskogo inventarya iz smolenskih dlinnyh kurganov [To a question of an ethnic origin of female stock from the Smolensk long barrows], in: Materialy po izucheniyu Smolenskoj oblasti. Vyp. VII [Materials on studying of the Smolensk region. Release VII], Moscow, 1970 [in Russian].

Shmidt 1970a — *Shmidt E.A.* Ob etnicheskom sostave naseleniya Gnezdova [About ethnic structure of the population of Gnyozdovo], in: Sovetskaya arheologiya [Soviet archeology], 1970, № 3 [in Russian].

Shmidt 1974 — *Shmidt E.A.* K voprosu o drevnih poseleniyah v Gnezdove [To a question of ancient settlements in Gnyozdovo], in: Materialy po izucheniyu Smolenskoj oblasti. Vyp. VIII [Materials on studying of the Smolensk region. Release VIII], Moscow, 1974 [in Russian].

Shmidt 1976 — *Shmidt E.A.* Arheologicheskie pamyatniki Smolenskoj oblasti (s drevnejshih vremen do VIII veka n.e.) [Archaeological monuments to the Smolensk region (from the most ancient times to the 8th century AD)], Smolensk, 1976 [in Russian].

Shmidt 1983 — *Shmidt E.A.* Drevnerusskie arheologicheskie pamyatniki Smolenskoj oblasti. Ch. II [Old Russian archaeological monuments to the Smolensk region. Part II], Moscow, 1983 [in Russian].

Shmidt 1998 — *Shmidt E.A.* Gnezdovo — protogorod konca IX — X vv. n.e. [Gnyozdovo — ancient city the end of the IX–X centuries AD], in: Gnezdovo: istoriya i sovremennost' [Gnyozdovo: history and present], Smolensk, 1998 [in Russian].

Shmidt 1999 — *Shmidt E.A.* Drevnejshie poseleniya v Gnezdove [The most ancient settlements in Gnyozdovo], in: Smolensk i Gnezdovo v istorii Rossii [Smolensk and Gnyozdovo in the history of Russia], Smolensk, 1999 [in Russian].

Shmidt 2000 — *Shmidt E.A.* Smolensk i Gnezdovo (K voprosu o gorode Smolenske v IX–X vv.) [Smolensk and Gnyozdovo (To a question of the city of Smolensk in the 9–10th centuries)], in: Etnografiya slavyanskih narodov [Ethnography of the Slavic people], Smolensk, 2000 [in Russian].

Shmidt 2001 — *Shmidt E.A.* Plemena kul'tury dlinnyh kurganov i Gnezdovo v konce IX — nachale X v. [Tribes of culture of long barrows and Gnyozdovo at the end of IX — the beginning of the 10th century], in: Arheologicheskij sbornik [Archaeological collection], Moscow, 2001 [in Russian].

Shmidt 2003 — *Shmidt E.A.* Verhnee Podneprov'e i Podvin'e v III–VII vv. n.e. Tushemlinskaya kul'tura [The top Dnieper Bank and Podvinye in the 3–7th centuries AD. Tushemlinsky culture], Smolensk, 2003 [in Russian].

Shmidt 2005 — *Shmidt E.A.* Raskopki kurganov «Lesnoj gruppy» u der. Gnezdovo [Excavation of barrows of "Forest group" at the village of Gnyozdovo], in: Smolenskie drevnosti. Vyp. 4 [Smolensk antiquities. Release 4], Smolensk, 2005 [in Russian].

Shmidt 2005a — *Shmidt E.A.* Smolenskie drevnosti. Vyp. 4. Kurgannye mogil'niki VIII–X vv. central'noj chasti Smolenskogo Podneprov'ya [Smolensk antiquities. Release 4. Kurganny burial grounds of the 8–10th centuries of the central part of the Smolensk Dnieper Bank], Smolensk, 2005 [in Russian].

Shmidt 2008 — *Shmidt E.A.* Zaozer'e. Arheologicheskij kompleks IV–XII vekov [Zaozerye. Archaeological complex of the 4–12th centuries], Smolensk, 2008 [in Russian].

Shmidt 2011 — *Shmidt E.A.* Smolensk i Gnezdovo [Smolensk and Gnyozdovo], in: Strannik [Wanderer], 2011, № 2 [in Russian].

Shmidt 2012 — *Shmidt E.A.* Krivichi Smolenskogo Podneprov'ya i Podvin'ya (v svete arheologicheskih dannyh) [Krivichi of the Smolensk Dnieper Bank and Podvinya (in the light of archaeological data)], Smolensk, 2012 [in Russian].

Shmidt 2012a — *Shmidt E.A.* O vremeni vozniknoveniya goroda Smolenska [About time of emergence of the city of Smolensk], in: Muzejnyj vestnik. Vyp. VI [Museum messenger. Release VI], Smolensk, 2012 [in Russian].

Sizov 1902 — *Sizov V.I.* Kurgany Smolenskoj gubernii [Barrows of the Smolensk province], St. Petersburg, 1902 [in Russian].

Slavyane 1990 — Slavyane Yugo–Vostochnoj Evropy v predgosudarstvennyj period / Otv. red. V.D. Baran [Slavs of Southeast Europe during the prestate period / Editor-in-chief V.D. Baran], Kiev, 1990 [in Russian].

Solov'eva 1956 — *Solov'eva G.F.* Slavyanskie soyuzy plemen po arheologicheskim materialam VIII–XIV vv. (vyatichi, radimichi, severyane) [The Slavic unions of tribes on archaeological materials of the 8–14th centuries (residents of Vyatichi, Radimichs, Severians)], in: Sovetskaya arheologiya. T. 25 [Soviet archeology. Volume 25], Moscow, 1956 [in Russian].

Solov'eva 1970 — *Solov'eva G.F.* Pamyatniki konca I tysyacheletiya n.e. v Verhnem Podneprov'e [Monuments of the end of the I millennium AD in the Top Dnieper Bank], in: Drevnie slavyane i ih sosedi [Ancient Slavs and their neighbors], Moscow, 1970 [in Russian].

Spicyn 1905 — *Spicyn A.A.* Gnezdovskie kurgany v raskopkah S.I. Sergeeva [Gnyozdovo barrows in S.I. Sergeyev's excavation], in: Izvestiya Imperatorskoj arheologicheskoj komissii. Vyp. 15 [News of the Imperial archaeological commission. Release 15], St. Petersburg, 1905 [in Russian].

Uspenskaya 1983 — *Uspenskaya A.V.* Berezoveckij kurgannyj mogil'nik X–XI vv. [Berezovetsky kurganny burial ground of the 10–11th centuries], in: Kratkie soobshcheniya instituta arheologii [Short messages of institute of archeology], 1983, 82 [in Russian].

Veshnyakova, Bulkin 2001 — *Veshnyakova K.V., Bulkin V.A.* Remeslennyj kompleks Gnezdovskogo poseleniya [Craft complex of the Gnyozdovo settlement], in: Arheologicheskij sbornik [Archaeological collection], Moscow, 2001 [in Russian].

Zocenko 2001 — *Zocenko V.N.* Gnezdovo v sisteme svyazej Srednego Podneprov'ya IX–X vv. [Gnyozdovo in system of communications of the Average of the Dnieper Bank of the 9–10th centuries], in: Arheologicheskij sbornik [Archaeological collection], Moscow, 2001 [in Russian].

Марков Владимир Викторович — Научный сотрудник Отдела истории
Смоленского историко-литературного журнала «СтранникЪ» (Смоленск, Россия).
Vladimir Markov — Research associate of Department of history
of the Smolensk historico-literary magazine «Strannik» (Smolensk, Russia).
E-mail: vladrmarkoff@yandex.ru

УДК 94(47).084

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ ПУБЛИЦИСТА А.С. ПРУГАВИНА И ЕПИСКОПА АНДРЕЯ (УХТОМСКОГО): НА МАТЕРИАЛАХ ПЕРЕПИСКИ АВТОРОВ*

Н.Ю. Кузнецова[1], В.Н. Савченко[2]
Петрозаводский государственный университет
Россия, 185910, г. Петрозаводск, пр. Ленина, д. 33
[1]e-mail: foliage.07@mail.ru
ResearcherID: B–5121–2016
https://orcid.org/0000-0002–2844–3423
SPIN-код: 9617–3299
[2]e-mail: savchenko1530@gmail.com

Авторское резюме

В статье анализируются взаимоотношения епископа Уфимского Андрея (Ухтомского) и публициста Александра Степановича Пругавина. Оба автора являлись известными деятелями своего времени (конец XIX — начало XX вв.): А.С. Пругавин был известен как специалист по религиозным течениям в русском обществе, епископ Андрей (Ухтомский) — как яркий духовный лидер и пастырь. Их обоих волновали глобальные потрясения, случившиеся в России в 1917 г., интересовали идеи и инициативы новой власти, в частности, религиозный вопрос. У авторов, несмотря на то, что их мнения не всегда совпадали, прослеживается общая мысль о столь необходимом религиозном возрождении в России.

Ключевые слова: А.С. Пругавин, епископ Андрей (Ухтомский), публицистика, религиозные группы.

THE RELATIONSHIP BETWEEN PUBLICIST A.S. PRUGAVIN AND BISHOP ANDREY (UKHTOMSKY): BASED ON THEIR CORRESPONDENCE

Natalia Kuznetsova[1], Valery Savchenko[2]
Petrozavodsk State University
Lenin Ave, 33, Petrozavodsk, 185910, Russia
[1]e-mail: foliage.07@mail.ru
[2]e-mail: savchenko1530@gmail.com

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18–39–00058 мол_а.

Abstract

The paper analyzes relations between Bishop Andrey of Ufa (Ukhtomsky) and publicist Alexander Stepanovich Prugavin. Both authors were prominent figures of their time (late 19th — early 20th centuries): A.S. Prugavin was known as a specialist in religious movements in Russian society, Bishop Andrey (Ukhtomsky) — as a bright spiritual leader. They were both deeply worried about the global upheavals that occurred in Russia in 1917 and were interested in the ideas and initiatives of the new authorities, in particular, on the religious issues. Despite the fact that their opinions did not always coincide, they both expressed the same thought that religious revival was much needed in Russia.

Keywords: A.S. Prugavin, Bishop Andrey (Ukhtomsky), political journalism, religious groups.

* * *

Религиовед и публицист, народник Александр Степанович Пругавин последние годы жизни — период с 1917 по 1920 — провел на Урале и в Сибири, укрываясь от потрясений, сотрясающих революционную Россию. Чуть меньше двух лет (с сентября 1917 г. по июнь 1919 г.) Пругавин провел в г. Уфа, куда прибыл из столицы, опасаясь пребывания в столице в кризис и спасаясь от «чудовищной дороговизны <…> Петрограда» (РГАЛИ. Ф. 2167. Оп. 2. Д. 51. Л. 4). В этот сложный и для страны, и для жизни простого обывателя период Пругавин общается со многими выдающимися деятелями, в числе которых оказался и епископ Русской Православной Церкви (РПЦ) Андрей (Ухтомский).

Фигура епископа Андрея (Ухтомского) в истории РПЦ признается не однозначной, однако, без сомнения можно заметить, что «до конца своих дней он оставался истинным христианским пастырем, не испытывавшим никаких сомнений в своей принадлежности к русскому православию» (Алексеев 2010: 29). Назначение на епископство в Уфимскую и Мензелинскую епархию архиерей получил в 1913 г., и находился в должности до 1921 г. Деятельность Ухтомского за годы пребывания в статусе епископа включала в себя, в том числе, и значительную по объему «духовно-просветительскую работу» (Журавский 2000: 362). Помимо организации школ и училищ, а также создания народных библиотек, Ухтомский учредил несколько периодических изданий, в том числе «Заволжский летописец» (1916–1918 гг., с 1918 г. журнал выходил под новым названием «Народ-хозяин»), «Дус (Друг)» (1916–1918 гг.), «Уфимский церковно-народный голос» и «За родную землю» (1918 г.). Стал в 1916 г. одним из основателей и Председателем Восточно-русское культурно-просветительское общество (ВРКПО).

Кроме того, епископ высказывал свои идеи относительно самых злободневных общественных проблем. Так, свое отношение к царскому режиму Ухтомский озвучивал задолго до событий 1917 г., поэтому в Февральской революции и отречении императора «возможность освобождения церкви от государственной опеки» (Синеко 2012). Что касается Октябрьской революции, то здесь архиерей видел потенциал для государства в вопросе, «гнетущем русское общество на протяжении двух с половиной веков, — раскола Церкви» (Синенко 2012). Именно старообрядчество по мнению Ухтомского, смогло бы «вылечит православие».

По итогу, такие личности, как епископ Андрей и А.С. Пругавин, не могли не обратить внимание друг на друга. В личном фонде народника в Российском архиве литературы и искусств (РГАЛИ) сохранились письма и записки епископа Андрея к Пругавину, а также черновик письма Пругавина к епископу Андрею (РГАЛИ. Ф. 2167. Оп. 2. Д. 60. Л. 1–15). Ее анализ позволяет раскрыть некоторые момент во взаимоотношениях этих двух персоналий.

Так, информацию к размышлению дают датировки писем и черновиков в архивном деле. В частности, дата первого письма — 20 декабря 1916 г. — свидетельствуют о том, что первое знакомство этих людей состоялось не в Уфе, где оба находились в 1917–1919 гг., а ранее. Епископ Андрей, как образованный и разносторонне развитый человек, не мог не познакомиться с творчеством А.С. Пругавина, ведь одной из центральных исследовательских проблем публициста была проблема религиозных движений в русском народе. Пругавина интересовали абсолютно все проявления религиозности, от крупнейшего старообрядческого движения, до мелких религиозных групп «сектантского толка». При этом автор не спешил навешивать ярлыки «опасные» или «угрожающие общественному спокойствию» на те или иные группы сектантов только лишь по отличию от официального православия. Его интересовало, почему в народе возникли, развивались и распространялись религиозные течения, в чем состояла суть их учения и что приверженцы могли там найти для «исцеления души». И этот исследовательский поиск, стремление вникнуть в суть, «корень» вопроса, выгодно отличало Пругавина, не только от представителей РПЦ, но и от ряда его современников-исследователей, придерживавшихся консервативных взглядов. Не зря сам епископ в одном из писем, обращаясь к Пругавину, подчеркивал: «много читал Ваших произведений, как и писателей, близких к Вам по мировоззрению. И считаю Вас самым церковным мыслителем… <…> по идеалам церковнее всех наших рясоформых чиновников» (РГАЛИ. Ф. 2167. Оп. 2. Д. 60. Л. 1, 1об–2).

А.С. Пругавин, в свой уфимский период, являлся редактором нескольких общественно-политических газет и журналов. В том числе в 1919 г. народник стал новым редактором общественно-политической газеты «Великая Россия» — печатного органа Восточнорусского культурно-просветительского общества (НЕСОВЕТСКИЕ газеты 2003: 19). Это событие стало возможным благодаря личной просьбе епископа Андрея, который, обращаясь к Пругавину в апреле 1919 г. в очередном письме, указывал, что на очередном «заседаний Совета Вост.-Русского общества постановлено единогласно (после блестящей речи П.П. Башилова[1]) просить Вас быть редактором газеты «Великая Россия», как издания Вост. Русского общества» (РГАЛИ. Ф. 2167. Оп. 2. Д. 60. Л. 4).

Материалы переписки также свидетельствуют, что Андрей Ухтомский уважал А.С. Пругавина как автора и обращался к нему с просьбами, присылать свои работы

[1] Башилов Петр Петрович — уфимский губернатор (1911–1917), директор департамента общих дел МВД Правительства А.В. Колчака (1918–1919).

для публикации («Если пришлете мне несколько строк в мой журнальчик, буду благодарен»), обменивался с народником собственными текстами, отправлял свои работы («Посылаю Вам свою книжку, только что вышедшую из печати»), переживал, когда это сделать не получалось («глубоко досадую, что не могу дать Вам какой-нибудь статейки») и просил для чтения статьи самого Пругавина («Пришлите мне какую-нибудь книжку почитать. Пока писать не могу — впустую, а от безделья изнываю») (РГАЛИ. Ф. 2167. Оп. 2. Д. 60. Л. 2, 3об., 6).

Авторы не только общались между собой посредством писем, записок и телеграмм, но встречались также лично, бывали друг у друга на квартирах: «Дорогой Александр Степанович. Я постараюсь быть у Вас около 8 ½ ч.в., когда вернусь откуда-то из-за Тобола <…>. После службы прямо буду у Вас» (РГАЛИ. Ф. 2167. Оп. 2. Д. 60. Л. 8). Они не только обсуждали издательские дела, собственные работы, общественно-политические вопросы, но и общались на личные темы. Точный уровень межличностных отношений определить сложно, так как материала для анализа недостаточно, но, по-видимому, оба были довольно близкими друг другу людьми, о чем указывает одно из обращений Ухтомского к Пругавину «я считаю Вас близким для себя человеком» (РГАЛИ. Ф. 2167. Оп. 2. Д. 60. Л. 11об.).

Епископа Андрея особенно беспокоило расстроившееся здоровье Пругавина, данный факт он подчеркивает в сентябрьском письме в 1919 г.: «Дорогой Александр Степанович, <…> Жалею, что застал Вас больным; — и очень беспокоит меня Ваша болезнь, как она обеспокоила меня в Сатке» (РГАЛИ. Ф. 2167. Оп. 2. Д. 60. Л. 10). Данные опасения были не беспочвенны, так как здоровье Пругавина, которому на тот момент исполнилось 69 лет, было сильно расстроено. Об этом свидетельствуют как материалы (рецепты на лекарства, бланки анализов) найденные в личном фонде народника, так и тексты его многочисленных писем. Сам Пругавин в письме к Н. Е. Парамонову называл свою болезнь «старая болезнь — "самоотравление организма"» и отмечал, что она «времени до времени жестоко мучает» его (РГАЛИ. Ф. 2167. Оп. 2. Д. 126. Л. 7об., 8).

В целом оценка событий 1917 г. в России у обоих персон была достаточно схожей. Епископ Андрей полагал, что Февральская революция 1917 года развенчала миф о том, что русский народ тяготеет к самодержавию и монархии — напротив, народ фактически не проявил никаких действий в защиту прежнего режима, более того, продемонстрировав равнодушие в период падения царской власти. По его мнению, революционные события 1917 года показали бунт русских людей против всяких «нерусских наростов на русскую культуру», проявляемых в культуре и быте императорской династии, придворной аристократии и буржуазии: «Революция — это русский бунт против нерусской власти, это — разрушение нерусской культуры в России русскими дикарями» (Ухтомский 1918–1: 655).

А.С. Пругавин отнесся к событиям Февраля 1917 г. положительно, восприняв их как закономерный итог власти монарха и имперской государственности. Он писал, что «революция спасает страну от измены, предательства и полусумасшедших маньяков, угнетавших 180-ти миллионный народ» (РГАЛИ.

Ф. 2167. Оп. 2. Д. 51. Л. 143об.) и полагал, что революция снимет с него гнет цензуры и позволит плодотворно работать. Публицист даже составил обращение ко Временному правительству, в котором свою предлагал помощь и знания «по вопросам религиозно-культурного характера» для нужд обновленной страны, подчеркивая, что «и старообрядцы и сектанты — плохие революционеры <…> но за то эти люди могут сыграть крупную, незаменимую роль на второй же день после революции, когда потребуется созидательная творческая работа в разных областях жизни» (РГАЛИ. Ф. 2167. Оп. 2. Д. 51. Л. 42–43).

Во взглядах на события октября 1917 г. и первые законодательные акты большевиков у А.С. Пругавина и епископа Андрея (Ухтомского) есть как схожие моменты, так и различия. Оба они не приняли новую форму власти, но по разным причинам. Так, Пругавин Октябрьскую революцию не принял, так как считал режим большевиков новым «самодержавием Ленина-Троцкого» (РГАЛИ. Ф. 2167. Оп. 2. Д. 93. Л. 14). Он подчеркивал, что «большая часть… рабочих относится к ним (большевикам — прим. авт.) с явным недоверием, а подавляющее большинство крестьян — с ненавистью», а, значит, большевики не имеют права именовать себя «Рабоче-Крестьянским правительством» (РГАЛИ. Ф. 2167. Оп. 2. Д. 93. Л. 44).

Епископ Андрей отмечал, что признает «"Советскую" власть преисполненной совершенно таких же ошибок, какие делала власть императорская...», оценивал эту власть, также как и власть императора, как антинародную, подчеркивая, что среди их общих черт присутствовали стремление к деспотизму в управлении государством, нетерпимость к критике и оппозиции, отсутствие реальных гражданских свобод, неспособность обеспечить внешнюю безопасность (Ухтомский 1918–2: 649). Секрет победы большевиков в политической борьбе за власть заключается, как полагал епископ Андрей, в том, что они своевременно выдвинули понятные простому народу лозунги о прекращении кровопролитной войны и спасении Отечества от «иностранного порабощения» (Ухтомский 1928: 698).

При этом оба, и Пругавин и епископ Ухтомский. нашли для себя положительные моменты в новой реальности. Епископ, не принимая форму власти, установленную в России большевиками, все же положительно относился к самой советской модели, считая, что Советы действительно способны стать органами народовластия: «Я глубоко убежден, что эта советизация есть истинно русское слово <…> Эта советизация поэтому так скоро и привилась к русской жизни, что этот принцип — наш родной, основанный на мысли о братстве, о братском равенстве, а главное — на чувстве братской любви, воспитанной христианством...» (Ухтомский 1928: 698). Владыка Андрей разделял некоторые задачи, преследуемые революционерами в период государственного переворота, такие как освобождение труда от эксплуатации, объединение народов в единое государство во главе с русским народом и т.д. (Ухтомский 1928: 698). А.С. Пругавин положительными для себя нашел первые законопроекты новой власти. В частности, в одной из работ он дал оценку Декрету от 21 января 1918 г. об отделении церкви от государства и школы, подчеркнув, что «акт этот окажет огромное, колоссальное значение для

дальнейшего духовного развития России», так как «десятки миллионов русских сектантов и религиозных отщепенцев» смогут «отдаться мирному творчеству над созданием новой, свободной, трудовой и красивой жизни» (РГАЛИ. Ф. 2167. Оп. 2. Д. 55. Л. 43, 46–47).

Публицист А.С. Пругавин и епископ Андрей (Ухтомский) оказались в одном окружении в непростой для страны период революционных потрясений. Оба они, без сомнения, являлись выдающимся людьми своего времени. Пругавин был известным в России исследователем религиозной жизни народа, знатоком существовавших в русском обществе так называемых «протестных» религиозных течений — старообрядцев и сектантов. Владыка Андрей воспринимался обществом как яркий духовный лидер, выступавший за обновление церковно-общественной жизни в новых реалиях. Оба, разумеется, рефлексировали над происходящим в стране, обсуждали интересовавшие их идеи, законодательные инициативы новой, раз за разом сменяющейся власти. Несмотря на то, что идеи, высказанные Пругавиным и епископом Андреем (Ухтомским) не всегда совпадали, у них прослеживается общая мысль о столь необходимом религиозном возрождении в России и об обновлении понятия «духовность» для народа.

Авторы благодарят канд. ист. наук Б.Б. Сажина за предоставленный архивный материал из личного фонда А.С. Пругавина в РГАЛИ — документы из дела «Письма и записки епископа уфимского Андрея к А.С. Пругавину».

ЛИТЕРАТУРА

Алексеев 2010 — *Алексеев И.Е.* «Я пошел служить духу…» К вопросу о мировоззрении Епископа Сухумского Андрея (Ухтомского) // Былые годы. 2010. № 1 (15). С. 27–37.

Журавский 2000 — *Журавский А.В.* Андрей (Ухтомский) // Православная энциклопедия / Под общ. ред. Патриарха Московского и всея Руси Алексия II [до 2008 г.], Патриарха Московского и всея Руси Кирилла [с 2009 г.]. М.: Православная энциклопедия, 2000. С. 361–365.

НЕСОВЕТСКИЕ газеты 2003 — НЕСОВЕТСКИЕ газеты (1918–1922 гг.): каталог собрания Российской национальной библиотеки / Сост.: И.А. Снигирева (отв. сост.) и др. Науч. ред. д.п.н. Г.В. Михеева. СПб.: РНБ, 2003. 168 с.

РГАЛИ — Российский государственный архив литературы и искусств.

Синенко 2012 — *Синенко С.* Андрей Ухтомский. Между отчаянием и надеждой (К 140-летию Уфимского епископа Андрея (Ухтомского)). 2012 [Электронный ресурс]. http://posredi.ru/blog03_9_uhtomskiy.html (Дата обращения — 23.08.2018).

Ухтомский 1918–1 — *Ухтомский А.А.* Народ должен быть хозяином своего счастья // Священномученик Архиепископ Уфимский Андрей (Ухтомский). Труды / Сост. Сидаш Т.Г., Сапожникова С.Д., статья Сидаш Т.Г. СПб.: Свое издательство, 2013. С. 655–660.

Ухтомский 1918–2 — *Ухтомский А.А.* О власти императорской и «Советской» // Священномученик Архиепископ Уфимский Андрей (Ухтомский). Труды / Сост. Сидаш Т.Г., Сапожникова С.Д., статья Сидаш Т.Г. СПб.: Свое издательство, 2013. С. 649.

Ухтомский 1928 — *Ухтомский А.А.* Моя политическая исповедь // Священномученик Архиепископ Уфимский Андрей (Ухтомский). Труды / Сост. Сидаш Т.Г., Сапожникова С.Д., статья Сидаш Т.Г. СПб.: Свое издательство, 2013. С. 691–700.

REFERENCES

Alekseev 2010 — *Alekseev I.E.* “YA poshel sluzhit' duhu…” K voprosu o mirovozzrenii Episkopa Suhumskogo Andreya (Uhtomskogo) ["I went to serve the spirit...". To the question of the world view of Bishop Andrei of Sukhum (Ukhtomsky)], in: Bylye gody [The old years], 2010, № 1 (15), pp. 27–37 [in Russian].

NESOVETSKIE gazety 2003 — NESOVETSKIE gazety (1918–1922 gg.): katalog sobraniya Rossijskoj nacional'noj biblioteki [NESOVETSKIE newspapers (1918–1922): the catalog of the collection of the Russian National Library] / Sost.: I.A. Snigireva (otv. sost.), Nauch. red.: d.p.n. G.V. Miheeva, St. Petersburg, RNB Publ., 2003, 168 p. [in Russian].

RGALI — Rossijskij gosudarstvennyj arhiv literatury i iskusstv [in Russian].

Sinenko 2012 — *Sinenko S.* Andrej Uhtomskij. Mezhdu otchayaniem i nadezhdoj (K 140-letiyu Ufimskogo episkopa Andreya (Uhtomskogo)) [Andrei Ukhtomsky. Between despair and hope (To the 140th anniversary of Ufa bishop Andrew (Ukhtomsky)], 2012, Electronic resource: http://posredi.ru/blog03_9_uhtomskiy.html (Date of access — 23.08.2018) [in Russian].

Uhtomskij 1918–1 — *Uhtomskij A.A.* Narod dolzhen byt' hozyainom svoego schast'ya [The people should be the master of their own happiness], in: Svyashchennomuchennik Arhiepiskop Ufimskij Andrej (Uhtomskij). Trudy [The priest Archbishop Andrey of Ufa (Ukhtomsky). Papers], St. Petersburg, Svoe izdatel'stvo Publ., 2013, pp. 655–660 [in Russian].

Uhtomskij 1918–2 — *Uhtomskij A.A.* O vlasti imperatorskoj i "Sovetskoj" [About the imperial power and "Soviet"], in: Svyashchennomuchennik Arhiepiskop Ufimskij Andrej (Uhtomskij). Trudy [The priest Archbishop Andrey of Ufa (Ukhtomsky). Papers], St. Petersburg, Svoe izdatel'stvo Publ., 2013, P. 649 [in Russian].

Uhtomskij 1928 — *Uhtomskij A.A.* Moya politicheskaya ispoved' [My Political Confession], in: Svyashchennomuchennik Arhiepiskop Ufimskij Andrej (Uhtomskij). Trudy [The priest Archbishop Andrey of Ufa (Ukhtomsky). Papers], St. Petersburg, Svoe izdatel'stvo Publ., 2013, pp. 691–700 [in Russian].

Zhuravskij 2000 — *Zhuravskij A.V.* Andrej (Uhtomskij) [Andrei (Ukhtomsky)], in: Pravoslavnaya ehnciklopediya [Orthodox Encyclopedia], Moscow, Pravoslavnaya ehnciklopediya Publ., 2000, pp. 361–365 [in Russian].

Кузнецова Наталья Юрьевна — начальник Управления довузовской и проф-
ориентационной работы Петрозаводского государственного университета (Петрозаводск, Россия).
Natalia Kuznetsova — Head of department of pre-university and professional
orientation work of Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russia).
E-mail: foliage.07@mail.ru

Савченко Валерия Николаевна — Магистрант кафедры отечественной истории
Института истории, политических и социальных наук
Петрозаводского государственного университета (Петрозаводск, Россия).
Valeria Savchenko — Undergraduate of department of national history of Institute of history,
political and social sciences of the Petrozavodsk state university (Petrozavodsk, Russia).
E-mail: savchenko1530@gmail.com

УДК 94(470)

КУБАНЬ: ИЗМЕНЕНИЯ В УКЛАДЕ ЖИЗНИ ПОСЛЕДНЕЙ ЧЕТВЕРТИ XX — НАЧАЛА XXI ВВ.

И.Ю. Васильев

Научно-исследовательский центр традиционной культуры
«Кубанский казачий хор» (Краснодар, Россия)
e-mail: ivasee@mail.ru
SPIN-код: 8437–3902

Авторское резюме

В статье рассматривается хозяйственная специфика и история кубанского села в позднесоветский и постсоветский период. В третьей четверти XX в. в развитии хозяйства и инфраструктуры Кубани были достигнуты существенные успехи. Однако начиная с середины — конца 1970-х гг. начинают накапливаться негативные тенденции. Негативные процессы периода стагнации гораздо более масштабно проявились в период перестройки и в 1990-е гг. Историю Кубани после окончания Великой Отечественной войны можно разделить на три периода: до конца 1940-х гг. — послевоенное восстановление; конец 1940-х — начало 1970-х — Вторая советская модернизация, период активного развития и роста; период со второй половины 1970-х гг. и до конца столетия — период постепенно усиливающейся стагнации и разложения социально-экономической системы. В начале XXI в. на Кубани произошло определенное улучшение ситуации.

Ключевые слова: Кубань, уклад жизни, быт, экономика, село, сельское хозяйство.

KUBAN: CHANGES IN THE MODE OF LIFE IN THE LAST QUARTER OF THE 20th – BEGINNING OF THE 21st CENTURY

Igor Vasilyev

The research center of traditional culture
«The Kuban Cossack chorus» (Krasnodar, Russia)
e-mail: ivasee@mail.ru

Abstract

The article examines the economic specifics and history of the Kuban countryside in the late Soviet and post-Soviet period. Significant success was achieved in the development of the Kuban economy and infrastructure in the third quarter of the 20th century. However, since mid - late 1970s, negative trends began to accumulate. These trends of the stagnation period manifested themselves on a much larger scale during the period of Perestroika and in the 1990s. The history of Kuban after the end of World War II can be divided into three periods: post-war reconstruction - until the end of the 1940s; second Soviet modernization – a period of active development and growth - late 1940s - early 1970s; and a period of gradually growing stagnation and breakup of the socio-economic system - from the second half of the 1970s and until the end of the century. Some improvement in the situation occurred in Kuban at the beginning of the 21st century.

Keywords: Kuban, mode of life, economy, countryside, agriculture.

* * *

Количество работ, посвященных хозяйственной специфике и истории кубанского села в позднесоветский и постсоветский период, растет достаточно быстро. Коллективная монография «Сельское хозяйство Кубани: прошлое и настоящее», вышедшая под редакцией известного историка В.Н. Ратушняка дает общий обзор положения в сельском хозяйстве региона, в том числе и в постсоветский период. Работа дает широкую и весьма четкую картину изменения хозяйственного уклада на селе (Серогодский и др. 2017). Доктор сельскохозяйственных наук В.И. Комлацкий также дает обобщенную характеристику ситуации в сельском хозяйстве Кубани в постсоветский период (Комлацкий 2014). Особенности позднесоветского хозяйства региона описана в работах С.Н. Черникова (Черников 2017). Описание процессов, имевших место в кубанских станицах постсоветского периода сточки зрения самих станичников, особенности состояния местной инфраструктуры затронуты и в наших работах (Васильев 2016: 145–150; 2017: 271–289).

В третьей четверти XX в. в хозяйстве и развитии хозяйства и инфраструктуры были достигнуты существенные успехи. Однако начиная с середины — конца 1970-х гг. начинают накапливаться негативные тенденции. Рост производства сельхозпродукции и в 1970 г. чаще достигался путем распашки новых площадей, а не внедрения научных методов. Медленно шла интенсификация сельского хозяйства, все больше расходов требовал ремонт техники.

Одновременно на селе быстро росло количество разного рода руководящих работников.

Во второй половине 1970-х гг. на Кубани стала развиваться политика по «ликвидации неперспективных деревень», одновременно стал постепенно снижаться рост сельскохозяйственного производства.

Инфраструктура в отдаленных малых населенных пунктах переставала работать должным образом из-за наплевательского отношения к ее поддержанию. На х. Коваленко Братского сельсовета не было света в течение дня по причине отключения трансформатора, который не могли изолировать хулиганящих подростков. В западной части Усть-Лабинска наблюдались летние перебои в водоснабжения из-за полива и недоделанной, неразветвленной системы водоснабжения. А в Горячеключевском районе в тот же период началось исчезновение и упадок многих населенных пунктов, преимущественно хуторов. В 1975–1976 гг. исчезла с карт станица Абхазская (Семья Юрьевых. Где электроэнергия? // Сельская новь. 1975. № 87. 6 июня. С. 2; «Сельской нови» отвечают // Сельская новь. 1975. № 92. 19 июля. С. 1; Азаренкова и др. 1986: 285).

Стагнация развития, падение численности населения в 1970-е гг. охватывала уже целые территории. Так, с 1970 по 1979 г. численность населения Отрадненского района упала 79 017 до 67 547 человек (Отрадненский район. 2018). В 1974 г. в Отрадненском районе имело место невыполнение планов по сдаче государству продуктов животноводства, наиболее значимой для района отрасли сельского

хозяйства. Эта проблема концу 1980-х гг. только обострилась. Так, в колхозе «Россия» к концу 1980-х гг. план по сдаче молока был выполнен только на 51% (Итоги года минувшего // Сельская жизнь. 1975. № 4. 9 января. С. 1; Дневник животновода // Сельская жизнь. 1989. № 132. 2 ноября. С. 1).

Примат интересов власти над интересами населения иногда выражался и в превращении колхозов совхозы. *«Хорошее хозяйство было, хорошее! И виноградарство, и животноводство, и овцы и коровы. Колхоз богатый был! А потом из колхоза сделала партия совхоз. Потому, что в колхозе уже стали люди жить зажиточно, машины стали покупать. И партия прикинула, что люди стали жить сильно жирно решила сделать совхоз… Где-то восьмидесятые. Где-то вначале, до Горбачева. Сделали из колхоза совхоз…»* (ПМ КФЭЭ–2004. А/К. 3174. ст. Запорожская Темрюкского р-на. Инф-т.: А.А. Харченко (1928 г.р.). Иссл.: О.В. Матвеев).

Помпезность и лицемерие вокруг руководящих работников вызывали все больше раздражения: *«В Краснодаре был Медунов, он в Москву ехал, выполнял, замисто рысу давал кукурузу, ячмень, пшиныцю, а там пыше шо я рысу скикэ сдал […]. От вин и творыв усэ чудеса, и його возвышалы. Я работал, 34 года отработал механизатором, и на фронте механизатором. Тут встреча, Медунов должен приехать, за станицей от Титаровки делали дорогу, разни транспоранты вешалы. […] Что это такое? Я хозяин, я еду, к чему это все делать?»* (ПМ КФЭЭ–2007–1. АК № 3774. х. Казачий Малеванный. Инф-т.: Диденко Г.А., 1918 г.р. Иссл.: Бондарь Н.И.).

Постсоветский период в станицах оценивается информантами как время всеобщего упадка и развала. *«– На хуторе сейчас нема никакого своего хозяйства? — Нема. Хферма пустэ. Нема ж ниче. СТФ были в Малеванном, и МТФ. И гусэй державы, и индюкив дэржали. Птицефермы были, утятники были. По три тыщи утей было и индюки. Нема нигде ниче. Техники было полно, як я робыл. Девять комбайнов. Два новых было. Две тыщи пятсот сил, як на пенсию уходыл»* (ПМ КФЭЭ–2004. А/К 3123. Ст. Вышестеблиевская Темрюккого р-на Краснодарского к-я. Инф-т.: Кривонос Я.А., 1922 г.р., Якименко А.С., 1916 г.р., Якименко Я.С., 1923 г.р.). *«Все было свое тогда. А потом стали все потихоньку ломать. Ломать, ломать, ломать. И сломали. У нас во второй бригаде было три звена только лишь бабских. И всем хватало работы. Четыре бригады было. 4 МТФ. 2 СТФ. ПТФ было. А сейчас ничего. Ни даже фермы животноводческой. Ни одной фермы. Что-то держали, когда у нас было возрождение фермеров. Решили, что одну ферму оставим, закупим туда породистый скот. И так и не привезли. Говорят, пропали уже. Говорят, какой-то комбинат будут делать, чтобы птицу, яйцо выращивать. Но вряд ли они на нем выиграют. На молоке б больше выиграли. Было СТФ одно. Потом не стало рентабельно… У нас меняются главы-то: то один, то другой, то третий. Толку никто не даст. То было "Возрождение", то какой-то "Юг" сделали»* (ПМ КФЭЭ–2010. АК 4201. ст. Сергиевская Кореновского р-на. Инф-т.: Фурса А.М., 1937 г.р. Иссл.: И.Ю. Васильев). *«Рубин этот обанкротился. Этих белых коров завезли, пасуть. Не сеют. Поля позарастали все. Такие стоять доверху — не достанешь, кустарником позарастали. Все заросло. Не пахано скоко лет! Коров пасут, тоже ж не пашут. Кустарники уже повырастали. При демократии щас пьянка, хулиганство»* (ПМ КФЭЭ–2010–2. АК 4237.

ст. Мартанская Горячеключевского р-на. Инф-т.: Горбачев И.А., 1927 г.р. Иссл.: И.Ю. Васильев).

Уже в начале 2000-х многие хозяйства страдали от значительных долгов и налогового прессинга, высоких цен на энергоносители (*Ляшко Н.* Напряженные будни колхоза «Путь Ильича» // Сельская жизнь. 2003. № 26. 1 марта. С. 3; *Лахно А.* В Спокойной готовятся к юбилею // Сельская жизнь. 2003. № 32. 18 марта. С. 2).

В целом ситуацию, сложившуюся с начала 1990-х годов, бывшие колхозники оценивают как крушение нормального мира и воцарение хаоса, который не преодолен и по сей день.

Начало 1990-х г. ознаменовалось развалом и непрофессионализмом управленцев, резким снижением производительности труда. «*Ставят сейчас человека такого, в колхозе председателем был — развалил его к чертовой матери.* […] *Не хозяин, пришелец…*» (ПМ КФЭЭ–2008. А/К 4091. ст. Некрасовская Усть-Лабинского р-на. Инф.: Бондарев Н.П., 1924 г.р. Иссл.: Матвеев О.В.). Если брать статистические показатели, то, например, 1988 по 2000 гг. поголовье овец в Отрадненском районе сократилось с 320 тыс. голов до 23 650 голов (*Саакян А.* Как нам заниматься овцеводством // Сельская жизнь. 2000. № 7. 18 января. С. 3).

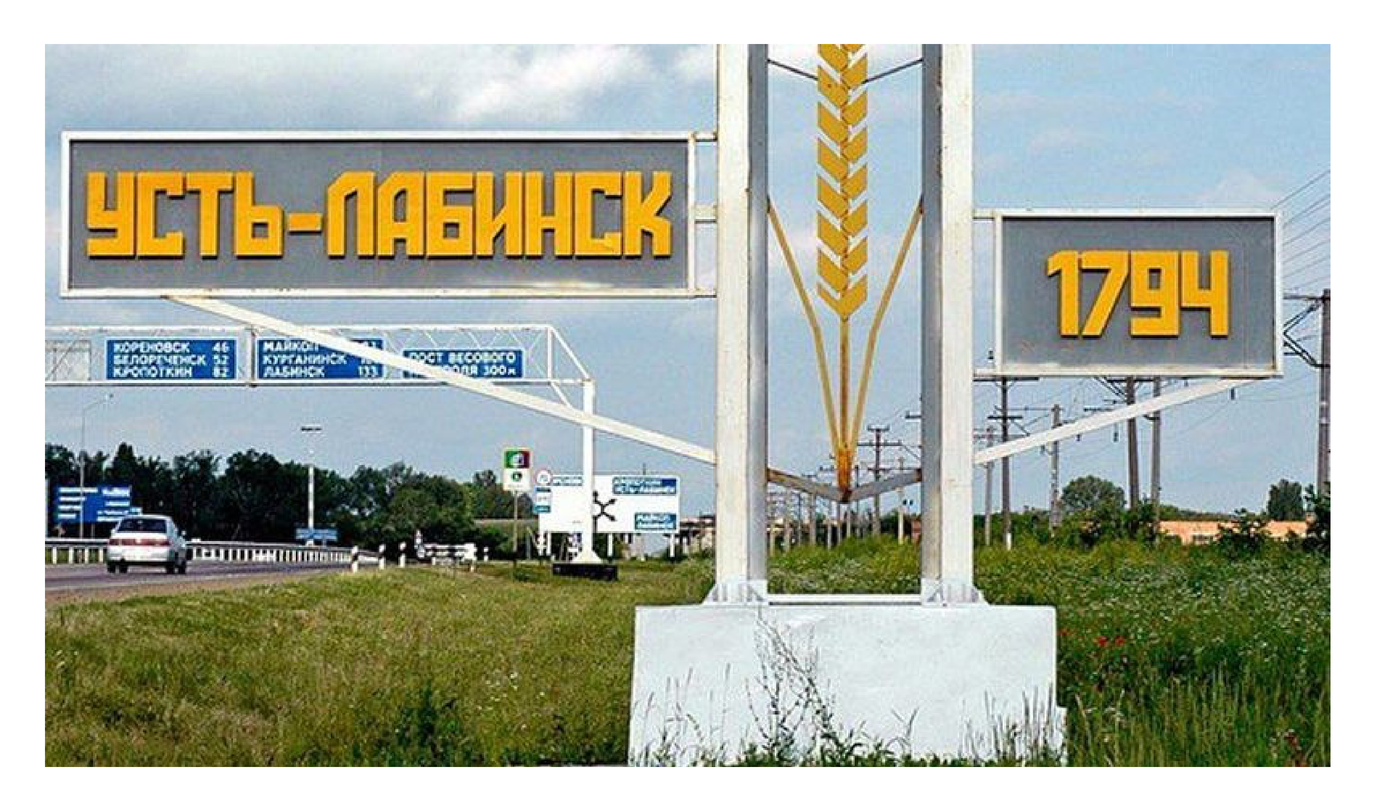
Приусадебные хозяйства как-то могли компенсировать жителям перебои с зарплатой, однако не могли ее полностью заменить (Сельские поселения 2018). «*Миллионер был колхоз и совхоз. ...За три года ничего не осталося! Всэ накрылось, и фермы накрылысь!... У нас в станице был хороший роддом! Лежали уже в нем! А щас нема больницы, а станица больша, семь килОметров. В Темрюк, а в Темрюку своих людэй хватает! Если довезут! Скорой колысь менэ повезли… Одно мучение!*» (ПМ КФЭЭ–2017. А/Т Курч4. ст. Курчанская Темрюкского р-на. Инф-т.: В.Л. Петренко, 1937 г.р. Иссл.: Матвеев О.В.). «*В Азовском развалили (совхоз — И.В.). ... Так на фермах даже окна повытаскивали, стоят строения одни, шифер посымали. Кому надо — лезет — сымает. И никто ни за что не отвечает. Там же глава Ермоленко. Хоть что-то надо было делать! Никому ничего не надо!*» (ПМ КФЭЭ–2004. А/К 3174. ст. Запорожская Темрюкского р-на. Инф-т.: А.А. Харченко (1928 г.р.). Иссл.: О.В. Матвеев).

Со страниц газеты «Сельская новь» (Усть-Лабинский район) исчезают новости из станиц, сообщения о работе сельскохозяйственных и промышленных производств. Разрастается криминальная хроника, материалы идеологического, политического, религиозного и рекламного характера. Одновременно, наряду с алкоголизацией населения, росло число увеселительных и праздничных мероприятий. Наблюдался рост преступности. Так, перед новым 1993 г. в г. Усть-Лабинске совершались кражи и ограбления ресторанов, кафе, магазинов и возле них. В обществе растет тревожность, например, страх перед криминалом, болезнями (*Иванова В.* Фальшивые купюры // Сельская новь. 1993. № 1. 5 января. С. 1; Не ешьте мяса диких кабанов // Сельская новь. 1993. № 1. 5 января. С. 1; Предновогодние «гости» // Сельская новь. 1993. № 1. 5 января. С. 2; *Григорьева В.* «Мама, а почему ты пьешь?... // Сельская новь. 1997. № 2. 7 января. С. 4; *Ермак В.* Потехе — не только час! // Сельская новь. 1997. № 1. 3 января. С. 4). Поэтому в начале XXI в. все больше

распространение в сельской местности получают системы видеонаблюдения (Чазова 2018).

В условиях распада горизонтальный социальных связей и самоорганизации, характерных для второй половины XX в., вырождаются и деградируют наиболее фундаментальные обычаи и традиции. «*А сейчас там обедают* (на кладбище — И.В.), *один так родителей поминет, что, извини за выражение, и на крест пописеет*» (ПМ КФЭЭ–1996. А/К 1094. ст. Удобная. Инф-т.: Федорченко Т.М., 1910 г.р., Кущенкина А.Г., 1908 г.р. Исс-ли: Капышкина С.Ю., Самарская А.).

В условиях слабых и неразветвленных социальных связей немало трудностей испытывают фермеры. Малые крестьянские и фермерские хозяйства зачастую в условиях отсутствия налаженного сбыта, дороговизны техники, запчастей и ГСМ оказывались нерентабельными, хорошо развивались наиболее крупные агрохолдинги. В постсоветский период нарастал процесс укрупнения сельского производства. Например, 1997 году ООО «Гранит» (Красногвардейское сельское поселение Отрадненского района) вливается в СПК колхоз-племзавод «Казьминский» Ставропольского края Кочубеевского района и по настоящее время является Отрадненским отделением большого колхоза. А одно из предприятий ООО «Васюринский МПК» расположенное на территории Передовского сельского поселения, имело в средине 2000-х гг. важное бюджетообразующее значение (Сельские поселения 2018).

Но Кубань продолжает оставаться одним из ведущих сельскохозяйственных регионов. В его рамках нашло свое место и мелкое производство. К средине 2010-х гг. на Кубани было зарегистрировано 14 тыс. крестьянских фермерских хозяйств. Они

обрабатывают около 25–26% пахотных земель региона, производят в среднем 30% сельхозпродукции (Серогодский и др. 2017: 265–272, 275–281, 284).

Поэтому некоторые станичники, пострадавшие в свое время от советских ограничений, позитивно восприняли крушение советской системы. «*Я воевал почти пять лет, прихожу, а мне пятнадцать соток. А колхознику — тридцать. Несправедливость, землю надо ровно делить! ... А при Сталине была власть, я в колхозе, держу две коровы. Держи одну корову, а другую в колхоз сдай. А бригадир не всех передал на суд, а какие были друзья, не предал. Приезжают с района судить. Почему не сдал корову. И я не сдал корову. "Двухкоровник, подойдите к красному столу!". Подхожу. "Вы почему корову не сдали? — Тут другие не сдали, и я не сдал — Значит так, получается, запряжу я бугая, куды люди, туды я!? Будет совещание, я тебе дам, двухкоровник!". Постановило совещание коров в колхоз сдать почти задарма, и прИговор — шесть месяцев принудительных работ и двадцать пять процентов заработка вычетать в пользу колхоза. Приезжаю я домой и к хозяйке. Она говорит: "Я ж тебе говорила, сдай ты их этим комунягам! Они тебе замучают!" — Я че я буду задарма сдавать! Старую рыжем, колбасу сделаем, она дорогая. А молодую остав. А я заявлю, что корову продал". Заризал на колбасу. Заризал, колбасу вынес на рынок, продал, деньги хорошие получил, все. А то полмесяца отрабатывал. А щас по тридцать соток всем. А если земля большая, сорок соток дадут. Раньше, если не вспахал, землемер бежит еще солнце не зашло отбирать. А щас уже не бегають, и это не плохо! И коров держи скока хочешь, свобода!*» (ПМ КФЭЭ–1996. А/К 1071. ст. Удобная Отрадненского р-на. Инф-т.: В.М. Гордеенко, 1913 г.р., Иссл.: Матвеев О.В.).

В 2010-х гг. Краснодарский край занимает первое место в РФ по производству пшеницы, кукурузы подсолнечника, сахарной свеклы, фасоли. Третье место по производству мяса, четвертое — по производству молока, пятое — по производству яиц.

Состояние сельского хозяйства в постсоветский период так охарактеризовано И.А. Комлацким. «Пожалуй, главное отличие — стабилизировалась ситуация в растениеводстве. По сравнению с временами СССР урожайность даже выросла. Нет, в советское время больших проблем не было, но положение в отрасли было менее стабильным. Сейчас появилась новая серьезная техника, которая позволяет соблюдать технологию и быстро обрабатывать почву. А вот в животноводстве, если сравнивать с началом девяностых, произошел серьезный спад. На Кубани он даже более интенсивный, чем в некоторых других регионах. Особенно это коснулось свиноводства, дойного стада. Если брать показатели 25–летней давности, то свиней в Краснодарском крае было 3,2 миллиона голов. Еще три-четыре года назад — порядка 1,2 миллиона. Сегодня, после нескольких лет вспышек африканской чумы свиней, около 250–280 тысяч голов. Коров в советское время было порядка 560 тысяч, сейчас меньше 200 тысяч. В целом крупного рогатого скота было более миллиона, сегодня около 600 тысяч. В советское время в крае содержали около 1,2 миллиона овец, сейчас овец и коз вместе чуть больше 200 тысяч» (Комлацкий 2014).

Основа современной станичной инфраструктуры и быта, сформировавшаяся еще в советское время, продолжает испытывать кризис. Восстановление начала XXI в. оказалось ограниченным по масштабам. Например, в станице Кирпильской почти нет работы. В сельском хозяйстве она чаще всего сезонная, и зависит от размера урожая в фермерских хозяйствах. На хуторе Железном осталось последнее работающее звено сельхозпредприятия из 12 человек, трое в ближайшее время идут на пенсию (ПМ КФЭЭ–2016. А/Т 1. х. Железный Усть-Лабинского р-на. Инф.: Еременко Т.Д., 1934 г.р. Иссл.: Зудин А.И.; ПМ КФЭЭ–2016. А/Т 13. ст. Кирпильская Усть-Лабинского р-на. Инф.: Кравченко И.Н., 1941 г.р., Иссл.: Матвеев О.В., Зудин А.И.). Среднемесячная заработная плата работающего населения на территории Благодарненского сельского поселения Отрадненского района уже в средине 2000-х гг. составляет 4145 рубля, что чуть выше прожиточного минимума по краю (4003 рубля), самая высокая заработная плата в электросетях — 9600 рублей, самая низкая в культуре, детских садах, соц. защите, почте (от 2100 до 3000 рублей) (Сельские поселения 2018).

Поддержание и развитие инфраструктуры требует притока людей трудоспособного возраста. Тогда как, например, в пределах Благодарненского сельсовета Отрадненского района на 1 января 2008 года проживает 5036 человек 1357 составляют пенсионеры. Притоку или хотя бы сохранению местной молодежи на прежнем месте жительства препятствуют меленькие заплаты (Сельские поселения 2018).

Активныя социальная жизнь все более концентрируется в районных центрах. Так, в Отрадненском сельском поселении 5 общеобразовательных средних школ, где обучается 2703 детей. Имеются: профессиональное училище Отрадненский филиал Армавирского ПУ–11, филиал Кубанского государственного университета, Отрадненский гуманитарный институт, детских дошкольных учреждений — 10 (Сельские поселения 2018).

Но начиная со второй половины 1990-х гг. наметился некоторый подъем сельскохозяйственного и промышленного производства. Особенно это касалось таких районов, как Усть-Лабинский. В 2001 г. сдан в эксплуатацию центр по ремонту тяжелых тракторов, В 2008 г открыта новая молочнотоварная ферма холдинга «Кубань», 2009 г. вновь открыт мясокомбинат. В качестве главных предприятий района выступают компании «Главстрой — Усть-Лабинск» и «Базовый элемент» О.В. Дерипаски. Во второй половине 1990-х годов некоторые хозяйства укрепили свое положение, хотя продолжали испытывать серьезные трудности с техникой, горючесмазочными материалами и финансовыми средствами. Исчезнувший в 1970-е гг. х. Сокольский возродился за счет создания фермерского хозяйства «Сокольское», занимающееся животноводством и переработкой животноводческой продукции. По данным районной администрации, Усть-Лабинской районе проживает 2% населения Краснодарского края, но сконцентрировано 10% производства растительного масла, 9% — сахарного песка, 4,5% — муки (Забазнов, Савенко 2015: 163, 169; Подымов Е. ПСХ «Суворовское» — техника к весне готова // Сельская новь. 1997. № 17. 13

февраля. С. 1; Периков М. Ячмень убрали организованно // Сельская новь. 2002. № 77. 6 июня. С. 1; Дарьина В. Жилье, зерно и 2 тыс. рублей // Сельская новь. 2002. № 77. 6 июля. С. 1).

В начале XXI в. курортное дело Горячего Ключа стало возрождаться, и в большей степени, чем другие отрасли. В 2004 г. наполняемость санаториев Горячего Ключа была 82% против 55% по краю (Рыжкова Е. Горячие дни Горячего Ключа // В Законодательном собрании края. 2005. № 8 С. 4.). Однако происходит удорожание услуг, гораздо больше отдельных процедур стало платными (Рыжкова Е. Горячие дни Горячего Ключа // В Законодательном собрании края. 2005. № 8 С. 4). Относительно крупное промышленное производство не вернулось в Горячий Ключ. 99,9% предприятий Горячего Ключа — это местный малый и средний бизнес. 20 деревообрабатывающих минифабрик, производство сторойматериалов: блоков панелей, плит (Джулаев Г. Горячий год Горячего Ключа // Жемчужина Кубани. 2006. № 153. 7 октября. С. 11). Продолжает существовать недостаток рабочих мест, связанный с развалом промышленности. Работу можно найти только в курортной сфере, сфере услуг и на заготовке леса (Шварцман Н. «Я знаю, городу весть!» // Кубанские новости. 2004. № 130. 13 августа. С. 15).

При этом в начале XXI в. продолжилось относительно активно развитие крупнейших населенных пунктов горячеключевского городского округа — Горячего Ключа и станицы Саратовской. В городе идет строительство дополнительных объектов курортной сферы. Была сооружена дорожка на вершину горы Петушок. Источник св. Пантелеимона был оформлен в православном стиле. В санатории «Горячий ключ» Был разбит пихтовый парк (Джулаев Г. Горячий год Горячего Ключа // Жемчужина Кубани. 2006. № 153. 7 октября. С. 11). Развивалась и система образования Горячего Ключа. Открылись горячеключевские филиалы КубГУ (Кубанского государственного университета), Ейского медучилища, детский дом, реабилитационный центр для ветеранов труда (Рыжкова Е. Горячие дни Горячего Ключа // В Законодательном собрании края. 2005. № 8 С. 4). Отрадненский гуманитарный институт был основан в 1991 г. Долгое время он оставался единственным самостоятельным вузом, созданным в сельской местности. Однако вуз прекратил набор абитуриентов и научную деятельность с 2016 г. (Касаков А. Отрадненскому гуманитарному институту — 9 лет // Сельская жизнь. 2001. № 1. 4 января. С. 2).

Был составлен проект генерального плана развития станицы Саратовской (Проект 2015). Однако в малых населенных пунктах нарастают проблемы почтового, банковского, медицинского обслуживания населения (Станица Имеретинская 2014). Что происходит параллельно со значительными изменениями в этническом составе, по крайней мере, некоторых населенных пунктов.

Имели место и позитивные перемены в некоторых малых населенных пунктах края. Так, в 2001 г., через десять лет после отключения, водопровод в станице Спокойной вновь начал работать. Но в 2007 г. он по-прежнему был в плачевном

состоянии (Основные показатели 2006: 25, 31; Темрюкский район 2018; Вкусный туризм // Кубанские новости. 2016. № 60. 20 апреля. С. 19).

С 2004 по 2005 год количество строительных организаций в Темрюкском районе выросло с 26 до 56. Оборот розничной торговли за тот же период вырос с 1725, 7 млн. руб. до 2286, 2 млн. руб. В районе расположены около 74 % площадей виноградников Краснодарского края — 18 тысяч га, валовый сбор винограда составляет 120–160 тысяч тонн. Развивается агротуризм (Пащенко Ф. Вода пошла // Сельская жизнь. 2001. № 5. 16 января. С. 1; Чурикова Н. Трудности преодолены // Сельская жизнь. 2007. № 25. 1 марта. С. 1).

Со второй половины 1990-х гг. также наблюдается возрождение некоторых традиций позднесоветской эпохи. Так, при животноводческо-племенном совхозе «Кубань» в 1997 г. была сформирована ячейка из 18 ветеранов партии, войны и труда. Они пытались влиять на деятельность предприятия, например, добиваться передачи больших полномочий трудовому коллективу. В основном это имеет место в основном в сфере культуры и символики. В 2001 году при ладожском доме культуры создана вокальная ветеранов труда. В репертуаре группы значились казачьи и патриотические песни. С 70-летием одного из ветеранов колхоза «Восток» поздравил глава района. Одновременно количество активно отмечаемых праздников только выросло. В праздничных традициях начала XXI в. наблюдается определенное смешение советского и постсоветского. В 2002 г. с 1 мая жителей района поздравляли глава администрации и руководитель ячейки КПРФ. В 2002 г. с днем согласия и примирения жителей Усть-Лабинского района поздравляли глава администрации и председатель Совета ветеранов. Причем председатель совета ветеранов поздравлял именно с годовщиной Октябрьской революции (Золотов В. Вернуть былую мощь // Сельская новь. 1997. № 20. 20 февраля. С. 1; Родионов А. Бригадиру бригады № 2 колхоза «Восток» А.Л. Петросяну — 70 лет // Сельская новь. 2002. № 9. 24 января. С. 1; Коновалова Г. Дорогие товарищи! // Сельская новь. 2002. № 50. 30 апреля С. 1).

Период второй советской модернизации охватывает отрезок времени с конца 1940-х гг., когда послевоенное восстановление начало переходить в следующий этап развития. На Кубани маркером стало появление в колхозах новых гусеничных тракторов. Она активно продолжалась и в течении 1950-х — 1960-х гг.

Важным элементом идеологии того периода, если рассматривать его большую часть, а не самое начало и самый конец, является идея построения коммунизма, идеальное общество будущего пытались хотя бы отчасти реализовать на практике. Что выразилось в значительной роли науки в жизни общества. Принципы «научной организации труда» под руководством настоящих ученых доходили в том числе и до колхозов в сельской глубинке. По крайней мере, до достаточно успешных колхозов. Краснодарский край стал одним из основных бенефициаров (в отличии от ранней) поздней советской модернизации. Резко вырос уровень жизни кубанцев, особенно селян — колхозников. Колхозы на Кубани были одними из самых эффективных и успешных во всем СССР. Активно развивается кубанская агрономическая наука, селекционное дело.

С середины 1970-х наметился процесс стагнации развития советского общества, которое во многом превратилось в общество потребления. Больше внимания стало уделяться разделу, потреблению, усвоению, отдыху и развлечениям. Последние стали осознаваться как значимая самостоятельная ценность. Меньше стали создавать новых предприятий, образовательных и научных учреждений, объектов инфраструктуры. Хотя процесс строительства и созидания еще продолжался.

Однако уже наметились тенденции разрушения общества, его инфраструктуры. Параллельно переходу к дележу от созидания появилось стремление ликвидировать самостоятельное и неподконтрольное. Процесс начинается с села. В этот период концепция «ликвидации неперспективных деревень» активно воплощается в жизнь, исчезает целый ряд населенных пунктов. Ликвидируется, например, станица Абхазская (1975 г.), ряд хуторов Усть-Лабинского района.

Негативные процессы периода стагнации гораздо более масштабно проявились в период перестройки и 1990-е гг. Которые не были противоположностью периода стагнации, но их логическим продолжением. Не даром лоббист «ликвидации неперспективных деревень» А.Н. Яковлев стал и одним из «архитекторов перестройки».

Таким образом, мы делим историю Кубани после окончания Великой Отечественной войны на три периода: до конца 1940-х гг. — послевоенное восстановление; конец 1940-х начало 1970-х — Вторая советская модернизация, период активного развития и роста; период со второй половины 1970-х гг. и до конца столетия — период постепенно усиливающейся стагнации и разложения социально-экономической системы. При том, что вначале XXI в. имело место определенное улучшение ситуации.

ЛИТЕРАТУРА

Азаренкова и др. 1986 — *Азаренкова А.С., Бондарь И.Ю., Вертышева Н.С.* Основные административно-территориальные преобразования на Кубани (1793–1985 гг.). Краснодар, 1986.

Васильев 2016 — *Васильев И.Ю.* Памяти XX века. Устная история кубанских станиц. М., 2016.

Васильев 2017 — *Васильев И.Ю.* Структура пространства населенного пункта: традиции и современность // Исторический формат. 2017. № 3–4.

Забазнов 2015 — *Забазнов А.Н., Савенко М.* Усть-Лабинск: историко-краеведческие очерки. Краснодар, 2015.

Комлацкий 2014 — Под присмотром западного фермера. Интервью с Василием Ивановичем Комлацким. 2014 [Электронный ресурс]. http://kazak-center.ru/publ/novosti_kazak_inform/na_zametku_kazakam/pod_prismotrom_zapadnogo_fermera/155–1–0–1373 (Дата обращения — 19.03.2018).

Основные показатели 2006 — Основные показатели развития городов и районов Краснодарского края. Краснодар, 2006.

Отрадненский район 2018 — Отрадненский район. 2018 [Электронный ресурс]. https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%9E%D1%82%D1%80%D0%B0%D0%B4%D0%BD%D0%B5%D0%BD%D1%81%D0%BA%D0%B8%D0%B9_%D1%80%D0%B0%D0%B9%D0%BE%D0%BD (Дата обращения — 19.03.2018).

ПМ КФЭЭ — Полевые материалы Кубанской фольклорно-этнографической экспедиции Научно-исследовательского центра традиционной культуры «Кубанский казачий хор».

Проект 2015 — Проект генерального плана станицы Саратовской. 2015 [Электронный ресурс]. http://uchebana5.ru/cont/3041201.html (Дата обращения — 19.03.2018).

Сельские поселения 2018 — Сельские поселения Отрадненского района. 2018 [Электронный ресурс]. http://www.otradnaya.ru/?area=sel_pos (Дата обращения — 19.03.2018).

Серогодский и др. 2017 — *Серогодский Н.А., Ратушняк В.Н., Демченко А.С., Чайка Е.А., Завгородний Д.С.* Сельское хозяйство Кубани: прошлое и настоящее. Краснодар: Традиция, 2017.

Станица Имеретинская 2014 — Станица Имеретинская: вчера, сегодня, завтра. 2014 [Электронный ресурс]. https://krasnodar.er.ru/news/2014/3/26/stanica-imeretinskaya-vchera-segodnya-zavtra/ (Дата обращения — 19.03.2018).

Темрюкский район 2018 — Темрюкский район. 2018 [Электронный ресурс]. https://ru.wikipedia.org/wiki/Темрюкский_район (Дата обращения — 19.03.2018).

Чазова 2018 — *Чазова С.* Под всевидящим оком камер. 2018 [Электронный ресурс]. http://www.v-life.ru/index.php?area=news&id=4587 (Дата обращения — 19.03.2018).

Черников 2017 — *Черников С.Н.* Изменения в материальном обеспечении на селе в Краснодарском крае в 1965–1980 гг. 2017 [Электронный ресурс]. http://historic-journal.ru/2017/materialnoe-obespechenie-na-sele-v-krasnodarskom-krae-v–1965–1980/ (Дата обращения — 19.03.2018).

REFERENCES

Azarenkova i dr. 1986 — *Azarenkova A.S., Bondar′ I.Yu., Vertysheva N.S.* Osnovnye administrativno-territorial'nye preobrazovaniya na Kubani (1793–1985 gg.) [The main administrative-territorial transformations in Kuban (1793–1985)], Krasnodar, 1986 [in Russian].

Chazova 2018 — *Chazova S.* Pod vsevidyashchim okom kamer [Under an eye of Omniscience of cameras], 2018, Electronic resource: http://www.v-life.ru/index.php?area=news&id=4587 (Date of access — 19.03.2018) [in Russian].

Chernikov 2017 — *Chernikov S.N.* Izmeneniya v material'nom obespechenii na sele v Krasnodarskom krae v 1965–1980 gg. [Changes in material security in the village in Krasnodar Krai in 1965–1980], 2017, Electronic resource: http://historic-journal.ru/2017/materialnoe-obespechenie-na-sele-v-krasnodarskom-krae-v–1965–1980/ (Date of access — 19.03.2018) [in Russian].

Komlackij 2014 — Pod prismotrom zapadnogo fermera. Interv'yu s Vasiliem Ivanovichem Komlackim [Under supervision of the western farmer. Interview with Vasily Ivanovich Komlatsky], 2014, Electronic resource: http://kazak-center.ru/publ/novosti_kazak_inform/na_zametku_kazakam/pod_prismotrom_zapadnogo_fermera/155–1–0–1373 (Date of access — 19.03.2018) [in Russian].

Osnovnye pokazateli 2006 — Osnovnye pokazateli razvitiya gorodov i rajonov Krasnodarskogo kraya [Main indicators of development of the cities and areas of Krasnodar Krai], Krasnodar, 2006 [in Russian].

Otradnenskij rajon 2018 — Otradnenskij rajon [Otradnoye district], 2018, Electronic resource: https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%9E%D1%82%D1%80%D0%B0%D0%B4%D0%BD%D0%B5%D0%BD%D1%81%D0%BA%D0%B8%D0%B9_%D1%80%D0%B0%D0%B9%D0%BE%D0%BD (Date of access — 19.03.2018) [in Russian].

PM KFEE — Polevye materialy Kubanskoj fol'klorno-etnograficheskoj ekspedicii Nauchno-issledovatel'skogo centra tradicionnoj kul'tury “Kubanskij kazachij hor” [Field materials of the Kuban folklore and ethnographic expedition of Research center of traditional culture "The Kuban Cossack chorus"] [in Russian].

Proekt 2015 — Proekt general'nogo plana stanicy Saratovskoj [Draft of the master plan of the village Saratov], 2015, Electronic resource: http://uchebana5.ru/cont/3041201.html (Date of access — 19.03.2018) [in Russian].

Sel'skie poseleniya 2018 — Sel'skie poseleniya Otradnenskogo rajona [Rural settlements of the Otradnoye district], 2018, Electronic resource: http://www.otradnaya.ru/?area=sel_pos (Date of access — 19.03.2018) [in Russian].

Serogodskij i dr. 2017 — *Serogodskij N.A., Ratushnyak V.N., Demchenko A.S., Chajka E.A., Zavgorodnij D.S.* Sel'skoe hozyajstvo Kubani: proshloe i nastoyashchee [Agriculture of Kuban: the past and the present], Krasnodar, Tradiciya Publ., 2017 [in Russian].

Stanica Imeretinskaya 2014 — Stanica Imeretinskaya: vchera, segodnya, zavtra [Village Imereti: yesterday, today, tomorrow], 2014, Electronic resource: https://krasnodar.er.ru/news/2014/3/26/stanica-imeretinskaya-vchera-segodnya-zavtra/ (Date of access — 19.03.2018) [in Russian].

Temryukskij rajon 2018 — Temryukskij rajon [Temryuk district], 2018, Electronic resource: https://ru.wikipedia.org/wiki/Temryukskij_rajon (Date of access — 19.03.2018) [in Russian].

Vasil'ev 2016 — *Vasil'ev I.Yu.* Pamyati XX veka. Ustnaya istoriya kubanskih stanic [Memories of the 20th century. Oral history of the Kuban villages], Moscow, 2016 [in Russian].

Vasil'ev 2017 — *Vasil'ev I.Yu.* Struktura prostranstva naselyonnogo punkta: tradicii i sovremennost' [Structure of space in a settlement: traditions and modernity], in: Istoricheskij format [Historical format], 2017, № 3–4 [in Russian].

Zabaznov 2015 — *Zabaznov A.N., Savenko M.* Ust'-Labinsk: istoriko-kraevedcheskie ocherki [Ust-Labinsk: local history sketches], Krasnodar, 2015 [in Russian].

Васильев Игорь Юрьевич — Кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Научно-исследовательского центра традиционной культуры «Кубанский казачий хор» (Краснодар, Россия).

Igor Vasilyev — Candidate of Historical Sciences, Senior research associate of the Research center of traditional culture “The Kuban Cossack chorus” (Krasnodar, Russia).

E-mail: ivasee@mail.ru

УДК 316.42

СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ ДИНАМИКА СОВЕТСКИХ КРАЕВЕДЧЕСКИХ МУЗЕЕВ СРЕДНЕГО ПОВОЛЖЬЯ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XX ВЕКА

Д.В. Желтоухова

Самарский национальный исследовательский университет
имени академика С.П. Королева
Россия, 443086, г. Самара, ул. Московское шоссе, д. 34
e-mail: dina-pomelova@mail.ru
Researcher ID: T–1452–2017
http://orcid.org/0000-0002–8625–0806
SPIN-код: 8240–3300

Авторское резюме

В статье рассматривается динамика развития социокультурного пространства советских краеведческих музеев второй половины XX века. Также автор статьи предпринимает попытку обозначить направления будущего развития. Затрагиваются такие темы, как социальная вовлеченность и исключение, понятия «советский» и «российский музей», мемориальные музеи, цикличность процессов в истории. Поднимаются проблемы переходных периодов в истории Советского Союза и их влияние на социокультурную динамику краеведческих музеев. Выделяются «точки роста» и циклы развития социокультурного пространства. В своем исследовании автор опирается на методологию социологических исследований П. Сорокина и Л. Гумилева.

Ключевые слова: социокультурная динамика, П. Сорокин, социокультурное пространство, социальная вовлеченность, мемориальные музеи, «точки роста», цикличность исторических процессов, советский музей, советский народ, пассионарность.

SOCIOCULTURAL DYNAMICS OF THE SOVIET LOCAL HISTORY MUSEUMS OF THE MIDDLE VOLGA REGION IN THE SECOND HALF OF THE 20th CENTURY

Dina Zheltoukhova

Samara National Research University
34, Moskovskoye shosse, Samara, 443086, Russia
e-mail: dina-pomelova@mail.ru

Abstract

The article reviews changes in the sociocultural space of the Soviet local history museums in the second half of the 20th century and attempts to outline directions for their future development. Topics covered encompass social inclusion and exclusion, concepts of "Soviet" and "Russian" museums, memorial museums, and the cyclical nature of historical processes. The author raises problems of transition periods in the history of the Soviet Union and their impact on the sociocultural dynamics of the local history museums

and highlights “growth points" and cycles of development of the sociocultural space. In this study the author relies on methodology of sociological research by P. Sorokin and L. Gumilyov.

Keywords: sociocultural dynamics, P. Sorokin, sociocultural space, social involvement, memorial museums, “growth points”, the cyclical nature of historical processes, Soviet museum, Soviet people, passionarity.

* * *

Развитие музеев как социального института представляет собой многокомпонентную систему. Автор статьи периодически в своих работах обращается к понятию социальное пространство краеведческих музеев. Актуальность темы статьи убедительно иллюстрирует высказывание Льва Гумилева «…как только мы начинаем изучать не одно состояние а множество их, то есть процесс, картина резко меняется и начинает напоминать, скорее, детский калейдоскоп, а не строгое картографическое изображение с сухими надписями» (Гумилев 2015: 6–7). Отметим, что целью нашей статьи является рассмотрение социокультурной динамики советских краеведческих музеев Среднего Поволжья второй половины ХХ века. Хотим обратить внимание, что наше исследование, направлено на изучение процесса становления музеев указанного периода. Вследствие чего мы решаем следующие исследовательские задачи: 1) что такое социокультурное пространство краеведческого музея и его элементы; 2) выявление элементов изучение в динамике; 3) обозначение основных «точек роста» элементов системы; 4) анализ динамики кривых; 5) выделение основных циклов социокультурной динамики; 6) поднимается вопрос о характере становления системы; 7) обозначаются направления развития социальной вовлеченности.

Анализ социокультурного пространства

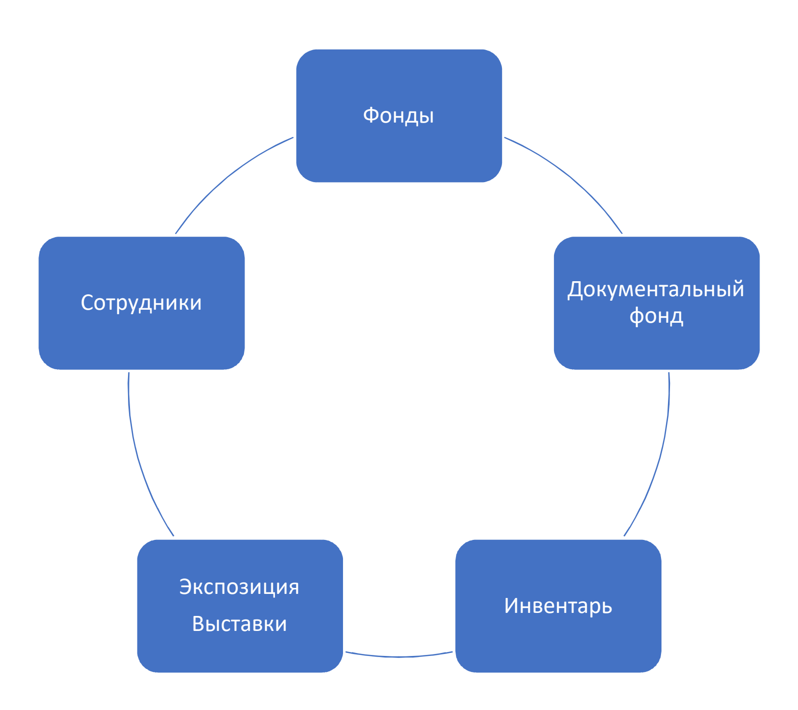
Социокультурное пространство музеев включает в себя несколько элементов. Для нашего исследования мы выделили основные: посетители музея, музейное законодательство и музейную сеть. Хронологические рамки исследования: 1945 г. до 1993 г. ХХ века. Исследуемая территориальная область: краеведческие музеи Среднего Поволжья (Ульяновск, Куйбышев, Пенза). В нашем исследовании мы опирались на методологию социальных исследований П. Сорокина, его систему изучения социокультурной динамики, представляющую триадную структуру: — личность, — общество (процессы), — культура. В этой системе мы представляем посетителей как сферу «личность», развитие музейной сети как «культура» и регулирование власти как сферу «общественные процессы». Мы понимаем, что наши обобщения являются спорными, однако, для автора это единственно возможный путь исследования полученных данных.

Согласно теории П. Сорокина мы рассматриваем эволюцию социокультурного пространства музея 1945–1990-х гг. как систему нелинейных изменений (Сорокин 1992: 53). Мы предполагаем, что внутри этой системы есть свои ритмы флуктуаций,

осцилляции и «циклы», каждый из которых имеет свою периодичность. Также мы предполагаем, что во всей триединой системе существуют «*точки роста*». Все эти понятия будут раскрыты нами ниже. За единицу изменений мы берем не отдельно взятый музей, а социокультурное пространство краеведческого музея, в которое входят: посетители, музейная сеть и государственное регулирование. Сразу же отметим, что при исследовании использовался критический подход, при котором мы рассматриваем динамику не как бесконечный прогресс или регресс, а как постоянно изменяющуюся среду, способную как на развитие, так и на стагнацию и спад. Большое внимание мы обратили на повторяющиеся процессы: изобретения, конфликт, интеграция, дифференциация, конверсия, организация, дезорганизация и др. Эти и другие процессы встречаются в жизни каждого человека и каждой жизни-истории общества, поэтому их изучение универсально. С этим согласно большинство известных социологов XX века (Сорокин 1992: 25).

Для наглядности представим внутренне и внешнее социокультурное пространство советского краеведческого музея. В графике 1 мы видим внутреннее социокультурное пространство советского краеведческого музея.

График 1.
Внутреннее социокультурное пространство советского краеведческого музея.

На графике 2 изобразили внешнее социокультурное пространство советского краеведческого музея.

График 2.
Внешнее социокультурное пространство советского краеведческого музея.

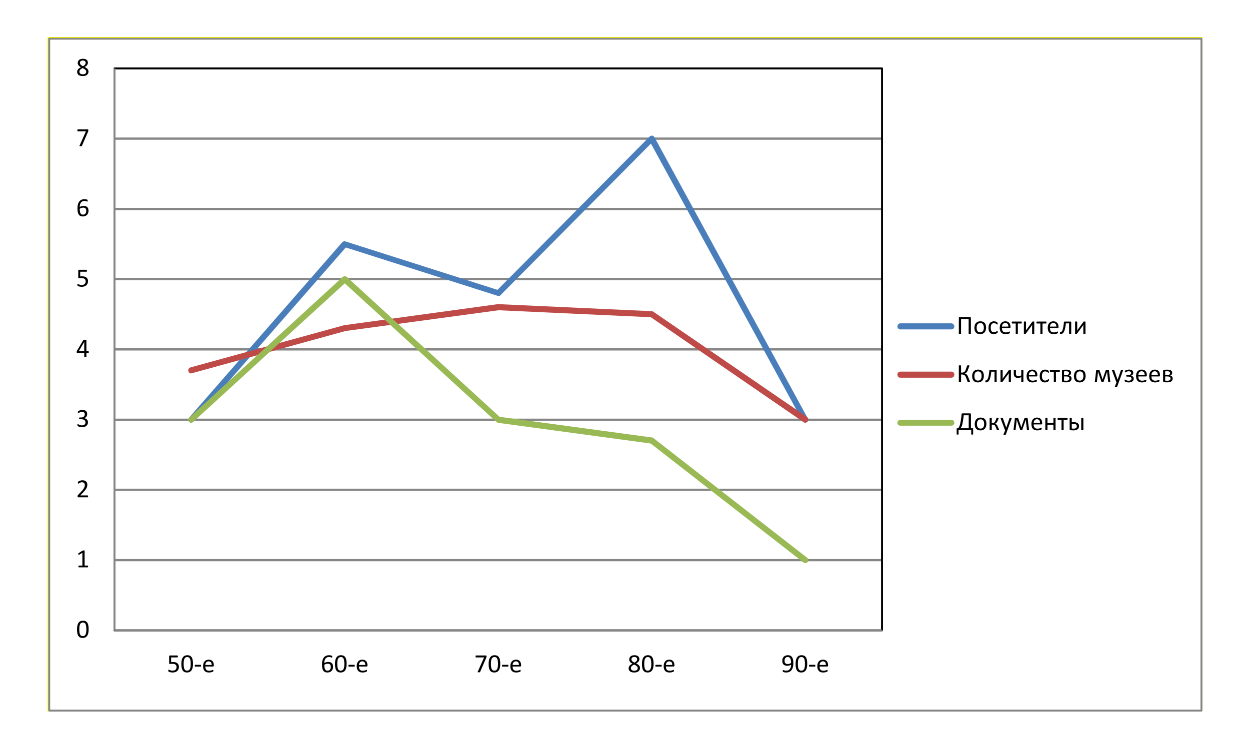

Динамика развития социокультурного пространства

Стоит отметить, что наше исследование представляет собой лишь абстрактную картину динамики развития, потому что, для создания более конкретной картины, на наш взгляд, потребовалось бы более детальное исследование, с использованием большого количества статистической информации (численность посещений музеев за каждый год, анализ законодательных и нормативных актов региональных органов власти и т.д.). Мы бы затратили большое количество сил и ресурсов, которые, по сути, не изменят результатов исследования динамики развития. Так, мы выбираем целостный и комплексный подход, соединяющий все воедино. Естественно, подобный подход можно обвинить в поверхности, однако, мы можем возразить лишь одно, как по капле судят обо всем море, так и мы используем только ключевые сведения и создаем по ним целостную картину всего социокультурного пространства советского краеведческого музея.

Графически динамика развития социокультурного пространства советского музея второй половины XX века представлена на графике 3.

График 3.
Динамика развития социокультурного пространства советского краеведческого музея

В раннее опубликованных работах мы выяснили ключевые моменты, которые способствовали всем подъемам, сдвигам, снижению и стагнации всех этих трех сфер (Желтоухова 2013а: 329–331).

Согласно нашей диаграмме наиболее активное движение в числовых показателях наблюдалось в численности посетителей. В этой сфере наблюдается наиболее резкая динамика от минимальных чисел до высоких показателей. Это, впрочем, неудивительно. Посетители — общество — наиболее гибкая из всех сфер и подсчет их количества ведется после каждой проведенной выставки, экскурсии, экспозиции (см. График 3).

Послевоенное время, несмотря на весь ущерб, который нанесли военные действия, стало периодом усиления выраженности культурного своеобразия, аккумуляции всех научных и творческих сил музейной среды. Такой подъем в целом характерен как последствие периода вынужденной стагнации в годы войны. Это подтверждают позитивные тенденции роста во всех сферах социокультурного пространства. Как мы видим, наиболее ярко это выражено в кривой «общество», которое у нас выражается в увеличении численности посетителей выставок и экспозиций. Так с конца 40-х гг. до максимального пика 1960-го года «абстрактная кривая» выросла с 3–х условных единиц до 5,4–ти. Также по устным воспоминаниям современников 70% респондентов отмечают, что действительно наблюдали в этот период стремление к привлечению общественности в музеи. Как мы видим, подъем выражался во всех сферах. Отметим, что этот период был наиболее продуктивным

для сферы «Документы». В дальнейшем в этой сфере наблюдается только спад и стагнация (см. График 3). Можно сказать, что именно этот период сформировал документационную систему музейной среды. Так именно в период с конца 1940-х гг. до начала 1960-х гг. наблюдался активный рост числа организационных, правовых и инструкционных документов, которые и повлекли за собой активный рост в двух других сферах социокультурного пространства. То есть для сферы «Документы» именно этот период можно назвать «точкой роста».

Анализируя кривую «личность» — «посетительская вовлеченность» (Sandell 2017: 45, 53) видно, что на ней две основных «точки роста» и ярко выраженные два цикла. Они пришлись на 1960-е и на 1980-е гг. Согласно музейной статистике этих лет в эти периоды наблюдались наиболее активные периоды вовлеченности посетителей в музейную деятельность. Это и неудивительно. Два этих периода исторически значимые, и музейные сотрудники делали если не все, то многое, чтобы привлечь основную аудиторию в музеи. Эти два периода активной вовлеченности обусловлены несколькими факторами. Прежде всего, важных для Советского Союза празднованиями годовщин революции 1917 года (50-летие 1967 г. и 70-летие 1987 г.). Естественно, советскими музеями проводилась колоссальная работа по просвещению и привлечению внимания к этим датам. Эта работа видна и в увеличении научных публикаций по этим темам музейных работников (Егоров 1985; Закс 1957; Моисеев 1967; Никитенко 1984) и статистическим материалов по посещению выставок (книг отзывов и предложений, статистика экспозиций и выставок), а также по воспоминаниям очевидцев (Желтоухова 2012: 40). После 1980-х гг. наблюдается спад посетительской вовлеченности. Подобный спад обусловлен несколькими факторами: в основном этот спад связан с политическими и экономическими факторами и той перестройкой общества, которая произошла вначале 1990-х гг. Традиционные ленинские музеи, которые вели активную просветительскую работу и являлись даже культурными центрами, упразднялись и объединялись с другими тематическими музеями (СОИКМ им. П.В. Алабина). По воспоминаниям очевидцев, подобные явления достаточно болезненно воспринимались музейными сотрудниками (Бенгина-Есина 2010: 150, 248, 520). Вся страна переживала глубокий комплексный кризис, что не могло не отразиться на посетительской вовлеченности в музеи. Хотя, с другой стороны, музейные сотрудники, в том числе руководители отмечают, что это был хоть и тяжелый период, но интересный. Таким образом, в зависимости от происходящих в обществе событий (политических, экономических и культурных) эволюционирует и находится в динамике социальная вовлеченность в музейную среду. Однако так же, как позитивные события (День Победы, Годовщина Октябрьской Революции 1917 г.) положительно влияют на посетительскую активность, так и кризисные, переходные периоды показывают социальное исключение из музейной среды.

Перейдем к анализу кривой музейной сети. Из всех представленных сфер динамика области «культура» — музейной сети наиболее стабильна (см. график 3). В действительности музейная сеть претерпевала значительные изменения. Она

развивалась в соответствии с запросами общества и теми тенденциями, которые были актуальны для конкретного периода. Единственное, что графически отличает эту линию от двух других — это ее плавность. Здесь, согласно графику, нет резких колебаний и скачков. Музейная сеть развивается плавно, волнообразно (см. График 3).

Мы можем выделить только две «волны»: начиная с 1950-х гг. до середины 1970-х гг. мы можем наблюдать первый цикл, когда музейная сеть Среднего Поволжья расширялась (Желтоухова 2014а: 305). Это происходило во многом благодаря инициативным созданиям общественных и мемориальных музеев, музеев памяти, уголков героев Великой Отечественной Войны, значимых людей районов (Желтоухова 2013: 51–57).

К середине 1970-х гг. число музеев сокращается, идет работа на укрепление культурных центров. Второй цикл повторного развития музейной сети Среднего Поволжья связан с появлением большого числа Ленинских музеев и мемориалов. Ленинские мемориалы, на наш взгляд, это отдельный вид культурных учреждений, имеющий наряду с культурным и образовательным функционалом огромное политическое и идеологическое влияние (Желтоухова 2014: 26). Такие учреждения отличаются ведением работы, внутренней атмосферой, коллективом, подходу к экспонированию и т.д. И именно они сыграли большую роль в укрупнении музейной сети Среднего Поволжья 1980-х гг. особенное активное становление таких музеев в Ульяновске, менее в Куйбышеве и Пензе. В дальнейшем, после проведения всех мероприятий, посвященных празднованию 70-летия Октябрьской революции и под влиянием политических и экономических идей второй половины 1980-х гг. Ленинские мемориалы стали упраздняться путем их объединения с другими музеями (например, краеведческими (Куйбышев-Самара)[1].

Таким образом, динамика музейной сети в Среднем Поволжье 1950-х–1990-х гг. имеет два цикла, становление музейной сети волнообразно, хорошо приспособляемо к актуальным тенденциям времени. Однако на практике укрупнение культурных центров за счет слияния и поглощения одной организации другой происходит болезненно, особенно это отражается на внутренней музейной среде, атмосфере в коллективе, общественном резонансе.

Выводы и результаты исследования

В целом музейное пространство это живая динамично-развивающаяся система, которая способна оперативно реагировать на происходящие в обществе события и изменения. Такая система автоматически реагирует и иллюстрирует

---

[1] В периодической печати сохранилось большое количество статей, посвященных проблем краеведческого музея в Куйбышеве и вопросу объединения его с Ленинским мемориалом 1990–1993 гг.: Коллектив музея краеведения. Помогите музею! // Волжский комсомолец. 1990. № 41. С. 3; Казакова В. Краеведческий музей — парадоксы застоя // За коммунизм. 1990. 17 мая. С. 5; Бенгина З. Беспредел // Правда. 1993. № 22. С. 1–2 и др.

периоды развития общества (переходный период, период восстановления, период стабильности и др.). Однако, отметим, что, несмотря на то, что музейное пространство очень органично и является не статичным государственным инструментом, с точки зрения управления и экономики музеи плохо приспосабливаются к изменяющимся факторам. Т.е. эти изменения происходят, но это приспособление носит затяжной характер, а не мгновенной перестройки. К тому же не можем не заметить, что музеи — это сфера культуры, которая лучше всего развивается в периоды стабильности, поэтому для качественного развития музеев необходимы факторы развитой социальной устойчивости и социальной стабильности. В переходные периоды краеведческие музеи «выживают», а не развиваются. Поэтому исследуемый период очень показателен, потому что затрагивает все уровни социального развития от упадка, восстановления, роста до стагнации, угасания и упадка.

Наше исследование показывает, что музеи могут содействовать не только образовательной и просветительской функции, но и социальной вовлеченности на нескольких уровнях: индивидуальной, групповой и общественной. Такая вовлеченность наиболее ярко проявляется при визуализации и обращении внимания на важные для общества события. Как мы видим, перемены в социальной вовлеченности вместе с другими культурными факторами представляют динамику социокультурного пространства. Поэтому решимся предположить наличие в Советском Союзе чувства *комплиментарности* (по Л. Гумилеву), которое свойственно всем народам и этносам. Мы также предполагаем, что на территории Советского Союза сформировался *Советский народ*. После его становления и укрепления энергии, которая связана с восстановлением и воодушевлением после Победы в Великой Отечественной войне, в 1940-х — 1950-х гг. происходит *пассионарный толчок*. Для этого периода было характерно большое количество людей, обладающих повышенной тягой к действиям (создание общественных музеев, уголки, передвижные музеи и др.). Далее согласно теории Л. Гумилева идет подъем пассионарности — акматическая фаза этногенеза, которая вызывает стремление не создавать целостности, а, напротив «быть самими собой» (в нашем случае эти явления иллюстрируются в идеях музейного предмета, меняется взгляд на музейный предмет и экспозицию — художественный подход Т.П. Полякова, Е.А. Роземблюма, К.И. Рождественского, подход к музейной экспозиции как искусству М.Т. Майстровской и др.). Далее следует фаза надлома, которая пришлась в России на начало 1990-е гг.: система выбросила из себя излишнюю пассионарность, и в обществе восстановилось видимое равновесие. Естественно, мы несколько утрировали схему пассионарности, однако, на наш взгляд подобная схема приемлема, как для длительного периода в истории, так и относительно небольшого временного участка.

Исходя из этого, советский народ трансформировался в российский народ, а советский музей, естественно, в российский музей. Безусловно, это не новый народ и не новый музей, а изменившийся. И действовать в настоящих условиях необходимо

исходя из знаний о прошлом. Если и дальше продолжать следовать логики Л. Гумилева, то сейчас российское общество находится в мемориальной стадии, когда народ сохраняет память о своей исторической традиции (Гумилев 2013: 660–661). Исходя из данной информации, сформулируем вопрос: какой контент способен поддерживать социальною вовлеченность в краеведческие музеи? Безусловно, это интерактивные и цифровые технологии, зрелищность, ориентированная на массы. Однако, на наш взгляд, чтобы сделать музей общественно-значимой платформой с привлечением активной части населения необходимо через исторические знания привлекать внимание к таким проблемам как безработица, увеличение социального расслоения общества, ухудшение здоровья и климата, проблемы высшего и среднего образования, достижения науки, гендерного неравенства, сексизма, детской и подростковой агрессии и т.д. С другой стороны, деятельность учреждений культуры не должна слепо следовать тенденциям социальных интересов. Потому что, на наш взгляд, такие учреждения способны не только поддерживать вектор движения, но и задавать его в вопросах культуры, образования и науки.

ЛИТЕРАТУРА

Бенгина-Есина 2010 — *Бенгина-Есина З.* Не вини дождь, простолюдинка. Видное: Вымпел, 2010. 513 с.

Гумилев 2013 — *Гумилев Л.Н.* Этногенез и биосфера Земли. СПб.: Азбука, 2013. 672 с.

Гумилев 2015 — *Гумилев Л.Н.* От Руси до России. Очерки этнической истории. СПб.: Амфора, 2015. 381 с.

Егоров 1985 — *Егоров Ю.С.* Развитие музейной сети в условиях зрелого социализма (60–70 гг.) // Музейное дело в СССР. Музейная сеть и проблемы ее совершенствования на современном этапе. Сборник научных трудов. М., 1985.

Желтоухова 2012 — *Желтоухова Д.В.* К вопросу о феномене «музейного бума» 1960-х гг. в краеведческих музеях г. Куйбышева // Вестник Совета молодых ученых и специалистов Самарского государственного университета. 2012. № 1. С. 38–43.

Желтоухова 2013 — *Желтоухова Д.В.* Советские общественные музеи в Среднем Поволжье 1960–80-х гг. // Культурно-исторические исследования в Поволжье: проблемы и перспективы. Материалы II Всероссийского научно-методологического семинара 25–26 октября 2013 г. / Отв. ред. Л.М. Артамонова. Самара: СГАКИ, 2013. С. 51–57.

Желтоухова 2013а — *Желтоухова Д.В.* Тенденции развития краеведческих музеев в городе Куйбышеве 1950–1980-е гг. // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. 2013. № 3 (25). С. 329–333.

Желтоухова 2014 — *Желтоухова Д.В.* Мемориальные музеи и «места памяти» Среднего Поволжья во второй половине XX века // Наука и культура России. Т. 1. Самара, 2014. С. 26–28.

Желтоухова 2014а — *Желтоухова Д.В.* Формирование музейной сети в Среднем Поволжье в 1945–1980-х гг. // Модернизация культуры: идеи и парадигмы культурных измерений. Материалы Международной научно-практической конференции / под ред. С.В. Соловьевой, В.И. Ионесова, Л.М. Артамоновой. Самара, 2014. С. 304–309.

Закс 1957 — *Закс А.В.* Методика построения экспозиции по истории СССР. М., 1957.

Моисеев 1967 — *Моисеев А.М.* Краеведческие музеи за 50 лет // История СССР. 1967. № 6.

Никитенко 1984 — *Никитенко Т.В.* Роль ленинских музеев в идейно-политическом воспитании трудящихся (музеи В.И. Ленина в Ульяновске, Казани, Куйбышеве, Кокушкино, Алакаевке (1970–1980-е гг.): автореф. дис. … канд. ист. наук. Казань, 1984.

Сорокин 1992 — *Сорокин П.А.* Социокультурная динамика // Человек. Цивилизация. Общество / перевод с английского. М.: Политиздат, 1992. 478 с.

Сорокин 2018 — *Сорокин П.А.* Социокультурная динамика и эволюционизм. 2018 [Электронный ресурс]. http://e-libra.su/read/130898-sociokulturnaya-dinamika–I–yevolyucionizm.html (Дата обращения — 15.03.2018).

Sandell 2017 — *Sandell R.* Social inclusion, the museum and the dynamics of sectoral change // Museum and society. 2017. 1 (1). S. 45–60.

REFERENCES

Bengina-Esina 2010 — *Bengina-Esina Z.* Ne vini dozhd', prostolyudinka [Do not blame a rain, the commoner], Vidnoe, Vympel Publ., 2010, 513 p. [in Russian].

Egorov 1985 — *Egorov Yu.S.* Razvitie muzejnoj seti v usloviyah zrelogo socializma (60–70 gg.) [Development of museum network in the conditions of mature socialism (60–70)], in: Muzejnoe delo v SSSR. Muzejnaya set' i problemy ee sovershenstvovaniya na sovremennom etape. Sbornik nauchnyh trudov [Museum matter in the USSR. Museum network and problems of its improvement at the present stage. Collection of scientific works], Moscow, 1985 [in Russian].

Gumilev 2013 — *Gumilev L.N.* Etnogenez i biosfera Zemli [Ethnogenesis and biosphere of Earth], St. Petersburg, Azbuka Publ., 2013, 672 p. [in Russian].

Gumilev 2015 — *Gumilev L.N.* Ot Rusi do Rossii. Ocherki etnicheskoj istorii [From Rus to Russia. Sketches of ethnic history], St. Petersburg, Amfora Publ., 2015, 381 p. [in Russian].

Moiseev 1967 — *Moiseev A.M.* Kraevedcheskie muzei za 50 let [Museums of local lore in 50 years], in: Istoriya SSSR [History USSR], 1967, № 6 [in Russian].

Nikitenko 1984 — *Nikitenko T.V.* Rol' leninskih muzeev v idejno-politicheskom vospitanii trudyashchihsya (muzei V.I. Lenina v Ul'yanovske, Kazani, Kujbysheve, Kokushkino, Alakaevke (1970–1980-e gg.). Avtoreferat dissertacii na soiskanie uchenoj stepeni kandidata istoricheskih nauk [Role of the Lenin museums in ideological and political education of workers (V.I. Lenin's museums in Ulyanovsk, Kazan, Kuibyshev, Kokushkino, Alakayevke (the 1970–1980th). The abstract of the thesis for a degree of the candidate of historical sciences], Kazan, 1984 [in Russian].

Sandell 2017 — *Sandell R.* Social inclusion, the museum and the dynamics of sectoral change, in: Museum and society, 2017, 1 (1), pp. 45–60 [in English].

Sorokin 1992 — *Sorokin P.A.* Sociokul'turnaya dinamika [Sociocultural dynamics], in: Chelovek. Civilizaciya. Obshchestvo / Perevod s anglijskogo [Person. Civilization. Society / Translation from English], Moscow, Politizdat Publ., 1992, 478 p. [in Russian].

Sorokin 2018 — *Sorokin P.A.* Sociokul'turnaya dinamika i evolyucionizm [Sociocultural dynamics and evolutionism], 2018, Electronic resource: http://e-libra.su/read/130898-sociokulturnaya-dinamika–I–yevolyucionizm.html (Date of access — 15.03.2018) [in Russian].

Zaks 1957 — *Zaks A.V.* Metodika postroeniya ekspozicii po istorii SSSR [Technique of creation of an exposition on the history USSR], Moscow, 1957 [in Russian].

Zheltouhova 2012 — *Zheltouhova D.V.* K voprosu o fenomene «muzejnogo buma» 1960-h gg. v kraevedcheskih muzeyah g. Kujbysheva [To a question of a phenomenon of "a museum boom" of the 1960th in museums of local lore of Kuibyshev], in: Vestnik Soveta molodyh uchenyh i specialistov Samarskogo gosudarstvennogo universiteta [Bulletin of Council of young scientists and specialists of the Samara state university], 2012, № 1, pp. 38–43 [in Russian].

Zheltouhova 2013 — *Zheltouhova D.V.* Sovetskie obshchestvennye muzei v Srednem Povolzh'e 1960–80-h gg. [Soviet public museums on average Volga region 1960–80th], in: Kul'turno-istoricheskie issledovaniya v Povolzh'e: problemy i perspektivy. Materialy II Vserossijskogo nauchno-metodologicheskogo seminara 25–26 oktyabrya 2013 g. / Otv. red. L.M. Artamonova [Cultural and historical researches in the Volga region: problems and prospects. Materials II of the All-Russian scientific and methodological seminar on October 25–26, 2013 / Editor-in-chief L.M. Artamonova], Samara, SGAKI Publ.,

2013, pp. 51–57 [in Russian].

Zheltouhova 2013a — *Zheltouhova D.V.* Tendencii razvitiya kraevedcheskih muzeev v gorode Kujbysheve 1950–1980-e gg. [Tendencies of development of museums of local lore in the city of Kuibyshev the 1950–1980th], in: Vektor nauki Tol'yattinskogo gosudarstvennogo universiteta [Vector of science of the Tolyatti state university], 2013, № 3 (25), pp. 329–333 [in Russian].

Zheltouhova 2014 — *Zheltouhova D.V.* Memorial'nye muzei i "mesta pamyati" Srednego Povolzh'ya vo vtoroj polovine XX veka [The memorial museums and "places of memory" of Central Volga area in the second half of the 20th century], in: Nauka i kul'tura Rossii. T. 1 [Science and culture of Russia. Volume 1], Samara, 2014, pp. 26–28 [in Russian].

Zheltouhova 2014a — *Zheltouhova D.V.* Formirovanie muzejnoj seti v Srednem Povolzh'e v 1945–1980-h gg. [Formation of museum network on average the Volga region in the 1945–1980th], in: Modernizaciya kul'tury: idei i paradigm kul'turnyh izmerenij. Materialy Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii / Pod redakciej S.V. Solov'evoj, V.I. Ionesova, L.M. Artamonovoj [Modernization of culture: ideas and paradigms of cultural measurements. Materials of the International scientific and practical conference / Under edition S.V. Solovyova, V.I. Ionesov, L.M. Artamonova], Samara, 2014, pp. 304–309 [in Russian].

Желтоухова Дина Васильевна — ассистент кафедры всеобщей истории, международных отношений и документоведения; аспирант кафедры Российской истории Самарского национального исследовательского университета имени академика С.П. Королева (Самара, Россия).
Dina Zheltoukhova — Assistant of the Department of World History, International Relations and Documentation; post-graduate student of the Department of the Russian History of the Samara National Research University (Samara, Russia).
E-mail: dina-pomelova@mail.ru

УДК 94(47).02

РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ: ГРОТ Л.П. ИМЕНА ЛЕТОПИСНЫХ КНЯЗЕЙ И КОРНИ ДРЕВНЕРУССКОГО ИНСТИТУТА КНЯЖЕСКОЙ ВЛАСТИ // ВАРЯГИ И РУСЬ. М.: РУССКАЯ ПАНОРАМА, 2015. 255 С.

Н.Д. Чистяков

Независимый исследователь (Московская область)

e-mail: kollega49@rambler.ru

Авторское резюме

В рецензии рассмотрены основные положения исследования Л.П. Грот о летописных именах русских князей, являющегося новым словом в историографии начального периода русской истории. Особо выделяется заслуга автора в том, что раскрывая этимологию имен первых русских князей — Рюрика, Олега, Святослава и Владимира — Л.П. Грот проводит глубокий анализ многочисленных источников, часть из которых вводится в научный оборот впервые. Сведения эти ранее не приводились российскими скандинавистами, занимающимися сравнительным анализом русских летописных и скандинавских имен.

Ключевые слова: имена, князья, Л.П. Грот, Рюрик, Олег, Святослав, Владимир, Древняя Русь, историография, антропонимика.

REVIEW OF THE BOOK BY LIDIA GROTH: ANNALISTIC NAMES OF PRINCES AND ROOTS OF ANCIENT RUS' PRINCELY POWER // VARYAGI AND RUS'. MOSCOW: RUSSKAYA PANORAMA, 2015. 255 p.

Nikolay Chistyakov

Independent researcher (Moscow region)

e-mail: kollega49@rambler.ru

Abstract

The review considers the main provisions of the study by L.P. Grot revealing the etymology of annalistic names of the first Russian princes - Rurik, Oleg, Svyatoslav and Vladimir; the work is a step forward in the historiography of the initial period of Rus'. A special praise should be given to L.P. Grot for the in-depth analysis of numerous sources - some of them were introduced into scientific circulation for the first time. These sources had not been cited previously by Russian Scandinavists engaged in the comparative analysis of Scandinavian vs. Russian annalistic names.

Keywords: names, princes, L.P. Grot, Rurik, Oleg, Svyatoslav, Vladimir, Ancient Rus', historiography, anthroponomastics.

* * *

«Норманисты» нередко укоряют своих оппонентов в том, что те выступают преимущественно с критикой их предшественников, творивших в XVII–XVIII вв., указывая, что историческая наука с тех пор шагнула далеко вперед, а «антинорманисты» будто бы остались на уровне XVII–XVIII вв., «доставая из забвения» работы ранних «антинорманистов» и реанимируя старую идею западнославянской принадлежности варягов (Клейн 2009: 213; 2014: 336).

Действительно, историческая наука не стоит на месте, и она давно доказала несостоятельность «норманнской теории». Об этом объективно свидетельствуют даже результаты исследований современных шведских историков и археологов (подчеркиваю — объективно, поскольку открыто от «норманистских» постулатов практически никто в западноевропейской исторической мысли не отказывается). Так, работы шведских археологов показывают, что территория часто упоминаемой «норманистами» Средней Швеции или Уппланд долгое время оставалась малонаселенной. В IX в. ее население вряд ли превышало 30 000 человек. Причем оно было рассеяно на тысячах квадратных километров и при отсутствии городской среды, что затрудняло объединительные процессы. В остальных регионах насчитывалось самое большее по паре тысяч человек, а то и по нескольку сотен (Hyenstrand 1982: 174; Грот 2012а:210–213). Структура поселений была представлена отдельными дворами или «хуторами». Интересно, в каком «хуторе» «норманисты» нашли кандидатов в летописные князья, и каким образом эти «хуторяне» завоевали в 862 г. Северо-Западную Русь, если в ту пору не было государства Швеция, а в мелких догосударственных образованиях на территории будущей Швеции не существовало ни армии, ни флота, необходимых для грандиозных операций в Восточной Европе. На эти вопросы у «норманистов» ответа не имеется.

Одно из главных утверждений «норманистов» состоит в том, что князь Рюрик был шведского происхождения, шведскими (древнешведскими) же являются и летописные имена (Вовина-Лебедева 2011: 65–66; Джаксон 2012; Мельникова, Петрухин 2011: 137; Schramm 1980: 324). Впервые оно было высказано шведским дипломатом и историографом короля Швеции Карла IX П. Петреем. Немецкий ученый Г. Эверс назвал его «пустомеля Петрей» (Эверс 1825). В 1614–1615 годах П. Петрей заявил в одном из своих сочинений о том, что новгородцы на переговорах со шведами якобы сказали: «…Новгородская область, до покорения ее московским государством, имела своих собственных великих князей, которые и правили ею; между ними был один тоже шведского происхождения, по имени Рюрик, и новгородцы благоденствовали под его правлением» (Петрей 1867: 1, 90–91, 312). Это заявление, не имеющее под собой никаких оснований, положило начало «норманнской теории».

П. Петрей объявил также, что имена первых русских князей — сплошь скандинавские (шведские), следовательно, и первые русские князья — скандинавы

(шведы) (Петрей 1867: 90–92). С тех пор и до наших дней «норманисты» повторяют эту выдумку Петрея.

Академическая наука должна рассматривать этот вопрос не глазами Петрея, а с научных позиций, т.е. опираясь на факты, а не на вымыслы, примером чего является блестящее исследование Л.П. Грот «Имена летописных князей и корни древнерусского института княжеской власти» (Грот 2015).

Как уже было отмечено выше, утверждение о якобы скандинавской этимологии древнерусских княжеских имен является краеугольным камнем «норманистской» системы взглядов о выдающейся роли скандинавов на Руси. А деяния их, если верить «норманистам», действительно поражают: скандинавы основали Древнерусское государство, принесли имя «русь», создали древнерусский институт верховной княжеской власти, установили контроль над Балтийско-Волжским торговым путем и т.д. Но ни в одном источнике эти «великие деяния» скандинавов на Руси не зафиксированы.

Прежде, чем двинуться дальше, зададимся вопросом: кто такие скандинавы? В Скандинавии проживают три народа: шведы, норвежцы и датчане. Шведы, в середине IX в. проживавшие, как было упомянуто выше, в «хуторах», никак не могли в 862 г. участвовать в завоевании Северо-Западной Руси, а норвежцы и датчане никогда не претендовали на роль создателей Древнерусского государства. Стоит дополнительно пояснить относительно шведской Бирки. Бирка — абсолютно нетипичное явление для Швеции рассматриваемого периода, и этот город шведским можно считать лишь условно. Согласно исследованию Л.П. Грот, результаты которого были приняты в том числе и В.В. Фоминым, в основании этого населенного пункта принимали участие иностранные торговцы, с большой долей вероятности, славянские (варяжские) торговцы. Можно привести несколько цитат из книги Л.П. Грот «Рослаген на дне морском и о варягах не из Скандинавии», где приводятся мнения шведских историков: «Хелен Кларк и Бьери Амбросиани писали в своей книге по истории шведского города: "Физико-географические факторы Южной Скандинавии (т.е. территории, принадлежащей в средние века Дании — ***Л.Г.***) были благоприятны для развития земледелия, а топография не ограничивала строительство поселений. В гористых же местностях к северу (регионы современной Швеции — *Л.Г.*) ситуация была несколько иной. Там поселения вплоть до XI в. носили характер разрозненных, далеко отстоящих друг от друга отдельных дворов… и только к началу Средневековья в XI в. начали появляться небольшие поселения сельского типа, да и то лишь в земледельческих районах"». Очень критично оценивал роль Бирки Дик Харрисон: «В шведской истории старейшим городом, по мнению исследователей, была Бирка, куда из нынешней Германии приезжал миссионер Ансгар и пытался распространять христианство в Средней Швеции… Археологические находки помогли идентифицировать Бирку с городским поселением на острове Бьерке в Мэларен… Задним числом можно сказать, что Бирка была маленьким городком с незначительной судьбой, некий эксперимент, которому не суждена была долгая жизнь. Город возник где-то в конце VIII в. и

просуществовал около 200 лет. Число жителей колебалось от 500 до 1000 чел. Пока не удалось выяснить, почему город стал стагнировать и постепенно исчез». О позднем появлении городов в Швеции писал Х. Андерсон: «В Восточной Швеции, прежде всего в области озера Мэларен, городская жизнь (город), в основном сложилась к началу XIV в., чему предшествовало ее интенсивное развитие в течение XIII в.» (Грот 2012: 434–436).

Такова была подлинная картина развития средневековых городов в Швеции. В заключение зададимся вопросом: если шведам были привычны города, то почему их так потрясло наличие городов в Руси-Гардарике? Ответ чрезвычайно прост: города они увидели ***впервые***, так как на их родине городов не было. Итак, за скандинавами, якобы «завоевавшими» Русь, скрывается пустота.

Одним из главных доказательств «завоевания», как было отмечено выше, «норманисты» считают скандинавское происхождение князя Рюрика, на которое якобы указывает этимология самого имени *Рюрикъ*. «Норманисты» предлагают его исходную форму как *Hrærekr* и уверяют, что имя Рюрик является типичным древнескандинавским и древнегерманским именем (Мельникова 2000: 145–148). При этом ответа, из какого шведского «хутора» пришел Рюрик с братьями, дружиной и родами своими, у «норманистов» нет.

В монографии Л.П. Грот «Имена летописных князей и корни древнерусского института княжеской власти» на основе большого количества привлеченных материалов доказывается, что имя Рюрик исходно не является древнегерманским и тем более скандинавским. В работе демонстрируется, что имя Рюрик было широко известно уже в последние века до н.э. как в Восточной Европе, так и в Западной Европе вплоть до Британских островов. Позднее всего оно обнаруживается в скандинавских странах, как явно заимствованное имя. Причем заимствование могло идти разными путями: от южнобалтийских славян, из Галлии или с Британских островов, а также из германских именословов.

Л.П. Грот подробно рассматривает бытование этого имени в славянских именословах, в западноевропейских именословах с отдельным разделом для скандинавских стран. И здесь автором обнаруживается любопытная вещь: в славянских, галльских, британских (ирландских и шотландских) именословах носителями имени Рюрик были крупные деятели церкви, лица королевской крови или представители аристократии, а в скандинавских именословах ничего подобного не наблюдалось.

В шведском именослове, например, имя Рюрик зафиксировано на четырех рунных камнях, и лица, его носившие, не были чем-либо примечательны. Кроме того, эти рунные надписи относятся к XI–XII вв. И нет ни одного рунного камня, воздвигнутого в честь Рюрика — якобы создателя древнерусской государственности! Почему? Л.П. Грот дает этому факту вполне убедительное объяснение: объявление летописного Рюрика выходцем из Швеции произошло в рамках шведского политического мифа XVII–XVIII вв., создававшегося с конкретной геополитической целью — придумать для шведской короны историческое право на удержание в своих

руках завоеванной в Смутное время части Новгородской земли. Только тогда шведские сановники и придворные историографы сфабриковали выдуманную историю о предках шведов — создателях древнерусской государственности. Даже такие шведские историки XVI в. как Иоанн Магнус и Олаф Магнус, особо потрудившиеся над созданием величественных картин шведской истории в древности, ничего не знали о своем великом предке Рюрике. Поэтому версия о скандинавской этимологии имени Рюрик — это типичная «норманистская» выдумка.

Л.П. Грот хорошо знает донаучную шведскую историографию XVI–XVIII вв. и показывает, что определение этнической принадлежности по личным именам восходит именно к данной донаучной традиции. Тогда же в Северной Европе возник феномен выдуманных историй. Политики и деятели культуры Скандинавских стран сочиняли никогда не существовавшую у них величественную древность методом присвоения себе истории реальных древних народов. Наиболее анекдотичным примером является попытка шведских филологов XVII в. объявить частью шведской истории в древности историю древней Гипербореи из античных мифов.

Л.П. Грот подчеркивает, что традиция переделывать на якобы шведский лад имена из истории того народа, у которого присваивали в свою пользу значительную часть исторического материала для укрепления кулис вымышленного древнего величия, есть неотъемлемая часть методики готицизма и рудбекианизма, с самого начала не имевшей научного характера и породившей историческое мифотворчество необъятных масштабов.

Буйная фантазия шведского писателя О. Рудбека, писавшего через полстолетия после Петрея, подхватила зачин и выдала нам такие варианты имен летописных варяжских братьев, как Roderick, Sinaus и Trygo с Волчьего острова. Дальше — больше (С. 246–247).

Даже имя Святослав «норманисты» попытались и до сих пор пытаются объявить скандинавским. Еще Байер утверждал скандинавское происхождение имени Святослав: «Я не спорю, что Святослав и Свендослав по-славенски, да есче очень прилично, называется муж святые славы. Но понеже святое имя неверному народу (сколько было известно) неведомое, уповательно, что от нормандского языка испорчено…» (Байер 2006: 349).

Но Байер не знал ни русского языка, ни русской истории, посему ему простительны подобные нелепости. Однако, когда эти же нелепости повторяет современный скандинавист Ю. Вяземский, заведующий кафедрой мировой литературы и культуры факультета мировой журналистики МГИМО, то можно говорить о глубоком кризисе в российской исторической науке. Ю. Вяземский в телевизионной передаче «Умники и умницы» во всеуслышание заявил, что Святослав — это шведский конунг Свендислейф. Как видно, малограмотность Байера у современных российских «норманистов» доведена до полного абсурда. Байер, по крайней мере, считал, что имя Святослав с «окончанием славенским», а у Вяземского уже и окончание *-слав* оскандинавилось. Ю. Вяземский отвечает за

подготовку будущих журналистов, поэтому его фальсификация летописных имен наносит особый вред науке.

Хотя образование, которое получил Вяземский, должно было позволить ему догадаться, что *свент-* и *свят-/свет-* — одна и та же именная основа, различия в которой хорошо разъясняются именно из славянских языков. В польском языке, например, звук «ę» — носовой, он может четко произноситься как «ен», а может и не четко, тогда это «е». Соответственно, согласная «н» не обязательна, это производная от носового звука, что подтверждается примерами: Świętosław (Швентослав), Święcesław (Швенцеслав), Święcsław (Швенцслав), Święsław (Швенслав) = Святослав или в имени божества Świętowit (Швентовит) = Святовит (С. 259–260).

Данная особенность славянских языков повлияла на оформление имени Святослав в византийских и латинских источниках именно с основой *свент-*. Известно, что в византийских источниках X в. (Лев Диакон) имя писалось как Сфендослав, к чему как раз апеллировал Байер и что до сих пор используют некоторые «норманисты», пытаясь доказать скандинавство именного компонента *свен-/свент-*. Но с тем же компонентом *свят-* известно имя князя Великой Моравии Святополка (850–894), это имя приводится у Константина Багрянородного как Свантиплук (С. 260).

В работе Л.П. Грот показано, что имена из славянских именословов часто влияли на западноевропейское имянаречение. Пример у Байера с именем короля Лотарингии Свендоболда (Swentibold, Zwentibold) разъясняется очень просто. Король Свендоболд был назван в честь своего крестного отца вышеупомянутого князя Великой Моравии Святополка, т.е. лотарингский Свендоболд «произошел» от славянского Святополка.

Имя Святополк было заимствовано и в шведском именослове как Свантеполк. Особую популярность оно получило как уменьшительно-ласкательное в форме Сванте (С. 260–262).

Приводится в книге Л.П. Грот и пример с женским вариантом имени *Святослава* — княжной Святославой. Это имя было вторым именем княжны Гунхильды, дочери польского князя Мешко I от брака с Дубравкой Богемской, дочерью князя Чехии Болеслава I и княжны Драгомиры из полабских стодорян (гавелян). Княжна Гунхильда Святослава стала женой датского короля Свена Вилобородого, и их дочь была названа по имени матери *Святославой*. Это имя четко отмечено как имя сестры короля Англии (1016 г.), Дании (1018 г.) и Норвегии (1028 г.) Кнута Великого (995–1035) в монастырских актовых книгах "Liber vitae of the New Minster and Hyde Abbey Winchester" в форме Santslaue (Santslaue soror CNVTI regis nostri). Здесь первый компонент *свят-* был оформлен как *sant-* (С. 253–254).

Вошло в скандинавские именословы и имя славянской княжны Драгомиры, оно попало даже в датский королевский именослов и сделалось одним из излюбленных в Дании. Первой Драгомирой в датском именослове была Маргарита Драгомира Богемская, ставшая женой датского короля Вальдемара Сейра. Имя *Драгомира* было адаптировано в датском именослове как *Дагмар*, и в такой форме

разошлось по именословам скандинавских стран, как королевских, так и обычных, дожив и до наших дней. Именем Дагмар была названа дочь датского короля Фредрика VIII, которая стала супругой российского императора Александра III под именем Марии Федоровны (С. 253–254).

Подробно рассматривается в монографии Л.П. Грот и имя Владимир. Слова Байера о том, что все древнерусские имена суть «никакого иного языка, как шведского, норвежского и датского» (Байер 2006: 347) живут в современном «норманизме», что видно и на примере имени Владимир. Оброненные Байером слова относительно того, что «...ибо и имя Владимир, как теперь руссы выговаривают, хотя славенское Владимир есть, по-видимому, и прилично владетель мира толкуется, однако ж подобным сомнительством безвестного произвождения запутано... Как Владимир славенское имя есть, так Валдемар нормандское и немецкое...» (Байер 2006: 349). В общем, два Владимира получилось у Байера: один — «славенское Владимир есть», а другое — «Валдемар нормандское и немецкое...» (С. 270).

Здесь Л.П. Грот обращает наше внимание на попытку норманистов хотя бы вторую часть имени Владимир провозгласить «германской», с помощью бездоказательного привязывания второй основы имени Владимир к древнегерманскому mĕr «слава» (Литвина, Успенский 2006: 60; Клейн 2009: 70–71). Критикуя эту точку зрения, Л.П. Грот показывает, что имеется много примеров в русских источниках написания имени Владимир в обоих вариантах и что чередование е/и обычно для русского языка (С. 293).

Исследование именного компонента *-мир*/*-мер* в имени Владимир в книге Л.П. Грот содержит много нового. Автор напоминает, что имена с использованием основы *-мир*/*-мер* как конечного именного компонента часто встречались у гуннских правителей и военных предводителей. Такое имя носил основоположник гуннской империи на территории Восточной Европы Болемир (правил с 371г.). Известно и имя гуннского военного предводителя Валамера/Велемира, руководившего нападением гуннов на Крым (С.294–295).

А вот имена с конечным компонентом *-мир*/*-мер* в именослове готских правителей появляются позднее, чем в гуннском именослове. Под 376 годом известен король остготов Витимир. В это же время известен и правитель дакийских готов Аримир (383/392). В V в. были король остготов Валамир (440–469) — имя, которое повторяет имя гуннского предводителя Валамира, и его младшие братья Теодемир (469–474) и Видимир (ум. в 474 г.). Но имена с –мир/-мер/-мар известны и в именословах на территории Галлии: Рикомер/Ricomerus (573г.), Рихмар/Richmarus (783г.), Ригомар/Rigomar или Ригомир/Rigomir от того же времени, а также многие другие. Если верить «норманистам», все приведенные выше имена с окончаниями на *-мир*: гуннские, готские, галльские тоже должны быть связаны со скандинавским/германским происхождением.

Л.П. Грот показывает, что компоненты -мир/-мер/-мар, составляющие и имя Владимир, имеют очень древнее происхождение. Так, известен древнерусский

мир/мір как земной шар и человеческая обитель, что сопоставимо с санскритским mara как земной мир, а древнерусский *мир/мір* как вселенная — с санскритским *mīra* — бескрайнее пространство, т.е. тоже вселенная. Древнерусский мир как покой с вариантом *мьреть* — умереть, т.е. получить вечный покой перекликается с санскритским *mara* — мир смерти, санскритские meru и mīra как гора соотносятся с русским *мар* как курган, сопка, сторожевая высота. Эти примеры показывают, как в близкородственных языках, древнерусском и санскрите, запечатлелось сакральное значение древнейшего образа золотой горы Meru как центра мира (С. 293–298). Вот из каких исторических глубин пришли к нам именные компоненты, образовавшие имя Владимир.

Много нового содержится в главе «Об имени Олег и Ольга». В этой главе убедительно доказывается, что русское имя Олег и скандинавское Хельги — два разных имени, имеющих разное происхождение. Л.П. Грот, привлекая данные скандинавской лингвистики, впервые показала, что Хельги в скандинавских именословах либо уменьшительно-ласкательное имя, либо прозвище. Вообще привлечение разнообразного нового материала является положительной особенностью всех работ Л.П. Грот.

Согласно приводимым Л.П. Грот данным, уменьшительное имя *Hælghe* образовалось от скандинавского *Hælmger*, двуосновного имени, где его первая основа — существительное *hælm-*, т.е. 'шлем', а второе — существительное *-geir*, т.е. 'копье'. Таким образом, полное имя *Hælmger* и его уменьшительно-ласкательное *Hælghe* были исходно связаны с воинской атрибутикой, с понятием «защита», как и многие наиболее архаичные скандинавские имена. Вывод, сделанный исследовательницей: полное имя *Хэльмгер* со значением «шлем — копье» и его уменьшительное *Хельге/Хельги* никакого отношения к имени *Олег* иметь не могут. Имя *Хэльмгер* за пределы скандинавских именословов не выходило, но и внутри скандинавских именословов его носители ничем особенным себя не отметили. Кроме того, заимствование уменьшительно-ласкательных имен не было типично для русской антропонимики вообще, и уж тем более — для княжеских именословов. Л.П. Грот приводит пример с былинным Алешей Поповичем, но подчеркивает невозможность возникновения царского имени Алеша Михайлович (С. 394).

Только в христианскую эпоху уменьшительно-ласкательное *Hælghe/Hælge* в скандинавских именословах, показывает Л.П. Грот, стало использоваться со значением 'святой', причем в форме дополнительного имени или прозвища. И здесь очень важным открытием автора является выяснение всего процесса этой трансформации, в частности, обнаружение источника, из которого имя Хельги как Helghi (Halga) появляется сначала среди героев эпических произведений: в английском героическом эпосе «Видсид» («Widsith»), в легендарной части истории данов у Саксона Грамматика, в «Круге земном» Снорри Стурлусона и др. (С.393).

Ведь «норманисты», подчеркивает Л.П. Грот, так и не выяснили, каким образом слово *heilagr* эддических и мифологических песен стало личным именем в германских именословах христианской эпохи, как в литературных, так и в реальных.

Исследовательница обнаруживает недостающие личные имена с компонентом *hailag-* и возможные уменьшительно-ласкательные формы имен от них, используя материалы из каталога М.-Т. Морлѐ «Личные имена на территории древней Галлии VI–XII вв.». Там зафиксировано несколько антропонимов с именным компонентом *hailag-*. Это *Helehilehus* (680) — архив департамента Ионн, сев.-вост. Франция; *Heligbertus* (794) — документы по истории региона Нижний Рейн, хранятся в Лейдене; *Helegbrath* (828) — в акте, подтверждавшем дарственное письмо храму Св. Мартина в Утрехте от 7 февраля 828 года. Там же отыскиваются и уменьшительно-ласкательные имена от компонента *hailag-*: *Helca* (820) — в документах по истории региона Нижний Рейн, хранятся в Лейдене; *Heleca* (853) — архив монастыря Сен-Бертен, Сент-Омер, Сев. Франция (С. 452).

Ранее соответствующие материалы не привлекались к анализу истоков древнерусской княжеской антропонимии и не рассматривались как вероятные имена-прототипы, обнаруживающие явную связь с англосаксонским литературным именем Halga (Хэльги). Хотя если в именословах на территории королевства франков в VII–VIII вв., подчеркивает Грот, появляются полные имена *Helehilehus* и *Heligbertus* с начальным именным компонентом *helig-*, т.е. *saint, sacré* или *святой*, а в VIII–IX вв. появляются англосаксонские эпические произведения, где фигурирует герой с именем Halga (**Hailaga*), то логично предположить, что эти имена попали в поле зрения создателей поэм из реальных именословов, формировавшихся на территории Франкского королевства как минимум столетием раньше.

В культурногенетических процессах в данном регионе участвовали не только представители германской культуры, но и представители кельтской и славянской культуры, а именно велеты/вильтины (венды в немецких источниках). В городе Вильтабурге или Утрехт в VII в. был возведен собор Св. Мартина, в котором позднее и обнаруживается имя *Helegbrath — Хэлегбрат* с первым именным компонентом, соответствующим древнесакс. *helag,* т.е. святой. Ключевым культом среди велетов/вендов был культ Святовита. Саксон Грамматик рассказывал, что все венды платили дань в пользу божества Svantevita, а все короли из соседних стран отправляли на его имя дары (С. 454).

Анализируя данный материал, Л.П. Грот приходит к выводу о том, что как раз имя могущественного Святовита/Свентовита породило творческий процесс образования новых имен с помощью передачи начального именного славянского компонента *свят-/свент-* уже с помощью германоязычных лексем, т.е. древнеангл. *hālig,* древнесакс. *helag* со значением 'святой', которые и стали использовать для образования новых антропонимов и послужили к образованию германоязычного прозвища *Хельги* с христианским содержанием. Именные формы от теонима Svantevit/Santevit с первым именным компонентом *sant-/sanct-*, соответствовавшим славянскому *свят-/свен* и древнесакс. *helag* в значении «святой», была вполне привычной для западноевропейских именословов. На территории «древней Галлии» с VIII в. зафиксированы такие личные имена, как Sanctitildis (739), Sanctebertus (780), Sanctaemerus (814) и др. Имя *Sanctebertus*, зафиксированное в 780 г. в документах

аббатства Сен-Виктор в Марселе, в бывшей романизированной провинции Галлии, практически идентично имени *Heligbertus*, зафиксированного в 794 г. в Утрехте — бывшем Вильтенбурге Фризской Славонии, что свидетельствует о том, что личные имена и именные компоненты не тиражировались бездумно, а переводились на общепонятные языки (С. 452–455).

При этом Л.П. Грот неоднократно подчеркивает, что строить концепцию только на анализе антропонимов легковесно. Поэтому она проводит комплексный анализ деятельности князя Олега, а не только его имени. В книге приводится подробный анализ титула «князь урманский» и убедительно показывается, что он связан с восточной Вармией/Варнией на южнобалтийском побережье. В книге Л.П. Грот убедительно отвергнута попытка «норманистов» отождествить князя Олега с героем исландских саг Оддом Стрелой. Автор показывает, что сага об Одде Стреле — это компиляция двух древнерусских преданий составителями исландских саг. Традиции заимствований были очень сильны в норвежско-исландской литературе XIII–XIV вв. Эти традиции были сильно политизированы в скандинавской общественно-политической мысли XVI–XVIII вв. Л.П. Грот выявила, что первым о тождестве Олега Вещего и Одда Стрелы высказался упоминавшийся выше писатель Олаф Рудбек, свободно фантазировавший на темы древнешведской истории (С. 421).

К сожалению, в книге отсутствует анализ таких значимых летописных имен, как Игорь и Рогволод. Остается надеяться, что Л.П. Грот продолжит свои исследования летописных имен, и в новых работах этот пробел будет заполнен, а историки и филологи будут учитывать исследование Л.П. Грот о древнерусских летописных именах.

ЛИТЕРАТУРА

Байер 2006 — *Байер Г.З.* О варягах // Фомин В.В. Ломоносов. Гений русской истории. М., 2006.

Вовина-Лебедева 2011 — *Вовина-Лебедева В.Г.* История Древней Руси. Учебник для студентов учреждений высшего профессионального образования. М., 2011.

Грот 2012 — *Грот Л.П.* О Рослагене на дне морском и о варягах не из Скандинавии // Слово о Ломоносове / Изгнание норманнов из русской истории. Вып. 3. М., 2012.

Грот 2012a — *Грот Л.П.* Ранние формы политической организации в истории скандинавских стран в освещении шведской историографии // Ранние формы политических систем. СПб., 2012.

Джаксон 2012 — *Джаксон Т.Н.* Викинги и Древняя Русь. 2012 [Электронный ресурс]. https://polit.ru/article/2012/08/24/Vikings_Rus/ (Дата обращения — 08.08.2018).

Клейн 2009 — *Клейн Л.С.* Спор о варягах. СПб., 2009.

Клейн 2014 — *Клейн Л.С.* Еще один сказ о лехитских варягах. Продолжение спора // Stratum plus. 2014. № 5.

Константин Багрянородный 1989 — *Константин Багрянородный.* Об управлении империей. М., 1989.

Лев Диакон 1988 — *Лев Диакон.* История / Перевод М.М. Копыленко. М., 1988.

Литвина, Успенский 2006 — *Литвина А.Ф., Успенский Ф.Б.* Выбор имени у русских князей в X–XVI вв. М., 2006.

Мельникова 2000 — *Мельникова Е.А.* Рюрик, Синеус и Трувор в древнерусской историографической традиции // Древнейшие государства Восточной Европы. 1998. М., 2000.

Мельникова, Петрухин 2011 — *Мельникова Е.А., Петрухин В.Я.* Название «Русь» в этнокультурной истории Древнерусского государства // Мельникова Е.А. Древняя Русь и Скандинавия. Избранные труды. М., 2011.

Петрей 1867 — *Петрей П.* История о Великом княжестве Московском. М., 1867.

Эверс 1825 — *Эверс Иоганн Филипп Густав*. Предварительные критические исследования Густава Эверса для российской истории / перевод с немецкого М.П. Погодина. М., 1825.

Schramm 1980 — *Schramm G.* Die erste Generation der altrussischen Fürstendynastie. Philologische Argumente für die Historizität von Rjurik und seinen Brüdern // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. Stuttgart, 1980.

REFERENCES

Bajer 2006 — *Bajer G.Z.* O varyagah [About Varangians], in: Fomin V.V. Lomonosov. Genij russkoj istorii [Fomin V.V. Lomonosov. Genius of the Russian history], Moscow, 2006 [in Russian].

Dzhakson 2012 — *Dzhakson T.N.* Vikingi i Drevnyaya Rus' [Vikings and Ancient Russia], 2012, Electronic resource: https://polit.ru/article/2012/08/24/Vikings_Rus/ (Date of access — 08.08.2018) [in Russian].

Evers 1825 — *Evers Iogann Filipp Gustav.* Predvaritel'nye kriticheskie issledovaniya Gustava Eversa dlya rossijskoj istorii / Perevod s nemeckogo M.P. Pogodina [Preliminary critical researches of Gustav Ewers for the Russian history / the Translation from German M.P. Pogodin], Moscow, 1825 [in Russian].

Grot 2012 — *Grot L.P.* O Roslagene na dne morskom i o varyagah ne iz Skandinavii [About Roslagen at the bottom sea and about Varangians not from Scandinavia], in: Slovo o Lomonosove / Izgnanie normannov iz russkoj istorii. Vyp. 3 [The word about Lomonosov / Exile of Normans from the Russian history. Release 3], Moscow, 2012 [in Russian].

Grot 2012a — *Grot L.P.* Rannie formy politicheskoj organizacii v istorii skandinavskih stran v osveshchenii shvedskoj istoriografii [Early forms of the political organization in the history of the Scandinavian countries according to the Swedish historiography], in: Rannie formy politicheskih sistem [Early forms of political systems], St. Petersburg, 2012 [in Russian].

Klejn 2009 — *Klejn L.S.* Spor o varyagah [Dispute on Varangians], St. Petersburg, 2009 [in Russian].

Klejn 2014 — *Klejn L.S.* Eshchyo odin skaz o lekhitskih varyagah. Prodolzhenie spora [One more narration about lekhitsky Varangians. Continuation of a dispute], in: Stratum plus, 2014, № 5 [in Russian].

Konstantin Bagryanorodnyj 1989 — *Konstantin Bagryanorodnyj.* Ob upravlenii imperiej [On the Governance of the Empire], Moscow, 1989 [in Russian].

Lev Diakon 1988 — *Lev Diakon.* Istoriya / Perevod M.M. Kopylenko [History / Translation M.M. Kopylenko], Moscow, 1988 [in Russian].

Litvina, Uspenskij 2006 — *Litvina A.F., Uspenskij F.B.* Vybor imeni u russkih knyazej v X–XVI vv. [The choice of a name at the Russian princes in the 10–16th centuries], Moscow, 2006 [in Russian].

Mel'nikova 2000 — *Mel'nikova E.A.* Ryurik, Sineus i Truvor v drevnerusskoj istoriograficheskoj tradicii [Rurik, Sineus and Truvor in Old Russian historiographic tradition], in: Drevnejshie gosudarstva Vostochnoj Evropy. 1998 [The most ancient states of Eastern Europe. 1998], Moscow, 2000 [in Russian].

Mel'nikova, Petruhin 2011 — *Mel'nikova E.A., Petruhin V.Ya.* Nazvanie "Rus'" v etnokul'turnoj istorii Drevnerusskogo gosudarstva [The name "Russia" in ethnocultural history of the Old Russian state], in: Mel'nikova E.A. Drevnyaya Rus' i Skandinaviya. Izbrannye trudy [Melnikova E.A. Ancient Russia and Scandinavia. Chosen works], Moscow, 2011 [in Russian].

Petrej 1867 — *Petrej P.* Istoriya o Velikom knyazhestve Moskovskom [Story about the Grand duchy Moscow], Moscow, 1867 [in Russian].

Schramm 1980 — *Schramm G.* Die erste Generation der altrussischen Fürstendynastie. Philologische Argumente für die Historizität von Rjurik und seinen Brüdern [First generation of an Old Russian princely dynasty. Philological arguments for historicity of Rurik and his brothers], in: Jahrbücher für Geschichte Osteuropas [Year-book of history of Eastern Europe], Stuttgart, 1980 [in German].

Vovina-Lebedeva 2011 — *Vovina-Lebedeva V.G.* Istoriya Drevnej Rusi. Uchebnik dlya studentov uchrezhdenij vysshego professional'nogo obrazovaniya [History of Ancient Russia. The textbook for students of institutions of higher professional education], Moscow, 2011 [in Russian].

Чистяков Николай Дмитриевич — независимый исследователь,
член Союза журналистов России (Московская область, с. Пышлицы).
Nikolay Chistyakov — Independent researcher, member of the
Union of journalists of Russia (Moscow region, village of Pyshlitsy).
E-mail: kollega49@rambler.ru

ПРАВИЛА ПУБЛИКАЦИИ В ЖУРНАЛЕ

В соответствии с требованиями ВАК и наукометрических баз данных РИНЦ и Scopus, в международном научном журнале «Исторический формат» вводятся следующие правила публикации.

Журнал публикует оригинальные статьи с результатами научных исследований на русском, английском, французском и немецком языках, относящиеся к исторической тематике, а также сообщения о проводимых под эгидой или при участии журнала научных мероприятиях. Редакция не вступает с авторами в содержательное обсуждение статей, переписку по методике написания и оформления научных статей и не занимается доведением статей до необходимого научно-методического уровня. Плата за публикацию в международном научном журнале «Исторический формат» не взимается. Авторский гонорар не выплачивается, не оплачивается рецензирование статей. Для обеспечения широкого доступа материалы журнала размещаются в Интернете: на сайте журнала, в научной электронной библиотеке «КиберЛенинка», в наукометрической базе данных РИНЦ и т.д.

Авторы статей, принятых к публикации высылают на электронный адрес редакции скан-копию бланка согласия, в котором дают разрешение на редактирование статьи, включение ее в электронные базы данных, а также на безвозмездную передачу указанных прав третьим лицам, при условии соблюдения их неимущественных авторских прав, извлечение из статьи и использование на безвозмездной основе метаданных (название, имя автора/правообладателя, аннотации, библиографические материалы и пр.) с целью включения в базы данных РИНЦ и Scopus, и подтверждение, что материал ранее не был опубликован и не находится на рассмотрении и/или не принят к публикации в каком-либо ином издании. Бланк согласия должен быть подписан автором и заверен в организации, в которой он работает или обучается.

В случае несоблюдения каких-либо требований редакция оставляет за собой право не рассматривать поступившие статьи. Журнал не публикует авторские материалы, ранее напечатанные в других изданиях; материалы, не соответствующие тематике журнала; статьи, не содержащие новой информации либо содержащие фактологические, исторические или иные ошибки, которые не могут быть исправлены; статьи, содержащие утверждения и гипотезы, прямо противоречащие установленным научным фактам; литературно-художественные и публицистические

произведения любого содержания, в том числе и на научную тему; любую информацию и объявления, не имеющие непосредственного отношения к научной деятельности; материалы, содержащие сведения, которые составляют государственную либо коммерческую тайну; материалы, содержащие оскорбления, клевету либо заведомо ложные сведения в отношении граждан и организаций.

Порядок сдачи материала:

Статья оформляется в соответствии с требованиями к оформлению материалов и высылается вместе со скан-копией заверенного бланка согласия на электронный адрес редакции: mail@histformat.com

Файлы должны быть поименованы по фамилии автора в латинской графике (например, IvanovStatya, IvanovBlank). Рукописи принимаются к рассмотрению непрерывно в течение года. Материал не должен превышать 1 п.л. (40 тыс. знаков с пробелами, включая рисунки, таблицы, список литературы и прочие компоненты статьи), сообщения — 0,5 п.л., рецензии — 0,2 п.л.

Статьи, поступившие в редакцию, подлежат внутреннему и внешнему рецензированию. Внутреннее рецензирование осуществляется редколлегией. Внешнее рецензирование научных материалов обеспечивается автором предоставленного материала и осуществляется специалистом соответствующего профиля, имеющим ученую степень доктора или кандидата наук. В случае несоблюдения каких-либо требований редакция оставляет за собой право не рассматривать такие статьи.

Требования к оформлению материалов:

Редколлегия журнала «Исторический формат» принимает только материалы, присланные файлом, прикрепленным к электронному письму (формат Word, файл с расширением .doc ., docx ., rtf). Статья должна быть оформлена строго в соответствии общими требованиями к оформлению научных публикаций и тщательно вычитана.

Рукописи, направляемые в журнал, должны содержать следующие разделы:

1. Индекс по Универсальной десятичной классификации (УДК).

2Название статьи, ФИО автора(ов), сведения об авторе, адресные данные (полное юридическое название организации, адрес организации, адрес электронной почты всех или одного автора), авторское резюме и ключевые слова на русском языке, адрес электронной почты. Объем аннотации должен включать от 100 до 250 слов. Ключевых слов и словосочетаний должно быть не более 10.

3. Те же данные, указанные на английском языке, в той же последовательности, что в п. 2. Авторское резюме на английском языке (Abstract) может отличаться от русского аналога, но обязательно должно быть максимально подробным, чтобы выполнять функцию независимого от статьи источника

информации. Информация резюме на английском должна быть понятна и интересна англоязычному читателю, который мог бы без обращения к полному тексту получить наиболее полное представление о тематике и уровне исследования.

4. Полный текст статьи, оформленный в соответствии с действующими требованиями журнала, примечания, список использованной литературы (название «Литература»), список литературы в романском алфавите (название “References”).

Параметры оформления статьи: выравнивание — по ширине листа; первая строка — отступ 1,25; межстрочный интервал — одинарный; шрифт — Times New Roman; размер — 14; без автоматической расстановки переносов.

Иллюстрации (фотографии, рисунки, таблицы, графики, диаграммы и т.п.) должны иметь сквозную нумерацию согласно их положению в тексте и дополнительно прилагаться в виде отдельных файлов. Иллюстрации предоставляются в форматах tif или jpeg (разрешением не менее 300 dpi).

При оформлении статьи используется «гарвардский стиль» — оформление библиографии, когда список литературы выстроен в алфавитном порядке, а отсылка в тексте оформляется через фамилию автора (или фамилия первого автора, если авторов несколько), год издания и по необходимости номер страницы.

5. Список литературы с последующей английской транслитерацией. Автоматизировать процесс транслитерации можно, воспользовавшись программным обеспечением, которое доступно по адресу http://translit.ru (в раскрывающемся списке «Варианты» выбирать BGN). После автоматического транслитерирования необходимо вручную проверить правильность полученного результата и внести необходимые коррективы. Транслитерированные ссылки должны содержать только значащие для аналитической обработки элементы (ФИО авторов, название первоисточника, выходные данные). В списке литературы названия работ на языках, использующих нелатинизированные алфавиты, должны быть переведены на английский и заключены в квадратные скобки; названия источников должны быть транслитерированы, в конце следует указать язык оригинала в квадратных скобках. В случае цитирования книги название издательства (если это название учреждения) должно быть переведено на английский язык, во всех остальных случаях — транслитерировано, место издания — переведено.

Примером оформления публикации может служить любая статья в последнем опубликованном номере журнала. Просим авторов обратить на это внимание и следовать принятым правилам оформления материалов.

международный научный журнал

ИСТОРИЧЕСКИЙ ФОРМАТ

2018, № 3-4

* * *

ЭЛЕКТРОННОЕ ПЕРИОДИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ

Дата выхода номера: 20.10.2019
Формат 210х297
Электронный файл PDF
Гарнитура «Palatino Linotype»

Издатель: Редакция журнала «Исторический формат»

* * *

Редакция может не разделять точку зрения авторов статей, не вступает с авторами в содержательное обсуждение статей, переписку по методике написания и оформления научных статей и не занимается доведением статей до необходимого научно-методического уровня. Ответственность за содержание публикуемых материалов несет автор.

При любом использовании материалов ссылка на журнал обязательна.

Email редакции: mail@histformat.com
Официальный сайт: http://histformat.com/

ISSN 2411-9415